

История реформации (том 2 из 2)

Томас М. Линдси

A History of the Reformation (Vol. 2 of 2)

Thomas M. Lindsay

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации (том 2 из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации (Том 2 из 2)

Автор: Томас М. Линдси

Дата выхода: 18 сентября 2012 г. [Электронная книга № 40798]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Мэрилинд Фрейзер-Канлифф и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ" (ТОМ 2 ИЗ 2) ***

Международная теологическая библиотека

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ЧАРЛЬЗА А. БРИГГСА, доктора медицинских наук,

Профессор Теологической энциклопедии и символики, Объединенная теологическая семинария, Нью-Йорк; И покойный СТЮАРТ Д. Ф. САЛМОНД, доктор философии, директор и профессор систематического богословия и толкования Нового Завета, Колледж Объединенной свободной церкви, Абердин.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ.

ТОМАС М. ЛИНДСИ,
доктор философии, LL.D.

В ДВУХ ТОМАХ—ТОМ II.

Международная теологическая библиотека

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ

АВТОР: ТОМАС М. ЛИНДСЕЙ, доктор философии,
ДИРЕКТОР
КОЛЛЕДЖА ОБЪЕДИНЕННОЙ СВОБОДНОЙ ЦЕРКВИ, ГЛАЗГО, США, США.

В ДВУХ ТОМАХ

Том II

*РЕФОРМАЦИЯ В ШВЕЙЦАРИИ, ФРАНЦИИ,
НИДЕРЛАНДАХ, ШОТЛАНДИИ И АНГЛИИ
АНАБАПТИСТСКОЕ И СОЦИНИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЯ
КОНТРРЕФОРМАЦИЯ*

С КАРТОЙ РЕФОРМАЦИИ И КОНТРРЕФОРМАЦИИ (1520-1580).

ЭДИНБУРГ
T. & T. CLARK, Джордж-СТРИТ, 38,
1907

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этой книге я попытался выполнить обещание, данное в предыдущей, описать реформатские церкви, анабаптистское и социнианское движения и Контрреформацию в шестнадцатом веке.

Он был основан на тщательном изучении современных источников информации, и не было зафиксировано ни одного важного факта, для которого не было бы современных свидетельств. Была в полной мере использована работа, проделанная предшественниками в той же области. Источники и более поздние книги, к которым обращались, были названы в начале каждой главы; но особую ссылку следует сделать на труды профессора Полларда о правлении Генриха VIII. и Эдуарда VI., и для тех, мм. Лемонье и Mariéjol для истории протестантизма во Франции. И использованные источники по большей части напечатаны в Календарях государственных документов, выпущенных различными правительствами Европы, или в переписке выдающихся мужчин и женщин шестнадцатого века, отредактированной и опубликованной для исторических и археологических обществ; но Календарь государственных документов, внутренний, относящийся к правлению Эдуарда VI, Марии и Елизаветы, представляет собой не более чем краткий отчет о содержании документов и должен быть дополнен ссылкой на оригиналы документов, хранящихся в Архиве.

Область, охватываемая в этом томе, настолько обширна, что отчеты о подъеме и прогрессе Реформации в различных включенных странах пришлось очень сжать. Я намеренно уделил больше места началу каждой части, полагая, что они менее известны и более заслуживают

изучения. Следует отметить одно упущение. Ничего не было сказано прямо о реформатских церквях в Богемии, Венгрии и соседних землях. Было бы легко посвятить этому вопросу несколько страниц, но такое краткое описание ввело бы в заблуждение. Расцвет, продолжение существования и упадок этих Церквей настолько неразрывно связаны с особыми социальными и политическими условиями стран, что невозможно дать о них адекватный или информативный отчет, не выйдя в значительной степени за пределы пространства, имеющегося в моем распоряжении.

После того, как том был полностью напечатан, и добавление или изменение стало невозможным, два важных документа, касающихся обсуждаемых тем, попали в мои руки слишком поздно, чтобы на них можно было сослаться в тексте.

Я обнаружил, что в библиотеке Технического колледжа в Глазго хранится копия, вероятно, уникальная, знаменитого сборника гимнов *братьев*, изданного в Ульме в 1538 году. It is entitled: *Ein hubsch neu Gesangbuch darinnen begrieffen die Kirchenordnung und Geseng die zür Lants Kron und Fulneck in Behem, von der Christlichen Bruderschaft den Piccarden, die bishero für Unchristen und Ketzer gehalten, gebraucht und teglich Gutt zum Ehren gesungen werden.* Gedruckt zu Ulm bey Hans Varnier. An. MDXXXVIII. Я знаю о копии гораздо более поздней даты в Нюрнберге; но нет точной копии этого раннего оттиска. Достаточно сказать, что книга подтверждает то, что я сказал о характере религии *Братьев*.

Затем, в декабре 1906 года, сеньор Энрикес опубликовал в Лиссабоне подлинные протоколы судебного процесса над Джорджем Бьюкененом и двумя коллегами-профессорами колледжа Коимбры перед инквизицией. Эти записи показывают, что судебное преследование не было спровоцировано иезуитами, как обычно предполагалось, а произошло по злому умыслу бывшего директора Колледжа. Следовательно, заявление, сделанное на стр. 556, должно быть исправлено.

По доброте издателей мы предоставили историческую карту, которая, я надеюсь, окажется полезной. Я думаю, что это впервые дает представление о широких масштабах анабаптистского движения. Красными полосами обозначены районы, где современные документы подтверждают существование анабаптистских общин. Потребовалось бы по крайней мере четыре карты, представляющие последовательные периоды, чтобы с точностью показать меняющиеся границы различных конфессий: одна карта может дать только общие результаты.

Я еще раз благодарю моего коллегу, доктора Денни, и еще одного друга за заботу, которую они проявили при пересмотре корректурных листов, и за множество ценных предложений.

ТОМАС М. ЛИНДСИ.

Январь 1907 года.

Содержание

КНИГА III.

РЕФОРМАТСКИЕ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА I.

Введение.

	СТРАНИЦА
§ 1. Ограничения Аугсбургского мирного соглашения	1
§ 2. Реформация за пределами Германии	5
§ 3. Реформатский тип доктрины	6
§ 4. Реформированный идеал церковного правления	7
§ 5. Влияние гуманизма на реформатские церкви	9
§ 6. Чем Реформатские церкви были обязаны Лютеру	13
§ 7. Национальные особенности, как они повлияли на Реформацию	18

ГЛАВА II.

Реформация в Швейцарии при Цвингли.

§ 1. Политическое положение Швейцарии	21
§ 2. Юность и образование Цвингли	24
§ 3. Цвингли в Гларусе и Айнзидельне	27

§ 4.	Цвингли в Цюрихе	29
§ 5.	Публичные диспуты	33
§ 6.	Реформация за пределами Цюриха	38
	В Базеле — Эколампадиус и Уильям Фарел	38
	В Берне — <i>Десять тезисов</i>	40
	В Аппенцелле и других кантонах	46
	<i>Христианская гражданская лига</i> (протестантская). <i>Христианский союз</i> (романистический)	48
§ 7.	Спор о сакраментах	52

ГЛАВА III.

Реформация в Женеве при Кальвине.

§ 1.	Женева	61
§ 2.	Реформация в Западной Швейцарии	66
	Фарель и его группа евангелистов	71
§ 3.	Фарель в Женеве	74
	Берн, Фрайбург и Женева	77
	Публичный диспут и <i>Евангелические тезисы</i>	85
§ 4.	Кальвин: Молодежь и образование	92

<i>Христианский религиозный институт</i>	99
§ 5. Кальвин с Фарелем в Женеве	102
<i>Статьи о церковном режиме—Дисциплина в Церкви</i>	105
Богословы Восточной Швейцарии и отлучение от церкви	110
Кальвин и Фарель изгнаны из Женевы	120
Calvin recalled to Geneva— <i>Les ordonnances ecclésiastiques de l'Église de Genève</i>	128
Что Кальвин сделал для Женевы	131

ГЛАВА IV.

Реформация во Франции.

§ 1. Маргарита д'Ангулем и “группа Мо”	136
§ 2. Попытки подавления движения за реформы	144
§ 3. Изменение характера движения за реформы	151
§ 4. Кальвин и его влияние во Франции	153
§ 5. Гонения при Генрихе II.	161
§ 6. Организация французской протестантской церкви	164
§ 7. Реакция против преследований	169

§ 8.	Высшая аристократия победила во время Реформации во Франции	171
§ 9.	Францией правят гизы	173
§ 10.	Екатерина Медичи становится регентшей	178
§ 11.	В Конференция в Пуасси	186
§ 12.	Резня в Васси	189
§ 13.	Начало религиозных войн	191
§ 14.	Резня Святого Варфоломея	198
§ 15.	Соппротивление гугенотов после резни	200
§ 16.	„Начало Лиги	205
§ 17.	Лига становится нелояльной	207
§ 18.	День баррикад	211
§ 19.	Король находит убежище у гугенотов	214
§ 20.	Декларация Генриха IV.	217
§ 21.	Генрих IV. становится римско-католиком	219

§ 22. Нантский эдикт	221
----------------------	-----

ГЛАВА V.

Реформация в Нидерландах.

§ 1. Политическая ситуация	224
§ 2. Начало реформации	228
§ 3. Анабаптисты в Нидерландах	234
§ 4. Филипп Испанский и нидерландский	240
§ 5. Вильгельм Оранский	254

ГЛАВА VI.

Реформация в Шотландии.

Подготовка к Реформации	274
Лолларди в Шотландии	276
Лютеранские сочинения в Шотландии	279
Начало реформации	282
Джордж Уишарт	284

Джон Нокс, ранние работы в Шотландии	285
Нокс в Англии, Швейцарии и во Франкфурте	286
“Конгрегация”	289
Окончательное возвращение Нокса в Шотландию	293
Нокс и Сесил. Английский союз	294
<i>Шотландское исповедание веры</i>	302
<i>Первая книга дисциплины, или Политика и дисциплина Церкви. Книга общего порядка</i>	304
Возвращение королевы Марии в Шотландию	309

КНИГА IV.

РЕФОРМАЦИЯ В Англии.

ГЛАВА I.

Церковь Генриха viii.

Влияние в Англии, способствующее Реформации. Лоллардий, Ненависть к духовенству, Гуманизм, Лютер	315
Брак Генриха и Екатерины Арагонской и сомнения в его действительности	322
Восстание Англии против римской юрисдикции	325
<i>The Десять статей и предписания</i>	333
<i>Книга епископов и ее учение</i>	336

<i>Английская Библия</i>	337
Предполагаемый союз с немецкими протестантами	
340	

.	
Посещение и роспуск монастырей	343

<i>The Шесть статей и Королевская книга</i>	347
---	-----

ГЛАВА II.

Реформация при Эдуарде vi.

<i>На предписания и статьи по расследованию</i>	351
---	-----

условие английского духовенства	353
---------------------------------	-----

<i>первый молитвенник короля Эдуарда VI.</i>	356
--	-----

континентальных реформаторов в Англии	358
---------------------------------------	-----

<i>второй молитвенник короля Эдуарда VI.</i>	361
--	-----

зачатки споры о облачения	364
---------------------------	-----

Глава III.

Реакция при Мэри.

Начало правления королевы Марии	368
---------------------------------	-----

Восстановление Англии в повиновении папе	371
--	-----

The Судебные предписания и Посещение	374
Возрождение законов о ереси и гонения на нее	375
Мученическая смерть Кранмера	378

ГЛАВА IV.

В

Поселение при Елизавете Петровне.

Элизабет решает стать протестанткой. Политическая ситуация	385
The Акт о превосходстве и Закон о единообразии	390
Елизаветинский молитвенник	396
The Закон о единообразии и Рубрика об украшениях	402
Отношения с непокорными священнослужителями	408
Тридцать девять статей	411
Как регулировалась дисциплина	417
Характер елизаветинского поселения	418

КНИГА V.

АНАБАПТИЗМ И СОЦИИАНСТВО.

ГЛАВА I.

Возрождение средневековых антицерковных движений.

Средневековые нонконформисты 421

Антитринитаристы 424

ГЛАВА II.

Анабаптизм.

Средневековые корни анабаптизма 430

Организация анабаптистов 434

Разновидности учения анабаптистов 437

Анабаптисты возражают против государственной церкви 442

Анабаптисты в Швейцарии. Их преследование 445

Анабаптистская гимнология 449

Царство Божье в Мюнстере 451

Бернхард Ротманн и его работа в Мюнстере 452

Dutch Anabaptists in Münster 459

Polygamy in Münster 463

CHAPTER III.

Социнианство.

Лелио и Фаусто Соццини	470
Социнианство возникло из критики доктрин	473
Социнианство и скотопелагианское богословие	474
Учения о Боге, Работе Христа и Церкви	477

КНИГА VI.

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ.

ГЛАВА I.

Необходимость какой-либо Реформации общепризнанна.

Разнообразные жалобы на средневековую церковь

484

Образование поместных церквей

487

ГЛАВА II.

Испанская концепция реформации.

§ 1.

Религиозное состояние Испании

488

§ 2.

Реформация при Хименесе

490

§ 3.

Испанцы и Лютер

493

§ 4.

Папа Адриан VI. и Испанская реформация

496

ГЛАВА III.

Итальянские либеральные католики и их концепция реформации.

§ 1.

Религиозное состояние Италии

501

§ 2.

Итальянские Римско - католические реформаторы

504

§ 3.

Кардиналы Контарини и Караффа

513

§ 4.

Конференция в Регенсбурге

519

ГЛАВА IV.

Игнатий Лойола и Общество Иисуса.

§ 1.

В Манресе

525

§ 2.

Игнатий в Париже. Церковная ситуация в Париже

533

§ 3.

Духовные Упражнения

538

§ 4.

Игнатий в Италии

545

§ 5.

Общество Иисуса

549

ГЛАВА V.

Тридентский собор.

§ 1.

Созыв Совета

[564](#)

§ 2.

Процедура в Совете

[568](#)

§ 3.

Повторное изложение доктрин

[570](#)

Учение о правиле веры

[572](#)

Первородный грех и оправдание

[575](#)

§ 4.

Второе заседание Совета

[581](#)

§ 5.

Третье заседание Совета

587

Положение папы римского укрепилось

593

ГЛАВА VI.

Инквизиция и Индекс.

§ 1.

Инквизиция в Испании

597

§ 2.

Инквизиция в Италии

600

§ 3.

Указатель запрещенных книг

602

§ 4.

Общество Иисуса и Контрреформация

606

КНИГА III.

РЕФОРМАТСКИЕ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА I.

Введение.

§ 1. Ограничения Аугсбургского мира.

Религиозный мир в Аугсбурге (1555) обеспечил юридическое признание Реформации в Священной Римской империи и, следовательно, в рамках Европейского государственного устройства. Отныне государства, заявившие устами своих ответственных правителей, что они намерены жить в соответствии с религией, описанной в *Аугсбургском исповедании*, были приняты в сообщество наций, и папа был юридически и практически лишен права отлучать их от церкви, накладывать на них *интердикт* и приглашать послушных соседних властителей завоевывать и лишать собственности своих суверенов. Епископ Рима больше не мог, согласно признанному обычаю Священной Римской империи, запускать Буллу против лютеранского князя и ожидать приведения ее в исполнение, как в прежние времена. Папы, естественно, не сразу поняли это, и им пришлось не раз напоминать об изменившемся положении вещей. [1]

Конечно, могущественные римские власти, гражданские и церковные, никогда не считали это урегулирование прочным. Они тайно интриговали между собой и открыто боролись против него. Последней решительной попыткой свергнуть его был тот отвратительный кошмар, который известен под названием Тридцатилетней войны, вызванный главным образом решимостью иезуитов, что с помощью Бога и дьявола, ибо это, как заметил Карлейль, было особенностью плана, вся Германия должна быть возвращена к послушанию Святой Мачехе Церкви и к подчинению Верховному Главенству Священной Римской империи — Верховному Главенству, становящемуся с годами все более и более призрачным. Однако урегулирование продолжалось и в общих чертах сохраняется до настоящего времени.

Но Религиозный мир в Аугсбурге не положил конец восстанию против Рима, которое кипело во всех странах Западной Европы. В нем не предусматривалось никаких мер для множества верующих *Аугсбургского исповедания*, чьи князья, по соображениям совести или мирской политики, оставались верны Риму, за исключением того, что им должно было быть разрешено эмигрировать на территории, где правители были той же веры, что и у них. Этих лютеран можно было найти во всех частях Германии, и их было очень много в Австрийском герцогстве. Заявление Фабера, епископа Вены, о том, что единственными добрыми католиками в этом городе были он сам и эрцгерцог Фердинанд, было, конечно, риторическим; но это доказательство многочисленности последователей Лютера. [2]

Оно безвозвратно приковало к латинскому вероучению пунктом, называемым *церковной оговоркой*, не только народ, но и правителей многочисленных церковных княжеств, разбросанных по всей Германии. Это положение гарантировало, что если церковный князь примет лютеранскую веру, он должен быть лишен своего княжества. Вполне вероятно, что это

положение больше, чем что-либо другое, обеспечило романистам то положение, которое они сейчас занимают в Германии. Отчасти это было вызвано тревогой, вызванной тем фактом, что Альберт Бранденбургский, магистр тевтонских рыцарей, секуляризировал свою землю в Восточной Пруссии и стал лютеранином, а также тем, что провинция Кельн едва избежала того, чтобы последовать тем же путем под руководством своего архиепископа-реформатора Германа фон Вида.

Аугсбургский мирный договор не предусматривал никаких условий для протестантов, кроме тех, кто принял Аугсбургское исповедание; и тысячи людей в Пфальце и по всей Южной Германии предпочли другой тип протестантской веры. Вполне вероятно, что, проживи Лютер на десять или пятнадцать лет дольше, огромное разделение между реформатской, или кальвинистской, и Евангелической, или лютеранской церквями было бы преодолено; но после его смерти его преемники, намеревавшиеся сохранить, как они выражались, запас истины, оставленный Лютером, фактически подвергли Меланхтона ostracism за его попытку залечить брешь. Следствием этого стало то, что лютеранская церковь в Германии после 1555 года уступила большие районы Реформатской церкви.

При курфюрсте Фридрихе III по прозвищу Благочестивый территориальная церковь Пфальца отделилась от круга лютеранских церквей, и в 1563 году был опубликован Гейдельбергский катехизис. Эта знаменитая доктринальная формула сразу же стала и осталась отличительным кредо различных ветвей Реформатской церкви в Германии; и ее влияние распространилось еще дальше.

Бремен последовал примеру Пфальца в 1568 году. Его богословы опубликовали доктринальную декларацию в 1572 году и более пространный *Bremenensis Consensus* в 1595 году. Ангальт при своем правителе Джоне Георге (1587-1603) покончил с консисториальной системой церковного управления и отказался от использования Катехизиса Лютера. Гессен-Кассель присоединился к кругу немецких реформатских церквей в 1605 году. Этим примерам последовали во многих небольших княжествах, большинство из которых, подражая всем реформатским церквям, опубликовали отдельные и отличительные исповедания веры, которые, тем не менее, должны были содержать сумму и суть общего реформатского вероучения. [3]

Эти немецкие княжества, правители и жители, намеренно поставили себя вне сферы защиты Религиозного мира Аугсбурга. Фундаментальные принципы их веры не сильно отличались от лютеранских, но они были достаточно важны, чтобы заставить их отказаться от защиты, которую предоставлял международный договор. Оставляя в стороне незначительные различия и настроения, возможно, более сильные, чем доктрины, их отделение от соседних протестантов было основано на их несогласии с доктриной *Повсеместности*, существенной для лютеранской теории таинства Вечери, и с консисториальной системой церковного управления. Они отвергали две части лютеранской системы, которые якобы произошли от средневековой Церкви, и настаивали на том, чтобы основывать свое изложение доктрины и свою схему церковного управления более непосредственно на Слове Божьем. Они соприкоснулись с другим движением реформации, признали его более твердые принципы и были настолько очарованы ими, что почувствовали себя вынужденными покинуть лютеранскую церковь ради реформатской.

Все еще ограничиваясь Германией, следует отметить, что Аугсбургское исповедание демонстративно и снова и снова отделяло тех, кто его принял, от протестующих против

средневековой церкви, которых называли анабаптистами. В нем отвергались взгляды, которых, как предполагалось, они придерживались на крещение, Священное Писание, возможность безгрешной совершенной жизни и отношение христиан к магистратуре. В некоторых из перемирий, заключенных между императором и евангелическими князьями, — перемирий, которые предвосхитили религиозный мир в Аугсбурге, - предпринимались попытки побудить лютеран и румын объединиться для подавления этих сектантов. Излишне говорить, что *они* не были включены в состав поселения в 1555 году. Тем не менее, они распространились по всей Германии, постоянно подвергались кровавым гонениям, и от них произошли крупные и влиятельные баптистские церкви в Европе и Америке. От начала и до конца они были вне лютеранской реформации.

§ 2. Реформация за пределами Германии.

Когда мы выходим за пределы Германии и рассматриваем другие страны Западной Европы, становится совершенно очевидно, что история лютеранского движения от его зарождения до успешного завершения в Религиозном мире Аугсбурга - лишь малая часть истории Реформации. Франция, Великобритания, Нидерланды, Богемия, Венгрия, даже Италия, Испания и Польша были охвачены религиозным возрождением шестнадцатого века, и его проявления на этих землях во многих отношениях отличались от того, что принадлежало Германии. Все они разделяли с Германией общий опыт, интеллектуальный и религиозный, политический и экономический, того переходного периода, который называется Возрождением в более широком смысле этого слова — переходом от средневековья к современной жизни. [4] Все они пришли к тому, что пути их разошлись. Все они вышли из средневековья, и все видели более широкий кругозор, который был наследием того времени. Все испытывали одинаковое желание стряхнуть с себя налет клерикализма, который тяжело давил на их национальную жизнь, будь то религиозную или политическую. Каждая страна шла вперед, следуя своим собственным путем, обозначенным для нее ее прошлой историей, интеллектуальной, религиозной и гражданской. Движения в этих различных странах к более свободной и более реальной религиозной жизни не могут быть описаны в одних и тех же общих чертах; но, за исключением Италии и Испании, их попытки национальной реформации имели одну общую черту, которая определенно отделяла их от лютеранского движения.

§ 3. Реформатский тип доктрины.

Если принять во внимание тип доктрины, исповедуемой протестантами в этих странах (по общему признанию, частичный, односторонний и несовершенный стандарт), то можно сказать, что все они отказались принять некоторые отличительные догматические выводы лютеранства и что все они в большей степени отошли от некоторых концепций Средневековой Церкви. Их национальные конфессии в их окончательных формах заимствованы скорее из Цюриха и Женевы, чем из Виттенберга, и все они принадлежат к реформатскому течению, в отличие от лютеранского или евангелического круга вероучений. [5] Возможно, было естественно, что различия в ритуале и теории Святой Вечери, самой вершине и венца христианского публичного богослужения, были для обычного глаза видимым расколом между соперничающими формами христианства. На ранних этапах движения Реформации большое популярное различие между романистами и протестантами заключалось в том, что одни отказывались, а другие допускали мирян к Причастию; а позже, в рамках ортодоксального протестантизма, мысль о

повсеместности была разделительной линией. Лютеране утверждали, а реформаты отрицали или игнорировали это учение; и эти конфессии придерживались реформатской точки зрения.

§ 4. Реформированный идеал церковного правления.

Это сходство опубликованного символа веры было единственной *положительной* связью, которая объединила все эти Церкви; но также можно сказать, что все они, за сомнительным исключением Англиканской Церкви, [6] не имеют ничего общего с консисторской системой лютеранских церквей, и что большинство из них, по крайней мере теоретически, принимают концепцию церковного права Кальвина. правительство. Они стремились уйти от средневековых идей церковного правления и вернуться к принципам, которые, как они верили, были изложены для них в Новом Завете, проиллюстрированном поведением Церкви первых веков.

Церковь, согласно Кальвину, была теократической демократией, и высший источник власти заключался в членстве в христианской общине, вдохновленной Присутствием Христа, обещанным всему Его народу. Но в шестнадцатом веке эта концепция столкнулась с опасениями, что она может привести к возвращению под клерикальную опеку средневековой церкви, от которой они только что сбежали, и в значительной степени ограничилась на практике. Пресвитер мог стать полноправным священником; и лидеры Реформации во многих странах могли видеть, как это сделали Цвингли в Цюрихе и Кранмер в Англии, что гражданские власти вполне могут представлять христианскую демократию. Даже Кальвину в Женеве пришлось довольствоваться церковными постановлениями, которые оставляли Церковь полностью под контролем *почетных сеньоров, синдиков и совета Женевы*; а Шотландской церкви в 1572 году пришлось признать, что король был “Верховным правителем этого королевства как в мирских делах, так и в сохранении и очищении религии”. Нации и княжества Западной Европы, принявшие и поддерживавшие Реформацию, считали, что в прошлом прямо или косвенно возникали многочисленные злоупотребления из-за освобождения Церкви и ее владений от светского контроля, и они были полны решимости не допустить возможности возврата к такому положению вещей. Наука эпохи Возрождения открыла подлинный текст древнеримского гражданского кодекса, и одной из особенностей того переходного времени — возможно, его самой важной и далеко идущей особенностью, поскольку право проникает во всеотношения человеческой жизни, — была замена гражданского права, основанного на Кодексах Юстиниана и Феодосия, каноническим правом, основанным на Декрете Грациана. Эти старые римские кодексы научили юристов и государственных деятелей шестнадцатого века смотреть на Церковь как на подразделение государства; и мысль о том, что христианская община живет своей собственной независимой жизнью и что ее руководство и дисциплина должны находиться в руках должностных лиц, избираемых ее членами, повсеместно встречала противодействие, изменялась, в значительной степени ниспровергалась властными претензиями гражданских юристов. Церковные лидеры Реформатских Церквей могли сколько угодно стремиться провести грань между имуществом Церкви, которое они охотно отдавали под контроль гражданского права, и ее дисциплиной в вопросах веры и морали, которые они объявляли неотъемлемым достоянием Церкви; но, как правило, государство отказывалось замечать различие и настаивало на сохранении полного контроля над церковной юрисдикцией. Таким образом, в каждой стране, где светские власти благосклонно относились к Реформации, Церковь становилась более или менее подчиненной государству; и это привело к появлению большого разнообразия церковных организаций в общинах, все из которых принадлежали Реформированной церкви. Хотя можно совершенно справедливо сказать, что церковным

идеалом в умах лидеров большинства реформатских церквей было восстановление теократической демократии первых веков, и что это было сильным контрастом между ними и Лютером, который настаивал на том, что *jus episcopale* принадлежит гражданскому судье, на практике светские власти Швейцарии, Нидерландов, Пфальца и т.д. Почти так же крепко держали реформатские национальные церкви, как это делали лютеранские князья и муниципалитеты. Только в одной стране, Франции, церковный идеал Кальвина имел полную свободу воплотиться в конституции, и это только потому, что французская реформатская церковь боролась за существование при гражданском правлении романистического государства и, подобно христианской церкви первых веков, сохраняла себя, несмотря на противодействие преследовавших ее светских властей.

§ 5. Влияние гуманизма на реформатские церкви.

Та часть Реформации, которая лежала за пределами Аугсбургского мира, имела еще одну характеристику, отличавшую ее от лютеранской реформации, включенной в договор, — она в гораздо большей степени была обязана гуманизму. Эразм и то, что он представлял, сыграли большую роль в его рождении и раннем развитии, и его влияние проявилось в самом непохожем окружении. Генрих VIII. и Цвингли, по-видимому, стоят на противоположных полюсах; однако английский автократ и швейцарский демократ были схожи в том, что они многим были обязаны Эразму и что реформации, которые они соответственно возглавляли, были в значительной степени продиктованы импульсом гуманизма. Стоит только сравнить *Книгу епископов* и *Книгу короля* периода Хенрики в Англии со многими заявлениями Эразма о том виде реформации, который он желал видеть, чтобы признать, что они должны были послужить реформации в жизни и нравственности, которая оставила бы нетронутой фундаментальную доктринальную систему средневековой Церкви и ее организацию в соответствии с принципами, изложенными великим гуманистом. Библия, апостольские, Никейские и Афанасианские символы веры, а также доктринальные решения первых четырех Вселенских соборов были признаны стандартами ортодоксии в *Десяти статьях*; а Схоластическое богословие, столь высмеянное Эразмом, презрительно игнорировалось. В сопроводительных *предписаниях* мало внимания уделялось паломничествам, реликвиям, индульгенциям и другим суевериям популярной религиозной жизни, к которым великий гуманист относился с сарказмом. Две книги, упомянутые выше, полны инструкций по ведению здоровой жизни. Вся программа реформации основана на принципах, заимствованных у Erasmus.

Цвингли с детства находился под влиянием гуманизма. Его юный интеллект питался шедеврами классической древности — Цицероном, Гомером и Пиндаром. Его любимым учителем был Томас Виттенбах, который был наполовину реформатором, наполовину чистым последователем Эразма. Ни один человек не оказал на него большего влияния, чем ученый голландец. Именно его руководство, а не пример Лютера, заставило его изучать Священные Писания и богословов ранней Церкви, таких как Ориген, Иероним и Златоуст. Влияние и пример Эразма видны даже в его попытках создать рациональную теорию Святой Вечери. Его реформация, особенно в ее начале, была гораздо более интеллектуальным, чем религиозным движением. Она была направлена на более ясное понимание Священного Писания, на очищение религиозной жизни народа от идолопоклонства и суеверий, а также на четко аргументированную схему интеллектуальной веры. Более глубокого религиозного импульса, который шаг за шагом вел Лютера по пути восстания против средневековой Церкви, не хватало Цвингли. Он мало чем был обязан Виттенбергу, но очень многим Роттердаму. Именно эта связь с Эразмом вызвала

симпатию между Цвингли и такими ранними голландскими реформаторами, как Кристофер Хоэн, и сделала швейцарского реформатора влиятельным лицом на ранних этапах реформации в Нидерландах.

Зарождение реформационного движения во Франции, Италии и Испании было еще более тесно связано с гуманизмом.

Если отбросить подготовку к реформации, которую можно найти в работах и учении средневековых евангелических неконформистов, таких как *Пикары*, то начало Реформации во Франции следует отнести к небольшой группе христианских гуманистов, окружавших Маргариту д'Ангулем и Брисонне, епископа Мо. Сама Маргарита и Жак Лефевр д'Эпль, настоящий лидер группы ученых и проповедников, нашли утешение в душевных терзаниях в христианском платонизме, которому посвятили себя столь многие гуманисты к северу и югу от Альп. Целью небольшого кружка энтузиастов была реформация Церкви и общества в соответствии с принципами, изложенными Эразмом. Они надеялись на реформу без “смятения”, на реформацию Церкви Церковью и внутри Церкви, вызванную изучением Священных Писаний, и особенно Посланий Святого Павла, путем отлучения отдельных христиан от мира, пока они оставались в обществе, и постепенного приобщения людей к просвещению, которое, несомненно, должно было принести Новое Обучение. Их мало заботило богословие, много - близость со Христом; мало - внешние изменения в институтах, много - личное благочестие. Их усилия не имели видимого эффекта, и их *взаимодействие* между упрямыми защитниками схоластики, с одной стороны, и более убежденными реформаторами, с другой, оказалось невозможным; но не следует забывать, что они многое сделали для подготовки Франции к реформационному движению, которое они действительно положили начало; как и то, что Уильям Фарель, предшественник самого Кальвина в Женеве, принадлежал к “группе Мо”.

Если гуманизм оказал влияние на “группу Мо”, которые были авангардом французской реформации, то не менее мощно он проявился в воспитании Кальвина, который в 1536 году бессознательно стал лидером движения. Он был одним из первых и самых восторженных студентов группы “королевских лекторов”, назначенных Франциском I. чтобы дать Франции преимущества Нового Образования. У него были близкие личные отношения с Буде и Копом, которые были связаны с “группой Мо” и были лидерами среди гуманистов университета. Его самая ранняя книга, Комментарий к “О Клеменции” Сенеки, показывает, насколько широкими и подробными были его знания греческих и латинских классических авторов. Как и Эразм, он, по-видимому, не испытал большого влияния мистического сочетания платонизма и христианства, которое очаровало христианских гуманистов Италии и заполнило умы “группы Мо”; и, подобно ему, он вырвался из узкого круга изящных пустяков, в рамках которого были заключены большинство итальянских ученых, и использовал Новые Знания для современных целей. Гуманизм научил его мыслить имперски в лучшем стиле древнего Рима, видеть, что великие моральные идеи должны господствовать в управлении людьми. Это наполнило его великодушным негодованием по поводу зла, проистекавшего из злоупотребления абсолютной и произвольной властью. Молодой ученый (ему было всего двадцать три года) нападал на правительственные злоупотребления того времени со смелостью, которая возродила лучшие традиции римской государственной мудрости. Он осудил продажных судей, которые превратили “правосудие в общественный товар”. Он заявил, что князья, убивавшие свой народ или подвергавшие его массовым преследованиям, были не законными правителями, а разбойниками, и что разбойники были врагами всего рода человеческого. В то время, когда

повсюду были распространены преследования, Комментарий молодого гуманиста призывал к терпимости в таких возвышенных выражениях, какие использовал Мильтон в своей *Ареопагитике*. Он не был слеп к недостаткам стоической морали, изложенным в книге, которую он комментировал. Он противопоставлял стоическое безразличие христианскому сочувствию, а стоический индивидуализм - идее христианского общества; но он ухватился за более высокие моральные идеи стоицизма и применил их к общественной жизни. Лютер был велик, как никто другой, в отстаивании свободы христианина; но здесь он остановился или вышел за ее пределы очень неуверенным шагом. Гуманизм научил Кальвина требованиям и обязанностям христианского общества; он провозгласил их вслух, и его мысли распространились по той части Реформации, которая следовала его руководству и принимала его принципы. Священное Писание, святой Августин и имперская этика древнеримского стоицизма, пришедшая через гуманизм, были троицей, оказавшей влияние на все реформатские церкви.

Реформация в Испании и Италии была лишь кратким эпизодом; но за время своего недолгого существования в этих странах гуманизм был одной из величайших сил, поддерживавших их и придававших им силу. В обеих странах молодая жизнь была угашена в крови мучеников. Это произошло так быстро, что кажется удивительным узнать, что Эразм уверенно ожидал, что Испания станет страной, где Реформация завершится без “беспорядков”, чего он так долго ждал; что Священные Писания читались по всему испанскому полуострову и что женщины соперничали с мужчинами в знании их содержания в начале шестнадцатого века.

§ 6. *Чем Реформатские церкви были обязаны Лютеру.*

Таким образом, существовало реформационное движение, которое в своих самых ранних зачатках и в своих конечных результатах совершенно отличалось от движения под руководством Лютера; но было бы ошибочно утверждать, что оно было совершенно вне влияния Лютера и что оно мало или вообще ничем не было обязано великому немецкому реформатору. Бесполезно размышлять о том, что могло бы быть, или спрашивать, увенчались бы успехом несомненные движения за реформацию в землях за пределами Германии, если бы трубный зов Лютера не прозвучал над Европой. Достаточно констатировать, что произошло на самом деле. Если нельзя сказать, что начало Реформации во всех странах было положено Лютером, то едва ли можно отрицать, что он вдохновлял своих современников мужеством и твердой убежденностью. Он избавил людей от страха перед священничеством; он учил людей так, как никто другой, что искупление не было тайной наукой, практикуемой священниками в учреждении, называемом Церковью; что все верующие имели привилегию прямого доступа к самому присутствию Бога; и что сама мысль о священстве, которое единственное могло бы быть посредником между Богом и человеком, была излишней и несовместимой с самыми истинными инстинктами христианской религии. Его учение создавало атмосферу драматизма, которая заставляла людей слушать, присутствовать, быть впечатленными, понимать и следовать.

Он был и остается глубоко набожным человеком, с набожностью типа, наиболее почитаемого его современниками, и поэтому его легко понять и вызвать сочувствие у простого человека. Его благочестие загнало его в монастырь, что тогда казалось естественным и необходимым. В монастыре он жил жизнью “молодого святого” — так считали его собратья-монахи, когда, по моде того времени и своего класса, хвастались, что среди них есть тот, кому суждено возродить лучший тип средневековой святости. Никакие грубые, вульгарные плотские грехи, достаточно

распространенные в то время и легко прощаемые, не омрачали его молодую жизнь. Когда он обрел покой в вере, у него не возникло сомнений в своем призвании; никакой внезапный рывок не оторвал его от одобренной религиозной жизни его времени; никакие интеллектуальные сомнения не отделили его от верований его Церкви. Сама его невосприимчивость к интеллектуальным либерализирующим тенденциям гуманизма делала его еще более подходящим на роль религиозного лидера, которому доверяют. Он продвигался вперед шаг за шагом такой медленной, уверенной поступью, что обычный человек мог видеть и следовать за ним. Когда он выступал как Реформатор, он не выходил из себя по отношению к вещам в целом. Он чувствовал себя вынужденным напасть на *ту* часть популярной религиозной жизни того времени, которую все люди, хоть немного думавшие о религии, считали грубым оскорблением. То, как он справился с этим, показало, что он был великим религиозным гением своего времени — века, который императивно, хотя и смутно, призывал к реформам в сфере религии.

Если быть оригинальным означает просто быть первым, кто увидел и обнародовал единственную истину или свежий аспект истины, то можно оспорить утверждение Лютера об оригинальности мыслителя. Было бы нетрудно указать на предвосхищение почти каждой отдельной истины, которой он учил свое поколение. Возьмем только два: Вессел осудил индульгенции языком, настолько похожим на язык Лютера, что, когда Реформатор прочитал это спустя много времени после публикации *Тезисов*, он мог сказать, что люди вполне могут подумать, что он просто позаимствовал у старого голландского богослова; и Лефевр д'Эбль проповедовал доктрину оправдания верой до того, как она вспыхнула в душе Лютера со всей силой откровения. Но если оригинальность — это дар схватывать, соединять в одно органическое целое отдельные изолированные истины, видеть их влияние на практическую религиозную жизнь всех людей, образованных и невежественных, использовать новый свет, чтобы очистить обычную религиозную жизнь от всех парализующих наростов, упростить ее и прояснить, что сумма и сущность христианства — это “непоколебимое доверие сердца Тому, Кто отдал Себя нам во Христе Иисусе как нашем Отце, личная уверенность веры, потому что Христос Своим трудом берется за наше дело”, и делать все это с нежнейшим сочувствием к каждому истинному христианину. тупой религиозный инстинкт, который заставлял людей отклоняться от простоты, которая есть во Христе Иисусе, тогда Лютер стоит особняком в свое время и в своем поколении, недоступный никому другому.

Следовательно, для простых людей во всех странах Европы примерно до 1540 года, когда начала давать о себе знать индивидуальность Кальвина, Лютер представлял Реформацию; и все, кто принимал новое учение, были известны как лютеране, будь то в Англии, Нидерландах, Франции или франкоговорящей Швейцарии. [7]

Церковные историки Реформатской церкви, начиная с шестнадцатого века, часто были склонны разделять превосходство Лютера и Цвингли. Швейцарский реформатор был одарен многими качествами, которых не хватало Лютеру. Он придерживался более свободного отношения к доктринам и практике средневековой Церкви, и его теологическая схема была, возможно, шире и истиннее, чем у Лютера. Он обладал более острой интеллектуальной проницательностью и быстрее распознал истинные доктринальные тенденции их общих религиозных истин. Но то, как он относился к индульгенциям, и его манера протестовать против них показывали его огромную неполноценность по сравнению с Лютером как религиозного наставника.

“О, какая это глупость!” — сказал Цвингли вместе со своим учителем Эразмом, - “грубая, абсолютная глупость всего этого!” и они презирали это, и смеялись над этим, и атаковали это легкими острыми стрелами насмешек и ироничного остроумия. “О, как это жаль!” - сказал Лютер; и он обратил людей, идущих по ложному пути в поисках прощения (а для них это настоящий поиск), на правильный путь. Цвингли, казалось, никогда не замечал, что под покупкой индульгенций, хождением в паломничестве от святилища к святилищу, целованием, почитанием реликвий скрывался настоящий невнятный крик о прощении грехов, в которых он если и не раскаивался, то хотя бы искренне. Лютер знал это и сочувствовал этому. Он был человеком из народа не только потому, что был сыном крестьянина и учился в бюргерском университете, но и потому, что разделял религию простых людей. Вместе с ними он чувствовал, что повторяющиеся вспышки чумы, новые таинственные болезни, ужас перед турками были наказаниями, посланными Богом за грехи поколения. Он прошел через все это; еще глубже погрузился в ужас, еще безнадежнее корчился под гневом Божьим, еще дальше забрел по ложному пути в поисках прощения и, наконец, увидел “Блаженное видение”. Чтобы стать первоклассным Реформатором, необходимы глубочайшее и искреннее сочувствие к ближним и видение Бога, а у Лютера в первой четверти шестнадцатого века было и то, и другое, как ни у кого другого.

Поэтому люди прислушивались к нему по всей Европе, везде, где чувствовалось стремление к реформации, и трудно сказать, где его не было. Чехи, венгры и поляки на востоке; испанцы, англичане, французы, голландцы и шотландцы на западе; шведы на севере и итальянцы на юге — все приветствовали, читали и были тронуты тем, что написал Лютер. Сначала *Тезисы*, затем проповеди и трактаты, затем трубный зов *К знати Немецкой нации* и *Проповедь о Вавилонском пленении Церкви Христовой*, и, прежде всего, его брошюра *О свободе христианина*. По мере того как люди читали, то, что было всего лишь обнадеживающим, но тревожным ночным сном, становилось видением при свете дня. Они услышали, как ясной, непоколебимой речью было провозглашено то, что они едва осмеливались прошептать про себя. Любящее и набожное воображение превратилось в религиозную уверенность. Они рисковали всем, чтобы завладеть высказываниями этого “человека Божьего”. Осторожные, суровые шотландские бюргеры рисковали кораблями и грузами ради небольших брошюр кварто, спрятанных в тюках ткани, которые прибывали в порты Данди и Лейт. Студенты Оксфорда и Кембриджа передавали их из рук в руки, несмотря на заявления Вулси и предосторожности Уорхэма. Труды Лютера были жадно изучены в городе и университете Парижа уже в мае 1519 года. [8] Испанские купцы купили книги Лютера на Франкфуртской ярмарке, потратили часть с трудом заработанной прибыли на их перевод и печать на испанском языке и перевезли их через Пиренеи на своих вьючных мулах. Под влиянием этих трудов Реформация обрела форму, стала чем-то большим, чем благочестивое воображение нескольких благочестивых мыслителей, и стала попыткой выразить общепринятые религиозные убеждения в изменении вероисповедания, институтов и богослужения. Таким образом, Лютер помогал Реформации во всех странах. Фактическое начало в Англии, Франции, Нидерландах и других странах зародилось за годы до того, как стал известен Лютер; возможно, что движения могли бы принести плоды и без его усилий; но влияние его трудов было подобно влиянию солнца, когда оно оживляет и заставляет прорасти семя, которое “посеялось” на вспаханном и засеянном поле.

§ 7. Национальные особенности.

Дело было не в том, что Реформация в какой-либо из этих стран в конце концов должна была стать лютеранской или имела лютеранскую стадию развития. Число истинных лютеран за пределами Германии и Скандинавии было очень небольшим. То тут, то там можно было встретить заблудших, таких как доктор Барнс в Англии или Луи Беркен во Франции. Один из глубочайших принципов учения великого Реформатора сам по себе поставил под сомнение идею чисто лютеранской реформации, которая охватила бы всю Реформатскую церковь. Он учил, что практическое проявление веры должно проявляться в великих институтах человеческой жизни, которые берут свое начало в Боге, — в браке, семье, призвании и государстве, в обычной жизни, которую мы ведем в ее окружении. Нации имеют свой характер и особенности так же, как и отдельные люди, и они естественным образом формируют выражение религиозных убеждений, разделяемых всеми, в символах веры и институтах. Реформация в Англии была основана на тех же духовных фактах и силах, которые действовали во Франции, Германии и Нидерландах, но у каждой страны были свои способы их воплощения. Интересно отметить, как национальные привычки, воспоминания и даже предрассудки заставляли внешнее воплощение принимать самые разные формы и вынуждали историка описывать Реформацию в каждой стране как нечто отдельное.

Новая духовная жизнь в Англии приняла форму, отчетливо обозначенную для нее почти забытым реформаторским движением при Виклифе, которое было родом из этой страны. Можно было ожидать, что Шотландия последует примеру Англии и приведет свое церковное переустройство в гармонию с переустройством своего нового и могущественного союзника. Союз с Англией был великим политическим фактом шотландской реформации, и ведущие государственные деятели обеих стран желали еще более тесного сближения, которому не могло не способствовать согласие в организации Церквей. Но память о старом французском союзе была слишком сильна для Сесила и Летингтона, и Шотландия переняла свои методы церковного управления у Франции (не из Женевы) и все дальше и дальше отходила от модели английского поселения. Война за общественное благо пятнадцатого века повторилась в Религиозных войнах во Франции; и в Нантском эдикте Реформированной церкви были предложены и приняты гарантии ее независимости, такие, какие мог бы потребовать феодальный князь. Старая политическая независимость на местах, которая характеризовала Нидерланды в позднем Средневековье, вновь проявилась в церковном устройстве Нидерландов. Гражданские республики Швейцарии потребовали и получили церковную форму правления, которая соответствовала потребностям их социальной и политической жизни.

Однако среди всего этого разнообразия преобладало ощущение лежащего в основе единства, и осознание того, что каждая национальная церковь была частью Реформированной Католической церкви, было более острым, чем среди лютеранских церквей. Протестантская Англия времен Эдуарда VI. приветствовала и поддерживала беженцев, изгнанных временными властями Аугсбурга из Страсбурга. Франкфурт принимал и обеспечивал семьи, бежавшие от преследований Мариан в Англии. Женева стала городом-убежищем для угнетенных протестантов со всех концов света, и эти чужеземцы часто увеличивали ее население на треть. Чувство братства поддерживалось, как и во временаранней Церкви, постоянным обменом письмами и посланниками, а переписка давала ощущение единства, которое невозможно было воплотить во внешней политической организации. Ощущение общей опасности также было чудесными узами родства, а ощущение того, что Филипп Испанский всегда замышлял их

уничтожение, смягчало межцерковную зависть. Подобные события происходили во всех Церквях почти в одно и то же время. Вестминстерский коллоквиум (1559) был отделен от коллоквиума в Пуасси (1561) интервалом всего в два года, и на обоих обсуждались одни и те же вопросы. Королева Елизавета открыто объявила себя протестанткой, приняв причастие в обоих “видах” на Пасху 1559 года; и в тот же день Антуан де Бурбон, король Наварры, таким же образом исповедался в По на юге Франции. Мария де Гиз решила, что в этот же праздник шотландцы должны объединиться под лозунгом старой веры, и таким образом положила начало открытому восстанию, которое закончилось тем, что Шотландия стала протестантской нацией.

Ход Реформации в каждой стране должен быть описан отдельно, и все же это одна история, отличающаяся друг от друга из-за случайностей национальных темпераментов, воспоминаний и политических институтов.

ГЛАВА II.

РЕФОРМАЦИЯ В ШВЕЙЦАРИИ При ЦВИНГЛИ.

§ 1. Политическое положение Швейцарии. [9]

Швейцария в шестнадцатом веке не была похожа ни на одну другую страну Европы. Она была так же разделена, как Германия или Италия, и все же в ней было единство, которым они не могли похвастаться. Это была конфедерация или маленькая республика коммун и городов примитивного тевтонского типа, в которой исполнительная власть принадлежала общине. Все различные кантоны были независимыми, но они были объединены в общую лигу, и у них был федеральный флаг — белый крест на красном фоне с девизом “Каждый за всех и все за каждого”.

Отдельные члены Федерации возникли самыми разными путями, и все они сохранили отличительные черты своей более ранней истории. Истоки уходят в тринадцатый век, когда три Лесных кантона, Швиц, Ури и Унтервальден, освободившись от власти своих феодалов, объединились в *Бессрочную лигу* (1291), в которой они обязались помогать друг другу сохранять завоеванную свободу. После битвы при Моргартене они возобновили Союз в Бруннене (1315), снова пообещав помогать друг другу против всех лордов-узурпаторов. Габсбурги, колыбель Австрийского императорского дома, расположены на юго-восточном берегу реки Аре, и страх перед этим великим феодальным семейством укрепил узы Лиги; в то время как победы независимых крестьян над Австрийским домом, а позже и над герцогом Бургундским, укрепили ее репутацию. Три кантона выросли до тринадцати — Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн, Цюрих, Берн, Гларус, Цуг, Фрайбург, Базель, Шаффхаузен, Золотурн и Аппенцель. Другие районы, не ставшие членами Лиги, искали ее защиты, такие как Вале и город и местность под аббатством Санкт-Галлен. По его модели среди крестьянства Ретийских Альп были сформированы другие лиги: в 1396 году — *Лига Дома Божьего* (*Лия да Ка'Дэ*), во главе которой стояла церковь в Куре; в 1424 году — *Граубюнденская* (*Лия Гриша* или *Серая лига*); в 1436 году — *Лига десяти юрисдикций* (*Лия делла деш Дреттурас*). Эти трое объединились в 1471 году,

чтобы создать *Три Вечные лиги Речии*. Они находились в тесном союзе со швейцарскими кантонами с пятнадцатого века, но не стали фактическими членами Швейцарской конфедерации до 1803 года. Конфедерация также совершила несколько завоеваний, и завоеванные округа, как правило, управлялись на основе форм взаимного соглашения между несколькими кантонами — сложная система, которая приводила ко многим распрям и усиливала раздоры, порожденные религией в шестнадцатом веке.

Каждый из этих тринадцати кантонов сохранил свою независимость и свой способ правления. Их политическая организация была очень разнообразной и в значительной степени зависела от их прошлой истории. Лесные кантоны были коммунами крестьян-собственников, живших в недоступных долинах, и их рацион представлял собой собрание всех мужчин-глав семей. Цюрих был промышленным и коммерческим городом, выросшим под защитой старого церковного поселения, основание которого восходит к эпохе, предшествовавшей эпохе Карла Великого. Первоначально Берн был деревушкой, приютившейся в укрепленном замке старой феодальной семьи. В Цюрихе дворяне составляли одну из городских “гильдий”, а конституция была полностью демократической. Берн, с другой стороны, был аристократической республикой. Но в целом власть в последней инстанции принадлежала народу, который все был свободными людьми с полными правами гражданства.

У швейцарцев было мало опыта управления епископальной церковью. Их отношения с папством были исключительно политическими или коммерческими, основной статьей торговли были солдаты для формирования телохранителей папы и пехота для его итальянских войн, и бизнес велся через легатов. Большая часть территории Швейцарии была церковно разделена между архиепископскими провинциями Майнц и Безансон, а границей между ними была река Аре. Разделение восходит к началу христианства на этой земле. Та часть Швейцарии, которая лежала по направлению к Франции, была обращена в христианство римскими или галльскими миссионерами; в то время как остальная часть, которая простиралась к Германии, была обращена в христианство ирландскими проповедниками! Базель и Лозанна фигурируют как епископства при Безансоне; в то время как Констанция, епископство при Майнце, отстаивала епископские права на Цюрих и окрестности. Труднопроходимая, гористая часть страны была неопределенно отнесена к провинции Майнц, не будучи определенно отнесенной к какой-либо епархии. Это способствовало тому, что швейцарский народ стал необычайно независимым во всех церковных вопросах и научил его самостоятельно управлять своими церковными делами.

Даже в Цюрихе, который признал церковную юрисдикцию Констанцкого епископа, Совет настаивал на своем праве надзора за церковным имуществом, и монастыри находились под государственной инспекцией.

В начале шестнадцатого века общение со своими соседями изменило старые простые нравы швейцарцев. Их неоднократные победы над Карлом Смелым Бургундским привели к убеждению, что швейцарская пехота была лучшей в Европе, и страны, воюющие друг с другом, стремились нанять швейцарские войска. В швейцарских кантонах постепенно сложился обычай нанимать солдат тем, кто лучше за них платил. Эти наемники, деморализованные тем, что зарабатывали на свою жизнь в чужих ссорах и тратили свое жалованье на разгул, когда возвращались в свои родные долины, развращали население Конфедерации. Система деморализовывала и в другом отношении. Двумя великими державами, торговавшими швейцарской пехотой, были Франция и папство; и французский король, с одной стороны, и папа

римский, с другой, не просто держали постоянных агентов в различных швейцарских кантонах, но и выплачивали пенсии видным гражданам, чтобы побудить их убедить кантон, к которому они принадлежали, нанять солдат на ту или иную сторону. В молодости Цвингли верил, что папство - единственная сила, с которой швейцарцам следует объединяться, и в течение многих лет получал папскую пенсию.

§ 2. Юность и образование Цвингли. [10]

Хульдрайх (Ульрих) Цвингли, реформатор Швейцарии, родился 1 января 1484 года (через пятьдесят два дня после Лютера) в деревушке Вильдхаус (или Вильденхаус), расположенной в верхней части долины Тоггенбург, поднятой так высоко над уровнем моря (3600 футов), что фрукты отказываются созревать. Он расположен настолько точно на центральном водоразделе Европы, что дождь, падающий с одной стороны конька красной черепичной церковной крыши, попадает в ручей, питающий Дунай, а тот, что падает с другой стороны, находит свой путь в Рейн. Он занимал третье место в большой семье из восьми сыновей и двух дочерей. Его отец, также по имени Хульдрайх, был старостой коммуны, а его дядя, Бартоломью Цвингли, был приходским священником. Его образованием руководил Бартоломью, который стал деканом Уэзена в 1487 году и взял маленького Хульдрайха с собой в свою новую сферу деятельности. Мальчика отправили в школу в Везене, где он быстро прогрессировал. Бартоломью Цвингли сам был в некотором роде ученым. Когда он обнаружил, что его племянник не по годам развит, он решил дать ему как можно более хорошее образование и отправил его в Базель (Кляйн-Базель, на восточном берегу Рейна) в знаменитую школу, которую преподавал мягкий ученый Грегори Буэнцли (1494-98).

За четыре года мальчик перерос способности учителя к обучению, и юного Цвингли отправили в Берн в школу, где преподавал гуманист Генрих Вельфлин (Люпулус), который был наполовину последователем Эразма, наполовину реформатором. Он страстно любил музыку и поселился в одном из доминиканских монастырей в городе, который славился заботой о музыкальном образовании. Цвингли был настолько увлечен своим рвением к учебе, что у него были некоторые мысли о том, чтобы стать монахом просто для удовлетворения своих музыкальных вкусов. Его семья, у которой не было желания видеть, как он уходит в монастырь, забрала его изерна и отправила в Венский университет, где он провел два года (1500-1502). Там у него были друзья и сокурсники, Иоахим фон Ватт [11] (Вадан), Генрих Лорити [12] Гларуса (Glareanus), Иоганн Хейгерлин [13] из Лойтkirxa (Фабер) и Иоганн Майер из Экка, наиболее известные из всех противников Лютера. В 1502 году он вернулся в Швейцарию и поступил в Базельский университет. Он стал бакалавром в 1504 году и магистром в 1506 году, и в том же году стал приходским священником Гларуса.

Детство и юность Цвингли составляют разительный контраст с ранними годами жизни Лютера. Он наслаждался грубым изобилием зажиточного швейцарского фермерского дома и вел радостную молодую жизнь. Он рассказал нам, как семья собиралась *взагончике* долгими зимними вечерами и как его бабушка приводила детей в восторг своими библейскими рассказами и чудесными историями о святых. Вся семья была музыкальной и пела патриотические народные песни, в грубых стихах воспевая славу Моргартена, Семпах и победы над тираном Бургундии. “Когда я был ребенком, ” говорит Цвингли, “ если кто-нибудь говорил слово против нашего Отечества, я сразу же подставлял спину”. Его воспитывали патриотом. “С детства я проявлял такую большую, пылкую и искреннюю любовь к нашей

достопочтенной Конфедерации, что усердно тренировался в каждом действии и дисциплине с этой целью”. Его дядя Бартоломью был поклонником Нового Учения, и мальчика воспитывали во всем, что требовало воспитания гуманиста, со всеми его достоинствами и недостатками. Его обучили, можно сказать, искусству наслаждаться настоящим, не делая особых различий между добром и злом в окружающем обществе. Его научили принимать жизнь такой, какая она есть. Никакоесильное чувство греха не беспокоило его в юношеские годы. Он никогда не содрогался при виде гневного лица Иисуса, Судьи, глядящего на него из украшенного гербами церковного окна. Если когда-то у него и возникло искушение на мгновение стать монахом, то только для того, чтобы насладиться музыкальным обществом, а не для того, чтобы утолить грех, сжигавший его изнутри, и заслужить прощение разгневанного Бога. Он относился к своему церковному призванию небрежно, профессионально. Он принадлежал к семье, связанной с духовенством с обеих сторон, и он следовал семейному порядку. До недавнего времени вопрос личного благочестия, казалось, не слишком беспокоил его, и он никогда не принадлежал, подобно Лютеру и Кальвину, к тому типу людей, которые являются лидерами в возрождении личной религии. Он стал реформатором, потому что был гуманистом, с симпатией относившимся к августинской теологии; и у него была такая откровенная, честная натура, что он не мог видеть обманов, совершаемых во имя религии, не осуждая их. До конца своих дней им руководил скорее интеллект, чем побуждения сердца, и в ранние годы он умел сочетать глубокое чувство ответственности за большинство вещей с беспечной распушенностью в нравственной жизни.

§ 3. В Гларусе и Айнзидельне.

В Гларусе он смог продолжить свои гуманистические исследования, руководствуясь влиянием, которое окружало его в течение последнего года учебы в Базеле. Среди них его дружба с Томасом Виттенбахом была самой прочной. Виттенбах научил его, по его словам, видеть зло и злоупотребления индульгенциями, высшим авторитетом Библии, что смерть Христа была единственной ценой прощения грехов и что вера - это ключ, который открывает душе сокровищницу прощения. Все эти мысли он усвоил интеллектуально и много использовал в своих проповедях. Он высоко ценил проповедничество и решил развивать свой дар, тренируясь на образцах античности. Он изучал Священное Писание, радостно приветствовал новый греческий Завет Эразма, опубликованный Фробеном из Базеля в 1516 году, когда он был в Айнзидельне, и переписал из него все Послания Павла. На широких полях рукописи он написал примечания из Эразма, Оригена, Златоуста, Амвросия и Иеронима. Это был его постоянный спутник.

В Гларусе он лично познакомился с системой наемной войны и пенсионного обеспечения, в которой участвовала Швейцария. Он дважды ездил в Италию в качестве полкового капеллана с контингентом Гларуса и присутствовал при сражении при Новаре (1513) и в роковой день при Мариньяно (1515).

Его опыт участия в этих кампаниях убедил его в пагубности этой системы найма швейцарцев для участия в чужих ссорах; и когда он убедился в сопутствующем ей зле, он осудил эту практику. Его откровенный язык вызвал недовольство многих из его самых влиятельных прихожан, особенно тех, кто был сторонником французов, и Цвингли решил поискать какую-нибудь другую сферу деятельности.

Ему была предложена должность народного священника в Айнзидельне, знаменитом монастыре и курорте паломничества, и он был принят (14 апреля 1516 года). Он сохранил

официальную связь с Гларусом и нанял викария для выполнения приходской работы. Его слава как проповедника росла. Его друзья желали видеть его в более широкой сфере, и благодаря их усилиям он был назначен народным священником в кафедральном соборе Цюриха. Против его выбора было выдвинуто возражение на том основании, что он позорно поступил с дочерью гражданина Айнзидельна; и его оправдательное письмо, хотя и освобождает его от конкретного обвинения, выдвинутого против него, показывает, что он никоим образом не был свободен от распущенности в личной морали, которая характеризовала швейцарское духовенство того времени. Жалованье, полагавшееся за его должность в Великом соборе, было очень маленьким, и на этом основании Цвингли чувствовал себя оправданным, хотя и неоправданно, в сохранении своей папской пенсии. [14]

§ 4. Цвингли в Цюрихе.

Цюрих, когда Цвингли побывал в нем, был имперским городом. Он вырос вокруг Большого собора и Собора Пресвятой Богородицы (the Little Minster) и превратился в торговый и производственный центр. Его жители, вероятно, из-за церковного происхождения города, долгое время были в ссорах с духовенством и, как правило, добивались успеха. Они воспользовались соперничеством между главами двух министерств и судебным приставом императора, чтобы утвердить свою независимость, и приняли законы, подчиняющие церковные власти светскому правлению. Налоги взимались как с церковной, так и со светской собственности; все монастыри находились под гражданским контролем и подлежали государственной инспекции. Папы, стремясь сохранить хорошие отношения со швейцарцами, поставлявшими солдат для их войн, прямо разрешили в Цюрихе то, чего они не допустили бы в другом месте.

Городом управлял Совет или Сенат, состоящий из мастеров тринадцати "гильдий" (гильдий двенадцати профессий и одной гильдии, представляющей патрициат). Председательствовал бургомистр с большими полномочиями. По особым случаям созывался большой Совет из 212 членов.

Город Цюрих с его абсолютно демократической конституцией был очень подходящей сферой для такого человека, как Цвингли. К тому времени он уже сделал себе имя. Он стал могущественным проповедником, способным взволновать людей своим красноречием; он был в близких отношениях с наиболее выдающимися немецкими гуманистами, с которыми его познакомил его друг Генрих Лорити из Гларуса (известный как Глареанус). Он уже стал центром восхищенного кружка молодых людей либеральных взглядов. Его место народного проповедника дало человеку с его популярными способностями командное положение в самом демократическом городе Швейцарии, где оживленно обсуждалась гражданская и европейская политика. Он отправился туда в декабре 1519 года.

Его работа как Реформатора началась почти сразу. Бернхард Самсон, или Сансон, продавец индульгенций в Швейцарии, приехал в Цюрих, чтобы продвигать свою торговлю. Цвингли уже встречался с ним в Айнзидельне и, по наущению констанцского епископа и его главного викария Джона Фабера, которым обоим не нравились индульгенции, выступил с проповедью против него. Теперь он убедил совет Цюриха запретить Самсону пребывание в городе.

Отношение папы к швейцарскому реформатору сильно отличалось от того, которое было применено к Лютеру. Самсон получил приказ из Рима не причинять беспокойства цюрихцам и скорее покинуть город, чем ссориться с ними. Разница, без сомнения, проистекала из желания *Курии* не делать ничего, что могло бы помешать поставке швейцарских солдат для папских войн; но это также было оправдано контрастом в подходе к этому вопросу двух реформаторов. Лютер нанес серьезный моральный удар, и его удары глубоко затронули весь круг средневековой религиозной жизни с ее доктриной особого священства; он заставил людей увидеть профанацию любого заявления людей о прощении греха или о вмешательстве между их ближними и Богом. Цвингли отнесся ко всему этому более легкомысленно. Его позиция была позицией Эразма и гуманистов. Он мог смеяться над всем происходящим и высмеивать его, и больше всего думал о том, как люди позволяют ловким мошенникам одурачивать себя. Он никогда не касался глубокого практического религиозного вопроса, который поднял Лютер и который заставил его вызов папству прогреметь по всей Западной Европе.

С самого начала Цвингли стал заметной фигурой в Цюрихе. Он объявил изумленному капитулу Великого Собора, которому был обязан своим назначением, что намерен дать серию непрерывных изложений Евангелия от Святого Матфея; что он не будет следовать схоластическому толкованию отрывков из Евангелия, но попытается сделать Священное Писание его собственным толкователем. Население толпилось, чтобы послушать проповеди этого нового типа. Чтобы донести их до сельских жителей, Цвингли проповедовал по пятницам на рыночной площади, и слава о нем распространилась по деревням. Францисканцы, доминиканцы, и отшельники-августинцы пытались вызвать сопротивление, но безуспешно. В своих проповедях он осуждал грехи, о которых говорилось в изложенных отрывках, и находил повод отрицать доктрины Чистилища и Заступничества Святых.

Его сильнейшая атака на существующую церковную систему была предпринята в проповеди о десятине, которую, к огорчению ректора собора, он объявил всего лишь добровольными пожертвованиями. (Он читал книгу Гуса *О церкви*.) Должно быть, он взял с собой большую часть Главы в своих планах улучшения, поскольку в июне 1520 года Требник, используемый в Соборе, был переработан Цвингли и лишен некоторых изъяснений. В следующем году (март 1521 г.) некоторые из цюрихцев, которые, как известно, были самыми горячими поклонниками Цвингли, в том числе печатник Фрошауэр, отстаивали свои убеждения, публично употребляя мясную пищу во время Великого поста. Это дело произвело большую сенсацию, и реформаторы предстали перед городским советом. Они оправдывали себя, заявляя, что всего лишь следовали учению Цвингли, который показал им, что для совести христиан нет ничего обязательного, что не было бы заповедано в Священных Писаниях. Цвингли сразу же выступил в их защиту и опубликовал свою проповедь *"Выбор или свобода в отношении продуктов питания; преступление и скандал; есть ли какие-либо полномочия для запрета употребления мяса в определенное время"* (16 апреля 1522 г.). Он заявил, что в таких вопросах ответственность лежит на человеке, который может воспользоваться своей свободой при условии, что он избежит публичного скандала.

Вопрос был сочтен серьезным, и Совет после всесторонних дебатов принял постановление, которое должно было стать компромиссом. В нем говорилось о том, что, хотя Новый Завет не устанавливает никаких правил по этому вопросу, соблюдение поста в Великий пост является очень древним обычаем, и его нельзя отменять до тех пор, пока с ним не разберутся власти, и

что священники трех приходов Цюриха должны были отговорить людей от любого нарушения этого таинства.

Вслед за этим вмешался констанцский епископ и направил Комиссию, состоящую из его суфражистки и двух других лиц, для расследования и отчета. Они встретились с Малым Советом и в длинной речи настаивали на том, что Церковь обладает авторитетом в подобных вопросах и что обычаи, которые она предписывает, должны соблюдаться. Цвингли предстал перед Великим Советом и, несмотря на усилия Комиссии заставить его замолчать, выступил в защиту свободы совести. В конце концов Собор решил придерживаться своего компромисса, но попросил Констанцкого епископа созвать Синод своего духовенства и прийти к решению по этому вопросу, которое было бы в соответствии с законом Христа. Это постановление Собора действительно отменило епископскую власть и было восстанием против Римской церкви.

Политические дела благоприятствовали восстанию. На швейцарском сейме, состоявшемся в Люцерне (май 1521 г.), кантоны, несмотря на яростные протесты Цюриха, заключили договор с Францией и позволили французскому королю набрать 16 000 швейцарских наемников. Цюрих, верный своему протесту, отказался разрешить вербовку на своих землях. Его граждане были недовольны потерей денег и отделением от других кантонов, и Цвингли стал очень непопулярен. Теперь он пришел к выводу, что вся система пенсий и службы наемниками была неправильной, и отказался от своей собственной папской пенсии. Как раз тогда папа обратился к Цюриху, который предоставил ему половину его телохранителей, с просьбой выделить солдат для защиты его Государства, пообещав, что они не будут использоваться для борьбы с французами, среди войск которых было много швейцарских наемников из других кантонов. Совет отказался. Тем не менее, шесть тысяч цюрихцев отправились на службу в папскую армию. Совет отозвал их, и после нескольких приключений, в одном из которых они чудом избежали боя со швейцарскими наемниками на службе Франции, они вернулись домой. Эта экспедиция, не принеся цюрихцам ни денег, ни почестей, переломила ход народных настроений, и Совет запретил всякую иностранную службу. Если учесть давнюю связь между Цюрихом и папством, то этот указ фактически стал разрывом между городом и папой римским. Это значительно облегчило путь Реформации (январь 1522 г.), и открытый разрыв Цвингли с папством был лишь вопросом времени.

Это произошло с публикацией "*Архетилес*" (август 1522 г.), книги, написанной наспех, как и все работы Цвингли, в которой содержалась защита всего, что он сделал, и программа, церковная и политическая, на будущее. Книга усилила рвение противников Цвингли. Его проповеди часто прерывались монахами и другими людьми, подстрекаемыми ими. Бургомистр был вынужден вмешаться, чтобы сохранить мир в городе. Он отдал приказ от своего имени, без какого-либо обращения к констанцскому епископу, о том, что должно проповедоваться чистое Слово Божье. На собрании сельского духовенства кантона было принято такое же решение, и город и духовенство были готовы двигаться по пути реформации. Незадолго до этого (2 июля) Цвингли и десять других священников обратились с петицией к епископу с просьбой разрешить его духовенству заключать законные браки. Документ не имел никакого практического эффекта, за исключением демонстрации постепенного продвижения идей. Это раскрывало положение вещей, к которому привело священническое безбрачие в Швейцарии.

§ 5. Публичные диспуты.

В этих обстоятельствах Великий Совет, теперь определенно на стороне Цвингли, решил провести Публичный диспут, чтобы разрешить разногласия в религии; и Цвингли подготовил шестьдесят семь тезисов для обсуждения. Эти статьи содержат краткое изложение его доктринального учения. Они настаивают на том, что Слово Божье, единственное правило веры, должно приниматься на основании его собственного авторитета, а не на авторитете Церкви. Они очень полны Христа, единственного Спасителя, истинного Сына Божьего, который искупил нас от вечной смерти и примирил нас с Богом. Они нападают на Главенство Папы Римского, Мессу, обращение к Святым, мысль о том, что люди могут приобрести заслуги своими добрыми делами, постами, Паломничествами и Чистилищем. О жреческом безбрачии он говорит: *“Я не знаю большего и серьезнее скандала, чем тот, который запрещает законный брак священникам и в то же время разрешает им за деньги иметь наложниц и блудниц. Тьфу, как не стыдно!”* [15] Тезисы состоят из отдельных коротких предложений.

Диспут, первый из четырех, ознаменовавших этапы правовой реформы в Цюрихе, состоялся в ратуше города 29 января 1523 года. Послушать его собрались более шестисот представительных мужчин. Присутствовало все духовенство кантона; Фабер наблюдал за происходящим от имени епископа Констанца; присутствовали многие выдающиеся богословы из других частей Швейцарии. Фабер, похоже, удовлетворился просьбой отложить Диспут до заседания Генерального совета, и Цвингли ответил, что компетентные ученые, которые были добрыми христианами, так же способны, как и Совет, решить, в чем смысл Священного Писания. Результатом спора стало то, что бургомистр заявил, что Цвингли оправдал свое учение и что он не был еретиком. Цюрихский кантон практически принял взгляды Цвингли, и Реформатора поощряли идти дальше.

Его поведение было в высшей степени благоразумным. Он неизменно прилагал все усилия, чтобы подготовить людей к дальнейшим переменам, тщательно объясняя их в проповедях, а также публикуя и распространяя эти выступления. Он считал, что учить - его долг, но вносить изменения - дело гражданских властей; и он сам ничего не вносил, пока они не были санкционированы. У него были очень решительные взгляды против использования изображений в церквях, и он энергично проповедовал против их присутствия. Некоторые из его наиболее ярых слушателей начали портить статуи и картины. Соответственно, Великий Совет принял во внимание весь вопрос в целом и постановил, что следует провести второй Публичный диспут, на котором этот вопрос мог бы быть публично обсужден. Это обсуждение (октябрь 1523 г.) длилось два дня. Присутствовало более восьмисот человек, из которых триста пятьдесят были священнослужителями. В первый день Цвингли изложил свои взгляды на присутствие изображений в церквях и пожелал, чтобы их использование было запрещено. Совет постановил, что статуи и картины должны быть убраны из церквей, но без беспорядков; бунтовщики должны были быть помилованы, но их лидер должен был быть изгнан из города на два года. Темой конференции второго дня была Месса. Цвингли заявил, что Месса была не жертвоприношением, а памятником смерти нашего Господа, и призвал покончить со злоупотреблениями, связанными с простым христианским обрядом. Присутствие анабаптистов на этой конференции и их высказывания в ходе дебатов предупредили магистратов, что они должны действовать осторожно, и они удовлетворились назначением комиссии из восьми человек — двух от Совета и шести священнослужителей — для расследования и отчета. Тем временем духовенство должно было быть проинформировано о том, как действовать, и Цвингли

должен был написать наставительное письмо. Власти также направили проповедников в отдаленные районы кантона и тщательно разъяснили людям суть дела.

Письмо, которое Цвингли адресовал духовенству кантона Цюрих, представляет собой краткое изложение принципов Реформации. Иногда это называют *Инструкцией*. Цвингли озаглавил его *"Краткое христианское введение, которое Достопочтенный совет города Цюриха направил пасторам и проповедникам, живущим в его городах, землях и везде, где распространяется его власть, чтобы отныне они могли в унисон провозглашать и проповедовать Евангелие"*. [16] Он описывает грех, закон, Божий путь спасения, а затем переходит к образам. Аргумент Цвингли заключается в том, что присутствие статуй и картин в церквях привело к идолопоклонству и что их следует убрать. В заключительном разделе обсуждается месса. Здесь автор очень кратко излагает то, что он развил впоследствии, а именно, что главной мыслью Евхаристии является не повторение жертвы Христа, а верное воспоминание о ней, и что римская доктрина и церемония мессы были настолько искажены суеверными представлениями, что их следует основательно реформировать.

Это письмо произвело заметный эффект. Деревенские священники повсюду отказывались служить мессе по старому ритуалу. Но была часть людей, включая членов капитула собора, которые уклонялись от изменений в этой центральной части христианского богослужения. Уважая их чувства, Собор постановил, что Святая Вечеря должна быть тем временем совершена в соответствии как с реформатским, так и со средневековым обрядом; в ходе одного празднования чаша была вручена мирянам, а в ходе другого она была удержана. В литургии не было внесено никаких изменений. Затем состоялось третье совещание, затем четвертое; и, наконец, мессу отменили. 13 апреля 1525 года в Великом соборе состоялось первое евангельское богослужение, и средневековое богослужение подошло к концу. Были внесены и другие изменения. Монастыри были секуляризованы, и все монахи, не желавшие оставлять свое призвание, были собраны вместе во францисканском монастыре. Было достигнуто мирное соглашение о других церковных фондах, и полученные таким образом деньги были в основном направлены на образование.

С 1522 года Цвингли жил в "духовном" браке с Анной Рейнхард, вдовой богатого цюрихского бюргера. Друзья называли ее его женой, хотя никакой официальной церемонии бракосочетания не проводилось. Возможно, нам трудно судить об этом человеке и о времени. Так называемые "церковные" браки были повсеместны в Швейцарии. Мужчина и женщина приняли друг друга за мужа и жену и хранили верность. Публичной церемонии не было. Все вопросы брака, развода, наследования и так далее затем рассматривались в церковных, а не в гражданских судах; и поскольку Каноническое право настаивало на том, что ни один священнослужитель не может вступать в брак, все такие "клерикальные" браки с точки зрения закона были простым сожителем, а дети были незаконнорожденными. Нарушение обета целомудрия было компенсировано штрафом, выплаченным епископу. Еще в 1523 году Уильям Рубли, цюрихский священник, заключил публичную форму брака, и его примеру последовали другие; но можно усомниться в том, признавались ли эти браки законными до тех пор, пока Цюрих не принял свои собственные законы о брачных делах в 1525 году.

Лютер в своей чистосердечной и торжественно-сочувственной манере упомянул об этих церковных браках в своем *Обращении к христианскому дворянству немецкой нации* (1520).

“Мы видим, ” говорит он, “ как пало священство, и сколько бедных священников обременены женщинами и детьми, и их совесть обременена, и ни один мужчина ничего не делает, чтобы помочь им, хотя ему вполне можно было бы помочь.... Я не буду скрывать свой честный совет и отказывать в утешении этой несчастной толпе, которая сейчас живет в беде с женой и детьми и остается в стыде, с тяжелой совестью, слыша, как их жену называют священнической блудницей, а детей незаконнорожденными.... Я говорю, что эти двое (которые в глубине души стремятся всегда жить вместе в супружеской верности), несомненно, женаты перед Богом”.

Он никогда не поддавался искушениям плоти и сохранял чистоту своего тела и души; и именно по этой причине он мог сочувствовать тем, кто пал, и помогать им своим сочувствием. Цвингли, с другой стороны, намеренно заключил этот незаконный союз после того, как посвятил себя работе Реформатора. Это действие остается постоянным пятном на его характере и ставит его на другой уровень, чем Лютера и Кальвина. Уже отмечалось, что Цвингли всегда скорее интеллектуально, чем духовно понимал необходимость реформации, — что он был гораздо большим гуманистом, чем Лютер или Кальвин, — но что примечательно, так это то, что у нас есть четкие свидетельства того, что потребность в личном благочестии впечатлила его в эти годы и что он прошел через религиозный кризис, незначительный по сравнению с кризисом Лютера, но реальный, насколько это было возможно. Он заболел чумой (сентябрь-ноябрь 1519 г.), и видение смерти и выздоровления вызвало у него несколько гимнов смирения и благодарения. [17] Смерть его брата Эндрю (ноябрь 1520 г.), похоже, стала настоящим поворотным моментом в его внутреннем духовном опыте, и его письма и сочинения являются доказательством ее реальности и постоянства. Возможно, суждение, вынесенное современником и другом Мартином Бucerом, должно было бы нас удовлетворить:

“Когда я прочитал твое письмо Капитану о том, что ты публично объявила о своем браке, я был почти вне себя от удовлетворения. Ибо это было единственное, чего я желал для тебя.... Я никогда не верил, что ты не замужем после того, как ты указала Констанцскому епископу в том трактате, что желаешь получить этот подарок. Но когда я размышлял о том факте, что некоторые считали вас прелюбодеем, а другие считали, что у вас мало веры во Христа, я не мог понять, почему вы так долго скрывали это и что этот факт не был заявлен открыто, с искренностью и усердием. Я не сомневался, что вас привели на этот путь соображения, от которых добросовестный человек не мог бы отказаться. Как бы то ни было, я торжествую в том факте, что теперь вы во всем соответствуете апостольскому определению”. [18]

Реформация распространялась за пределы Цюриха. Евангельские проповедники появились во многих других кантонах и набирали приверженцев.

§ 6. Реформация за пределами Цюриха.

В Базеле, резиденции знаменитого университета и центре немецкого гуманизма, было много ученых, попавших под влияние Томаса Виттенбаха, учителя Цвингли. Вольфганг Фабрициус Капито, ученик Эразма, знаток Священных Писаний, еще в 1512 году начал показывать, что церемонии и многие церковные обычаи не имеют авторитета в Библии. Он работал в Базеле с 1512 по 1520 год. Иоганн Эколампаций (Хусген или Хойсген), который был одним из сторонников Лютера в 1521 году, приехал в Базель в 1522 году в качестве лектора Священного Писания в университете. Его лекции и проповеди перед горожанами вызвали такое волнение, что епископ запретил их чтение. Горожане потребовали публичного диспута. Два проведенных в

декабре 1524 года — одно, проведенное священником по имени Стер против церковного безбрачия, а другое под руководством Уильяма Фарела [19] — подняли мужество евангелической партии. В феврале 1525 года городской совет назначил Эколампадия проповедником в церкви Святого Мартина и уполномочил его вносить такие изменения, каких требовало Слово Божье. Это было начало. Эколампадий стал близким другом Цвингли, и они работали вместе.

В Берне Реформация также добилась прогресса. Бертольд Халлер [20] и Себастьян Мейер [21] мужественно проповедовали Евангелие в течение нескольких лет, и их поддерживал художник Николаус Мануэль, оказавший большое влияние с гражданами. Совет постановил разрешить свободу проповеди, если это соответствует Слову Божьему; но они отказались разрешить нововведения в богослужении или церемониях; и они запретили ввоз в город еретических книг. Численность евангелической партии быстро росла, и в начале 1527 года они имели большинство как в большом, так и в малом Советах. Затем было решено провести Публичный Диспут.

Это событие стало одним из самых знаменательных в истории Реформации в Швейцарии. До сих пор Цюрих стоял особняком; если бы Берн присоединился, два самых могущественных кантона Швейцарии смогли бы отстоять свои права. Объединение было необходимо. Жители Лесных кантонов высказывали угрозы, и жизнь Цвингли не была в безопасности. Берн полностью осознавал важность предлагаемой дискуссии и был полон решимости сделать ее как можно более впечатляющей, а также добиться того, чтобы спорящие с обеих сторон играли честно и чувствовали себя в полной свободе и безопасности. Они разослали специальные приглашения четырем епископам, чьи епархии входили в их территорию, — епископам Констанца, Базеля, Вале и Лозанны; и они сделали все возможное, чтобы собрать достаточное количество ученых теологов-романистов. [22] Они пообещали не только охранную грамоту, но и сопровождение герольда в кантон и обратно. [23] Однако вскоре стало очевидно, что у сторонников романизма не было большого желания участвовать в *Диспуте*. Ни один из приглашенных епископов, похоже, даже не думал присутствовать, за исключением епископа Лозаннского, и он нашел причины для отказа. [24] Сторонники романизма с тревогой восприняли *спор*, и в письме, отправленном из Шпейера (28 декабря), император Карл V решительно выразил протест магистратам Берна. [25] Бернцев было не запугать. Они разослали свои приглашения и сделали все возможное, чтобы дать толчок великому Диспуту. [26] Бертольд Галлер с помощью Цвингли составил проект десяти *тезисов*, которые должны были защищать он сам и его коллега Фрэнсис Колб; Цвингли перевел их на латынь, а Фарель — на французский для посторонних; и они были разосланы вместе с приглашениями. Они были — (1) Святая Католическая Церковь, единственным Главой которой является Христос, рождена из Слова Божьего, пребывает в нем и не слышит голоса постороннего. [27] (2) Церковь Христова не издает никаких законов или статуты отдельно от Слова Божьего, и, следовательно, те человеческие таинства, которые называются заповедями Церкви, не связывают нашу совесть, если они не основаны на Слове Божьем и не согласуются с ним. (3) Христос — это наша мудрость, праведность, искупление и цена за грехи всего мира; и все, кто думает, что они могут обрести спасение каким-либо другим способом или получить другое удовлетворение за свои грехи, отрекаются от Христа. (4) Из Священного Писания невозможно доказать, что Тело и Кровь Христа телесно присутствуют в хлебе Святой Вечери. (5) Месса, на которой Христос приносится в жертву Богу Отцу за грехи живых и мертвых, противоречит Священному Писанию, является грубым оскорблением Страстей и Смерти Христа и, следовательно, является мерзостью перед

Богом. (6) Поскольку только Христос умер за нас, и поскольку Он является единственным посредником и ходатаем между Богом и верующими, следует призывать только Его; а все другие посредники и защитники должны быть отвергнуты, поскольку они не имеют подтверждения в Священном Писании Библии. (7) В Библии нет и следа Чистилища после смерти; и поэтому все службы по умершим, такие как бдения, мессы и тому подобное, являются напрасными делами. (8) Создавать картины и поклоняться им противоречит Ветхому и Новому Завету, и их следует уничтожать там, где есть шанс, что им могут поклоняться. (9) Священное Писание не запрещает брак ни для какого сословия, но распутство и блуд запрещены каждому, в каком бы сословии он ни находился. (10) Блудник действительно отлучен Священным Писанием, и поэтому распутство и блуд среди духовенства гораздо более скандальны, чем в другом сословии.

Эти *Тезисы* вкратце представляют проповедь Реформатской церкви в Швейцарии, а четвертый в своей самой ранней форме излагает то, что впоследствии превратилось в цвинглианское учение о Святой Вечере. [28]

Городской советерна разослал приглашения присутствовать ведущим проповедникам евангелических городов Германии и Швейцарии. Буцер и Капито были родом из Страсбурга, Якоб Аугсбургер из Мюльхаузена, Амброз Блаарер из Констанца, Себастьян Вагнер, [29] по фамилии Хофмейстер (Hofmeister), из Шаффхаузена, Эколампадиус из Базеля и многие другие. [30] Прибытия Цвингли ожидали с нетерпением. Цюрихцы решили не выпускать своего лидера из города без сильной охраны и отправили его в Берн с эскортом из трехсот латников. Огромная толпа горожан и незнакомцев заполнила аркады, тянущиеся по обе стороны главной улицы, и в каждом окне многоэтажных домов были зеваки, наблюдавшие за тем, как цюрихцы топают от ворот к собору, а их пастор в безопасности находится в центре толпы.

Римские богословы не смогли собрать воедино ничего похожего на ту же силу. Жители четырех Лесных кантонов стояли угрюмо в стороне; властям франкоязычной Швейцарии Диспут пришелся не по вкусу, а сильно католический кантон Фрейбург сделал все возможное, чтобы не допустить появления теологов из Невшателя, Мората и Внука в Берне; но, несмотря на препятствия, возникшие на их пути, на Диспут собралось не менее трехсот пятидесяти священнослужителей. Конференция была открыта 15 января (*апре-ля-фесте обрезания*), [31] и продолжалась на немецком языке до 24-го; 25-го была начата вторая дискуссия, длившаяся два дня, для удобства незнакомцев, на латыни. “Когда был открыт *Спор Велчей* (незнакомцев), незнакомый врач (из Парижа) выступил вперед вместе с несколькими священниками, говорящими на том же языке, что и он сам. Он атаковал *Десять тезисов*, и Уильям Фарел, проповедник из Эгля, ответил ему.” [32] Присутствовавшие более выдающиеся теологи-романисты, похоже, воздержались от участия в дискуссии. Епископ Лозанны защищал их молчание на том основании, что они возражали обсуждать такие важные вопросы на вульгарном языке; что им не было предоставлено возможности говорить по-латыни; и что, когда император запретил Диспут, власти Берна сказали им, что они могут покинуть город, если им так угодно. [33]

Результатом Спора стало то, что власти и граждане Берна утвердились в своей решимости принять Реформацию. Спор закончился 26 января (1528 г.), а 7 февраля было объявлено, что месса отменена, и ее место заняла проповедь; изображения были изъяты из церквей; монастыри были секуляризованы, а средства были использованы частично на образование, а

частично на компенсацию французских и папских пенсий, от которых теперь определенно отказались и объявили незаконными.

Две проповеди, которые Цвингли произнес в соборе во время Диспута, произвели сильное впечатление на жителей Берна. Именно после одного из них г-н де Ватвиль, адвокат, или президент Республики, объявил себя убежденным в истинности евангелической веры и вместе со всей своей семьей принял Реформацию. Его старший сын, священник, чьи семейные интересы обеспечили ему не менее тринадцати бенефиций и который, как обычно предполагалось, станет следующим епископом Лозанны, отказался от них всех, чтобы жить жизнью простого сельского джентльмена. [34]

Бернская республика долгое время рассматривала *Десять тезисов* как устав своей религиозной веры. Не удовлетворившись объявлением Реформации законной в городе, власти Берна разослали депеши или делегатов во все города и земли, находящиеся под их контролем, информируя их о том, что они сделали, и приглашая последовать их примеру. Они настаивали на том, что проповедники Евангелия должны иметь возможность беспрепятственно распространять свое послание по всей своей территории. Они пообещали, что сохраняют свободу обоих культов до тех пор, пока не будут приняты меры для выяснения, какой из них предпочитает большинство жителей, и что решение будет принято голосованием в присутствии уполномоченных, присланных из Берна. [35] Когда большинство прихожан приняли Реформацию, новым доктринальным стандартом стали *Десять тезисов*, а Бернский собор разослал инструкции по методу совершения таинств Крещения и Вечери Господней, а также по оформлению браков. Вся немецкоязычная часть собственно кантона и его подведомственные территории, по-видимому, сразу же приняли Реформацию. Кроме того, Берн имел под своим исключительным контролем некоторые франкоязычные районы, а другими он управлял вместе с Фрайбургом. Распространение новых доктрин в этих районах шло медленнее, но можно сказать, что все они приняли Реформацию еще до конца 1530 года. История реформации во франкоязычной Швейцарии, однако, относится к следующей главе, и там будут описаны усилия Берна по евангелизации своих подданных в этих районах.

Не удовлетворившись этим, Бернский собор провозгласил себя покровителем преследуемых протестантов за пределами их собственных земель, и евангелизация западной Швейцарии почти всем была обязана его попечению. [36]

Таким образом, Берн на западе и Цюрих на востоке стояли бок о бок, приверженные Реформации.

Кантональные власти Аппенцелля еще в 1524 году заявили, что проповедь Евангелия должна осуществляться свободно на их территории. Томас Виттенбах был народным священником в Биле с 1507 года и обогатил город своей евангелической проповедью. В 1524 году он мужественно женился. Церковные власти были достаточно сильны, чтобы добиться его смещения, но год или два спустя граждане вынудили кантональный совет разрешить свободную проповедь Евангелия. Себастьян Хофмайстер проповедовал в Шаффхаузене и побудил его жителей провозгласить поддержку Реформации. Санкт-Галлен был проповедан гуманистом Иоахимом фон Ваттом (Вадрианусом) и Джоном Кесслером, который учился в Виттенберге. В Немецкой Швейцарии только Люцерн и Лесные кантоны оставались полностью и непоколебимо привязанными к Римской церкви и отказывались терпеть какие-либо

евангельские проповеди в пределах своих границ. Швейцарская конфедерация была церковно разделена на два противоположных лагеря.

Сильные религиозные различия не могли не повлиять на политическую сплоченность Швейцарской конфедерации, связанной между собой сравнительно слабыми узами. Удивительно, что они не уничтожили его полностью.

Еще в 1522 году епископ Констанца обратился к Федеральному сейму Швейцарии на их заседании в Бадене с просьбой запретить проповедь доктрин Реформации внутри Федерации; а в следующем году сейм, который снова собрался в Бадене (сентябрь 1523 г.), издал декларацию о том, что все, кто практикует религиозные нововведения, заслуживают наказания. Депутаты от Люцерна были особенно активны в склонении сейма к принятию этой резолюции. Таким образом, попытка использовать Федерацию в целях религиозных преследований сначала исходила от романистов. Они также не удовлетворились заявлениями в Сейме. Романистический кантон Унтервальден, получив информацию о том, что некоторые крестьяне Бернской области пожаловались на то, что им навязали Реформацию, пересек бернскую границу и совершил военный акт. Берн почувствовал боль от этого оскорбления.

Эти попытки со стороны его противников побудили Цвингли задуматься о планах объединения в целях взаимной защиты всех, кто принял Реформацию. Его планы с самого начала выходили за рамки Швейцарской конфедерации.

Имперский город Констанц, резиденция епархии, претендовавшей на церковную власть над Цюрихом, был сильно тронут проповедью Амброза Блаарера и перешел в протестантскую веру. Епископ удалился в Меерсбург, а его капитул - в Уберлинген. Город опасался нападения Австрии и искал защиты у швейцарских протестантов. Его союз был ценен для них, поскольку, наряду с Линдау, он контролировал все Боденское озеро. В связи с этим Цюрих попросил, чтобы Констанц был принят в Швейцарскую федерацию. В этом было отказано Федеральным сеймом (ноябрь 1527 г.). Затем Цюрих вступил в *Христианскую гражданскую лигу* (*das christliche Bürgerrecht*) с Констанцией, — лигу, основанную на их общих религиозных убеждениях, — пообещав защищать друг друга в случае нападения. Однажды поданному примеру вскоре последовали, и в последующие два года Лига быстро росла. Берн присоединился в июне 1528 года, Санкт-Галлен - в ноябре 1528 года, Биль - в январе, Мюльхаузен - в феврале, Базель - в марте и Шаффхаузен - в октябре 1529 года. Страсбург был принят в январе 1530 года. Даже Гессен и Вюртембург решили присоединиться. Берн и Цюрих пришли к соглашению, что евангельская проповедь должна быть разрешена на Общих Землях и что никто не должен быть наказан за свои религиозные взгляды.

Эта комбинация выглядела настолько угрожающей и содержала такие возможности, что Фердинанд Австрийский предложил создать контрлигу среди романистских кантонов; и в 1529 году был основан *Христианский союз*, в котором Люцерн, Цуг, Швиц, Ури и Унтервальден объединились с Австрийским герцогством, преследуя своей заявленной целью сохранение средневековой религии с некоторыми реформами, проведенными под руководством церковных властей. Конфедераты обязались обеспечить друг другу право наказывать еретиков. У этой Лиги также были свои возможности расширения. Считалось, что Бавария и Зальцбург могут присоединиться. Кантон Вале уже объединился с Савойей против Женевы и привел своего союзника в состав *Христианского союза*. Само создание Лиг угрожало войной, и недостатка в поводах для военных действий не было. Австрия стремилась напасть на Констанц, а Берн

стремился наказать Унтервальден за его неспровоцированное вторжение на территорию Берна. Положение и защита евангелического населения на Общих землях и в Свободных бейливиках требовали урегулирования, тем более что католические кантоны пообещали поддерживать друг друга в отстаивании своего права наказывать еретиков. Война казалась неизбежной. Шаффхаузен, Аппенцель и Граубюнден пытались выступить посредниками; но поскольку ни Цюрих, ни Берн не желали слушать никаких предложений, которые не включали бы право свободной проповеди, их усилия были напрасны. Ситуация, и без того сложная, усугубилась действиями кантона Швиц, который, поймав на своей территории цюрихского пастора по имени Кайзер, осудил его и сжег как еретика. Это был сигнал к войне. Было решено, что цюрихцы должны атаковать романистские кантоны, в то время как Берн защищал Общие Земли и, если потребуется, территорию своего родственного кантона. План кампании был составлен самим Цвингли, который также изложил условия заключения мира. Его предложения заключались в том, что лесные кантоны должны разрешить свободную проповедь Евангелия на своих землях; что они должны отказаться от пенсий от любой внешней власти и что все, кто их получает, должны быть наказаны как физически, так и штрафами; что союз с Австрией должен быть расторгнут; и что Цюриху и Берну должна быть выплачена военная контрибуция. Пока армии стояли друг против друга, цюрихцы получили настоятельный призыв от Ханса Оэбли, ландамана Гларуса, прислушаться к предложениям противника. Простым солдатам не нравились междоусобицы. Они смотрели друг на друга как на братьев, и аванпосты обеих армий были братскими. В этих обстоятельствах цюрихская армия (поскольку по швейцарскому обычаю армии на поле боя заключали договоры) приняла условия мира, предложенные их противниками. Этот мирный договор известен как Первый Каппелевский мир (июнь 1529 года). В нем предусматривалось, что союз между Австрией и романистическими кантонами должен быть расторгнут, а договоры “проткнуты и разрезаны” (пергаменты фактически были разрезаны на куски кинжалом на виду у всех); что в Общих землях никто не должен подвергаться преследованиям за свои религиозные убеждения; что большинство должно решать, сохранять старую веру или нет, и что для их решения должны быть посланы судебные приставы умеренных взглядов; что ни одна из сторон не должна нападать на другую из-за религии; что романистические кантоны должны выплатить военную контрибуцию Цюриху и Берну (бывшим кантонам). сумма была установлена в размере 2500 зонненкроненов; и что Люцерну и Лесным кантонам следует рекомендовать отмену пенсий для иностранцев и службы в наемничестве. Международный договор содержал семена будущей войны, поскольку цюрихцы верили, что они обеспечили себе право свободной проповеди в пределах романистических кантонов, в то время как эти кантоны считали, что им было предоставлено самим регулировать свою внутреннюю экономику по своему усмотрению. Цвингли предпочел бы урегулирование после войны, и будущее оправдывало его опасения.

Через три месяца после заключения Первого Каппелевского мира Цвингли был вызван на Марбургское совещание, и Реформация в Швейцарии неизбежно оказалась связанной с более широкой сферой немецкой церковной политики. Однако, возможно, было бы неплохо отложить это на потом и закончить внутреннюю историю швейцарского механизма.

Первый Каппелевский мир был всего лишь перемирием и вызвал раздражение обеих сторон друг у друга. Трения усилились, когда протестанты обнаружили, что романистические кантоны не допускают свободной проповеди на своей территории. Они также проницательно

подозревали, что, несмотря на разрыв и сожжение документов, взаимопонимание с Австрией все еще сохранялось. Произошло событие, которое, казалось, оправдывало их подозрения. Итальянский кондотьер Джованни Джакомо де Медичи захватил и удерживал (1525-1531) сильную позицию под названием Рокко ди Муссо на озере Комо, и из этой крепости он господствовал над всем озером. Этот негодяй убил Мартина Пауля и его сына, посланников из Граубюндена в Милан, пересек озеро и разорил плодородную долину Адда, известную как Вал Теллина, которая тогда находилась на территории Граубюндена (Граубюнден). Швейцарская конфедерация была обязана защищать своих соседей; но когда была подана апелляция, романистические кантоны отказались, и за этим отказом была видна рука Австрии. Кроме того, в Федеральных сеймах романистские кантоны отказались выслушивать какие-либо жалобы на религиозные преследования на их землях. На встрече Цюриха с ее союзниками было решено, что романистические кантоны должны быть вынуждены отменить систему пенсий для иностранцев и разрешить свободную проповедь на своих территориях. Цюрих был за открытую войну, но советы Берна возобладали. Было решено, что, если романистические кантоны не согласятся с этими предложениями, Цюрих и ее союзники должны воспрепятствовать прохождению вина, пшеницы, соли и железа через их территорию в Лесные кантоны. В результате лесные кантоны объявили войну, вторглись в Цюрих, пока этот кантон был неподготовлен, сражались и выиграли битву при Каппеле, в которой был убит Цвингли. Он сопровождал маленькую армию Цюриха в качестве ее капеллана. Победа румын привела ко Второму Каппелевскому миру, который отменил условия первого. С большинства протестантских кантонов были взысканы военные контрибуции. Было решено, что каждому кантону должна быть предоставлена свобода управлять своими собственными религиозными делами; что *Христианская гражданская лига* должна быть распущена; и был принят ряд особых положений, которые практически гарантировали права романистов без соответствующих преимуществ для протестантских меньшинств. Территории Цюриха остались нетронутыми, но город был вынужден в соответствии с хартией Каппеля предоставить права своим сельским округам. Она обязалась консультироваться с ними по всем важным вопросам и, в частности, не вступать в войну или мир без их согласия.

В результате этого сокрушительного поражения и сопровождавшей его смерти Цвингли Цюрих потерял свое место ведущего протестантского кантона, и руководство движением Реформации все больше и больше переходило в руки Женевы, которая была союзником, но не членом Конфедерации. Другим и более важным постоянным результатом этого Второго Каппелевского мира стало то, что в Швейцарии, как и в Германии, увидели, что, хотя Реформацию невозможно уничтожить, она не может завоевать для себя всю страну, и что католики и протестанты должны разделить кантоны и попытаться мирно жить бок о бок.

История Реформации в Швейцарии после смерти Цвингли настолько связана с более широкой историей движения в Германии и Женеве, что о ней едва ли можно говорить отдельно. Это также тесно связано с различиями, которые отделяли Цвингли от Лютера в учении о таинстве Вечери Господней.

§ 7. Спор о сакраменте. [37]

В Бернском диспуте 1528 года в четвертом тезисе говорилось: “из Священного Писания не может быть доказано, что Тело и Кровь Христа по существу и телесно принимаются в Евхаристии”, [38] и это утверждение стало отличительным лозунгом ранней швейцарской

реформации. Этот тезис, отрицательный, был, пожалуй, самым ранним официальным заявлением о смелой попытке избавиться от священнического чуда в Мессе, которое было сильнейшим теоретическим и практическим препятствием для принятия фундаментальной протестантской идеи о духовном священстве всех верующих. Этот вопрос серьезно привлекал внимание всех ведущих теологов Реформации, и этот очень резкий способ отмахнуться от него одновременно пришел в голову теологам в Нидерландах, в районе Верхнего Рейна, и во многих городах империи. Это было провозглашено во всей своей неприкрытой простоте Эндрю Боденштейном из Карлштадта, теологом немецкой демократии; но именно Цвингли тщательно проработал этот предмет и создал разумную, хотя и несколько ущербную теорию, основанную на довольно поверхностной экзегезе, в которой слова нашего Господа “*Это есть Мое Тело*”, как было объявлено, означают не что иное, как “*Это означает Мое Тело*”. Лютер, всегда склонный сурово относиться ко всему, что приходило из Карлштадта, склонный преувеличивать свое влияние на немецкую протестантскую демократию, всем сердцем верящий, что в Таинстве Святой Вечери элементы Хлеба и Вина были чем-то большим, чем просто признаками Тела и Крови Господней, был сильно тронут, обнаружив, что такие взгляды на центральное учение христианства распространяются по его любимой Германии. Он никогда не останавливался, чтобы спросить, действительно ли мнения, которые, как он видел, с энтузиазмом принимались в большинстве имперских городов, отличались от мнений Карлштадта (ибо это один из печальных фактов в этом прискорбном споре). Он просто осудил их и выступил против Цвингли, чье имя было широко известно за границей как их автора и пропагандиста. Нюрнберг был почти единственным крупным городом, который остался ему верен. Это был также единственный город, который управлялся древним патрициатом и в котором демократия имела мало власти или вообще ее не имела. Когда ван Хозен и Карл Штадт в Нидерландах, Хедио в Майнце, Конрад Сэм в Ульме, когда проповедники Аугсбурга, Страсбурга, Франкфурта, Ройтлинга и других городов приняли учение Цвингли о Евхаристии и преподавали его, Лютер и его ближайшее окружение увидели гораздо больше, чем простое разделение в доктрине. Это было нечто большее, чем значение Святой Вечери или толкование сложного текста, которое раскололо протестантизм надвое и сделало Лютера и Цвингли лидерами противоборствующих партий в движении, где объединение было высшей необходимостью после решения в Шпейере в 1529 году. Богословский вопрос осложнялся социальными и политическими идеями, которые, если и не признавались открыто, то, по крайней мере, были в умах лидеров, принявших чью-либо сторону в споре. С одной стороны, были люди, которых Лютер считал частично ответственными за крестьянскую войну, которые были признанными лидерами той демократии, которой он научился не доверять, если не бояться, которые все еще хотели связать Реформацию с обширными политическими планами, каждый из которых имел тенденцию ослаблять имперскую власть посредством французских и других союзов, и которые только добавили к своим другим беззакониям теологическую теорию, которая, как он искренне верил, отнимет у верующих их утешительную уверенность в единении со своим Господом в Таинстве Святой Вечери.

В конце концов, реальная теологическая разница была не так велика, как обычно говорят. Учение Цвингли о Святой Вечере не было грубой теорией Карлштадта; и Лютер мог бы увидеть это, если бы только внимательно изучил его. Противоположные взгляды были, по сути, взаимодополняющими, и ярко выраженные идеи каждого из них имплицитно, хотя и не прямо, разделялись другим. Лютер и Цвингли подошли к этому вопросу с двух разных точек зрения, и в дебатах они не понимали друг друга и не смотрели друг другу в лицо.

Вся христианская церковь на протяжении всех веков находила три великие идеи воплощенными в Таинстве Святой Вечери, и все три имеют прямое отношение к смерти Спасителя на Кресте за Свой народ. Мысли - это Провозглашение, Воспоминание и Участие или Причастие. На Вечере верующие возвещают о смерти и о том, что она означает; они поминают Жертву; и они принимают участие или имеют общение с распятым Христом, который также является Воскресшим Спасителем. Средневековая Церковь настаивала на том, что этот сакраментальный союз со Христом находится в руках священства - давать или отказывать. Должным образом рукоположенные священники, и только они, могли привести верующих в такие отношения со Христом, которые сделали бы возможным участие в Таинстве: и из этого утверждения выросла средневековая теория Пресуществления. Оно также разделило Таинство Вечери на два отдельных обряда (выражение не слишком сильное) — мессу и Евхаристию — причем один инстинктивно связывался с поминовением, а другой - с участием.

Протестанты едины в отрицании особого священнического чуда, необходимого для объединения Христа и Его народа в Таинстве; но легко видеть, что они могли бы подойти к этому вопросу двумя разными путями - мессы или Евхаристии. Цвингли пошел по одному пути, а Лютер - по другому.

Цвингли считал, что средневековая церковь вытеснила библейскую мысль *о поминовении* и заменила ее небиблейской идеей *повторения*. Средневековый священник утверждал, что благодаря чудесной силе, данной при посвящении, он действительно мог превратить хлеб и вино в настоящее физическое Тело Иисуса, и, когда это было сделано, он мог снова воспроизвести агонию на Кресте, раздавив его зубами. Эта идея казалась Цвингли совершенно нечестивой; она позорила Единственную великую Жертву; она не соответствовала Писанию; она зависела от священнического дара творить чудо, которого не существовало. Тогда он верил, что шестая глава Евангелия от Святого Иоанна запрещает всякую мысль о том, что духовная польза может быть получена от простого вкушения ртом. Именно искупление, совершенное смертью Христа, было воспринято и увековечено на Святой Вечере; а искупление всегда принимается верой. Таким образом, две основные мысли в теории Цвингли заключаются в том, что средневековая доктрина должна быть очищена путем замены идеи повторения смерти Христа на увековечение памяти об этой смерти и мысли о том, чтобы зубоскалить, на мысль о вере, которая является способностью, позволяющей получать духовные блага. Но Цвингли верил, что живая вера всегда приносит с собой присутствие Христа, ибо не может быть истинной веры без действительного духовного контакта со Спасителем. Поэтому Цвингли считал, что на Святой Вечере присутствовал Христос; но духовное присутствие, приносимое верой верующего причастника, а не элементами Хлеба и Вина, которые были всего лишь знаками, *представляющими* Тело, которое телесно отсутствовало. Недостаток этой теории заключается в том, что она никоим образом не ставит Присутствие Христа в Таинстве в зависимость от таинства; нет никакого сакраментального присутствия, кроме того, которое присутствует в любом акте веры. Только после того, как Цвингли разработал свою теорию, он искал и нашел объяснение словам нашего Господа и учил, что "*Это Мое Тело*" должно означать "*Это означает Мое Тело*". Его теория полностью отличалась от теории Карлштадта, с которой Лютер всегда отождествлял ее.

Лютер подошел ко всему этому вопросу другим путем. Что отталкивало его в средневековом учении о Святой Вечере, так это то, что он верил в то, что оно попирает духовное священство всех верующих. Он протестовал против Пресуществления и частных Месс, потому что они были

самыми вопиющими примерами такого презрения. Когда он впервые проповедовал на эту тему (1519), речь шла о требовании “чаши” для мирян, и в своей проповеди он использует выражение, которое показывает, как развивались его мысли. Он говорит, что в Таинстве Святой Вечери “причастник настолько соединяется со Христом *Его святыми*, что жизнь и страдания Христа и жизни и страдания святых становятся его собственными”. Никто так твердо, как Лютер, не утверждал, что Искупление было совершено нашим Господом, и только Им одним. Поэтому он не может думать об Искуплении, когда говорит о единении с жизнью и страданиями святых. Он считает, что главное в Таинстве - это то, что оно дает такое общение с Иисусом, какое было у Его учеников и святых. Там, конечно, была ссылка на смерть Христа и на Искупление, ибо без этой смерти никакое общение невозможно; но ссылка косвенная, и через мысль о братстве. В Таинстве мы прикасаемся ко Христу так, как могли бы прикасаться к Нему Его ученики, когда Он жил на земле, и как Его прославленные святые прикасаются к Нему сейчас. Таким образом, эта ссылка ясно показывает, что Лютер видел в Таинстве Вечери присутствие прославленного Тела нашего Господа и что основное назначение Таинства состояло в том, чтобы привести причастника в соприкосновение с этим прославленным Телом. Это требовало присутствия (а Лютер считал присутствие протяженным в пространстве) прославленного Тела Христова в Таинстве для того, чтобы причастник мог находиться в реальном контакте с ним. Но общение с Живым Христом подразумевает присвоение смерти Христа и Искупления, достигнутого Его смертью. Таким образом, отсылку к Распятому Христу, которой Цвингли достигает прямо, Лютер достигает косвенно; а отсылку к Живому Воскресшему Христу, которой Цвингли достигает косвенно, Лютер достигает прямо. Лютер избежал необходимости в священническом чуде для приведения Тела, растянутого в пространстве, в непосредственную связь с элементами Хлеба и Вина, введя схоластическую теорию о том, что подразумевается под присутствием в Пространстве. Тело может присутствовать в Пространстве, говорили схоласты, двумя способами: оно может присутствовать таким образом, что исключает из занимаемого им пространства любое другое тело, или оно может присутствовать, занимая то же пространство с другим телом. Прославленное Тело Христово может присутствовать последним способом. Так было, когда наш Господь после Своего Воскресения внезапно появился среди Своих учеников в комнате, двери которой были закрыты; ибо тогда в какой-то момент времени она, должно быть, занимала то же пространство, что и часть стен или двери. Следовательно, прославленное Тело Христа может естественным образом находиться в *элементах* без какого-либо особого чуда, ибо оно *вездесуще*. “Это в столе, за которым я пишу, - сказал Лютер, - в камне, который я швыряю в воздух”. Оно находится в *элементах* Святой Вечери совершенно естественным образом, и не нужно никакого священнического чуда, чтобы привести его туда. Это естественное присутствие Тела Христова в элементах Вечери превращается в Сакраментальное Присутствие по обетованию Божьему, которое прилагается к благоговейному и верующему приобщению к Святой Вечере.

Это были две теории, которые якобы разделили протестантов в 1529 году на две партии, одну из которых возглавлял Цвингли, а другую - Лютер. Они не были настолько антагонистичны, чтобы их нельзя было примирить. Каждый теолог неявно придерживался того, что другой заявлял явно. Цвингли ставил отношение к Смерти Христа на передний план, но неявно признавал отношение к Воскресшему Христу — возвращаясь к точке зрения, которой придерживалась Ранняя Церковь. Лютер ставил общение с Воскресшим Христом на передний план, но допускал ссылку на Распятого Христа, принимая средневековый взгляд на этот вопрос. Один прибегнул к очень поверхностной экзегезе, чтобы помочь себе, а другой - к схоластической теории пространства;

и естественно, но, к сожалению, когда возник спор, спорящий атаковал самую слабую часть теории своего оппонента — Лютера, экзегезу Цвингли; и Цвингли, схоластическую теорию пространственного присутствия Лютера.

Попытка достичь взаимопонимания между Лютером и Цвингли, предпринятая Филиппом Гессенским, доверенным лицом Цвингли, и выражавшая симпатию к схемам политического объединения швейцарского реформатора, уже упоминалась, и о ее неудаче рассказывается. [39] Нет необходимости обсуждать это снова. Но для истории Реформации в Швейцарии необходимо сказать кое-что о дальнейшем развитии этого Сакраментального спора. Кальвин постепенно склонял швейцарских протестантов к своим взглядам; и необходимо упомянуть о его теории, которая, казалось, когда-то собиралась объединить разделенных протестантов.

Кальвин начал свое изучение учения о таинстве Святой Вечери независимо как от Лютера, так и от Цвингли. Его положение швейцарского богослова и дружба со своим коллегой Уильямом Фарелем, который был цвинглианцем, заставили его адаптировать свою теорию к цвинглианскому языку; но он ничего не заимствовал у цюрихского реформатора. Он был вполне готов принять толкование Цвингли в той мере, в какой это касалось слов; но он придал фразе Цвингли другое, совершенно отличное значение: *Это означает Мое Тело*. Он был готов назвать “элементы” *знаками* Тела и Крови Господней; но в то время как Цвингли называл их знаками, которые *представляют* (*signa representativa*) то, что *отсутствовало*, Кальвин настаивал на том, чтобы называть их знаками, которые *проявляют* (*signa exhibitiva*) то, что *присутствует* — различие, которое постоянно забывается при описании его отношения к теориям Цвингли, и которое позволило ему убедить Лютера в том, что он считал Реальное Присутствие о Телесном Христовом в таинстве Святой Вечери. Подробное описание учения Кальвина о Святой Вечере потребовало бы больше места, чем может быть приведено здесь, и возможно лишь краткое изложение основных мыслей. Его общей со всеми реформаторами целью было создать доктрину Таинства Вечери, которая одновременно соответствовала бы Писанию, была свободна от суеверий и грубых материалистических ассоциаций, возникших вокруг теории пресуществления, и которая явно сохраняла бы провозглашенное великой Реформацией духовное священство всех верующих. Он вернулся к средневековой идее пресуществления и спросил, дает ли она истинное представление о том, что подразумевалось *подсубстанцией*. Он решил, что это не так, и поверил, что основной мыслью в *субстанции* были не измерения в пространстве, а сила. *Субстанция* тела заключается в его *силе*, активной и пассивной, а *присутствие субстанции* чего бы то ни было заключается в непосредственном применении этой силы. [40] Когда Лютер и Цвингли говорили о *субстанции* Тела Христова, у них всегда в голове была мысль о чем-то протяженном в пространстве; и один утверждал, в то время как другой отрицал, что это Тело Христово, нечто протяженное в пространстве, могло присутствовать и присутствовало в Таинстве Вечери. Концепция *субстанции* Кальвина позволила ему сказать, что везде, где что-либо действует, оно есть. Он отрицал грубое “субстанциональное” присутствие, на котором настаивал Лютер; и в этом он был на стороне Цвингли. Но он утверждал реальное, потому что активное присутствие, и в этом он был на стороне Лютера.

Точка зрения Кальвина была определенно принята Меланхтоном и несколько неопределенно — Лютером. Имперские города во главе со Страсбургом, находившиеся под влиянием Буцера, который сам разработал доктрину, мало чем отличающуюся от доктрины Кальвина, были включены в Виттенбергское соглашение (май 1536 г.); но Лютер не хотел иметь ничего общего

со швейцарцами. Поскольку было тщетно надеяться, что Швейцария будет включена в какой-либо лютеранский союз, Кальвин поставил перед собой задачу добиться догматической гармонии в Швейцарии. Совместно с Буллингером, зятем и преемником Цвингли в Цюрихе, он составил *Цюрихский консенсус* (*Consensus Tigurinus*) в 1549 году. [41] Документ является кальвинистским по теологии и в значительной степени цвинглианским по языку. Это было принято с некоторыми трудностями в Базеле и Берне, а также сердечно в Биле, Шаффхаузене, Мюльхаузене и Санкт-Галлене. Это положило конец догматическим спорам в протестантской Швейцарии, которая, таким образом, была объединена под единым вероучением.

Это не означает какого-либо усиления протестантизма в Швейцарии. Романистические кантоны сблизились еще больше. Кардинал Карло Борромео из Милана проявлял глубокий интерес к контрреформации в Швейцарии. Он ввел иезуитов в кантоны Люцерн и Форест, и после его смерти эти кантоны образовали лигу, в которую вошли Люцерн, Ури, Швиц, Цуг, Унтервальден, Фрейбург и Золотурн (1586). Эта Лига (*Лига Борромео*) обязалась своим членам поддерживать римско-католическую веру. Демаркационные линии между протестантскими и романистическими кантонами Швейцарии практически сохранились до наших дней.

ГЛАВА III.

РЕФОРМАЦИЯ В ЖЕНЕВЕ При КАЛЬВИНЕ. [42]

§ 1. Женева.

У Женевы, которой суждено было стать цитаделью реформатской веры в Европе, была история, подготовившая ее к той роли, которую ей было суждено сыграть.

Древняя конституция города, торжественно обнародованная в 1387 году, признавала три различные власти в его стенах: епископа, который был сувереном или “принцем” города; графа, владевшего цитаделью; и свободных бюргеров. Первым действием епископа при его назначении было пойти в церковь Святого Петра и поклясться на Молитвеннике, что он будет соблюдать гражданские права. Савойский дом унаследовал графство Женева, и они были представлены в городе вице-королем, которого звали граф или *Видомн*. Он был верховным судьей. Граждане были демократически организованы. Они собирались раз в год на признанное гражданское собрание, чтобы избрать четырех синдиков своими правителями и представителями. Именно синдики в своем официальном качестве выслушали клятвы епископа и Видомна защищать права и привилегии города. Они следили за порядком в стенах от восхода до заката.

Эти три отдельные власти часто конфликтовали, и в трехсторонней дуэли горожане и епископ, как правило, были в союзе против Савойского дома и его вице-короля. Следствием этого стало то, что немногие средневековые города, находившиеся под церковным управлением, были более лояльны своему епископу, чем Женева, при условии, что он уважал права людей и поддерживал их против феодалов, когда те пытались притеснять их.

В последующие за 1444 годом годы наследственной верности своим епископам пришлось выдержать суровые испытания. Граф Амадей VIII Савойский, один из самых замечательных людей пятнадцатого века, — он взошел на папский престол и сложил с себя понтификат, чтобы стать отшельником, — использовал свою папскую власть, чтобы завладеть епископством. С этой даты епископ Женевы почти всегда был членом Савойского дома, и права граждан по большей части игнорировались. Епископство стало уделом Савойи, и мальчики (одному было десять лет, другому семнадцать) и бастарды правили с епископской кафедры.

После долгого сопротивления среди горожан сформировалась партия, поклявшаяся восстановить старые права города. Они называли себя или были названы другими *эйдгенотами (Eidgenossen)*; в то время как сторонников епископа и Савойского дома называли *мамелюками*, потому что, как говорили, они оставили христианство.

В своих затруднениях женевцы обратились к ближайшим к ним швейцарским кантонам с просьбой о союзе с Фрайбургом и Берном. Фрейбург согласился, и в 1519 году был заключен союз; но Берн, аристократическая республика, не желал вмешиваться в борьбу за демократию в городе за пределами Швейцарской конфедерации. Граждане Берна, более сочувствующие им, чем их правители, вынудили их заключить союз с Женевой в 1526 году — очень нерешительно со стороны Бернского совета.

Швейцарские кантоны, особенно Берн, в своих собственных интересах не могли допустить, чтобы патриотическая партия в Женеве была полностью разгромлена, а “ворота Западной Швейцарии” остались полностью во владении Савойского дома. Поэтому, когда епископ собрал армию с целью эффективного подавления любой оппозиции в городе, Берн и Фрейбург собрали свои силы и разгромили войска Савойи. Но союзники, вместо того чтобы в полной мере использовать полученное преимущество, удовлетворились компромиссом, по которому епископ оставался сеньором Женевы, в то время как права Видомна были значительно урезаны, а привилегии горожан должны были соблюдаться (19 октября 1530 г.).

С этой даты Женевой управлял так называемый *Малый совет*, о котором обычно говорили как о Совете; затем *Совет двухсот*, созданный по образцу Советов Фрейбурга и Берна; наконец, *Генеральный совет*, или собрание граждан. Все важные сделки сначала представлялись на рассмотрение *Малого совета*, который передавал их со своим мнением о том, что должно быть сделано, *Совету Двухсот*. Никакое изменение ситуации — например, принятие Реформации — не принималось окончательно до тех пор, пока не было представлено на рассмотрение *Генерального совета* всех бюргеров.

Вполне возможно, что если бы существовали какие-либо ближайшие перспективы присоединения Женевы к Реформации, Берн помог бы патриотам более эффективно. Берн был великой протестантской державой в Западной Швейцарии. Его единая политика с 1528 года заключалась в том, чтобы стать защитником городов и округов, где большинство жителей стремились встать на сторону Реформации и которым препятствовали их сюзерены. Это позволило заключить союзы с городами на территориях базельского епископа и позволило им отстаивать свою независимость. В мае (23-го) 1532 года он предупредил герцога Савойского, что если он подумает о преследовании жителей Пайерна из-за их религии, то сделает их дело своим, и заявил, что его союз с городом гораздо более древний, чем любой из существующих

между Берном и герцогом. [43] Но случай с Женевой был иным. Действительно, не было недостатка в признаках того, что многие люди были склонны к Реформации. [44] Более чем вероятно, что некоторые из членов Соборов жаждали религиозной реформы. Но какими бы серьезными ни были реформаторы, они были в меньшинстве, и в политику Берна не входило вмешиваться без должного вызова во внутреннюю администрацию города; еще меньше - наблюдать за возвышением сильного и независимого римско-католического города-республики на своей собственной западной границе.

Внезапно, в середине 1532 года, Женева погрузилась в состояние сильного религиозного волнения. Папа Климент VII. опубликовал Индульгенцию в городе на обычных условиях. Утром 9 июня горожане обнаружили на всех дверях церквей большие печатные плакаты, объявляющие, что “каждому будет даровано полное прощение за все их грехи при одном условии покаяния и живой веры в обетования Иисуса Христа”. Город был потрясен до глубины души. Священники бросились срывать плакаты. Вмешались “лютеране”. Последовали беспорядки, и один из каноников собора, Пьер Верли, был ранен в руку. [45]

Романисты, как внутри города, так и за его пределами, были склонны полагать, что это дело значило больше, чем было на самом деле. Фрейбург с большим подозрением относился к влиянию большого протестантского кантона Берн, возможно, не без оснований. 7 марта 1532 года жители Фрейбурга обвинили депутатов Женевы в склонности к лютеранству, и более чем вероятно, что евангелисты Женевы имели какие-то частные отношения с советом Берна, и им сказали, что времена еще не созрели для каких-либо открытых действий со стороны протестантского кантона. История с плакатами, свидетельствовавшая о возросшей силе евангелической партии, вновь пробудила подозрения и усилила тревогу. Депутат из Фрайбурга предстал перед Советом Женевы с жалобой на плакаты, [46] и на распространение еретической литературы в городе Женева (24 июня). Папский нунций написал из Шамбери (8 июля), спрашивая, правда ли, как было публично заявлено, что лютеранская ересь открыто исповедуется и преподается в домах, церквях и даже в школах Женевы. [47] Письмо нунция было отклонено с небрежным ответом; но Фрайбургу пришлось удовлетвориться. Две выдержки из Реестра Собора, процитированные Эрминьяром, показывают их стремление удовлетворить Фрайбург и в то же время свидетельствуют об очень умеренном рвении к романистической религии. Они решили (29 июня), что ни одному школьному учителю не должно быть позволено проповедовать в городе без специального разрешения викария или Синдиков; и (30 июня) они решили попросить викария следить за тем, чтобы Евангелие и Послание дня читались “правдиво, без примеси басен и других выдумок человеческих”; они добавили, что намерены жить как их отцы, без каких-либо новшеств. [48]

Волнение еще не улеглось, когда Фарел прибыл в город осенью 1532 года. Он тихо проповедовал в домах; но о его приходе было известно, и это привело к некоторым беспорядкам. Он и его спутники, Сонье и Оливетан, были схвачены и высланы из города. Реформация началась, и, несмотря на множество препятствий, ей было суждено увенчаться успехом.

§ 2. Реформация в Западной Швейцарии.

Обращение Женевы в реформатскую веру стало венцом работы, которой кантон Берн способствовал с тех пор, как его Совет в 1528 году принял решение принять Реформацию. Сам Берн принадлежал немецкоязычной Швейцарии, но у него были обширные владения во

франкоязычных районах. Это было единственное государство, достаточно сильное, чтобы противостоять герцогам Савойским, и на него смотрели как на естественного защитника от этого Дома и других феодальных княжеств. Его положение можно увидеть по его отношениям к Pays de Vaud. Pays de Vaud состоял из конфедерации городов и небольших феодальных поместий, присягнувших Савойскому дому. Знать, города и в некоторых случаях духовенство направили депутатов в сейм, который собрался в Мудоне под председательством “губернатора и бальи де Во”, представлявшего герцога Савойского. Большая часть страны отделилась от Савойи в разные периоды XV века. Лозанна и восемь других небольших городов и округов составляли вотчину князя-епископа Лозанны. Кантоны Фрайбург и Берн совместно правили Орбе, Внуком и Моратом. Берн стал единоличным правителем так называемых четырех командорств - Эгля, Ормонта, Оллона и Бекса. Эти четыре командных пункта были отдаленными районами Берна и полностью находились под властью его Совета. Когда Берн принял Реформацию, он, естественно, пожелал, чтобы его подданные последовали его примеру; и его политика всегда была направлена на то, чтобы побудить другие части Пэй-де-Во также стать протестантами. Фареля, апостола франкоязычной Швейцарии, можно было бы назвать почти агентом Бернского собора.

Его метод работы лучше всего можно увидеть на примерах Эгля и Лозанны, одного из которых он владел сам, а другой принадлежал князю-епископу, который был его политическим правителем.

Уильям Фарел, некогда член “группы Мо”, которого мы уже видели активным участником Диспута в Берне в начале 1528 года, обосновался в Эгле в 1526 году, вероятно, к середине ноября. [49] Он так и сделал, говорит он в своих мемуарах Совету Берна—

“С намерением открыть школу для обучения молодежи добродетели и учености, а также для того, чтобы самому обеспечивать себя всем необходимым для жизни. Некоторые местные жители сразу же проявили братскую доброжелательность, и они попросили меня проповедовать Слово Божье до возвращения губернатора, который в то время находился в Берне. Я согласился на их просьбу. Но как только губернатор вернулся, я попросил его разрешения сохранить школу, а также через знакомых попросил его разрешить мне проповедовать. Губернатор удовлетворил их просьбу, но при условии, что я не проповедовал ничего, кроме чистого, ясного Слова Божьего в соответствии с Ветхим и Новым Заветом, без каких-либо дополнений, противоречащих Слову, и без нападок на Святые Таинства.... Я пообещал подчиниться воле Губернатора и заявил, что готов подвергнуться любому наказанию, которому ему будет угодно подвергнуть меня, если я ослушаюсь его приказов или буду действовать любым способом, признанным противоречащим Слову Божьему”. [50]

Это было началом работы, которая постепенно распространилась по франкоговорящей Швейцарии.

Епископ Сиона, в епархии которого находился Эгль, издал приказ, запрещающий всем странствующим проповедникам, не имеющим его епископской лицензии, проповедовать в пределах его епархии; и это, по-видимому, было использовано против Фарела. Должно быть, было сделано какое-то представление Бернскому совету, который с возмущением заявил, что никому не разрешается публиковать цитаты, отлучения от церкви, интердикты, *никаких официальных фанфар* на их территории; но в то же время приказал Фарелю прекратить

проповедь, потому что он никогда не был рукоположен в священники (22 февраля 1527 г.). [51] Запрет длился недолго; в протоколе Совета (8 марта) говорится: “Фарелу разрешено проповедовать в Эгле, пока Кoadъютор не пришлет другого способного священника”. [52] Проблемы возникли из-за священников и монахов, но в целом Бернский собор поддержал его; и Халлер и другие писали из Берна частным образом, умоляя его упорствовать. [53] Он остался, и число тех, кто принял евангельскую веру под его руководством, постепенно увеличивалось, пока они, по-видимому, не составили большинство людей. [54] Он сам признался, что больше всего ему мешало осуждение господствующей аморальности. На Диспуте в Берне Фарель был признан одним из самых способных присутствовавших теологов и в немалой степени способствовал успеху конференции. Бернский совет увидел в нем инструмент, наиболее подходящий для евангелизации их франкоговорящего населения. Он вернулся в Эгль под защитой Совета, который послал с ним вестника, чтобы убедиться, что к нему следует относиться со всем уважением, и передал ему, кроме того, “открытое письмо”, приказывающее своим чиновникам оказывать ему всяческую помощь повсюду в пределах их четырех командований. [55] Он был признан евангелистом Бернского собора. Это не предотвращало случайных беспорядков, бунтов, разжигаемых священниками и монахами, которые заставляли звонить в колокола, чтобы заглушить голос проповедника, а иногда нанимали людей бить в барабаны у дверей церквей, в которых он проповедовал. Его успех, однако, был настолько велик, что, когда уполномоченные Берна посетили свои четыре комендатуры, они обнаружили, что три из них были готовы большинством голосов принять Реформацию (2 марта 1528 года). Принятие Реформации ознаменовалось демонтажем алтарей и изображений, а также отменой мессы.

В приходах, где большинство населения высказалось за Реформацию, Бернский совет издал инструкции о порядке проведения публичных богослужений и других церковных обрядов. Таким образом, мы находим, что они намекали своему губернатору в Эгле, что они ожидают, что люди будут соблюдать ту же форму крещения, Трапезы Господней и бракосочетания, что и в Берне (25 апреля 1528 г.). [56] Бернская литургия, обязательная во всех немецкоязычных районах кантона, не была введена в романских церквях до 1552 года. Затем, в июле (1528 г.), губернатору сообщают, что...

“Мои лорды постановили разрешать проповедникам Фарелю и Симону ‘возливать господам пребенде’ двести савойских флоринов ежегодно, а также дом с двором и огород. Но если они предпочитают пользоваться старыми доходами от приходских лекарств ... Милорды согласны. Если же, напротив, они возьмут двести флоринов, вы должны продать церковные товары, а также собрать сотые доли и десятину, и из всего этого вы должны платить двести флоринов ежегодно”. [57]

Пасторы предпочли занять место представителей католической церкви, и, соответственно, кастеляну, синдику и прихожанам Эгля было направлено еще одно распоряжение передать Фарелу церковное имущество прихода, “учитывая, что разумно, чтобы пастор получал свою долю плодов от овец”. [58]

История Aigle повторялась снова и снова в других частях западной Швейцарии. В судебных округах, которыми совместно управляли Берн и Фрайбург, Берн настаивал на свободе проповеди и на праве народа выбирать, оставаться ли ему католиками или стать протестантами. При голосовании председательствовали уполномоченные от двух кантонов.

Фарел был слишком ценным человеком, чтобы оставлять его пастором в таком маленьком районе, как Эгль. Мы видим, что он совершает широкие проповеднические поездки, всегда находясь под защитой Берна, когда защита была возможна. У протестантов было укоренившееся убеждение, что публичные диспуты по вопросам религии в присутствии народа, говорящие на понятном толпе языке, всегда приводили к распространению Реформации; и Берн постоянно пытался организовать такие конференции в городах, где власти были католическими. Их первое вмешательство в церковные дела Лозанны было такого рода. Похоже, что некоторые из священников Лозанны обвинили Фареля в еретичестве; после чего Бернский собор потребовал, чтобы Фарель предстал перед трибуналом епископа Лозанны, чтобы доказать, что он не еретик. Требование привело к длительной переписке. Епископ постоянно отказывал; в то время как Совет и граждане, казалось, были склонны удовлетворить просьбу. Фарелу не удалось добиться слушания дела в епископальном суде, но он посетил город, и во второй раз Совет разрешил ему проповедовать народу. Это повторялось снова и снова, и в результате город стал протестантским и отрекся от власти епископа. Берн помог жителям изгнать епископа и стать свободным муниципалитетом и протестантским.

Постепенно Фарель стал лидером организованной группы миссионеров, посвятивших себя евангелизации западной или франкоговорящей Швейцарии. [59] Они были тщательно отобраны — молодые люди, по большей части, хорошо образованные, с безграничной храбростью, готовые идти навстречу любому риску, связанному с их опасной работой, не боящиеся никаких угроз или опасностей, держащие свою жизнь в своих руках. Они были предшественниками молодых проповедников, учителей и колпортеров, которых Кальвин позже обучил в Женеве и сотнями отправил проповедовать евангелие во Францию и Нидерланды. Все они были отборными людьми. Никого не допускали в маленькую группу, не будучи хорошо предупрежденным об опасной работе, которая ему предстояла, и некоторые из тех, кто был готов пойти на любой риск, были отвергнуты, потому что лидер не был уверен, что у них хватит выдержки. [60] Эти проповедники находились под защитой кантона Берн, власти которого были полны решимости сохранить свободу проповеди Слова Божьего; но они постоянно отправлялись туда, где бернцы не могли им помочь; и защита этого могущественного кантона не могла помочь им во внезапных чрезвычайных ситуациях, когда ожесточенные сторонники романизма, взбешенные оскорблениями, которыми проповедники обрушивались на злоупотребления римской религией, или разгневанные самим их присутствием, настраивали против них толпу. Когда читается их переписка и переписка их оппонентов — переписка, собранная и тщательно отредактированная М. Эрминьяром, — становится ясно, что они всегда могли рассчитывать на определенную долю сочувствия со стороны жителей городов и деревень, где они проповедовали, но что власти были по большей части враждебны. Если Берн настаивал на их защите, то Фрайбург столь же активно противодействовал им и не упускал возможности призвать местные власти всячески преследовать их, заставить замолчать их проповеди и, по возможности, изгнать их со своих территорий.

У таких людей были недостатки их качеств. Их рвение часто превосходило их благоразумие. Когда Фарел и Фромант, самые смелые и преданные из его группы, проповедовали в деревне в долине Филлинген, священник начал читать мессу рядом с ними. Когда священник поднял Воинство, Фромант схватил его и, повернувшись к людям, сказал: “Это не тот Бог, которому следует поклоняться; Он на Небесах во славу Отца, а не в руках священников, как вы верите и как они учат”. Конечно, был бунт, но проповедники сбежали. Однако на следующий день, когда они проходили мимо уединенного места, на них напала толпа мужчин и женщин, забросала

камнями и избила дубинками, после чего поспешила в соседний замок, хозяйка которого спровоцировала нападение. Там их насильно втолкнули в часовню, и толпа попыталась заставить Фарела пасть ниц перед изображением Пресвятой Девы. Он сопротивлялся, увещевая их поклоняться единому Богу в духе и истине, а не бессловесным образом, лишенным смысла или силы. Толпа избила его до крови, и двух проповедников потащили в подземелье, где они находились в заключении до тех пор, пока власти Невшателя не спасли их. [61]

Все эти проповедники были французами или франко-швейцарцами. В их жилах текла горячая кельтская кровь, а слушатели были их родными и близкими - стремительными к действию, импульсивными, когда в них кипели страсти. Во время их проповеди происходили сцены, о которых мы редко слышим среди медлительных немцев, которые обычно ждали, пока их поведут власти. В западной Швейцарии зрители стремились избавиться от осуждаемого идолопоклонства. Ночью люди бросились к церкви Кордельеров и снесли алтари и образа, в то время как кресты, алтари и изображения приходской церкви также были уничтожены. [62] Аналогичные беспорядки имели место в Орбе; и власти Берна, желавшие свободы как для протестантов, так и для католиков, имели повод упрекнуть ревностных проповедников.

Но опасности, которым подвергались миссионеры, не всегда были спровоцированы ими самими. Иногда толпа женщин вторгалась в церкви, в которых они проповедовали, прерывала службы криками, давила и избивала проповедников; иногда, когда они обращались к людям на рыночной площади, проповедников и их аудиторию осыпали градом камней; иногда Фарела и его спутников подстерегали и подвергали жестокому обращению. [63] Месье де Ватвиль, присланный властями Берна сообщить о беспорядках, написал в Бернский совет, что лица проповедников были настолько изуродованы, что казалось, будто они дрались с кошками, и что однажды против них прозвучал сигнал тревоги, как это было принято при охоте на волков. [64]

Никакие опасности не пугали миссионеров, и вскоре все отдаленные районы Берна, Невшателя, Солера и других франкоговорящих частей Швейцарии выступили за Реформацию. Кантональные власти часто присылали уполномоченных для выяснения пожеланий людей; и когда большинство жителей голосовало за евангелическую религию, церковь, приходской дом и стипендия передавались протестантскому пастору. Многие миссионеры Фарела были временно поселены в этих деревенских церквях; но по большей части они были лучше приспособлены для пионерской работы, чем для постоянного пасторства. В январе (9-14) 1532 года в Берне состоялся синод этих протестантских пасторов, на котором обсуждались некоторые единообразные способы осуществления их служения, чтобы предотвратить беспорядки, возникающие из-за индивидуального каприза. Присутствовали двести тридцать служителей, и Буцера привезли из Страсбурга, чтобы он давал им указания. Его совет был высоко оценен, и делегаты церквей и Бернский совет последовали ему. В конце концов Синод издал тщательно продуманный указ, который включал пространное изложение доктрины. [65]

§ 3. Фарель в Женеве.

Именно после этой консолидации Реформации в Берне и прилегающих провинциях Фарель почувствовал себя свободным обратить свое внимание на Женеву. Очевидно, он в течение нескольких месяцев думал о возможности евангелизации города. Он мало боялся самих людей и писал Цвингли (1 октября 1531 г.), что, если бы не страх перед Фрейбургом, он верил, что женевцы приветствовали бы Евангелие. [66] Дело с "плакатами", похоже, решило его начать свою миссию в городе. Когда его выгнали, он был далек от того, чтобы отказаться от

предприятия. Он обратился к Фроману, своему самому доверенному помощнику, и отправил его в Женеву.

Антуан Фроман, которому наряду с Фарелем выпала честь быть реформатором Женевы, родился в Трисе, недалеко от Гренобля, около 1510 года. Следовательно, он, как и Фарель, был уроженцем Дофине. Как и он, он также отправился в Париж для получения образования и познакомился с Лефевром, который, кажется, познакомил его с Маргаритой д'Ангулем, королевой Наварры, [67] поскольку он получил от нее пребенду в каноническом монастыре в одном из ее поместий. Какон попал в Швейцарию, неизвестно. Оказавшись там и познакомившись с Фарелем, он стал его самым смелым и увлеченным учеником, и Фарель ценил его выше всех остальных. Ими были Павел и Тимофей. Было естественно, что Фарел доверил ему трудную и опасную задачу проповеди Евангелия в Женеве.

Арест и высылка Фарела сделали необходимым действовать с осторожностью. Фроман прибыл в Женеву (3 ноября 1532 г.) и начал свою работу с публичного объявления (*плакат*) о том, что он готов обучать любого, кто желает научиться читать и писать на французском языке, и что он не будет взимать никакой платы, если его ученики не смогут воспользоваться его инструкциями. Пришли ученые. [68] Ему удавалось совмещать евангельские наставления со своими уроками — “каждый день одну или две проповеди из Священного Писания”, — говорит он, - и вскоре он обратил многих, особенно среди жен влиятельных граждан. Ближе к концу 1532 года монахи одного из женевских монастырей привезли в город доминиканца Кристофера Боке в качестве своего адвентистского проповедника. Его проповеди, по-видимому, были в основном евангелическими и побудили многих горожан посещать выступления Фромана в зале, где он держал свою школу. [69] Это вызвало угрозы со стороны романистов и резкие проповеди священников и ораторов-романистов. Один гражданин, осужденный за неуважительное отношение к Мессе, был изгнан, и ему запретили возвращаться под страхом смерти. По этому поводу евангелисты города обратились в Берн. На их письмо был незамедлительно дан ответ со стороны Совета этого кантона с требованием оставить евангелистов в покое, и в случае публичного нападения им должно быть позволено ответить столь же публично. [70] Когда их письмо было зачитано в Совете Женевы, оно вызвало некоторые протесты со стороны наиболее ярых членов-романистов, и священники подтолкнули часть населения к беспорядкам, в ходе которых жизни евангелистов оказались под угрозой. Синдикам и Совету было трудно предотвращать конфликты на улицах. Они опубликовали указ (30 марта 1533 г.), в котором практически провозгласили свободу совести, но запретили все оскорбительные выражения, все нападки на Таинства или церковные посты и церемонии, и снова приказали проповедникам не говорить ничего, что не могло бы быть доказано Священным Писанием. [71]

Число евангелистов росло с каждым днем; они становились смелее, и 10 апреля они собрались в саду под председательством чулочника Герена Муэте на празднование Вечери Господней. Это стало известно романистам, и угрозы в адрес евангелистов возобновились, что достигло апогея во время беспорядков 5 мая — беспорядков, имевших важные последствия. [72] Похоже, что в то время, когда несколько граждан, как известно, принадлежащих к евангелической партии, прогуливались по площади перед собором Святого Петра, на них напала банда вооруженных священников, и трое из них были тяжело ранены. Лидер банды, буйный священник по имени Пьер Верли, принадлежавший к старинному фрайбургскому роду и служивший каноником в кафедральном соборе, в сопровождении еще пяти или шести человек с громкими криками бросился вниз, на широкую улицу Молар. Верли был вооружен одним из

огромных швейцарских мечей. Он и его товарищи напали на евангелистов; завязалась острая, короткая схватка; несколько человек были тяжело ранены, а Уэрли, “капитан священников”, был убит. [73] Дело наделало большой шум. Католики сразу же провозгласили Верли мучеником и почтили его пышными похоронами. Фрейбург настаивал на том, чтобы все евангелисты, случайно оказавшиеся в Моларде, были арестованы; и было сказано, что ведется подготовка к массовому убийству всех последователей Реформации. В отчаянии они снова обратились в Берн, власти которого снова вмешались в их защиту.

В эти беспокойные времена положение Женевского совета было очень трудным. Принц-епископ Женевы Пьер де ла Бом по-прежнему номинально был сувереном, как светским, так и церковным правителем. Его светские полномочия были сильно урезаны, насколько сильно, сказать трудно, но определенно до такой степени, что криминальное управление городом и подвластной ему территорией находилось в руках Совета и Синдиков. Фрейбург, один из двух защищающих кантонов, настаивал на том, что вся церковная власть по-прежнему находится в руках епископа, которым в его отсутствие будет управлять его викарий. [74] Соборы, хотя и принимали указы (30 июня 1532 г. и 30 марта 1533 г.), которые имели прямое отношение к церковным вопросам, по большей части признавали, что церковная юрисдикция им не принадлежит. Но все жители не были довольны таким умалением епископальной власти. Беспокойные священники и еще более жестокие каноники, [75] огромное количество монахов и монахинь желало и интриговало за восстановление правления епископа и Савойского дома. Зарождение движения за Реформацию усугубило трудности в работе Совета; это привело в город третью партию. Все евангелисты были решительно настроены против правления епископа и Савойи, и они быстро набирали силу; значительное меньшинство римских католиков не менее решительно выступало за возвращение к старым порядкам. Большинство граждан Римско-католической церкви, настроенных против епископа как светского правителя, не желали триумфа Реформации. Со временем стало ясно, что этим умеренным романистам пришлось выбирать между возвращением старого беспорядочного правления епископа или согласием как с церковным, так и со светским превосходством Собора, на которое давил протестантский кантон Берн. Савойская партия, очевидно, верила, что их ненависть к Реформации будет сильнее, чем их неприязнь к савойскому и епископальному правлению — ошибочное мнение, как показали события.

Политика Берна, где бы ни преобладало его влияние в западной Швейцарии, была направлена на обеспечение терпимости ко всем евангелистам и, по возможности, на публичную дискуссию по вопросам религии между романистами и ведущими реформаторами. Они снова и снова давили на своих женевских союзников. Еще в апреле 1533 года они настаивали на том, чтобы монах, предложивший опровергнуть Фареля, сдержал свое слово и чтобы Женевский совет организовал Публичный диспут. [76] Ближе к концу года произошло событие, которое дало им повод для решительного вмешательства.

Ги Фербитиз, известный римско-католический проповедник, ученый богослов, доктор Сорбонны, был доставлен в Женеву, чтобы стать адвентистским проповедником. Он воспользовался случаем, чтобы энергично осудить доктрины евангелистов, подкрепляя свои утверждения, как он впоследствии признался, не Священным Писанием, а Декреталиями и трудами Фомы Аквинского. Он закончил свою проповедь (2 декабря) словами: “Где те прекрасные проповедники у камина, которые говорят обратное? Если бы они появились здесь, с

ними можно было бы поговорить. На! ha! им хорошо прятаться по углам, чтобы обманывать бедных женщин и других людей, которые ничего не знают”.

После проповеди, будь то в церкви или на площади перед собором, Фромант кричал толпе: “Услышьте меня! Я готов отдать свою жизнь и свое тело на сожжение, чтобы утверждать, что сказанное этим человеком - не что иное, как ложь и слова Антихриста”. Поднялся большой переполох. Некоторые кричали: “В огонь с ним! в огонь!” - и пытались схватить его. The chronicler nun, Jeanne de Jussie, proud of her sex, relates that “les femmes comme enragées sortirent après, de grande furie, luy jettant force pierres.” [77] Он сбежал от них. Но Александр Канус был изгнан, и ему запретили возвращаться под страхом смерти; и за Фромантом охотились от дома к дому, пока он не нашел убежище на сеновале. Фербити позволил себе обрушиться с резкими оскорблениями на власти Берна, а евангелисты Женевы в своем призыве о защите прислали выдержки из проповедей. [78] У Берна наконец появилась возможность, которой так долго ждал его Совет.

Они написали достойное письмо (17 декабря 1533 г.) Совету Женевы, в котором жаловались, что женевцы, их союзники, до сих пор уделяли мало внимания их просьбам о благоприятном обращении с евангелистами; что они изгнали из города “нового слугу мэтра Гийома Фареля”; не довольствуясь этим, они недавно злоупотребили своими “слугами” Фроманом и Александром за протест против проповедей монаха-якобинца (Фурбити), который “проповедовал только ложь, заблуждения и жестокость”. богохульствует против Бога, веры и нас самих, оскорбляет нашу честь, называет нас евреями, турками и собаками”; что изгнание Александра и охота на Фромента тронули их (Бернский собор) и что они этого не потерпят. Они потребовали немедленного ареста “*caffard*” [79] (Furbiti); и они сказали, что собираются отправить посольство в Женеву, чтобы публично отстоять честь Бога и свою собственную. [80]

Поскольку Бернский совет намеревался провести Публичный диспут, они послали Фареля в Женеву. Он прибыл в город вечером 20 декабря.

Письмо было зачитано Совету Женевы 21 декабря, и они сразу же отдали приказ викарию не допустить, чтобы Фербити покинул город. Но викарий, решивший испытать свои силы против Берна, отказался и фактически опубликовал два указа (31 декабря 1533 г. и 1 января 1534 г.), осуждающих женевские синдикаты, запрещающих кому-либо из граждан читать Священное Писание и предписывающих изъять и сжечь все экземпляры переводов Библии, будь то на немецком или французском. [81] Спор между Синдиками и викарием был вызван беспорядками, спровоцированными крайне романистической партией. Совет, стремясь не доводить дело до крайности, удовлетворился тем, что приставил стражу присматривать за Фербити; и монаха постоянно сопровождал, даже когда он ходил в церковь и из нее, караул из трех алебардщиков.

Бернское посольство прибыло 4 января, а 5 и 7-го у него была длительная аудиенция в Совете Женевы. Они настаивали на справедливом обращении с евангелической партией, что означало свободу совести и право на публичное богослужение, и они требовали, чтобы Фурбити был вынужден оправдать свои обвинения против евангелистов в присутствии ученых людей, которые могли бы говорить от имени Бернского совета. Власти Женевы не хотели ни бесповоротно порывать со своим епископом, ни принуждать церковные власти; они ссылались на то, что Фербити не находится под их юрисдикцией, и они передали бернских депутатов епископу или его викарию. “Нам было приказано обратиться к вам”, - заявили депутаты из Берна. “Ваш ответ дает нам понять, что вы стремитесь к отсрочке и что вы обращаетесь с нами

несправедливо; что вы невысокого мнения о чести Бернского совета. Вот союзный договор (они предъявили документ), и мы собираемся сорвать печати”. У швейцарцев это был формальный способ расторжения договора. Затем советники Женевы предложили заставить монаха предстать перед ними и депутатами Берна, когда от него могут потребовать объяснений. Депутаты приняли предложение, но при условии, что состоится конференция между монахом (Фурбитиу) и богословами, присланными из Берна (Фарель и Вирет). На следующий день Фурбити был забран из епископского дворца и помещен в городскую тюрьму (8 января), а на следующий день (9 января) он предстал перед Советом. Там он отказался выступать перед светскими судьями. Совет Женевы тщетно пытался убедить викария назначить церковного делегата, который должен был заседать в Совете и присутствовать на конференции. Их переговоры с викарием, продолжавшиеся несколько дней, оказались тщетными. Затем они попытались убедить бернцев отказаться от своих условий. Совет Берна был непреклонен. Он настаивал на немедленной выплате женевцами долга Берну за освободительную войну и за наказание Фурбити 25 января 1534 года. Поставленный в тупик, Женевский собор постановил отменить церковную власть епископа и его викария. Фербити был вынужден предстать перед Советом и депутатами Берна и ответить Фарелю и Вирету 27 января и 3 февраля (1534). Во второй половине последнего дня сторонники епископа подняли еще один бунт, в ходе которого один из них заколол евангелиста Николя Бержье. Этот бунт, похоже, переполнил чашу терпения миролюбивых граждан Женевы, будь то романисты или евангелисты. Вооруженная банда численностью около пятисот человек собралась перед ратушей, проинформировав Совет, что они больше не потерпят беспорядков, вызванных непокорными священниками, и что они готовы поддержать гражданскую власть и сильной рукой подавить беззаконие. Вслед за этим Совет начал действовать энергично. В ту ночь убийцу Клода Пенне, прятавшегося на колокольне собора, вытащили из его укрытия, судили на следующий день и повесили на следующий день (5 февраля). В домах главных бунтовщиков были проведены обыски, и обнаружены письма, доказывающие заговор с целью захвата города и передачи его в руки епископа. Пьер де ла Бом дошел до того, что назначил члена совета Фрайбурга месье Павийяра своим заместителем по светским делам и приказал ему расправиться с евангелистами в городе.

Когда волнение несколько улеглось, депутаты Берна настаивали на возобновлении судебного разбирательства против Фербити. Монах снова предстал перед Советом, и ему противостояли Фарел и Вирет. Он был вынужден признаться, что не мог доказать свои утверждения Священным Писанием, но основал их на Декреталиях и трудах Фомы Аквинского, признав, что нарушил постановления Женевского собора. Он пообещал, что, если ему разрешат проповедовать в следующее воскресенье (15 февраля), он публично возместит ущерб Бернскому совету. Когда наступило воскресенье, он отказался выполнить свое обещание и был отправлен обратно в тюрьму. [82]

Тем временем евангелическая община в Женеве росла и принимала организованную форму. Один из самых выдающихся женевских евангелистов, Жан Бодишон де ла Мезоннев, подготовил зал, убрав перегородку между двумя комнатами в своем великолепном доме, расположенном в той части города, которая была колыбелью Реформации в Женеве. Там Фарель, Вирет и Фромант проповедовали перед тремя или четырьмя сотнями человек; и там было совершено первое крещение по реформатскому обряду в Женеве (22 февраля 1533 г.). Аудитория вскоре превысила вместимость зала, и евангелисты, защищенные присутствием бернских депутатов, захватили большой аудиенц-холл или церковь монастыря Кордельеров на той же улице (1 марта). Депутаты из Берна часто обращались в Совет Женевы с просьбой

предоставить в пользование евангелистам одну из церквей города, но постоянно получали ответ, что Совет не имеет на это полномочий, но что они не будут возражать, если евангелисты найдут подходящее место. Это косвенное разрешение позволяло им встречаться в монастырской церкви, вмещавшей от четырех до пяти тысяч человек и часто бывавшей заполненной. Таким образом, маленький оркестр увеличился. Фарел впервые проповедовал в соборе Святого Петра 8 августа 1535 года. Службы проводились и в других домах. [83]

Епископ Женевы, потерпев неудачу в своей попытке вернуть контроль над городом в результате хорошо спланированных беспорядков, объединился с герцогом Савойским, чтобы завоевать город силой оружия. Их объединенные силы двинулись на Женеву; они вторглись в страну, захватили и разграбили загородные дома горожан и подвергли сам город тщательному обстрелу. Война была тяжелым испытанием для города, но она способствовала Реформации. Епископ вступил в союз со старым врагом Женевы; священники, монахи, монахини жаждали его успеха; он заставил патриотически настроенных римских католиков выбирать между своей религией и своей страной. Это также было средством демонстрации героизма протестантских пасторов. Фарель и Фроман были пылкими французами, которые насмехались над любой опасностью, подстерегающей на пути исполнения долга. В своей миссионерской работе они прошли через тысячи опасностей. Вирет был не менее отважен. Все трое работали на укреплениях вместе с горожанами; они разделяли вахту защитников; они подбадривали горожан словом и делом. Женевцы были готовы на любые жертвы, чтобы сохранить свои свободы. Четыре предместья, которые образовали второй город, почти такой же большой, как первый, было приказано снести для усиления обороны. Город был в ужасном положении, и жители Берна, казалось, были глухи к их крикам о помощи.

Берн делал все возможное с помощью посольств, чтобы помочь им; но он не осмелился атаковать Pays de Vaud, когда Фрайбург, разгневанный процессом Реформации, пригрозил контратакой. После снятия осады крепости в окрестностях оставались во владении врага, а жители Женевы подвергались грабегам и жестокому обращению.

В городе неделя за неделей увеличивалось число евангелистов. Затем произошло сенсационное событие, которое привело к краху римско-католической партии. Женщина, Антония Вакс, кухарка в доме Клода Бернара, у которого жили три пастора, попыталась отравить Вире, Фареля и Фромана. [84] Признание заключенного, в сочетании с другими обстоятельствами, создало у членов Совета и жителей Женевы впечатление, что покушение было спровоцировано городскими священниками, и сильные чувства в пользу протестантских пасторов охватили город. Совет немедленно предоставил Вирету и Фарелю жилье в монастыре Кордельеров. Когда настоятель этого монастыря попросил разрешения провести публичные дискуссии по религиозным вопросам в большой церкви, принадлежащей монастырю, оно было немедленно предоставлено.

Совет сам принял меры к публичному обсуждению. Пять *евангелических тезисов* были составлены протестантскими пасторами, и Совет предложил обсудить их всем без исключения. [85] Приглашения были разосланы каноникам собора и всем священникам и монахам Женевы; всем иностранным богословам, пожелавшим принять участие, были обещаны меры предосторожности; [86] была предпринята специальная попытка побудить известного сторонника римско-католической церкви в Париже Пьера Корню, теолога, получившего

образование в Сорбонне, который случайно оказался в Гренобле, защитить позицию католиков, атаковав *Тезисы*. Сами *тезисы* были вывешены в Женеве еще 1 мая (1535 г.), а копии были разосланы всем священникам и монастырям на территории Женевы. [87]

Начало диспута было назначено на 30 мая. Совет назначил восемь уполномоченных, половина из которых были католиками, для поддержания порядка и четырех секретарей для ведения протоколов заседаний. [88] Были предприняты усилия, чтобы побудить известных своей ученостью римско-католических богословов посетить *Тезисы* и выступить против них. Но епископ Женевы запретил Диспут, и Совет не смог убедить ни одного постороннего человека явиться. Когда наступил день открытия и Совет, уполномоченные и секретари торжественно заняли свои места в большом зале монастыря, ни один из защитников веры-романист, казалось, не стал оспаривать евангельские *тезисы*. Фарел и Вирет, тем не менее, разъясняли и защищали. Диспут продолжался с перерывами в течение четырех недель, пока 24 июня чемпионы—романисты не приняли вызов реформаторов - Жан Шапюи, настоятель доминиканского монастыря в Плейнпале, недалеко от Женевы, и Жан Качи, духовник сестер Святой Клары в городе. Но они не могли сравниться с такими людьми, как Фарель. Сам Шапюи извинился за отсутствие женевских священников и монахов, сказав, что даже в его монастыре не хватало ученых мужей. Слабость защиты романистов произвела большое впечатление на жителей Женевы. Они ходили и говорили друг другу: “Если бы все христианские монархи разрешили свободную дискуссию, подобную нашей, то дело вскоре было бы улажено без поджогов, резни или убийств; но папа и его последователи, кардиналы, епископы и священники, хорошо знают, что если разрешить свободную дискуссию, то для них все потеряно. Поэтому все эти силы запрещают любые дискуссии, кроме как огнем и мечом”. Они знали, что по всей Романской Швейцарии реформаторы, будь то в меньшинстве или в большинстве, жаждали публичной дискуссии.

Когда Диспут закончился, Фарел призвал Совет объявить себя на стороне Реформации; но они колебались, пока народные волнения не вынудили их действовать. 23 июля Фарель проповедовал в церкви Мадлен. Совет сделал мягкие замечания. Затем он проповедовал в церкви Сен-Жерве. Наконец, 8 августа народ заставил его проповедовать в соборе Святого Петра (8 августа). Во второй половине дня священники, как обычно, были на вечерне. Когда они распевали Псалом...

“Их идолы - серебро и золото,
дело рук человеческих.
У них есть рты, но они не говорят;
у них есть глаза, но они не видят;
У них есть уши, но они не слышат;
У них есть носы, но они не обоняют;
У них есть руки, но они не прикасаются;
У них есть ноги, но они не ходят;
И не говорят они горлом”,

кто-то из толпы крикнул: “Вы проклинаете, когда поете, всех, кто создает статуи и верит в них. Почему вы позволяете им оставаться здесь?” Это был сигнал к беспорядкам. Толпа бросилась швырять на землю и разбивать вдребезги статуи святых; а дети, проталкиваясь сквозь толпу,

подбирали осколки и, подбежав к дверям, говорили: “У нас есть боги священников, хотите немного?” [89] На следующий день беспорядки в приходских и монастырских церквях возобновились, а изображения святых были искажены или уничтожены.

Совет собрался 9-го числа и вызвал к себе Фарела. В протоколе указано, что он произнес великую *ораторию*, закончившуюся заявлением, что он и его коллеги-проповедники готовы принять смерть, если будет доказано, что они учат чему-либо, противоречащему Священному Писанию. Затем, упав на колени, он вознес одну из тех замечательных молитв, которые больше, чем что-либо другое, демонстрировали возвышенный энтузиазм великого миссионера. Религиозный вопрос обсуждался на следующий день на *Совете двухсот*, когда было решено временно отменить Мессу, вызвать монахов на Заседание Совета и попросить их изложить причины сохранения Мессы и поклонения святым. Оба Совета решили проинформировать жителей Берна о том, что они сделали. [90]

Очевидно, что иконоборческое рвение народа подтолкнуло оба Собора к тому, чтобы они пошли по пути, по которому они намеревались идти гораздо более неторопливо. Политическое положение было полно неопределенности. Их враги все еще действовали против них. Берн, казалось, был не в состоянии помочь им. Они были готовы приветствовать вмешательство Франции. Именно страх усилить их внешние проблемы, а не какое-либо рвение к римско-католической вере, помешал Совету поддержать Реформацию сразу после публичного Диспута. “Если мы отменим мессу, поклонение изображениям и всему папистскому, на одного врага, которого у нас сейчас есть, у нас наверняка будет сотня”, - такова была их мысль. [91]

Официальные представители римско-католической религии, похоже, не извлекли выгоды из этого переломного момента в своей судьбе. Они не спешили защищать свое вероисповедание перед Советом. Когда они наконец появились (29 ноября 1535 г.), монахи до полудня и светское духовенство после полудня, в их ответах было небрежное безразличие. Похоже, что Совет направил их к изложению Фарелом вопросов, обсуждавшихся в ходе публичного диспута, который начался 30 мая, и спросил их, что они могут сказать против его выводов и в пользу Мессы и поклонения святым. [92] Монахи один за другим (двенадцать из них предстали перед Советом) монотонно отвечали, что они необразованные люди, которые живут так, как их учили отцы, и не расспрашивали дальше. Светское духовенство через своего представителя Ролетуса де Пане заявило, что они не имеют никакого отношения к Диспуту и тому, что там было сказано; что у них нет желания слушать новые выступления Фареля; и что они намерены жить так, как их предшественники. [93] Это был конец. Две делегации монахов и мирян были проинформированы Советом о том, что они должны прекратить служить мессе до получения дальнейших распоряжений. Реформация была юридически закреплена в Женеве, и город выделялся на фоне Берна как полностью протестантский. [94]

На политическом горизонте сгущались темные тучи. Франция, казалось, собиралась вмешаться в пользу Женевы, и страх перед тем, что Франция овладеет “воротами западной Швейцарии”, был сильнее нежелания позволить Женеве стать протестантским городом. Совет Фрайбурга пообещал разрешить бернской армии пройти маршем по своей территории. Берн отказался от союза с Савойей 29 ноября 1535 года. Война была объявлена 16 января. Армия Берна покинула свои территории, собирая по пути подкрепления; ибо такие города, как Невиль, Невшатель, Лозанна, Пайерн — угнетенные протестантские общины Романской Швейцарии — чувствовали, что час их освобождения близок, и их вооруженные бюргеры горели желанием нанести один

хороший удар своим угнетателям под предводительством гордой республики. Боев было немного. Большая часть Плато Во была завоевана без единого удара, а армия герцога Савойского и епископа Женевского была рассеяна без боя. Для полной победы потребовалось несколько осад. Великая республика, по своему обыкновению, дождалась подходящего момента, а затем нанесла удар раз и навсегда. Его решающая победа принесла избавление не только Женеве, но и Лозанне и многим другим протестантским муниципалитетам Романской Швейцарии (7 августа 1536 г.). Женевская демократия считалась наследницей сеньориальных прав епископа и суверенных прав герцога Савойского на город и земли. Женева стала независимой республикой под протекторатом Берна и в некоторой степени зависела от этого кантона.

В декабре 1535 года Синдикат и Совет Женевы утвердили надпись на гербе города, *Post tenebras lux*— символ, который стал очень известным и появился на его монетах. Решение Совета Двухсот отменить мессу и поклонение святым было официально подтверждено собравшимися гражданами “по обычаю, звуком колокола и трубы” (21 мая 1536 г.).

Женева многого добилась. Она завоевала политическую независимость, за которую боролась тридцать лет, измененную ее отношениями к Берну, [95], но большую, чем когда-либо прежде. Реформатская религия была утверждена, хотя факт оставался фактом: сторонники романизма все еще обладали значительной скрытой силой. Но многое еще предстояло сделать, чтобы превратить город в цитадель Реформации, которой он должен был стать. Его прошлая история деморализовала его жителей. Правление распутных епископов и пример буйного и безнравственного духовенства отравили нравы города. [96] Завоеванная свобода могла легко перерасти в вседозволенность, и не было недостатка в зловещих признаках того, что это вот-вот произойдет. “Невозможно отрицать, - говорит Кампшульте, римско-католический биограф Кальвина, - что беспорядки и деморализация в Женеве приобрели угрожающий характер; это было бы почти чудом, если бы этого не было”. Фарель сделал, что мог. Он основывал школы. Он организовывал больницы. Он стремился зажечь нравственную жизнь в жителях города, который он принял. Но его таланты и характер гораздо больше подходили ему для пионерской работы, чем для задачи, которая сейчас стояла перед ним.

Фарель был рыцарственным французом, родившимся среди гор Дофине, чья храбрость, доходящая до безрассудной отваги, завоевала для него страстное восхищение таких солдат, как Уайлдермут, [97] и заставила его добровольно возглавить любую безнадежную надежду, какой бы отчаянной она ни была. Он симпатизировал мягкосердечию, но совершенно не умел сдерживать свой язык; одну неделю его жизнь была в опасности из-за его яростных высказываний, а на следующую его почти обожали те, кто готов был убить его за то, как безрассудно он ухаживал за больными и умирающими во время эпидемии чумы. Он был блестящим партизанским лидером, видевшим только то, что находилось у него перед глазами; неспособным к самоограничению; ученым богословом, но небрежным в выражении доктрины и постоянно подверженным неправильному пониманию. Никто не был лучше приспособлен для атаки на вражеские крепости, и мало кто был менее способен удержать их, когда ими овладели. Он видел, без малейшего следа ревности — этот человек был слишком благороден, — как другие строят на том фундаменте, который заложил он. Почти трогательно видеть, что ни одна из романских швейцарских церквей, апостолом которых он был, не позаботилась о том, чтобы

сохранить его в качестве своего постоянного лидера. В последние годы своей жизни он вернулся в свою любимую Францию и закончил так же, как и начал, пионером-евангелистом в Лионе, Меце и других местах, лидером несбывшихся надежд, несущим в себе вечную весну и искрометное безрассудство юности. Он рано понял, что жизнь первопроходца, которую он вел, лучше всего прожить без жены и детей, и оставался холостяком до своего шестьдесят девятого года. Затем он встретился в Руане с бедной вдовой, которая потеряла мужа и имущество из-за религии и едва избежала смерти. Он женился на ней, потому что никаким другим способом не мог найти для нее дом и защиту.

Женеве нужен был человек с совершенно иным складом характера для выполнения работы, которая сейчас была необходима. Когда тревоги и досада Фареля достигли апогея, он почти случайно узнал, что выдающийся молодой французский ученый, направлявшийся из Феррары в Базель, сбивый с прямого курса войной, прибыл в Женеву и остановился в городе на ночь. Это был Кэлвин.

§ 4. Кальвин: молодежь и образование.

Жан Ковен (латинизированный в Calvinus) родился в Нуайоне в Пикардии 10 июля 1509 года. Он был вторым сыном в семье из четырех сыновей и двух дочерей. Его отец, Джерард Ковен, был высокоуважаемым юристом, доверенным юридическим советником знати и высшего духовенства округа. Его мать, Жанна Ла Франс, очень красивая женщина, была известна своим благочестием и материнской привязанностью. Кальвин, который мало рассказывает о своем детстве, рассказывает, как однажды мать взяла его с собой на праздник Св. Анна хочет увидеть реликвию святого, хранящуюся в аббатстве Урскамп, недалеко от Нуайона, и что он помнит, как целовал “часть тела святого”. Анна, мать Девы Марии”. [98]

По социальному положению Ковены принадлежали к тому, что мы могли бы назвать верхушкой среднего класса, и молодой Жан поступил в дом благородной семьи де Монмор, чтобы разделить образование детей, при этом его отец оплачивал все его расходы. Юных де Монморов отправили в колледж в Париже, и Жан Ковен, которому тогда было четырнадцать лет, поехал с ними. Это раннее социальное воспитание никогда не покидало Кальвина, который всегда был сдержанным, утонченным французским джентльменом — разительный контраст со своим великим предшественником Лютером.

Кальвин был пикардийцем, и характерные черты провинции проявились в ее величайшем сыне. Пикарды всегда были независимыми, часто решительно антиклерикальными, удивительным образом сочетая в себе горячий энтузиазм и холодное упорство в достижении цели. Ни в одной провинции Франции не было столько сочувствующих Виклифу и Гусу, и термин “пикарды” встречался в книгах инквизиторов так же часто, как “виклифиты”, “гуситы” или “вальденсы” — все имена, обозначающие раскольников средневековой Церкви, которые принимали все статьи Апостольского символа веры, но были решительно антиклерикальными. Эти “братья” оставались во всех странах Западной Европы до XVI века, и их влияние дало о себе знать в начале движения за реформы.

Жерар Ковен рано увидел, что его второй сын, Жан, был человеком духа, способным к совершенству и изобретательству в области человеческой литературы, [99] и это побудило его дать мальчику настолько хорошее образование, насколько он мог, и предназначить его для будущей профессии. изучение теологии. Его законные связи с высшим

духовенством Нуйона позволили ему, по моде того времени, добиться для своего сына более чем одного пособия. Мальчик был пострижен в монашество, часть доходов шла на оплату работы викария, а остальное шло на образование мальчика.

Юный Кальвин вместе с тремя сыновьями семьи де Монмор поступил в колледж де ла Марш в Париже. Он не был знаменитым, но когда Кэлвин учился там в самом низшем классе, у него был такой профессор, как Матюрен Кордье, самый способный учитель своего поколения. [100] Его целью было дать своим ученикам доскональное знание французского и латинского языков — фундамент, на котором они впоследствии могли бы строить для себя сами. У него был на редкость милый нрав и очень открытый ум. Робер Эстьен познакомил его с Евангелием, и в 1536 году его имя было внесено, наряду с именами Курата и Клемана Маро, в список главных еретиков Парижа. Кальвину не разрешили долго оставаться под руководством этого уважаемого учителя. Вероятно, атмосфера была сочтена слишком либеральной для того, кому было суждено изучать теологию. Его перевели в более знаменитый колледж Монтегю. Кальвину снова повезло с его главными учителями. Он стал учеником Ноэля Беды и Пьера Темпета, которые научили его искусству официального диспута.

Кальвин приехал в Париж на четырнадцатом году жизни и покинул его, когда ему было девятнадцать — годы, когда юноша становится мужчиной и его характер окончательно формируется. Если судить по его собственным отзывам о будущем, никто не оказал на него большего формирующего влияния, чем Матюрен Кордье, каким бы коротким ни был период их дружеского общения. Кэлвин проявил необычайно острый ум и зарекомендовал себя ученым, который неизменно превосходил своих сокурсников. Он всегда был окружен преданными друзьями — тремя братьями де Монмор, младшими членами знаменитой семьи Копов, и многими другими. Эти друзья-студенты были преданы ему всю его жизнь. Многие из них поселились вместе с ним в Женеве.

Кальвин покинул колледж Монтегю в 1528 году. Примерно в том же году в него поступил другой знаменитый ученик. Это был Игнатий Лойола. Учились ли два великих лидера вместе в колледже, встречались ли они когда-нибудь, сказать невозможно - даты недостаточно точны.

- Возможно, они пересеклись на какой-нибудь улице Маунт-Сент-Женевьев: восемнадцатилетний француз, как обычно, верхом, а тридцатилетний испанец пешком, в кошельке у него несколько золотых монет, которые он задолжал на благотворительность, он толкает перед собой осла, нагруженного книгами, а в кармане у него рукопись, озаглавленная *“Духовные упражнения”*. [101]

Кальвин уехал из Парижа, потому что теперь его отец решил, что его сын должен быть юристом, а не теологом. Жерар Ковен поссорился с духовенством Нуайона и даже был отлучен от церкви. Он отказался предоставить свои отчеты по двум судебным искам и оставался упрямым. Почему он был таким, сказать невозможно. Его детям не составило труда уладить дела после его смерти. Ссора положила конец надеждам отца хорошо обеспечить своего сына в Церкви, и он приказал ему покинуть Париж и поступить в великую юридическую школу в Орлеане. Ни в коем случае не исключено, что решение отца было очень приятным для сына. Безе сообщает нам, что Кальвин уже имел некоторое представление об истинной религии, начал изучать Священное Писание и отделять себя от церковных обрядов; [102] — возможно, к этому привела его дружба с Пьером Робером Оливетаном, родственником, уроженцем Нуайона и переводчиком Библии на французский. Молодой человек отправился в Орлеан в начале 1528

года и оставался там в течение года, затем отправился в Бурж, чтобы посещать лекции известного публициста Андре Альсиа, которому было суждено стать таким же великим реформатором в изучении права, каким Кальвин был в изучении теологии. В Орлеане с его гуманизмом и в Бурже с его зарождающимся протестантизмом Кальвин оказался в положении, благоприятном для роста идей, которые уже пустили корни в его сознании. В Бурже он изучал греческий язык под руководством Вольмара, лютеране во всем, кроме имени, и много лет спустя посвятил ему свой *Комментарий ко Второму Посланию к Коринфянам*. Кажется, он жил в доме Вольмара; другим заключенным был Теодор де Без, будущий лидер протестантов Франции, тогда двенадцатилетний мальчик.

Смерть его отца (26 мая 1531 г.) сделала Кальвина его собственным хозяином. Он подчинился воле отца, когда учился для Церкви в Париже; он послушно посвятил себя изучению права; теперь он решил следовать склонностям своего собственного ума и, посвятив себя учебе, стать литератором. Он вернулся в Париж и поступил в колледж Фортэ, намереваясь посещать лекции профессоров-гуманистов, которых Франциск I под руководством Буде и Копа привлекал в свою столицу. К этим “королевским лекторам” и их учебным курсам Сорбонна относилась с большим подозрением, и поведение Кальвина, отдавшего себя под их руководство, показало, что он уже освободился от той строгой приверженности “суевериям папства”, к которым, по его словам, он был упрямо привязан в детстве. Вскоре он стал больше, чем учеником Буде, Копа и других гуманистов. Он был другом, допущенным в семейный круг. Он изучал греческий язык у Пьера Данеса и иврит у Ватейбл. В свое время (апрель 1532 г.), когда ему едва исполнилось двадцать три года, он опубликовал за свой счет свою первую книгу - ученый комментарий к двум книгам *"О милосердии" Сенеки*.

На книгу обычно ссылаются как на пример не по годам развитой эрудиции. Автор показывает, что он знал как можно мельче всю классическую литературу, доступную для его времени. Он цитирует, и это метко, пятьдесят пять отдельных латинских авторов — тридцать три отдельных произведения Цицерона, все произведения Горация и Овидия, пять комедий Теренция и все произведения Вергилия. Он цитирует двадцать два отдельных греческих автора — из пяти или шести основных трудов Аристотеля и из четырех трудов Платона и Плутарха. Кальвин не цитирует Плавта, но использование им фразы *remoram facere* позволяет предположить, что он также был хорошо знаком с этим писателем. [103] Будущий богослов также был знаком со многими Отцами Церкви — с Августином, Лактанцием, Иеронимом, Синезией и Киприаном. Эразм опубликовал издание Сенеки и посоветовал ученым написать комментарии, и молодой Кальвин последовал совету Принца гуманистов. Подражал ли он ему в большем? Пренебрегал ли Кальвин также использованием Нового Знания просто для демонстрации учености, имел ли он в виду использовать его в современных целях? Франциск I был занят одним из своих спорадических преследований гугенотов, когда книга была опубликована, и были высказаны обоснованные предположения, имели ли эти два факта какую—либо преднамеренную связь - призыв, обращенный к императору проявить милосердие, и король, занимающийся преследованием своих подданных. Две вещи, по-видимому, показывают, что Кальвин имел в виду, что его книга была протестом против преследований французских протестантов. Его предисловие представляет собой смелую атаку на злоупотребления, которые были связаны с отправлением правосудия в государственных судах, и он ясно говорит, что надеется, что *Комментарий* будет полезен общественности. [104]

Из переписки Кальвина кажется очевидным, что он присоединился к небольшой группе протестантов в Париже и что он был близок с Жераром Русселем, евангелическим проповедником, [105] другом Маргариты Наваррской, Лефевра, Фареля и членом “группы Мо”. Возникает вопрос, когда произошло его обращение в христианство. состояться? Это было предметом острых дискуссий; [106] но аргументы касаются слов больше, чем фактов, и возникают из-за различных значений, придаваемых слову “обращение”, а не из-за сложности определения времени. Кальвин, который очень редко раскрывает тайны собственной души, рассказывает в своем предисловии к своему *Комментарию к Псалмам*, что Бог отвлек его от упрямой привязанности к суевериям папства “внезапным обращением”, и что это произошло после того, как он посвятил себя изучению права, повинаясь воле своего отца. Похоже, это было не такое внезапное и полное видение божественной милости, какое Лютер получил в монастыре в Эрфурте. Но это было начало. Тогда он почувствовал вкус истинного благочестия (*aliquo veræ pietatis gusto*). Далее он рассказывает, что был смущен, обнаружив, что всего лишь год спустя те, у кого было желание узнать, что такое чистое учение, постепенно окружили его, чтобы учиться у того, кто знал так мало (*me novitium adhuc et tironem*). Возможно, это было в Орлеане, но, возможно, и в Бурже. Когда он вернулся в Париж, чтобы заняться гуманистическими исследованиями, он был протестантом, убежденным интеллектуально, а также влекомым мольбами сердца. Он присоединился к небольшой группе, собравшейся вокруг Этьена де ла Форжа, которые тайно встречались в доме этого благочестивого купца и слушали речи Жерара Русселя. К нему часто обращались с просьбой разъяснять Священные Писания в маленьком обществе; и традиция, в которой нет причин сомневаться, гласит, что он неизменно заканчивал свою речь словами: “Если Бог за нас, кто может быть против нас?”

Он внезапно был вынужден бежать из Парижа. Богословы Сорбонны были категорически против “королевских лекторов”, которые представляли гуманизм, поддерживаемый Маргаритой, сестрой Франциска и королевой Наварры. В своем гневе они осмелились напасть на знаменитую книгу Маргариты “*Мир печальной смерти*” и, как следствие, вызвали недовольство Двора. Николя Коп, друг Кальвина, профессор колледжа Сент-Барб, был ректором университета (1533). Он собрал четыре факультета, и медицинский факультет отрекся от трудов теологов. У ректора было принято ежегодно выступать с речью перед университетом в течение срока его полномочий, и Коп попросил своего друга Кальвина составить речь. [107] Кальвин воспользовался случаем, чтобы написать о “Христианской философии”, взяв за свой девиз “*Блаженны нищие духом*” (Мф. ст. 3). Речь была красноречивой защитой евангельской истины, в которой автор позаимствовал что-то у Эразма и Лютера, помимо того, что добавил свои собственные характерные идеи. Можно представить гнев Сорбонны. Двух монахов наняли, чтобы обвинить автора в ереси перед *парламентом*, который охотно откликнулся. Это привлекло внимание короля к папским буллам против лютеранской ереси. Тем временем люди узнали, что Кальвин был настоящим автором, и ему пришлось бежать из Парижа. После скитаний по Франции он нашел убежище в Базеле (1535).

Именно там он закончил свою работу “*Christianæ Religionis Institutio*”, предисловием к которой было знаменитое письмо, адресованное Франциску I. Королю Франции. Книга была сильнейшим оружием, которое протестантизм когда-либо выковал против папства, а письмо – “смелым заявлением, торжественно сделанным молодым человеком двадцати шести лет, который более или менее бессознательно принял на себя командование протестантизмом против его врагов, клеветников и гонителей”. До Базеля дошли вести о том, что Франциск, который искал союза с немецкими лютеранскими князьями и выдавал себя за защитника

немецких протестантов, решил очистить свое королевство от так называемой ереси и преследовал своих протестантских подданных. Это двурушничество придало сил перу Кальвина. В своем предисловии он говорит, что писал книгу с двумя различными целями. Он имел в виду это для того, чтобы подготовить студентов-богословов к чтению божественного Слова, чтобы они могли легко познакомиться с ним и беспрепятственно продвигаться по нему. Он также хотел, чтобы это стало подтверждением учения реформаторов против клеветы их врагов, которые призывали короля Франции преследовать их и изгнать из Франции. Его посвящение гласило: *Его Всемилостивейшему Величеству Франциску, королю Франции и своему суверену, Джон Кальвин желает мира и спасения во Христе*. Среди прочего он сказал:

“Я открываю вам свое признание, чтобы вы могли узнать природу этой доктрины, которая является объектом такой безграничной ярости тех безумцев, которые сейчас тревожат ваше королевство огнем и мечом. Ибо я не побоюсь признать, что этот трактат содержит краткое изложение той самой доктрины, которая, согласно их заявлениям, заслуживает наказания тюремным заключением, изгнанием, проскрипцией и сожжением на костре, а также уничтожения с лица земли”.

Он хотел спокойно и точно изложить, во что верили протестанты; и он сделал это заявление таким образом, чтобы бросить вызов сравнению между этими верованиями и учением средневековой церкви. Он взял *Апостольский символ веры*, почитаемый символ Западного христианского мира, и продолжил показывать, что при проверке по этому стандарту протестанты были более истинными католиками, чем романисты. Он взял этот *Апостольский символ веры*, который с древнейших времен декламировался или распевался на публичном богослужении Западной Церкви, который отличался от других вероучений тем, что своим авторитетом не был обязан какому-либо Собору, а исходил непосредственно из сердца Церкви, и он сделал его основой своего *Institutio*. Ибо *Institutio* - это расширение и изложение *Апостольского символа веры* и четырех предложений, которые он объясняет. Его основа такова: *Я верю в Бога Отца; и в Сына Его Иисуса Христа; и в Святого Духа; и в Святую Католическую Церковь*. *Institutio* разделен на четыре части, каждая из которых излагает одно из этих основополагающих предложений. Первая часть описывает Бога, Творца, или, как гласит Символ Веры: “Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли”; вторая - Бога-Сына, Искупителя и Его Искушение; третья - Бога-Святого Духа и Его Средства Благодати; четвертая - Святую Католическую Церковь, ее природу и отличительные черты.

Это разделение и договоренность, основанные на *Апостольском Символе веры*, означают, что Кальвин не думал, что он излагает новое богословие или присоединился к новой Церкви. Теология Реформации была старым учением Церкви Христовой, а доктринальными верованиями реформаторов были те взгляды на истину, которые были основаны на Слове Божьем и которые были известны или, по крайней мере, ощущались благочестивыми людьми на протяжении многих поколений, начиная с самых ранних веков. Он и его коллеги-реформаторы верили и преподавали старую теологию самых ранних вероучений, понятную и свободную от суеверий, которые средневековые теологи позаимствовали из языческой философии и практики.

Первое издание *Institutio* было опубликовано в марте 1536 года на латыни. Она была короче и во многих отношениях уступала тщательно переработанным изданиям 1539 и 1559 годов. В более поздних изданиях расположение тем было несколько изменено, но фундаментальная доктрина

осталась неизменной; автор был не тем человеком, который опубликовал бы трактат по теологии, не тщательно взвесив все, что было сказано. В 1541 году Кальвин напечатал французское издание, которое он сам перевел “для пользы своих соотечественников”.

После окончания своего *Института* (рукопись была завершена в августе 1535 года, а печать - в марте 1536 года) Кальвин под вымышленным именем Шарль д'Эспевиль отправился с коротким визитом в Италию со своим спутником Луи дю Тийе, который называл себя Луи де Ульмон. Он намеревался навестить Рене, герцогиню Феррарскую, дочь Людовика XII Французского, известную своим благочестием и склонностью к реформатской вере. Он также хотел увидеть что-нибудь в Италии. После короткого пребывания он возвращался в Страсбург с намерением поселиться там и посвятить себя спокойной учебной жизни, когда его случайно вынудили посетить Женеву, и весь его жизненный план изменился. Лучше всего эту историю можно рассказать его собственными словами. Он говорит в предисловии к своему *Комментарию к Псалмам*:

“Поскольку самый прямой путь в Страсбург, куда я тогда намеревался удалиться, был перекрыт войнами, я решил быстро проехать мимо Женевы, не задерживаясь в этом городе дольше чем на одну ночь.... Человек (Луи дю Тийе), который сейчас вернулся к папистам, обнаружил меня и сделал известным другим. После этого Фарел, который горел необычайным рвением распространять Евангелие, немедленно напряг все нервы, чтобы задержать меня. Узнав, что мое сердце было настроено посвятить себя частным занятиям, для которых я хотел оградить себя от других занятий, и обнаружив, что он ничего не добился мольбами, он начал изрекать проклятия, что Бог проклянет мой уход на покой и занятия, к которым я стремился, если я отступлюсь и откажусь от помощи, когда необходимость была столь настоятельной. Это проклятие повергло меня в такой ужас, что я отказался от путешествия, которое предпринял”.

§ 5. Кальвин с Фарелем в Женеве.

Кальвину было двадцать семь лет, а Фарелу на двадцать лет старше, когда они начали работать вместе в Женеве; и, несмотря на разницу в возрасте и полное несходство характеров, двое мужчин сильно привязались друг к другу. “У нас были одно сердце и одна душа”, - говорит Кэлвин. Фарел представил его видным гражданам, на которых не произвел большого впечатления сдержанный, хрупкий молодой иностранец, услугами которого так стремился заручиться их пастор. Они даже не спросили его имени. Протокол заседания Совета (5 сентября 1536 г.), предоставляющий ему работу и обещающий поддержку, гласит: “Мастер Уильям Фарель заявил о необходимости лекции, начатой *этим французом* в соборе Святого Петра”. [108] Кальвин отказался от пасторства; но он согласился выступать в качестве “профессора священного учения Церкви в Женеве (*Sacrarum literarum in ecclesia Genevensi professor*)”. Его сила была того тихого рода, которая едва ощущается, пока не охватит и не удержится.

Он начал свою работу с ежедневных лекций в соборе Святого Петра по Посланиям святого Павла. Вскоре они показались ему одновременно мощными и привлекательными. Вскоре Кэлвин произвел сильное впечатление на жителей города. Произошел случай, который раскрыл его с такой стороны, какой его друзья никогда раньше не знали. В ходе последней войны Берн завоевал большую часть Пэй-де-Во. Его Совет был полон решимости обучить население своей недавно приобретенной территории евангельским принципам посредством публичного Диспута, который должен был состояться в Лозанне в первую неделю октября. [109]

Триста тридцать семь священников из недавно завоеванных земель, обитатели тринадцати аббатств и обителей, двадцати пяти приоратов, двух капитулов канонов, были приглашены приехать в Лозанну, чтобы, если смогут, опровергнуть десять евангелических тезисов, составленных Фарелем и Вире. [110] Совет Берна пообещал себе, что будет обеспечена максимальная свобода дебатов не только для его собственных подданных, но и “для всех желающих, к какой бы стране они ни принадлежали”. Фарел настаивал на этой свободе в своей собственной резкой манере: “Вы можете говорить здесь так смело, как вам заблагорассудится; *наши* аргументы - это не хворост, не огонь и не меч, не тюрьма и не пытки; общественные палачи - не наши доктора богословия.... Истина достаточно сильна, чтобы перевесить ложь; если она у вас есть, выдвигайте ее вперед”. Романисты ни в коем случае не стремились принять вызов. Из трехсот тридцати семи приглашенных священников явились только сто семьдесят четыре, и из них только четверо попытались принять участие. Двое, которые обещали обсудить, не явились. Только десять из сорока религиозных домов прислали своих представителей, и только один из них отважился вступить с евангелистами в спор. [111] Как в Берне в 1528 году, как в Женеве в мае 1535 года, так и здесь, в Лозанне в октябре 1536 года, романисты показали свою неспособность противостоять своим оппонентам, и политика Берна, настаивающая на публичных диспутах, была полностью оправдана.

Фарел и Вирет были защитниками протестантизма. Фарел произнес вступительную проповедь в соборе 1 октября и закрыл конференцию другой проповедью 8 октября. Дискуссия началась в понедельник, когда в огромном соборе собрались жители города и окрестных деревень. В середине церкви было отведено место для спорщиков. Там сидели четыре секретаря, два президента и пять уполномоченных, представлявших *принцев Кретьенов, господ Бернских*, выделявшихся своими черными дублетами и наплечными повязками, отделанными красным, и широкополыми шляпами, украшенными большими пучками перьев, - шляпами, которые чопорно сидели на головах, как и подобает представителям таких могущественных лордов.

Кальвин не собирался выступать; ораторами были Фарел и Вирет; он был там только в качестве наблюдателя. Но в четверг, когда обсуждался вопрос о Реальном Присутствии, один из романистов зачитал тщательно подготовленный документ, в ходе которого он сказал, что протестанты презирали и пренебрегали древними Отцами Церкви, боясь их авторитета, который противоречил их взглядам. Затем Кэлвин поднялся. Он начал с саркастического замечания о том, что люди, которые почитают Отцов Церкви, могли бы потратить некоторое время на то, чтобы перелистать их страницы, прежде чем говорить о них. Он цитировал одного Отца за другим: “Киприан, обсуждая рассматриваемую сейчас тему в третьем послании своей второй книги Посланий, говорит... Тертуллиан, опровергая ошибку Маркиона, говорит ... Автор некоторых несовершенных комментариев к святому Матфею, которые некоторые приписывают святому Иоанну Златоусту, в 11-й проповеди, примерно в середине, говорит: .. Святой Августин в своем 23-м Послании, ближе к концу, говорит ... Августин в одной из своих проповедей на Евангелие от Иоанна, 8-ю или 9-ю, я сейчас не уверен, какую именно, говорит...”; [112] и так далее. Он знал древних Отцов как никто другой в этом столетии. Он не заимствовал их мнения из сентенций *Петра* Ломбардского, как это делало большинство схоластов и современных теологов-романистов. Это был первый раз, когда он почти случайно продемонстрировал свои чудесные святоотеческие познания, — знания, которыми Меланхтон никогда не мог в достаточной степени восхищаться.

Но в Женеве требовались организация и привычные инструкции, и Кэлвин сразу же приступил к работе. Он рассказал нам, что он чувствовал. “Когда я впервые пришел в эту церковь, - сказал он, - там почти ничего не было. Читались проповеди; [113] идола были найдены и сожжены, но другой реформации не было; все было в беспорядке”. [114] На второй неделе января он подготовил проект реформ, которые хотел бы провести. Он был представлен *Малому Совету* Фарелом; члены рассмотрели его и смогли передать вместе со своим мнением *Совету Двухсот* 15 января 1537 года. Это составляет основу всей церковной работы Кальвина в Женеве и заслуживает изучения.

В меморандуме говорится о четырех вещах, и только о четырех — Святой Вечере Господа Нашего (*la Sainte Cène de Nostre Seigneur*), пении во время публичных богослужений, религиозном воспитании детей и браке.

Говорят, что в каждой правильно организованной церкви Святая Вечеря должна совершаться часто и с большим количеством посетителей. Это должно совершаться по крайней мере каждый День Господень; [115] такова была практика в Апостольской Церкви и должна быть нашей; празднование является большим утешением для всех верующих, ибо в нем они становятся причастниками Тела и Крови Иисуса, Его смерти, Его жизни, Его Духа и всех Его благ. Но нынешняя слабость народа делает нежелательным внесение столь радикальных изменений, и поэтому предлагается, чтобы Святая Вечеря совершалась один раз в месяц “в одном из трех мест, где сейчас произносятся проповеди — в церквях Святого Петра, Святого Жерве и де Рива”. Празднование, однако, должно быть посвящено всей Церкви Женевы, а не только тем, кто живет в кварталах города, где находятся эти церкви. Таким образом, у каждого будет возможность ежемесячно причащаться. Но если недостойные участники приблизятся к Столу Господню, Святая Вечеря будет осквернена. Чтобы предотвратить это, Господь установил дисциплину общения внутри Своей Церкви, чтобы поддерживать ее чистоту, и этим следует пользоваться. Возможно, лучший способ осуществить это - назначить известных людей, живущих в разных кварталах города, которым следует доверять наблюдать за всеми по соседству и сообщать служителям обо всех, кто презирает Христа Иисуса, живя в явном грехе. Служители должны предупреждать всех таких людей не приходить на Святую Вечерю, и наказание в виде отлучения от церкви начинается только тогда, когда такие предупреждения остаются без внимания.

Совместное пение Псалмов должно быть частью публичного богослужения Церкви Христовой; ибо Псалмы, исполняемые таким образом, на самом деле являются публичными молитвами, и когда их поют, сердца умиляются и верующих побуждают составлять подобные молитвы для себя и воздавать Богу подобные хвалы с такой же любящей преданностью. Но поскольку все это необычно и людей нужно обучать, возможно, было бы неплохо отобрать детей, научить их петь ясно и внятно в собрании, и если люди будут слушать со всем вниманием и следовать “сердцем тому, что поется устами”, они “мало-помалу привыкнут петь вместе” как собрание. [116]

Для должного сохранения чистоты учения наиболее важно, чтобы дети с юности были проинструктированы, как обосновывать свою веру, и поэтому следует подготовить какой-нибудь простой катехизис или исповедание веры и преподавать его детям. В “определенные времена года” детей следует приводить к пасторам, которые должны обследовать их и разъяснять учения катехизиса.

Таинство брака было искажено злыми и небиблейскими законами папства, и было бы хорошо, если бы весь этот вопрос был тщательно продуман и были установлены некоторые простые правила, согласующиеся со Словом Божиим.

Этот меморандум, ибо он едва ли больше, был удостоен названия *Статей (Articuli de regimine ecclesiae)*. Это было в целом одобрено *Малым Советом* и *Советом двухсот*, которые, кроме того, установили четкие правила, согласно которым Святая Вечеря должна совершаться четыре раза в году и что объявления о бракосочетаниях должны делаться в течение трех воскресений подряд перед празднованием. Но очень сомнительно, что Собор пошел дальше этого общего одобрения или что они дали определенное и обдуманное согласие на предложения Кальвина о “дисциплине отлучения”.

Эти *статьи* были заменены знаменитыми *Церковными указами Женевской Церкви*, принятыми 20 ноября 1541 г.; но поскольку это первый случай, когда Кальвин публично изложил свои особые идеи о церковном управлении, возможно, будет полезно описать, что это были за положения. Чтобы правильно понять их, увидеть *тоновое*, что Кальвин пытался привнести в церковную жизнь шестнадцатого века, необходимо различать две вещи, которые, следует признать, в те дни были практически переплетены друг с другом — попытку регулировать частную жизнь законами муниципальными или национальными и стремление сохранить торжественность и чистоту совершения Святой Вечери.

Когда историки, церковные или другие, обвиняют Кальвина в попытке сделать первое, они забывают, что у него не было в этом необходимости. В Женеве, как и в любом другом средневековом городе, были свои законы, которые вмешивались в частную жизнь на каждом шагу, причем таким образом, который нашему современному сознанию кажется величайшей тиранией, но который тогда был обычным явлением городской жизни. В каждом средневековом городе были свои законы, запрещающие экстравагантность в одежде, еде и питье, ругательства, азартные игры, танцы и маскарады. Они предписывали количество гостей, которые должны были быть приглашены на свадьбы, обеды и танцы; когда волынщики должны были играть, когда они должны были заканчивать, и сколько им должны были платить. Следует признать, что когда перелистываешь страницы городских хроник или читаешь такую книгу, как *"Полиция Нюрнберга"* Баадера, невольно возникает мысль, что Отцы гражданского общества, подобно некоторым современным законодателям, довольствовались введением строгих правил в свод законов, а затем, измученные своими моральными усилиями, не имели сил претворять их в жизнь. Но время от времени ими овладевал праведный порыв, и служанок вызывали в Совет за то, что они носили шелковые фартуки, или отцов за то, что устраивали слишком роскошные свадебные пиры, или горожан за работу на церковном празднике, или мать за то, что слишком нарядно украшала свою дочь для свадьбы. Граждане каждого средневекового города жили в рамках муниципальной дисциплины, которую мы бы назвали возмутительной и деспотической. Каждый пример, приводимый современными историками в доказательство, как они думают, деспотического вмешательства Кальвина в детали частной жизни, можно сравнить со ссылками на полицейские книги средневековых городов пятнадцатого и шестнадцатого веков. Выдвигать их в качестве основания для обвинения Кальвина - значит просто ссылаться на незнание всей муниципальной полиции позднего Средневековья. Сказать, что Кальвин молча согласился или одобрил такое законодательство, значит просто показать, что он принадлежал к шестнадцатому веку. Когда города приняли Реформацию, дух гражданского законодательства не изменился, но некоторым старым правилам было позволено утратить силу, и их место заняли

новые, предложенные новыми идеями. В законе, который Берн принял для Pays de Vaud в 1536 году (24 декабря), запрещающем танцы, за исключением “трех честных танцев” на свадьбах, не было ничего нового; но это было новое постановление, которое предписывало, что родители должны приводить своих дочерей к алтарю бракосочетания “le chiefz couvert”. Это не было чем-то новым, когда Базель в 1530 году назначил трех почетных людей (одного из Совета и двух из общины) следить за нравственностью жителей каждого прихода и отчитываться перед Советом. Это было ново, но вполне соответствовало средневековому гражданскому законодательству, когда Берн запретил скандальным личностям приближаться к Господскому Столу (1532).

Мысль Кальвина двигалась в другом направлении. Он выделялся среди реформаторов своим рвением восстановить условия, которые царили в Церкви первые три столетия. Это была любимая идея Лефевра, [117] который научил этому Фареля, Жерара Русселя и других членов “группы Мо”. Кальвин, возможно, получил это от Русселя; но нет необходимости предполагать, что это не пришло к нему совершенно независимо. Он изучал Отцов Церкви первых трех веков более усердно, чем кто-либо из его современников. Он понимал, как никто из них, что Святая Вечеря Господня была центром религиозной жизни Церкви, вершиной и венцом ее богослужения. Он видел, как тщательно Церковь первых трех столетий оберегала святость простого, но глубокого обряда; и что она делала это, препятствуя приближению всех недостойных причастников. Дисциплина была нервом ранней Церкви, а отлучение от церкви было нервом дисциплины; и Кальвин хотел ввести и то, и другое. Более того, он знал, что в ранней Церкви соблюдение дисциплины и отлучение от церкви принадлежало членам церкви и служению. Он желал вновь ввести все эти отличительные черты Церкви первых трех столетий — еженедельное причащение, дисциплину и отлучение от церкви, осуществляемые пасторатом и прихожанами. Он понимал, что, когда люди привыкли подходить к Трапезе Господней только один или два раза в год, было невозможно ввести еженедельное причащение для всех сразу. Но он настаивал на том, что предупреждения святого Павла о недостойных причастниках были настолько вескими, что отъявленным грешникам не следовало приближаться к Святой Вечере, а упрямо нераскаявшихся следует отлучать от церкви. Это и только это было отличительной чертой предложений Кальвина; это была новая концепция, которую он представил.

Ошибка Кальвина заключалась в том, что, хотя он считал, что члены церкви и пастырство должны соблюдать дисциплину и отлучать от церкви, он также настаивал на том, что светская власть должна усиливать осуждение Церкви. Его идеи хорошо сработали во Французской церкви, церкви “под крестом”, и в том же положении, что и Церковь первых веков. Ноконцепция, согласно которой светская власть должна поддерживать гражданскими страданиями и наказаниями дисциплинарные решения церковных судов, должно быть, породила тиранию, мало чем отличающуюся от той, что существовала в средневековой Церкви. Идеи Кальвина, однако, никогда не принимались, кроме как номинально, ни в одной из швейцарских церквей — даже в Женеве. Сама мысль об отлучении от Церкви была в высшей степени неприятна протестантам шестнадцатого века; они слишком много страдали от этого в том виде, в каком оно осуществлялось Римско-католической церковью. Не согласуется это и с представлениями мировых судей швейцарских республик о собственном достоинстве, согласно которым они должны быть служащими министерства, приводящими в исполнение свои приговоры. [118] Ведущие реформаторы немецкой Швейцарии почти повсеместно считали, что отлучение от церкви, если оно когда-либо должно применяться, должно находиться в руках гражданских властей.

Цвингли не считал, что Церковь должна пользоваться правом отлучения от церкви. Он заявил, что примеру первых трех столетий не следует следовать, потому что в те дни “Церковь не могла рассчитывать на помощь императоров, которые были язычниками”; тогда как в Цюрихе существовала христианская магистратура, которая могла освободить Церковь от того, что в любом случае должно было быть неприятной обязанностью. Его преемник Буллингер, главный советник богословов английской реформации, пошел дальше. В письме к Лео Джаду (1532) он заявляет, что отлучение от Церкви не должно принадлежать Церкви, и что он сомневается, следует ли им пользоваться даже светским властям; а в письме к пастору-романту (24 ноября 1543 г.) он излагает свои взгляды на отлучение и заявляет, чем он отличается от своих *оптимальных братьев Галос* (Вирет, Фарель и Кальвин). [119] Немецко-швейцарские реформаторы встали на одну сторону, а французско-швейцарские реформаторы - на другую; и все последние были людьми, которые научились уважать обычаи Церкви первых трех столетий и желали восстановления ее методов церковной дисциплины.

Народ неизменно вставал на сторону немецкоязычных реформаторов. [120] Кальвину с большим трудом удалось ввести отлучение от церкви в Женеве после своего возвращения из ссылки, но это не соответствовало его идеям. Фарелю не удалось внедрить его в Невшателе. Он полагал, основываясь на Новом Завете, [121], что члены каждого прихода имели право исключить из Святой Вечери грешников, которые сопротивлялись всем увещаниям. Но Совет и община Невшателя не потерпели “практики и использования отлучения от церкви” и не позволили этому появиться в их церковных постановлениях 1542 или 1553 годов. Эколампадий убедил Базельский собор разрешить отлучение от церкви и вписать имена отлученных от церкви на табличках, прикрепленных к дверям церквей. Цвингли энергично протестовал, и от этой практики отказались. Берн был готов предостеречь открытых грешников от приближения к Трапезе Господней, но и слышать не хотел об отлучении от церкви и прямо заявил, что “служители, которые сами были грешниками, будучи из плоти и крови, не должны пытаться проникнуть в индивидуальную совесть, тайны которой известны одному Богу”. Вире пытался ввести *церковную дисциплину* в систему оплаты труда Во, но не смог убедить магистратов или людей принять это. Молодые протестантские церкви Швейцарии, за весьма сомнительным исключением Женевы после 1541 года, отказались допустить введение дисциплинарных обычаев первоначальной Церкви. Они не возражали против дисциплины, какой бы строгой и досадной она ни была, при условии, что это было просто применение старого муниципального законодательства, к которому они привыкли на протяжении поколений, к высшим моральным требованиям религии. [122] Было повсеместно признано, что уровень нравственной жизни во всей Французской Швейцарии был очень низким, и что для его улучшения требовались строгие меры. Не стал исключением и строгий выговор, который Бернский собор адресовал подчиненному Совету Лозанны за их неспособность исправить дурные привычки жителей этого старого епископального города; [123] но такая дисциплина должна была осуществляться старым средневековым способом через магистратов, а не каким-либо новомодным способом, заимствованным у первобытной Церкви. Что касается Швейцарии, то мольбы Кальвина построить их церковную жизнь на основе того, что он, как и Лефевр, считал золотым периодом в истории Церкви, остались без внимания. Нужно пойти во французскую церковь и, в меньшей степени, в церковь Нокса в Шотландии, чтобы увидеть воплощение идей Кальвина на практике; тщетно искать этого в Швейцарии.

The *Катехизис* для детей был опубликован в 1537 году и, по словам автора, должен был выразить простое благочестие, а не продемонстрировать глубокое знание религиозной истины.

Но, как позже почувствовал сам Кальвин, он был слишком богословским для детей и был заменен вторым Катехизисом, опубликованным сразу после его возвращения в Женеву в 1541 году. Первый Катехизис был озаглавлен "*Наставление и исповедание веры для использования Женевской церковью*". В нем последовательно излагались Десять заповедей, Апостольский символ веры, Молитва Господня и Таинства. Обязанности пастората и магистратуры были изложены в приложениях. [124]

The *Confession of Faith* had for its full title, *Confession de la Foy laquelle tous bourgeois et habitants de Genève et subjectz du pays doyvent jurer de garder et tenir extraicte de l'Instruction dont on use en l'Eglise de la dicte ville*. [125] Он воспроизводил содержание *Инструкции* и, подобно ей, представлял собой сжатое изложение *Institutio*.

Это Признание часто приписывали Фарелю, но нет никаких сомнений в том, что оно вышло из-под пера Кальвина. [126] Он был представлен Совету и одобрен ими, и они согласились, что следует попросить людей поклясться соблюдать его, а различные подразделения районов города предстать с этой целью перед секретарем Совета. Затем предложение было направлено в Совет Двухсот, где оно было одобрено, но не без возражений. Протоколы показывают, что некоторые члены остались верны католической вере. Они говорили, что их не следует принуждать давать клятву, которая противоречит их совести. Другие, называвшие себя протестантами, утверждали, что принесение исповеди отнимает у них свободу. "Мы не хотим быть стесненными, - сказали они, - но хотим жить в условиях нашей свободы". Но в конце концов было решено поступить так, как рекомендовал Совет. Итак, день за днем *dizenniers*, или капитаны городских подразделений, приводили своих людей к собору, где секретарь стоял за кафедрой, чтобы принять присягу. Магистраты подали пример, и люди приводились к присяге группами, поднимая руки и принося присягу. Но были недовольные, которые держались в стороне, и начались проблемы, которые должны были увеличиться. Депутаты из Берна, не обращая внимания на тот факт, что их город таким же образом присягнул их вероучению, поощряли инакомыслящих, говоря, что никто не может принести такую клятву, не лжесвидетельствуя; и это мнение усилило оппозицию. Но Совет Берна отрекся от своих депутатов, [127] и отказался оказывать какую-либо поддержку недовольным, и проблема миновала. Вся Женева поклялась поддерживать это Признание.

Тем временем женевские министры настаивали на принятии решения по вопросу о дисциплине и отлучении от церкви, и ропот против них становился все сильнее. Считалось, что Совет слишком чутко реагирует на просьбы пасторов, и бурное заседание Генерального совета (25 ноября) выявило тлеющее недовольство. 4 января (1538 г.) Женевские соборы полностью отклонили предложения ввести дисциплину, которая защитила бы от профанации Трапезы Господней, постановив, что в Святой Вечере не должно быть отказано ни одному человеку, желающему принять участие. 3 февраля на ежегодных выборах магистратов были выбраны четыре синдика, которые, как было известно, были самыми решительными противниками Кальвина и Фарела. Новый Собор поначалу не проявил враждебности к проповедникам: их первые протоколы довольно почтительны. Но большая часть граждан была яростно настроена против проповедников; синдики были их врагами: рано или поздно столкновение должно было произойти.

Именно на этом этапе предложение из Берна привело ситуацию к кризису.

В городе было много жителей, которых несколько неохотно втянули в путь Реформации. Тех, кто цеплялся за старую веру, поддерживали другие, которые поддерживали Реформацию просто как средство освобождения города от власти князя-епископа и которые не испытывали симпатий к религиозному движению. Город долгое время был разделен на две партии, и старые разногласия вновь проявились, как только город объявил себя протестантским. Недовольные воспользовались всем, что могло помочь им остановить волну Реформ и помешать работе министров. Они покровительствовали анабаптистам, когда те появились в Женеве; они поддержали обвинение, выдвинутое Пьером Кароли против Фареля и Кальвина, в том, что они были арианами, потому что отказывались использовать афанасианский символ веры; прежде всего, они заявили, что выступают за свободу, и назвали себя либертинцами. Когда вмешался Берн, они поспешили поддержать его церковные предложения.

Берн никогда не был доволен положением, в котором он оказался по отношению к Женеве после завоевания ею Плато Во. Когда война закончилась, или, скорее, до ее окончания, и пока бернская армия освобождения оккупировала город, сопровождавшие ее депутаты Берна заявили о своих правах на Женеву, которыми ранее пользовались князь-епископ и Видомн, или представитель герцога Савойского, которого их армия покорила. Они утверждали, что являются хозяевами Женевы, поскольку им удалось сделать себя хозяевами Лозанны и площади Во. Жители Женевы воспротивились этому требованию. Они заявили, сообщает нам Фромант, что более тридцати лет не боролись за свои свободы, не стремились стать вассалами своих союзников или кого-либо еще во всем мире. [128] Берн угрожал отказаться от союза; но Женева стояла твердо; всегда была Франция, к которой можно было обратиться за помощью. В конце концов Берну пришлось довольствоваться гораздо меньшим, чем он требовал.

Женева стала независимой республикой, стала наследницей всех синьориальных прав князя-епископа и всех его доходов, а также всех судебных прав Видомна или представителя Савойского дома. Он получил полный суверенитет в пределах города; он также сохранил такой же суверенитет над округами (*мандементами*) Пенни, Юсси и Тьез, которые принадлежали принцу-епископу. С другой стороны, Берн получил округ Гайяр; Женева обязалась не вступать ни в какие союзы и не заключать никаких договоров без согласия Берна и всегда допускать бернцев в свой город. Власть над одним или двумя отдаленными округами была разделена— Женева была признана суверенной и получала доходы, а Берн сохранил за собой право рассматривать апелляции и т.д.

Казалось, что политика Берна заключалась в создании сильного государства путем взятия под свой строгий контроль большей части Романской Швейцарии. Подвластные ей территории, Лозанна, большая часть Плато Во, Жекс, Шабле, Орб и т.д., окружали Женеву почти со всех сторон. Если бы только Женева была доведена до состояния другого епископства принца, Лозанны, мечта Берна о правлении была бы осуществлена. Реформатская церковь была средством укрепления этих завоеваний. Над всеми романскими территориями, подвластными Берну, должны были править бернские церковные структуры. Ее Совет неизменно был последней апелляционной инстанцией. Ее консистория была воспроизведена во всех этих франкоязычных поместных церквях. Ее религиозные обычаи и церемонии распространились по всей романтической Швейцарии. Церковь в Женеве была независимой. Не может ли это быть приведено к более тесному согласию и не может ли согласие в церковных вопросах привести к политической инкорпорации, которой Берн так горячо желал? Евангелистом почти всех этих романских протестантских церквей был Фарел. Их церковные обычаи сформировались под его

руководством. Присоединение Женевской церкви привело бы к гармонии в попытке ввести единообразие с Берном. Такова была внешнеполитическая ситуация, которую следовало учитывать при рассмотрении причин, приведших к изгнанию Кальвина из Женевы.

В соответствии со своей схемой церковного соответствия Бернский собор созвал Синод, представляющий большинство евангелических церквей западной Швейцарии, и представил им свои предложения. Подробного отчета о разбирательстве не сохранилось. Вероятно, были некоторые несогласные, одним из которых, скорее всего, был Фарель, которые утверждали, что романским церквям можно было бы предоставить сохранять свои обычаи. Но общим результатом было то, что Берн решил созвать еще один Синод, представляющий романские церкви, для встречи в Лозанне (30 марта 1538 года). Они попросили (5 марта) Совет Женевы разрешить присутствие Фареля и Кальвина. [129] Письмо достигло Женевы 11 марта, и в тот день женевские магистраты, без просьбы Берна и без консультаций со своими министрами, решили ввести бернские церемонии в Женевской церкви. На следующий день они отправили письмо из Берна Фарелю и Кальвину и в то же время предупредили проповедников, что им не будет позволено критиковать работу Собора с кафедры. Ни Фарел, ни Кэлвин не высказали никаких возражений. Они заявили, что готовы отправиться в Лозанну, спросили Совет, есть ли у них какие-либо распоряжения, и сказали, что готовы им подчиниться; и это несмотря на то, что из Берна пришло второе письмо (20 марта), в котором говорилось, что, если женевские проповедники не примут предложения Берна, им не разрешат присутствовать на Синоде.

Соответственно, Фарель и Кальвин отправились в Синод в Лозанне и присоединились к принятому решению, которое заключалось в принятии обычаев Берна — что все крещения должны совершаться в каменных купелях, установленных у входа в церкви; что на Святой Вечере следует употреблять пресный хлеб; и что ежегодно следует отмечать четыре религиозных праздника: Рождество, Новый год, Благовещение и День Вознесения — с условием, что Берн должен предупредить своих чиновников, чтобы они не были слишком строги к беднякам за работу в эти праздничные дни. [130]

Когда Бернский совет получил свои церковные предложения, должным образом принятые представителями различных заинтересованных Церквей, его Совет направил письмо (15 апреля) Совету и служителям Женевы с просьбой провести совместное совещание и договориться о том, чтобы Женевская церковь приняла эти обычаи — магистраты Берна, очевидно, не знали о поспешном решении Женевского собора, о котором уже упоминалось. Письмо обсуждалось на заседании Совета (19 апреля 1538 г.), и было составлено несколько протоколов, касающихся исключительно церковных вопросов. Не было необходимости приходить к какому-либо решению по поводу бернских обычаев; они уже были приняты. Письмо из Берна должно было быть показано Фарелю и Кальвину, и проповедников нужно было спросить, и они должны были ответить, да или нет, сразу ли они введут бернские церемонии? Проповедники сказали, что обычаи не могут быть введены сразу. Третий женевский проповедник, Эли Кораут, неуважительно отозвался о городском совете, и ему было запрещено проповедовать под угрозой тюремного заключения до тех пор, пока его слова не будут проверены. [131] Наконец, было решено, что Святая Вечеря должна быть совершена немедленно в соответствии с бернскими обрядами; и что, если Фарель и Кальвин откажутся, Совет должен был привлечь других проповедников, которые подчинились бы их приказам. [132]

Кораут, слепой проповедник, проповедовал как обычно (20 апреля). Его сразу же арестовали и заключили в тюрьму. Во второй половине дня Фарель и Кальвин в сопровождении нескольких самых выдающихся граждан Женевы предстали перед Советом, чтобы выразить протест против заключения Корау в тюрьму и потребовать его освобождения — Фарель говорил со своей обычной дерзкой горячностью и напоминал магистратам, что, если бы не его работа в городе, они не были бы на том посту, который занимали. Просьба была отклонена, и Совет воспользовался присутствием проповедников, чтобы спросить их, не введут ли они сразу же бернские обычаи. Они ответили, что не возражают против церемоний и были бы рады использовать их в богослужении при условии, что они будут приняты должным образом, [133] но не по простому приказу Совета. Затем Фарелу и Кальвину запретили проповедовать. На следующий день два пастора проповедовали как обычно — Кальвин в соборе Святого Петра, а Фарел в Сен-Жервез. Совет собрался, чтобы рассмотреть этот акт неповиновения. Некоторые выступали за немедленную отправку проповедников в тюрьму; но было решено созвать *Совет Двухсот* завтра (22 апреля) и *Генеральный совет* 24-го. Были прочитаны письма из Берна (5 марта, 20 марта, 15 апреля), и Двести человек постановили, что они будут “жить в соответствии с бернскими церемониями”. Что же тогда было делать с Кальвином и Фарелом? Должны ли они были быть отправлены в городскую тюрьму? Нет! Лучше подождать, пока Совет не найдет других проповедников (он пытался это сделать и потерпел неудачу), а затем уволить их. Затем Генеральный совет собрался; [134] решено “жить в соответствии с церемониями Берна” и изгнать трех проповедников из города, дав им три дня на сбор пожитков. [135] Кальвин и Фарел были отправлены в ссылку, и магистраты поспешили конфисковать мебель, которая была предоставлена им, когда они устроились проповедниками.

Кэлвин надолго запомнил угрозы и опасности тех апрельских дней и ночей. Его оскорбляли на улицах. Хулиганы угрожали “сбросить его в Рону”. Толпы самых низменных людей собирались вокруг его дома. Они распевали непристойные песни под его окнами. Они стреляли по ночам, более пятидесяти одной ночи, перед его дверью — “более чем достаточно, чтобы удивить бедного ученого, каким бы робким я ни был и, признаюсь, всегда был”. [136] Именно воспоминание об этих днях вызывало у него отвращение к самой мысли о возвращении в Женеву.

Два реформатора, Кальвин и Фарель, немедленно покинули город, полные решимости изложить свое дело в Бернском соборе, а также в Синоде швейцарских церквей, который должен был собраться в Цюрихе (28 апреля 1538 г.). Члены Бернского совета были потрясены и шокированы обращением, которому проповедники подверглись со стороны Женевского совета, и почувствовали это тем более, что их предложение о согласии послужило поводом. Они сразу же написали в Женеву (27 апреля), умоляя Совет отменить то, что они сделали; помнить, что их предложение о единообразии никогда не должно было служить поводом для принуждения в вопросах, которые, в конце концов, были безразличны. [137] Берн мог быть властным, но почти всегда был вежливым. Светская власть могла быть движущей силой во всех церковных вопросах, но она должна была осуществляться через механизм Церкви. Власти Берна позаботились о создании церковного суда, Консистории, в составе двух пасторов и трех советников, которые занимались всеми церковными делами. Он поощрял проведение собраний Синодов на всей своей территории. Его предложения по единообразию были адресованы как пасторам, так и Совету Женевы, и говорилось о взаимных консультациях. У них

не было ни малейшего желания казаться хотя бы отдаленно ответственными за избиение женевских министров. Женевский совет ответил смесью подобострастия и завуалированной наглости [138] (30 апреля). Из них ничего нельзя было сделать.

Из Берна Фарель и Кальвин отправились в Цюрих и там направили меморандум Синоду, в состав которого входили представители Цюриха, Берна, Базеля, Шаффхаузена, Санкт-Галлена, Мюльхаузена, Биля (Бьенне) и двух изгнанных министров из Женевы. Это было одно из тех Генеральных собраний, которые в глазах Кальвина представляли католическую Церковь, которой все отдельные Церкви были обязаны почтением, если не простым повиновением. Женевские пасторы представили свое заявление с гордым смирением. Они были готовы принять бернские церемонии, которые сами по себе были безразличны, но которые могли быть полезны в смысле демонстрации гармонии, царящей среди реформатских Церквей; но они должны быть приняты Женевской церковью, а не навязаны ей простым распоряжением светской власти. Они были вполне готовы изложить их жителям Женевы и рекомендовать их. Но если они вернутся в Женеву, им должно быть позволено защищаться от своих клеветников; и их программа организации Женевской церкви, которая уже была принята, но не была реализована на практике (16 января 1537 г.), [139] должна быть представлена. Оно заключалось в следующем: — установлении церковной дисциплины, чтобы Святая Вечеря не могла быть осквернена; - разделении города на приходы, чтобы каждый служитель мог быть знаком со своей паствой; - увеличении числа служителей в городе; - регулярном рукоположении пасторов путем возложения рук; - более частом совершении Святой Вечери в соответствии с практикой первоначальной Церкви. [140] Они признались, что, возможно, были слишком суровы; в этом личном вопросе они хотели, чтобы ими руководили. [141] Они со смирением выслушали увещания некоторых членов Синода, которые просили их проявлять больше мягкости в обращении с недисциплинированным народом. Но в принципиальном вопросе и о правах Церкви, противопоставленных государству, они были непреклонны. Вероятно, это был первый раз, когда эрастианцы восточной Швейцарии прислушались к столь Высокому церковному учению; но они приняли его и сделали своим собственным, по крайней мере, на какое-то время. Синод решил написать в Женевский собор и попросить их проявить терпение к своим проповедникам и принять их обратно; и они попросили депутатов из Берна заняться этим делом и сделать все возможное, чтобы восстановить Фареля и Кальвина в Женеве.

Депутаты Берна согласились с поручением, и женевские пасторы вернулись в Берн, чтобы дожидаться прибытия бернских депутатов из Цюриха. Они ждали, полные тревоги, почти четырнадцать дней. Затем Бернский собор был готов выполнить просьбу Синода. [142] Были назначены заместители и в сопровождении Фареля и Кальвина отправились в Женеву. Два пастора ждали на границе в Нуайоне или Гентоде, пока депутаты от Берна отправятся в Женеву. У них была аудиенция в Совете (23 мая), им сказали, что Совет не может отменить то, за что проголосовали все три Совета. Совет Двухсот отказался отозвать пасторов. Генеральный совет (26 мая) единогласным голосованием повторил приговор об изгнании и запретил трем пасторам (Фарелю, Кальвину и Корау) ступить на территорию Женевы.

Изгнанный из Женевы, Кальвин был бы рад вернуться к тихой студенческой жизни; но он был слишком хорошо известен и слишком высоко ценился, чтобы оставаться в неизвестности, к которой он стремился. Страсбург потребовал, чтобы он служил французским беженцам, которые поселились в его защитных стенах. Его пригласили посетить протестантскую конференцию во Франкфурте; он присутствовал на профсоюзных конференциях в Хагенау,

Вормсе и Регенсбурге. Там он познакомился с более известными немецкими протестантскими богословами, которые приняли его так, как не принимали никого другого из Швейцарии. Кальвин теологически сравнялся с ними, подписав сразу и без всяких просьб Аугсбургское исповедание, и тем самым способствовал возникновению чувства единения среди всех протестантов. Он зажег в груди Меланхтона одно из тех романтических дружеских чувств, которые, казалось, так легко вызывал хрупкий француз с бледным лицом, черными волосами и пронизательными глазами. Сам Лютер ценил свое богословие даже по своей ревностно охраняемой теории таинства Святой Вечери.

Тем временем дела в Женеве шли не очень хорошо. Внешне особой разницы не было. Пасторы служили в церквях города, и обычная церковная жизнь шла своим чередом. Магистраты привели в исполнение *Статьи*; они осудили анабаптистов, папистов, все нарушения роскошных и дисциплинарных законов города. Они заставляли каждого домовладельца ходить в церковь. И все же казалось, что прежней жизни больше нет. Совет и синдики относились к новым пасторам как к своим слугам, заставляли их строго подчиняться всем их решениям в церковных вопросах и рассматривали религию как политическое дело. Несомненно, что нравственность в городе ухудшилась — настолько, что пасторы Берна написали обличительное письмо пасторам в Женеве, [143] — и Вечерей Господней, похоже, пренебрегли. Соперничество между партиями внутри города приобрело почти скандальный характер, и независимое существование Женевы оказалось под угрозой. [144]

На выборах синдикатам не удалось добиться своего переизбрания. Были выбраны люди более умеренных взглядов, и с этой даты (февраль 1539 г.) начала обсуждаться идея о том, что Женева должна попросить Кальвина вернуться. Ему были сделаны частные предложения, но он отказался. Затем пришли письма от Совета, в которых его умоляли вернуться и изложить свои условия. Он хранил молчание. Лозанна и Невшатель присоединились к просьбам Женевы. Кальвина было не переубедить. Его личные письма раскрывают все его мысли. Он содрогнулся от возвращения в беспокойный город. Он не был уверен, что достоин возглавить Церковь в Женеве. Он жил в мире в Страсбурге, служа собранию своих соотечественников; и однажды сложившиеся пастырские узы нелегко было разорвать; и все же какое-то подводное течение влекло его туда, где он впервые начал служение Слова. Наконец он написал Женевскому совету, изложив перед ними все свои трудности и стремления — не соглашаясь и не отказываясь. Его непосредственный долг призвал его на конференцию в Вормсе.

Жители Женевы не были обескуражены. 19 октября *Совет двухсот* внес в свой реестр заявление о том, что должны быть приняты все меры для обеспечения услуг “майстера Йохана Кальвина”, а 22-го достойный бюргер и член *Совета двухсот* Луи Дюфур был отправлен в Страсбург с письмом от обоих гражданских советов, в котором Кальвин умолял вернуться на свое “старое место” (*престин плаче*), “видя, что наш народ очень желает вас”, и обещая что они сделают все, что в их силах, чтобы удовлетворить его. [145] Дюфур добрался до Страсбурга только для того, чтобы обнаружить, что Кальвин уехал в Вормс. Он представил свои письма городскому совету, который отправил их экспресс-почтой (*eques celeri cursu*) [146] Кальвину (6 ноября 1540 г.). Кальвин был далек от того, чтобы прийти в восторг от искреннего желания снова принять его в Женеве, он был ужасно огорчен. Он посоветовался со своими друзьями в Вормсе и едва смог изложить им суть дела из-за своих рыданий. [147] Невыносимая боль, которую он испытывал при мысли о возвращении в Женеву, с одной стороны, и мысль о том, что Бucer, в конце концов, мог быть прав, когда заявлял, что долг Кальвина перед Вселенской Церковью

ясно указывает на его возвращение, [148] полностью одолел его. Его друзья, уважая его страдания, посоветовали ему отложить принятие решения до возвращения в Страсбург. Другие, кто не был рядом с ним, продолжали убеждать его. Фарел набросился на него (*ужас от происходящего*). [149] Пасторы Цюриха писали (5 апреля 1541 г.):

“Вы знаете, что Женева находится на границе Франции, Италии и Германии, и что есть большая надежда, что Евангелие может распространиться из нее в соседние города и таким образом расширить бастионы (*бульвары*) царства Христова.— Вы знаете, что Апостол выбрал столичные города для своих проповеднических центров, чтобы Евангелие могло распространяться по окрестным городам”. [150]

Кэлвин был потрясен. Он согласился вернуться в Женеву и въехал в город, все еще страдая от отвращения к работе, в которой он вовсе не был уверен, что способен ее выполнять. Историки говорят о триумфальном въезде. Возможно, и было, хотя ничто не могло быть более неприятным для Кальвина в любое время, и в высшей степени в этом случае, с теми чувствами, которые он испытывал. Современные документы умалчивают об этом. Есть только протокол Собора, настолько формальный, насколько обычно составляются протоколы, в котором говорится, что “маистер Йохан Кальвин, евангелический министр” снова возглавляет Церковь в Женеве (13 сентября 1541 г.). [151]

Кальвин был в Женеве во второй раз, и оба раза его притащили туда неохотно, его мечта о спокойной жизни ученого полностью разбилась вдребезги. Работа, которая предстояла ему, оказалась почти такой же тяжелой, как он и предполагал. Распространенное представление о том, что, судя по этой второй записи, Кальвин был мастером в городе, совершенно ошибочно. Четырнадцать лет были потрачены на тяжелую борьбу (1541-1555); и если оставшиеся девять лет его жизни можно назвать периодом триумфа над противниками (1555-1564), следует помнить, что он так и не смог увидеть, как его идеи о церковной организации полностью воплотились в городе, который он усыновил. Нужно пойти в протестантскую церковь Франции, чтобы увидеть, как идея Кальвина полностью реализована. [152]

В день его въезда в Женеву (13 сентября 1541 г.) Совет постановил, что Церкви города следует передать Конституцию, и был сформирован комитет, состоящий из Кальвина, его коллег по министерству и шести членов Совета, для подготовки проекта. Работа была завершена за двадцать дней и готова к презентации. Однако 16 сентября было решено, что подготовленный проект должен быть представлен на доработку в *Малый Совет*, в *Совет шестидесяти* и, наконец, в *Совет двухсот*. Старая оппозиция сразу же проявила себя в этих Советах. По-видимому, были внесены изменения, и в последний момент Кальвин подумал, что Конституция будет бесполезна для целей дисциплины и упорядоченного церковного правления. В конце концов, однако, проекты постановлений были единогласно приняты *Советом Двухсот* без серьезных изменений. Результатом стали знаменитые *Женевские церковные постановления* в их первом виде. Они приняли свою окончательную форму только в 1561 году. [153]

Когда эти *Постановления* 1541 года сравниваются с принципами церковного управления, изложенными в *Institutio*, с *Статьями* 1537 года и с *Постановлениями* 1561 года, становится ясно, что Кальвин, должно быть, многим пожертвовал, чтобы удовлетворить магистратов Женевы.

Он выступал за самоуправление Церкви, особенно в вопросах дисциплины; этот принцип пронизывает все главы четвертой книги *Institutio*. *Постановления* создают определенную видимость автономии, и все же вся власть на самом деле принадлежит Советам. Дисциплина осуществлялась *Консисторией* или сессией старейшин (*Anciens*); но эта Консистерия избиралась *Малым Советом* по совету министров и должна была включать двух членов *Малого Совета*, четырех из *Совета Шестидесяти* и шестерых из *Совета двухсот*, и когда они были выбраны, они должны были быть представлены *Совету двухсот* на утверждение. Когда заседала Консистерия, один из четырех синдиков сидел в качестве президента, держа в руке свой жезл, знак отличия его должности арбитра, который, как совершенно верно сказано в пересмотренных *Постановлениях* 1561 года, “больше походил на гражданскую власть, чем на духовное правление”. Пересмотренные *постановления* запрещали президенту носить свой жезл, когда он председательствовал в Консистерии, чтобы продемонстрировать соблюдение различия, которое, как “ясно показано в Священном Писании, существует между мечом и властью магистрата и надзором, который должен быть в Церкви”; но послушание Священному Писанию, похоже, не зашло дальше, чем отложение жезла на время. Похоже также, что правило консультироваться со служителями при назначениях в Консистирию нередко игнорировалось, и что это был, по сути дела, просто комитет Советов, который никак не подчинялся пасторам. [154] Консистерия не имела полномочий налагать гражданские наказания на правонарушителей. Оно могло только увещевать. Когда оно считало, что наказания необходимы, оно должно было отчитываться перед Советом, который выносил приговор. Это также было сделано для того, чтобы сохранить разделение между гражданской и церковной властью; но на самом деле это был комитет Совета, который отчитывался перед Советом, и различие было действительно иллюзорным. Такое положение вещей было совершенно противоположно заветной идее Кальвина, не только изложенной в *Учреждении*, но и в действии Конституции Французской протестантской церкви, которая в основном принадлежала его авторству. “Великолепные, благородные и достопочтенные лорды” Совета (таков был их титул) этого маленького городка с населением 13 000 человек *на словах* придерживались учения Кальвина о различии между гражданской и духовной властью, но на деле они сохранили всю власть правления или дисциплины в своих собственных руках; и мы должны видеть в дисциплинарных полномочиях и наказаниях Женевской консистории не демонстрацию работы Церкви, организованной по принципам Кальвина, а обычную процедуру городского совета средневекового города. Их мелкие наказания и незначительное вмешательство в частную жизнь - лишь частные примеры того, что было общим для всех муниципальных органов власти в шестнадцатом веке.

На протяжении всего этого столетия мы находим протест против средневекового вторжения церковной власти в сферу гражданской власти с неизбежной реакцией, которая превратила церковное управление в простой департамент национальной или гражданской администрации. Цюрих при Цвингли, хотя его обычно воспринимают как крайний тип этой эрастианской политики, как ее стали называть позже, не пошел дальше Берна, Страсбурга или других мест. Женевский собор имел юридический прецедент, когда они настаивали на том, что высшая церковная власть принадлежит им. Город был церковным княжеством, которым как в гражданских, так и в церковных делах управлял его епископ, и Совет по закону был наследником власти епископа. Это означало, среди прочего, что старые законы против ереси, если их специально не отменяли, оставались в Своде законов, и ошибки в доктрине считались предательством; и это делало ереси или отклонения в религиозных взглядах от того, что Свод

Законов объявлял официальной точкой зрения на истину, подлежащими гражданским наказаниям.

“Сомнения Кастеллио относительно каноничности "Песни песней" и общепринятой интерпретации сошествия Христа в Ад, критика Болсеком предопределения, подозрения Грие в скептицизме и владении неверующими книгами, рационализм Сервета и антитринитарное вероучение - все эти мнения были признаны преступными.... Еретик может быть человеком с безупречным характером; но если ересь - это государственная измена”, [155]

он был преступником и должен был понести наказание за преступление, предусмотренное Законом. Сказать, что Кальвин сжег Сервета, как это делается постоянно, - значит возложить на одного человека ответственность за положение вещей, которое сохранялось в Западной Европе с тех пор, как император Феодосий объявил вне закона всех людей, которые не принимают Никейский символ веры в форме, изданной римским Дамасом. С другой стороны, освобождать Кальвина от его участия в этой трагедии и преступлении, отрицая, что он сидел среди судей еретика, или утверждать, что Сервет был убит из-за того, что участвовал в заговоре против свобод города, столь же неразумно. Кальвин, безусловно, верил, что казнь антитринитариев была правильной. Протестанты Франции и Швейцарии в 1903 году (1 ноября) воздвигли то, что они называли *искупительным памятником* жертве религиозных преследований шестнадцатого века, и поместили на нем надпись, в которой они признавали свой долг великому Реформатору и в то же время осуждали его ошибку, — несомненно, правильное отношение. [156]

Кальвин сделал для Женевы три вещи, каждая из которых вышла далеко за ее пределы. Он дал местной Церкви подготовленное и испытанное служение, в ее домах - образованных людей, которые могли обосновать свою веру, а всему городу - героическую душу, которая позволила маленькому городку стать Цитаделью и городом-убежищем для угнетенных протестантов Европы.

Ранними проповедниками реформатской веры были заблудшие ученые, обращенные священники и монахи, благочестивые ремесленники и им подобные. По большей части это были героические люди, которые благородно выполняли свою работу. Но у некоторых из них не было настоящего призвания к тому положению, в которое они себя поставили. Ими двигали такие низменные мотивы, как недовольство своим положением, желание вступить в законный брак или завести нерегулярные связи, [157] или неприязнь ко всем авторитетам и разумным ограничениям. Они не изменили ни взглядов, ни поведения в своем новом окружении и стали источником опасности и скандала для небольших протестантских общин.

Первая часть *Таинств* была призвана положить конец такому положению вещей и была направлена на то, чтобы дать Реформированной Церкви служение более эффективное, чем старое священство, не претендуя при этом на какой-либо особый священнический характер. Служителями должны были быть люди, которые верили, что они призваны голосом Божиим, обращенным к индивидуальной душе, и эта вера в божественное призвание должна была быть проверена тройственным образом — тщательным экзаменом, призывом от своих собратьев по Церкви и торжественным назначением на должность.

Экзамен, который прямо заявлен как самый важный, проводился теми, кто уже работал в аппарате министерства. Это касалось, во-первых, знания кандидатом Священного Писания и

его способности использовать его для назидания людей; и, во-вторых, его походки и разговора в той мере, в какой они свидетельствовали о его способности быть примером, а также учителем. Затем кандидат был представлен *Малому Совету*. Затем от Него потребовали проповеди перед людьми, которых пригласили сказать, может ли его служение быть направлено на назидание. Пройдя эти три испытания, он должен был затем быть торжественно отделен возложением рук служителей, согласно обычаю древней Церкви. Его экзамен и тестирование не закончились с его рукоположением. Всем служителям города было приказано собираться раз в неделю для обсуждения Священных Писаний, и на этих собраниях долгом каждого, даже наименее важного, было выдвинуть любую причину жалобы, которая, по его мнению, существовала на кого-либо из его братьев, будь то на доктрину, или на мораль, или на неэффективное выполнение обязанностей, вверенных его попечению. Пасторам, работавшим в деревнях, было приказано приходить так часто, как они могли, и никому из них не разрешалось отсутствовать дольше одного месяца. Если собранию министров не удавалось прийти к согласию по какому-либо вынесенному на их рассмотрение вопросу, им предписывалось призвать на помощь старейшин; и всегда разрешалось обратиться с окончательной апелляцией к синьории, или гражданскому органу власти. Такой же строгий надзор был распространен на весь народ, и во время посещений с этой целью старейшины всегда сопровождались министрами. [158] Каждый член маленькой республики, окруженный таким количеством могущественных врагов, должен был быть солдатом, подготовленным как для духовной, так и для мирской войны. Кальвин добавил духовную сторону к военной подготовке, которая сохранила независимость маленьких средневековых городов-республик.

Он был неутомим в своих усилиях превратить Женеву в просвещенный город. Его образовательная политика, принятая Советами, была изложена в серии известных постановлений по управлению школами и колледжами города. [159] Он разыскал и представил Совету наиболее известных ученых, которых смог привлечь в Женеву. Матюрен Кордые, самый способный наставник, которого Франция произвела на свет в своем поколении; Беза, ее самый выдающийся гуманист; Кастеллио и Сонье - все они были учителями в городе. Слава его школ привлекала почти столько же людей, сколько преследования вынуждали искать убежища в его стенах. Религиозному воспитанию молодежи уделялось особое внимание. Более ранний Катехизис Кальвина был пересмотрен и стал более подходящим для молодежи; а дети были настолько хорошо воспитаны, что вошло в поговорку, что женеvский мальчик может дать ответ о своей вере так же умело, как “доктор Сорбонны”. Но в чем Женева преуспела, так это в подготовке к служению и другим образованным профессиям. Люди, у которых в крови была страсть к познанию, приезжали со всех стран — из Италии, Испании, Англии, Шотландии, даже из России и, прежде всего, из Франции. Пасторы, получившие образование в Женеве, обученные самыми выдающимися учеными того времени, которые овладели искусством управлять другими, научившись управлять собой, вышли из ее школ, чтобы стать служителями борющихся протестантов в Нидерландах, Англии, Шотландии, Рейнских провинциях и, прежде всего, во Франции. Они были мудрыми, неутомимыми, бесстрашными, готовыми отдать свои жизни за свою работу, добиваясь похвалы из нежелающих этого уст, такими же скромными, святыми, “с именем Иисуса всегда на устах” и Его Духом в сердцах. О том, что они сделали для Франции и других стран, нужно рассказать в другом месте.

Некогда беспорядочный город, ставший добычей собственных внутренних группировок, стал цитаделью Реформации, бросив вызов угрозам романистической Франции и Савойи и открыв свои ворота гонимым со всех стран. Так продолжалось на протяжении поколений, и это касалось жертв *драконьих* походов Людовика XIV. получил прием и защиту, оказанные страдальцам при Валуа в шестнадцатом веке. Что это сделало для них, лучше всего рассказать словами беженца:

“На следующий день, в воскресенье, мы добрались до маленькой деревушки на холме примерно в лиге от Женевы, откуда мы могли видеть этот город с радостью, которая могла сравниться только с радостью, с которой израильтяне созерцали Землю Ханаанскую. Был полдень, когда мы добрались до деревни, и так велико было наше стремление как можно скорее оказаться в городе, который мы считали своим Иерусалимом, что нам не хотелось оставаться даже ради еды. Но наш кондуктор сообщил нам, что по воскресеньям ворота Женевы никогда не открывались до окончания богослужения, то есть до четырех часов. Поэтому нам пришлось оставаться в деревне примерно до этого часа, когда мы снова сели на лошадей. Подъехав к городу, мы увидели большое количество выходящих людей. Наш проводник был удивлен, и тем более удивлен, когда, прибыв в Плейн-Пале, в четверти лье от города, мы увидели едущие нам навстречу три кареты, сопровождаемые алебардщиками и сопровождаемые огромной толпой людей обоего пола и всех возрастов. Как только мы появились, к нам подошел служащий магистратуры и попросил нас спешиться, чтобы почтительно поприветствовать “Их превосходительства Женевы”, которые вышли нам навстречу и поприветствовали нас. Мы подчинились. Когда три экипажа приблизились, из каждого вышли магистрат и министр, которые обняли нас со слезами радости и восхваляли наше постоянство и выносливость, гораздо большие, чем мы заслуживали.... Затем их Превосходительства разрешили людям приблизиться, и последовало зрелище, более трогательное, чем могло себе представить воображение. У нескольких жителей Женевы были родственники, пострадавшие на французских галерах (с которых нас освободили), и эти добрые люди не знали, может ли кто-нибудь из них быть в нашей компании. Итак, кто-то услышал смущенный шум: ‘Мой сын такой-то, мой муж, мой брат, вы здесь?’ Можно себе представить, какими объятиями встречали любого из нашего отряда, кто мог ответить. Вся эта толпа людей бросилась нам на шею с невыразимым порывом радости, восхваляя и превознося Господа за проявление Его благодати в нашу пользу; и когда Их Превосходительства попросили нас снова сесть на коней, чтобы въехать в город, мы едва смогли повиноваться, настолько невозможным казалось вырваться из объятий этих благочестивых и ревностных братьев, которые, казалось, боялись потерять нас из виду. Наконец мы снова сели в седла и последовали за их превосходительствами, которые проводили нас в город как триумфаторов. В Женеве было возведено великолепное здание для размещения граждан, впавших в нищету. Он только что был отделан и обставлен, и в нем еще никто не жил. Их Превосходительства сочли, что для него не может быть лучшего предназначения, чем служить нашим жильем. Они провели нас туда, и вскоре мы уже шли пешком по просторному двору. Толпа людей хлынула за нами. Те, кто нашел родственников в нашей компании, умоляли их Превосходительства разрешить им забрать их к себе домой — просьба была охотно удовлетворена. У месье Боске, одного из нас, были мать и две сестры в Женеве, и они приехали за ним. Поскольку он был моим близким другом, он умолял их Превосходительства разрешить ему взять меня с собой, и они охотно удовлетворили его просьбу. Воодушевленные этим примером, все бюргеры, мужчины и

женщины, попросили Их Превосходительства оказать им такую же милость и поселить этих дорогих братьев в их собственных домах. Их Превосходительства позволили некоторым сделать это, святая ревность овладела остальными, которые сетовали и оплакивали самих себя, говоря, что на них нельзя смотреть как на хороших и лояльных граждан, если им отказано в такой же милости; поэтому их Превосходительствам пришлось уступить, и ни один из нас не остался во Французском доме, ибо так они называли это великолепное здание”. [160]

Это повествование протестанта, приговоренного к галерам при Людовике XIV.; но оно может послужить картиной того, как действовала Женева в шестнадцатом веке, когда маленький город с населением 13 000 душ принял и защитил почти 6000 беженцев, изгнанных из многих разных стран за их религию.

ГЛАВА IV.

РЕФОРМАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ. [161]

§ 1. *Маргарита д'Ангулем и “группа Мо”.*

Возможно, никто так полно не отражает чувства, вдохновившие начало реформационного движения во Франции, как Маргарита д'Ангулем, [162] сестра короля Франциска I. Изучение ее писем и сочинений — последние по большей части в стихах — почти необходимо для истинного понимания устремлений благороднейших умов. из ее поколения. Не то чтобы она обладала творческой энергией или сама была каким-либо оригинальным мыслителем, но ее душа, подобно некоему чистому чувствительному зеркалу, воспринимала и отражала самую трепетную пульсацию интеллектуальных и религиозных движений вокруг нее. Она, как и многие дамы того возраста, посвятила себя Новым Знаниям. В детстве она овладела латынью, итальянским и испанским языками, а позже выучила греческий и даже иврит, чтобы изучать Священные Писания на языках их оригинала. В ней французский Ренессанс конца пятнадцатого века продолжался на протяжении всей первой половины шестнадцатого века. Она была сама сентиментальность и привязанность, полная той нежной отваги, которую придает мягкий женский энтузиазм, и для своего брата и более мужественной матери (Луизы Савойской) [163] она была существом, которое следовало защитить от последствий ее собственной нежной отваги. Современным писателям всех партий, за исключением наиболее ожесточенных защитников господствующей схоластической теологии, есть что сказать хорошего о чистой, светлой, экстатичной королеве Наварры. Один называет ее “фиалкой в королевском саду” и говорит, что она бессознательно собирала вокруг себя все лучшие духи Франции, подобно тому как дикий тимьян привлекает пчел.

Марсильо Фичино научил ее пить из источника христианского платонизма; [164] и этот мистицизм, имевший мало общего с догмой, который естественным образом сочетался с поэтическими сторонами философии и морали, наводившими на великие, хотя и неопределенные мысли о Боге, — *le Tout, le Seul Nécessaire, la Seule Bonté* — человеческая душа и тесный союз между ними, возможно, были неотъемлемой частью ее постоянно

расширяющегося религиозного опыта. Николай Кузанский, пытавшийся совместить старую схоластику с новыми идеями эпохи Возрождения, научил ее многому, от чего она никогда не отучалась. Она сама тщательно изучала Священное Писание и никогда не уставала обсуждать с другими значение отрывков, которые казались трудными. Она жадно слушала проповеди Лефевра и Русселя и вела долгую частную переписку с Брисонне, страстно желая, по ее словам, узнать “путь спасения”. [165] И Лютер, и Кальвин произвели на нее сильное впечатление, но их теологические схемы никогда не привлекали и не подчиняли ее разум. Ее симпатии были вызваны их презрением к схоластическому богословию, их отрицанием сверхъестественных сил священства, их провозглашением силы и любви Бога и их представлением о том, что вера объединяет человека с Богом, — всем тем в их учении, что соответствовало христианскому мистицизму, которому она отдалась всей душой. Если изучить ее религиозные стихи, то окажется, что она рассуждает о бесконечной силе Бога, мистическом погружении человеческой жизни в божественное и страстно восхваляет самопожертвование и презрение ко всем земным удовольствиям. Она превозносит Господа как единственного Спасителя и Заступника. Она противопоставляет, как привык делать Лютер, Закон, который ищет, испытывает и наказывает, Евангелию, которое прощает грешника ради Христа и той работы, которую Он завершил на Кресте. Она с горячей надеждой смотрит вперед, на мир, искупленный и возрожденный через Евангелие Иисуса Христа. Она настаивает на оправдании верой, на невозможности спасения делами, на предопределении в смысле абсолютной зависимости от Бога в последней инстанции. Дела хороши, но делами никто не спасается; спасение приходит по благодати и “есть дар Всевышнего Бога”. Она называет Деву Марию самой благословенной среди женщин, потому что она была избрана матерью “Суверенного Спасителя”, но отказала ей в более высоком месте; и в своих молитвах она использовала обращение к Нашему Господу вместо *Salve Regina*. Такой образ мыслей о Пресвятой Деве в сочетании с ее безразличием к Святым и мессе, а также неприкрытым презрением к более суеверным церковным церемониям были главными причинами резких нападок на Маргариту со стороны теологического факультета Сорбонны в Париже. Ее нельзя назвать протестанткой, но она полностью порвала со средневековым укладом религиозной жизни и мышления.

Письма Маргариты содержат такие наглядные намеки, что можно увидеть ее повседневную жизнь, будь то в Бурже, где она находилась при дворе в качестве герцогини Алансонской, или в Нераке, где она жила в качестве королевы Наварры. Каждый час был занят и прожит в компании. Ее конкурсы и стихи по большей части были написаны в ее носилках, когда она путешествовала из одного места в другое. Ее “Семейство” было большим даже для того времени. Не менее ста двух человек — дамы, секретари, раздавальщицы, врачи и т.д. — составляли ее Придворную свиту; часто присутствовали и многочисленные посетители. Все “Домочадцы” вместе с посетителями собирались каждое утро в одном из залов Дворца, комнате, “хорошо вымощенной и увешанной гобеленами”, и там принцесса обычно предлагала какой-нибудь текст из Священного Писания для обсуждения. Как правило, это был отрывок, который казался Маргарите непонятным; например, “Кроткие унаследуют землю”. Всем было предложено высказать предположения о его значении. Хозяйка была образованной, и никто не стеснялся цитировать Священные Писания на языках их оригинала или приводить мнения таких более ранних Отцов Церкви, как Августин, Иероним, Златоуст или Григорий. Если нас удивит, что тот или иной из двадцати камердинеров, которые не были прислугой и имели честь присутствовать, знакомы с теологией и могли цитировать по-гречески и даже на иврите, не следует забывать, что среди камердинеров Маргариты были выдающиеся гуманисты и

реформаторы, на которых она распространила привилегию быть зачисленными в ее “Дом”. Когда позволяла погода, после обсуждения вся компания отправлялась на прогулку в парк, а затем усаживалась возле “приятного фонтана” на газон, “такой мягкий и ажурный, что им не нужны были ни ковер, ни подушки”. [166] Там одна из фрейлин (тридцать дам или demuазелей принадлежали к “Домашнему Хозяйству”) читала вслух сказку из *Гептамерона*, не забывая о приятной беседе, которая завершает каждую историю. Это вызвало оживленный разговор, после которого они вернулись во Дворец. Вечером “Домочадцы” снова собрались в зале, оборудованном как простой театр, чтобы посмотреть одну из Комедий или пасторалей, которые королева любила писать и в которых столь странным способом, как *Конкурсы*, она проповедовала свое мистическое христианство и выражала свое стремление к реформации в Церкви и обществе. Ее двор был предшественником *салонов*, которые в более позднюю эпоху оказали такое мощное влияние на политическую, литературную и общественную жизнь Франции.

Маргариту в основном помнят как автора "*Гептамерона*", который современные читатели не могут не рассматривать как сборник скандальных, если не сказать распущенных историй. Неуместность, как нам кажется, превращения таких историй в средство морального и даже евангельского наставления заставляет нас часто забывать беседы, которые следуют за историями, — беседы, которые обычно внушают моральные истины, а иногда блуждают вокруг евангельской мысли о том, что спасение человека и все плоды святой жизни зависят от завершеного дела Христа, единственного Спасителя. "*Voilà, Mesdames, comme la foy du bon Comte ne fut vaincue par signes ne par miracles extérieurs, sachant très bien que nous n'avons qu'un Sauveur, lequel en disant Consummatum est, a montré qu'il ne laissoit point à un autre successeur pour faire notre salut.*" [167] Настроения XVI века настолько отличались от настроений XX века, что Жанна д'Альбре, какой бы пуританкой она, несомненно, ни была, приложила все усилия, чтобы было напечатано скрупулезно точное издание *сочинений* ее матери, чтобы все могли прочитать и извлечь из этого пользу.

Реформаторов, с которыми Маргарита была в основном связана, называли “группой Мо”. Гийом Брисонне, [168] Епископ Мо, искренне желавший реформ, но страшившийся революции, собрал вокруг себя группу ученых, идеей которых была реформация Церкви Церковью, в Церкви и с Церковью. Они были наследниками устремлений великих соборных лидеров пятнадцатого века, таких как Герсон, глубоко религиозных людей, которые стремились к подлинному возрождению веры и любви. Они надеялись примирить великие истины христианской догмы с Новым Учением и сразу же расширить сферу христианского разума и насадить гуманизм христианской моралью.

Человеком, вдохновившим движение и определившим его цели — “проповедовать Христа из первоисточников”, — был Жак Лефевр д'Эпл (Stapulensis). [169] Он был выдающимся гуманистом и в 1507 году решил посвятить свои знания изучению Священного Писания. Первым плодом этого решения стал новый латинский перевод Посланий святого Павла (1512), в котором наряду с традиционным текстом была опубликована исправленная версия Вульгаты. В своих заметках он предвосхитил две идеи Лютера — что дела не имеют никакой заслуги, кроме благодати Божьей, и что, хотя в Таинстве Вечери присутствует Реальное Присутствие Христа, пресуществления нет. Реформаторы Мо верили, что Священное Писание должно быть в руках христианского народа, и Лефевр взял версию Библии Жана де Рели, которая сама по себе является переработкой старого французского перевода XIII века, — переработал ее,

опубликовал Евангелия в июне 1523 года и весь Новый Завет до конца года. Ветхий Завет вышел в свет в 1525 году. Книга была горячо принята Маргаритой и стала широко известна и читалась по всей Франции. Принцесса смогла написать Брисонне, что ее брат и мать заинтересованы в распространении Священного Писания и надеются на реформу Церкви. [170]

Ни Лефевр, ни Брисонне не были теми людьми, которые могли бы возглавить Реформацию. Епископ был робок и боялся “беспорядков”; а Лефевр, как и Маргарита, был христианским мистиком, [171] при всей нелюбви мистика к переменам во внешних и устоявшихся институтах. Более радикальные идеи проникали во Францию извне. Имя Лютера было известно еще в 1518 году, а к 1520 году письма современников сообщают нам, что его книги продавались сотнями и что все мыслящие люди изучали его мнения. [172] Идеи Цвингли также были известны и казались более приемлемыми для передовых мыслителей Франции. Некоторые члены группы Мо начали пересматривать свою позицию. Булла Папы об отлучении Лютера от Церкви в 1520 году, результаты Вормсской диеты в 1521 году и заявление теологического факультета Парижского университета (Сорбонна) против мнений Лютера и их подтверждение авторитета Аристотеля и схоластического богословия сделали очевидным, что Церковь в том виде, в каком она тогда существовала, не потерпит даже скромных реформ. *Парламент* Парижа (август 1521 г.) приказал изъять книги Лютера. [173]

Лефевр не дрогнул. Он остался тем, кем был, — человеком на пороге новой эры, который отказался в нее вступать. Один из его собратьев-проповедников отказался от своего мнения и начал писать против своего лидера. Молодой и пылкий Гийом Фарель смело принял взгляды швейцарских реформаторов. Брисонне тянул время. Он запретил проповедовать лютеранское учение в пределах своей епархии и распространять труды реформатора; но он продолжал защищать Лефевра и оставался верен его учению. [174]

Энергичные действия Сорбонны и *парламента* Парижа показали препятствия, стоящие на пути мирной реформации. Библиотека Луи де Беркена была захвачена и осуждена (16 июня 1523 г.), а несколько его книг сожжены перед Собором Парижской Богоматери по приказу *парламента* (8 августа). Самого Беркена спасло вмешательство короля. [175] В марте 1525 года Жан Леклерк, чесальщик шерсти, был выпорот и заклеямен в Париже; а шесть месяцев спустя был сожжен в Меце за предполагаемое надругательство над объектами почитания. Правительство должно было прийти к какому-то решению по религиозному вопросу.

Маргарита могла бы написать, что ее мать и брат были “более чем когда-либо расположены к реформации Церкви”; [176] но ни у одного из них не было таких сильных религиозных чувств, как у нее, и на их действия неизменно влияла политика, а не убеждения. Реформация, продвигаемая Лефевром и в которую верила Маргарита, была одновременно слишком умеренной и слишком требовательной для Франциска I. Это никогда не могло стать основой для союза с растущим протестантизмом Германии, и это требовало чистоты личной жизни, не соответствующей ни личным привычкам короля, ни манерам французского двора. Поэтому неудивительно, что политика правительства Франциска I. колебалась между небрежной защитой и суровыми репрессиями против французских реформаторов.

§ 2. Попытки подавления Движения за реформы.

1523-26 годы были полны неприятностей для Франции. Итальянская война оказалась неудачной. Прованс подвергся вторжению. Франциск I. потерпел полное поражение и был взят

в плен при Павии. Различного рода опасности внутри Франции также стояли перед правительством. Банды мародеров — *les aventuriers* [177] — разграбили многочисленные районы; и произошло так много пожаров, что люди поверили, что они были вызваны эмиссарами врагов народа Франции. Луиза Савойская, королева-мать и регентша во время пленения своего сына в Мадриде, сочла необходимым примирить грозные силы *парламента* Парижа и Сорбонны. Были приняты меры по пресечению печатания лютеранских и еретических книг, и *парламент* назначил комиссию по выявлению, суду и наказанию еретиков. Результатом стало несколько неэффективное преследование. [178] Проповедникам из Мо пришлось укрыться в Страсбурге, а перевод Священного Писания, сделанный Лефевром, был публично сожжен.

Когда король вернулся из своего заключения в Мадриде (март 1525 г.), он, казалось, принял сторону реформаторов. Проповедники из Мо вернулись во Францию, а самого Лефевра назначили наставником младшего сына короля. В 1528-29 годах великий французский собор в Сансе собрался, чтобы рассмотреть состояние Церкви. Он подтвердил большинство средневековых позиций и, в противовес учению протестантов, провозгласил единство, непогрешимость и видимость Церкви, авторитет Соборов, право Церкви устанавливать канонические правила, посты, безбрачие священников, семь таинств, мессу, чистилище, почитание святых, поклонение изображениям и схоластические доктрины о свободе воли, вере и делах. В нем содержался призыв к гражданским правителям привести в исполнение церковные порицания еретиков и раскольников. Он также опубликовал ряд необходимых реформ, большинство из которых уже содержались в каноническом праве.

Во время заседания Совета романисты Франции были поражены известием о том, что статуя Пресвятой Девы была обезглавлена и иным образом изуродована. Это было первое проявление революционного духа Реформации во Франции. Король был в ярости. Он приказал изготовить новую статую из серебра и санкционировал возобновление преследований (31 мая 1528 г.). Четыре года спустя его политика изменилась. Он желал союза с английскими и немецкими протестантами; один из реформаторов Мо проповедовал в Лувре во время Великого поста (1533 г.), а некоторые доктора Сорбонны, обвинившие короля и королеву Наварры в ереси, были изгнаны из Парижа. Несмотря на волнение, вызванное евангелическим обращением Николаса Копа, а также бегством Копа и Кальвина, настоящего автора обращения, король, казалось, по-прежнему одобрял реформу. В Лувре снова звучали евангельские проповеди, и король говорил о конференции, посвященной состоянию религии во Франции.

История с *плакатами* вызвала новую бурю. Утром 18 октября 1534 года жители Парижа обнаружили, что на стенах главных улиц были прикреплены плакаты, оскорбляющие в очень резких выражениях церемонию мессы. Эти *плакаты* утверждали, что жертва Христа на Кресте была совершенной и уникальной и, следовательно, никогда не могла быть повторена; что было чистым идолопоклонством говорить, что телесное присутствие Христа заключено в облатке, “человек двадцати или тридцати лет в куске пасты”; что пресуществление было грубой ошибкой; что Месса была искажена от ее истинного значения, которое должно быть напоминанием о жертве и смерти нашего Господа; и что торжественная церемония превратилась во время “колокольного звона, восклицаний”. , пение, размахивание лампами и горшочками с благовониями, по обычаю магов”. Насилие языка было чрезвычайным. “Папа и вся его нечисть из кардиналов, епископов, священников, монахов и других лицемеров, произносящих мессы, и всех тех, кто соглашается с ними” были лжецами и богохульниками.

Автором этого бортового залпа был некий Антуан Маркур, бежавший из Франции и нашедший убежище в Невшателе. Смелость людей, которые развесили *плакаты* в Париже и в других городах — Орлеане, Блуа, Амбуазе — и даже прикрепили один из них к двери королевской спальни, помогла довести романистов до исступления. *Парламент* и Университет громко требовали принятия крайних мер для сокрушения еретиков; [179] и повсюду были организованы искупительные процессии в знак протеста против святотатства. Сам король и придворные вельможи приняли участие в одном из них в январе, [180] и в течение этого месяца более тридцати пяти лютеран были арестованы, преданы суду и сожжены. Несколько известных французов (по меньшей мере семьдесят три человека), среди них Клеман Маро и Матюрен Кордые, бежали из страны, а их имущество было конфисковано.

После этой вспышки преследований политика короля снова изменилась. Он снова стремился к союзу с протестантами Германии. Была объявлена амнистия для всех, кроме “сакраментариев”, *то есть* последователей Цвингли. Несколько изгнанных французов вернулись, в том числе Клеман Маро. Канцлер Франции Антуан дю Бург зашел так далеко, что пригласил немецких теологов приехать во Францию с целью участия в религиозной конференции, и присоединился к своему предложению, несмотря на протесты Сорбонны. Но из этого ничего не вышло. Немецкие протестантские богословы отказались рисковать собой на французской земле; а изгнанные французы не доверяли королю и его канцлеру. Амнистия, однако, заслуживает внимания, поскольку она вызвала к жизни письмо Кальвина Франциску I. которое является “посвящением” или предисловием к его *христианскому учреждению*.

Репрессивная работа была возобновлена с возросшей суровостью. Королевские эдикты и распоряжения, призывающие к искоренению ереси, быстро сменяли друг друга: Эдикт к *парламенту* Тулузы (16 декабря 1538 г.), к *парламентам* Тулузы, Бордо и Руана (24 июня 1539 г.); общий эдикт, изданный Фонтенбло (1 июня 1540 г.); эдикт к *Парламенту* Тулузы (29 августа 1542 г.); *мандаты* к *парламентам* Парижа, Бордо, Дижона, Гренобля, и Руан (30 августа 1542 г.). Генеральный эдикт Фонтенбло отличался исключительной строгостью. Он был направлен на введение более упрощенной процедуры судебных процессов по делам о ереси и предписывал должностным лицам возбуждать дела против всех лиц, запятнанных ересью, даже против духовенства или тех, кто пользовался “благосклонностью духовенства”; подозреваемым было отказано в праве на апелляцию; нерадивым судьям угрожали недовольством короля; и церковным судам было настоятельно рекомендовано проявлять большее рвение и использовать полномочия, предоставленные гражданским судам. “Каждый верноподданный,” говорилось в эдикте, “должен изобличать еретиков и использовать все средства для их искоренения, точно так же, как все люди обязаны бежать, чтобы помочь потушить общественный пожар”. Этот эдикт, слегка измененный *парламентом* Парижа (июль 1543 г.) путем расширения полномочий церковных судов, оставался в силе во Франции в течение девяти последующих лет. И все же, несмотря на всю свою тщательность, последующие эдикты и *мандаты* заявляют, что ересь быстро прогрессировала во Франции.

Сорбонна и *парламенты* (особенно Парижа и Экса) призывали к преследованию “лютеран”. Первый составил серию из двадцати пяти статей (опровержение *Учреждения* Кальвина 1541 года издания), которые были призваны кратко изложить догму Церкви и опровергнуть все, чему учили реформаторы, наносящие ущерб доктринам и практике средневековой Церкви. Эти статьи были одобрены королем и его Тайным советом, который приказал опубликовать их по всему королевству и дал инструкции расправляться со всеми, кто проповедовал или учил чему-

либо, противоречащему им или вызывающему отвращение. Это постановление было сразу же зарегистрировано *парламентом* Парижа. Таким образом, все силы королевства взяли на себя обязательство бороться за искоренение реформированного учения и были вооружены проверкой, которая была одновременно ясной и всеобъемлющей. Не удовлетворившись этим, Сорбонна составила список запрещенных книг (1542-43) — список, содержащий труды Кальвина, Лютера, Меланхтона, Клемента Маро и переводы Священного Писания под редакцией Роберта Этьена, а *парламент* издал суровый указ против любой протестантской пропаганды посредством печатания или продажи книг (июль 1542).

Эти различные постановления по искоренению ереси применялись быстро и неукоснительно, и вскоре по всей Франции разгорелись пожары преследований. *Площадь* Мобер была ареной мученической смерти в Париже. Больших *аутодафе* не было, но постоянно упоминаются сожжения двух или трех мучеников одновременно. Два акта преследования бросили темное пятно на последние годы правления Франциска I. Резня вальденсов в Дюрансе в 1545 году и мученическая смерть “четырнадцати из Мо”.

Часть Прованса, граничащая с Дюрансом, где эта река вот-вот впадет в Рону, была почти обезлюдена в четырнадцатом веке, и землевладельцы пригласили крестьян из Альп поселиться на их территории. Пришельцы были вальденсами; их религии гарантировалась защита, а их трудолюбие и бережливость вскоре покрыли пустынный регион плодородными фермами. Когда реформационное движение утвердилось в Германии и Швейцарии, эти сельские жители проявили большой интерес. Они составили краткое изложение того, во что они верили, и разослали его ведущим реформаторам, сопроводив рядом вопросов по вопросам религии. Они получили пространные ответы от Буцера и Эколампация и, собравшись на конференцию (сентябрь 1532 г.) в Ангроне в Пьемонте, составили простое исповедание веры, основанное на ответах реформаторов на их вопросы. Естественно, что они с интересом наблюдали за ходом Реформации во Франции и внесли 500 крон на покрытие расходов по изданию нового перевода Священного Писания на французский язык Робера Оливетана. Свобода исповедовать свою религию была предоставлена в течение двух столетий жителям тридцати вальденских деревень, и они считали, что, проявляя свои симпатии к французскому протестантизму, они действуют в рамках своих древних прав. Жан де Рома, инквизитор Прованса, думал иначе. В 1532 году он начал призывать жителей деревни отказаться от своего мнения; и, убедившись, что его мольбы не возымели действия, он начал жестокое преследование. Вальденсы обратились к королю, который направил комиссию для расследования этого дела, в результате чего Жан де Рома был вынужден бежать из страны.

Преследование было возобновлено в 1535 году архиепископом и *парламентом* Экса, который привел семнадцать жителей Мериндола, одной из деревень, к ним по обвинению в ереси. Когда они не явились, *парламент* опубликовал (18 ноября 1540 г.) знаменитый *Приговор Мериндола*, приговоривший семнадцать человек к сожжению на костре. Вальденсы снова обратились к королю, который помиловал семнадцать человек при условии, что они отрекутся от своей ереси в течение трех месяцев (8 февраля 1541 года). Последовало второе обращение к королю, который снова встал на защиту Вальденсов; но в последние месяцы 1541 года *парламент* Экса отправил Его величеству ложную информацию о том, что жители Мериндола подняли открытое восстание и угрожают разграбить город Марсель. После этого Франциск, по настоянию кардинала де Турнона, отозвал свою защиту и приказал истребить всех вальденсов (1 января 1545 г.). Была тайно организована армия, и в течение семи недель резни, сопровождавшейся

предательством и жестокостью, двадцать две из тридцати вальденских деревень были полностью разрушены, от трех до четырех тысяч мужчин и женщин были убиты, а семьсот человек отправлены на галеры. Те, кому удалось спастись, нашли убежище в Швейцарии. [181]

Преследование в Мо (1546) было более ограниченным по масштабам, но сопровождалось такими пытками, что стало подходящим введением к суровым временам правления Генриха II.

Реформаты в Мо организовались в конгрегацию по образцу конгрегации французских беженцев в Страсбурге. Они выбрали Пьера Леклерка своим пастором, и один из них, Этьен Манжен, отдал свой дом для собраний конгрегации. Власти узнали об этих собраниях, и 8 сентября 1546 года в дом был нанесен внезапный визит, шестьдесят один человек был арестован и доставлен в парламент Парижа. Их особое преступление заключалось в том, что они участвовали в праздновании Вечери Господней. В приговоре суда говорилось, что епископ Мо проявил преступную небрежность, разрешив такие собрания; что доказательства указывали на то, что в Мо было много “лютеран” и еретиков помимо тех, кто предстал перед судом, и что всех таких следовало разыскать; что все книги в городе, касающиеся христианской религии, должны были быть сданы в архив в течение восьми дней; что должны были быть прочитаны специальные проповеди и организованы искупительные процессии; и что дом Этьена Манжена должен был быть снесен до основания, а часовня в честь Святого Таинства воздвигнута на этом месте. Он приговорил четырнадцать обвиняемых к сожжению заживо после того, как они подверглись самым жестоким пыткам, разрешенным законом; пятерых повесили за подмышки, чтобы они были свидетелями казни, а затем подвергли бичеванию и заключили в тюрьму; остальные стали свидетелями казни с веревками на шее и непокрытыми головами, попросили прощения за свое преступление, приняли участие в искупительной процессии и послушали проповедь о поклонении Телу Христову, присутствующему в Святом Причастии. Несколько человек, в основном женщины, были оправданы. [182]

Франциск I. умер в марте 1547 года. Постоянные преследования, которыми были отмечены последние годы его правления, практически ничего не сделали для подавления растущего протестантизма во Франции. Ему удалось лишь загнать его под поверхность.

Генрих II. никогда не разделял нерешительной политики своего отца. С начала своего правления он решительно настроился на борьбу с Реформацией. Его любимые советники — его всемогущая любовница Диана де Пуатье; его главный министр, коннетабль Монморанси, пользующийся высокой репутацией за свое мастерство в военном искусстве и управлении государством; Гизы, знатная семья, родом из Лотарингии, пришедшая к власти во Франции, — все были убежденными сторонниками римско-католической религии и преисполненные решимости уничтожить растущий протестантизм во Франции. Объявленная политика короля состояла в том, чтобы уничтожить Реформацию, нападая на нее с помощью всех форм юридического подавления, которые только можно было придумать.

§ 3. Изменение характера Движения за реформы.

Задача оказалась сложнее, чем во времена правления Франциска. Несмотря на преследования, приверженцев новой веры чудесным образом продолжало увеличиваться. Многие священники и монахи были обращены в евангельские доктрины. Они учили их тайно и

открыто; и они могли красноречиво разоблачить развращенность Церкви, зная их изнутри. Школьных учителей, если можно судить по *выступлениям парламента*, постоянно обвиняли в том, что они отговаривали своих учеников от посещения мессы и развращали молодежь, обучая их “ложным и пагубным женевским доктринам”. Многие колледжи были названы рассадниками Реформации — Анже, Бурж, Фонтенэ, Ла-Рошель, Луден, Ньор, Ним и Пуатье. Сам театр стал проводником реформ, когда в популярных пьесах нападали на развращенность Церкви и нравственность духовенства. Беженцы в Страсбурге, Женеве и Лозанне не жалели сил, чтобы донести евангельские доктрины до своих соотечественников. Пылкие молодые французы, прошедшие обучение за границей, взяли свою жизнь в свои руки и тихо прокрались вдоль и поперек Франции. Они встречали новообращенных и вопрошающих в уединенных пригородах, в подвалах домов, на шоссе и у рек. Записи церковной полиции позволяют нам проследить распространение Реформации по большим дорогам и водным путям Франции. Миссионеры часто меняли свои имена, чтобы не быть замеченными. Некоторые, отличавшиеся смелостью, превосходящей их собратьев, не колеблясь посещали города и почти открыто проповедовали людям. Пропаганда, которую вели *colporteurs*, была едва ли менее успешной. Обычно это были молодые люди, получившие образование в Женеве или Страсбурге. Они носили свои книги в рюкзаке за спиной и продавали их в деревнях и городах, описывая их содержание и произнося небольшие проповеди для слушателей. Среди уведомлений об изъятиях мы находим такие названия, как следующие:—*Сборники* Эразма, *La Fontaine de Vie* (подборка отрывков из Священных Писаний, переведенных на французский), *Livre de vraie et parfaite oraison* (перевод отрывков из сочинений Лютера), *Cinquante-deux psaumes*, *Catéchisme de Genève*, *церковные советы о маньере поведения в Европе*. “*администратор таинств*”, “*Азбука кретьена*” и “*Инструкция кретьена для маленьких детей*”. Никакие указы против печатания книг, которые не были представлены церковным властям, не смогли положить конец этому тайному вывозу.

Этими несколькими путями евангелическая вера распространялась за границу, и до смерти Франциска во Франции не было ни одного района, за единственным исключением Бретани, где не было бы своих тайных протестантов, в то время как многие районы страны кишели ими.

§ 4. Кальвин и его влияние во Франции.

Реформация во Франции быстро меняла свой характер с 1536 года, когда умер Лефевр и была опубликована книга Кальвина “*Христианское учреждение*”. Это больше не был христианский мистицизм, дополненный тщательным изучением Священных Писаний; он продвинулся дальше стадии отдельных последователей Лютера или Цвингли; он объединился, представ перед своими врагами сплоченной фалангой; он сплотился вокруг манифеста, который был одновременно законченной схемой доктрины, предписанным способом богослужения и кодексом морали; он нашел лидера, который был и учителем, и главнокомандующим. Публикация *Христианского института* способствовала этому. Молодой человек, о котором городской совет Женевы мог говорить как о “некоем французе” (*Gallus quidam*), вскоре занял видное место среди лидеров всего реформационного движения и своими пластмассовыми руками сформировал Реформацию во Франции.

Ранняя жизнь Кальвина и его работа в Женеве уже были описаны, но его особое влияние на Францию не должно остаться незамеченным. [183] Он обладал необычайной властью над своими единоверцами на своей родине. [184] Он был французом — одним из своих; не

иностранцем, говорящим на незнакомом языке; не врагом Отечества, следовать за которым может показаться непатриотичным. Это правда, что его постоянное местожительство находилось за пределами Франции; но расстояние, дававшее ему свободу действий, делало его более уважаемым. Он был апостолом, написавшим “всем, кто находится во Франции, возлюбленным Богом, призванным быть святыми”.

Еще будучи студентом, Кальвин показал, что обладает, помимо великолепной памяти, острым и пронизательным интеллектом, обладающим огромной способностью усваивать идеи и способы мышления; но ему не хватало того, что можно назвать художественным воображением, [185] и ни поэзия, ни искусство, казалось, не задели ни одной отзывчивой струны в его душе. Его поведение всегда было прямым, безукоризненным и достойным; по образованию и воспитанию, если не по происхождению, он был утонченным французским джентльменом и чувствовал себя как дома с мужчинами и женщинами благородного происхождения. Его характер был серьезным, с небольшим количеством игривости, немного живости, но с удивительной силой сочувствия. Он был сдержанным, несколько застенчивым, не спешил заводить близких друзей, но однажды заведенная дружба длилась всю жизнь. В любом возрасте - мальчик, студент, литератор, лидер великой партии - он, кажется, был центром притяжения и почтительного доверия. Действие этого таинственного обаяния почувствовали и другие, помимо его сверстников. Его профессор Матюрэн Кордье стал его преданным учеником. Меланхтон желал умереть, положив голову на грудь Кальвина. Лютер, несмотря на свою подозрительность ко всему, что приходило из Швейцарии, был завоеван любовью к нему и доверием. И Нокс, самый суровый и независимый из людей, признавал Кальвина своим учителем, советовался с ним во всех сомнениях и трудностях и во всех случаях, кроме одного, безропотно следовал его советам. Он любил детей и приглашал их к себе на рождественские елки; но (и это характерно для французов) всегда обращался к ним с церемонной вежливостью, как будто они были взрослыми мужчинами и женщинами, заслуживающими такого же внимания, как и он сам. Именно эта черта пленила де Беза, когда он был двенадцатилетним мальчиком.

Кальвин был демократом интеллектуально и по молчаливым принципам. Это встречается почти везде в его частных трудах и было отмечено таким пронизательным наблюдателем, как Таванн. Никогда это не проявлялось так бессознательно, как в предисловии или посвящении *Христианскому учреждению*.

Это предисловие, вместо того чтобы умолять короля от имени Реформации, ставит движение прямо перед ним и заставляет его увидеть это. Тон его тверд и полон достоинства, спокоен и величав, когда Кальвин обращается непосредственно к Франциску I., более едок и саркастичен, когда он говорит о богословах, *понимание и форма выражения библейского смысла*, сама простота и совершенная откровенность обращения создают впечатление человека, который говорит на равных со своим сверстником. Все это наводит на мысль о христианском демократе без малейшего следа революционера”. [186]

Источник его силы — логика, пропитанная страстью убеждения, — настолько исконно французский, что, возможно, только его соотечественники могут полностью понять и оценить его, и они не замедлили это сделать.

Все эти характерные черты им нравились. Его страсть к равенству, столь же сильная, как у апостола Павла, заставила его довериться своим последователям, заставить их постигнуть то, что

он знал до самых сокровенных мыслей своего сердца. Это заставило его изложить причины своей веры всем, кто хотел их знать, расположить их в логическом порядке, доступном их пониманию, и его страсть убеждения убедила его и их, что то, чему он учил, было самой истиной Божьей. Тогда он был очень великим писателем, [187] один из основателей современной французской прозы, самого изысканного литературного средства, которое существует, человек, созданный для того, чтобы привлекать внимание людей. Все свои важные работы он написал на французском языке для своих соотечественников, а также на латыни для ученого мира. Его язык и стиль были свежими, ясными и простыми; без наигранной элегантности или педантичной демонстрации эрудиции; полными энергии и воодушевления; здесь - едкого остроумия, которое привлекало; там - красноречия, которое отзывалось в сердцах его читателей, потому что оно трепетало жгучей страстью и сильными эмоциями.

Маловероятно, что все его ученики во Франции оценили его доктринальную систему во всех ее деталях. *Христианское учреждение* обратилось к ним как к самому решительному протесту, когда-либо высказанному против злоупотреблений и скандалов Римской церкви, как содержащее кодекс обязанностей перед Богом и человеком, как демонстрирующее идеал чистой и возвышенной жизни, как обещающее вечное блаженство призванным, избранным и верным. “Это удовлетворило в одно и то же время интеллекты, требовавшие логических доказательств, и души, нуждавшиеся в энтузиазме”.

Было отмечено, что теология Кальвина была менее оригинальной и эффективной, чем его законодательство или политика. [188] В заявлении, по-видимому, не учитывается особая услуга, которую *Учреждение* оказало реформационному движению. Реформация была восстанием против внешнего авторитета средневековой Церкви; но любое восстание, даже против самых вопиющих злоупотреблений и самого коррумпированного правления, несет в себе семена зла, которые должны быть уничтожены, если мы хотим добиться какого-либо реального прогресса. Ибо оно инстинктивно стремится смести все ограничения — как те, которые хороши и необходимы, так и те, которые плохи и наносят вред. Лидерам любого движения за реформы приходится вести более тяжелую борьбу с революционерами из числа их последователей, чем со своими откровенными противниками. В основе Реформации шестнадцатого века лежало обращение человека к Богу — от священника, дарующего или отказывающего в отпущении грехов на исповеди, к Богу, заставляющему грешника, который отворачивается от своих грехов и верит в личность и дело Христа, знать в своем сердце, что он прощен; от решений пап и Соборов до постановлений Бога, открытых в Его Святом Слове. Это обращение было в природе случая от видимого к невидимому, и в этом заключалась трудность; ибо, если это невидимое не могло быть сделано видимым для глаз разума до такой степени, чтобы ограничивающая власть, которой оно обладало, могла воздействовать на волю, существовал риск того, что оно окажется вообще никакой ограничительной властью и люди вообразят, что их предоставили самим себе быть законом. То, что *Христианский институт* сделал в шестнадцатом веке, заключалось в том, чтобы сделать невидимое правление и власть Бога, перед которыми все должны преклоняться, такими же видимыми интеллектуальному взору веры, какими механизм средневековой Церкви был для глаза разума. Она провозглашала, что основой всей христианской веры является Слово Божье, открытое в Священном Писании; она учила абсолютной зависимости всего сущего от Самого Бога непосредственно; она провозглашала, что грех человека таков, что, помимо действия свободной благодати Божьей, не может быть ни прощения, ни исправления, ни спасения; и она сплела все эти мысли в логическое единство, которое открывало интеллектуальному взору ее поколения “нерукотворенный Дом Божий,

вечный на небесах”. Люди, вглядываясь, видели, что они находятся в непосредственном присутствии власти Самого Бога, несут прямую ответственность перед Ним; что они могут испытать “дом Папы Римского” с помощью этого божественного архетипа; что их долгом является реформировать все человеческие институты, церковные или политические, чтобы привести их в гармонию с божественным видением. Это дало людям понять, что отделение от видимой Средневековой Церкви не означало ни выхода за пределы цели, которую Бог создал для их искупления, ни освобождения от обязанностей, которые Бог требует от человека.

Работа, которую Кальвин проделал для своих единоверцев во Франции, была огромной. Он вел с ними постоянную переписку; он поддерживал их мужество; он придавал их вере возвышенный характер. Когда он услышал о французском романисте, который начал колебаться, он написал ему, сочетая убеждение с наставлением. Он защищал дело Реформации вместе с ее номинальными сторонниками. Он поощрял слабых. Он рассылал письма преследуемым. Он рассылал короткие богословские трактаты в помощь тем, кто вступал в споры относительно своей веры. Он консультировал по организации конгрегаций. Он рекомендовал энергичных пасторов. Он предупреждал ленивых министров.

“Мы не должны думать, ” говорит он, - что наша работа ограничена такими узкими рамками, что наша задача заканчивается, когда мы произносим проповеди ... в наши обязанности входит неусыпный надзор за теми, кто вверен нашей заботе, и прилагать величайшие усилия, чтобы уберечь от зла тех, чья кровь однажды будет востребована от нас, если они погибнут из-за нашей небрежности ”. [189]

Он отвечал вопрос за вопросом о трудности согласования требований христианской жизни с требованиями окружающего мира — вопросе, который тяжело давил на совесть мужчин и женщин, принадлежащих к религиозному меньшинству в великом римско-католическом королевстве. Он не был казуистом. Он писал мадам де Кани, сестре герцогини д'Этамп, что “никто, ни великий, ни малый, не должен считать себя свободным от страданий ради нашего суверенного короля”. Его слушали с благоговением, ибо он не был советчиком, который советовал бы другим делать то, к чему сам не был готов. Он мог бы сказать: “Будьте вы последователями меня, как я последователя Господа Иисуса Христа”. Французы и француженки знали, что мастер, которому они повиновались, директор, с которым они советовались, которому они нашептывали тайны своей души, жил самой тяжелой и аскетичной жизнью из всех мужчин в Европе — почти не ел, не пил и не спал; что его хрупкое тело поддерживалось энергией его неукротимой души.

Французы, придерживающиеся различных философских школ, не замедлили распознать секрет могущества своего великого соотечественника. Жюль Мишле говорит:

“Среди мучеников, с которыми Кальвин постоянно духовно беседовал, он сам стал мучеником; он жил и чувствовал себя человеком, перед которым исчезает вся земля, и который напевает свой последний псалом, устремив все взоры к Божьему оку, потому что знает, что на следующее утро ему, возможно, придется взойти на погребальный костер”.

Эрнест Ренан не менее категоричен:

“Удивительно, что человек, который кажется нам в своей жизни и трудах таким несимпатичным, оказался в центре огромного движения в своем поколении, и что этот резкий и суровый тон оказал столь большое влияние на умы его современников. Как,

например, получилось, что одна из самых выдающихся женщин своего времени, Рене Французская, находясь при своем дворе в Ферраре, окруженная цветком европейского ума, была очарована этим суровым мастером и втянута им в путь, который, должно быть, был так густо усеян шипами? Такого рода суровое обольщение доступно только тем, кто работает с подлинной убежденностью. Лишенный того живого, глубокого, сочувствующего пыла, который был одним из секретов успеха Лютера, лишенный обаяния, опасной, томительной нежности Франциска Сальского, Кальвин преуспел в эпоху и в стране, которые призывали к реакции на христианство, просто потому, что он *был самым христианским человеком своего поколения.*”

Таким образом, все те во Франции, кто ощущал потребность в тесном общении с Богом, все, для кого религия, одновременно непреклонная в вопросах нравственной жизни и апеллирующая к их мыслительным способностям, была необходимостью, приветствовали *христианский институт* как самый ясный манифест своей веры и объединились вокруг молодого автора (Кальвину едва исполнилось двадцать шесть, когда он написал это) как своего лидера. Те, кто также страдал под давлением деспотического правительства и ощущал зло общества, созданного для поддержания привилегий аристократии, узнали, что в соседней стране был город, который подчинился власти Слова Божьего; где все присоединились к общему богослужению, привлекательному своей суровой простотой; где нравы, общественные и частные, были чисты; где верующие выбирали своих пасторов, а народ - своих правителей; где не было ни господ, ни подданных; где служители религии вели жизнь простых мирян и отличались от них только исполнением своих священных обязанностей. обслуживание. Они тешили себя мечтой о том, что вся Франция может быть построена по образцу Женевы.

Многие французы, которые были недовольны положением вещей во Франции, но не принимали личного решения покинуть средневековую церковь, не могли не противопоставлять то, что он видел вокруг себя, жизни и устремлениям тех, “от религии”, [190] как стали называть французских протестантов. Они увидели, что столкнулись с религией, полной тайн, недоступных разуму, выражающей себя даже в общественном богослужении на языке, непонятном большинству верующих, полной помпезности, роскоши, церемоний, символическое значение которых было забыто. Они видели духовенство заурядным и невежественным или аристократичным и равнодушным; дворянство жадным и беспокойным; двор, чья роскошь и скандалы были печально известны; королевских любовниц и неверных мужей и жен. Почти повсюду мы обнаруживаем растущую тенденцию противопоставлять чистоту протестантизма и испорченность Римского католицизма. Это нашло развязку в знаменитой сцене в *парламенте* Парижа (1559), когда Антуан де Бург, сын бывшего канцлера, выступил за полное прекращение преследований тех, “кого называли еретиками”, и подкрепил свое мнение противопоставлением богохульств и придворных скандалов морали и чистоте жизни тех, кого отправляли на костер, — речь, за которую он впоследствии лишился жизни. [191]

Именно этот растущий объединенный протестантизм Генрих II и его советники намеревались сокрушить действиями законодательной власти.

§ 5. Гонения при Генрихе II. [192]

Репрессивные правовые меры, введенные Франциском I., были сохранены, и новый закон против богохульства (подготовленный, без сомнения, в последние дни правления Франциска) был опубликован через пять дней после смерти короля (5 апреля 1547 года). Но считалось, что

необходимо нечто большее. Так была опубликована серия эдиктов, кульминацией которых стал Эдикт Шатобриана, направленный на объединение всех сил королевства для искоренения реформатской веры.

8 октября 1547 года к *парламенту* Парижа был присоединен второй уголовный суд, который рассматривал исключительно дела о ереси. Это была знаменитая *Chambre Ardente*. Ему было приказано заседать непрерывно, даже во время обычных парламентских вакансий в августе и сентябре; и его первая сессия длилась с декабря 1547 по январь 1550 года, за это время он, должно быть, вынес более пятисот судебных решений. Духовенство считало, что этот специальный суд отнял у них одну из их привилегий - право рассматривать все дела о ереси. Они подали на него петицию. Был достигнут компромисс (Эдикт от 19 ноября 1549 г.), согласно которому все дела о простой ереси (*cas communes*) должны были передаваться в церковные суды, в то время как дела о ереси, сопровождающейся публичным скандалом (*cas privilégiés*), должны были рассматриваться в гражданских судах. На практике обычно случалось так, что все дела о ереси сначала рассматривались в церковных судах, а после вынесения там решений те из них, которые, как считалось, сопровождались публичным скандалом (наибольшее количество), направлялись в гражданские суды. Эти меры были сочтены недостаточными, и Эдикт Шатобриана (27 июня 1551 г.) кодифицировал и расширил все различные правовые меры, принятые для защиты римско-католической веры.

Эдикт был пространным и начинался с длинной преамбулы, в которой говорилось, что, несмотря на все репрессивные меры, ересь разрастается; что это чума, “настолько заразная, что заразила большинство жителей, мужчин, женщин и даже маленьких детей, во многих городах и округах королевства”, и призывалось каждого лояльного подданного помочь правительству в искоренении чумы. Он предусматривал, что, как и прежде, все дела о простой ереси должны рассматриваться в церковных судах, и что ересь, сопровождающаяся публичным скандалом, должна передаваться в гражданские суды *парламентов*. Он издал строгие правила об издании и продаже книг; запретил ввоз во Францию томов из протестантских стран; запретил печатание книг, не прошедших цензуру теологического факультета, и всех книг, опубликованных анонимно; и приказал дважды в год проверять все типографии и книжные магазины. Частные лица, которые не доносили на еретиков, сами считались еретиками и наказывались как таковые; и когда они доносили на них, они должны были получать одну треть имущества осужденных. Родителям было предписано “из жалости, любви и милосердия, которыми они были обязаны своим детям”, не привлекать никаких учителей, которые могли бы вызывать “подозрения”; никому не разрешалось преподавать в школе или колледже, если он не был сертифицирован как ортодоксальный; а хозяева были возложены на своих слуг. Сношения с теми, кто нашел убежище в Женеве, были запрещены, а имущество беженцев конфисковано. От всех католиков, и особенно от высокопоставленных лиц, облеченных властью, требовалось подавать искренний пример тщательного соблюдения внешних религиозных обрядов и, в частности, преклонять колени в знак поклонения Хозяину.

Указ был зарегистрирован 3 сентября 1551 года и немедленно вступил в силу. Шесть лет спустя королю пришлось признать, что его строгие положения не смогли остановить распространение протестантской веры. Он предложил учредить инквизицию во Франции, подтолкнутый к этому кардиналом Лотарингии и папой Павлом IV; и ему помешало только яростное противодействие его *парламента*. [193] Ему пришлось довольствоваться изданием Компьенского эдикта (1557), который, номинально оставляя судебные процессы по обвинению в ереси в руках церковных

судов, фактически передал их гражданским судам, где судьям не разрешалось назначать более мягкое наказание, чем смертная казнь. Им разрешалось ужесточать наказание, применяя пытки, или смягчать его, душа жертв перед сожжением.

Вооружившись этим законодательством, была усиленно продолжена работа по выявлению реформированных. Некоторые тюрьмы были специально отведены для протестантских мучеников — Консьержери, которая была частью здания дворца, и Гранд-Шатле, выходившая окнами на противоположный берег Сены. Вскоре они переполнились, и подозреваемые были заключены в Бастилию, в Пти-Шатле и в епископальные тюрьмы. Камеры Консьержери находились ниже уровня реки, и со стен сочилась вода; Гранд-Шатле славился своими ужасными подземельями, такими маленькими, что заключенный не мог ни стоять прямо, ни лечь в полный рост на пол. Болезни уносили жизни жертв; чума унесла жизни шестидесяти человек, ожидавших суда в Гранд-Шатле в 1547 году. Немногие были оправданы; почти все после ареста подверглись смерти и пыткам. [194]

§ 6. Организация французской протестантской церкви.

Именно в эти годы ужасных гонений протестантская церковь Франции организовалась, почувствовав потребность в единстве, чтобы лучше выдержать конфликт, в который она была вовлечена, и помочь своим более слабым членам. Кальвин неустанно настаивал на этой организационной работе. С огнем пророка и дальновидностью государственного деятеля он настаивал на необходимости единства во время бури и напряжения времен гонений. Он уже показал, какую форму должна принять церковная организация. [195] Он предложил возродить простое тройственное служение Церкви первых веков — собрание, управляемое епископом или пастором, собрание старейшин и коллегия дьяконов. Это было принято французскими протестантами. Группа верующих, священник, “консистерия” старейшин и дьяконов, регулярные проповеди и должным образом совершаемые таинства создавали Церковь, устроенную должным образом. Священник был главным; он проповедовал; он совершал таинства; он председательствовал в “консистерии”. “Консистерия” состояла из старейшин, отвечавших за духовный надзор за общиной, и дьяконов, которые заботились о бедных и больных. Старейшины и дьяконы были избраны членами собрания, а служитель - старейшинами и дьяконами. Организованная Церковь, как правило, возникала не сразу, и проводилось различие между *английским плантейном* и *нарядной одеждой*. Первая находилась в зачаточном состоянии, возможно, с пастором, но без консистории; или это могла быть всего лишь группа людей, которые приветствовали случайные услуги странствующего миссионера или проводили простые службы без какого-либо определенного лидера.

1555 год можно считать датой, когда французский протестантизм начал организовывать Церкви. Это правда, что некоторые из них были основаны раньше — в Мо в 1546 году и в Ниме в 1547 году, но конгрегации были разогнаны в результате преследований. До 1555 года протестанты Франции были по большей части одиночками, изучающими Библию, или небольшими компаниями, собирающимися вместе для совместного богослужения без какой-либо организации.

Париж подал пример. Небольшая компания верующих привыкла собираться в доме съера де ла Феррьерера, недалеко от Пре-о-Клер. Рождение ребенка ускорило дело. Отец объяснил, что он не может выехать за пределы Франции в поисках чистого крещения и что его совесть не позволит его ребенку креститься по обрядам Римской церкви. После молитвы компания решила

преобразоваться в Церковь. Жан ле Масон был призван стать служителем или пастором; были избраны старейшины и дьяконы; и организация была завершена. [196] Казалось, вся протестантская Франция ждала сигнала, и повсюду возникали организованные Церкви.

Креспен называет тринадцать церквей, полностью организованных на манер Парижской церкви, основанной между 1555 и 1557 годами — Мо, Пуатье, Анже, Иль-де-Сентонж, Ажен, Бурж, Иссуден, Обиньи, Блуа, Тур, Лион, Орлеан и Руан. Он добавляет, что были и другие. Имеющиеся в настоящее время документальные свидетельства позволяют нам назвать еще тридцать шесть, все *парадные*, или полностью организованные, с консисторией или церковной сессией, до 1560 года. Сто двадцать пасторов были отправлены во Францию из Женевы до 1567 года. История этих конгрегаций во времена правления Генриха II. была полна трагических и драматических инцидентов. [197] Они существовали среди населения, по большей части фанатично исповедовавшего католицизм, легко возбуждаемого священниками и монахами, которые произносили яростные речи с кафедр соседних церквей. Судебные органы, будь то в столице или в провинциях, государственные чиновники, все верноподданные короля, были приглашены в соответствии с Эдиктом Шатобриана отслеживать тех, кто подозревался в протестантских симпатиях. Не выразить почтение, проходя мимо распятия, неосторожно выступить против церковной церемонии, проявить малейшую симпатию к протестантскому мученику, оказаться у книги, напечатанной в Женеве, было достаточно, чтобы спровоцировать донос, арест, суд, который должен закончиться пытками и смертью. Протестанты были вынуждены молиться в подвалах, тайком пробираться на свои совместные богослужения; подобно ранним христианам во время гонений при Деции или Диоклетиане, они должны были собираться в полночь; и эти полуночные собрания породили те же печально известные слухи об их характере, которые евреи распространяли повсюду о тайных собраниях христиан первых трех столетий. [198] Время от времени их обнаруживали, как в случае с инцидентом на улице Сен-Жак в Париже, и за этим следовали массовые аресты и мученические смерти.

Организация верующих в Церкви многое сделала для французского протестантизма, придав им силу, которую дает ассоциация; но требовалось еще больше, чтобы сплотить их в одно целое. В 1558 году в конгрегации в Пуатье возникли доктринальные разногласия. К парижской церкви обратились с просьбой, и ее священник Антуан де Шандье отправился в Пуатье, чтобы помочь в праздновании Святой Вечери и разрешить возникший спор. Говорят, там была предложена идея исповедания веры для всей Церкви. С Кальвином консультировались, но он не одобрил. Несмотря на это, 25 мая 1559 года ряд служителей и старейшин, прибывших со всех концов Франции и представляющих, согласно современному документу, авторитет которого несколько сомнителен, шестьдесят шесть Церквей, [199] встретились в Париже на конференцию. Три дня прошли в обсуждениях под председательством Мореля, одного из парижских министров. Это был *Первый Национальный синод* Французской протестантской церкви. В нем было составлено Исповедание веры и Дисциплинарная книга.

"Исповедание веры" [200] ("*Исповедь о верности общему согласию среди Франсуа, о желании жить самостоятельно в чистоте евангелия от сеньора Нотр-дам Иисуса Христа*") состоит из сорока статей. Оно неоднократно пересматривалось последующими синодами, но по-прежнему может называться Исповеданием Французской протестантской церкви. Она была основана на коротком Признании, составленном Кальвином в 1557 году и воплощенном в

письме королю от имени его преследуемых подданных. “Мне показалось полезным, ” написал Кальвину один из членов Синода, “ добавить несколько статей к вашему Исповеданию и слегка изменить его по некоторым пунктам”. Вероятно, из уважения к возражению Кальвина против символа веры для всей Церкви, было решено сохранить его в секрете в течение некоторого времени. Решение оказалось тщетным. Признание было напечатано и стало известно до конца 1559 года.

Книга дисциплины (*ecclésiastique des églises réformées de France*) регламентировала организацию и дисциплину Церквей. Это был тот тип церковного устройства, которое стало известно как пресвитерианское, но которое лучше было бы назвать Соборным. Собранием управлял совет, называемый *Консисторией*, состоящий из министра или служителей, старейшин и дьяконов. Конгрегации были разделены на группы, во главе которых стоял *Коллоквиум*, состоящий из представителей консисторий; над *Коллоквиумами* были *Провинциальные синоды*; и над всеми *Генеральный* или *Национальный Синод*. Были установлены правила о том, как должна соблюдаться дисциплина. Было четко указано, что ни одна Церковь не может претендовать на главенство над другими. От всех служителей требовалось подписать Исповедание веры, а также признать церковную дисциплину и подчиниться ей. [201]

Интересно наблюдать, как в стране, гражданское правление которой постепенно становилось все более абсолютистским, эта “Церковь под Крестом” сформировала для себя правительство, которое примирило, возможно, более тщательно, чем когда-либо с тех пор, два принципа народных прав и высшего центрального контроля. Его конституция распространилась на Голландию, Шотландию и великие американские Церкви. Их церковное устройство пришло гораздо больше из Парижа, чем из Женевы.

§ 7. Реакция на преследование.

Внимательное изучение источников по истории того периода показывает, что чрезмерная суровость короля и двора по отношению к протестантам вызвала довольно широкую реакцию в пользу преследуемых, а также побудила короля к действиям, которые многие сочли неконституционными. Это сочувствие преследуемым и отвращение к произволу королевской власти во многом повлияли на формирование гугенотского движения, которому предстояло ближайшее будущее.

Протесты против учреждения *Горячей палаты*, отказ *парламента* Парижа зарегистрировать указ об учреждении инквизиции во Франции и нерешительность с приведением в исполнение чрезвычайных полномочий, предоставленных французским кардиналам для наказания еретиков Буллой папы Павла IV. (26 февраля 1557 г.), все это может быть приписано ревности, с которой Суды, церковные и гражданские, относились к любому вмешательству в их привилегированную юрисдикцию. Но Эдикт Шатобриана (1551 г.), в статьях которого декларировалось нежелание или небрежность, проявляемые государственными должностными лицами при выявлении и наказании еретиков, предусматривались меры против этого и предписывалось назначать магистратами только лиц, придерживающихся хорошо известной ортодоксальности (статьи 23, 28, 24), признавал, что даже среди должностных лиц было много тех, кому не нравилась политика преследований. Современные официальные документы

подтверждают это нежелание. Мы слышим о муниципальных магистратах, вмешавшихся, чтобы защитить своих протестантских сограждан от наказания в церковных судах; о городской полиции, потворствовавшей побегу еретиков; о прокураторе, который был отстранен от должности на год за такое попустительство; [202] и о гражданских судах, которых невозможно было убедить выносить приговоры, кроме чисто номинальных.

Растущее недовольство жестоким обращением с преследуемыми протестантами проявилось даже в *парламенте* Парижа, столь давно печально известном своим усердием преследователей. Это стало очевидным, когда уголовный суд *парламента* (ла Турнель, 1559 г.) заменил смертный приговор, вынесенный трем протестантам, на один - изгнание. Яростные романисты протестовали против этого и потребовали созыва всего *парламента*, чтобы определить порядок судебных действий. На этом собрании некоторые из членов — Антуан Фюме, дю Фор, Виоле и Антуан дю Бург (сын канцлера во времена Франциска I) — решительно выступили от имени протестантов. Они настаивали на том, чтобы обвиняемым был предоставлен шестимесячный срок после суда, чтобы они пересмотрели свою позицию, и что, если они решат твердо стоять в вере, им следует разрешить покинуть королевство. Их смелость воодушевляла других. Кардинал Лотарингский и коннетабль Монморанси опасались последствий затянувшегося обсуждения и сообщили о своих опасениях королю. Генрих в сопровождении кардиналов Лотарингии и Гиза, коннетабля, и Франциска, герцога де Гиза, вошел в зал, где заседал *парламент*, и приказал продолжить обсуждение в его присутствии. Меньшинство не было запугано. Дю Фор и Виоль потребовали полного прекращения преследования до созыва Совета. Дю Бург пошел дальше. Он противопоставлял чистую жизнь и искреннее благочестие преследуемых скандалам, которые позорили Римскую церковь и Двор. “Нелегкое дело, - сказал он, - приговаривать к костру людей, которые призывают имя Иисуса посреди пламени”. Король был в ярости. Он приказал арестовать дю Бурга и дю Фора на месте, и вскоре после этого Фюме и Ла Порт также были отправлены в Бастилию. Можно сказать, что этот произвольный арест членов *парламента* Парижа знаменует время, когда протестанты Франции начали приобретать форму политической, а также религиозной партии. В этот тревожный момент Генрих II встретил свою смерть 30 июня от случайного удара копьем на турнире, проводимом в честь предстоящего бракосочетания его дочери Елизаветы с Филиппом Испанским. Он задержался до 10 июля 1559 года.

§ 8. Высшая аристократия победила в Реформации.

Когда списки протестантов, пострадавших за свою веру во Франции или вынужденных искать убежища в Женеве и других протестантских городах, изучаются и анализируются, как это было сделано французскими археологами, обнаруживается, что огромное количество мучеников и беженцев были ремесленниками, торговцами, фермерами и тому подобными. [203] Несколько имен “знати” — генерал, член *парламента* Тулузы, “джентльмен” Лимузена — встречаются среди мучеников, и гораздо большая часть среди беглецов. Имена членов благородных домов Франции бросаются в глаза своим отсутствием. Это не обязательно означает, что новое учение не нашло признания среди мужчин и женщин из высших слоев французского общества. Дворянин шестнадцатого века, пока он оставался на своей территории и в своем замке, был почти независим. Он не подчинялся провинциальным судам. Среди них распространялся протестантизм. Мы слышим о нескольких высокородных дамах, присутствовавших в собрании из трехсот или четырехсот протестанток, которые были окружены в большом доме на улице Сен-Жак (4 сентября 1558 г.) и которые были освобождены. Рене, дочь Людовика XII, герцогиня

Феррарская, объявила себя протестанткой, и Кальвин посетил ее еще в 1535 году. [204] Франсис д'Андело, младший из трех Шатийонов, стал новообращенным во время своего заключения в Мелене (1551-56). Его более знаменитый брат, Гаспар де Колиньи, адмирал Франции, стал протестантом во время своего заключения после падения Сен-Кантена (1558). [205] Де Без (Beza) сообщает нам, что еще в 1555 году Антуан де Бурбон, титульный король Наварры по праву своей жены Жанны д'Альбре, и следующий по наследству после короля Генриха II. и его сыновья проповедовали новую веру в часовне в Нераке, и что он попросил прислать к нему священника из Женевы. Его брат Людовик, принц Конде, также объявил себя на стороне протестантов. Жены братьев Бурбон, Жанна д'Альбре и Элеонора де Руай, были более решительными и последовательными протестантками, чем их мужья. Два брата были среди тех, кто присутствовал на собраниях в Пре-о-Клерке, где в течение пяти вечеров подряд (13-17 мая) более пяти тысяч человек собирались, чтобы спеть псалмы Клемана Маро. [206] Кальвин энергично писал всем этим великим аристократам, призывая их открыто выступить на стороне Евангелия и защищать своих братьев по вере, менее способных защитить себя.

§ 9. Францией правят Гизы. [207]

Преемником Генриха II. был его сын Франциск II., которому было пятнадцать лет, и, следовательно, по французским законам он имел право править от своего имени. Он был юношей, слабым умом и телом, и был преданно привязан к своей молодой и образованной жене, Марии, королеве Шотландии. Естественно, она считала, что ее муж не мог поступить лучше, чем доверить управление королевством ее дядям, Карлу, кардиналу Лотарингии, и Франциску, герцогу де Гизу. Кардинал был самым доверенным министром Генриха II, а его брат считался лучшим солдатом Франции. Когда *парламент* Парижа, согласно древнему обычаю, пришел поздравить короля с наследованием престола и спросить, к кому им следует обращаться в государственных делах, король сказал им, что они должны подчиняться кардиналу и герцогу “как ему самому”. Коннетабль де Монморанси и фаворитка Диана де Пуатье были изгнаны со двора, а королева-мать Екатерина Медичи, эта “дочь лавочника”, как называла ее молодая королева, оказалась столь же лишенной влияния, какой была при жизни своего мужа.

Кардинал Лотарингский был главным советником политики искоренения протестантов, которой посвятил себя покойный король, и вскоре стало очевидно, что новое правительство продолжит ее. Процесс против Антуана дю Бурга и его коллег из *парламента* Парижа, которые осмелились протестовать против преследования, продвигался со всей возможной скоростью. Их приговорили к сожжению, и единственным смягчением приговора было то, что Дю Бурга должны были задушить перед сожжением. Его судьба вызвала большое сочувствие. Когда его вели к месту казни, толпа умоляла его отречься. Его решительная, исполненная достоинства осанка произвела большое впечатление; и его предсмертная речь, по словам одного очевидца, “причинила Римской церкви больше вреда, чем могла бы причинить сотня служителей”, а, по словам другого, “обратила больше французских студентов, чем все книги Кальвина”. Преследования протестантов низшего ранга скорее усилились, чем уменьшились. Полиция провела обыски в домах на улице Марэ-Сен-Жермен и соседних улицах. [208] Шпионы были наняты, чтобы втереться в доверие к подозреваемым с целью их разоблачения. *Парламент* Парижа учредил четыре отдельных уголовных суда с единственной целью судить еретиков, доставленных в их распоряжение. Не успевали тюрьмы наполниться, как они опустошались приговорами, которые отправляли осужденных на галеры или на смерть. Правительство

подстрекало к преследованиям новыми декларациями и эдиктами. В нем говорилось, что дома, в которых проводились собрания, должны быть стерты с лица земли (4 сентября 1559 г.); что все, кто организовывал незаконные собрания, должны быть наказаны смертью (9 ноября 1559 г.); что дворяне, у которых были судебные инстанции, должны действовать в соответствии с законом в случае ереси или быть лишены своих прав правосудия (февраль 1560 г.). Несмотря на все эти суровые репрессии, число протестантов росло, и Кальвин мог заявить, что во Франции их было по меньшей мере 300 000.

Характер протестантизма во Франции менялся. В первые годы гонений они безропотно подчинялись, не помышляя о восстании, смирившись со своей участью, радуясь возможности пострадать за дело Христа. Но в соответствии с этим правилом Личин обсуждался вопрос о сопротивлении. Можно сказать, что восстание не означало мести за нанесенный им самим вред. Иностранная семья внушила благоговейный трепет своему королю и навязала себя Франции. Принцы крови, Антуан де Бурбон и его брат Луи де Конде, в жилах которых текла кровь Людовика Святого, которые были прирожденными лидерами народа, были отвергнуты Личинами. Неприкосновенность *парламента* была нарушена при казни Антуана дю Бурга, и судебные права знати были поставлены под угрозу просто для того, чтобы искоренить “тех, кто принадлежит к религии”. Они верили, что Франция полна людей, у которых нет доброй воли к тирании “иностранцев”. Они консультировались со своими братьями в изгнании и с самим Кальвином по поводу законности и целесообразности вооруженного восстания. Беженцы одобрили этот план. Кальвин осудил его. “Если в таком восстании прольется хоть капля крови, потекут реки; лучше нам всем погибнуть, чем вызвать такой скандал во имя Христа и Его Евангелия”. Некоторых протестантов убедить было невозможно. Им нужен был только лидер. Их естественным главой был король Наварры; но Антуан де Бурбон был слишком непостоянен. Прозвучал голос Луи де Конде, его брата. [209] Говорится, что он пообещал выступить, если предприятие ограничится захватом Личин, и если оно будет успешным в осуществлении этого. Протестантский дворянин Годфруа де Барри, сеньор де ла Реноди, стал временным лидером. Ему нужно было отомстить за причиненные обиды. Он был осужден *парламентом* Дижона (Бургундия), бежал в Женеву и там обратился в христианство; его шурин Гаспар де Хоу из Меца был задушен Гизами в Венсенском замке без суда и следствия. Ряд джентльменов и знати пообещали свою помощь. Заговорщики поклялись ничего не предпринимать против короля; предприятие ограничилось арестом Гизов. Новости о проекте начали просачиваться наружу. Каждая информация указывала на то, что Гизы были объектами нападения. Суд был переведен из Блуа в Амбуаз, который был укрепленным городом. Более точная информация поступала в штаб-квартиру. Герцог де Гиз захватил в плен нескольких небольших групп заговорщиков, а сам де ла Реноди был убит в перестрелке. Гизы без промедления отомстили. Их пленников часто убивали при поимке; или их связывали по рукам и ногам и бросали в Луару. Других поспешили подвергнуть своего рода испытанию. Требовалось так много виселиц, что не хватало дерева, и заключенных вешали на дверях и зубчатых стенах замка Амбуаз. Молодые король и королева со своими фрейлинами вышли после ужина, чтобы полюбоваться мертвыми телами.

Еще до того, как Заговор в Амбуазе завершился, придворные начали протестовать против религиозной политики Гизов. Екатерина Медичи обсудила этот вопрос с адмиралом Колиньи, он сказал ей, что религиозные преследования лежат в основе беспорядков в королевстве, и выслушала его предложение приостановить все подобные действия до заседания Совета. В результате правительство решило помиловать обвиняемых в ереси, если они пообещают в будущем жить как добрые католики. Жестокость методов, с помощью которых были наказаны

участники глупо спланированного и слабо осуществленного Заговора в Амбуазе, усилила беспорядок в королевстве, и ненависть к Гизам нашла выход в *Послании, отправленном Тигру Франции*, в котором к герцогу обращаются как к “бешеному тигру, ядовитой гадюке, склепу мерзости”.

Екатерина Медичи сочла представившуюся возможность благоприятной для осуществления своего влияния. Она ухитрилась добиться назначения Мишеля де Лопиталья канцлером, зная, что он был против проводимой кровопролитной политики. Он смог вдохновить Роморантенский эдикт (18 мая 1560 г.), который назначал епископов судьями за преступление ереси, налагал наказания на лжесвидетелей и оставлял наказание за участие в собраниях в руках председателей трибуналов. Затем, с помощью канцлера, Екатерине удалось добиться созыва *Собрания нотаблей* в Фонтенбло. Там многие члены организации выступали за прекращение религиозных преследований. Архиепископ Марийяк Вьенский и епископы Орлеана и Валанса смело утверждали, что религиозные беспорядки на самом деле были вызваны скандалами в Церкви; выступали против суровых репрессий до проведения Собора, национального или общего, и намекали, что в услугах Гизов нет необходимости. В начале второго заседания выступил Колиньи. У него хватило смелости заявить о себе как о представителе гугенотов, как теперь стали называть протестантов. Он смело атаковал религиозную политику Гизов, обвинил их в том, что они стоят между королем и верноподданными, и заявил, что преследуемые были христианами, которые не просили ничего, кроме разрешения поклоняться Богу, как учит их Евангелие. Он представил королю петицию от протестантов, в которой они заявляли о своей лояльности, умоляли прекратить преследования и просили выделить “храмы” для их богослужений. Петиция не была подписана, но Колиньи заявил, что только в Нормандии можно получить пятьдесят тысяч имен. Герцог де Гиз говорил с большой яростью, но более политичный кардинал убедил его согласиться с другими членами Совета созвать заседание Генеральных штатов Франции, которое должно было состояться 10 декабря 1560 года.

Вскоре после того, как нотабли разошлись, пришло известие о другом заговоре, в котором, как говорили, были замешаны не только принцы Бурбонов, но и констебль Монморанси. Беспорядки вспыхнули в Провансе и Дофине. Гизы вернулись к своей старой политике насилия. Король Наваррский и принц Конде были вызваны королем, чтобы предстать перед ним и оправдаться. Хотя они были хорошо предупреждены о том, что может произойти, они подчинились вызову и явились без присмотра вооруженных людей. Конде был схвачен и заключен в тюрьму. Он был приговорен к смертной казни, и его казнь была назначена на 10 декабря. Король Наварры был оставлен на свободе, но находился под пристальным наблюдением; и было предпринято более одной попытки убить его. Смутно верилось, что кардинал Лотарингский решил избавиться от всех лидеров гугенотов смертью или тюремным заключением.

Пока шепотом передавались эти ужасающие предположения, молодой король заболел и скоротечной скончался. Это положило конец правлению Гизов, и французские протестанты снова вздохнули свободно.

“Читали ли вы когда-нибудь или слышали, ” писал Кальвин в письме Штурму, - о чем-нибудь более подходящем, чем смерть короля? Зло достигло крайности, от которой не было лекарства, как вдруг Бог явил Себя с небес. Тот, кто пронзил глаз отца, теперь поразил ухо сына”.

§ 10. Екатерина Медичи становится регентшей.

В возникшем замешательстве Екатерина осознала, что наконец-то пришло время, когда она может удовлетворить единственную сильную страсть, которая владела ею, — страсть править. Карл IX. был десятилетним мальчиком. Регент был необходим. Антуан де Бурбон, как первый принц Крови, мог бы претендовать на этот пост, но Екатерина сначала напугала его возможной судьбой Конде, а затем предложила, чтобы коннетабль Монморанси и он сам были ее главными советниками. Расторопный Антуан смирился с ситуацией: констебля отозвали в суд; Луи де Конде был освобожден из тюрьмы. Его заключение произвело глубокое впечатление на всю Францию. Протестанты верили, что он пострадал ради них. Во время его заключения пели молитвенные гимны, а его освобождение приветствовалось песнями благодарения. [210]

“Le pauvre Chrestien, qui endure
Prison, pour verité;
Le Prince, en captivité dure
Sans l’avoir mérité?
An plus fort de leurs peines entendent
Tes œuvres tons parfaits,
Et gloire et louange te rendent
De tes merveilleux faits.”

Эту песню пели по всей Франции во время заключения Конде; после его освобождения тон изменился:

“Resjonissez vous en Dieu
Fidèles de chacun lieu;
Car Dieu pour nous a mandé (envoyé)
Le bon prince de Condé;

Et vous nobles protestans
Princes, seigneurs attestans;
Car Dieu pour nous a maudé
Le bon prince de Condé.”

Екатерине Медичи был сорок один год, когда она стала регентшей Франции. [211] Ее жизнь была тяжелой. Родившаяся в 1519 году, племянница папы римского Климента VII, она вышла замуж за Генриха Французского в 1534 году. Она была заброшенной женой все дни своей супружеской жизни. В течение десяти лет она была бездетной, [212] и ее сонеты дышат молитвой Рахили — Дай мне детей, иначе я умру. Во время отсутствия Генриха с армией в 1552 году он неохотно назначил ее регентшей, и она проявила как способности, так и терпение в приобретении знаний обо всех деталях государственного управления. После поражения при Сен-Кантене она в кои-то веки заслужила благодарность и похвалу своего мужа тем, что быстро убедила парламент выделить субсидию в размере 300 000 ливров. Эти инциденты были ее

единственным обучением искусству правления. Она всегда была отличной едоками, ходоками и наездницами. [213] Ее выпуклые глаза и выпуклый лоб напоминали черты ее двоюродного дедушки, папы Льва X. У нее был вкус ее семьи к искусству и демонстрациям. Ее самой сильной интеллектуальной силой был крепкий, жесткий и узкий здравый смысл, который был ответственен как за ее успех, так и за ее неудачи. Вряд ли ее можно назвать аморальной; скорее казалось, что она была совершенно лишена какого бы то ни было морального чувства вообще.

Трудности, с которыми столкнулась регентша, были велики как дома, так и за границей. Вопросом вопросов было обращение с ее протестантскими подданными. Кажется, она с самого начала была сторонницей определенной терпимости; но фанатично настроенная римско-католическая партия была сильна во Франции, особенно в Париже, и ею умело руководили Гизы; а Филипп Испанский сделал подавление Реформации вопросом международной политики.

Тем временем Екатерине пришлось предстать перед Генеральными штатами, созванными покойным королем в августе 1560 года. Пока Гизы все еще были у власти, были отданы строгие приказы следить за тем, чтобы избирались только ярые сторонники католицизма; но волнение того времени не могло быть сдержано никаким руководством. Прошло почти полвека с тех пор, как король Франции предлагал выразить мнения своих подданных; последнее заседание Генеральных штатов состоялось в 1484 году. [214] Кэтрин наблюдала за выборами и выражением чувств, которые они вызвали. Она видела, что протестанты были активны. Кальвинистские священники почти беспрепятственно путешествовали по Западу и Югу, призывая людей отстаивать свои свободы. Им даже разрешили выступить на некоторых собраниях, собиравшихся для избрания представителей. Священник Шарль Дальбиак разъяснил Исповедание веры собранию знати в Анже и показал, как Римская церковь поработила и изменила всю христианскую веру и практику. В других местах говорилось, что Антуан де Бурбон не имел права позволять Екатерине принять регентство и что его следует заставить занять подобающее ему место. Воздух, казалось, был полон угроз в адрес регента и в пользу принцев Крови. Екатерина поспешила поставить короля Наварры в более достойное положение. Номинально она делила регентство с главным принцем Крови, который был генерал-лейтенантом Франции. Если бы Антуан был человеком решительным, он мог бы настоять на значительной доле в правительстве страны, но его легкий, беспечный нрав сделал его пластичным в руках Екатерины, и она могла написать своей дочери, что он очень послушен и не отдает никаких приказов без ее разрешения.

Сословия встретились в Орлеане 13 декабря. Вступительная речь канцлера Мишеля де Лопиталья показала, что регентша и ее советники, по крайней мере, склонны к политике терпимости. Три сословия (духовенство, знать и Третье сословие), по его словам, были призваны найти средства для устранения разногласий, которые существовали внутри королевства; и они, по его мнению, были вызваны религией. Он не мог не признать, что религиозные верования, хорошие или плохие, имеют тенденцию разжигать жгучие страсти. Он не мог не видеть, что общая религия - более прочные узы единства, чем принадлежность к одной расе или жизнь по одним законам. Разве все они не могли дожидаться решения Генерального совета? Пусть они перестанут употреблять раздражающие эпитеты *лютеран*, *гугенотов*, *папистов* вспомнят, что все они были добрыми христианами. Представители трех орденов были заслушаны на втором заседании. Доктор Квинтен, один из регентов Парижского университета, озвучил духовенство. Он выступил против предложений, которые должны были

быть выдвинуты двумя другими орденами, о лишении доходов Церкви, попытке ее реформирования гражданской властью и предоставлении еретикам веротерпимости и даже свободы вероисповедания. Колиньи умолял регента обратить внимание на то, что Квинтин назвал подданных короля еретиками, и представитель духовенства принес извинения. Жак де Силли, барон де Рошфор, и Жан Ланж, адвокат из Бордо, выступавшие от имени знати и Третьего сословия, выступили с речью против злоупотреблений церковных судов, а также против алчности и невежества духовенства.

На заседании 1 января 1561 года каждое из трех сословий представило письменный список жалоб (*cahiers*). "Дело третьего сословия" было запоминающимся и важным документом, состоящим из трехсот пятидесяти четырех статей, и раскрывающим, как ни одна другая газета того времени, зло, проистекающее из абсолютистского и аристократического правления во Франции. В нем содержался призыв к полной терпимости в вопросах религии, к реформированию Церкви в смысле предоставления широких полномочий мирянам, к единообразию судебной процедуры, к отмене или ограничению полномочий синьориальных судов, к созываемым раз в пять лет собраниям Генеральных штатов и требовалось, чтобы день и место следующего собрания были назначены до окончания нынешнего заседания. Дворяне разошлись во мнениях по вопросу о веротерпимости и представили три отдельных документа. В первом, исходившем из центральной Франции, требовались суровые репрессии против протестантской веры; во втором, исходившем от знати западных провинций, требовалась полная веротерпимость; в третьем требовалось, чтобы обе стороны были вынуждены соблюдать мир и чтобы наказанию подвергались только проповедники и пасторы. Список, представленный духовенством, как и список двух других орденов, настаивал на реформе Церкви; но он проводил линию на отмену Конкордата и возвращение к положениям Прагматической санкции Буржа.

Правительство ответило на эти списки жалоб, представленные указом и ордонансом. В эдикте (28 января 1561 г.) король приказал прекратить все преследования за религию и освободить всех заключенных с предостережением "жить по-католически" в будущем. Постановление (датированное 31 января, но завершенное только в августе следующего года), известное как *Орлеанский ордонанс*, было очень сложным документом. Он затронул почти все вопросы, внесенные в списки жалоб, и провел различные реформы, как гражданские, так и церковные, — все они по большей части были обойдены на практике. Заседания были отложены до 1 мая.

Эдиктом от 28 января гугеноты добились приостановления преследований, если не терпимости, и позиция правительства позволяла им надеяться на дальнейшую помощь. Беженцы возвращались в большом количестве из Швейцарии, Германии, Англии и даже из Италии. Число протестантских общин увеличилось, и Женева предоставила пасторов. Эдикт не давал свободы вероисповедания, но протестанты действовали так, как будто это было так. Это вызвало гнев наиболее фанатично настроенной части римско-католического населения. Священники и монахи раздували пламя сектантской ожесточенности. Правительство было осуждено, и страну охватили антипротестантские беспорядки. Когда парижские гугеноты попытались возродить пение псалмов в Пре-о-Клерке, население окружило их толпой и избило палками. Это привело к репрессиям в тех частях страны, где гугеноты составляли большинство. В некоторых городах были захвачены церкви, изображения сорваны, а реликвии сожжены. Лидеры стремились обуздать своих последователей. [215] Кальвин энергично писал из Женевы против беззакония:

“Бог никогда никому не предписывал уничтожать идолов, за исключением каждого человека в его собственном доме или тех, кто наделен властью в общественных местах.... Послушание лучше жертвы; мы должны смотреть на то, что для нас законно, и должны держать себя в рамках”.

При дворе в Фонтенбло регент разрешил Рене, герцогине Феррарской, и принцессе Конде проводить богослужения в своих комнатах по реформатскому обряду; а у Колиньи в доме был священник из Женевы Жан Раймон Мерлен, на проповеди которого посторонние не только допускались, но и приглашались. Все это сильно оскорбляло констебля Монморанси, который был убежденным романистом. Он был еще более недоволен, когда Монлюк, епископ Валанса, произнес проповедь в Государственных покоях перед юным королем и королевой-матерью. Он считал, что проповедовать епископу недостойно, и считал, что проповеди Монлюка содержат что-то очень похожее на лютеранское богословие. Он пригласил герцога Гиза и Сент-Андре, обоих старых врагов, на ужин (16 апреля 1561 года), и все трое поклялись спасти романизм Франции. Впоследствии этот союз был известен как Триумвират.

Тем временем религиозные волнения нарастали. Гугеноты требовали права предоставлять им “храмы” или строить их за свой счет; и во многих местах они открыто собирались для публичных богослужений и празднования Вечери Господней. Они часто встречались вооруженными, чтобы защитить себя от нападения. В конце концов правительство вмешалось и эдиктом (июль 1561 г.) запретило, под страхом конфискации имущества, все собрания, общественные или частные, независимо от того, были ли верующие вооружены или безоружны, где произносились проповеди и совершались таинства любым иным способом, кроме как в католической церкви. С другой стороны, в эдикте говорилось, что магистраты не должны быть слишком усердными; лица, сообщающие ложную информацию, подлежат суровому наказанию; и все нападения на жилые дома запрещены. Очевидно, это было сделано для того, чтобы примирить обе стороны. Колиньи не прекратил богослужений в своих апартаментах и написал своим единоверцам, что им нечего бояться, пока они молятся в частных домах. Жанна д'Альбре открыто объявила себя протестанткой; и по пути из Нерака в Фонтенбло она вернула гугенотам церкви, которые магистраты отобрали у них во исполнение июльского эдикта.

Отложенное заседание Генеральных штатов состоялось только 1 августа, и даже тогда присутствовали представители только двух орденов. В Пуасси заседал церковный синод (открылся 28 июля), и там были представители духовенства. Это было 27 августа, прежде чем три ордена встретились вместе в присутствии короля и членов его Совета в Сен-Жермене. Собрание было созвано с целью обсуждения вопроса о национальных финансах, но игнорировать религиозный вопрос было невозможно.

В своих *выступлениях* как дворяне, так и Третье сословие выступали за полную терпимость и созыв Национального совета. Финансовые предложения Третьего сословия были основательными. После заявления о государственном долге и заявления о том, что налогообложение достигло предельных пределов, они предложили получать деньги за счет излишков церковного богатства. В своем *заявлении* от 1 января Третье сословие набросало гражданскую конституцию французской церкви; теперь они пошли дальше и предложили национализировать все церковные доходы, а духовенству платить государство. Они

подсчитали, что в результате получится профицит в семьдесят два миллиона ливров, и предложили выделить сорок два миллиона на погашение государственного долга.

Это смелое предложение было невыполнимо в условиях королевства. *Парламент* Парижа расценил это как революционное наступление на права собственности, и это навсегда оттолкнуло их от реформационного движения; но это позволило правительству вырвать у встревоженных церковников субсидию в шестнадцать миллионов ливров, подлежащую выплате шестью ежегодными платежами.

§ 11. Конференция в Пуасси.

Ввиду папы Римского и Филиппа Испанского едва ли было возможно созвать Национальный совет, но правительство уже вынашивало идею собрания теологов, которое было бы таким собранием во всем, кроме названия. Они пригласили представителей протестантских священнослужителей (25 июля) присутствовать на заседании синода духовенства в Пуасси. Приглашение было принято, и правительство намерено придать встрече вид необычайной торжественности. Король, окруженный своей матерью, братьями и принцами Крови, председательствовал, как на заседании Генеральных штатов. Канцлер от имени короля открыл заседание замечательной речью, в которой он изложил преимущества, которые можно получить от религиозного союза. Он обратился к собравшимся епископам и римско-католическим богословам, заверив их, что они не должны испытывать угрызений совести при встрече с протестантскими богословами. Последние не были еретиками, как древние манихеи или ариане. Они принимали Священное Писание как Правило Веры, Апостольский символ веры, четыре главных Собора их вероучения (символы Никеи, Константинополя и Халкидона). Главное различие между ними заключалось в том, что протестанты хотели, чтобы Церковь была реформирована по примитивному образцу. Они доказали свою искренность, согласившись умереть за свою веру.

Реформаторов представляли двенадцать министров, среди которых были Морель из Парижа; Николя де Галлар, служитель Французской протестантской церкви в Лондоне, и двадцать мирян. Их лидером был Теодор де Без (Beza), человек благородного происхождения, известный как гуманист, блестящий писатель и полемист, которому Кальвин по просьбе Антуана де Бурбона, Екатерины Медичи и Колиньи поручил представлять его интересы. Де Без был частным образом представлен королю и регенту королем Наварры и принцем де Конде, и его ученость, присутствие и величественная учтивость произвели большое впечатление на Двор. Он родился в тот же год, что и регент (1519), и отказался от блестящих перспектив стать служителем Реформатской церкви.

Встреча проходила в трапезной монахинь Пуасси. [216] Король и его свита были размещены в одном конце зала, а епископы-романисты и богословы расположились у стен с двух сторон. После того, как канцлер закончил свою речь, представители протестантов были представлены герцогом де Гизом, командовавшим эскортом королевских лучников. Их поставили перед барьером, отделявшим их от католических богословов. “А вот и женевские псы”, - сказал кардинал Турнонский, когда они вошли в зал.

Речь де Беца, произнесенная в первый день (7 сентября) Коллоквиума, как его стали называть, произвела большое впечатление. Он с ясностью мысли и точностью языка изложил вероучение своей Церкви, показав, где оно совпадает, а где отличается от вероучения римско-

католического. Серьезность и очарование его красноречия привлекали внимание, и только после того, как он начал с откровенной суровостью критиковать доктрину пресуществления, он вызвал ропот несогласия. Речь, должно быть, разочаровала Кэтрин. В ней не было предпринято никакой попытки смягчить различия между двумя конфессиями и не было никаких надежд на воссоединение Церквей.

Кардиналу Лотарингии было поручено ответить от имени римско-католической партии (16 сентября). Его речь была речью убежденного сторонника и касалась главным образом двух моментов: авторитета Церкви в вопросах веры и обычаев и учения о таинстве Святой Вечери. Не было никаких попыток к примирению.

Через три дня (19 сентября) кардинал Ипполито д'Эсте прибыл в Сен-Жермен в сопровождении многочисленной свиты, среди которой был Лейнез, генерал Общества Иисуса. Он был послан папой римским, легатом *позднее*, чтобы положить конец, если возможно, конференции в Пуасси и заручиться доброй волей французского правительства для обнародования постановлений Тридентского собора. Он до сих пор одерживал верх, и последние два заседания конференции (24 и 26 сентября) проходили за закрытыми дверями и были сценами постоянных взаимных обвинений. Лейнез отличался своей оскорбительной жестокостью. Протестантские священники были "волками", "лисами", "змеями", "убийцами". Екатерина упорствовала. Она организовала конференцию между пятью наиболее либеральными представителями римско-католического духовенства и пятью протестантскими священниками. Оно собралось (30 сентября, 1 октября), и ему удалось составить формулу о Святой Вечере, которая была сразу же отвергнута епископами Французской церкви (9 октября).

Результатом этого совещания в Пуасси стал эдикт от 17 января 1562 года, который предусматривал, что протестанты должны были сдать все церкви и церковные здания, которые они захватили, и запрещал им собираться для публичных богослужений, будь то внутри здания или нет, внутри стен любого города. С другой стороны, они должны были иметь право собираться для публичного богослужения в любом месте за пределами городов, обнесенных стенами, и собрания в частных домах внутри городских стен не были запрещены. Таким образом, протестанты Франции впервые получили юридическое признание и пользовались правом отправлять богослужения в соответствии со своей совестью. Они не были удовлетворены — да и вряд ли могли быть удовлетворены, пока их держали за стенами; но их лидеры настаивали на том, чтобы они приняли эдикт как разумный компромисс. "Если свобода, обещанная нам в эдикте, сохранится, — писал Кальвин, — папство само рухнет". В течение одного года гугеноты Франции освободились от преследований и в определенной степени пользовались свободой общественного богослужения. Едва ли можно сомневаться, что этим они были обязаны Екатерине Медичи. Она была дитяем эпохи Возрождения и, естественно, стояла на стороне свободомыслия; кроме того, в то время она была убеждена, что будущее на стороне гугенотов. В предстоящей борьбе они рассматривали этот эдикт как свою хартию и часто требовали его восстановления и приведения в исполнение.

Екатерина Медичи проявила мужество и постоянство в своих попытках примирения. На возражения Филиппа Испанского она ответила, что намерена быть хозяйкой в своем собственном доме; и когда коннетабль де Монморанси пригрозил покинуть Двор, ему сказали, что он может поступать, как ему заблагорассудится. Но вскоре она убедилась, что переоценила силы протестантов и что никогда не могла рассчитывать на постоянную поддержку их

номинального лидера, тщеславного и колеблющегося Антуана де Бурбона. Если бы Жанна д'Альбре была на месте своего мужа, все могло бы быть по-другому.

Эдикт от 17 января 1562 года привел в ярость католиков, но не удовлетворил массы протестантов. Заметный рост числа протестантских конгрегаций и не очень строгое соблюдение ими ограничений эдикта привели к беспорядкам во многих частях страны. Казалось, все клонилось к гражданской войне. Искрой, которая разожгла пожар, стала резня в Васси. [217]

§ 12. Резня в Васси.

Герцог де Гиз, направлявшийся из Жуанвиля в Париж в сопровождении своего брата, кардинала де Гиза, своих детей и жены, а также в сопровождении большой вооруженной свиты, остановился в Васси (1 марта 1562 года). Было воскресенье, и герцог пожелал отслужить мессу. На расстоянии ружейного выстрела от церкви находился сарай, где протестанты (вопреки эдикту, поскольку Васси был городом, окруженным стеной) проводили службу. Прихожане, которым едва исполнился год, были многочисленны и ревностны. Это было бельмом на глазу у Антуанетты де Бурбон, матери Гизов, которая жила в соседнем замке Жуанвиль и видела, что проповедь в Васси привлекает ее иждивенцев. Герцог был взбешен, увидев, что люди, которых он считал своими подданными, бросают ему вызов в его присутствии. Он послал нескольких своих слуг приказать верующим покинуть это место. Они были встречены криками “Паписты! идолопоклонники!” Когда они попытались силой прорваться внутрь, полетели камни, и герцог был поражен. Сарай был взят штурмом, верующие открыли огонь, и прежде чем герцог отдал приказ прекратить огонь, шестьдесят три из шестисот или семисот протестантов были убиты и более сотни ранены.

Весть о резне распространилась быстро; и хотя гугеноты пришли в ярость, романисты приветствовали это как победу. Коннетабль де Монморанси и маршал Сен-Андре вышли навстречу герцогу, и гизы с триумфом въехали в Париж в сопровождении более чем трех тысяч вооруженных людей. Протестанты начали вооружаться и устремились в Париж, чтобы подчиниться приказам принца Конде. Опасались, что две фракции будут драться на улицах.

Регент вместе с королем удалился в Фонтенбло. Она боялась триумвиров (Монморанси, герцога Гиза и маршала Сент-Андре) и пригласила принца де Конде защитить ее и ее детей. Конде упустил эту возможность поставить себя и своих единоверцев в положение опоры трона. Триумвират во главе с Антуаном де Бурбоном, который теперь казался их послушным слугой, двинулся на Фонтенбло и вынудил короля и королеву-мать вернуться в Париж. Екатерина поверила, что протестанты бросили ее, и обратилась к католикам.

Примеру резни в Васси последовали во многих местах, где румыны составляли большинство. В Париже, Сансе, Руане и других местах протестантские храмы подверглись нападениям, и многие из верующих были убиты. В Тулузе протестанты заперлись в Капитолии и были осаждены католиками. В конце концов они сдались, поверив обещанию, что им позволят безопасно покинуть город. Обещание не было выполнено, и три тысячи мужчин, женщин и детей были хладнокровно убиты. Эта резня, совершенная в нарушение присяги, была отмечена римско-католиками Тулузы в рамках столетних праздников, которые проводились в 1662 году, в 1762 году и отмечались бы в 1862 году, если бы правительство Наполеона III было правящим. не вмешивался, чтобы это запретить.

Эти массовые убийства спровоцировали репрессии. Гугеноты врывались в католические церкви, срывали изображения, оскверняли алтари и уничтожали реликвии.

§ 13. *Начало религиозных войн.*

Постепенно партии противостояли друг другу: герцог де Гиз и коннетабль Монморанси возглавляли романистов, а принц Конде и адмирал Колиньи - во главе гугенотов. Франция стала ареной гражданского конфликта, где религиозный фанатизм добавил свою жестокость к обычному варварству войны.

Венецианский посол в письме домой к руководителям своего государства придерживался мнения, что эта первая религиозная война помешала Франции стать протестантской. Жестокость романистов вызвала отвращение у большого числа французов, которые, хотя и не испытывали большой симпатии к протестантской вере, с радостью присоединились бы к политике терпимости. Сами вожди гугенотов видели, что осквернение церквей не служит тому делу, к которому они стремились. Кальвин и де Без писали, энергично призывая своих последователей воздерживаться от нападков на церкви, изображения и реликвии. Но все это было напрасно. В Орлеане Колиньи и Конде услышали, что их люди напали на церковь Святого Духа. Они поспешили туда, и Конде увидел солдата-гугенота на крыше церкви, который собирался сбросить статую на землю. Схватив аркебузу, он направил ее на человека и приказал ему остановиться и спуститься. Солдат ни на мгновение не прекращал своей работы. “Сир, ” сказал он, - наберитесь терпения, пока я не уничтожу этого идола, а потом позвольте мне умереть, если вам будет угодно”. Когда люди были готовы скорее умереть, чем воздержаться от иконоборчества, было напрасно надеяться остановить это. Почему-то массовое убийство людей произвело меньшее впечатление, чем разграбление церквей, и умеренные люди пришли к мнению, что если бы гугеноты победили, они были бы такими же нетерпимыми, какими были романисты. Растущая волна сочувствия к преследуемым протестантам была остановлена этими актами насилия.

Ход войны в целом был неблагоприятным для гугенотов, и в начале 1553 года обе стороны были измотаны. Коннетабль Монморанси был схвачен гугенотами, а принц де Конде - романистами. Герцог де Гиз был застрелен сзади гугенотом и умер шесть дней спустя (24 февраля 1563 года). Маршал Сент-Андре и Антуан де Бурбон оба погибли в ходе войны. Екатерина Медичи была повсеместно признана главой партии романистов. Ей больше не нужны были протестанты, чтобы уравновесить Гизов и констебля. Теперь она могла проводить свою собственную политику.

С этого времени она стала решительно враждебно относиться к гугенотам. Она узнала о возможностях и популярности романистов. Но она не любила сражаться, а религиозная война разрушала Францию. Ее идея заключалась в том, что необходимо было бы терпимо относиться к протестантам, но невозможно предоставить им общие права с католиками. Она приложила все усилия, чтобы расположить к себе принца де Конде, который устал от своего заточения. Начались переговоры. Екатерина, коннетабль, Конде и д'Андело встретились в Орлеане; и после обсуждения условия были согласованы (7 марта), а Амбуазский эдикт, включающий их, был опубликован (18 марта 1563 г.).

Конде потребовал отмены эдикта от 17 января 1561 года и строгого соблюдения его условий. В этом было отказано. Условия нового эдикта были столь же благоприятны для людей хорошего

происхождения, но не для других. Конде пришлось выслушать упреки Колиньи в том, что он обеспечил себе права, но предал своих более бедных братьев по вере; и что своей подписью он разрушил больше церквей, чем объединенные силы католицизма сделали за десять лет. Кальвин говорил о нем как о бедном принце, который предал Бога ради собственного тщеславия.

Перемирие, ибо это было не более чем перемирие, заключенное Амбуазским эдиктом, длилось почти пять лет. Оно было нарушено гугенотами, которые подозревали, что Екатерина в заговоре с герцогом Альва против них. Алва был занят безжалостной попыткой истребить протестантов Нидерландов, и Екатерина прилагала все усилия, чтобы обеспечить провизией его войска. Протестантские лидеры пришли к отчаянному решению подражать триумvirату 1561 года и завладеть личностью короля. Они потерпели неудачу, и их попытка положила начало Второй религиозной войне. Решающая битва при Сен-Дени произошла 10 ноября 1567 года, и констебль Монморанси пал в бою. Обе стороны были почти истощены, и условия мира были такими же, как и в Амбуазском эдикте.

По окончании этой Второй религиозной войны была предпринята решительная попытка, в основном направленная иезуитами, вдохновить массы Франции энтузиазмом по отношению к Римско-католической церкви. По стране разъезжали красноречивые проповедники, настаивавшие на древности римской и новизне протестантской веры. Были созданы братства, и записавшиеся в них люди всех сортов и условий жизни поклялись носить оружие против всякого рода ереси. Бесчинства и убийства протестантов были обычным делом; и правительство казалось равнодушным. Однако именно события в Нидерландах снова встревожили протестантов. Герцог Альва, который начал свое правление там с кажущейся мягкости, внезапно схватил и казнил графов Эгмонта и Горна. Он назначил комиссию для суда над лидерами и сообщниками более раннего восстания — комиссию, которая своими делами получила название Трибунала Крови. Солдаты-гугеноты поспешили записаться в рекруты, которые принц Оранский собирал для освобождения своих соотечественников. Но у лидеров гугенотов были другие мысли. Собиралась ли Кэтрин поступить с ними так, как Алва обошелся с Эгмонтом и Хорном? Они обнаружили, что за ними наблюдают. Подозрение и неизвестность стали невыносимыми. Колиньи и Конде решили укрыться в Ла-Рошели. Когда они проезжали через страну, к ним присоединились несколько гугенотов, и вскоре они превратились в небольшую армию. Их последователи горели желанием отомстить за убийства, совершенные приверженцами их веры, а грабежи и кое-что похуже отмечали путь армии. Конде и адмирал наказали смертью некоторых из своих сторонников-мародеров; и это, по словам хрониста, “сделало насилие солдат более тайным, если не более редким”.

Д'Андело собрал своих норманнов и бретонцев. Жанна д'Альбре подняла своих гасконцев и провансальцев и появилась во главе своих войск со своим сыном Генрихом Наваррским, пятнадцатилетним мальчиком. Она опубликовала манифест, оправдывающий ее решение взяться за оружие. В лагере в Ла-Рошели она была душой партии, разжигала их страсти и поддерживала их мужество. [218]

В последовавшей за этим войне гугенотам не повезло. В битве при Жарнаке кавалерия Конде была разбита атакой немецких наемников под командованием Таванна с фланга. Он сражался, пока не был окружен и не спешился. После того, как он сдался, его хладнокровно жестоко расстреляли. Вскоре гугеноты собрались в Коньяке, где к ним присоединилась королева

Наварры. Она представила войскам своего сына и племянника, юного Генриха Конде, и была встречена одобрительными возгласами. Молодой Генрих Наваррский был провозглашен главой партии, и его двоюродный брат, Генрих Конде, мальчик того же возраста, был связан с ним. Война продолжалась. Битва при Монконтуре закончилась самым сокрушительным поражением, которое когда-либо терпели гугеноты. Екатерина Медичи думала, что они в ее власти, и предложила условия подчинения, которые оставляли бы им свободу совести, но лишали права на вероисповедание. Героическая королева Наварры заявила, что имена Жанны и Генриха никогда не будут фигурировать в договоре, содержащем эти условия; а Колиньи, как и его современник Вильгельм Молчаливый, никогда не был более опасен, чем после поражения. Гугеноты заявили, что готовы сражаться до последнего, и Екатерина, к своему удивлению, увидела, что они сильнее, чем когда-либо. Было заключено перемирие, и Сен-Жерменский эдикт (8 августа 1570 г.) опубликовал условия мира. Он был более благоприятным для гугенотов, чем любой предыдущий. Им была гарантирована свобода совести на всей территории королевства. Они пользовались свободой публичного богослужения во всех местах, где оно практиковалось до войны, в пригородах по крайней мере двух городов при каждом правительстве и в резиденциях знати. Четыре сильно укрепленных города — Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите - должны были удерживаться ими в качестве залогов по крайней мере в течение двух лет. Король отказался от союза с Испанией и международной политики подавления протестантов. Вильгельм Оранский и Людовик Нассауский были объявлены его друзьями, несмотря на то, что они были мятежными подданными Филиппа Испанского и помогали гугенотам в последней войне.

После заключения Сен-Жерменского мира Колиньи, ныне единственный великий лидер, оставшийся у гугенотов, жил вдали от двора в Ла-Рошели, выступая в качестве опекуна двух молодых принцев Бурбонов, Генриха Наваррского и Генриха Конде. Он занялся тем, что обеспечил реформированным преимуществами, которые они получили по недавнему мирному договору.

Екатерина Медичи начала подумывать о том, чтобы укрепить себя дома и за границей с помощью супружеских союзов. Она хотела, чтобы один из ее сыновей, будь то герцог Анжуйский или герцог Алансонский, для нее это не имело особого значения, женился на Елизавете Английской, а ее дочь Маргарита вышла замуж за молодого короля Наварры. Оба плана означали, что гугеноты должны быть примирены. Они не спешили отвечать на ее ухаживания. И Колиньи, и Жанна д'Альбре держались на расстоянии от Двора. Внезапно молодой король Карл IX, казалось, осознал свое королевское положение. До сих пор он был полностью покорен своей матери, тратя свою энергию то на охоту, то на изготовление замков; но, если можно судить по тому, что его разбудило, он затаил злобу против Филиппа Испанского и его притязаний направлять политику римско-католической Европы.

Папа Пий V возвел Космо Медичи, правителя Флоренции, в ранг великого герцога, а Филипп Испанский и Максимилиан Австрийский выступили с протестом. Космо послал агента, чтобы склонить немецких протестантов на его сторону против Максимилиана и привлечь голландских протестантов к созданию проблем в Нидерландах. Чарльз увидел возможность удовлетворить свою обиду и с энтузиазмом включился в этот план. Его желания какое-то время не мешали планам его матери. Чтобы ее идеи о браке увенчались успехом, она должна порвать с Испанией. Колиньи видел преимущества, которые могли бы принести его единоверцам в Нидерландах — денежную помощь из Италии и войска из Франции. Он решил помириться с Кэтрин, ответить на

ее ухаживания и отправиться ко двору. Он был принят благосклонно, поскольку Екатерина пожелала воспользоваться им; был избран членом Совета, получил в дар сто пятьдесят тысяч ливров и, хотя был еретиком, получил во владение аббатство, доходы которого составляли двадцать тысяч ливров в год. К протестантским вождям уважительно прислушивались, когда они высказывали претензии, и они были быстро устранены, даже рискуя вызвать раздражение католиков. Несколько неохотное согласие Жанны д'Альбре было получено на брак ее сына с Маргаритой, и она сама приехала в Париж, чтобы согласовать условия контракта. Там она заболела плевритом и умерла — невосполнимая потеря для протестантского дела. Внутренняя политика Екатерины была успешной.

Но Елизавету Английскую не удалось соблазнить ни французским браком, ни прочным французским союзом, и Екатерина Медичи поняла, что план ее сына может привести к тому, что Франция останется одна противостоять Испании; и Испания шестнадцатого века сыграла роль России в конце девятнадцатого, очаровав государственных деятелей того времени своей мрачной, таинственной, неисчислимой мощью. Она чувствовала, что должна любой ценой оторвать Карла от его плана попить Филиппа, оказывая помощь протестантам Нидерландов. Колиньи был на ее пути — признанный величайшим государственным деятелем Франции, с энтузиазмом стремящийся направить французскую помощь своим борющимся единоверцам и поощряющий Карла IX. Колиньи должен быть смещен. Гизы были в смертельной вражде с ним и были бы полезны, чтобы убрать его с дороги. Посол Флоренции сообщил о важных переговорах между Екатериной и герцогиней де Немур, матерью Гизов (23 июля 1572 года). Королева тайно беседовала с Моревалем, профессиональным браво, который получал пенсию как “туер дю Руа”.

Ничего нельзя было поделаться до тех пор, пока Генрих, ставший королем Наварры после смерти своей матери, не был благополучно женат на Маргарите. Свадьба состоялась 18 августа 1572 года. В пятницу (22 августа), между десятью и одиннадцатью часами, Колиньи покинул Лувр, чтобы вернуться к себе домой. Убийца находился в доме, принадлежащем слуге Гизов, у зарешеченного окна, скрытого занавеской. Адмирал медленно прогуливался, читая письмо. Внезапно выстрелом ему оторвало указательный палец на правой руке и ранило левую. Он спокойно указал на окно, откуда прозвучал выстрел; и несколько человек из его свиты бросились в дом, но не нашли ничего, кроме дымящейся аркебузы. Новость дошла до короля, когда он играл в теннис. Он побледнел, бросил ракетку и разошелся по своим комнатам.

Екатерина заперлась с герцогом Анжуйским, чтобы обсудить ситуацию, которая была чревата ужасом. [219]

§ 14. Варфоломеевская резня.

Париж был полон дворян-гугенотов, съехавшихся со всех концов страны на свадьбу своего молодого вождя с принцессой Маргаритой. Они бросились к дому, в котором лежал Колиньи. Молодой король Наварры и его двоюродный брат Генрих де Конде отправились к королю требовать правосудия, которое, как пообещал Карл, будет незамедлительно осуществлено. Колиньи попросил о встрече с королем, который предложил отправиться немедленно. Екатерина побоялась оставлять их наедине и сопровождала его в сопровождении нескольких своих самых верных сторонников. Даже герцог Гиз был там. Король, стоявший у постели Колиньи, снова поклялся великой клятвой, что отомстит за оскорбление так, что оно никогда не будет забыто. Была назначена комиссия для расследования этого дела, и они быстро

обнаружили, что в нем замешаны слуги Гизов. Если бы расследование велось в духе короля, Гиз, вероятно, попытался бы спасти себя, раскрыв причастность Екатерины к покушению на убийство. Она становилась все более и более жертвой террора. Гугеноты становились все более и более жестокими. В конце концов Екатерина, по своей ли инициативе или по наущению других, никогда не будет известно, поверила, что спасти себя может только быстрая и тщательная резня гугенотов, собравшихся в необычном количестве в Париже. [220]

Она созвала совет (23 августа), на котором присутствовали, насколько известно, герцог Анжуйский, ее любимый сын, впоследствии Генрих III, маршалы Таванн, Невер, Немур (отчим Гизов), Бираго (канцлер), граф де Рец и шевалье д'Ангулем - четверо из них итальянцы. Они были единомышленны в том, что советовали немедленно устроить резню. Говорят, что Таванн и Невер ходатайствовали за жизнь двух молодых бурбонов, короля Наваррского и принца де Конде, и добились этого. Граф де Рец, который был фаворитом Карла, пытался добиться согласия короля, взывая к его страхам и говоря ему, что его мать и брат были замешаны в этом так же глубоко, как и Гиз.

Прежде чем было принято окончательное решение, спустилась ночь, но на фанатичную и кровожадную толпу Парижа можно было положиться. В последний момент, как рассказывает Таванн (сын) в своих Мемуарах, Екатерина хотела отступить, но остальные держали ее твердо. Герцог де Гиз взялся убить Колиньи. Адмирала проткнули пикой, а тело выбросили из окна во двор, где ждал Гиз. В Лувре молодые принцы Бурбонов были арестованы, доставлены к королю и поставлены перед выбором между смертью и мессой. Другие джентльмены-гугеноты, находившиеся в Лувре, были убиты. Утром лестницы, балы и парадные покои дворца были густо залиты кровью. Когда в Лувре были совершены убийства, войска разделились на отряды и отправились на поиски других жертв. Почти все джентльмены-гугеноты на северном берегу реки были убиты, и все в Латинском квартале. Но некоторые из тех, кто поселился на южной стороне (среди них Монтгомери и Жан де Ферьер, Видам де Шартр), спаслись.

Были разосланы приказы завершить массовые убийства в провинциях. Резня в Орлеане продолжалась пять дней, и протестанты были убиты в большом количестве в Мо, Труа, Руане, Лионе, Тулузе, Бордо и во многих других местах. Общее число жертв оценивается по-разному. Салли, премьер-министр Генриха IV, который имел хорошие источники информации, говорит, что погибло семьдесят тысяч человек. Только в Париже было убито несколько тысяч человек.

Римско-католическая Европа по-разному восприняла эту новость. Немецкие романисты, включая императора, не замедлили выразить свое неодобрение. Но в честь этого события Рим был иллюминирован, была отчеканена медаль в память о *Hugonotorum Strages*, [221] и кардинал Орсини был отправлен передать королю и королеве-матери поздравления от Папы Римского и Коллегии кардиналов. Филипп Испанский был в восторге и, как говорят, откровенно рассмеялся в первый и последний раз в своей жизни. Он поздравил сына с тем, что у него такая мать, а мать - с тем, что у нее такой сын.

Сама Кэтрин считала, что резня положила конец всем ее бедам. Гугеноты были уничтожены, думала она; и сообщается, что, когда она увидела Генриха Наваррского, кланяющегося перед алтарем, она разразилась пронзительным смехом.

§ 15. *Соппротивление гугенотов после резни.*

Трудности Екатерины на этом не закончились. Истребить гугенотов было не так-то просто. Большинство лидеров погибли, но люди остались, несомненно, на какое-то время запуганные, но вскоре вновь обретшие мужество. Протестанты удерживали крепости Ла-Рошель и Сансер, одну на побережье, а другую в центральной Франции. Ремесленники и мелкие лавочники настаивали на том, что капитуляции быть не должно. Моряки Ла-Рошели вступили в братство с морскими попрошайками Бриля и вели непримиримую морскую войну против кораблей Испании. Ним и Монтобан закрыли свои ворота перед солдатами короля. Мийо, Обена, Прива, Мирабель, Андуз, Соммьер и другие города Вивере и Севенн стали городами-убежищами. По всей Франции гугеноты, хотя и потеряли своих лидеров, держались вместе, вооружались, общались друг с другом, продолжали свои религиозные службы, хотя и были вынуждены встречаться по ночам.

Попытка захватить эти протестантские твердыни привела к Четвертой религиозной войне. Ла-Рошель была окружена, отбила множество штурмов, находилась в блокаде и пережила голод, и в конце концов вынудила своих врагов покинуть ее стены. Сансеру повезло меньше. После провала попытки взять его штурмом Ла Шатр, генерал осаждающей армии, самым тщательным образом блокировал город. Горожане перенесли все ужасы голода. Пятьсот взрослых и все дети младше двенадцати лет умерли от голода. “Почему ты плачешь, - сказал десятилетний мальчик, - когда видишь, как я умираю с голоду? Я не прошу хлеба, мама: Я знаю, что у тебя ничего нет. Поскольку Богу угодно, чтобы я умер, мы должны принять это с радостью. Разве этот добрый человек Лазарь не был голоден? Разве я не читал об этом в Библии?” Оставшиеся в живых сдались; их жизни были спасены, и после уплаты выкупа в сорок тысяч ливров город не был разграблен.

Война закончилась Рошельским миром (июль 1573 г.), когда свобода совести была предоставлена всем, но право публичного богослужения было разрешено только в Рошели, Ниме, Монтобане и в домах некоторых высокопоставленных протестантских дворян. Эти условия были тяжелыми по сравнению с правами, которые были завоеваны до Варфоломеевской резни, но у гугенотов были причины для радости. Их дело все еще было живо. Ни война, ни массовые убийства, ни бесчисленные махинации не произвели никакого впечатления на огромную массу французских протестантов.

Мир, провозглашенный Ла-Рошельским договором, длился недолго и, по сути, никогда не был всеобщим. Протестанты Юга использовали его для подготовки к возобновлению конфликта. Они оставались при оружии, совершенствуя свою военную организацию. Они разделили контролируемые ими округа на регулярные правительства, возглавляемые советами, члены которых избирались и были военными лидерами протестантской нации, на время отделенной от королевства Франция. Они обложили налогами католиков и протестантов и конфисковали церковные доходы. Они смогли снабдить свои крепости провизией и военным снаряжением и поддерживать двадцатитысячную армию в готовности к наступательным действиям.

Их советы в Ниме и Монтобане сформулировали условия, на которых они подчинятся французскому правительству. Ним направил депутацию к королю, снабженную серией письменных статей, в которых они требовали свободного отправления своей религии во всех частях Франции, содержания за королевский счет гарнизонов гугенотов во всех удерживаемых ими цитаделях и уступки двух укрепленных пунктов в качестве городов-убежищ в каждой из

провинций Франции. Требования совета Монтобана пошли еще дальше. Они добавили, что король должен осудить Варфоломеевскую резню, свершить правосудие над теми, кто ее совершил, отменить приговоры, вынесенные всем жертвам, одобрить сопротивление гугенотов и объявить, что он восхваляет *одинокость и замечательную бонте де Дье*, которые все еще спасали своих протестантских подданных. Они требовали также, чтобы права протестантского меньшинства во Франции были гарантированы протестантскими государствами Европы — немецкими протестантскими князьями, Швейцарией, Англией и Шотландией. Они значительно датировали свой документ 24 августа — годовщиной Варфоломеевской резни. Депутаты отказались обсуждать эти условия; они просто представили их. Король мог принять их; он мог отвергнуть их. Они не подлежали изменению.

Кэтрин была одновременно взбешена и сбита с толку наглостью этих “негодяев” (*ses misérables*), как она их называла. Она заявила, что Конде, будь он во главе двадцати тысяч кавалерии и пятидесяти тысяч пехоты, никогда бы не попросил и половины того, что требовали эти статьи. Королева-мать оказалась лицом к лицу с мужчинами, на которых она могла бы напрасно упражняться во всех своих искусствах, сильно отличаясь от *добродушных* принцев-гугенотов, которых она смогла задобрить женским изяществом и обессилить своим “Летучим эскадром”. Эти фермеры, горожане, ремесленники знали ее и ее Двор и называли вещи грубыми именами. Она сама была “убийцей”, а ее “Летучий эскадрон” состоял из “падших женщин”. Она избавилась от гугенотской аристократии, чтобы оказаться в присутствии протестантской демократии.

Хуже всего было то, что она не осмеливалась позволить королю дать им решительный ответ. После Дня Святого Варфоломея во Франции поднялась новая сила — *Politiques*, [222], как их называли. Они ставили Францию выше религиозных партий и устали от постоянного кровопролития; они говорили, что “человек не перестает быть гражданином, потому что он отлучен от церкви”; они заявляли, что “с людьми, которых они потеряли в религиозных войнах, они могли бы изгнать Испанию из Нидерландов”. Их раздражало правление “иностранцев”, королевь-матери и ее итальянцев, гизов и их иезуитов. Они были готовы объединиться с гугенотами, чтобы обеспечить Франции мир. Им нужны были только лидеры, которые могли бы представлять две стороны коалиции. Если герцогу Алансонскому, младшему брату короля, и Генриху Наваррскому удавалось сбежать от двора и вместе поднять свои знамена, они были готовы присоединиться к ним.

Карл IX умер на Троицу 1574 года от болезни, вызванной зараженной кровью Валуа и Медичи. Воспоминания о святом Варфоломее также ускорили его смерть. Личные воспоминания придворных сообщают нам, что в последние недели лихорадки ему днем и ночью снились страшные сны. Он увидел себя окруженным мертвыми телами; отвратительные лица, залитые кровью, тянулись к нему. Преступление было совершено не столько им, сколько его матерью, но у *него* было что-то вроде совести, и он чувствовал ее бремя. “Et ma Mère” было его последним словом — призывом к матери, которой он боялся больше, чем своего Бога.

После смерти Карла Генрих, герцог Анжуйский, унаследовал титул Генриха III. [223] Он был в Польше — королем этой обезумевшей страны. Он отказался от своей короны, ускользнул от своих подданных и прибыл во Францию в сентябре 1574 года. Его приход мало что изменил. В действительности Екатерина все еще правила. Война продолжалась с переменным успехом в разных частях Франции. Но герцогу Анжуйскому (герцог Алансонский принял этот титул после

восшествия на престол своего брата) удалось сбежать от двора (15 сентября 1575 г.), а королю Наваррскому также удалось ускользнуть от своих опекунов (3 февраля 1576 г.). Анжу присоединился к принцу Конде, который возглавлял смешанные силы гугенотов и политиков. Генрих Наваррский вошел в Пуату и остался там. Его первым поступком было посещение протестантского богослужения, и сразу же после этого он отказался от своей вынужденной приверженности к католицизму. Он не присоединился ни к одной из сторон на поле боя, но направил свои собственные требования для передачи королю вместе с требованиями конфедератов, добавив к ним просьбу о том, чтобы король помог ему вернуть испанскую часть Наварры, которая была насильственно присоединена к Испании Фердинандом Арагонским.

Бегство двух принцев привело в конце концов к “Миру месье”, условия которого были опубликованы в Эдикте Болье (6 мая 1576 г.). Право на публичное богослужение было предоставлено протестантам во всех городах королевства Франции, за исключением только Парижа и городов, где проживал Двор. Протестанты получили восемь опорных пунктов, частично в качестве городов убежища, а частично в качестве гарантий. В каждом парламенте были созданы Палаты правосудия, “ми-партии” (состоящие как из протестантов, так и из римско-католиков). Король фактически извинился за резню Святого Варфоломея и заявил, что это произошло, к его великому сожалению; и все приговоры, вынесенные жертвам, были отменены. Этот эдикт был гораздо более благоприятен для протестантов, чем любой из предыдущих. Почти все требования гугенотов были удовлетворены.

§ 16. *Зарождение Лиги.*

Ни король, чувствовавший себя униженным, ни возмущенные романисты не были склонны долго соглашаться на условия мира. Некоторые из лидеров романистов давно поняли, что энтузиазм гугенотов и их организация позволяют фактическому меньшинству более чем на равных бороться с католическим большинством. Некоторым провинциальным лидерам удалось вдохновить своих последователей рвением и объединить их в организацию с помощью лиг. Эти провинциальные лиги представляли собой универсальную организацию, которой способствовали Генрих, герцог де Гиз, и Екатерина Медичи. Это была первая форма той знаменитой Лиги, которая отдала двадцать лет жизни гражданской войне во Франции. Герцог де Гиз опубликовал декларацию, в которой он призвал всю Францию объединиться в защиту Святой Церкви, католической и римской, и их короля Генриха III, власть и права которого были отняты у него мятежниками. От всех добрых католиков требовалось вступить в ассоциацию и поставлять оружие для осуществления ее замыслов. Те, кто отказывался, считались врагами. Нейтралов следовало преследовать “зазывалами и приставами”; с открытыми врагами следовало вести ожесточенную борьбу. Париж был легко завоеван Лигой, и агенты были разосланы по всей Франции для набора новобранцев. Генрих III. сам был зачислен и возглавил движение.

Король созвал Генеральные штаты собраться в Блуа и провести там свое первое заседание 6 декабря 1576 года. Лига позаботилась о выборах, и Сословия единогласно высказались за единство религии. На это король объявил, что эдикт Болье был вырван у него силой и что он не намерен его выполнять. Два сословия, Духовенство и знать, были готовы добиться единства любой ценой. Третье сословие разделилось. Меньшинство желало единства, достигнутого “мягкими и миролюбивыми путями”; большинство требовало немедленного и полного

подавления общественного богослужения протестантов и изгнания всех священников, старейшин и дьяконов.

Эти решения Генеральных штатов были восприняты гугенотами как объявление войны, и они немедленно начали вооружаться. Это была первая война Лиги и шестая война Религии. Это закончилось Бержерак-ским миром (15 сентября 1578 г.), по которому условия, предоставленные гугенотам, были несколько хуже, чем условия эдикта Болье. Последовала седьмая война, завершившаяся Флейским миром (ноябрь 1580 г.).

Герцог Анжуйский умер (10 июня 1584 г.), и у короля не было сына. Наследником престола, согласно Салическому закону, который исключал женщин, был Генрих Наваррский, протестант. После смерти Анжу Генрих III. оказался лицом к лицу с этим фактом. Он знал и чувствовал, что является хранителем династических прав на французский трон и что его долгом было признать Генриха Наваррского своим преемником. Соответственно, он послал одного из своих фаворитов, Эперона, убедить Генриха Наваррского стать католиком и явиться ко двору. Генри отказался сделать ни то, ни другое.

§ 17. Лига становится нелояльной. [224]

Тем временем романистская знать принимала свои меры. Некоторые из них встретились в Нанси ближе к концу 1584 года, чтобы восстановить Лигу. Они решили отстранить протестантов-бурбонов от трона и провозгласить кардинала Бурбона преемником Генриха III. Они надеялись получить Буллу от папы римского, санкционирующую этот выбор; и они получили поддержку Филиппа Испанского по Жуанвильскому мирному договору (31 декабря 1584 г.).

Париж не стал дожидаться санкции или рекомендации знати. В анонимной брошюре того времени, которая является основным источником нашей информации, описывается, как четыре человека, трое из которых были священнослужителями, собрались вместе, чтобы основать Парижскую лигу. Они обсудили имена подходящих членов и, отобрав ядро надежных единомышленников, приступили к избранию тайного совета из восьми или девяти человек, которые должны были руководить всем и контролировать все. Активной работой по вербовке руководили шесть сотрудников, из которых один, сьер де Ларошблон, был членом тайного совета. Вскоре все наиболее фанатичные элементы населения Парижа принадлежали к этому тайному обществу, поклявшемуся слепо повиноваться приказам таинственного совета, который из тайного окружения руководил всем. Корпорации различных профессий были привлечены к участию в Лиге; парижские мясники, например, собрали банду из полутора тысяч решительных и опасных людей. В крупные города Франции были разосланы надежные эмиссары, и были сформированы тайные общества по плану того, что было в Париже, которые были связаны с материнским обществом в Париже, и все они были обязаны выполнять приказы тайного совета столицы. Сьер де Ларошблон, чей мозг спланировал всю организацию, был посредником в общении с романистскими князьями; и через него Генрих, герцог де Гиз, ле Балафре, как его называли из-за шрама на лице, был поставлен во главе этого нового и грозного инструмента, которым он должен был пользоваться так, как считал нужным для искоренения протестантизма во Франции.

Король издал указ, запрещающий все вооруженные собрания, и это дало членам Лиги предлог для распространения своего манифеста: *Заявление о причинах, по которым монсеньор кардинал Бурбонский и его супруги, принцы, сеньоры, деревни и католические общины королевской семьи Франции: О противнике, по чьей вине мои люди вынуждены подрывать католическую религию и Государство (30 марта 1585 г.)*. Это был искусно составленный документ, выдвигавший на первый план опасность для религии, но затрагивающий все зло и зависть, возникшие из-за фаворитизма Генриха III. Гиз сразу же начал набирать войска и начинать открытые военные действия; и почти все крупные города Франции и большинство провинций на Севере и в Центре высказались за Лигу.

Генрих III. был сильно встревожен. С помощью своей матери он заключил договор с членами Лиги, в котором обещал отменить все предыдущие эдикты о веротерпимости, запретить отправку протестантских публичных богослужений по всему королевству, изгнать министров и предоставить всем протестантам выбор: стать католиками или покинуть королевство в течение шести месяцев (Немурский мирный договор, 7 июля 1585 г.). Эти условия были закреплены в эдикте от 18 июля 1585 года. Папа Сикст V. вслед за этим опубликовал Буллу, в которой объявлялось, что король Наварры и принц Конде, будучи еретиками, неспособны унаследовать трон Франции, лишал их их поместий и освобождал всех их вассалов от присяги. Король Наварры ответил “месье Сиксту, самозваному папе, спасая Его Святейшество” и пообещал отомстить за оскорбление, нанесенное ему самому и *парламентам* Франции.

"Война трех Генрихов" от Генриха III, Генриха де Гиза и Генриха Наваррского началась в последние месяцы 1585 года. В некотором отношении это была трехсторонняя борьба, ибо, хотя король и Гизы оба якобы сражались с гугенотами, члены Лиги, возглавляемые Гизами, и лоялисты ни в коем случае не были искренними союзниками. Она началась неблагоприятно для протестантов, но по мере ее развития умелое командование короля Наваррского становилось все более очевидным — при Кутра (20 октября 1587 г.) он почти уничтожил армию роялистов. Король предпринял несколько безуспешных попыток привлечь протестантского лидера на свою сторону. Наварра никогда бы не согласилась отречься от своей веры, и Генрих III поставил это абсолютным условием.

Пока шла война на западе и в центре Франции, Лига укрепляла свою организацию и совершенствовала свои планы. Оно становилось все более и более враждебным по отношению к Генриху III и превратилось в тайное революционное общество. Оно разработало полную программу на ближайшее будущее. Города и округа Франции, которые чувствовали особую угрозу со стороны гугенотов, должны были умолять короля увеличить сборы для их защиты. Если он откажется или будет медлить, они должны были сами собрать войска под командованием офицеров, которым Лига доверяла. Затем они могли бы заставить короля встать во главе этой армии Лиги или показать себя их открытым врагом, отказавшись. Если король умрет бездетным, сторонники Лиги должны были собраться в Орлеане и Париже и там избрать кардинала де Бурбона королем Франции. Папа и король Испании должны были быть немедленно проинформированы, когда это будет условлено, что Его Святейшество пошлет свое благословение и что Его Величество окажет им помощь войсками и припасами. Новая форма присяги была введена для всех членов Лиги. Они должны были присягать на верность королю до тех пор, пока он будет показывать себя добрым католиком и воздерживаться от поддержки еретиков. Эти инструкции были разосланы из материнского общества в Париже в провинции, и аффилированным обществам было рекомендовано поддерживать постоянную связь с

Парижем. Мадам де Монпансье, сестра Гизов, в то же время руководила работой группы проповедников, в обязанности которых входило возбуждать умы людей в столице и провинциях против короля и гугенотов. Она хвасталась, что сделала для общего дела больше, чем ее братья делали с мечом.

Гизы, имея за спиной эту силу, пытались заставить короля пойти на новые уступки — опубликовать решения Тридентского собора во Франции (чего сделано не было); учредить инквизицию во Франции; отдать приказ о казни всех заключенных гугенотов, которые не пообещают отречься от своей религии; и уволить из армии всех офицеров, которых Лига не одобряла. Материнское общество Парижа подготовилось к его отказу, организовав тайное революционное правительство в городе. Оно называлось “Шестнадцать”, по одному на каждую из шестнадцати секций Парижа. Это правительство действовало по приказу Гиза, который общался с ними через своего агента по имени Мейневилл. Заговор за заговором строился с целью завладеть персоной короля; и если бы не активность и информация Николаса Пулена, офицера полиции, которому удалось заполучить частную информацию, они были бы успешными.

§ 18. *День баррикад.* [225]

Король удвоил свою охрану и приказал четырем тысячам швейцарских солдат, которые он разместил в Ланьи, двинуться в предместья Парижа. Встревоженные члены Парижской лиги послали за герцогом де Гизом, и Гиз, несмотря на запретительный приказ короля, вошел в город. Когда его узнали, парижская толпа встретила его одобрительными возгласами. Королева-мать убедила короля принять его, что он сделал довольно нелюбезно. Офицеры и люди, преданные Лиге, столпились в Париже. Король, тщетно пытавшийся предотвратить въезд всех подозреваемых лиц, в конце концов приказал швейцарцам войти в Париж (12 мая 1588 г.). Граждане взяли за оружие и превратили Париж в цитадель. Это был “день баррикад”. Поперек улиц были натянуты цепи, а за ними громоздились балки, скамейки, тележки, большие бочки, наполненные камнями или гравием. В домах были проделаны петли, а окна защищены. За этими оборонительными сооружениями были размещены мужчины с аркебузами, а женщины и дети были снабжены грудями камней. Гиз остался в своем доме, но было видно, как его офицеры пробирались сквозь толпу и руководили обороной. Швейцарские войска оказались в ловушке и были беспомощны. Генрих III. был вынужден попросить Гиза вмешаться, чтобы спасти своих солдат. Королю пришлось подвергнуться дальнейшему унижению. Горожане предложили напасть на Лувр и захватить особу короля. К Гизу пришлось обратиться снова. 13-го у него была беседа с королем, на которой присутствовал Генрих III. был вынужден согласиться на все требования Лиги и оставить ведение войны против гугенотов в руках лидера Лиги. После этой беседы королю удалось тайно сбежать из Парижа.

День “Баррикад” доказал Генриху III. что Лига была хозяином в его столице. Заседание Генеральных штатов в Блуа (октябрь 1588 г.) должно было показать ему, что страна также отвернулась от него.

За выборами присматривали Гизы, и они состоялись, когда впечатление, произведенное восстанием в Париже, было в самом разгаре. Лига получила огромное большинство во всех трех сословиях. Дело, стоявшее перед ними, было серьезным. Финансы королевства были в беспорядке; фаворитизм не был искоренен; и никто не мог доверять слову короля. Прежде всего, религиозный вопрос терзал все умы. Сословия собрались под влиянием религиозной экзальтации, раздуваемой священниками. 9 октября представители трех Сословий вместе отправились к мессе. Во время причастия помощники священнослужителей пели хорошо известные гимны - *Pange lingua gloriosi, O salutaris Hostia, Ave verum Corpus natum*, — и волнение было огромным. Члены Сословий никогда еще не были так сплочены.

И все же король испытал момент необычной храбрости. Он решил осудить Лигу как источник беспорядков в королевстве. Он заявил, что не допустит существования Лиги в пределах королевства. Ему удалось лишь привести лидеров в ярость. Его бравада вскоре прекратилась. Кардинал де Бурбон вынудил его исключить из опубликованной версии его речи предосудительные выражения. Сословия заставили его поклясться, что он не допустит в королевстве никакой религии, кроме римской. Сделав это, он был встречен криками *Да здравствует король*, и его провожали до дома одобрительными возгласами. Но он был вынужден увидеть, как герцог де Гиз получил чин генерал-лейтенанта, что поставило армию под его командование; и он чувствовал, что никогда не станет “хозяином в своем собственном доме”, пока этот человек не будет убран с его пути.

Известие о полном разгроме Армады просачивалось через Францию; страх перед Испанией в некоторой степени рассеялся, и Англия могла бы помочь королю, если бы он продолжал политику терпимости к своим протестантским подданным. Вполне вероятно, что он поделился своим проектом избавления от Гиза с некоторыми из своих наиболее близких советников, и они заверили его, что устранить такого могущественного субъекта законным путем будет невозможно. Герцог и его брат кардинал де Гиз были вызваны на заседание Совета. Едва они заняли свои места, как их попросили встретиться с королем в его личных апартаментах. Там Гиз был убит, а кардинал арестован и убит на следующий день. [226] Кардинал де Бурбон и молодой принц де Жуанвиль (ныне герцог де Гиз после смерти своего отца) были арестованы и заключены в тюрьму. Был отдан приказ арестовать герцогиню Немурскую (мать Гиза), герцога и герцогиню Эльбуфских, графа де Бриссака и других видных деятелей Лиги. Королевская гвардия ворвалась на заседания Генеральных штатов, чтобы выполнить эти приказы. Тела двух гизов были сожжены, а пепел выброшен в Луару.

Известие об убийстве вызвало в Париже самую дикую ярость. Лига провозгласила себя революционным обществом. Город организовался по своим секциям. Для каждой секции был назначен совет, чтобы укрепить руки “Шестнадцати”. Проповедники заставляли своих слушателей клясться, что они потратят последний фартинг в своих кошельках и последнюю каплю крови в своих телах, чтобы отомстить за убитых принцев. Сорбонна на торжественном конклаве объявила, что действия Генриха III. освободили его подданных от присяги. “Шестнадцать” изгнали из *парламента* всех подозреваемых лиц; и, подвергнувшись таким чисткам, *парламент* Парижа встал на сторону революции. Герцог Майенский, единственный оставшийся в живых брат Генриха де Гиза, был вызван в Париж. Собрание граждан столицы избрало *Генеральный совет Союза католиков* для управления государственными делами и проведения совещаний со всеми католическими городами и провинциями Франции. Депутаты, присланные этими городами и провинциями, должны были стать членами Совета. Герцог

Майенский был назначен Советом *генерал-лейтенантом государства и короны Франции*. У нового правительства была своя печать — *Печать Королевства Франции*. Больше число крупных городов Франции примкнуло к этому временному революционному правительству.

Посреди этих волнений умерла Екатерина Медичи (5 января 1589 г.).

§ 19. *Король находит убежище у гугенотов.*

Несчастному королю не оставалось ничего другого, как броситься на защиту протестантов. Сначала он колебался, опасаясь угрозы папского отлучения. Поведение Генриха Наваррского в эти тревожные месяцы было достойно восхищения. После заседания Генеральных штатов в Блуа он обратился к нации с волнующим призывом к миру — единственному, что было необходимо для обезумевшей и охваченной лихорадкой страны. Теперь он заверил короля в своей лояльности и пообещал, что никогда не откажет католикам в свободе совести и вероисповедания, на которую он претендовал. Был заключен мирный договор, и король Наварры отправился на встречу с Генрихом III. в Туре. Он прибыл как раз вовремя. Майенн во главе мстительной армии членов Лиги выступил в поход, как только в Париже было создано временное правительство. Он взял приступом предместье города и собирался атаковать сам город Тур, когда обнаружил протестантский авангард, охраняющий мост через Луару, и был вынужден отступить. Его медленно вытесняли обратно в Париж. Битва при Санлисе, в которой гораздо меньшие силы гугенотов разгромили герцога д'Омаля, получившего подкрепление от парижского ополчения, открыла путь на Париж. Король Наваррский продолжал настаивать. Город за городом был взят, и силы двух королей, увеличенные на четырнадцать тысяч швейцарцев и немцев, вскоре смогли захватить мост Сен-Клу и окружить столицу с юга и запада (29 июля 1589 года). Штурм был назначен на 2 августа.

После убийства Гизов Париж превратился в котел бурлящего возбуждения. Все население, *“стремящееся к совершенству среди великих людей”*, присутствовало на заупокойной службе по “Мученикам”, а посмертное крещение сына убитого герцога было гражданской церемонией. Булла “*monitory*” папы Сикста V., опубликованная в Риме 24 мая и направленная Генриху III. под страхом отлучения от церкви освободить заключенных прелатов в течение десяти дней и предстать лично или через доверенное лицо в течение шестидесяти дней перед Курией, чтобы ответить за убийство Князя Церкви, вызвало ажиотаж. Почти каждый день парижане видели процессии студентов, женщин, детей, дефилирующих по их улицам. Они маршировали от святилища к святилищу босиком, одетые только в рубашки, бросая вызов зимнему холоду. Прихожане вытаскивали своих священников из постелей, чтобы те возглавляли ночные процессии. Ненависть к Генриху III. переросла почти в безумие. Кордельеры обезглавили его портреты. Приходские священники изготавливали изображения короля из воска, устанавливали их на своих алтарях и практиковали на них магические заклинания в надежде причинить смертельный вред живому человеку. Группы детей несли зажженные свечи, которые они гасили под крики: *“Боже, уничтожь таким образом расу Валуа”*.

Среди наиболее возбужденных членов этой лихорадочной толпы был молодой монах-якобинец Жак Клеман, крестьянин по происхождению, скудоумный и с грубыми, вспыльчивыми манерами. Его волнение росло по мере того, как город подвергался опасностям. Он проконсультировался с теологом, которому доверял, и получил от него сдержанный ответ, что убийство тирана может быть законным. Он молился, постился, прошел курс мацерации тела. У него были видения. Он верил, что слышит голоса и что получил четкий приказ отдать свою

жизнь, чтобы убить Короля. Он поделился своей целью с друзьями, которые одобрили ее и помогли ему подготовиться. Он смог покинуть город, пройти через линии осаждающих и добиться личной аудиенции короля. Он предъявил письмо и, пока Генри читал его, нанес ему удар ножом в нижнюю часть тела. Когда дело было сделано, монах выпрямился во весь рост, вытянул руки, превратившись в распятие, и, не дрогнув, получил смертельный удар от Ла Гезля и других сопровождающих (1 августа 1589 г.). [227]

Король задержался до следующего утра, а затем скончался, объявив Генриха Наваррского своим законным преемником.

Известие об убийстве было воспринято в Париже с диким восторгом. Герцогиня де Немур, мать Гизов, и герцогиня де Монпансье, их сестра, ходили повсюду по улицам, описывая “героический поступок Жака Клемана”. Первый поднялся по ступеням Главного алтаря в церкви Кордельеров, чтобы возвестить эту весть народу. Горожане, высокие и низшие, вынесли свои столики на улицы и пили, пели, кричали и танцевали в честь этой новости. Они поклялись, что никогда не примут протестантского короля [228] и кардинал де Бурбон, все еще находившийся в плену, был провозглашен Карлом X.

С другой стороны, в Туре тот факт, что наследник престола был протестантом, поверг римско-католическую знать в состояние недоумения. Они не сочувствовали Лиге, но многие чувствовали, что не могут служить протестантскому королю. Они окружили нового короля, умоляя его немедленно отречься от своей веры. Генри отказался делать то, что унизило бы его самого, и это не могло быть воспринято как акт искренности. С другой стороны, дворяне Шампани, Пикардии и острова Франция прислали заверения в верности; герцог Монпансье, муж герцогини Лиги, пообещал свою поддержку; а швейцарские наемники заявили, что будут служить в течение двух месяцев без оплаты.

§ 20. Декларация Генриха IV. [229]

Ободренный таким образом, Генрих опубликовал свою знаменитую декларацию (4 августа 1589 г.). Он пообещал, что римско-католическая религия останется религией королевства и что он не будет предпринимать никаких нововведений. Он заявил, что готов ознакомиться с его принципами и что в течение шести месяцев, если это будет возможно, он созвет Национальный совет. Римские католики остались бы при своих правительствах и подопечных; протестанты сохранили бы крепости, которые в настоящее время находились в их руках; но все укрепленные места, когда они будут захвачены, были бы вверены римским католикам и никому другому. Эта декларация была подписана двумя принцами Крови, принцем Конти и герцогом Монпансье; тремя герцогами и пэрами Лонгвилем, Люксембург-Пайни и Роган-Монбазоном; двумя маршалами Франции, Бироном и д'Омоном; и несколькими высокопоставленными офицерами. Несмотря на это, отступничество было серьезным; все *парламенты*, кроме парламента Бордо, выступили против короля-еретика; все крупные города, кроме Тура, Бордо, Шалона, Лангра, Компьеня и Клермона, выступили за Лигу. Большая часть королевства была охвачена восстанием. Войска роялистов отступали. Думать о нападении на Париж было безнадежно, и Генрих IV двинулся в Нормандию с едва ли семью тысячами человек. Он хотел оказаться на морском побережье в надежде на помощь из Англии.

Герцог Майенский последовал за ним с тридцатитысячной армией. Он пообещал парижанам выбросить “бearnца” в море или привезти его в цепях в Париж, но поймать “бearnца” было не

так-то просто. В серии маршей, контрмаршей и стычек, известной как битва при Арке, преимущество было на стороне короля; и когда Майенн попытался взять Дьепп штурмом, он потерпел сокрушительное поражение (24 сентября 1589 г.). Затем последовали марши и контрмарши; король то угрожал Парижу, то отступал, пока, наконец, войска роялистов и Лиги не встретились в Иври. У короля было две тысячи кавалеристов и восемь тысяч пехотинцев, чтобы встретить восемь тысяч кавалерии и двенадцать тысяч пехоты (включая тысячу семьсот испанских солдат, посланных герцогом Пармским) под командованием Майенна. Битва завершилась неожиданной и решающей победой короля. Майенн и его кузен д'Омаль спаслись только благодаря скорости своих лошадей (14 марта 1590 г.).

Нет необходимости много говорить о войне или о замыслах сторон. Генрих окружил Париж и почти заставил его сдаться голодом, когда он был вновь захвачен армией, возглавляемой герцогом Пармским из Нидерландов. Генрих брал город за городом и постепенно изолировал столицу. В 1590 году (10 мая) умер старый кардинал Бурбон (Карл X.), и члены Лиги потеряли даже подобие законного короля. Наиболее фанатичные члены партии, представленные парижскими “Шестнадцатью”, предпочли бы отдать Францию под власть Испании, чем видеть короля-еретика. Герцог Майенский давно лелеял мечты о том, что корона может перейти к нему. Но огромная масса влиятельных людей Франции, которые еще не заявили о своей верности Генриху IV. (и многие из тех, кто это делал) испытывали почти равный страх перед испанским господством и правителем-еретиком.

§ 21. *Генрих IV. становится католиком.*

Генрих, наконец, решил принять римско-католическую религию как единственное средство установить мир в своем расстроеном королевстве. Он сообщил лоялистскому архиепископу Буржа о своем намерении пройти обучение римско-католической религии с целью обращения. Архиепископ смог объявить об этом на конференции в Сюре, и новость мгновенно распространилась по Франции. Со своим обычным тактом Генрих собственноручно написал нескольким приходским священникам Парижа, сообщив о своем намерении, и пригласил их встретиться с ним в Манте, чтобы дать ему наставления. По крайней мере, один из них был яростным игроком Лиги и был завоеван как восторженный лоялист.

Церемония принятия Генриха IV. в лоно Римско-католической церкви состоялась в Сен-Дени, примерно в четырех с половиной милях к северу от Парижа. Вся сцена напоминала какой-то популярный фестиваль. Древняя церковь, в которой на протяжении многих поколений были похоронены короли Франции, в которой Жанна д'Арк сложила руки, была украшена великолепными гобеленами, а улицы, ведущие к ней, увиты цветами. Толпы горожан прибыли из мятежного Парижа, чтобы пополнить толпу и кричать *Да здравствует король!* Генрих в сопровождении блестящей процессии дворян и стражи медленно направился к церкви. Духовенство во главе с архиепископом Буржским встретило его у дверей. Король спешил, преклонил колени, поклялся жить и умереть в католической апостольской и римской религии и отрекся от всех ересей, которые она осуждала. Архиепископ отпустил ему грехи, взял за руку и повел в церковь. Там, преклонив колени перед Высоким алтарем, король повторил свою клятву, исповедался и передал послание. Теперь у Франции был не только законный король, но и римско-католик. Даже если признать, что Генрих IV. сын Жанны д'Альбре не был человеком с глубокими религиозными чувствами, поэтому акт отречения, должно быть, был унижением для него. Он никогда не был человеком, который скрывал бы свое сердце, и в его хорошо известном

высказывании о том, что “Париж стоил Мессы”, было столько же горечи, сколько и веселья. Он побледнел от подавляемой страсти в Туре (1589), когда римско-католическая знать уговаривала его стать романистом. Если бы успех, сопутствовавший его оружию вплоть до битвы при Иври, не был сломлен, вполне вероятно, что церемония в Сен-Дени никогда бы не состоялась. Но вторжение Пармы во Францию, вынудившее короля снять осаду Парижа, положило начало трудностям, которые казались непреодолимыми. Разногласия партий внутри королевства и присутствие иностранцев на территории Франции (валлонцев, испанцев, неаполитанцев и савойцев) привели Францию на грань распада. Генрих верил, что есть только один способ положить конец междоусобице, и он принес свои убеждения в жертву патриотизму.

Со сменой религии Генрихом положение вещей изменилось как по мановению волшебной палочки. Лига, казалось, распалась. Заявления о верности посыпались со всех сторон, от знати, провинций и городов. Реймс все еще находился во владении Гизов, а помазание и коронация состоялись в Шартре (27 февраля 1594 г.). Проявления лояльности усилились.

Вечером того дня, когда Генрих был принят в Римско-католическую церковь в Сен-Дени, он безрассудно поднялся на вершину Монмартра и посмотрел вниз на Париж, который все еще находился в руках Лиги. Менялись и чувства парижан. Лига была полна разногласий; Майенн поссорился с “Шестнадцатью”, и сторонники этих фанатиков Лиги устраивали уличные драки с гражданами более умеренных взглядов. *Парламент* набрался смелости и осудил присутствие испанских солдат в столице. Лоялисты открыли путь королевским войскам, Генрих вступил в Париж (22 марта) и прошел маршем к Собору Парижской Богоматери, где духовенство пропело “*Te Deum*”. Из собора он поехал в Лувр по улицам, запруженным людьми, которые припадали к самым его стремянам, чтобы увидеть своего короля, и высокие дома эхом отдавались от их лоялистских криков. Такого королевского въезда не видели уже несколько поколений, и он застал всех врасплох. На следующий день иностранные войска покинули город. Король наблюдал за их отъездом из открытого окна в Лувре, и когда их вожди проходили мимо, он весело крикнул: “Мои поздравления вашему господину. Вам не нужно возвращаться”.

С возвращением Парижа к верности исчезли почти все признаки недовольства, а провозглашение королем амнистии за все прошлые восстания завершило завоевание его народа. Франция снова была объединена после тридцати лет гражданской войны.

§ 22. Нантский эдикт.

Объединение всех французов для принятия Генриха IV. поскольку их король не изменил правового положения протестантов. Законы против них все еще действовали; у них не было ничего, кроме слова короля, обещающего защиту, на что можно было положиться. Война с Испанией затянула дело, но когда был заключен мир, Генриху пришлось выполнить свои обещания своим бывшим товарищам. Они были недовольны этой задержкой. На Генеральной ассамблее, состоявшейся в Манте (октябрь 1593-январь 1594), члены обновили свою клятву жить и умереть верными своему исповеданию веры, и год за годом Генеральная ассамблея собиралась для обсуждения их политических недостатков, а также для ведения их церковных дел. Они разделили Францию на девять частей под руководством провинциальных синодов и представлялись людям того столетия королевством в королевстве. Они требовали равных гражданских прав со своими собратьями-католиками-подданными и гарантий их защиты. Наконец, в 1597 году были назначены четыре делегата, наделенных всеми полномочиями для

переговоров с королем. Результатом этих переговоров стал Нантский эдикт, Хартия французского протестантизма.

Этот знаменитый эдикт был составлен из девяноста пяти более общих статей, которые были подписаны 13 апреля, и из пятидесяти шести более частных статей, которые были подписаны 2 мая (1598). Были добавлены два *предписания*, датированные 13 и 30 апреля, касающиеся обращения с протестантскими священниками и предоставления протестантам опорных пунктов. Статьи были проверены и зарегистрированы *парламентами*; *бrevеты* гарантировались простым словом короля.

Нантский эдикт кодифицировал и расширил права, предоставленные протестантам Францией Эдиктом Пуатье (1577), Неракской конвенцией (1578), Флейским мирным договором (1580), Декларацией Сен-Клу (1589), Мантийским эдиктом (1591), Статьями Манта (1593) и Сен-Жерменским эдиктом (1594).

Это гарантировало полную свободу совести повсюду в пределах королевства, вплоть до того, что никто не должен был подвергаться каким-либо преследованиям или домогательствам из-за своей религии или принуждаться к чему-либо, противоречащему ее догматам; и это несло с собой право частного или тайного богослужения. Полное и бесплатное право на публичное богослужение было предоставлено во всех местах, в которых оно существовало в 1596 и 1597 годах, или где оно было предоставлено Эдиктом Пуатье, толкованным Неракской конвенцией и Флейским договором (около двухсот городов); и, кроме того, в двух местах в пределах каждого *бальяжа* и *сенешалья* в королевстве. Это также было разрешено в главных замках протестантских *сеньоров высшей юстиции* (около трех тысяч), независимо от того, проживал владелец или нет, и в других их замках, когда владелец находился в резиденции; дворянам, которые не были *высшими судебными органами*, при условии, что аудитория состояла не более чем из тридцати человек, помимо родственников семьи. Даже при Дворе высшие офицеры короны, знатные люди, все губернаторы, генерал-лейтенанты и капитаны гвардии имели свободу совершать богослужения в своих покоях при условии, что двери были закрыты и не было громкого пения псалмов, шума или открытых скандалов.

Протестантам были предоставлены полные гражданские права и защита, поступление во все университеты, школы и больницы, а также на все государственные должности. *Парламент* Парижа принял шестерых протестантских советников. А протестантским священникам было предоставлено освобождение от военной службы и тех сборов, которыми пользовалось католическое духовенство. В *парламентах* были созданы специальные палаты (*Chambres d'Édit*) для рассмотрения дел, в которых были заинтересованы протестанты. В *парламенте* Парижа эта Палата состояла из шести специально отобранных католиков и одного протестанта; в других *парламентах* Палаты состояли из равного количества романистов и протестантов (*ми-партий*). Протестантам разрешалось проводить свои церковные собрания — консистории, коллоквиумы и синоды, национальные и провинциальные; им даже разрешалось встречаться для обсуждения политических вопросов при условии, что они сначала получают разрешение короля.

Они по-прежнему полностью контролировали двести городов, включая Ла-Рошель, Монтобан и Монпелье, опорные пункты исключительной силы. Они должны были удерживать эти места до

1607 года, но это право было продлено еще на пять лет. Государство оплачивало расходы войск, стоявших гарнизонами в этих протестантских укрепленных пунктах; оно платило губернаторам, которые всегда были протестантами. Если вспомнить, что королевская армия в мирное время не превышала десяти тысяч человек и что гугеноты могли собрать двадцать пять тысяч солдат, то станет ясно, что Генрих IV. сделал все возможное, чтобы обеспечить гарантии от возвращения к царству нетерпимости.

Защищенная таким образом, гугенотская церковь Франции быстро заняла ведущее место среди протестантских церквей Европы. Богословские колледжи были основаны в Седане, Монтобана и Сомюре. Ученость и благочестие процветали, и французская теология всегда была противовесом узкой реформатской схоластике Швейцарии и Голландии.

ГЛАВА V.

РЕФОРМАЦИЯ В НИДЕРЛАНДАХ. [230]

§ 1. *Политическая ситуация.*

Только в 1581 году *Соединенные провинции* получили статус протестантской нации, несмотря на тот факт, что Нидерланды предоставили первых мучеников Реформации в лице Генри Воса и Джона Эша, монахов-августинцев, которые были сожжены в Антверпене (31 июля 1523 года).

“Когда их вели к столбу, они громким голосом кричали, что они христиане; и когда их привязали к столбу и разожгли костер, они повторили двенадцать статей Символа веры, а после этого гимн *Te Deum laudamus*, который каждый из них пел поочередно, стих за стихом, пока пламя не лишило их обоих голоса и жизни”. [231]

Таким образом, борьба за свободу вероисповедания, объединенная в последнее время с борьбой за национальную независимость от Испании, длилась почти шестьдесят лет.

Когда пожизненная дуэль между Карлом Смелым Бургундским и Людовиком XI Французским закончилась смертью первого на поле боя под стенами Нанси (4 января 1477 г.), Людовик смог присоединить к Франции большую часть разнородных владений герцогов Бургундских, а Мария Бургундская передала оставшуюся часть в качестве своей брачной доли (май 1477 г.) Максимилиану Австрийскому, будущему императору. Грубо говоря, не совсем точно, те части бургундских земель, которые были *вотчинами* Франции, отошли Людовику, в то время как Мария и Максимилиан сохранили те, которые были *вотчинами* Империи. Сын Максимилиана и Марии, Филипп Красивый, женился на Хуане (август 1496 г.), второй дочери и последней наследнице Изабеллы и Фердинанда Испанских, а их сыном был Карл V., император Германии (р. 24 февраля 1500 г.), который унаследовал Нидерланды от своего отца и Испанию от матери и, таким образом, соединил Нидерланды с Испанией. Филипп умер в 1506 году, оставив Карла, шестилетнего мальчика, правителем Нидерландов. Его тетя по отцовской линии, Маргарет, дочь императора Максимилиана, правила Нидерландами во время его несовершеннолетия и, из-за болезни Хуаны (болезнь, закончившаяся безумием), была матерью детей своего брата.

Регентство Маргариты закончилось в 1515 году, и более ранняя история Реформации в Нидерландах относится либо к периоду личного правления Карла, либо к периоду регентов, которых он назначил действовать от его имени.

Земля, дельта великих рек, способных выйти из берегов, или береговая линия, на которую постоянно вторгалось море, породила народ выносливый, энергичный и независимый. Борьба с природой укрепила их способности. Муниципальная жизнь пустила глубокие корни в почву Нидерландов, и их города могли соперничать с городами Италии в промышленности и интеллекте. Южные провинции были родиной Труверов. [232] Ян ван-Рейсбрук, самый проницательный из спекулятивных мистиков, был викарием церкви Святой Гудулы в Брюсселе. Его ученик, Джерард Гроот, основал общину мирян "Братья общего удела" с целью распространения христианского образования среди мирян; и школы и монастыри Братьев распространились по Нидерландам и центральной Германии. Томас а Кемпис, автор книги "*Подражание Христу*", прожил большую часть своей долгой девяностолетней жизни в небольшом монастыре в Зволле, на территории Утрехта. Люди, которых называли "Реформаторами до Реформации", Джон Пуппер из Гоха и Джон Вессел, оба принадлежали к Нидерландам. Искусство процветало там в пятнадцатом веке в лице Хьюберта, Яна ван Эйка и Ганса Мемлинга. Ораторские палаты (*Rederijkers*), начавшиеся, вероятно, с союзов для представления чудотворных пьес или нравоучений, стали братствами, мало чем отличающимися от обществ *мейстерзангеров* в Германии, и постепенно приобрели характер литературных объединений, которые распространяли среди людей не только культуру, но и привычки к независимому мышлению.

Интеллектуальная жизнь стала менее бурной в конце XV века; но Нидерланды, тем не менее, произвели на свет Александра Гегиуса, величайшего реформатора образования своего времени, и Эразма, принца гуманистов. Не могло угаснуть и влияние Ораторских палат, поскольку они оказали большое влияние на движение Реформации. [233]

Когда Карл принял на себя управление Нидерландами, он оказался во главе группы герцогств, светлостей, графств и муниципалитетов, которые мало походили на компактное княжество, и он приложил все усилия, как и другие князья его времени в такой же ситуации, чтобы придать им единство как политическое, так и территориальное. Он добился такого успеха, что смог передать своему сыну, Филиппу II Испанскому, почти полностью организованное государство. Разногласия, которые Карл в значительной степени преодолел, в какой-то степени вновь проявились в восстании против Филиппа и католицизма и, следовательно, в определенной степени касаются истории Реформации. Нет необходимости подробно рассказывать о том, как Карл сделал свое разрозненное нидерландское наследство территориально компактным. Фрисландия была обеспечена (1515); приобретение временного суверенитета над церковной провинцией Утрехт (1527) объединило Голландию с Фрисландией; Гроннинген и земли, управляемые этим беспокойным городом, перешли под власть Карла (1536); а смерть Карла Эгмонтского (1538), графа Гелдресского, завершила объединение северного и центрального округов. Неопределенное влияние, которое Франция сохраняла в некоторых южных частях страны, постепенно ослабевало. Карл потерпел неудачу на юго-востоке. Независимое княжество Лотарингия находилось между Люксембургом и Франш-Конте, и правительство Нидерландов не могло захватить его путем покупки, договора или завоевания. Одна и та же система права регулировала права и обязанности всего населения; и все провинции были объединены в одно княжество путем реорганизации Генеральных штатов, которые собирались

почти ежегодно и которые обладали реальной, хотя и смутно определенной властью регулировать налогообложение страны.

Но хотя политические и географические трудности можно было более или менее преодолеть, оставались и другие, от которых было не так легко избавиться. Один набор возник из-за того факта, что семнадцать провинций были разделены по расовому и языковому признаку. Голландцы на севере отличались по интересам и настроениям от фламандцев в центре; и те и другие имели мало общего с франкоговорящими провинциями на юге. Другое было связано с различающимися границами церковной и гражданской юрисдикций. Когда Карл начал править в 1515 году, единственной территориальной кафедрой был Аррас. Турне, Утрехт, и Камбре стали территориальными еще до отречения Карла. Но путаницу между гражданской и церковной юрисдикцией можно увидеть с первого взгляда, если вспомнить, что большая часть фризских земель подчинялась немецким епархиям Мюнстера, Миндена, Падерборна и Оснабрюка; и что не менее шести епископов, ни один из которых не принадлежал к Нидерландам, разделили церковное правление над Люксембургом. Предложения Карла о создании шести новых епископств, планы, неизменно срываемые Римской курией, были направлены на то, чтобы дать Нидерландам национальный епископат.

§ 2. Начало реформации.

Народ Нидерландов был необычайно подготовлен к великому религиозному возрождению шестнадцатого века благодаря работе *Братьев Общей судьбы* и их школ. Целью Джерарда Гроота, их основателя, а также Флоренция Радевинсзона, его великого помощника в области образования, было увидеть, “что корнем учебы и зеркалом жизни, в первую очередь, должно быть Евангелие Христа”. Их учеников учили читать Библию на латыни, и Братья публично оспаривали переводы Священных Писаний на вульгарные языки. Есть свидетельства того, что Вульгата была хорошо известна в Нидерландах в конце пятнадцатого века, а перевод Библии на голландский язык был опубликован в Делфте в 1477 году [234]. Небольшие трактаты против индульгенций, основанные, вероятно, на рассуждениях Пуппера и Весселя, были распространены еще до того, как Лютер прибил свои *Тезисы* к дверям церкви всех Святых в Виттенберге. Гендрик Зутфенский, настоятель августинского монастыря отшельников в Антверпене, был учеником Штаупица, сокурсника Лютера, и распространял евангелическое учение не только среди своего ордена, но и по всему городу. [235] Поэтому не стоит удивляться, что труды Лютера были широко распространены в Нидерландах и что между 1513 и 1531 годами появилось не менее двадцати пяти переводов Библии или Нового Завета на голландский, фламандский и французский языки.

Когда Алеандр был в Нидерландах, перед посещением Вормсской диеты он добился сожжения восьмидесяти лютеранских и других книг в Лувене; [236] и когда он вернулся десять месяцев спустя, у него были регулярные литературные *аутодафе*. По возвращении Карла с Вормсского сейма он обратился ко всем своим подданным в Нидерландах с воззванием против Лютера, его книг и его последователей, и Алеандр в полной мере использовал предоставленные им полномочия. Четыреста лютеранских книг были сожжены в Антверпене, триста из них были изъяты полицией на прилавках книготорговцев и сто переданы владельцами; триста были сожжены в Генте, “часть из них напечатана здесь, а часть в Германии”, - говорит легат; и он добавляет, что “многие из них были в очень хороших переплетах, а одна - в великолепном бархате”. Примерно месяц спустя он вынужден признаться, что эти сожжения не произвели

такого впечатления, как он надеялся, и что он желает, чтобы император “сжег заживо полдюжины лютеран и конфисковал их имущество”. Такое поведение заставило бы всех увидеть в нем действительно христианского принца, каким он и является. [237]

В следующем году (1522) Карл учредил инквизицию в семнадцати провинциях. Это был сугубо гражданский институт, и это, возможно, было связано с тем фактом, что между гражданской и церковной юрисдикциями в Нидерландах было мало соответствия; но не следует забывать, что короли Испании использовали Святую Канцелярию для подавления политической и местной оппозиции, а также что гражданские суды обычно были более энергичными и суровыми, чем церковные. Назначенный человек был недостоин какого-либо важного доверенного места. Фрэнсис ван де Хюльст, хотя и был советником принца в Брабанте, был человеком, обвиняемым одновременно в двоеженстве и убийстве, и был безнадежно лишен такта. Он яростно ссорился с Верховным двором Голландии, и регентша Маргарита Австрийская, которая возобновила свои функции, постоянно оказывалась скомпрометированной его постоянным пренебрежением местными привилегиями. По словам Эразма, он был “замечательным врагом учености”. Его коллега Николас ван Эгмонт, монах-кармелит, описан тем же ученым как “безумец с мечом в руке, который ненавидит меня больше, чем Лютера”. Эти двое мужчин дискредитировали инквизицию с самого ее начала. Эразм притворялся, что император не мог знать, что они делают.

Первой жертвой был Корнелиус Графеус, городской клерк Антверпена, поэт и гуманист, друг Эразма; и его преступление заключалось в том, что он опубликовал издание книги Джона Паппера из Гоха, озаглавленной *"Свобода христианской религии"*, со своим собственным предисловием. Несчастный был посажен на эшафот в Брюсселе, принужден отказаться от определенных положений, которые, как утверждалось, содержались в предисловии, и вынужден был бросить само предисловие в огонь, разведенный на эшафоте для этой цели. Он был уволен со своего поста, объявлен неспособным получить какую-либо другую работу, вынужден повторить свое отречение в Антверпене, заключен в тюрьму на два года и, наконец, сослан. [238]

Самыми ранними смертями были смерти Генри Воеса и Джона Эша, которые уже упоминались. Их настоятель, Хендрик из Зутфена, сбежал из темницы, в которой он был заключен. Лютер увековечил их в длинном гимне, озаглавленном *"Новая песнь о двух мучениках Христа, сожженных в Брюсселе лувенскими софистами"*:

“Der erst recht wol Johannes heyst,
So reych an Gottes hulden
Seyn Bruder Henrch nach dem geyst,
Eyn rechter Christ on schulden:
Vonn dysser welt gescheyden synd,
Sye hand die kron erworben,
Recht wie die frumen gottes kind
Fur seyn wort synd gestorben,
Sein Marter synd sye worden.” [239]

Карл издавал прокламацию за прокламацией, каждая со все возрастающей суровостью. Было запрещено печатать какие-либо книги, если они не были предварительно проверены и

одобрены цензурой (1 апреля 1524 г.). “Все открытые и тайные собрания с целью чтения и проповеди Евангелия, Посланий Святого Павла и других духовных писаний” были запрещены (сентябрь. 25-е, 1525), а также для обсуждения Святой Веры, Таинств, Власти папы и Соборов “в частных домах и за трапезами”. Это повторилось 14 марта 1526 года, а 17 июля был издан длинный указ, который, как говорят, был тщательно разработан самим императором, запрещающий все собрания для чтения или проповеди о Евангелии или других священных писаниях на латыни, фламандском или валлонском. В преамбуле говорится, что невежественные люди начали толковать Священное Писание, что даже обычное и светское духовенство осмелилось проповедовать “ошибки и зловещие доктрины Лютера и его приверженцев”, и что в стране растет число ересей. Затем последовали эдикты против нелицензионных книг и против монахов, покинувших свои монастыри (28 января 1528 г.); против владения лютеранскими книгами, предписывающие выдавать их под страхом смерти (14 октября 1529 г.); против печатания нелицензионных книг — наказаниями являются публичная порка на эшафоте, клеймение раскаленным железом или потеря глаза или руки, на усмотрение судьи (7 декабря 1530 г.); против еретиков, “которых стало больше, чем когда-либо”, против определенных книги, список которых приводится длинный, и против определенных гимнов, которые усиливают рвение еретиков (22 сентября 1540 г.); против печатания и распространения нелицензионных книг на итальянском, испанском или английском языках (18 декабря 1544 г.); предупреждение всех школьных учителей об использовании нелицензионных книг в их школах и предоставление списка только тех, которые разрешены (31 июля 1546 г.). За эдиктом 1546 года последовал длинный список запрещенных книг, среди которых одиннадцать изданий Вульгаты, напечатанных протестантскими фирмами, шесть изданий Библии и три Нового Завета на голландском языке, два издания Библии на французском и многие другие. Наконец, эдикт от 29 апреля 1550 года подтвердил все предыдущие эдикты против ереси и ее распространения и намекнул, что инквизиторы будут действовать против еретиков, “несмотря на любые противоположные привилегии, которые отменяются этим эдиктом”. Это была явная угроза установления ужасной испанской инквизиции в Нидерландах, и это вызвало такие протесты, что эдикт дважды изменялся (сентябрь. 25 ноября, 5 ноября), прежде чем это было окончательно признано законным в семнадцати провинциях.

Все эти указы были направлены против лютеранского или родственного ему учения. Они не имели ничего общего с анабаптистским движением, которое выдвинуло особый набор указов. Кажется, вопреки всем доказательствам можно утверждать, что преследование лютеран почти прекратилось в последние годы правления Карла в Нидерландах, и Филипп II мог почти с абсолютной правдой заявить, что его эдикты были всего лишь переизданы его отцом.

Постоянное повторение и возрастающая суровость эдиктов показали не только то, что преследования не препятствовали распространению реформированной веры, но и то, что сами эдикты было трудно исполнять. Что бы сделал Чарльз, если бы мог сам управлять страной, сказать невозможно. С годами он становился жестче и нетерпимее к разногласиям в вопросах доктрины, и, как говорят, в последние дни своей жизни пожалел о том, что позволил Лютеру покинуть Вормс живым; и он мог бы поступить с протестантами семнадцати провинций так, как впоследствии поступил его сын. Его тетя, Маргарита Австрийская, которая была регентшей до 1530 года, не имела желания доводить дело до крайности; а его сестра Мария, правившая с 1530 года до отречения Карла в 1555 году, в молодости подозревалась в том, что сама была лютераниной. Она никогда открыто не присоединялась к лютеранской церкви, как это сделала ее сестра, королева Дании, но она призналась в своих симпатиях Карлу и назвала их причиной

нежелания брать на себя регентство в Нидерландах. Таким образом, можно предположить, что суровые указы не были исполнены с чрезмерной строгостью ни Маргаритой Австрийской, ни овдовевшей королевой Венгрии. Есть также свидетельства того, что эти прокламации, осуждающие несчастных протестантов Нидерландов и угрожающие им, не были восприняты с особой благосклонностью широкими слоями населения. Официальные лица действовали медлительно, известно, что мировые судьи предупреждали подозреваемых лиц о побеге до того, как полиция приезжала их арестовывать; даже предоставляли им возможности для побега после вынесения приговора. Пассивное сопротивление со стороны низших властей часто вставало между императором и исполнением его кровавых прокламаций. Тем не менее, число протестантских мучеников было велико, и женщины, как и мужчины, скорее подвергались пыткам и смерти, чем отрекались от своей веры.

Эдикты против религиозных обрядов не отпугнули ни проповедников, ни аудиторию. Самыми ранними миссионерами были священники и монахи, которые убедились в ошибочности католицизма. Позже проповедники проходили подготовку в южногерманских городах и в Женеве, этом рассаднике дерзких агентов реформированной пропаганды. Но если не хватало квалифицированных учителей, члены общины занимали их место, рискуя своей жизнью. Брандт рассказывает, как много людей привыкли собираться на службу на верфи корабелов в Антверпене, чтобы послушать монаха, который был “провозглашен”:

“Учитель, по той или иной случайности, не смог появиться, и один из собравшихся по имени Николас, человек, хорошо разбирающийся в Священном Писании, счел позором, что такое собрание, жаждущее пищи Слова, должно уйти без небольшой духовной пищи; а потому, взобравшись на мачту корабля, он учил людей в соответствии со своими способностями; и по этой причине, а также ради награды, назначенной проповеднику, он был схвачен двумя мясниками и передан магистратам, которые приказали засунуть его в мешок и бросить в реку”. , где он утонул”. [240]

§ 3. Анабаптисты.

Однако самые суровые преследования до правления Филиппа II были зарезервированы для тех людей, которых называют анабаптистами. [241] Мы находим несколько указов, направленных исключительно против них. В феврале 1532 года было запрещено укрывать анабаптистов, и информаторам была предложена цена в 12 гульденов. Позже в том же году был опубликован эдикт, в котором говорилось, “что все, кто был перекрещен, раскаялся в своей вине и, в знак своего раскаяния, пошел на исповедь, будут допущены к помилованию только на это время, при условии, что они принесут свидетельство от своего духовника в течение двадцати четырех дней с даты указа; с теми, кто продолжал упорствовать, следует обращаться со всей строгостью законов” (февраль 1533 г.). Анабаптистам, отрекшимся от престола, было приказано оставаться вблизи своих жилищ в течение года, “за исключением тех, кто занимался промыслом сельди” (июнь 1534 г.). В 1535 году был опубликован самый суровый эдикт против секты. Все, кто “соблазнил или извратил кого-либо в эту секту или перекрещивал их”, должны были быть преданы смерти на костре; все, кто позволил себя перекрещивать или кто укрывал анабаптистов и кто отрекся, должны были удостоиться смертной казни от меча; женщины должны были “только быть похоронены заживо”. [242]

Чтобы с пониманием отнестись к тому многообразному движению, которое в шестнадцатом веке называлось *анабаптизмом*, необходимо помнить, что оно не было создано Реформацией, хотя, безусловно, получило импульс от вдохновения той эпохи. Его корни можно проследить на протяжении нескольких столетий, и его родословная имеет по крайней мере два ствола, которые по существу различны и лишь изредка объединялись. Одна из них - преемственность *Братьев*, средневековой антиклерикальной организации христиан, история которой записана только в записях инквизиторов средневековой Церкви, где они фигурируют под разными именами, но повсеместно утверждается, что они ценят Священное Писание и принимают Апостольский символ веры. [243] Другая заключалась в непрерывных восстаниях бедняков — крестьян в сельских округах и низших классов в городах — против богатых, которые были характерной чертой позднего средневековья. [244]

Что касается Нидерландов, то эти массовые вспышки были гораздо более частыми среди городского населения, чем в сельских округах. Городской патрициат обычно контролировал магистратуру; но когда возникали вопиющие случаи притеснения, все судебные, финансовые и другие функции правительства, несомненно, выбивались из их рук во время вспышки народного гнева. Это было настолько верно, что реальными обладателями власти в городах Нидерландов в первой половине XVI века были ремесленники, сильные в своих торговых организациях. Они давно знали о своей силе и привыкли проявлять ее. В их жилах текла кровь беспокойных предков — людей, которые могли какое-то время терпеть, но которые, будучи разбужены серьезным гнетом, привыкли защищаться и наносить удар за ударом. Вполне естественно обнаружить среди ремесленников фламандских и голландских городов любопытную смесь возвышенного самопожертвования во имя того, что они считали истиной, мистической экзальтации мученика, время от времени выливающейся в истерические действия, и привычки защищаться практически при любых обстоятельствах.

Насколько известно, самыми ранними мучениками-анабаптистами были Ян Вален и двое других, принадлежавших к Ватерландту. Они были убиты особо жестоким способом в Гааге в 1527 году. Вместо того, чтобы быть сожженными заживо, их приковали цепями к столбу на некотором расстоянии от огромного костра и медленно поджаривали до смерти. Это ужасное наказание, по-видимому, было предназначено для мучеников-анабаптистов. Оно повторилось в Харлеме в 1532 году, когда утонула женщина, а ее муж и еще двое были зажарены заживо. Примерно в 1530 году Ян Фолькерц основал анабаптистскую конгрегацию в Амстердаме, которая стала настолько многочисленной, что привлекла внимание властей. Главе городской полиции (*Шаут*) было приказано задержать их. Фолькерц сдался добровольно. Большая часть обвиняемых получила своевременное предупреждение от жены шаута. Девятерых забрали ночью в их постелях. Они вместе со своим пастором были доставлены в Гаагу и обезглавлены по прямому приказу императора. Он также приказал отправить их головы в Амстердам, где их насадили на шесты по кругу, причем голова Фолькерца находилась в центре. Это жуткое зрелище было размещено так, что его можно было видеть с кораблей, входящих в гавань и выходящих из нее. Все эти мученики и многие другие, смерть которых должным образом зафиксирована, были последователями Мельхиора Хоффмана. Взгляды Хоффмана были взглядами “Братьев” позднего Средневековья, *Старых евангелистов*, как их называли. В документе с указаниями, отправленном в Эмден для оказания помощи в организации там анабаптистской общины, он говорит:

“Божья община не знает другого главы, кроме Христа. Другого нельзя терпеть, ибо это братство и сестринство. У учителей нет никого, кто управлял бы ими духовно, кроме Христа. Учителя и служители - не господа. У пасторов нет никакой власти, кроме как проповедовать Слово Божье и наказывать за грехи. Епископ должен быть избран из своей общины. Там, где таким образом был взят пастор и руководство поручено ему и его дьякону, община должна должным образом обеспечивать тех, кто помогает строить дом Господень. Когда учителя найдены таким образом, можно не опасаться, что общины будут испытывать духовный голод. Настоящий проповедник охотно стал бы наблюдать, как пророчествует вся община”.

Но преследование, с его особыми зверствами, действовало на анабаптистов Нидерландов своим обычным образом. Их пытали на дыбе, бичевали, сажали в темницы, поджаривали до смерти на медленном огне, и они видели, как их женщин топили, хоронили заживо, запихивали в гробы, слишком маленькие для их тел, пока у них не ломались ребра, а других топтали ногами палачи. Следует ли удивляться тому, что те, кто стоял твердо, иногда впадали в истерические крайности; что их лидеры начинали проповедовать иное вероучение, чем вера в пассивное сопротивление; что о диких апокалиптических видениях сообщали и в них верили?

Мельхиор Хоффман был заключен в Страсбургскую тюрьму в 1533 году, и в Нидерландах появился новый лидер — Ян Маттис, пекарь из Харлема. Под его руководством в голландских городах велась энергичная пропаганда, и были обращены сотни новообращенных. Сто человек были крещены за один день в феврале (1534 г.); до конца марта сообщалось, что две трети населения Монникендама были анабаптистами; аналогичное положение дел существовало во многих крупных голландских городах. Девентер, Зволле и Кампен были почти полностью анабаптистами. Правительство приложило огромные усилия, чтобы подавить движение. Отряды солдат были разделены на группы по пятнадцать-двадцать человек и патрулировали окрестности городов, совершая ночные визиты и заключая мужчин и женщин в тюрьму до тех пор, пока подземелья не были переполнены захваченными анабаптистами.

Преследуемые предпринимали попытки уехать из страны в какое-нибудь более гостеприимное место, где они могли бы спокойно поклоняться Богу так, как подсказывала им их совесть. Восточная Фрисландия когда-то была убежищем, но больше им не была. Мюнстер предложил убежище. Были зафрахтованы корабли — их было тридцать, — и преследуемые люди предложили обогнуть север Фрисландии, высадиться в устье Эмса и добраться до Мюнстера по суше. [245] Корабли императора перехватили маленький флот, потопили пять судов со всеми эмигрантами на борту и вынудили остальных вернуться. Лидеры, обнаруженные на борту, были обезглавлены, и их головы были насажены на шесты, чтобы предупредить других. Сотни жителей провинций Гелдерланд и Голландия попытались совершить путешествие по суше. Они сложили свою убогую мебель и узлы с одеждой на повозки; некоторые ехали верхом, большинство тащились пешком, женщины и дети, будем надеяться, время от времени ездили верхом на повозках. На их перехват были посланы солдаты. Лидеры были обезглавлены, мужчины в основном заключены в тюрьмы, а женщин и детей отправили обратно в их города и деревни.

Затем, и только после того, как они исчерпали все методы пассивного сопротивления, анабаптисты начали наносить ответные удары. Они хотели захватить город, в котором уже

проживало большое количество анабаптистов, и использовать его как город-убежище. Их первой целью был Девентер, полный сочувствующих. Заговор провалился, и сын бургомистра Виллем, один из заговорщиков, был схвачен и вместе с двумя товарищами обезглавлен на рыночной площади (25 декабря 1534 г.). Их следующее покушение было совершено на Лейден. Это называлось заговором с целью сжечь город. Магистраты узнали об этом и, приказав остановить большие городские часы, привели заговорщиков в замешательство. Пятнадцать мужчин и пять женщин были схвачены; мужчины были обезглавлены, а женщины утонули (январь 1535 г.). В следующем месяце (28 февраля 1535 г.) Ян ван Гелен, возглавлявший отряд из трехсот беженцев через Фрисландию, был настигнут несколькими отрядами солдат. Маленький отряд окопался, храбро сражался несколько дней, пока почти все не были убиты. Почти все выжившие были схвачены и преданы смерти, мужчины - от меча, а женщины - утоплены. В результате атаки пало сто солдат. Несколько месяцев спустя (май 1535 г.) была предпринята попытка захватить Амстердам. Его возглавлял ван Гелен, единственный выживший в перестрелке во Фрисландии. Он и его товарищи смогли овладеть городским домом и удерживали его против городских войск до тех пор, пока не были доставлены пушки, чтобы разрушить их оборону.

В начале того же года произошел инцидент, который показывает, как под давлением преследований некоторыми из этих бедных людей овладела истерическая экзальтация. Об этом сообщают по-разному. По словам Брандта, семеро мужчин и пять женщин, сбросив с себя одежду, в знак того, по их словам, что они говорят чистую правду, пробежали по улицам Амстердама, крича *Горе! Горе! Горе! Гнев Божий!* Они были схвачены и убиты обычным способом. Женщина, в доме которой они встретились, была повешена на собственной двери.

Восстания послужили предлогом для еще более жестоких преследований. На анабаптистов охотились, пытали и убивали без каких-либо попыток властей провести различие между теми, кто участвовал, и теми, кто не участвовал ни в одной попытке восстания. Утверждается, что более тридцати тысяч человек были казнены в Нидерландах во время правления Карла V. Многие из жертв не имели никакого отношения к анабаптизму вообще; они были тихими последователями Лютера или Кальвина. Власти проводили различие между ними в их прокламациях, но не в преследовании.

§ 4. Филипп Испанский и Нидерландский.

Как долго Нидерланды выдержали бы постоянную утечку денег и суровые преследования, которым подвергла их внешняя и религиозная политика Карла, сказать невозможно. Жители страны были сильно привязаны к нему, как и он к ним. Он родился и вырос с детства до зрелого возраста среди них. Их языки, французский и фламандский, были единственной речью, которую он когда-либо мог использовать с легкостью. Он был правителем Нидерландов до того, как стал королем Испании, и задолго до того, как был призван занять императорский трон. Когда он решил осуществить свой давно продуманный план отречения от престола в пользу своего сына Филиппа, он приехал именно в Нидерланды. Их знать и народ наблюдали за этой сценой с едва ли меньшим волнением, чем то, которое проявилось в сбивчивой речи императора.

Церемония состоялась в большом зале дворца в Брюсселе (25 октября 1555 г.) в присутствии делегатов семнадцати провинций. Мария, овдовевшая королева Венгрии, правившая страной двадцать пять лет, стала свидетельницей сцены, которая должна была положить конец ее правлению. Филипп, которому предстояло разрушить работу по объединению, терпеливо спланированную и осуществленную его отцом и тетей, присутствовал, оторванный от своего нетипичного занятия поеданием ростбифа и английским элем, чтобы умиротворить своих новых подданных по ту сторону Ла-Манша, и от неловких ласковых обращений своей престарелой супруги. Император, состаренный скорее тяжелым трудом, чем годами, вошел в Зал, тяжело опираясь на своего любимого пажа и верного советника, юного Вильгельма, принца Оранского, которому предстояло стать лидером восстания против правления Филиппа и создать новое протестантское государство Соединенные провинции.

Новому лорду Нидерландов было тогда двадцать восемь. Внешне он был немцем, как и его отец, но по речи напоминал испанца. У него не было внешней добродушности своего отца, и он никогда не мог опуститься до того, чтобы склонять людей на свою сторону. Но Филипп II. был гораздо больше похож на Карла V, чем многие историки, похоже, готовы признать. У обоих было одинаковое неторопливое, терпеливое усердие — но у сына оно было медленнее; то же циничное недоверие ко всем людям; та же вера в божественное избрание главы Дома Габсбургов для руководства всеми делами в государстве и Церкви, независимо от пап или королей — только у сына это выражалось в своего рода мрачной мистической уверенности; та же черствость к человеческим страданиям и та же полная неспособность осознать силу сильных религиозных убеждений. Филипп был неполноценной копией своего отца, продолжателем идей своего отца, проводил ту же политику, использовал те же методы, но ему мешал тот факт, что он не был создателем, а унаследовал и то, и другое, а вместе с ними и неприятности, сопровождавшие их.

Филипп II провел первые четыре года своего правления в Нидерландах, и за этот короткий период личного правления его политика породила все более важные источники недовольства, которые закончились восстанием. Тем не менее, его политика была такой же, и его методы не отличались от методов его отца. По крайней мере, в одном отношении Чарльз никогда не щадил Нидерланды. Этой стране пришлось заплатить, как не требовалось ни от какой другой части его обширных владений, цену за его внешнюю политику, и Карл выжал из своего народа неслыханные суммы.

Когда Филипп созвал Генеральные штаты (12 марта 1556 г.) и попросил у них очень крупную субсидию (1 300 000 ф. ст.), он всего лишь последовал примеру своего отца и в тот раз искал деньги для ликвидации дефицита, который завещал его отец. Было ли это из-за того, что народ Нидерландов решил положить конец практике заставлять их платить за внешнюю политику, которая до сих пор их мало касалась, или это было потому, что они не могли выносить молодого испанца, который не мог говорить с ними на их родном языке? Получил бы Чарльз такой же отказ, как и Филипп? Кто может сказать?

Когда Филипп получил Буллу от папы Павла IV. что касается создания территориального епископата в Нидерландах, он всего лишь проводил политику, которую его отец наметил еще в 1522 году, и которая, если бы не короткий понтификат Адриана VI. несомненно, был бы казнен в 1524 году без какого-либо народного сопротивления. План Карла предусматривал шесть епископств, Филиппа - четырнадцать; это было единственное отличие; и с церковной точки

зрения план Филиппа, вероятно, был лучше. Почему же тогда такое ожесточенное сопротивление переменам в 1557 году? Большинство историков, похоже, думают, что, если бы правил Карл, было бы мало ропота. Это так определено? Люди боялись института епископства, потому что они боялись и ненавидели инквизицию, которая отменяла их местные законы, права и привилегии; и Карлу пришлось изменить свой “Плакат” 1549 года против ереси, потому что города и округа так громко протестовали против этого. В течение этих первых лет Филипп не вносил никаких изменений в воззвания своего отца против ереси. Он удовлетворился переизданием “Плаката” 1549 года в том виде, в каком он был изменен в 1550 году после народных протестов. Личность Филиппа, без сомнения, была неужодна его подданным в Нидерландах, но нельзя с уверенностью утверждать, что, если бы Карл продолжал править, не было бы повсеместного восстания против его финансовой, церковной и религиозной политики. Регентша Мария находила свою задачу правления все более и более трудной. За несколько недель до отречения, когда император пожелал, чтобы его сестра продолжила регентство, она написала ему:

“Я не мог бы жить среди этих людей даже как частное лицо, потому что было бы невозможно выполнить свой долг по отношению к Богу и моему Принцу. Что касается управления ими, я беру Бога в свидетели, что эта задача настолько отвратительна для меня, что я предпочел бы зарабатывать себе на хлеб насущный трудом, чем пытаться ее выполнять ”.

В 1559 году (26 августа) Филипп покинул Нидерланды, чтобы никогда не вернуться. Он избрал регентшей Маргариту Пармскую, свою сводную сестру, незаконнорожденную дочь Карла V. Маргарет родилась и выросла в этой стране; она знала местный язык и так долго жила вдали от своей родины, что не была лично привержена какой-либо политике и не была знакома с лидерами ни одной из партий.

Номинально обширная власть регента на самом деле была ограничена секретными инструкциями. [246] Ей было приказано привести в исполнение эдикты против ереси без каких-либо изменений; и ей было приказано подчиниться совету, данному ей тремя Советами, приказ, который поставил ее под надзор трех человек, выбранных Филиппом в качестве президентов этих Советов. Государственный совет был самым важным, и на него было возложено руководство всей внешней и внутренней администрацией страны. В его состав входили епископ Аррасский (Антуан Перроне де Гранвель, впоследствии кардинал де Гранвель); [247] барон де Барлаймон, который был президентом Финансового совета; Вигилиус ван Эйтта, ученый юрист из Фрисландии, “маленький юркий человечек с длинными желтыми волосами, блестящими зелеными глазами, толстый круглый розовые щеки и ниспадающая борода”, который был президентом Тайного совета и контролировал отправление закона и правосудия; и двое нидерландских дворян, Ламорал, граф Эгмонтский и принц Гаврский, и Вильгельм, принц Оранский. С двумя дворянами редко советовались или даже приглашали присутствовать. Три президента были *Консульты*, или тайным органом доверенных советников, навязанным Филиппом своему регенту, без совета которого ничего нельзя было предпринимать. Из этих троих епископ Аррасский (кардинал де Гранвель) был самым важным, и правительство было практически передано в его руки его хозяином. За *Консульты* стоял Филипп II. он сам, который в своем кабинете в мадридском “Эскуриале” отдавал свои приказы, подавляя всякую тенденцию относиться к людям с умеренностью и гуманностью, отбрасывая все намеки на разумную терпимость и настаивая на том, чтобы его собственная хладнокровная политика

проводилась в жизнь в самых предосудительных деталях. Только после публикации государственных бумаг и переписки де Гранвеля стало известно, насколько неверно история судила о епископе Аррасском, как он безуспешно протестовал перед своим господином, как был вынужден привести в исполнение кровавую политику репрессий, которая была противна ему самому, и как Филипп вынудил его нести ответственность за свои собственные проступки. Переписка также раскрывает любопытно подробную информацию, которую Филипп, должно быть, получил частным образом, поскольку он смог отправить регенту и епископу имена, возраст, внешность, занятия, место жительства ряда неизвестных людей, которых он приказал казнить за их религиозные убеждения. [248] Никакие строгие преследования, казалось, не могли предотвратить распространение Реформации. [249]

Правительство — Маргарет и ее *консультанта* — нанесли тяжкое оскорбление не только народу, но и знати Нидерландов. Знать считала, что к их заслугам и должностям относятся как к вещам, не имеющим значения, и люди с тревогой наблюдали, что местные хартии и земельные привилегии — хартии и права, которые Филипп при своей коронации поклялся соблюдать, — были полностью проигнорированы. Постепенно все классы населения объединились в молчаливом противостоянии. Принц Оранский и граф Эгмонт почти незаметно стали лидерами.

Они были недовольны своим положением в Государственном совете; они не имели реального участия в бизнесе; переписка им не передавалась, и они знали такие подробности только в том виде, в каком Гранвель пожелал сообщить им. Их первым открытым действием было сложить полномочия, которые они занимали в испанских войсках, дислоцированных в стране; вторым — написать королю с просьбой освободить их от должности в Государственном совете, сообщив ему, что вопросы большой важности постоянно решаются без их ведома или согласия, и что в сложившихся обстоятельствах они не могут добросовестно продолжать выполнять свои служебные обязанности. [250]

Оппозиция заняла свою позицию по трем вопросам, которые все взаимосвязаны — присутствие испанских войск на территории Нидерландов, жестокость, проявленная при уничтожении *плакатов* против ереси, и учреждение новых епископств в соответствии с Буллой папы Павла IV, подтвержденной Пием IV в 1560 году (январь). Общим поводом для противостояния всем трем мерам было вторжение в уставы и привилегии различных провинций, которые эти меры неизбежно затрагивали, и, как следствие, нарушение коронационной присяги короля.

Филипп торжественно пообещал вывести испанские войска в течение трех-четырех месяцев после того, как покинет страну. Они оставались там четырнадцать лет, и вся страна возмущалась грабежом, который сопровождал их присутствие. Народ Зеландии заявил, что они предпочли бы видеть, как океан затопляет их страну, что они предпочли бы погибнуть, мужчины, женщины и дети, в волнах, чем дольше терпеть бесчинства, которым подвергли их эти наемники. Они отказались ремонтировать дамбы. Вильгельм Оранский с самого начала расценил присутствие этих войск как унижение своей страны. [251] На Генеральных штатах, состоявшихся накануне отъезда Филиппа, он призвал Ассамблею сделать вывод войск условием предоставления субсидий и, как следствие, вызвал гнев Филиппа. Теперь он озвучил крик всей страны. Оно было настолько сильным, что Гранвель неоднократно посылал королю настоятельные просьбы санкционировать их высылку; и, наконец, он и регент, не дожидаясь приказов, отправили войска в Мадрид.

Строгое подавление ереси вынудило правительство отменить хартии нескольких провинций. Многие из этих хартий содержали очень строгие положения, и король поклялся соблюдать их. Конституция Брабанта, известная как *joyeuse entrée* (блайд инкомст), предусматривала, что духовенству не следует наделять необычными полномочиями; и что ни один подданный, ни даже иностранный резидент, не мог быть привлечен к гражданскому или уголовному преследованию, кроме как в обычных судах страны, где он мог отвечать и защищать себя с помощью адвокатов. Голландская хартия содержала аналогичные положения. В обеих хартиях говорилось, что если принц нарушал эти положения, подданные освобождались от присяги. Инквизиционные суды нарушали хартии этих и других провинций. Большое возражение было высказано против увеличения епископата в соответствии с положениями Булл Павла IV. и Пия IV., заключалось в том, что это влекло за собой еще большее нарушение закрепленных в хартиях прав на землю. Например, Буллы предусматривали, что епископы должны были назначить девять каноников, которые должны были помогать им во всех делах инквизиции, при этом по крайней мере один из них должен был быть инквизитором, обвиняемым в выявлении ереси и наказании за нее. Очевидно, в этом было их большое очарование для Филиппа II. Он желал иметь инструмент для искоренения еретиков. Он знал, что Реформация добивается больших успехов в Нидерландах, особенно в крупных торговых городах. “Я бы скорее потерял все свои Состояния и сотню жизней, если бы они у меня были, - писал он папе Римскому, - чем был повелителем еретиков”.

Оппозиция сначала удовлетворилась протестом против положения и правления Гранвеля и требованием его отзыва. Филипп неохотно принял решение уволить своего министра и сделал это с большей, чем обычно, двуличностью. Дворяне вернулись на Совет, и регент сделал вид, что последовал их совету. Но вскоре они обнаружили, что отзыв несносного министра не внес никаких изменений в политику Филиппа.

Регент зачитал им письмо Филиппа с приказом опубликовать и привести в исполнение Постановления Тридентского собора в Нидерландах. [252] Дворяне яростно протестовали на том основании, что это означало бы еще большее посягательство на привилегии провинций. После долгих обсуждений было решено отправить графа Эгмонта в Мадрид, чтобы изложить королю мнение Совета. Дебаты были возобновлены по поводу инструкций, которые должны быть даны делегату. Те, которые предложил президент Вигилиус, были бесцветными. Затем высказался Вильгельм Молчаливый. Его речь, длинная, полная сдерживаемого страстного сочувствия к преследуемым соотечественникам, произвела необычайное впечатление. Брандт так резюмирует ее:

Что они должны свободно высказывать свое мнение; что во всех соседних странах были такие волнения и революции из-за религии, что было невозможно поддерживать нынешний режим и думать о подавлении беспорядков с помощью *плакатов*, инквизиции и епископов; что король ошибся, если предложил сохранить Постановления Тридентского собора в этих провинциях, которые лежат так близко к Германии, где все князья, как католики, так и протестанты, справедливо отвергли их; что было бы лучше, если бы Его Величество терпел эти вещи, как другие. Князья были обязаны исполнять, отменять или иным образом смягчать наказания, провозглашенные на *Плакатах*; что, хотя он сам решил придерживаться католической религии, все же он не мог одобрить, чтобы князья стремились к господству над душами людей или лишали их свободы веры. [253]

Инструкции, данные Эгмонту, были соответственно полными и ясными.

Граф Эгмонт неторопливо отбыл в Мадрид, был хорошо принят Филиппом и уехал в полном заблуждении, возможно, самообмане, относительно намерений короля. У него было неприятное пробуждение, когда запечатанное письмо, которое он нес с собой, было вскрыто и зачитано на Совете. В нем не сообщалось о реальных изменениях в политике, а в вопросе ереси было показано, что решимость короля осталась неизменной. Депеша регенту (5 ноября 1565 г.) была еще более непреклонной. Филипп не хотел расширять полномочия Совета в Нидерландах; он категорически отказался созывать Генеральные штаты; и он приказал немедленно опубликовать и привести в исполнение Постановления Совета Трента в каждом городе и деревне семнадцати провинций. Верный политике своего дома, декреты Трента должны были провозглашаться от *его* имени, а не от имени папы римского. Это было началом трагедии, как заметил Вильгельм Оранский.

Действие приказа было незамедлительным и вызывающим тревогу. Суды Голландии и Брабанта утверждали, что Указы нарушают их уставы, и отказались разрешить их публикацию. Штатгальтеры и магистраты заявили, что они скорее сложат свои полномочия, чем приведут в исполнение указы, которые вынудят их сжечь более шестидесяти тысяч своих соотечественников. Торговля прекратилась; промышленность вымерла; на землю обрушилась эпидемия. Распространялись и жадно читались брошюры, полные страстных призывов к народу положить конец тирании. В одном из них, принявшем форму письма королю, говорилось:

“Мы готовы умереть за Евангелие, но мы читаем в нем: ‘Воздайте кесарю то, что принадлежит Кесарю, а Богу то, что принадлежит Богу’. Мы благодарим Бога за то, что даже наши враги вынуждены свидетельствовать о нашем благочестии и невинности, ибо общеизвестно: ‘Он не клянется, потому что он протестант. Он не безнравственный человек и не пьяница, поскольку принадлежит к “новой секте”; и все же мы подвергаемся всем видам наказаний, которые только можно придумать, чтобы мучить нас”. [\[254\]](#)

В 1566 году возникла новая объединенная оппозиция режиму правления Филиппа в Нидерландах. Франсис Дю Джон, молодой француз благородного происхождения, принадлежащий к буржуазии, готовился к служению в Женеве и был направлен миссионером в Нидерланды, где его ученость и красноречие произвели глубокое впечатление на молодых людей из высших слоев общества. Его жизнь находилась в постоянной опасности, и он был вынужден тайно перебираться из дома одного сочувствующего в дом другого. Во время торжеств, сопровождавших бракосочетание юного Александра Пармского с Марией Португальской, его скрывали в доме графа Кулембургского в Брюсселе. В день свадьбы он проповедовал и молился с небольшой компанией молодых дворян, всего двадцати человек. Там и на других собраниях, состоявшихся впоследствии, было решено сформировать конфедерацию дворян, все из которых согласились связать себя обязательствами в поддержку принципов, изложенных в тщательно подготовленном манифесте, получившем название *Компромисс*. В основном он был направлен против инквизиции, которую он называет трибуналом, противостоящим всем законам, божественным и человеческим. Копии,

переходившие из рук в руки, вскоре собрали более двух тысяч подписей среди низшей знати и мелкопоместных землевладельцев. Многие состоятельные бюргеры также подписали контракт. Ведущими деятелями конфедерации были Людовик Нассауский, младший брат принца Оранского, в то время лютеранин; Филипп де Марникс, лорд Сент-Альдегонды, кальвинист; и Генри виконт Бредероде, католик. Конфедераты заявили, что они верноподданные, но обязались защищать друг друга, если кто-либо из них подвергнется нападению.

Конфедераты встретились в частном порядке в Бреде и Хогстратене (март 1566 г.) и решили представить регенту петицию с просьбой рекомендовать королю отменить *Плакаты* и инквизицию, и чтобы регент приостановил их действие до тех пор, пока не станут известны пожелания короля; также чтобы Генеральные штаты были собраны для рассмотрения других постановлений, опасных для страны. Регент созвал собрание знати на 28 марта, и было решено представить петицию именно тогда. Конфедерация и ее *компромисс* вызвали большой страх у знати, которая была лидерами конституционной оппозиции, и возникли некоторые дебаты по поводу представления *Запроса*. Барон де Барлаймон зашел так далеко, что рекомендовал расправиться с просителями в зале для аудиенций, но более мудрые советы возобладали. Союзники встретились и построились — двести молодых дворян — и под одобрительные возгласы населения двинулись по улицам ко Дворцу, чтобы изложить *Просьбу*. [255] Регент была несколько встревожена внушительной демонстрацией, но Барлаймон успокоил ее знаменитыми словами: “Мадам, ваше высочество боится этих попрошайек (*ces gueux*)?” Депутация была распущена со справедливыми словами и обещанием, что, хотя регент не имеет полномочий приостанавливать *Вывески* или инквизицию, будут применяться некоторые меры предосторожности до тех пор, пока не станет известно о воле короля.

Перед отъездом из Брюсселя триста конфедератов собрались в доме графа Кулембургского, чтобы отпраздновать свое объединение на банкете. Председательствовал виконт де Бредероде, и во время застолья он напомнил им слова Барлаймона: “Они называют нас нищими, - сказал он. - мы принимаем это имя. Мы клянемся противостоять инквизиции и хранить верность королю и кошельку нищего”. Затем он достал кожаный мешок бродячих нищих, повесил его на плечо и выпил за процветание дела из деревянной чаши нищего. Название и эмблема были приняты с энтузиазмом и распространились далеко за пределы конфедерации. [256] Повсюду бюргеры, юристы, крестьяне, а также дворяне появлялись в мешке нищего. Медали, сделанные сначала из воска, помещенного в деревянную чашу, затем из золота и серебра, были приняты дворянами конфедерации. На одной стороне было изображение короля, а на лицевой стороне две сложенные руки и мешок нищего с девизом “*Fidelles au Roi jusques à porter la besace*” (мешок нищего).

Обо всем этом регентша добросовестно сообщила Филиппу, и она умоляла его либо разрешить ей модерировать *Плакаты* и инквизицию, либо самому приехать в Нидерланды. Он ответил, пообещав прийти, и предоставил ей некоторую свободу действий в вопросе пресечения ереси.

Тем временем люди были очень воодушевлены успехом или видимостью успеха, сопутствовавшей усилиям конфедератов. Беженцы вернулись из Франции, Германии и Швейцарии. Миссионеры реформатской веры приезжали в большом количестве. Проповеди на местах проводились по всей стране. Мужчины пришли вооруженными, выставили часовых, разместили своих женщин и детей на площади и таким образом слушали службы, проводимые отлученными от церкви священниками. Они слышали, как читались Священные Писания и

изливались молитвы на их родном языке. Они пели гимны и псалмы на французском, фламандском и голландском языках. Толпа была так велика, часовые так настороженны, люди так хорошо вооружены, что солдаты не осмеливались пытаться разогнать их. Сначала собрания проводились ночью в лесах и безлюдных местах, но иммунитет придавал смелости.

“23 июля (1566 г.) реформаты собрались в большом количестве на большом лугу недалеко от Гента. Там они разбили что-то вроде лагеря, укрепившись на своих повозках и выставив часовых на всех дорогах. Некоторые принесли с собой пики, некоторые топоры, а другие ружья. Перед ними были разносчики запрещенных книг, которые они продавали тем, кто приходил. Они посадили вдоль дороги несколько человек, чьей работой было приглашать людей прийти на проповедь и указывать им путь. Они сделали что-то вроде кафедры из досок и установили ее на повозку, с которой проповедовал священник. Когда проповедь закончилась, все собрание спело несколько псалмов. Они также черпали воду из колодца или ручья неподалеку от них, и ребенок был крещен. Там они провели два дня, а затем отправились в Дейнсен, затем в Экело близ Брюгге и так через всю Западную Фландрию”.

[257]

Становясь все смелее, реформированные встречались в окрестностях и пригородах больших городов. Группы мужчин маршировали по улицам, распевая псалмы, будь то французские версии Клемана Маро или Безе, или голландская версия Питера Датена. Напрасно регент выпустил новый *плакат* против проповедников и конгрегаций. Это осталось пустой буквой. В Антверпене вооруженные банды реформатов собрались на проповеди вопреки магистратам, которые боялись драк на улицах. В экстренной ситуации регент обратился к Вильгельму Оранскому, и тот с трудом унял волнения и добился компромисса. Кальвинисты согласились разоружиться при условии, что им будет разрешено свободно отправлять свои богослужения в пригородах, хотя и не в городах. [258]

Конфедераты были настолько воодушевлены своими успехами, что подумывали о дальнейших попытках. В Сент-Тронде в Льежском княжестве (июль 1566 г.) состоялась большая конференция, в которой приняли участие почти две тысячи человек. Лидером был Людовик Нассауский. Они решили направить еще одну депутацию к регенту, и из их числа были отобраны двенадцать человек, чтобы изложить свои требования. Эти “Двенадцать апостолов”, как презрительно называли их придворные, заявили, что гонения не были смягчены, как было обещано, а не туманно пригрозили, что, если не будет найдено какое-либо средство правовой защиты, они могут быть вынуждены обратиться за иностранной помощью. Угроза привела регентшу в ярость; но она была беспомощна; она могла только настаивать на том, что уже сделала королю представление и послала двух членов Совета сообщить королю о состоянии страны.

Казалось, это произвело на Филипа какое-то впечатление. Регент получил депешу (31 июля 1566 г.), в которой говорилось, что он готов отозвать папскую инквизицию из Нидерландов и что он предоставит терпимость, соответствующую поддержанию католической религии; только он никоим образом не согласится на созыв Генеральных штатов.

Эта новость вызвала большое ликование в Нидерландах. Возможно, все, кроме принца Оранского, были более или менее обмануты двуличием Филиппа. Только после того, как архивы Симанкаса раскрыли свои секреты, стала известна их глубина. Они раскрывают это 24 августа. 9 августа он совершил акт, в котором заявил, что обещание помилования было получено от него

силой, и что он не собирался его выполнять, и что 12 августа он написал папе, что его заявление об отзыве инквизиции было просто слепотой. Вильгельм знал только, что король набирает войска и что он обвиняет великую знать Нидерландов в испытании, нанесенном ему конфедератами.

Задолго до того, как были разоблачены истинные намерения Филиппа, серия иконоборческих атак не только дала королю необходимый предлог, но и нанесла больший вред делу Реформации в Нидерландах, чем все преследования при Карле V. и его сыне. Происхождение этих бурных разбирательств неясно. По словам Брандта, который собирает информацию со всех сторон:

“ Несколько самых мерзких из толпы ... это были те, кто начал танец, под приветствия неизвестно кого. Их оружием были посохи, топоры, молотки, лестницы, веревки и другие инструменты, которые больше подходили для разрушения, чем для сражения; некоторые были снабжены ружьями и мечами. Сначала они напали на кресты и изображения, которые были установлены на больших дорогах в сельской местности; затем на те, что были в деревнях; и, наконец, на те, что были в городах. Все часовни, церкви и монастыри, которые они находили закрытыми, они взломали, разорвав и уничтожив все изображения, святыни и другие освященные вещи, которые им попадались на пути; более того, некоторые не постеснялись наложить руки на библиотеки, книги, письма, памятники и даже на мертвые тела в церквях и на погостах”. [259]

Почти по всем свидетельствам, эпидемия, поскольку безумие напоминало болезнь, впервые возникла в Сент-Омере (14 августа 1566 г.), затем в Ипре и быстро распространилась на другие города. Она достигла апогея в Антверпене (16 и 17 августа 1566 г.), когда толпа разграбила великий собор и уничтожила некоторые из его богатейших сокровищ. [260] Очевидец заявил, что бунтовщиков в соборе насчитывалось не более ста мужчин, женщин и мальчиков, набранных из отбросов населения, и что нападения на другие церкви совершались небольшими группами по десять-двенадцать человек.

Эти безобразия оказали катастрофическое воздействие на реформационное движение в Нидерландах, как сразу, так и в будущем. Они сразу же вызвали раздражение более либерально настроенных римских католиков и привели в ярость регента: они начали тот постепенный раскол, который закончился отделением протестантского Севера от романистического Юга. Регентша считала себя вправе практически лишить себя всех привилегий, которые она предоставила реформатам, и собрать немецкие и валлонские войска, чтобы внушить протестантам благоговейный страх. Присутствие этих войск вызвало раздражение некоторых кальвинистских дворян, и Джон де Марникс, старший брат Святой Альдегонды, попытался захватить остров Вальхерен, чтобы использовать его как город-убежище для своих преследуемых братьев. Он потерпел неудачу; недалеко от самого Антверпена произошла битва, в которой де Марникс был разбит и убит (13 марта 1567 г.).

§ 5. Вильгельм Оранский.

Тем временем Вильгельм Оранский пришел к выводу, что Филипп замышляет подавление прав и свобод Нидерландов испанскими войсками, и был убежден, что знатные люди, которые до сих

пор возглавляли конституционную оппозицию, подвергнутся нападению первыми. Он проводил совещания с Эгмонтом и Хорном в Дендермонде (3 октября 1566 г.) и в Виллебруке (2 апреля 1567 г.) и пытался убедить их, что единственный путь, открытый для них, - это сопротивление силой оружия. Его доводы были бесполезны, и Уильям с грустью решил, что должен покинуть страну и удалиться в свои немецкие поместья.

Его предчувствия были слишком верны. Филипп решил послать герцога Алва покорять Нидерланды. Силы из девяти тысяч опытных испанских пехотинцев и тысячи трехсот итальянских кавалеристов были собраны из гарнизонов Ломбардии и Неаполя, и Альва начал долгий, трудный марш через гору Сени и через Франш-Конте, Лотарингию и Люксембург. Уильям сбежал как раз вовремя. Когда герцог прибыл в Брюссель и вручил свои верительные грамоты Государственному совету, стало ясно, что король наделил его такими широкими полномочиями, что Маргарет оставалась регентом только номинально. Одним из его первых действий было завладение личностями графов Эгмонта и Хорна с их личными секретарями и заключение в тюрьму Антони ван Стралена, бургомистра Антверпена и доверенного друга принца Оранского. Было произведено много других арестов; и Алва, поймав своих жертв, изобрел инструмент, помогающий ему избавляться от них.

Простым указом своей воли он создал судебную палату, решения которой должны были отменять решения любого другого суда в Нидерландах и которая не должна была нести ответственности ни перед кем, даже перед Государственным советом. Он назывался *Советом беспорядков*, но более известен под своим популярным названием, *Кровавый трибунал*. Оно состояло из двенадцати членов, среди которых были Барлаймонт и несколько самых яростных романистов Нидерландов; но только двоим, Хуану де Варгасу и дель Рио, обоим испанцам, было разрешено голосовать и влиять на решения. Дель Рио был ничтожеством; но де Варгас был очень суровой реальностью — человеком бесчестной жизни, в равной степени печально известным тем наслаждением, которое он получал, убивая своих собратьев, и легкостью, с которой он уничтожал латинский язык! Он отдал все население Нидерландов в руки общественного палача своим обвинительным актом: *Hæretici fraxerunt templa, boni nihil faxerunt contra; следовательно, он обязан соблюдать все законы*: под этим он подразумевал, что еретики взламывали церкви, православные не сделали ничего, чтобы помешать им; следовательно, их всех следует повесить вместе. Альва оставил все окончательные решения за собой, чтобы работа была выполнена досконально. Он писал королю: “Люди закона осуждают только за доказанные преступления, тогда как вашему величеству известно, что государственные дела регулируются правилами, сильно отличающимися от законов, которые действуют здесь”.

На своих предыдущих заседаниях этот ужасный трибунал определил преступление государственной измены и заявил, что его наказанием является смертная казнь. Определение расширилось до восемнадцати статей и объявило государственной изменой представление или подпись любой петиции против новых епископств, инквизиции или *Плакатов*; терпеть публичные проповеди при любых обстоятельствах; не сопротивляться иконоборчеству, или проповедям на местах, или представлению *просьбы*; утверждать, что король не имел права приостанавливать действие хартий провинций; или утверждать, что Совет Беспорядков не имел права отменять все законы и привилегии Нидерландов. Все это было государственной изменой, и все они карались смертной казнью. Доказательств не требовалось; все, что требовалось, - это обоснованные подозрения, или, скорее, то, что герцог Алва считал таковыми. Вскоре Совет

приступил к работе. Он разослал уполномоченных по всем частям страны — городам, деревням, округам — для поиска любого, кого можно было заподозрить в совершении любого действия, которое могло подпадать под их определение государственной измены. Доносчиков приглашали, их подкупали, чтобы они выступили; и вскоре к ним потекли потоки доносов и свидетельских показаний. Обвиняемые предстали перед Советом, предстали перед судом (если эту процедуру можно назвать судом) и были осуждены группами. В записях говорится о девяноста пяти, восьмидесяти четырех, сорока шести, тридцати пяти случаях одновременно. Алва написал Филипу, что не менее полутора тысяч человек скончались в своих постелях рано утром в Пепельную среду, а позже он объявляет о еще одной партии из восьмисот человек. В каждом случае он добавляет: “Я приказал казнить их всех”. Учитывая эти записи, язык современного летописца не кажется преувеличенным:

“Виселицы, колеса, колья, деревья вдоль дорог были завалены тушами или конечностями тех, кто был повешен, обезглавлен или зажарен; так что воздух, который Бог создал для дыхания живых, теперь стал общей могилой или жилищем мертвых. Каждый день вызывал новые поводы для жалости и скорби, и постоянно был слышен звон окровавленного колокола, который из-за мученической смерти двоюродного брата этого человека, а также брата или друга другого человека вызывал мрачные раскаты в сердцах выживших”. [261]

Целые семьи покидали свои жилища, чтобы укрыться в лесах, и, подстрекаемые своим несчастьем, грабили. Священники были активными осведомителями, и эти *Дикие Нищие*, как их называли, “совершали набеги на них, служа себе самыми темными ночами для мести и грабежа, наказывая их не только тем, что отбирали у них имущество, но и тем, что уродовали их лица, отрезая уши и носы”. Страна находилась в состоянии анархии.

Маргарет, герцогиня Пармская, номинальная регентша Нидерландов, сочла свое положение невыносимым с момента прибытия герцога Альвы, и Филипп разрешил ей уйти в отставку (6 октября 1567 г.). Отныне Алву не стесняли даже номинальные ограничения. Против графов Эгмонта и Хорна был начат процесс, и Вильгельм Оранский был объявлен вне закона (24 января 1568 г.), если только он не предаст себя суду *Совета беспорядков*. Несколько дней спустя его старший сын, пятнадцатилетний мальчик, студент Лувенского университета, был похищен и увезен в Испанию. [262]

Вильгельм ответил в своем знаменитом *Оправдании принца Оранского против своих клеветников*, в котором он заявил, что он, гражданин Брабанта, кавалер ордена Золотого руна, принц Священной Римской империи, один из суверенных принцев Европы (на основании княжества Оранского), не может быть вызван в компетентный суд. Он проанализировал события в Нидерландах после восшествия на престол Филиппа II и прямо выступил против плохого правления, вызванного, по его дипломатичным словам, злыми советами советников короля. *Оправдание* было опубликовано на нескольких языках и было не просто актом неповиновения Филиппу, но призывом, обращенным от имени его страны ко всей цивилизованной Европе.

Первые месяцы 1568 года принц Оранский провел в военных приготовлениях к освобождению своих соотечественников, и весной его армия была готова. Кампания провалилась. Хогстратен потерпел поражение. Людовик Нассауский добился временного успеха при Хайлигер-Ли (23 мая 1568 г.), но был разбит при Йеммингене (21 июля 1568 г.). После того, как Вильгельм издал

жалкий, но бесполезный манифест к протестантской Европе, была отправлена вторая экспедиция, которая потерпела поражение. Дело Нидерландов казалось безнадежным.

Но Алва начал испытывать трудности. Получив известие об отражении удара его войск при Хайлигер-Ли, он поспешно обезглавил графов Эгмонта и Хорна. Вместо того, чтобы вселить ужас в сердца нидерландцев, казнь пробудила в них неугасимую ненависть к испанцу. Теперь его беспокоила нехватка денег, чтобы заплатить своим войскам. Он обещал Филиппу, что золото потечет из Нидерландов в Испанию; но его правление разрушило торговлю и мануфактуры страны, источник ее богатства. Он почти зависел от субсидий из Испании. Елизавета Английская помогала своим собратьям-протестантам тем способом, который ей больше всего нравился, захватывая испанские корабли с сокровищами; и Алва был вынужден искать необходимые ему деньги в Нидерландах.

Именно тогда он предложил Генеральным штатам, созванным для встречи с ним (20 марта 1569 г.), свою печально известную схему налогообложения, которая окончательно разорила его, — налог в размере одного процента. (“сотый пенни”), взимаемый раз и навсегда со всего имущества; налог в размере пяти процентов. (“двадцатый пенни”), взимаемый при каждой продаже или передаче земельной собственности, и налог в размере десяти процентов. (“десятый пенни”) со всех предметов торговли при каждой их продаже. Такая схема налогообложения полностью разорила бы торговую и производственную страну. Она встретила всеобщее сопротивление. Провинции, города, магистраты, гильдии, епископы и духовенство — все протестовали против налогообложения. Даже Совет Филиппа в Мадриде видел невозможность взимания таких налогов со страны. Альва поклялся, что поступит по-своему. Город и район Утрехт были первыми, кто выразил протест. Альва расквартировал у них ломбардский полк, но даже распушенность и жестокость солдат не могли заставить несчастных заплатить. Альва объявил всех жителей виновными в государственной измене; он отнял у них все их хартии и привилегии; он объявил, что все их имущество конфисковано у короля. Но это были действия разъяренного безумца, и они оказались бесполезными. Затем он отложил сбор сотого и десятого пенни, но нужда в деньгах заставила его продолжать, и он отдал четкие распоряжения о сборе “десятого” и “двадцатого пенни”. Торговля и мануфактуры страны внезапно остановились, и Альва наконец понял, что потерпел поражение. Ему пришлось довольствоваться выплатой двух миллионов флоринов в течение двух лет.

Настоящую боевую силу реформированных нидерландцев следовало искать не среди сухопутных жителей, а в морях и рыбаках. Говорят, что адмирал Колиньи был первым, кто указал на это принцу Оранскому. Он последовал этому совету и в 1569 году выдал каперские свидетельства примерно восемнадцати небольшим судам, которым предстояло курсировать в узких морях и нападать на испанцев. Поначалу они были немногим лучше пиратов — люди разных национальностей, объединенные лютой ненавистью к испанцам и папистам, которых боялись как друзья, так и враги. Уильям попытался, поначалу несколько безуспешно, приучить их к дисциплине и порядку, издав вместе со своими каперскими грамотами приказы, ограничивающие их беспорядочный грабеж, настаивающие на продолжении религиозных служб на борту и заявляющие, что треть добычи должна быть передана ему самому для общего блага страны. В прежние времена им разрешалось ремонтировать и продавать награбленное в английских портах, но они были закрыты для них по настоятельным протестам испанского

двора. Почти случайно они захватили и удержали (1 апреля 1572 г.) Брилл, или Бриэль, сильно укрепленный город на Ворне, который в то время был островом в устье Мааса, примерно в двадцати милях к западу или морю от Роттердама. Жителей заставили принести присягу на верность Вильгельму как штатгальтеру при короле, и флаг того, что впоследствии стало Соединенными провинциями, впервые был поднят на суше. Не Уильям, а его брат Луи Нассауский был первым, кто увидел в этом поступке будущие возможности. Он настаивал на захвате Флашинга, или Флиссингена, главного опорного пункта в Зеландии, расположенного на острове в устье Хонте, или западной Шельды, и контролирующего вход в Антверпен. Горожане подняли восстание против испанского гарнизона; *морские попрошайки*, как их называли, поспешили им на помощь; город был взят, а испанский командир Пачечо схвачен и повешен. Это дало морякам во владение весь остров Вальхерен, за исключением укрепленного города Миддлбург. Были захвачены Дельфсхафен и Схидам. Новость облетела Голландию, Зеландию, Гелдерланд, Утрехт и Фрисландию, и город за городом объявляли Вильгельма Оранского штатгальтером. Лидеры были чудесным образом воодушевлены на новые усилия. [263] Воззвания от имени нового правителя были разнесены по всей стране, и люди были воодушевлены песней, которую, как говорят, написала Святая Альдегонда, *Вильгельмус ван Нассуве*, которая до сих пор является национальным гимном Голландии. Принц Оранский подумал, что может отважиться на еще одно вторжение, и был уже недалеко от Брюсселя, когда до него дошла весть о Варфоломеевской резне. Его планы основывались на помощи Франции, настоящей Колиньи и обещанной Карлом IX. "Какой это был сокрушительный удар (*coup de massue*), - писал он своему брату. - Моя единственная надежда была на Францию". [264] Монс, который Людовик захватил на юге своими французскими войсками, пришлось оставить; и Вильгельму после некоторых тщетных усилий пришлось распустить свои войска.

Затем Алва выступил из Брюсселя, чтобы совершить страшную месть Монсу, Мехлину, Тергоусу, Наардену, Харлему и Зутфену. Условия капитуляции Монса были нарушены. Мехлин был разграблен и подожжен испанскими войсками. Испанский военачальник, посланный против Зутфена, получил приказ сжечь каждый дом и убить мужчин, женщин и детей. "Харлем" был захвачен, отчаянно сопротивлялся, а затем капитулировал под обещанием снисходительного отношения. Когда испанцы вошли, они хладнокровно перебили всех голландских солдат и несколько сотен горожан; и, связав тела по двое, они бросили их в озеро Харлем. Казалось, что паписты решили истребить протестантов, когда обнаружили, что не могут обратить их в свою веру.

Однако некоторые города выстояли. Дон Фредерик, сын Альвы и мясник из Харлема, был отброшен из маленького городка Алкмар. *Морские бродяги* встретили испанский флот, посланный, чтобы сокрушить их, потопили или рассеяли корабли и взяли адмирала в плен. Нация рыбаков и лавочников, некогда вызывавшая презрение Испании и Европы за их терпеливое сносительство унижений, в конце концов превратилась в расу героев, преисполненных решимости никогда больше не терпеть ярма испанцев. Вскоре Альве пришлось столкнуться с солдатами, взбунтовавшимися из-за нехватки жалованья, и увидеть, что все его морские подходы находятся в руках голландских моряков, которых не мог покорить самый сильный флот Испании. Железный безжалостный человек наконец признал, что потерпел поражение, и потребовал его отзыва. Он покинул Брюссель 18 декабря 1573 года и больше не видел земли, которую заливал кровью в течение шести лет. Как и все тираны, он свято верил в свою систему, даже когда она рушилась у него в руках. Если бы он был немного суровее, добавил еще несколько капель к морю пролитой им крови, все было бы хорошо.

Единственный совет, который он мог дать своему преемнику, состоял в том, чтобы сжечь дотла все города, в которых он не мог разместить гарнизон из испанских войск.

Новым испанским регентом стал дон Луис Рекесенс-и-Сунига, представитель высшей знати Испании и великий командор мальтийских рыцарей. Он был человеком высоких помыслов и великодушного нрава. Если бы его отправили в Нидерланды на десять лет раньше и позволили действовать свободно, история Нидерландов могла бы сложиться иначе. Его предыдущие усилия в правительстве были отмечены попытками вести переговоры, и он изо всех сил старался объяснить Филиппу причины своего поведения.

“До моего прибытия, ” писал он, - я не мог понять, как мятежникам удавалось содержать такой значительный флот, в то время как ваше величество не могли содержать ни одного. Теперь я вижу, что люди, которые борются за свою жизнь, свои семьи, свою собственность и свою ложную религию, короче говоря, за свое собственное дело, довольны, если они получают только паек без оплаты”.

Он немедленно изменил политику Алвы: отменил ненавистные налоги, распустил Совет Крови и объявил всеобщую амнистию. Но он не мог примириться с “мятежниками”. Вильгельм Оранский отказался от любых переговоров, которые не были основаны на трех предварительных условиях — свободе совести и свободе проповедовать Евангелие в соответствии со Словом Божиим; восстановлении всех древних хартий; и отзыве всех испанцев со всех военных и гражданских должностей. Без этого он не согласился бы ни на перемирие, ни на амнистию. “Мы слишком часто слышали, - сказал он, - слова, *согласованные* и *Вечные*. Если я поверю вам на слово, кто гарантирует, что король не будет отрицать этого и не получит от папы прощения за свое вероломство? Рекезенс, ненавидя эту необходимость, был вынужден продолжать борьбу, которую спровоцировала политика его короля и предшествовавших ему регентов.

Судьба войны, казалось, не изменилась. Патриоты всегда побеждали на море и упорно защищали свои укрепленные города, когда те подвергались осаде, но они пали перед ветеранами испанской пехоты почти в каждом сражении на суше. В начале 1574 года были захвачены две крепости. Патриоты осаждали Миддлбург, а испанцы захватили Лейден. *Морские бродяги* разгромили испанский флот в кровопролитном сражении в устье Шельды, и Миддлбургу пришлось сдаться. У Лейдена была двухмесячная передышка из-за мятежа испанских солдат, но горожане пренебрегли предоставленной им возможностью вернуть свой город. Он был снова вложен (26 мая) и почти не продавлен. Людовик Нассауский, шедший к нему на помощь с армией, был полностью разбит при Мукерхайде, и он сам и его младший брат Генрих были среди убитых. Судьба Лейдена, казалось, была решена, когда Вильгельм предложил поместьям Голландии срубить дамбы и впустить море. План был принят. Но прорубание дамб заняло много времени, и когда они были открыты и вода начала медленно поступать внутрь, сильные ветры унесли ее обратно в море. В Лейдене запасы продовольствия таяли; и изголодавшиеся и встревоженные бюргеры, глядя на равнину с городских шпилей, видели, что помощь прибывает так медленно, что казалось, она сможет прибыть только тогда, когда будет слишком поздно. Испанцы также знали о надвигающейся опасности и, рассчитывая на отчаянность горожан, убеждали их сдаться, обещая почетную капитуляцию. “У нас две руки, ” крикнул в ответ один из защитников стены, “ и когда голод заставит нас, мы съедем одну и будем сражаться с вами другой”. Прошло четыре томительных месяца среди

неописуемых страданий, когда, наконец, море достигло стен. Вместе с ним прибыл патриотический флот, проплывавший над погребенными кукурузными полями и садами, направлявшийся через фруктовые сады и деревни. Испанцы в ужасе бежали, потому что *морские бродяги* набросились на них, выкрикивая свой боевой клич: “Скорее турки, чем паписты”. Горожане и моряки отправились в большую церковь, чтобы вознести благодарение за избавление, которое было принесено им с моря. Когда огромная аудитория пела псалом освобождения, голоса внезапно смолкли, и не было слышно ничего, кроме тихих рыданий; люди, сломленные долгим наблюдением и голодом, пораженные неожиданным избавлением, могли только плакать.

Хорошие новости в Делфт принес Ханс Брюгге, который нашел Уильяма в церкви на дневной службе. Когда проповедь закончилась, с кафедры было объявлено об освобождении Лейдена. Вильгельм, хотя и был слаб от болезни, сразу же поехал в Лейден, чтобы поздравить горожан с их героической защитой и чудесным избавлением. Там он предложил основать то, что впоследствии стало знаменитым Лейденским университетом, который стал для Голландии тем, чем был Виттенберг для Германии, Женева для Швейцарии и Сомюр для Франции.

Осада Лейдена стала поворотным моментом в войне за независимость. Испанский регент увидел, что медленно и почти незаметно формируется новое протестантское государство. Его войска почти всегда одерживали победы на поле боя, но победы, казалось, не имели большой ценности. Он решил еще раз попытаться провести переговоры. Конференции ни к чему не привели. Самое большее, что Филипп II. следовало бы признать, что у протестантов должно быть время продать свое имущество и покинуть страну. Война снова возобновилась, когда пришла смерть, чтобы избавить Рекезенса от его трудностей (март 1575 года). Последние месяцы его жизни были опозорены рекомендацией, которую он дал своему хозяину, предложить награду за убийство принца Оранского.

История следующих нескольких лет - это запутанная история, рассказывать которую было бы слишком долго. Когда Рекезенс умер, казна была пуста, и государственные деньги не поступали. Испанские солдаты взбунтовались, требуя платы. Они захватили несколько городов и захватили цитадель Антверпена. Затем произошло ужасное разграбление великого города, когда в течение трех ужасных ноябрьских дней многолюдный и богатый Антверпен перенес все ужасы, которые только могли быть ему причинены.

Внезапная смерть Рекезенса привела все в замешательство; и видные деятели, как католики, так и протестанты, решили, что следует воспользоваться отсутствием какого-либо испанского губернатора, чтобы посмотреть, не смогут ли все семнадцать провинций Нидерландов объединиться ради какой-нибудь общей программы, которая объединила бы страну, несмотря на их религиозные различия. Делегаты встретились в Генте (28 октября 1576 г.) и составили проект договора. В ноябре в Брюсселе было созвано совещание Генеральных штатов южных провинций, и члены совета обсуждали условия договора, когда до них дошла весть о “испанской ярости” в Антверпене. История о чудовищных злодеяниях, совершенных над их соотечественниками, несомненно, ускорила их решение, и международный договор был ратифицирован как Генеральными штатами, так и Государственным советом. *Умиротворение Гента* укрепило союз между южными провинциями, представленными в Генеральных штатах, собравшихся в Брюсселе, и северными провинциями Голландии и Зеландии. Его главные положения заключались в том, что все должны объединиться, чтобы изгнать испанские и

другие иностранные войска с территории страны, и что должна быть созвана официальная встреча делегатов от всех семнадцати провинций для обсуждения религиозного вопроса. Тем временем римско-католическая религия должна была сохраняться; *плакаты* должны были быть отменены; принц Оранский был объявлен губернатором семнадцати провинций и генерал-адмиралом Голландии и Зеландии; и конфискация имущества домов Нассау и Бредероде была отменена.

Дон Иоанн Австрийский был назначен Филиппом регентом Нидерландов и находился в Люксембурге в начале ноября. О его прибытии туда было сообщено Генеральным штатам, которые отказались признать его регентом, если он не одобрит *умиротворение Гента* и не поклянется сохранить древние привилегии различных провинций. Месяцы были потрачены на переговоры, но Генеральные штаты были непоколебимы. В конце концов он уступил и 1 мая 1577 года совершил государственный въезд в Брюссель. Оказавшись там, он обнаружил, что его затмил Уильям, которого принимали как лидера как католики, так и протестанты. Но Филипп с большим трудом собрал армию из двадцати тысяч испанских и итальянских ветеранов и отправил их в Нидерланды под командованием Александра Фарнезе, сына бывшей регентши Маргариты, герцогини Пармской. Молодой герцог Пармский был человеком непревзойденных способностей, военных и дипломатических, и, безусловно, самым способным агентом Филиппа, который когда-либо был в Нидерландах. Он разбил патриотическую армию при Жамблуре (31 января 1578 г.), и сразу несколько городов открыли свои ворота Парме и Дону Джону. Чтобы усилить неразбериху, Иоанн Казимир, брат курфюрста Палатинского, вторгся в страну с востока во главе большого отряда немецких наемников, чтобы помочь кальвинистам; эрцгерцог Маттис, брат императора Рудольфа, уже находился в стране по приглашению римских католиков; а герцог Анжуйский вторгся в Нидерланды с юга, чтобы отстаивать интересы тех румын, которые не желали терпеть протестантизм, но ненавидели испанцев. Эти иностранцы слишком хорошо представляли скрытые разногласия в стране — разногласия, которыми умело воспользовался герцог Пармский. После тщетной борьбы за объединение целых семнадцати провинций на основе полной религиозной терпимости Вильгельм увидел, что его задача безнадежна. Ни большинство католиков, ни большинство протестантов не могли понять веротерпимости. Делегаты от романистических провинций Эно, Дуэ и Артуа встретились в Аррасе (5 января 1579 г.), чтобы сформировать лигу, конечной целью которой было примирение с Испанией на основе *умиротворения Гента*, делая упор на обеспечение сохранения римско-католической религии. Брошенные таким образом вызов северные провинции Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерланд и Зутфен встретились в Утрехте (29 января 1579 г.) и сформировали лигу, чтобы противостоять всем иностранным принцам, включая короля Испании. Эти две лиги знаменуют окончательное отделение романистического Юга от протестантского Севера и создание нового протестантского государства - Соединенных провинций. Вильгельм подписал Утрехтский мирный договор только 3 мая.

В 1581 году Филипп предпринял последнюю попытку одолеть своего неукротимого противника. Он опубликовал Запрет против него, объявив его предателем и врагом рода человеческого и предложив награду в двадцать пять тысяч крон и дворянский патент любому, кто доставит его королю живым или мертвым. Уильям ответил в своем знаменитом *Извинении*, в котором рассказывается обо всей его карьере и содержится резкое разоблачение проступков Филиппа. *Извинение* было переведено на несколько языков и разослано всем дворам Европы. Брабант, Фландрия, Утрехт, Гелдерланд, Голландия и Зеландия ответили Филиппу знаменитым Актом

отречения (26 июля 1581 г.), в котором они торжественно отказались от верности королю Испании и провозгласили себя независимой республикой.

Дату отречения от престола можно считать началом новой эры, рождением еще одной протестантской нации. Его молодая жизнь была освящена крещением кровью и огнем, подобного которому не приходилось переживать ни одной другой нации в Европе. Провозглашение независимости не принесло немедленного облегчения. Его ожидали почти тридцать лет дальнейшей борьбы; и вскоре ему предстояло оплакивать потерю своего героического лидера. Награды, обещанные Филиппом II. подстегнули рвение фанатиков-романистов. В 1582 году (18 марта) Хуан Хореугуй, бискайец, предпринял отчаянную попытку покушения, которая на данный момент считалась успешной. Пистолет был так близко от принца, что его волосы и борода загорелись, а пуля вошла под правое ухо, прошла через небо и вышла через левую челюсть. Два года спустя (9 июля 1584 года) Уильям был смертельно ранен Бальтазаром Жераром, чьи наследники претендовали на награду за убийство, обещанную Филиппом, и получили часть ее от короля. Последними словами принца были: “Боже мой, смилуйся над моей душой и над этими бедными людьми”.

Шестнадцатый век не породил более благородного характера, чем характер Вильгельма, принца Оранского. Его семья была лютеранами, но они разрешили мальчику воспитываться в римско—католической религии - условие, которое Карл V. поставил, прежде чем он согласился исполнить завещание Рене, принца Оранского, [265] который, умерев в раннем возрасте двадцати шести лет, оставил свои большие владения своему молодому кузену Вильгельму Нассаускому. В эпоху нетерпимости он выступает как единственный великий лидер, поднявшийся над религиозными страстями того времени и всю свою жизнь стремившийся обеспечить свободу совести и право на публичное богослужение для людей всех вероисповеданий. [266] Он был последовательным либералом-католиком вплоть до конца 1555 года. Его письмо (24 января 1566 г.) Маргарите Пармской, возможно, раскрывает начало перемен. Он называл себя “хорошим христианином”, а не “добрым католиком”. До конца того же года он сказал в частном порядке, что готов вернуться к вере своего детства и подписаться под Аугсбургским исповеданием. Во время своего изгнания в 1568 году он ежедневно изучал Священное Писание и, каким бы ни был точный оттенок его богословских взглядов, стал глубоко религиозным человеком, воодушевленным возвышенной идеей, что Бог призвал его совершить великую работу для Него и для Его гонимого народа. Его личные письма, предназначенные только для глаз его жены или самых близких друзей, полны отрывков, выражающих спокойную веру в Бога и в руководство Его Провидением. [267] В последние годы его жизни учение Кальвина все больше и больше овладевало его интеллектом и симпатиями, и он публично объявил себя кальвинистом в 1573 году (23 октября). Ненависть ко всем формам угнетения была его главной страстью, и он сам сказал нам, что, когда он узнал, что короли Франции и Испании пришли к тайному соглашению искоренить ересь огнем и мечом, он принял молчаливое решение изгнать “Эту нечисть испанцев из своей страны”. [268]

Протестантские Нидерланды вполне могли считать себя погибшими, когда он пал под пистолетом убийцы; но он оставил им наследие в лице своего близкого друга Йохана ван Ольденбарневельдта и своего сына Мориса. Терпеливый дипломатический гений Ольденбарневельдта завершил политическую работу, оставленную Вильгельмом незаконченной; и Морис, [269] семнадцатилетнему юноше на момент смерти отца, всего несколько лет спустя был признан величайшим военачальником Европы. Пожилой мужчина в

кабинете политика и мальчик-генерал на поле боя были в состоянии держать испанцев в страхе, пока, наконец, в 1607 году (октябрь) не было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий. Это привело к перемирию на двенадцать лет (9 апреля 1609 г.), которое впоследствии было продлено на неопределенный срок. Голландцы завоевали свою независимость и стали сильной протестантской державой, чье господство на море оспаривала только Англия.

Несмотря на суровость преследований, которым они подвергались, протестанты Нидерландов организовались в церкви, и уже в 1563 году делегаты от различных церквей собрались на синод, чтобы выработать доктрину и дисциплину, которые должны были объединить их. Это было сделано не без внутренних трудностей. Народ Нидерландов получил евангельскую веру из различных источников, и новообращенные цепко держались за символ веры и церковную систему, с которыми они были впервые знакомы. Самые ранние проповедники реформации в Нидерландах были последователями Лютера, и многие из них прошли обучение в Виттенберге. Лютеране были многочисленны среди мелкой знати и более состоятельных бюргеров. Несколько позже взгляды Цвингли также проникли в Нидерланды и были приняты многими очень искренними верующими. Франкоязычные провинции на юге были по большей части благовествованы миссионерами, обучавшимися под руководством Кальвина в Женеве, и они принесли с собой его теологию. Таким образом, у Лютера, Цвингли и Кальвина были верные последователи в Нидерландах. Различия нашли выражение не столько в вопросах доктрины, сколько в предпочтениях различным формам церковного управления; и хотя они были почти преодолены, они вновь проявились позже в споре, возникшем в начале семнадцатого века по поводу отношений, которые должны существовать между гражданской и церковной властями. В конце концов, женевское учение вытеснило как лютеранство, так и цвинглианство, и реформаты в Нидерландах стали кальвинистами по доктрине и дисциплине.

Соответственно, большинство церквей на раннем этапе были организованы по принципам церкви Франции, со священником и консисторией, состоящей из старейшин и дьяконов; и когда делегаты от церквей встретились, чтобы обсудить организацию, которая объединила бы всех, была принята пресвитерианская, или соборная, система. Встреча состоялась в Эмдене (1569), поскольку собираться в пределах юрисдикции правительства Нидерландов было слишком опасно. Было решено, что Церковью должны управлять *консистории, классы и синоды*. Эта Соборная организация, принятая таким образом в Эмдене в 1569 году, возможно, не встретила бы единодушной поддержки, если бы реформированные не подверглись всей ярости преследований Альвы. Консисторская система лютеранской церкви и положение, которое Цвингли придал магистратуре, возможны только тогда, когда гражданское правительство благосклонно относится к Церкви на территории, которой оно управляет; но пресвитерианство, как доказали Франция, Шотландия и Нидерланды, лучше всего подходит для “Церкви под Крестом”. Этому не нужно удивляться, поскольку пресвитерианская, или Соборная, Церковь - это возрождение правления первых веков, когда она все еще находилась под запретом Римской империи. [270]

Синод, собравшийся в Дордрехте (Дорт) в 1572 году, пересмотрел, расширил и официально утвердил статьи этого эмденского синода или конференции.

Следует объяснить две особенности голландской организации. *Консистория* или кирк-сессия - это суд, который управляет отдельной конгрегацией в Голландии, как и во всех других

пресвитерианских землях; но в голландской церкви все члены Церкви, проживающие в городе, рассматриваются как единая конгрегация; служители - это пасторы города, проповедующие по очереди во всех его зданиях, отведенных для публичных богослужений, и люди не считаются ни особо привязанными к какому-либо одному из зданий, ни принадлежащими к пастве какого-либо одного из служителей; и поэтому на весь город существует одна консистория. Эта особенность наблюдалась и в первые века. Тогда следует отметить, что из-за политической организации Соединенных провинций было трудно организовать Национальный синод. Гражданская конституция представляла собой федерацию государств, во многих отношениях независимых друг от друга, которые были обязаны защищать друг друга на войне, содержать общую армию и вносить свой вклад в общую военную казну. Когда Вильгельм Оранский был пожизненно избран штатгальтером, одним из законов, которые связывали его, было то, что он не должен признавать ни одно церковное собрание, не получившее одобрения гражданских властей провинции, в которой оно предполагало собраться. Это подразумевало, что каждая провинция имела право самостоятельно регулировать свои церковные дела. Заседание Национального синода не могло состояться без согласия всех Соединенных провинций. Следовательно, тенденция заключалась в предотвращении корпоративных и объединенных действий.

Согласно Эмденским статьям и пересмотренному и дополненному изданию, утвержденному в Дордрехте в 1572 году, было решено, что должностные лица Церкви должны подписывать *Исповедание веры*. Этот символ веры был подготовлен Гвидо де Бресом (родился в Монсе в 1540 году) в 1561 году и был переработан несколькими его друзьями. Она была основана на Исповедании французской церкви и первоначально была написана на французском языке. Она была одобрена серией Синодов и переведена на голландский, немецкий и латинский языки. Это известно как Бельгийское исповедание. Его первоначальное название было *"Исповедание веры, широко и единодушно поддерживаемое верующими, рассеянными по Нидерландам, которые желают жить в соответствии с чистотой Святого Евангелия Господа нашего Иисуса Христа"*. [271] Церковь также приняла *Гейдельбергский катехизис* [272] для обучения молодежи.

Длительная борьба с Испанией и инквизицией стимулировала энергию Церкви и народа Нидерландов, и вскоре их университеты и богословские школы стали соперничать со старыми учебными заведениями. Лейденский университет, приношение благодарности за чудесное освобождение города, был основан в 1575 году; Франеккер - десять лет спустя, в 1585 году; и за ним быстро последовали университеты Гроннингена (1612), Утрехта (1636) и Хардервика (1648). Голландские богословы и юристы прославились в семнадцатом веке своей образованностью и проницательностью.

ГЛАВА VI.

РЕФОРМАЦИЯ В ШОТЛАНДИИ. [273]

Если цивилизация означает искусство жить вместе в мире, то в начале шестнадцатого века Шотландия отставала от остальной Западной Европы почти на четыреста лет.

История ее королей - это история убийств, длительного меньшинства, регентства, за которое боролись беспринципные бароны; и королевская власть, которая росла в других странах, была на грани исчезновения в Шотландии. Ее парламент или Сословия Королевства были простым феодальным собранием, с большей, чем обычно, неопределенностью относительно того, кто имел право присутствовать; в то время как его своеобразное управление Комитетом сословий сделало его легким инструментом в руках фракции, которая на данный момент находилась у власти, и лишило его какого-либо стабильного влияния на страну в целом. Церковь, богатая в том, что касалось посевных площадей, стала секуляризованной до такой степени, какой не было нигде в другом месте, и ее бенефиции служили для обеспечения младших сыновей крупных феодальных семей способом, напоминающим времена Карла Молота. [274]

Тем не менее, страна была подготовлена к Реформации образованием людей, особенно среднего класса, постоянными сношениями между Шотландией, Францией и Нидерландами, а также симпатией, которую шотландские студенты испытывали к более ранним движениям за церковную реформу в Англии и Богемии; в то время как богатство и безнравственность римского духовенства, бедность знати и мелкопоместных земель и меняющаяся политическая ситуация в совокупности придали импульс усилиям тех, кто жаждал Реформации.

Не один историк отмечал, что уровень образования в Шотландии всегда значительно опережал то, что можно было ожидать от ее отсталой цивилизации. Обычно это объясняют устойчивым влиянием старой кельтской церкви — Церкви, которая сохраняла свою власть в стране более семи столетий и которая всегда рассматривала образование народа как религиозный долг. Старые кельтские церковные правила провозглашали, что учить мальчиков и девочек чтению так же важно, как совершать таинства и принимать участие вдушевной дружбе (исповеди). Кельтский монастырь всегда был образовательным центром; и когда Карл Великий основал Высшие школы, которые превратились в старейшие университеты северной Европы, кельтские монастыри предоставили многих учителей. Очень полная образовательная система старой церкви была передана Римской церкви, которая вытеснила ее при королеве Маргарите и ее сыновьях. Следовательно, Соборные и монастырские школы выпустили ряд ученых, которые стремились обогатить свои знания сверх того, что могла дать им метрополия, и шотландский странствующий студент был хорошо известен в Средние века на Европейском континенте. Один шотландский епископ основал шотландский колледж в Париже для своих соотечественников; другие епископы получили от английских королей охранные грамоты для своих студентов на проживание в Оксфорде и Кембридже.

Это схоластическое общение сблизило Шотландию с интеллектуальными движениями Европы. Шотландские студенты в Париже слушали лекции Питера Дюбуа и Уильяма Оккама, когда они преподавали теории, содержащиеся в *"Защите мира"* Марсильо Падуанского, который разъяснил, что Церковь - это не иерархия, а христианский народ, и отрицал как светское, так и

духовное превосходство Папы Римского. *Ротули Шотландии*, [275] или сборник охранных грамот, выданных английскими монархами жителям северного королевства, показывают, что непрерывный поток шотландских студентов поступал в английские университеты с 1357 по 1389 год. В первые годы этого периода, то есть до 1364 года, предъявленные и выданные охранные удостоверения давали право предъявителям поступать в Оксфорд, или Кембридж, или любое другое учебное заведение в Англии; но с 1364 по 1379 год Оксфорд, по-видимому, был единственным посещаемым университетом. В течение одного из этих лет (1365) не менее восьмидесяти одному шотландскому студенту были выданы охранные удостоверения для обучения в Оксфорде. Это был период, в течение которого влияние Виклифа было наиболее сильным, когда Оксфорд кишел Лоллардистами; и таким образом учение великого Реформатора было принесено в Шотландию.

Похоже, Лолларди добился большого прогресса. В 1405 году Роберт, герцог Олбани, был назначен губернатором Шотландии, и Эндрю Уинтун в своей Метрической хронике восхваляет его за верность Церкви:

“Он постоянный католик,
всех лоллардов он ненавидит и еретикует”. [276]

С этого времени и до самого начала Реформации мы находим упоминания о Лолларди у современных авторов и в Актах шотландского парламента; и все более ранние истории реформационного движения в Шотландии повествуют о Лоллардах из Кайла и их беседе с королем Яковом IV. [277]

Наличие взглядов Лолларда в Шотландии, должно быть, привлекло внимание лидеров гуситов в Богемии. В 1433 году (23 июля) Пол Кроу или Кроуар был схвачен, предстал перед инквизиционным судом, осужден и сожжен как еретик. Он привез письма от гуситов Прага и признал, что был послан заинтересовать шотландцев гуситским движением — одним из многих эмиссаров, которые были отправлены в 1431 и 1432 годах Прокопием и Джоном Рокикана во все европейские страны. Инквизитор признал его мужчиной *in sacris literis et in allegatione Bibliæ promptus et exercitatus*. Нокс рассказывает нам, что его осудили за то, что он отрицал пресуществление, аурикулярную исповедь священникам и молитвы усопшим святым. Мы также узнаем от Нокса, что при сожжении палач вложил ему в рот медный шарик, чтобы люди не слышали его оправданий. Его казнь не остановила прогресс Лолларди. Более ранние стихи сэра Дэвида Линдси содержат мнения Лоллардов. К тому времени, когда они были опубликованы (1529-1530), лютеранские писания проникли в Шотландию и, возможно, оказали влияние на автора; но чувства в *Завещании и жалобе Папинго* скорее лоллардовские, чем лютеранские.

Римская церковь в Шотландии была сравнительно богата, и грубым шотландским дворянам удавалось обеспечить своим младшим сыновьям приличную жизнь, в результате чего манеры духовенства не делали чести их священному призванию. Сатирики начали указывать на мораль. Джон Роу говорит:

Что касается более конкретных средств, с помощью которых многие в Шотландии получили некоторое знание о Божьей истине, во времена великой тьмы было опубликовано несколько книг, таких как “Поэзия сэра Дэвида Линдсея *о четырех монархиях*”, в которой

содержатся многие другие трактаты, раскрывающие злоупотребления среди священнослужителей того времени; "Псалмы Уэддерберна" и "*Благочестивые баллады*", изменяющие многие старые папские песни в угоду благочестивым целям; "*жалоба*", поданная холостые, слепые и бедные жители Англии, агани прелаты, преисты, монахи и другие подобные киркмены, которые расточительно растрачивали всю десятину и средства к существованию кирка на свои незаконные удовольствия, так что они не могли получать ни пропитания, ни освобождения, как предписал Бог. Это было напечатано и попало в Шотландию. Были также некоторые театральные пьесы, комедии и другие известные истории, разыгрывавшиеся публично; ибо сатира сэра Дэвида Линдсея была разыграна в амфитеатре Сент-Джонстона (Перт) перед королем Яковом V. и большей частью знати с утра до вечера, в то время как он заставил людей осознать тьму, в которой они находятся, нечестие их прихожан и позволил им увидеть, как Божья Церковь должна была принести пользу другим людям, и это не было сделано. ; все это принесло много пользы этому тайму". [278]

Однако можно усомниться в том, что шотландский народ почувствовал настоящую боль от подобных сатир, пока его не начали учить проповедники, побывавшие в Виттенберге, или изучавшие труды Лютера и других реформаторов, или те, кто из частного прочтения Священных Писаний узнал, что значит серьезно относиться к прощению грехов и спасению души.

Некоторые города на Восточном побережье были центрами торговли с Континентом, а Лейт когда-то был малоизвестным членом великого Ганзейского союза. Лютеранские и другие трактаты контрабандой ввозились в Шотландию из Кэмпвера через Лейт, Данди и Монтроуз. Власти были начеку и пытались положить конец этой практике. В 1525 году парламент запретил незнакомцам ввозить лютеранские книги в Шотландию под страхом тюремного заключения и конфискации их товаров и кораблей; [279] и в том же году правительству сообщили, что "разные незнакомцы и другие лица в Абердинской епархии владели книгами Лютера и одобряли его ошибки и ложные мнения". Два года спустя (1527) был принят Закон, распространяющий действие на тех, кто помогал в распространении лютеранских взглядов. Агент Вулси сообщил кардиналу, что шотландские торговцы закупают экземпляры Нового Завета Тиндейла в Нидерландах и отправляют их в Шотландию. [280] Усилия правительства, по-видимому, были не очень успешными. Другой парламентский акт 1535 года провозгласил, что никому, кроме духовенства, не должно быть разрешено приобретать еретические книги; все остальные, обладающие таковыми, должны были отказаться от них в течение сорока дней. [281] Этот закон ясно показывает распространение реформатских писаний среди населения Шотландии.

Первым шотландским мучеником был Патрик Гамильтон, младший сын сэра Патрика Гамильтона из Кинкавела и Стенхауса. Он учился в Париже и Лувене. Когда он получал степень магистра в Париже в 1520 году, он был там, когда труды Лютера изучались всеми учеными людьми, включая студентов-богословов Сорбонны (богословского факультета). [282] Гамильтон, должно быть, был впечатлен принципами немецкого реформатора и не делал секрета из своих взглядов, когда вернулся в Шотландию; поскольку в начале 1527 года его подозревали в еретичестве, и было приказано вызвать и обвинить как такового. Он бежал из Шотландии, отправился в Виттенберг, присутствовал на открытии нового евангелического университета Филиппа Гессенского в Марбурге (30 мая 1527 г.) и подготовил тезисы для первого академического диспута. [283] Однако он чувствовал себя вынужденным вернуться на родину, чтобы свидетельствовать против развращенности Римской церкви, и в конце осени 1527 года

проповедовал в Шотландии. Успех его служения вызвал опасения у прелатов. Его пригласили, или, скорее, заманили, в Сент-Эндрюс; почти месяц ему разрешали проповедовать и вести диспуты в Университете, а затем арестовали и судили в кафедральном соборе. Суд состоялся до полудня, а в полдень его поспешили на костер (27 февраля 1528 года). Возгорание скорее по неосторожности, чем намеренно, происходило медленно, и смерть наступила только после долгих часов агонии.

Если церковные власти думали искоренить новую веру этим мученичеством, то вскоре они обнаружили свою ошибку. Александр Алейн (Алезиус), который взялся убедить Патрика Гамильтона в его ошибках, сам был обращен. Он был арестован и заключен в тюрьму, но сбежал на Континент. Последующие годы стали свидетелями череды мучеников — Генри Форреста (1533), Дэвида Стрэттона и Нормана Гурли (1534), Дункана Симпсона, Форрестера, Кейллора, Бивриджа, Форрета, Рассела и Кеннеди (1539). Знаменитый Джордж Бьюкенен был заключен в тюрьму, но сумел сбежать. [284] Шотландский парламент и Тайный совет помогли церковникам искоренить новую веру серией законодательных актов, которые сами свидетельствуют о ее распространении. В 1540 году в серии Актов (14 марта) было объявлено, что Деве Марии “следует благоговейно поклоняться и возносить к ней молитвы” о процветании короля, о мире со всеми христианскими князьями, о торжестве “Католической веры” и о том, чтобы люди “могли оставаться в вере и соблюдать уставы Святой Церкви”. Также было приказано возносить молитвы святым. Было запрещено спорить или оспаривать папскую власть под страхом смерти и конфискации “движимого и недвижимого имущества”. Никто не должен “порочить или иным непочтительным образом обращаться или каким-либо образом бесчестить” изображения святых, канонизированных Церковью. Еретики, осознавшие ошибочность своего пути, не должны обсуждать с другими какие-либо вопросы, касающиеся “нашей святой веры”. Никто, подозреваемый в ереси, даже если он отрекся, не должен иметь права занимать какие-либо должности или быть допущенным в Королевский совет. Всем, кто помогает еретикам, грозит суровое наказание. В 1543 году, несмотря на все это законодательство, лорд-губернатор (граф Арран) был вынужден признать, что количество еретиков быстро увеличивается и они распространяют мнения, противоречащие Церкви. [285] Положения некоторых из этих законодательных актов показывают, что новая вера обращала в свою веру представителей знати; и они также указывают на основные пункты нападок на Римскую церковь в Шотландии.

В 1542 году (14 декабря) Яков V. умер, оставив малолетнюю дочь Марию (р. 8 декабря), которая стала королевой Шотландии, когда ей едва исполнилась неделя. Таким образом, Шотландия снова подверглась преследованиям из-за малолетнего монарха; и началась обычная борьба за регентство, которая на этот раз включала вопросы национальной политики, а также личного возвеличивания.

Устоявшейся политикой королей династии Тюдоров было отделение Шотландии от старого французского союза и закрепление ее за Англией. Брак Маргариты Тюдор с Яковом IV показывает, какие средства они собирались использовать, и, если бы не ссора Маргариты с графом Ангусом, ее вторым мужем, еще одна свадьба могла бы прочно сплотить нации. Французские браки Якова V., сначала с Мадлен, дочерью Франциска I. (1537), а после ее преждевременной смерти - с Марией де Гиз (1538), показали отвращение Шотландии от союза с Англией. Смерть Джеймса дала Генриху VIII. возможность возобновить планы своего отца, и его

идея состояла в том, чтобы обручить своего мальчика Эдварда с малышкой Марией и привезти "маленькую королеву" в Англию для получения образования. Многие шотландцы сочли это предложение выгодным для их страны, и, возможно, еще больше были склонны так думать из-за денег, которыми Генрих щедро одаривал их, чтобы заручиться поддержкой английской партии в Шотландии. Политика английского союза против французского осложнялась вопросом религии. Что бы ни думали о характере английской реформации в то время, Генрих VIII. полный разрыв с папством и союз с Англией подтолкнули бы Шотландию к восстанию против средневековой Церкви. Лидером французской и романистической партии в Шотландии был Дэвид Битон, безусловно, самый способный и, возможно, самый беспринципный человек там. В 1538 году он был назначен архиепископом Сент-Эндрюса, коадьютором своего престарелого дяди. В том же месяце папа Павел III, которому нужен был священник самого высокого ранга, чтобы опубликовать свою Буллу против Генриха VIII. в месте, максимально близком к Англии, насколько это было возможно найти, он прислал ему кардинальскую шапку. Кардинал Битон выступал в Шотландии за Францию и Рим против Англии и Реформации. Борьба за регентство в Шотландии в 1542 году сопровождалась международной и религиозной политикой. Тучи, предвещавшие бурю, которая должна была погубить Марию, собрались вокруг колыбели малютки-королевы.

Сначала преобладала английская фракция. Претензии королевы-матери почти не рассматривались. Битон предъявил завещание, которое, как говорят, было обманным путем получено от умирающего короля, назначающее его и нескольких ведущих дворян Шотландии губернаторами королевства. Это соглашение вскоре было отменено, граф Арран был назначен губернатором (3 января 1543 г.), а Битон был заключен в замок Блэкнесс.

Губернатор выбрал Джона Рафа своим капелланом и Томаса Уильямса своим проповедником, обоих ярых реформаторов. Акты предыдущего правления против ереси были изменены до такой степени, что люди, подозреваемые в ереси, могли занимать должности, а с еретиками обращались более милосердно. Более того, Парламентский акт (15 марта 1543 г.) разрешал владение и чтение хорошего и правдивого перевода Ветхого и Нового Заветов. Но искусная политика Генриха VIII. и слабость губернатора привела к переменам. Битон был освобожден от Черноты и возвращен в свой собственный замок Сент-Эндрюс; губернатор уволил своих реформированных проповедников; Тайный совет (2 июня 1543 г.) запретил под страхом смерти и конфискации имущества любую критику средневекового учения о таинствах и владение еретическими книгами. В сентябре Арран и Битон помирились; в декабре парламент аннулировал договоры с Англией, дававшие согласие на брак между Эдуардом и Марией, и древний союз с Францией был возобновлен. За этим последовало возобновление преследований, и почти все, чего удалось добиться, было потеряно. Безжалостное разрушение границ Генрихом не улучшило положения. Более просвещенная политика лорда-протектора Сомерсета не смогла рассеять подозрения шотландского народа. Их "маленькая королева" была отправлена во Францию, чтобы получить образование у Гизов, "с той целью, чтобы в юности она выпила ликурга, который восстановил бы ее жизненный тонус, стал чумой для этого королевства и привел к его окончательному уничтожению". [286]

Но если реформационное движение теряло позиции как национальная политика, оно набирало силу как духовное оживление в сердцах людей. Джордж Уишарт, один из Уишартов Питтэрроу,

бежавший от преследований в 1538 году и скитавшийся по Англии, Германии и Швейцарии, вернулся на родину около 1543 года, охваченный желанием свидетельствовать о Евангелии. Он проповедовал в Монтрозе и Данди во время эпидемии чумы, а также в Эйршире. Сторонники Битона стремились обезопасить его, и после проповеднического тура по Лотиану он был схвачен в Ормистон-хаусе и передан графу Босуэллу, который, нарушив данные им обещания, передал его кардиналу; он поместил его в темницу в Сент-Эндрюсе (конец января 1546 г.) и устроил над ним суд в соборе, где он был приговорен к сожжению на костре (1 марта 1546 г.).

Уишарт был предшественником Нокса, и во время этого тура в Лотиансе Нокс был его постоянным спутником. Партия романистов пыталась убить смелого проповедника, и Нокс носил двуручный меч, готовый зарубить любого, кто попытается напасть на миссионера во время его выступления. Вся нежность, которая скрывалась за суровостью характера Нокса, проявляется в рассказе, который он дает об Уишарте в своей *Истории*. А для Уишарта Нокс был любимым учеником. Когда он предвидел, что конец близок, он отказался позволить Ноксу разделить с ним опасность. [287]

В шестнадцатом веке покушение было нередким способом избавиться от политического оппонента, и смерть Битона была давно спланирована, не без тайных подсказок из Англии. Через три месяца после мученической смерти Уишарта (29 мая 1546 года) Норман Лесли и Кирколди из Грейнджа во главе небольшой группы людей ворвались в замок Сент-Эндрюс и убили кардинала. Они удержали крепость, и замок стал убежищем для людей, чьим жизням угрожало правительство и которые сочувствовали английскому союзу. Правительство осадило это место, но не смогло взять его, и их войска отступили. Джон Раф, который был реформированным капелланом Аррана, присоединился к компании и начал проповедовать жителям Сент-Эндрюса. Нокса, который стал заметным человеком и подумывал о том, чтобы укрыться в Германии, убедили войти в замок, и там, совершенно против его воли, его почти заставили выступить в качестве проповедника Слова. Его первая проповедь сразу поставила его в первый ряд шотландских реформаторов, и люди начали предсказывать, что он разделит судьбу Уишарта. “Мастер Джордж Уишарт никогда не говорил так откровенно, и все же он был главным: таким он и останется”. [288]

О ранней истории Джона Нокса почти ничего не известно. Он появился на свет в Хаддингтоне или около него в 1515 году, [289] но в какой день или месяц, остается скрытым. Он происходил из палаты общин Шотландии, и его предки были последователями графов Босуэлов; он был папским нотариусом и получил сан священника в 1540 году; он был наставником сыновей лэрдов Ормистона и Лонгниддри в 1545 году; он сопровождал Уишарта в декабре и январе 1545, 1546 годов — вот факты, известные о нем до того, как он был призван выступить проповедником Реформации в Шотландии. Ему было тогда тридцать два - молчаливый, медленно созревающий мужчина, обладавший немалым талантом держаться на заднем плане.

Работа Нокса в замке и городе Сент-Эндрюс была прервана прибытием французского флота (июль 1547 г.), который обстреливал стены артиллерией до тех пор, пока замок не был вынужден сдаться. Он и все заключенные были перевезены во Францию. В качестве условий капитуляции они заручились тем, что им сохранят жизни; что они будут благополучно доставлены во Францию; и что, если они не смогут принять условия, предложенные им французским королем, им должно быть разрешено отправиться в любую страну, которую они выберут для своего пребывания, кроме Шотландии. Однако у французских королей не было обычая выполнять

обещания, данные еретикам, и Нокс и его спутники были обращены в рабов на галерах. В течение девятнадцати месяцев ему пришлось претерпевать эту смерть при жизни, которую в течение длительных пыток можно сравнить только с тем, что приходилось терпеть христианам первых веков, когда их приговаривали к рудникам. Он должен был сидеть прикованным вместе с четырьмя или шестью другими к гребным скамьям, которые были установлены под прямым углом к борту корабля, не меняя позы днем и вынужденный спать, все еще прикованный, под скамьями ночью; подвергаться воздействию непогоды как днем, так и ночью; терпеть удары кнута надсмотрщика, который расхаживал взад и вперед по трапу, проходившему между двумя рядами скамей; питаться недостаточным количеством грубых сухарей и каши из масла и бобов; быть прикованным вместе с самыми мерзкими злоумышленниками. Французские паписты изобрели этот метод обращения со всеми, кто отличался от них в религиозных вопросах. Это едва ли могло сделать Нокса более терпимым к французской политике или французской религии. Он редко упоминает об этом ужасном опыте. Он отмечает его словами:

“Как долго я пробыл в тюрьме, какие муки я перенес на галерах и какую войну вызвали рыдания моей души, сейчас некогда вспоминать: я не могу представить себе только то, о чем мне трудно сказать больше, чем кому-либо, когда тело было далеко от Шотландии, что моя уверенная жена была, в противоположной аудитории, чтобы проповедовать в Санктандруа, пока я не развратил этого льва”. [290]

Заклученные были освобождены с галер при содействии английского правительства в первые месяцы 1549 года, и Нокс прибыл в Англию к 7 апреля. Именно там он начал свою настоящую работу проповедника Реформации. Он провел почти пять лет в качестве священника в Бервике, Ньюкасле и Лондоне. Ему дважды предлагали привилегии — вакантное епископство Рочестера в 1552 году и дом викария Всех Святых на Бред-Стрит в Лондоне в начале 1553 года. Он отказался и от того, и от другого, и фактически был вызван в Тайный совет, чтобы объяснить, почему он не примет повышение. [291] Вполне вероятно, что он имел какое-то отношение к изданию *Книги общих молитв и отправления таинств и других обрядов и церемоний в Англиканской церкви в 1552 году*, обычно называемой *Вторым молитвенником* короля Эдуарда VI. Рубрика, объясняющая коленопреклонение при вкушении Святой Вечери, или, по крайней мере, одно предложение в ней, скорее всего, связано с его увещаниями или предложениями. [292] Восшествие на престол Марии Тюдор положило конец его карьере в Англии; но он продолжал заниматься своей работой еще долго после того, как его товарищи-проповедники отказались от нее. Он был в Лондоне и имел мужество осудить ликование толпы при ее въезде в столицу — бесстрашный, откровенный человек, на которого всегда можно было положиться в том, что он делал то, на что никто другой не осмеливался.

Нокс благополучно пересек Ла-Манш, неизвестными путями проехал через Францию и добрался до Женевы. Он провел некоторое время с Кэлвином, затем отправился в Цюрих, чтобы повидаться с Буллингером. Он, по-видимому, глубоко размышлял о состоянии Шотландии и Англии и задал этим богословам ряд вопросов, которые показывают, что он пытался сформулировать для себя принципы, которые он впоследствии отстаивал в отношении прав подданных обуздывать тиранических государей. [293] 1554-58 годы, за исключением краткого визита в Шотландию в конце 1555 года, прошли на Континенте, но были важны для его будущей работы в Шотландии. Они были свидетелями проблем во франкфуртской конгрегации английских изгнанников, где широкая терпимость и прямолинейные действия Нокса составляют благородный контраст с узколобой и нечестной политикой его противников. Это

было время его мирного и счастливого служения среди беженцев в Женеве. Они познакомили его с ведущими протестантами Франции и Швейцарии и рассказали ему о внутреннем политическом состоянии народов Европы. Они объясняют постоянную и точную информацию Нокса в последующие годы, когда он, казалось, узнавал о действиях континентальных государственных деятелей еще при Сесиле, опираясь на все ресурсы английского министерства иностранных дел. Прежде всего, они заставили его увидеть, что, говоря по-человечески, судьба всего реформационного движения была связана с союзом между протестантской Англией и протестантской Шотландией.

Нокс вернулся в Шотландию с кратким визитом продолжительностью около десяти месяцев (сентябрь 1555-июль 1556). Он увещевал тех, кто навещал его в его квартире в Эдинбурге, и совершал проповеднические поездки, несколько раз устраивая Вечерю Господню по реформатскому обряду. Он посетил Дан, Колдер-Хаус, Барр, Эйр, Очилтри и несколько других мест, и его радушно принимали в домах многих представителей знати. Он уехал в Женеву в июле, выкроив время, чтобы жениться на своей первой жене, Марджори Боуз, —*учителе суависсимы*, и “жене, подобной которой не везде найдешь”, [294], — и вложив дополнительную силу в растущий протестантизм своей родины. Он говорит нам, что большая часть джентльменов из Мирнса “делают все возможное, чтобы продолжать проповедовать Евангелие Иисуса Христа, как Бог и должен предлагать таким проповедникам и возможности” — устно или письменно, точно не известно. [295]

В 1557 году (3 декабря) протестанты Шотландии заложили основы определенной организации. Это приняло форму, достаточно знакомую по гражданской истории страны, когда беспокойный характер шотландских баронов и слабость центральной власти приводили к постоянным объединениям для проведения мероприятий по обеспечению безопасности, иногда законных, а иногда и выходящих за рамки закона. Союзники пообещали помогать друг другу в предлагаемой работе и защищать друг друга от последующих последствий. Такие соглашения часто составлялись нотариусами в законном порядке и имели обязательную силу благодаря всем известным формам правового обеспечения. *Лорды Конгрегации*, как их стали называть, следовали господствующему обычаю, когда обещали...

“Ради Величия Бога и Его общины, чтобы мы (Его милостью) со всем усердием постоянно применяли нашу огромную силу, средства и нашу истинную жизнь к мантеане, продвигаясь вперед, и утверждали благословеннейшее слово Божье и Его Паству; и будем стараться, насколько это возможно, иметь полное Служение в чистоте и верности, чтобы служить Христу Евангелию и Таинствам Его народу”. [296]

Этот “Завет, подписанный лордами”, был первым (если не считать обещания, данного джентльменами из Мирнса) из многих Заветов, известных в истории Реформированной Церкви Шотландии. [297] Это было старое шотландское словоупотребление, теперь наполненное новым духовным значением и ставшее публичным обещанием Богу, по ветхозаветному образцу, быть верным Его слову и руководству.

Этот важный акт имел немедленные последствия. Лорды конфедерации направили письма Ноксу, находившемуся тогда в Женеве, и Кальвину, призывая шотландского реформатора вернуться на родину. Они также приняли две примечательные резолюции:

“Во-первых, считается целесообразным, разработано и предписано, чтобы во всех приходах этого Королевства Общая молитва (вероятно, Второй молитвенник Эдуарда VI.) [298] регулярно (еженедельно) по воскресеньям и в другие праздничные дни, публично в Приходе Киркис с Уроками Нового и Ветхого Завета соответствуют порядку Книги общих молитв: И если приходские священники будут квалифицированы, чтобы заставить тамэ читать самин; и если они не знают или не опровергают, что магистр квалифицирован в использовании в приходе и читает то же самое. Во-вторых, считается необходимым, чтобы доктрина, проповедь и толкование Священных Писаний были доступны и использовались частным образом в Квайет-хаусе, без большого согласия народа, чтобы впоследствии Бог побудил принца предоставить публичную проповедь верным и достойным служениям ”. [299]

Граф Аргайл подал пример, поддержав Джона Дугласа и заставив его публично проповедовать в своем особняке.

Такое поведение, очевидно, встревожило королеву-мать, ставшую регентшей в 1554 году (12 апреля), и она попыталась побудить примаса использовать свои полномочия для подавления ереси. Архиепископ написал Аргайлу, призывая его уволить Дугласа, в то же время извинившись за его вмешательство, сказав, что королева удивлена, что он может “проповедовать” лиц с извращенной доктриной в своей епархии.

Еще один шаг вперед был сделан некоторое время назад, в 1558 году, когда было решено придать *Конгрегации*, всей компании тех в Шотландии, кто искренне принял евангелическую реформацию, “лицо Церкви” путем создания и признания авторитета, который мог бы осуществлять дисциплину. Несколько старейшин были избраны “общим избранием”, которым вся братия обещала повиновение. Отсутствие публично признанного служения восполнялось мирянами, которые посвящали себя делу увещевания; и во главе их стоял Эрскин из Дана. Первая регулярно учрежденная реформатская церковь в Шотландии находилась в городе Данди. [300]

Эта организация придала смелости протестантским лидерам, и через сэра Джеймса Сэндилэндса они обратились к регенту с просьбой разрешить им публично совершать богослужения в соответствии с реформатской традицией и изменить порочную жизнь духовенства. Это привело к предложению компромисса, который был сразу же отвергнут, поскольку это вынудило бы реформатов благоговеть перед мессой и одобрять молитвы святым. Затем королева-мать разрешила публичное богослужение, за исключением Лейта и Эдинбурга. Затем лорды Конгрегации потребовали приостановления действия законов, которые давали духовенству право судить и карать за ересь, до тех пор, пока Генеральный совет, собранный на законных основаниях, не примет решения по вопросам, которые тогда обсуждались в религии; и чтобы все подозреваемые в ереси предстали перед справедливым судом “светских судей”. [301] Когда регент, который наградил их “дружелюбным видом и в изобилии добрыми словами”, отказался допустить их петицию к рассмотрению в Сословиях и держал ее “при себе”, реформаторы решили обратиться непосредственно в парламент с другой петицией, в которой они заявили, что, поскольку они не смогли добиться реформации, они решили следовать своей совести в вопросах религии; что они будут защищать себя и весь свой образ мыслей, если на них нападут; что если вследствие этого возникнут беспорядки, вина ляжет на тех, кто

отказывается от справедливой реформации; и что, направляя эту петицию, они не имели в виду ничего, кроме исправления злоупотреблений в религии. [302]

Граф Гленкэрн, лорды Эрскин и Лорн, а также Джеймс Стюарт (впоследствии граф Морей) пригласили Нокса вернуться в Шотландию в 1557 году. [303] Он добрался до Дьеппа в октябре и обнаружил, что его ждут письма, в которых говорилось, что время еще не пришло. Ответ, который он прислал, побудил лордов-реформаторов сформировать *Группу* в декабре 1557 года. Именно находясь в Дьеппе, раздосадованный полученными новостями, он сочинил жестокий трактат, озаглавленный "*Первый звук трубы против чудовищного полка женщин*" [304]- книга, которая больше всего повлияла на его будущее. Положение вещей приводило в отчаяние человека, который мечтал работать в Шотландии или Англии. "Кровавая" Мария в Англии преследовала своих чиновников, требуя сжечь единоверцев Нокса, и Реформация, которая достигла такого большого прогресса при Эдуарде VI, казалось, была полностью свергнута; в то время как Мария де Гиз, королева-мать и регентша Шотландии, подстрекала архиепископа Сент-Эндрюсского использовать свои легатские и епископальные полномочия для подавления верующих его родной страны. Но по воле случая Мария Тюдор была мертва еще до того, как памфлет стал широко известен, а королева, которую он больше всех хотел умиротворить, воссела на трон Англии и назначила Уильяма Сесила, самого стойкого из протестантов, своим государственным секретарем. Она едва могла не поверить, что *Взрыв* предназначался ей; и даже если это было не так, он был основан на таких общих принципах, что мог оказаться опасным для того, чей трон все еще был ненадежен. Едва ли стоит удивляться тому, что королева так и не простила пылкого писателя и что *Взрыв* был постоянным препятствием на пути к полному взаимопониманию между шотландским реформатором и его английскими союзниками. [305] Если бы Нокс никогда публично не признался королевам, будь то Елизавета Тюдор или Мария Стюарт; что он поступил неправильно, он был готов сказать другу, которого любил:

"Я не извиняю своей грубой горячности и необдуманных утверждений, которые, скорее, могут показаться исходящими от большего рвения и разума". [306]

Это было хуже для Нокса и для Шотландии, поскольку началось правление женщин. Карл V, Франциск I и Генрих VIII. он скончался, и судьбы Европы оказались в руках Елизаветы, Екатерины Медичи, Марии Стюарт и Филиппа Испанского, самой женственной из четырех.

События в Шотландии развивались быстро после возвращения Нокса в начале лета 1559 года. Королева-регентша и лорды Конгрегации стояли лицом к лицу, решив испытать свои силы. Нокс прибыл в Эдинбург 2 мая 1559 года и поспешил в Данди, где реформаты собрали некоторые силы. Они решили поддержать своих братьев в поддержании общественного богослужения в соответствии с обычаями Реформатской церкви и в подавлении "идолопоклонства" во всех городах, где большинство жителей исповедовали реформатскую религию. Регентша бросила вызов, призвав проповедников предстать перед ней и запретив им проповедовать. Лорды приняли это решение, решив, что они ответят на призыв и явятся вместе со своими проповедниками. Письмо было адресовано регенту (6 мая 1559 г.) "профессором Кристиана Евангелла в королевстве Шотландия". Это было замечательное изложение принципов Шотландской реформации, и его можно резюмировать следующим образом:

“Он создает надежду, когда-то развлекали писателей, чтобы Бог сделал ее орудием настройки и ведение Его Слово и истинного поклонения, защищая свою паству, и downputting все идолопоклонство, мерзость, и суеверие в области; она выражает свое горе, узнав, что она решила поступать прямо противоположным образом; она предостерегает ее против пересечения границы собственного офиса, и узурпирует власть в Христово царство, которое не принадлежит ей; его отличает четко между гражданской юрисдикции, так и духовного; он просит ее вспомнить ее письма ингибирования посланников божьих; он настаивает на том, что его послание должно быть получено хотя спикер должен не хватает обычных призывание; он утверждает, что министры, которые были заторможены были посланы Богом, а также согласно Писанию того, указывает, что ее команды должны быть послушались если противоречит Божьему, и что враги коварно, вызывая ее команда несправедливые вещи так, что преподаватели, когда они ослушались, может быть осужден за подстрекательство к мятежу и восстанию; он умолял ее сжалиться над теми, кто ищет славы Божьей и ее истинное послушание; он заявил, что, с Божьей помощью, они будут идти вперед в том, как они начали, что они будут принимать и оказывать помощь своим служителям, и слова, и что они бы никогда не присоединился снова к мерзости они оставили, хотя вся власть на Земле должна командовать ими, чтобы сделать это; он передал их покорности ей, во всех повиновения ей в мирной жизни, на войне, в орган, товарами и земли; и он закрылся с молитвой, что вечный Бог хотел наставить, укрепить и привести ее Своим Духом в пути, что был приятен ему.” [307]

Затем началась серия испытаний на прочность, в которых регентша, как правило, была лучше, потому что ей были предоставлены дисциплинированные войска из Франции, которые более чем соответствовали феодальным наборам лордов Конгрегации. Восстание народа против регента и прелатов характеризовалось, как и во Франции и Нидерландах, вспышкой иконоборчества, которое не принесло пользы протестантскому делу. В трех странах “рашальское множество” не могли сдержать ни увещевания проповедников, ни предписание магистратов от разрушения “мест идолопоклонства”. [308]

С самого начала Нокс видел, что у реформаторов было мало надежды на окончательный успех, если они не получают помощи из Англии; и он был воодушевлен ожиданием помощи, потому что знал, что спасение протестантской Англии заключается в ее поддержке лордов Конгрегации в Шотландии.

Годы с 1559 по 1567 год были самыми критическими за всю историю Реформации. Существование протестантизма всей Европы было вовлечено в борьбу в Шотландии; и в первый и, возможно, в последний раз в ее истории глаза, видевшие дальше всех, будь то в Риме, веками являвшемся цитаделью средневековья, или в Женеве, оплоте протестантизма, были обращены к маленькому отсталому северному королевству. Они наблюдали за муками рождения новой нации, зарождавшейся британской нации. Два народа, давние наследственные враги, объединились; романисты в Англии признали шотландскую королеву своей законной правительницей, а протестанты в Шотландии обратились за помощью к своим братьям в Англии. Вопрос заключался в следующем: примет ли новая нация реформированную религию или восторжествует реакция? Если Нокс и Конгрегация одержат верх в Шотландии, и если Сесил сможет руководить Англией так, как он намеревался (а эти два человека были необходимы друг другу и знали это), тогда Реформация будет в безопасности. Если бы Шотландию удалось сохранить для Франции и Римской церкви, а ее королева-романистка

обосновала свои претензии на английский трон, тогда Реформация была бы подавлена не только в Великобритании, но также в Германии и Нидерландах. Так думали политики, светские и церковные, в Риме и Женеве, в Париже, Мадриде и Лондоне. Сесил подытожил европейскую ситуацию так: “Император стремится к суверенитету над Европой, которого он не может достичь без подавления реформированной религии, и, пока он не сокрушит Англию, он не сможет сокрушить Реформацию”. В этой опасности Шотландия, контролируемая гизами, была бы фатальной для существования Реформации.

В 1559 году перевес, казалось, был в пользу реакции, если только ее сторонники были достаточно искренни, чтобы отложить на время национальное соперничество. Като-Камбрезийский мирный договор, заключенный всего за месяц до прибытия Нокса в Шотландию (апрель 1559 г.), содержал секретные пункты, обязывавшие королей Франции и Испании сокрушить протестантизм в Европе, на условиях, которые заставили молодого принца Оранского, когда он узнал о них, молчаливо поклясться посвятить свою жизнь защите своих соотечественников и изгнать “отбросы Испании” из Нидерландов. Король Франции Генрих II со своим эдиктом Шатобриана и своей *Пламенной палатой*, с герцогом де Гизом и кардиналом Лотарингским в качестве советников и Дианой де Пуатье в качестве наставницы делал все возможное, чтобы истребить протестантов Франции. Доктор Кристофер Мундт продолжал сообщать королеве Елизавете и ее министру о симптомах общего заговора против протестантов Европы — симптомах, варьирующихся от предполагаемого завоевания Дании до запрета императором членам своей семьи посещать протестантские службы. [309] Трокмортон почти страстно писал из Парижа, призывая Сесила поддержать шотландских лордов Конгрегации; и даже доктор Мундт в Страсбурге видел, что борьба в Шотландии была самым важным фактом в ситуации в Европе. [310]

Однако Сесилу было трудно послать помощь, в которой остро нуждались Нокс и шотландские протестанты. Это означало, что суверен одной страны помогал людям другой страны, которые *де-юре* были мятежниками против своего собственного суверена. Это казалось рискованной политикой в случае такой королевы, как Елизавета, которая еще не была избавлена от опасности, исходящей от мятежных подданных. Была Франция, с которой Англия только что заключила мир. У Сесила были трудности с Элизабет. Ей не нравился сам Кальвин. Она не сочувствовала его теологии, в которой смешались рыдания и осанна, взволновавшие сердца угнетенных народов. Там был Нокс и его *Взрыв*, не говоря уже о том, что он апеллировал к простым людям своей страны. “Боже, сохрани нас от таких посещений, какие пытался совершить Нокс в Шотландии; пусть люди сами распоряжаются всем!” - писал доктор Паркер Сесилу 6 ноября. [311] Однако Сесил знал — как никто другой, — что в случае поражения лордов Конгрегации у протестантской Англии мало надежды и что корона Елизаветы и митра доктора Паркера зависят от победы Нокса в Шотландии.

Он наблюдал за борьбой по ту сторону границы. Еще 8 июля 1559 года он принял решение, что помощь должна быть оказана лордам Конгрегации “сначала всеми честными обещаниями, затем деньгами и в последнюю очередь оружием”. [312] Вторая стадия его программы была достигнута в ноябре; и за два дня до того, как архиепископ Кентерберийский благочестиво призвал Бога помочь не допустить влияния Нокса в Англию, Сесил решил отправить деньги в Шотландию и доверить их распределение Ноксу. Меморандум гласит: Нокс должен быть консультантом по платежам, следить за тем, чтобы они использовались для общих действий. [313]

Третий этап — помощь оружием — наступил раньше, чем можно было ожидать. Положение Франции стало более благоприятным. Генрих II. он умер (10 июля 1559 г.), и Гизы правили Францией через свою племянницу Марию и ее болезненно преданного мужа. Но принцам Бурбонов и многим высшим дворянам не понравилось внезапное возвышение семьи, которая была французской всего два поколения назад, и самый простой способ досадить им состоял в том, чтобы открыто или тайно оказывать поддержку “тем, кто придерживается религии”. Во Франции начались беспорядки. “Куйте железо, пока оно горячо, - писал Трокмортон из Парижа. - их искренняя лесть и сладкие речинужны только для того, чтобы выиграть время”. [314] Сесил нанес удар. У него была тяжелая битва со своей царственной любовницей, но он победил. [315] Между Англией и лордами Конгрегации, действующими от имени “второго лица королевства Шотландия” (Бервикский мирный договор, 10 мая 1560 г.). [316] Английский флот вошел в залив Ферт-оф-Форт; английская армия осадила французские войска в Лейт-форте; и в конце концов Франция была вынуждена ослабить свою хватку в Шотландии и так и не восстановила ее полностью (Эдинбургский мирный договор, 6 июля 1560 г.). [317] Подавляющее большинство шотландского народа видело в победе Англии только свое избавление от французской тирании, и впервые победоносная английская армия покинула шотландскую землю, сопровождаемая благословениями, а не проклятиями. Шотландская литургия, которая содержала *Молитвы, использовавшиеся в церквях Шотландии во времена их преследований французами*, была обогащена *Благодарением Богу за наше освобождение от тирании французов; молитвами о продолжении мира между королевствами Англии и Шотландии*, которые содержали следующее прошение:

“И видя, что, когда мы своими силами были совершенно неспособны освободиться от тирании чужеземцев и от рабства, на которое претендовали против нас, Ты своей особой добротой побудил сердца наших соседей (от которых мы не заслуживали такой милости) взвалить на них общее бремя с нами и ради нашего освобождения не только лишиться жизни многих, но и подвергнуть опасности состояние и спокойствие их Королевства и содружества: Даруй нам, о Господь, чтобы с таким благоговением мы могли помнить о твоих благодеяниях”. получено, что после этого в нашем заявлении мы никогда не вступаем во враждебные отношения с Королевством и нацией Англии”. [318]

Регент умер в ходе военных действий, и Сесил, следуя мудрой политике протектора Сомерсета и совершенствуя ее, полностью предоставил шотландцам самим улаживать свои дела. [319]

Сейчас или никогда - такая возможность представилась Ноксу и Лордам Конгрегации. Они не сидели сложа руки все месяцы, прошедшие с тех пор, как Нокс прибыл в Шотландию. Они укрепили узы, объединяющие их, тремя дополнительными *Группами*. На встрече Конгрегации Запада с конгрегациями Файфа, Перта, Данди, Ангуса, Мирнса и Монтроуза, состоявшейся в Перте (31 мая 1559 г.), они договорились не щадить ни того, ни другого

“труд, добро, сущность, тело и жизни, защищая свободу конгрегации хейл и каждого члена тайрофа, отстаивают ту власть, которая намеревается использовать это во имя религии”. [320]

Они обновили эту *Группу* в Эдинбурге 13 июля; и в Стерлинге (1 августа) они заключили ковенант,

“что никто из нас не совершает вылазку в Таймс-каминг-па к королеве Грейс Приданое, чтобы поговорить или связаться с ней по поводу какого-либо письма без согласия остальных и общих консультаций”. [321]

Они испытали горькое удовлетворение, узнав, что, хотя французские войска и офицеры регента были слишком сильны для них на поле боя, наглость и хищничество этих иностранцев побуждали все чины и классы Шотландии увидеть, что их единственное спасение - в союзе с Англией и триумфе Реформации. *Группа* 1560 года (27 апреля) включала в себя “нобилитет, барронис и джентильмены, исповедующие Христа Иисуса в Шотландии ... дайверис утерис радуется вместе с нами изгнанию французской армии: амангис куам, эрле из Хантли, был главным ”. [322]

Сословия, или парламент, собрались в Эдинбурге 10 июля 1560 года. Ни французские, ни английские солдаты не ушли; поэтому они отложили заседания до 1 августа, а затем снова до 8-го. [323]

Тем временем Нокс и Прихожане были заняты. Реформатор превзошел самого себя за кафедрой церкви Святого Джайлса, ежедневно читая лекции о Книге пророка Аггея (о строительстве Храма) — “доктрине, соответствующей тому времени”. [324] Рэндольф написал Сесилу 15 августа:

“Проповеди - обычное дело, и аудитория у них большая; хотя многие из присутствующих дворян не убеждены в религии, все же они воздают должное пречингам, которые, возможно, надеются, что Бог благоволит их сердцам”. [325]

Конгрегация провела большую благодарственную службу в Сент-Джайлсе, а после нее организовала восемь полностью укомплектованных церквей и назначила пять суперинтендантов по вопросам религии. [326] Они также подготовили петицию в парламент с просьбой разрешить религиозный вопрос так, как они хотели. [327] По просьбе Сословий или парламента Нокс и пятеро его спутников подготовили *“Исповедание профессии и веры в протестантизм в Королевстве Шотландия”*, которое было ратифицировано и одобрено как “прекрасное и здоровое учение, основанное на непогрешимом Слове Божьем”. Впоследствии он был издан the Estates как “итог доктрины, которую мы исповедуем, и ради которой мы поддерживаем позор и лакомство”. [328] Семь дней спустя (24 августа) Сословия постановили, что “епископ Римский не имеет ни юрисдикции, ни авторитета в этой области в установленные сроки”; они отменили все акты предыдущих парламентов, которые противоречили исповеданию веры; и они запретили произносить, слушать или присутствовать на мессе в соответствии с наказанием в виде конфискации имущества и телесных наказаний по усмотрению магистратов за первое преступление, изгнания за второе и смертной казни за третье. [329] Однако эти суровые наказания ни в коем случае не применялись жестко. Лесли (римско-католический епископ Росса) говорит в своей *Истории*:

“Милосердие знати-еретиков нельзя не упомянуть, поскольку в то время они изгнали нескольких католиков из-за религии, заключили в тюрьмы меньшее количество людей и никого не казнили”. [330]

Оставалось сделать еще одно — разработать проект конституции для новой протестантской церкви. Эту работу поручили тем же служителям, которые составляли “Исповедь”. Их попросили подготовить его еще 29 апреля, и они подготовили его для Лордов Конгрегации в течение

месяца. Оно не было одобрено Сословиями, но было приказано представить его на следующем общем собрании, а тем временем перевести на латынь для отправки Кальвину, Вирету и Безе в Женеву. [331] Некоторым показалось, что задержка возникла из-за нежелания многих лордов видеть, что “их плотская свобода и мирские товары ущемляются”; [332] но действовала и другая причина. Сесил, очевидно, желал, чтобы Церковь в Шотландии была единой с Церковью в Англии, и поручил Рэндольфу настаивать на этом вопросе единообразия. Это была любимая идея государственных деятелей обеих стран — Англия давила на Шотландию во время правления Якова I и Карла I., а Шотландия давила на Англию в Торжественной Лиге и Соглашении. Рэндольф был достаточно мудр, чтобы понимать, что такое единообразие невозможно. [333]

"Исповедание веры и доктрины, в которые верят и которые исповедуют протестанты Шотландии" было переведено на латынь и под названием *Confessio Scotican* занимает почетное место в сборниках символов веры реформатских церквей. Он оставался символом Шотландской церкви в течение первого бурного столетия ее существования. Он был вытеснен Вестминстерским исповеданием в 1647 году только при том понимании, что более поздний документ “ни в чем не противоречил” первому; и оставался авторитетным еще долгое время после этой даты. [334] Составленный в спешке небольшим числом теологов, он более отзывчивый и человечный, чем большинство вероучений, и заслужил одобрение многих, кто возражает против безличной логики Вестминстерского исповедания. [335] Первое предложение предисловия задает тон всему:

“Больше всего мы жаждали, дорогие Братья, донести до Всего Мира Суть того Учения, которое мы исповедуем, и ради которого мы терпели Позор и Опасность; Что принесло пользу, когда Гнев Сатаны снова овладел нами, и снова стал Христом Иисусом, его вечной Истиной, которая теперь снова родилась рядом с нами, и до сих пор у нас было Время очистить нашу Совесть, как, к счастью, мы могли бы сделать”. [336]

Предисловие также яснее, чем любой аналогичный документ, за исключением Первого Базельского исповедания, демонстрирует благоговение, которое испытывали первые реформаторы к Слову Божьему и отказ от любых претензий на безошибочность толкования:

“Протестуйте, и пусть каждый человек заметит в этой нашей исповедальной статье отвращение к слову Божьему, что ему было бы приятно из-за его мягкости и ради христианской благотворительности увещевать нас о том же письменно; и мы, по нашей чести и верности, да будет милость Божья, обещаем ему удовлетворение устами Божьими, то есть из его Священных Писаний, или же исправление того, что он считает неправильным”.

Само Исповедание содержит истины, общие для реформированных вероучений Реформации. Он содержит все вселенские доктрины, как они были названы, то есть истины, которым учили на ранних Вселенских Соборах и которые были воплощены в Апостольских и Никейских символах веры; и добавляет те доктрины о благодати, прощении и просвещении через Слово и Дух, которые получили особую известность благодаря возрождению религии в результате Реформации. Исповедь более примечательна причудливой многозначительностью названий, чем какой-либо особой особенностью учения. Таким образом, доктрина откровения определяется сама по себе, отдельно от доктрины Священного Писания, под названием “Откровение Обетования”. Избрание трактуется в соответствии с воззрениями более раннего

кальвинизма как средство получения благодати и свидетельство “непобедимой силы” Божества в спасении. Говорят, что “заметки, по которым отличают истинную Церковь от ложной” - это истинная проповедь Слова Божьего, правильное отправление таинств и правильно поставленная церковная дисциплина. Говорят, что авторитет Священных Писаний исходит от Бога и не зависит ни “от людей, ни от ангелов”; и Церковь знает, что они истинны, потому что “истинная церковь всегда слышит голос своего супруга и пастора и повинуется ему”.

Рэндольф говорит в письме Сесилу (7 сентября 1560 г.), что перед публичным оглашением Признания оно было переработано Летингтоном и лордом Джеймсом Стюартом, которые “усилили строгость слов и предложений мэйни”, и что определенную статью, касающуюся “несвободы, которую подданные несут своим магистратам”, было рекомендовано исключить. [337] С внесенными в него поправками он был прочитан, а затем перечитан статья за статьей в the Estates и передан без изменений, [338]- “никто из присутствующих не возражает”. [339] Когда оно было зачитано перед Собранием Сословий:

Мэйни предложила помочь блуду в защиту того же самого. Старый лорд Линси, самый серьезный и обходительный человек, какого я когда-либо видел, сказал: “Я любил мэйни Йереса, я в своем роде старший в этой компании; теперь, когда Богу было угодно, чтобы я увидел этот день, когда столь знатные люди мэйни и другие разрешили столь достойную работу, я скажу вместе с Саймоном, монахом *Димиттисом*”. [340]

Копия была отправлена Сесилу, и Мейтленд из Летингтона заверил его, что, если в “Исповедании веры” есть что-то, что не нравится английскому министру, “Это может быть изменено (если мать позволит) или, по крайней мере, в какой-то степени уточнено”; что показывает стремление шотландцев идти в ногу со своими английскими союзниками. [341]

Авторов Признания попросили составить краткое заявление, показывающее, как лучше всего управлять Реформированной церковью. Результатом стал замечательный документ, который впоследствии был назван *Первой книгой дисциплины, или Политикой и дисциплиной Церкви*. [342] Он предусматривал управление Церковью посредством сессий Церкви, синодов и генеральных ассамблей; и признавался должностными лицами в Церкви, служителями, учителями, старейшинами, дьяконами, суперинтендантами и чтецами. Авторы этой Дисциплинарной книги заявляли, что обращались непосредственно к Священному Писанию за описанием системы Церковного управления, которую они советовали принять своим соотечественникам, и их исповедание, несомненно, было искренним и столь же справедливым. Однако все они были людьми, симпатизировавшими Кальвину, и имели личные сношения с протестантами Франции. Их форма правления явно вдохновлена идеями Кальвина, изложенными в его *Учреждении*, и тесно соответствует Церковным постановлениям Французской церкви. Должности суперинтенданта и чтеца были добавлены к обычной трех- или четырехкратной пресвитерианской форме правления. Первое было связано с неустроенностью в стране и нехваткой протестантских пасторов. *Суперинтенданты* взяли на себя ответственность за районы, которые не очень точно соответствовали епископальным епархиям, и им было приказано ежегодно представлять Генеральной Ассамблее отчеты о церковном и религиозном состоянии своих провинций и проповедовать в различных церквях своего округа. *Читатели* были обязаны своим существованием небольшому числу протестантских пасторов, большому значению, которое первые шотландские реформаторы придавали образованному служению, а также трудности с получением средств для поддержки пасторов в каждом приходе.

Они были двух классов: те, кто был более высокого разряда, кому разрешалось произносить речи и кого называли *Увещателями*; и те, кто был низшего разряда, в чьи обязанности входило “внятно” читать Обычные Молитвы и Священные Писания. Предполагалось, что в обоих классах будут обучаться дети младшего возраста. *Увещатели*, прилежно изучавшие богословие и удовлетворявшие синод своей ученостью, могли подняться до служителей. Книга дисциплины содержит главу о церковном наследии, в которой подчеркивается необходимость сохранения денежных средств, которыми владеет Церковь, для поддержания религии, поддержки образования и помощи бедным. Наличие этой главы помешало тому, чтобы книга была принята сословиями так же, как “Исповедание веры”. Бароны, большие и меньшие, которые заседали там, слишком часто присваивали “достояние Церкви” в своих личных целях и не желали подписывать документ, осуждающий их поведение. Дисциплинарный кодекс, одобренный Генеральной ассамблеей и подписанный большим количеством дворян и горожан, так и не получил юридической санкции, предусмотренной для Признания.

Генеральная ассамблея Реформатской церкви Шотландии впервые собралась в 1560 году; и с тех пор, несмотря на борьбу, в которую была вовлечена Церковь, собрания проводились обычно два раза в год, иногда чаще, и Церковь была организована для активной работы.

Третья книга, по-разному называемая *Книгой общего порядка*, [343] *Женевский орден*, а теперь часто “*Литургия Нокса*”, была справочником по публичному богослужению и службам Церкви. Обычно он был связан с метрической версией Псалмов, и о нем часто говорят как о *Книге псалмов*.

Катехизис Кальвина был переведен и заказан для использования в наставлении молодежи в вере. Позже *Гейдельбергский катехизис* был переведен и снабжен комментариями с той же целью. Оба они были заменены *Катехизисом* Крейга, который, в свою очередь, уступил место *Более и более коротким Катехизисам* Вестминстерских богословов. [344]

Демократические идеи пресвитерианства, подкрепленные практической необходимостью доверять людям, заставили шотландских реформаторов уделять большое внимание образованию. Все лидеры Реформации, будь то в Германии, Франции или Голландии, чувствовали важность просвещения простых людей; но, возможно, Шотландия и Голландия были двумя странами, где эта попытка была наиболее успешной. Образование народа не было чем-то новым в Шотландии; и хотя в смутные времена до и во время Реформации средние школы исчезли, а университеты пришли в упадок, все же тяга к знаниям не угасла полностью. У Нокса и его друга Джорджа Бьюкенена был великолепный план создания школ в каждом приходе, средних школ или колледжей во всех важных городах, а также увеличения мощи и влияния университетов. Их план, вызванный жадностью баронов, захвативших церковную собственность, был не более чем благочестивым воображением; но он запал в душу Шотландии, и недостаток пожертвований был более чем компенсирован жаждой народа к образованию. Три университета Сент-Эндрюса, Глазго и Абердина обрели новую жизнь, и был основан четвертый, Эдинбургский университет. Шотландские студенты, получившие образование в континентальных учебных заведениях и принявшие реформатскую веру, были наняты для руководства недавно организованной системой образования страны, и вся организация была приведена в соответствие с повседневной жизнью людей благодаря предпочтению, отдаваемому дневным школам перед школами-интернатами, и системе

контроля со стороны самых благочестивых и образованных людей в каждом кругу приходов. Нокс также был готов ввести обязательное посещение школы двумя слоями общества, высшими и низшими — среднему классу, по его мнению, можно было доверять его естественному стремлению к обучению; и он хотел видеть, как государство настолько проявляет власть и покровительство, чтобы завладеть всей молодежью “со стороны” и заставить их поступать в средние школы и университеты, чтобы содружество могло извлечь наибольшую пользу из их служения.

Форма церковного правления, приведенная в *Первой книге дисциплины*, представляла собой скорее схему, требующую заполнения, чем картину того, что фактически существовало в течение многих лет после 1560 года. Он предусматривал форму церковного управления церковными советами, начиная с Сессии отдельной конгрегации и заканчивая Национальным собранием, и его первым требованием была полностью организованная церковь в каждом приходе, управляемая служителем со своей Сессией или советом старейшин и своим собранием дьяконов. Но существовала большая нехватка мужчин, имеющих необходимое образование, чтобы быть рукоположенными в священники, и, следовательно, было мало полностью оснащенных конгрегаций. Первым из существующих судов была Кирк-сессия; она существовала в каждом организованном собрании. Вторым по порядку времени было Генеральное собрание. Его первое заседание состоялось в Эдинбурге 20 декабря 1560 года. На нем присутствовали сорок два члена, из которых только шесть были министрами. Это были небольшие начинания, из которых он вырос. Синоды появились позже. Сначала это были ежегодные собрания служения округа Суперинтенданта, на которые от каждой общины в округе просили прислать Старейшину и дьякона. Суд Пресвитерии возник последним; он зародился в “еженедельном упражнении”.

Работа была выполнена быстро. Между возвращением Нокса в Шотландию и установлением Сословиями реформированной религии прошло всего год. Кальвин писал из Женевы (8 ноября 1559 г.):

“Как мы удивляемся невероятному успеху за столь короткое время, так и мы воздаем великую благодарность Богу, чье особое благословение сияет здесь”.

И сам Нокс, пишущий из гущи битвы, говорит: [\[345\]](#)

“Мы ничего не делаем, кроме как ходим по Иерихону, трубя в трубы, поскольку Бог дает силу, надеясь на победу только своей силой”. [\[346\]](#)

Но опасности были неизбежны; в него стреляли из окна, устраивали смертельные засады, и силы этого человека были почти непосильны:

“ За двадцать четыре часа у меня не будет и четырех свободных для естественного отдыха и непринужденности этого злобного остова ... У меня немного хорошей и уверенной лошади, ибо за моим задержанием установлено усиленное наблюдение, и обещаны большие деньги любому, кто меня убьет”. [\[347\]](#)

Если победа и была одержана, то она не была обеспечена. Монархини Мария и Франциск отказались ратифицировать Акты своих Поместий; и только после того, как Мария была свергнута в 1567 году, Акты Поместий 1560 года были юридически внесены в Свод законов Шотландии. Франциск II. умер в 1560 году (5 декабря), и Мария, молодая и овдовевшая

королева, вернулась на родину (19 августа 1561 года). Партия Реформации с ужасом ожидала ее прихода.

Причин для тревоги было предостаточно. Мария была королевой Стюартов; она представляла Францию, старого наследственного союзника; ее с детства воспитывал непревзойденный политик и смертельный враг Реформации, ее дядя кардинал Лотарингский, чтобы она стала его инструментом в возвращении Шотландии и Англии к самому смертоносному типу романизма. Она была прелестным созданием и, кроме того, обладала силой личного обаяния, большей, чем ее физическое обаяние, и такой, какой не обладала ни одна другая женщина ее времени; у нее был сладкий ласкающий голос, красивые руки; и, что не в последнюю очередь, она обладала даром повелевать слезами. Она выросла при дворе, где женщин учили использовать все подобные чары, чтобы завоевывать мужчин в политических целях. *Королевский эскадрон* еще не существовал, когда Мария покидала Францию, но его новобранцы были готовы, и некоторые из них были ее товарищами. Она ясно дала понять, что намерена свергнуть Реформацию в Шотландии. [348] Ее беспринципный характер был уже известен Ноксу и другим протестантским лидерам. За девять дней до свадьбы она подписала документы, гарантирующие древние свободы и независимость Шотландии; через шесть дней после свадьбы они с мужем поставили свои подписи под теми же документами; но за двадцать дней до свадьбы она тайно отказалась от этих самых свобод и сделала Шотландию простым уделом Франции. [349] Они подозревали, что партия во Франции, чьей фигурой она была, не пойдет на преступление, чтобы осуществить свои планы, и показали, на что они были готовы, отравив четырех шотландских уполномоченных, отправленных в Париж на свадьбу их молодой королевы, потому что они отказались позволить Франциску немедленно короноваться королем Шотландии. [350] Они знали, какой способной ученицей она уже показала себя в их школе, когда повела своего молодого мужа и своих фрейлин на прогулку по замку Амбуаз, чтобы увидеть тела десятков протестантов, повешенных на перемычках и башенках, и полюбоваться “прекрасными гроздьями винограда, которые выросли из серых камней”. [351]

Едва ли было что-то удивительное в том, что лорд Джеймс, Мортон и Летингтон, если бы не послушание, “не заботились о том, что они никогда не видели ее лица”, и чувствовали, что для них нет никакой безопасности, кроме защиты Елизаветы. Что касается Нокса, нам говорят: “Мистер Нокс полон решимости терпеть до конца, и другие не оставят его, пока Бог не заберет его жизнь и их жизни вместе”. [352] Какую пользу она могла бы извлечь из своего очарования тщеславными, буйными дворянами Шотландии? Не слишком ли много сказать, если бы не страстный женский порыв — так похожий на ГИПЕРССЫЛКУ Стюарта — который заставил ее броситься сначала в объятия Дарнли, а затем Босуэлла, и если бы не Нокс, она могла бы преуспеть в восстановлении папства в Шотландии и в усмирении протестантской Англии?

Сам Сесил не был лишен своих опасений и призывал протестантов Шотландии держаться твердо. Ответ Рэндольфа показывает, насколько он доверял упорству Нокса, как бы сильно тот иногда ни осуждал его жестокость:

“Там, где ваша честь призывает нас к осторожности, уверяю вас, что полет одного человека способен за один день вселить в нас больше жизни, чем пятьсот пуль, постоянно бьющих в наши уши”. [354]

После приезда Мэри он смог написать:

“Она (Мария) четыре дня была без мессы; в следующее воскресенье после приезда французский священник отслужил ее в своей часовне. Помимо ее дядьев и собственных домочадцев, там был граф Монтроуз, лорд Грэхем ... остальные были на проповеди мистера Нокса, их было так же много, как и в любой другой день. [355]

Советники Марии, ее дяди, знали, насколько опасно состояние Шотландии для их замыслов, и советовали ей повременить и постепенно привлечь на свою сторону ведущих дворян-реформаторов. Молодая королева приступила к выполнению своей задачи с некоторым рвением. Она настояла на том, чтобы отслужить мессу для своего собственного дома; но она, как и обещала, сохранит законы, которые сделали мессу в Шотландии незаконной; и о ее способности к обаянию и лицемерию многое говорит тот факт, что едва ли был хоть один из дворян-реформаторов, которого она не убедила поверить в ее искренность в тот или иной момент, и что даже проникательный Рэндольф, казалось, на какое-то время поверил, что она имела в виду то, что говорила. [356] Нокс один в Шотландии прочитал ее характер и невольно отдал должное ее способностям в своем первом интервью с ней. [357]

Он видел, что она была тщательно обучена своими дядьями, и особенно кардиналом Лотарингским, и что бесполезно ожидать от нее чего-либо похожего на честность:

“В очень серьезных документах утверждается, что уроки Кардинала настолько глубоко запечатлелись в его сердце, что сущность и качество, похоже, погибли вместе. 1 можно было бы сказать, что я умер, но, боюсь, этого не произойдет. Общаясь с ней, я обнаружил такое мастерство, какого не встречал в подобном месте”. [358]

Мейтленд из Летингтона думал иначе. В письме Сесилу (25 октября 1561 г.) он пишет:

“Вы знаете горячность мистера Нокса Спрейта, с которой невозможно совладать.... Я бы хотела, чтобы он обращался с ней помягче, *будучи неубедительной юной принцессой*. [359]

Считалось, что Марию можно было бы склонить к принятию Реформации, если бы ее только нежно направляли. Когда читается частная переписка Мэри, когда изучаются и становятся известными тайные знания, которыми обладали ее единоверцы за границей о ее замыслах, становится ясно, насколько верно Нокс истолковал ее характер и намерения. [360] Временами он был почти одинок среди ведущих людей, но его искренне поддерживала палата общин Шотландии. [361]

Затем началась борьба между очаровательной королевой Марией Стюарт, одним из прекраснейших цветов французского Возрождения, и негибимым проповедником, прошедшим самую суровую школу реформационного движения, — борьба, которая была настолько живописной, в которой оба противника обладали такой ярко выраженной индивидуальностью и в которой аксессуары были настолько драматичными, что зритель незаметно погружается в личную сторону конфликта и испытывает искушение забыть, что это была часть Революции, сотрясавшей всю среднюю и западную Европу.

Много написано о грубости, с которой Нокс нападал на Мэри публично и наедине, и на его беседы с ней постоянно ссылаются, но редко цитируют полностью. Забывается, что именно

Мария пожелала испытать свой дар обаяния на проповеднике, точно так же, как Екатерина Медичи пыталась очаровать де Беза перед Пуасси; что Нокс никогда не искал собеседования; что он никогда не приближался ко Двору, если его не вызывала к ней монархиня; что он был почителен, как и подобает подданному; и только когда сама Мария заставляла его говорить на темы, за которые он был готов отдать свою жизнь, он проявлял суровость, которую монархи редко испытывают по отношению к тем, кому они дают аудиенцию. Что делает эти интервью выдающимися в истории, так это то, что они демонстрируют первое столкновение автократического правления и доселе неизвестной власти народа. Это была эпоха, когда монархи повсюду набирали деспотическую власть, когда могущество феодальных баронов было сломлено, когда простолюдины были немы. Молодая королева, чье воспитание с детства неизгладимо наложило отпечаток на ее характер, что королевская власть означает обладание неограниченными автократическими привилегиями, перед которыми все должно уступить, которая видела, что никто во Франции не осмеливался оспаривать волю ее болезненного, скучного мальчика-мужа просто потому, что он был королем, внезапно столкнулась с чем-то, что было выше ее понимания:

“Какое отношение вы имеете, ’ спросил ше, ‘ к моему браку? Или кто вы в этом Государстве?’ -*Тема, относящаяся к тому же самому*, ‘ сказал он, ’ мадам. И хотя я не Эрл, Господь, и не заточен в нем, все же, Бог свидетель, я (каким жалким я когда-либо был в твоих глазах) полезный член в нем”. [362]

В этом ответе зародилась современная демократия. Любопытно видеть, как этот конфликт между автократической властью и гражданскими и религиозными правами людей проходит через все интервью Мэри и Нокса, и, по правде говоря, был вопросом вопросов между ними. [363]

Нет необходимости рассказывать историю семи лет борьбы между 1560 и 1567 годами. В конце концов, Мэри была заключена в замок Лохлевен, свергнута, а на трон взошел ее малолетний сын Джеймс VI. Регентом стал лорд Джеймс Стюарт, граф Морей. Сословия или парламент снова проголосовали за Исповедание веры и включили его в свои Акты. Регент, действующий от имени суверена, подписал Акты. Таким образом, Исповедание стало частью закона страны, и Реформатская церковь была юридически признана в Шотландии.

КНИГА IV.

РЕФОРМАЦИЯ В АНГЛИИ

ГЛАВА I.

ЦЕРКОВЬ ГЕНРИХА VIII. [364]

Церковь и народ Англии отделились от средневековой папской церковной системы настолько исключительным образом, что этот разрыв имел не так уж много общего с современными движениями во Франции и Германии. Генрих VIII. уничтожил папское превосходство, духовное и светское, на земле, которой он управлял; он разорвал узы, объединявшие Англиканскую церковь с великой Западной Церковью, управляемой римским епископом; он построил то, что можно назвать царственным папством, на руинах юрисдикции папы. Его отправной точкой стала ссора с папой римским, который отказался развести его с Екатериной Арагонской.

Однако было бы ошибкой думать, что стремление Генриха развестись с Екатериной объясняется английской реформацией. Ни один король, каким бы деспотичным он ни был, не смог бы совершить такую революцию, если бы в жизни людей не было многого, что примирило их с переменами, и доказательств этому предостаточно.

В Англии было много так называемой *ереси* задолго до того, как голос Лютера был услышан в Германии. Люди утверждали, что десятина была поборами алчных священников и не была санкционирована законом Божиим; они протестовали против иерархического устройства Средневековой Церкви; они читали Священные Писания и посещали службы на местном наречии; и они насмеялись над авторитетом Церкви и нападали на некоторые из ее доктрин. Лоллардизм никогда не умирал в Англии, и Лоллардизм был просто английской формой того пассивного протеста против средневековой церкви, которая под разными названиями сохранялась во Франции, Германии и Богемии на протяжении веков, несмотря на преследования. *Деяния и памятники* Фокса показывают, что до Лютера в Англии происходило довольно активное подавление так называемой ереси, и его рассказы подтверждаются государственными документами того периода. В 1511 году Андреас Аммонius, латинский секретарь Генриха VIII, в письме Эразму говорит, что дров стало мало и они стали дорогими, потому что их требовалось так много для сжигания еретиков, “и все же их число растет”. И все же доктор Джеймс Гэрднер заявляет, что только одна пара пострадала в течение того года на костре! [365] В начале 1512 года архиепископ Кентерберийский созвал собрание с явной целью пресечения распространения ереси; [366] в том же году Эразм Мор рассказал, что *Epistolæ Obscurorum Virorum* были популярны повсюду по всей Англии; [367] и епископу Ковентри и другим было дано поручение навести справки о Лоллардах в Уэльсе и других частях; [368] и уже в 1521 году епископ Лондонский арестовал пятьсот лоллардов. [369] В 1530 году Генрих VIII. сам он, всегда интересовавшийся теологией и стремившийся узнать побольше о книгах, интересовавших его предметы, послал в Оксфорд за экземпляром статей, за которые был осужден Уиклиф. [370] Любой, кто насмеялся над реликвиями или паломничествами, считался виклифитом. [371] В 1531 году от студентов-богословов требовали принести клятву отречься от доктрин Виклифа, Гуса и Лютера; [372] и в 1533, Мор в письме Эразму называет Тиндейла и сочувствующих ему виклифитами. [373] Генрих VIII. еще в 1518 году был занят составлением книги против ереси и обоснованием претензий Римского престола, которая при своем первоначальном появлении едва ли могла быть направлена против Лютера и, вероятно, касалась взглядов местных еретиков. [374] Некоторые современные историки склонны считать, что сильное восстание англичан против Рима было коренным явлением и практически ничего не заимствовано у Лютера, который, по их мнению, был первоначальной силой, повлиявшей на

формирование английской реформации. Г-н Поллард указывает, что во многих деталях эта Реформация следовала принципам, изложенным Викилфом. Его лидеры, такие как Уиклиф, осуждали папское превосходство на основании политического ущерба, который оно нанесло английскому народу; выступали против лени, безнравственности и богатства английских священнослужителей; выступали за проповедническое служение; и надеялись, что светская власть обуздает пороки и реформирует нравы духовенства, а также будет управлять Церковью. Он показывает, что

“большинство английских реформаторов были знакомы с работами Уиклифа: Кранмер заявляет, что он излагал истину Евангелия; Хупер вспоминает, как он сопротивлялся "папистской доктрине мессы"; Ридли, как он отрицал пресуществление; и Бейл, как он осуждал монахов.... Бейл с триумфом отмечает, что, несмотря на попытки скрыть (труды Уиклифа), ни один из них полностью не погиб”. [375]

И доктор Рэшдалл доходит до того, что говорит:

“Несомненно, что Реформация фактически вспыхнула во время тайных чтений Библии Кембриджскими реформаторами либо до трубного зова Лютера, либо до требований Генриха VIII. Личная и политическая позиция Генриха VIII снова дала людям свободу открыто выступать против папы и монахов и проповедовать более простое и духовное Евангелие, чем система, против которой боролся Уиклиф”. [376]

Даже если признать, что эти утверждения несколько сильны, они, по крайней мере, привлекают внимание к факту сильной лоллардской закваски, пропитавшей английский народ, и являются весьма необходимым исправлением вводящих в заблуждение утверждений доктора Джеймса Гэрднера по этому вопросу.

Генрих VIII. за ним стояли другие народные силы —укоренившаяся неприязнь к духовенству, которая характеризовала большую массу людей, влияние учения христианских гуманистов Англии и распространение лютеранских взглядов по всей стране.

Епископ Лондона, написав Вулси о предложении судить его канцлера, доктора Хорси, за соучастие в предполагаемом убийстве Ричарда Ханна, заявил, что если канцлер

“если бы судили любых двенадцать человек в Лондоне, они были бы так злонамеренно настроены *в пользу hæreticae pravitatis*, что они отвергли бы и осудили любого клерка, даже если бы он был невиновен, как Авель”. [377]

Эта неприязнь распространялась не только на столицу. Парламенты проявили себя антиклерикальными задолго до того, как Генрих отказался от своей верности Риму; [378] и англичане не могли найти лучшего оскорбительного термина для шотландцев, чем назвать их “людьми папы римского”. [379]

Также не следует забывать о трудах христианских гуманистов. Двойную тенденцию в их стремлении искоренить злоупотребления суевериями, паломничествами, поклонением реликвиям и т.д. можно увидеть в жизнеописаниях сэра Томаса Мора и Уильяма Тиндейла. Когда первый увидел, что реформа означает распад средневековой Церкви, он становился все более и более консервативным. Но еще в 1520 году (28 февраля) мог написать Леа, что, если папа (Лев X) отзовет свое одобрение греческого Нового Завета Эразма, нападки Лютера на

Святой Престол были самым благочестием по сравнению с таким поступком. [380] Тиндейл, любимый ученик декана Колета, с другой стороны, пошел вперед и заслужил венец мученика. Эти христианские гуманисты многого ожидали от Генриха VIII, на которого они смотрели как на человека, проникнутого Новыми Знаниями, и в конце концов, возможно, они не совсем ошиблись. Если изучить *Книгу епископов* и *King's Book* be studied, it will будет видно, что в обоих случаях упор делается на реформирование поведения и изучение Библии — вполне в духе Колета и Эразма.В

Труды Лютера рано попали в Англию и были прочитаны королем [381] и людьми. Длинный список из них, включая шесть экземпляров его работы "*О папском престоле*", можно найти на складе оксфордского книготорговца Джона Дорна [382] (1520). Эразм в письме Эколампадию (15 мая 1521 г.) заявляет, что в Англии есть много книг Лютера, и намекает, что, если бы не его усилия, они были бы сожжены. [383] Это было до официального осуждения Лютера. 28 мая Сильвестр, епископ Вустерский, написал Вулси из Рима, сообщив, что кардиналы согласились объявить Мартина еретиком и что по этому поводу готовится Булла. [384] Сама Булла появилась в Риме 15 июня; и впоследствии наша информация о трудах Лютера в Англии почерпнута из свидетельств попыток их уничтожения. Уорхэм, архиепископ Кентерберийский, написал Вулси (8 марта 1521 г.), что он получил письма из Оксфорда, в которых говорилось, что университет заражен лютеранством и что там имеют хождение запрещенные книги. [385] Действительно, большинство каноников, назначенных в новый фонд Кардинальской коллегии Уолси, вызывали подозрения. Кембридж был таким же плохим, если не хуже. Сотрудники университета собирались в таверне "Белая лошадь", чтобы почитать и обсудить труды Лютера; гостиница называлась "Германия", а те, кто ее посещал, - "немцы". Папа Лев призывал и короля, и Вулси предотвратить распространение лютеранской литературы, и они сделали все возможное, чтобы подчиниться. Мы читаем, что 12 мая 1521 года Вулси торжественно отправился в собор Святого Павла и после различных церемоний взошел на эшафот, уселся "под одеянием сословия" и выслушал проповедь епископа Фишера против лютеранских заблуждений. У его ног с правой стороны сидели послы папы Римского и архиепископ Кентерберийский, а с левой стороны - императорские послы и епископ Даремский. Пока читалась проповедь, множество лютеранских книг было сожжено в огромном костре, разожженном неподалеку на кладбище церкви Святого Павла. [386] Представители папы и императора видели все это и, несомненно, доложили своим соответствующим судам, что Вулси выполнял свой долг перед Церковью и Империей. Можно усомниться в том, препятствовали ли подобные театральные представления распространению книг Лютера в Англии или мешали их чтению.

Все это указывало на определенную готовность Англии к Реформации, и все это означало, что за Генрихом VIII стояла мощная национальная сила. когда он, наконец, решился бросить вызов Риму.

И национальное отделение от Рима не было таким уж серьезным событием, как пытается заставить нас поверить доктор Гайрднер. Папство секуляризировалось, и европейские монархи привыкли относиться к папам как к светским князьям. Возможность отделения Англии от папской власти и создания отдельного патриархата под руководством архиепископа Кентерберийского считалась вероятной еще до того, как заговорили о разводе. [387]

Именно Генрих сам упорно придерживался концепции папского верховенства и отстаивал ее так, как это до сих пор делали только канонисты Римской курии. Какой бы ни была тайная

причина, которую он изложил сэру Томасу Мору и которая заставила замолчать протесты последнего, очевидно, что действительность брака Генриха и законность рождения его детей от Екатерины Арагонской зависели от того, что папа обладал самыми широкими полномочиями по распоряжению. Генрих был женат на Екатерине при весьма необычных обстоятельствах, которые вполне могли вызвать сомнения в действительности брачной церемонии.

Англия Генриха VII. был почти таким же сателлитом Испании, как Шотландия была сателлитом Франции, и, чтобы еще больше укрепить союз, был заключен брак между Артуром, принцем Уэльским, и Екатериной, младшей из трех дочерей Фердинанда и Изабеллы Испанских. Испанская принцесса высадилась в Плимуте (2 октября 1501 года), а свадьба состоялась в соборе Святого Павла 14 ноября. Но принц Артур умер несколько месяцев спустя (2 апреля 1502 года), и Екатерина овдовела. Обстоятельства двух наций, казалось, более чем когда-либо требовали укрепления союза путем смешанных браков, и со стороны Испании было предложено, чтобы молодая вдова вышла замуж за Генриха, своего шурина, ныне принца Уэльского. [388] Фердинанд оказал давление на Англию, настаивая на том, что, если это не будет сделано, Екатерину следует отправить обратно в Испанию и вернуть первую часть ее приданого (все, что было выплачено). Затем оба короля обратились к папе Юлию II с просьбой разрешить этот брак. Сначала Его Святейшество очень не хотел давать согласие. Каноническое право клеймило такой брак как грех, и сам папа римский сильно сомневался, правомочен ли он давать разрешение в подобном случае. [389] В конце концов его убедили отдать его. У двух молодых людей были свои угрызения совести. Фердинанд почувствовал, что должен урезонить своего предполагаемого зятя. [390] Духовник его дочери был заменен. [391] Архиепископа Кентерберийского, который сомневался, что папа может даровать разрешение на то, что в его глазах было смертным грехом, заставили замолчать. [392] Свадьба состоялась (11 июня 1509 г.).

Этот брак был в каком-то смысле исключительно неудачным. Первые четверо детей были либо мертворожденными, либо умерли вскоре после рождения; и еще в 1514 году в Риме ходили слухи, что Генрих может попросить развода, чтобы спасти Англию от спорного наследования. Мария родилась в 1516 году и выжила, но все дети, появившиеся на свет впоследствии, были либо мертворожденными, либо умерли в раннем младенчестве. К 1525 году стало очевидно, что если Генрих не разведется со своей женой, у него не будет наследника мужского пола.

Нет никаких сомнений, что отсутствие наследника мужского пола сильно беспокоило Генриха. Английский народ не привык к женщине-государыне; в настоящее время в Англии, пусть и ошибочно, сообщалось, что законы страны не позволяют женщине быть суверенной, и такие хорошо информированные дипломаты, как венецианские послы, поверили этому заявлению; [393] и династия Тюдоров не была настолько прочно закреплена на троне, чтобы могла позволить себе рассчитывать на спорное наследование. Первой идеей короля было попросить папу узаконить своего незаконнорожденного сына герцога Ричмондского; [394] и кардинал Кампеджио фактически предположили, что принцессу Марию следует выдать замуж за ее сводного брата. [395] Этим проектам пришел конец со смертью молодого принца.

Кажется, нет причин сомневаться в искренности сомнений Генриха в законности его брака с Екатериной или в том, что он действительно рассматривал неоднократное крушение своих надежд на наследника мужского пола как божественное наказание за грех этого контракта. [396] Вопросы национальной политики и порывы страсти пробуждают удивительно

добросовестные убеждения, но они не показывают, что убеждения не настоящие. В сложном его положении кратчайшим выходом, казалось, было попросить папу римского заявить, что он никогда не состоял в законном браке с Екатериной. Если бы у него были угрызения совести по поводу его брака с вдовой брата, это положило бы им конец; если бы его преследовали опасения по поводу спорного наследования, он мог бы жениться снова и надеяться на сына и законного наследника, чье наследование никто не стал бы оспаривать. Кардинал Уолси одобрил планы своего господина, и от папы требовалось заявление о том, что брак с Екатериной вообще не был браком.

Однако во все это вошел, в какое время, определить нелегко, элемент низости, который плохо сочетается с утвержденной щепетильностью совести и настоятельными потребностями государства. Вулси был поражен, когда узнал, что Генрих решил жениться на Анне Болейн, леди, чье положение в жизни и личная репутация не позволяли ей претендовать на пост королевы Англии. Именно чрезмерная, хотя и не очень продолжительная страсть Генриха к этой даме ввела его в заблуждение и позволила папе римскому изображать из себя блюстителя общественной морали Европы.

Очевидно, что Генрих VIII. полностью ожидал, что папа Римский объявит его первый брак недействительным; прецедентов для таких действий было много — два в собственной семье Генри; [397] и задержка не имела ничего общего с интересами общественной морали. Папа в то время находился практически во власти Карла V. К нему обратилась его тетя, обиженная Екатерина, и он пообещал ей свою защиту. Стоит только изучить этапы затянувшегося разбирательства "Развода" и сравнить их с современной ситуацией в Италии, чтобы увидеть, что все, о чем заботилась Курия, - это успех папской дипломатии на итальянском полуострове. Интересы морали были настолько незначительны в его сознании, что Климент не раз предлагал Генриху взять вторую жену, не соблюдая формальности признания его первого брака недействительным. [398] Таково было решение вопроса папой Римским в более раннем случае и Климентом VII. не видел причин, по которым в том, что было позволено королю Испании, должно быть отказано королю Англии. [399] Он был готов терпеть двоеженство, но не препятствовать Карлу, пока император был хозяином в Италии. [400]

Нет необходимости вдаваться в подробности развода. Затянувшийся процесс стал наглядным уроком для английских государственных деятелей. Они увидели серьезный моральный вопрос — может ли мужчина законно жениться на вдове своего умершего брата; вопрос, жизненно влияющий на благосостояние английского народа — возможность оспаривания престолонаследия; личные желания могущественного, волевого и вспыльчивого монарха (поскольку присутствовали все соображения, а не только последнее) — все подчинено меняющимся потребностям мелкого итальянского принца. Что касается Англии, серьезный интерес к этому делу прекратился, когда Кампеджио отложил расследование (23 июля 1529 года). Генрих знал, что не может ожидать, что папа даст ему то, что он хотел; и хотя его агенты вели дело в Риме, он сразу же начал готовиться к выходу из-под папской юрисдикции.

Английская знать, которая долгое время была недовольна правлением Вулси, воспользовалась провалом великого министра в переговорах о разводе, чтобы ускорить его падение. Он был лишен поста лорда—канцлера, который был передан сэру Томасу Мору, и королевской скамье подсудимых было предъявлено дополнительное обвинение в нарушении закона Премунира-обвинение, в котором он признал себя виновным. [401]

Тем временем Генрих предпринял меры по созыву парламента; и в промежутке между созывом и собранием ему было высказано предположение, что Кранмер придерживается мнения, что лучший способ решить вопрос о разводе - это передать его из рук курии и проконсультроваться с канонистами различных университетов Европы. Кранмеру было поручено подготовить дело, которое будет передано им на рассмотрение. Это было сделано настолько успешно, что два великих английских университета, французские университеты Парижа, Орлеана, Буржа и Тулузы, решили, что брак короля с Екатериной недействителен; итальянские университеты Феррары, Падуи, Павии и Болоньи пришли к тому же выводу, несмотря на прокламацию папы Римского, запрещающую всем врачам утверждать, что брак короля недействителен. [402]

Парламент собрался 3 ноября 1529 года и, исходя из вынесенных на его рассмотрение вопросов, получил название “Парламента по борьбе с чудовищными деяниями духовенства”. [403] Это показало силу мнения мирян, на которую Генрих мог рассчитывать в борьбе, которую он собирался начать с духовенством. С целью еще больше укрепить свои позиции король созвал собрание знати, [404] которое собралось 12 июня 1530 года и обратилось к Папе с письмом, в котором они умоляли его согласиться с желанием короля, указывали на зло, которое последует из отсрочки развода, и намекали, что они могут быть вынуждены взять дело в свои руки. Похоже, таково было общее мнение среди мирян Англии, поскольку иностранец, пишущий во Флорентийскую республику, говорит: “Ни о чем другом на этом острове каждый день не думают, кроме как устроить дела таким образом, чтобы они больше не нуждались в Папе ни для заполнения вакансий в Церкви, ни для какой другой цели”. [405]

Убедившись в существовании огромной массы мирян, Генрих затем решил принудить духовенство к повиновению. Он внезапно обвинил их всех в *премунитетстве*, поскольку они признали власть папских легатов в королевстве; и сумел вымогать сумму в 100 000 фунтов стерлингов, подлежащую выплате пятью ежегодными платежами в виде штрафа у духовенства провинции Кентербери. [406] На том же собрании (1531 г.) духовенство было вынуждено под угрозой закона о *Премунуре* заявить, что король был “их единственным защитником и верховным господином, и, *насколько это разрешено законом Христа*, Верховным главой Церкви и духовенства”. Двусмысленность признания оставляла лазейку для слабой совести; но король был удовлетворен этой фразой, чувствуя уверенность, что сможет навязать Церкви свою собственную интерпретацию признания. “Что касается короля, - писал посол Карла V своему повелителю, - то все равно, как если бы они не делали никаких оговорок; ибо теперь никто не осмелится оспаривать у своего повелителя важность этой оговорки”. [407]

Это признание было, по словам короля, просто более четким изложением того, что содержалось в старых статутах *Премунура*, и во всем своем последующем церковном законодательстве он утверждал, что он всего лишь вводил в действие более ранние законы Англии.

Парламент 1532 года оказал королю важную помощь в том, чтобы заставить подчиниться его желаниям не только духовенство Англии, но и папу Римского. Палата общин представила петицию с жалобой на различные нарушения, затрагивающие мирян в работе церковных судов, которая была направлена с набором требований от короля к Созыву. Результатом стала важная резолюция Созыва (15 мая 1532 г.), которая называется “*Представление духовенства*”, в

которой обещается не издавать никаких новых канонов без разрешения и ратификации короля и представить все предыдущие каноны комитету по пересмотру, состоящему из тридцати двух человек, шестнадцати от парламента и шестнадцати от духовенства, и все они должны быть выбраны королем. Этот комитет должен был исключить все, что содержало что-либо наносящее ущерб королевским прерогативам. Этот Акт о Созыве практически провозгласил, что Англиканская церковь не может ни устанавливать какие-либо правила для своего собственного руководства без разрешения короля, ни действовать в соответствии с общим правом средневековой церкви, когда это, по мнению короля, вторгается в королевскую прерогативу. [408] От этого Акта Англиканская церковь так и не смогла освободиться. Другим актом этого парламента, которому было суждено принести наибольшую пользу Генриху в его отношениях с Папой, был Акт, касающийся *аннат*, то есть годового дохода от всех церковных пособий, выплачиваемых Папе при вступлении в какое-либо пособие. Закон гласил, что *аннаты* должны быть изъяты у папы римского и переданы королю, но разрешал Его Величеству приостанавливать их действие до тех пор, пока это ему заблагорассудится. [409] Это было положение о приостановлении действия, которое позволило Генриху принудить папу, и он не замедлил воспользоваться этим. [410] В письме в Рим (21 марта 1532 г.) он сказал: “Папа и кардиналы могут завоевать нашу дружбу правдой и справедливостью. Позаботьтесь о том, чтобы они не слишком надеялись и не впадали в отчаяние от этой власти, которая была передана нам статутом. Я не хочу их обманывать, но хочу сказать им тот факт, что этот закон пойдет им на пользу, если они покажут, что заслуживают его; если нет, то в противном случае. В настоящее время не определено ничего, что могло бы пойти им на пользу, если они не презирают мою дружбу”. [411]

Архиепископ Уорхэм, председательствовавший на Собрании, на котором было представлено духовенство, умер в августе 1532 года; и Генрих решил, что Кранмер, несмотря на его нежелание, должен стать его преемником на посту архиепископа Кентерберийского. Кранмер искренне верил, что королевское превосходство - это хорошо и излечит многие церковные пороки, которые, казалось, не могли исправить никакие обращения к папе; и он также был убежден, что брак Генриха с Екатериной был таким, на который даже высшая церковная власть не могла дать разрешения. Он был готов выполнить волю короля в обоих отношениях. Он не мог быть приемлемым примасом Римской курии. И все же Генрих, пригрозив папе потерей *аннат*ов, фактически вынудил его направить Буллы в Англию, причем с необычной быстротой, подтверждающие назначение на пост примаса человека, который, как было известно, верил в недействительность брака короля и был готов претворить в жизнь свое мнение; и это в то время, когда парламент Англии объявил, что суд примаса является высшим церковным трибуналом для английской Церкви и народа. Этот поступок сделал Курию действительно ответственной почти за все, что последовало в Англии. Ибо парламент в феврале 1533 года, действуя по представлению духовенства, принял Закон, запрещающий все апелляции в Рим из архиепископского суда и предписывающий, чтобы, если какие-либо апелляции будут приниматься, они подавались в Королевский канцлерский суд. Это был знаменитый Акт сдерживания апелляций. [412]

В начале 1533 года (25 января) Генрих VIII. был тайно женат на Анне Болейн. В этом конкретном случае он последовал совету папы Римского - жениться, не дожидаясь развода; но вскоре после этого (5 апреля) он получил от Кентерберийского собрания документ, в котором говорилось, что

папа не имеет полномочий давать разрешение в таком случае, как брак Генриха с Екатериной; [413] и Закон о сдерживании апелляций сделал такое решение практически окончательным что касается Англии.

Кранмер был рукоположен архиепископом Кентерберийским 30 марта 1533 года. Его мнение было известно. Он был одним из кембриджских “немцев”; он свободно общался с лютеранскими богословами в Германии; он начал тайно молиться об упразднении власти папы в Англии еще в 1525 году; и недаром Шапюи называл его “лютеранином”. [414]

11 апреля 1533 года новый примас попросил короля разрешить ему рассмотреть вопрос о разводе в его собственном церковном суде; и на следующий день ему было предоставлено разрешение как главному министру “нашей духовной юрисдикции”. [415] Судебное разбирательство было начато, и суд, действуя на основании решений Созыва двумя месяцами ранее, который объявил [416], что разрешение на брак с вдовой брата не может быть дано, предоставил брак был заключен, и [417] что брак между Артуром и Екатериной был заключен, объявляет брак между королем и Екатериной Арагонской недействительным. [418] За этим последовал запрос о браке между королем и Анной Болейн, который был признан действительным, и были начаты приготовления к коронации королевы Анны, которая состоялась 1 июня 1533 года. [419]

Этот акт неповиновения Риму сразу же вызвал возмущение папы. Курия объявила, что брак между Генрихом и Екатериной был законным, и была издана Булла, предписывающая Генриху восстановить Екатерину и убрать Анну в течение десяти дней под страхом отлучения от церкви; этот приговор император, все христианские князья и собственные подданные Генриха были призваны привести в исполнение силой оружия. [420]

Ответом Англии на действия в Риме было принятие парламентом нескольких решительных актов — все в 1534 году. Они завершили отделение Церкви и народа Англии от Римского престола.

1. Закон, запрещающий выплату *аннат* папе римскому, был введен снова, и на этот раз стал абсолютным; в будущем никакие *аннаты* не должны были отправляться в Рим в качестве первых плодов какого-либо благотворительного мероприятия. В том же Законе были предусмотрены новые положения о назначении епископов; в будущем они должны были избираться деканами и капитулами после получения королевского разрешения и выдвижения кандидатуры. [421]

2. Закон, запрещающий выплату пенсов Петра римскому епископу; запрещающий любое обращение к Папе за разрешением; и объявляющий, что все такие разрешения следует запрашивать в церковных судах Англии. [422]

3. Акт о престолонаследии, за которым в том же году последовал второй, в котором было четко указано о недействительности брака Генриха с Екатериной Арагонской, и Екатерина была объявлена “принцессой Уэльской”, то есть вдовой Артура; который подтверждает действительность брака короля с Анной Болейн и заявляет, что все последствия этого брака законны; и который подтверждает, что при отсутствии наследования по мужской линии корона переходит к принцессе Елизавете. [423]

4. Закон о верховенстве, который провозглашает, что король по праву является *Верховным главой Англиканской церкви*, был признан таковым Созывом и что в его полномочиях совершать церковные посещения и устранять церковные злоупотребления. [424]

5. Закон о государственной измене также должен быть включен, поскольку одно из его положений гласит, что отказ королю в любом из его законных титулов является государственной изменой (Верховным главой Англиканской церкви является один), и что государственная измена включает в себя объявление короля еретиком или раскольником. [425]

Чтобы завершить список, необходимо упомянуть, что два созыва Кентерберийский и Йоркский торжественно заявили, что “римский понтифик не обладает большей юрисдикцией, дарованной ему Богом в Священном Писании, чем любой другой иностранец (*externus*)”. Епископ” — декларация, названная *Отречением духовенства от Папского верховенства*. [426]

Это отделение Англиканской церкви от Рима на самом деле означало, что вместо двойного контроля должен был быть только один. Короли Англии всегда утверждали, что имеют некоторый контроль над Церковью своего королевства; Генрих пошел дальше и настоял на том, что он ни с кем не будет делить этот контроль. Но следует отметить, что то, на что он претендовал, было, используя термины канонического права, *potestas jurisdictionis*, а не *potestas ordinis*; он никогда не заявлял о своем праве рукополагать или контролировать таинства. Поначалу также не было никаких изменений в определении доктрин. Англиканская церковь осталась такой, какой она была во всех отношениях, за исключением того, что епископ Рима больше не признавался *Универсальным* епископом, и что, если требовались апелляции из высших церковных судов Англии, они не должны были передаваться, как раньше, в Рим, а должны были рассматриваться в королевских судах на территории Англии. Юрисдикционная власть над делами Церкви вряд ли могла осуществляться королем лично. Апелляции могли рассматриваться его судьями в судах общей юрисдикции, но ему требовался заместитель для осуществления его права посещения. Эта обязанность была возложена на Томаса Кромвеля, который был назначен генеральным викарием, [427] и можно сказать, что должность в некоторой степени напоминает должность папского легата; он представлял короля, как легат представлял Папу Римского.

Однако Англиканской церкви было невозможно сохранить в точности то место, которое она занимала. В стране наблюдалось некоторое оживление реформационной жизни. Кранмера рано привлекли труды Лютера; Томас Кромвель не был черствым, и, кроме того, у него была идея, что сближение с немецкими протестантами принесет определенные политические преимущества. Вскоре начались разговоры о наборе статей, которые выражали бы доктринальные убеждения Англиканской церкви. Однако составить их было нелегко. В то время как Кранмер, Кромвель и такие новые епископы, как Латимер, определенно придерживались теологии Реформации, епископы постарше твердо придерживались средневековых доктрин. Результатом было то, что после длительных консультаций был достигнут незначительный прогресс, и, по-видимому, преподавались очень разные доктрины, каждая из которых имела тенденцию к ослаблению. В конце концов, сам король, по его собственным словам, “был вынужден взяться за перо и сформулировать определенные статьи, которые были согласованы Собранием как католические и соответствуют требованиям властей”. [428] Они были

опубликованы в 1536 году под названием “*Статьи, разработанные Высочеством Кинга для стабильного крещения квинтеса*”, и им было приказано читать "открыто" в церквях. [429] Их стали называть *Десятью статьями*, первым доктринальным символом Англиканской церкви.

Согласно предисловию, они должны были обеспечить королевской властью единство и согласие в религиозных верованиях, а также подавить и полностью уничтожить всякое инакомыслие и раздоры. Мартирологист Фокс очень точно описывает их как предназначенные для “слабаков, недавно отлученных от молока римской матери”. Пять касаются доктрин, а пять - церемоний. Библия, Три символа веры (Апостольский, Никейский и Афанасийский) и доктринальные решения первых четырех Вселенских Соборов должны рассматриваться как стандарты православия; крещение необходимо для спасения — дети, умирающие в младенчестве, “несомненно будут спасены таким образом, *а иначе нет*”; таинство покаяния сохраняется исповедью и отпущением грехов, которые объявляются целесообразными и необходимыми; существенное, реальное, телесное Присутствие Тела и Крови Христа в виде Хлеба и Вина в Евхаристии является обязательным. учили; вера, а также милосердие необходимы для спасения; изображения должны оставаться в церквях; святых и Пресвятую Деву следует почитать как заступниц; к святым следует взывать; определенные обряды и церемонии, такие как облачение священнослужителей, окропление святой водой, ношение свечей в День Сретения Господня и посыпание пеплом в Пепельную среду, хороши и похвальны; доктрины Чистилища и молитв за умерших не отвергались, но люди были предупреждены о них. Следует отметить, что, хотя сохраняются три Таинства Крещения, Евхаристия и Покаяние, об остальных четырех не упоминается, и что это мало чем отличается от того, чему учил Лютер в *Вавилонском пленении Церкви Христовой*; что, пока сохраняется Реальное Присутствие, ничего не говорится о Пресуществлении; что, пока изображения сохраняются в церквях, все воскурения, коленопреклонения или подношения изображениям запрещены; что, хотя святых и Деву Марию можно призывать как ходатаев, говорят, что это напрасное суеверие. верьте, что любой святой может быть милосерднее Самого Христа; и что вся доктрина об Истощении и Индульгенциях парализуется утверждением, что исправление жизни является необходимой частью покаяния.

Только когда эти Статьи читаются вместе с *Судебными предписаниями*, изданными в 1536 и 1538 годах, можно в полной мере увидеть, насколько сильно они были призваны отучить людей, пусть и постепенно, от грубых суеверий, которые позорили популярную средневековую религию. Если это будет сделано, то они покажутся попыткой воплотить в жизнь чаяния христианских гуманистов, таких как Дин Колет и Эразмус.

После предупреждения духовенства соблюдать все законы, принятые для отмены папского верховенства, всех тех, кто настаивает на верховенстве короля как “верховного главы англиканской церкви”, и проповедовать против узурпированной папой власти в королевстве Англии, в *Предписаниях* говорится, что духовенство должно разъяснить *Десять статей* своему народу. При этом они должны объяснить, почему не следует соблюдать излишние святые дни; они должны увещевать свой народ против таких суеверий, как изображения, реликвии и чудеса священнослужителей. Они должны сказать им, что лучше всего соблюдать Божьи заповеди, совершать Его дела милосердия, обеспечивать свои семьи и раздавать бедным деньги, которые они часто тратят на паломничество, изображения и реликвии. Они должны следить за тем, чтобы родители и учителя с самых ранних лет учили детей Молитве Господней, Символу веры и Десяти заповедям. Они должны следить за тем, чтобы таинства совершались должным образом

и с благоговением в их приходах, подавать пример нравственной жизни и посвящать себя изучению Священных Писаний. Второй набор *судебных предписаний* (1538 г.) идет дальше. Духовенству велено предоставить “одну целую Библию самого большого объема на английском языке”, которая должна быть установлена где-нибудь в церкви, где прихожанам будет легче всего ее прочесть; и они должны остерегаться отговаривать кого-либо от ее прочтения, “ибо это живое слово Божье, которое каждый христианин обязан принять и следовать ему”. Они должны произносить проповедь по крайней мере каждый квартал, в которой они должны провозглашать само Евангелие Христа и увещевать людей к делам милосердия, сострадания и веры, особенно предписанным в Священных Писаниях. Они должны предостеречь их от доверия фантазиям, полностью выходящим за рамки Священного Писания, таким как “походы в паломничество, подношение денег или свечей образам или реликвиям, целование или облизывание того же самого, перебирание четок или тому подобные суеверия”. Они не должны разрешать ставить свечи, свечки или восковые фигурки перед иконами в церквях, чтобы избежать “этого самого отвратительного преступления идолопоклонства”. [430]

Эти *Десять статей*, авторитетно изложенных таким образом, являются чем угодно, только не “по сути римскими, когда папа оставлен на произвол судьбы”. Это, скорее, попытка составить краткое вероучение, с которым могли бы согласиться послушный лютеранин и послушный романист — исключительно успешная попытка, делающая честь богословским достижениям английского короля.

Было сочтено полезным иметь краткое руководство по религиозному обучению, которое можно было бы передать в руки низшего духовенства и народа, возможно, потому, что *Десять статей* не всегда были хорошо восприняты. Комитет богословов, главным образом епископов, [431] были назначены для “составления некоторых начал христианства и катехизиса”. [432] Результатом стала небольшая книга, разделенная на четыре части — изложение Апостольского символа веры, семи таинств, Десяти заповедей, Молитвы Господней и “Аве Мария”. Из *Десяти статей* были добавлены две другие части — одна об Оправдании, для которого, как утверждается, необходима вера; и другая о Чистилище, которое категорически отрицается. При составлении были испытаны большие трудности из-за “большого разнообразия мнений” [433], которые преобладали среди составителей; и книга была компромиссом между теми, кто был тверд в старой вере, и теми, кто стремился к новой; но в конце концов все, казалось, были довольны своей работой. Главное различие между его учением и учением *Десяти статей* заключается в том, что название “таинство” дается семи, а не трем главным церемониям средневековой Церкви; но, с другой стороны, доктрина Чистилища отрицается. Ожидалось, что король переработает книгу перед ее публикацией, [434] но у него “не было удобного времени, чтобы не обращать внимания на огромные страдания”, причиненные ей. [435] Черновики имприматуры короля были найдены среди государственных бумаг, [436] но книга была окончательно издана в 1537 году “Архиепископами и епископами Англия”, и поэтому в народе ее называли *Книгой епископов*. Всему духовенству было приказано “каждое воскресенье читать вслух с кафедры отрывки из этой книги” своему народу. [437] Катехизис, по-видимому, был опубликован в то же время и пользовался большим спросом. [438]

Генрих VIII впоследствии переработал *Книгу епископов* в соответствии со своими собственными идеями. Редакция была опубликована в 1543 году и была известна как *Книга короля*. [439]

Возможно, величайшим благом, дарованным народу Англии *Десятью статьями и Предписаниями*, которые привели их в исполнение, было разрешение читать и слушать версию Библии на их родном языке. Ибо народные Священные Писания были запрещены в Англии, поскольку их не было на Континенте, за исключением, возможно, времен альбигойских гонений. Седьмая из *Конституций Томаса Арундела* предписывает, “чтобы впредь никто не переводил на английский язык или на любой другой, по собственному усмотрению, текст Священного Писания ни в виде книги, ни буклета, ни трактата”. Эта конституция была направлена против перевода Виклифа, который был строго запрещен. Эта версия, как и многие другие в средние века, была сделана на основе Вульгаты. Но пример Лютера воспламенил сердце Уильяма Тиндейла, и он предложил своим соотечественникам английскую версию, переведенную непосредственно с древнееврейского и греческого оригиналов.

Тиндейл был выдающимся ученым, получившим образование сначала в Оксфорде, а затем в Кембридже. Когда он учился в бывшем университете, он принадлежал к тому кругу ученых и благочестивых людей, которые побудили Эразма завершить его критический текст Нового Завета. Он знал, как и Мор, что Эразм желал, чтобы самая слабая женщина могла читать Евангелия и Послания святого Павла; чтобы земледелец напевал себе под нос отрывки из них, идя за плугом; чтобы ткач напевал их на мотив своего челнока; и чтобы путешественник скрашивал скуку дороги, повторяя их истории; и он, в отличие от Мора, не отворачивался от облагораживающего энтузиазма своей юности. [440]

Тиндейл обнаружил, что не может приступить к выполнению своей задачи в Англии. Он отправился в Германию и начал работать в Кельне; но, преданный властями этого центра немецкого романизма, бежал в Вормс. Там он закончил перевод Нового Завета и напечатал два издания, одно октаво, а другое кварто, причем последнее было дополнено обильными примечаниями на полях. Церковные власти Англии рано узнали об этом переводе, и к 3 ноября архиепископ Уорхэм прилагал все усилия, чтобы купить и уничтожить как можно больше копий, которые он мог раздобыть как в Англии, так и за границей; и, благодаря его усилиям, Тиндейл получил средства для пересмотра своей работы и печати исправленного издания. Эта версия приветствовалась в Англии и тайно переходила из рук в руки. Сэр Томас Мор строго осудил ее не потому, что работа была плохо выполнена, а на самом деле потому, что она была очень научной. Точный перевод определенных слов и предложений был для реакционеров скорее “злонамеренным извращением этих трудов, направленных на продвижение еретического мнения”; [441] и, как ни странно, доктор Джеймс Гэрднер, похоже, согласен с ним. [442] Версия Тиндейла была публично осуждена в Англии на Совете, созванном королем в 1530 году (май), а экземпляры его книги были публично сожжены на кладбище церкви Святого Павла, в то время как сам он был выслежен, как дикий зверь, эмиссарами английского правительства в Нидерландах.

Кранмер созвал в 1534 году Собрание с петицией о переводе Библии на английский язык, а в следующем году Кромвель убедил Майлза Ковердейла взяться за его перевод в 1535 году. Она была сделана из Вульгаты с некоторой помощью версии Лютера и была намного хуже запрещенной версии Тиндейла; но у нее была большая частная распродажа в Англии, и король

был вынужден выдать ей лицензию, чтобы позволить духовенству подчиняться *Предписаниям* 1536 года, которые предписывали разместить копию английской Библии во всех церквях до августа 1537 года. [443]

Однако архиепископ имел в виду другую версию, которую он отправил Кромвелю (август 1537 г.), сказав, что она ему понравилась больше, чем любой другой перевод, и он надеется, что ее разрешат свободно читать до тех пор, пока епископы не представят лучшую, что, по его мнению, произойдет только после Судного дня. Эта версия практически принадлежала Тиндейлу.

Тиндейл доверил одному из своих друзей, Роджерсу, свой перевод Ветхого Завета, законченный вплоть до Книги Пророка Ионы, и свою полную версию Нового Завета. Роджерс взял Новый Завет Тиндейла, его Ветхий Завет вплоть до Книги Паралипоменон, оставшуюся часть Ветхого Завета позаимствовал из версии Ковердейла и напечатал их с посвящением королю, подписанным Томасом Мэтью. [444] Это было издание, рекомендованное Кранмером Cromwell, которое было лицензировано. Результатом стало то, что Новый Завет Тиндейла (та самая версия, которая была осуждена как вредоносная и которая была публично сожжена всего за несколько лет до этого) и большая часть его Ветхого Завета были публично представлены в приходских церквях Англии и стали основой всех последующих переводов Библии на английский язык. [445] При повторном рассмотрении было установлено, что перевод был слишком точным для правительства, и некоторые изменения (конечно, не исправления) были внесены в 1538-39 годах. Измененный таким образом перевод был известен как *Великая Библия*, а поскольку Кранмер написал предисловие, как Библия Кранмера. [446] Это была версия Библии “самого большого объема”, которую было приказано разместить в церквях для чтения людям, и части которой должны были читаться с кафедры каждое воскресенье, согласно *Предписаниям* от 1538 года.

С 1533 года до середины 1539 года в Англии наблюдалось отчетливое, хотя и медленное продвижение к настоящей Реформации; затем прогресс был остановлен, если движение не стало решительно ретроградным. Кажется более чем вероятным, что, проживи Генри на несколько лет дольше, была бы предпринята еще одна попытка продвижения вперед.

Частью продвижения вперед был запланированный политический и религиозный договор с немецкими протестантами. Ни Генрих viii. также и Иоанн Фридрих Саксонский, по-видимому, не был всерьез настроен на заключение союза, и из инструкций английского короля своим посланникам следует, что его главным желанием было заставить немецких священнослужителей одобрить развод. [447] Лютер был несколько пренебрежителен и, похоже, проникся замыслом Генри. [448] Немецкие теологи не сомневались, что брак Генриха с Екатериной никогда не должен был состояться; но все они считали, что, однажды заключенный, его не следует расторгать. [449] Были предприняты решительные усилия, чтобы завоевать симпатии Меланхтона. Епископу Фоксу, избранному богословским послом, было поручено передать ему подарки стоимостью 70 фунтов стерлингов. [450] Его книги были включены в курс обучения в Кембридже по приказу Кромвеля. [451] Генри обменялся комплиментарными письмами и любезно принял посвящение "*De Locis Communibus*" Меланхтона. [452] Было отправлено посольство в составе Фокса, избранного епископа Херефорда; Хита, архидиакона Кентерберийского; и доктора Барнса, английского священника, который был ярко выраженным лютеранином. Они встретились с протестантскими князьями в Шмалькальде и долго

беседовали. Принцы-конфедераты и Генрих пришли к согласию по многим пунктам: они решительно отреклись бы от главенства папы; они заявили бы, что не будут связаны постановлениями любого Собора, который могли бы созвать папа и император; и они пообещали бы друг другу заставить своих епископов и проповедников объявить их недействительными. Немецкие князья были вполне готовы присвоить Генриху титул “Защитника Шмалькальдской лиги”. Но в качестве первых статей любого союза они настаивали на том, что английская церковь и король должны принять теологию Аугсбургского исповедания и принять обряды лютеранской церкви; и об эти скалы доктрины и ритуалов предполагаемый союз разбился вдребезги. [453] У немцев был свой частный взгляд на английскую реформацию при Генрихе VIII., который не был ни очень лестным, ни вполне точным.

“Король стал лютеранином настолько, что, поскольку папа отказался санкционировать его развод, он приказал под страхом смертной казни, чтобы все верили и проповедовали, что не папа, а он сам является главой вселенской Церкви. Все остальное папство, монастыри, мессы, индульгенции и ходатайства за умерших неукоснительно соблюдаются”. [454]

Английское посольство отправилось из Шмалькальда в Виттенберг, где они встретились с рядом богословов, включая Лютера и Меланхтона, и приступили к обсуждению вопроса о доктринальном согласии. Меланхтон изучил Аугсбургское исповедание и подготовил серию статей, в которых было представлено все, с чем могли согласиться виттенбергские теологи, а Лютер переработал проект. [455] Оба немца были очарованы ученостью и любезностью архидьякона Хита. У епископа Фокса, по словам Меланхтона, “были манеры прелатов”, и его ученость не произвела впечатления на немцев. [456] Конференция ни к чему не привела. Генрих не хотел принимать готовое для него вероучение и считал, что церковные церемонии могут отличаться в разных странах. Он был королем, “считавшимся несколько образованным, хотя и недостойным”, - сказал он, - “и имея так много ученых людей в своем королевстве, он не мог принять от кого-либо соблюдение его веры и веры королевства; но он был готов совещаться с учеными людьми, посланными от них”. [457]

Еще до того, как конференция в Виттенберге подошла к концу, Генрих считал, что ему не нужен союз с Германией. Обиженная королева Екатерина, которая единственная из всех фигурантов Бракоразводного процесса вышла незапятнанной, умерла 7 января 1536 года. Ее завещание содержало трогательное завещание: “Моей дочери — золотой ошейник, который я привезла из Испании” [458]- из Испании, когда она приехала прекрасной молодой невестой, чтобы выйти замуж за английского принца Артура тридцать пять лет назад.

Нет необходимости верить, что Генрих проявлял неподобающие проявления радости, которые приписывают ему враги, когда до него дошла весть о смерти Екатерины, но это действительно избавило его от великого страха. Он проницательно разбирался в людях и обстоятельствах и достаточно знал Карла Пятого, чтобы верить, что император после смерти его тети, когда у него не было повода протестовать против вопиющего посягательства на фамильную честь его дома, не станет орудием папы против Англии.

Генрих всегда поддерживал себя и Англию, уравновешивая Францию против Империи, и, кроме того, мог ослабить Империю, усилив немецких протестантов. Но в 1539 году Франция и император стали союзниками, и Генрих чувствовал себя очень неуверенно. Вполне вероятно, что переговоры, которые привели к браку Генриха с Анной Клевской, были вызваны этой новой

опасностью. С другой стороны, в Англии было недовольство многими действиями, которые, как предполагалось, были вызваны продвижением к Реформации.

Генрих VIII. всегда расточал деньги. Огромные богатства его отца исчезли, в то время как Англия при Вулси была казначеем Европы, и король остро нуждался в средствах. В Англии, как и везде, богатства монастырей, по-видимому, собирались с целью пополнения пустой королевской казны. Было приказано посетить монастыри под руководством Томаса Кромвеля; и, чтобы предоставить ему полную свободу действий, все епископские функции были на время приостановлены. Этот визит раскрыл много скандальных вещей. За этим последовал Парламентский акт (1536 г.) *ороспуске Меньших монастырей*. [459] Земли всех монастырей, годовая аренда которых составляла менее 200 фунтов стерлингов в год, были переданы королю, а также все украшения, драгоценности и другие принадлежащие им товары. Изгнанные монахи и монахини должны были либо быть переселены в дома побольше, либо получать какую-то поддержку, а настоятели должны были получать пенсии, достаточные для их содержания. Приобретенные таким образом земли могли бы превратиться в огромное королевское поместье, приносящее доходы, достаточно большие, чтобы можно было обойтись без налогообложения; но король нуждался в наличных деньгах, и у него были придворные, которых нужно было ублажать. Монастырские земли по большей части были дешево проданы придворным, и численность и власть семей графства значительно возросли. В 1538 году было начато новое посещение оставшихся монастырей, на этот раз сопровождавшееся расследованием суеверных обычаев, которым предавались в различных частях страны, и печально известные реликвии были изъяты. Они были самых разных видов: часть волос и бороды святого Петра; камни, которыми святого Стефана побили камнями; власяница и кости святого мученика Фомы; кристалл, содержащий небольшое количество молока Богоматери, “с двумя другими костями”; “главная реликвия Англии, ангел с одним крылом, который принес в Кавершем (недалеко от Рединга) наконечник копья, пронзившего бок нашего Спасителя на кресте”; ухо Малха, которое святой Петр отрезал; ступня святого Филиппа в Винчестере, “покрытая золотой пластиной и украшенная бриллиантами”. (драгоценные) камни"; и так далее. [460] Чудесные изображения были доставлены в Лондон, и их механизм был выставлен на всеобщее обозрение, в то время как красноречивый проповедник громыхал против суеверия:

“Распятие с бородой, называемое “Крест Благодати”, было привезено из Мейдстона, и во время проповеди епископа Рочестерского оно поворачивало голову, закатывало глаза, изо рта шла пена и лились слезы — также в присутствии многих других знаменитых святых из дерева и камня... святые-спутники кентийского образа действовали точно так же. Ожидается, что Пресвятая Дева Уолсингемская, святой Фома Кентерберийский и другие изображения вскоре сотворят чудеса и в том же месте; ибо обман был настолько тщательно разоблачен, что все возмутились монахами и самозванцами”. [461]

Последовал второй парламентский акт, которым вся монастырская собственность перешла к королю; и это дало королю во владение не только огромные поместья, но и огромное количество драгоценных камней. [462] Святилище святого Фомы в Кентербери, когда его “осквернили”, дало, как говорят, не менее двадцати шести телег золота и серебра. [463]

Эта массовая конфискация монастырского имущества, разграбление святынь и, прежде всего, сообщение о том, что Генрих приказал сжечь кости святого Фомы Кентерберийского, а пепел развеять по ветру, определили позицию папы Павла III. возобновить (17 декабря 1538 г.)

исполнение его Буллы об отлучении от церкви (30 августа 1535 г.), действие которой до сих пор было приостановлено. Было объявлено, что Булла может быть опубликована в Сент-Эндрюсе или “в оппидо Калистренси” в Шотландии, в Дьеппе или Булони во Франции или в Туаме в Ирландии. [464] Папа знал, что он не сможет опубликовать это в самой Англии.

Насильственное разрушение святынь и мест паломничества, которые были курортами отдыха, а также местами поклонения, не могло не вызвать некоторого общественного беспокойства, и были другие и, вероятно, более глубокие корни недовольства. Англия, как и другие страны, страдала от экономических изменений, которые были характерной чертой того времени. Одна из форм, характерных для Англии, заключалась в том, что выращивание шерсти стало более прибыльным делом, чем содержание скота или выращивание зерна, и землевладельцы огораживали общие пастбища и оставляли большую часть своих пахотных земель под паром. Бедняки больше не могли пасти свой скот на общих землях, а замена пахотных земель пастбищами лишила многих работы. Им пришлось продать животных, которых они больше не могли прокормить, и они не видели, как можно заработать на жизнь; они также не получили компенсации распущенным монахам. Налоговое давление усилило преобладающее бедствие. Восстания произошли в Йоркшире, Ланкашире и Линкольншире, и повстанцы маршировали, распевая:

“Христос распятый,
Ради Твоих широких раен,
Мы, простые люди,
Которые,
По милости Божьей, являются пилигримами, Чтобы
приобрести
Былое богатство и вершину
Духовности”. [465]

В своих требованиях они в равной степени осуждали неуважение, проявленное к Святой Матери—Церкви, роспуск монастырей, разграбление святынь, неуважение, проявленное к “Богородице и всем святым”, новые налоги, огораживание общин, отмену обычаев в правах арендаторов, клеймо леди Марии как незаконнорожденной, королевских советников “низкого происхождения и малой оценки” и пятерых епископов-реформаторов, причем Кранмер и Латимер считались особенно предосудительными. [466] Восстание в Йоркшире назвали Паломничеством благодати.

Повстанцы или “пилигримы” были не более последовательны, чем другие люди, поскольку они грабили священников, чтобы поддержать свою “армию”; [467] и хотя они настаивали на главенстве римского епископа, они не желали восстановления его власти в Англии. Они просили короля признать папу главой духовных дел, передав духовную власть архиепископам Кентерберийскому и Йоркскому, “чтобы упомянутый епископ Рима больше не вмешивался”. [468]

Восстания были подавлены, и Генрих не прекратил разграбление святынь и монастырей вследствие их протестов; но чувства людей, о которых стало известно в их прокламациях, на совещаниях, проводимых между их лидерами и представителями власти, и при допросе заключенных и подозреваемых лиц, должно быть, подсказали его проницательному уму, не

слишком ли поспешно для подавляющего большинства английских мирян продвигалась Реформация. В шестнадцатом веке Англия не произвела на свет великого духовного лидера, вдохновленного пророческой убежденностью в том, что он говорит истину Божью, и способного зародить подобную убежденность в сердцах своих соседей, в то время как он никогда не был настолько далеко впереди них, чтобы они не могли легко следовать за ним шаг за шагом. Король крикнул "стойте"; и когда Кромвель настоял на своем плане союза с протестантами Европейского континента, он пошел путем всех советников Генриха, которые противостояли своему властному повелителю (28 июля 1540 г.).

Но это нужно предвидеть. Весной 1539 года переговоры с лордами Шмалькальдской лиги все еще продолжались, [469] и король думал укрепить свои связи с немецкими лютеранами, женившись на Анне Клевской, [470] невестка Иоанна Фридриха Саксонского. В парламенте 1539 года (с 28 апреля по 28 июня) начались изменения. На обсуждение было вынесено шесть вопросов:

“Происходит ли в таинстве алтаря пресуществление субстанции хлеба и вина в субстанцию плоти и крови или нет? Могут ли священники вступать в брак по закону Божьему или нет? Связан ли обет целомудрия мужчин и женщин законом Божиим или нет? Необходима ли аурикулярная исповедь по закону Божьему или нет? Могут ли частные мессы соответствовать Слову Божьему или нет? Необходимо ли по Слову Божьему, чтобы таинство алтаря совершалось в обоих видах или нет?” [471]

Мнения епископов разделились; но миряне-члены Палаты лордов, очевидно, не желали никаких изменений в средневековых доктринах и полагали, что никто не может быть таким мудрым богословом, как их король, если он ставит в тупик епископа с его запасами знаний. “Мы, временные люди, ” писал один из присутствовавших, “ все придерживались одного мнения ... у всей Англии есть повод благодарить Бога и от всего сердца радоваться самым благочестивым действиям короля”. [472] Итак, парламент принял *Закон о шести статьях*, [473] жестокий закон, обычно называемый “кровавый кнут с шестью струнами”. Отрицать пресуществление или извращать таинства считалось ересью и каралось сожжением и конфискацией имущества. Считалось уголовным преступлением и каралось смертной казнью учить тому, что на Святой Вечере необходимо общаться обоими способами; или что священники, монахи или монахини, давшие обет безбрачия, могут вступать в брак. Все заключенные духовные браки подлежали расторжению, а невоздержанность в исполнении служебных обязанностей каралась потерей имущества и пособий. Были созданы специальные комиссии для проведения ежеквартальных сессий в каждом графстве для обеспечения соблюдения закона. Официальным названием Закона было *Закон об упразднении разнообразия мнений*. Первая комиссия была создана для лондонского графства, и на первом заседании в течение двух недель были предъявлены обвинения пятистам лицам. Закон, однако, был гораздо более суровым, чем его исполнение. Пятьсот человек подчинились и получили королевское помилование. Именно по этому варварскому закону так называемые еретики подвергались суду и осуждению в последние годы правления Генриха VIII.

Возрождение средневековой доктрины не означало каких-либо изменений в решительной антипапской политике английского короля. Это, скорее, стало более выразительным, и Генрих говорил о папе с величайшим неуважением. “Этот самый стойкий идол, враг всякой истины и

узурпатор государей, епископ Рима”, “этот язвенный и ядовитый змей Павел, епископ Рима” - вот две его фразы. [474]

Закон о шести статутах облагал лютеран, как предыдущие Акты облагали папистов, смертной казнью; но пока Кромвель оставался у власти, он, очевидно, мог препятствовать его практическому исполнению. Кромвелю, однако, вскоре предстояло пасть. Казалось, что его популярность возросла как никогда. Он почти навязал свою политику своему хозяину, и брак Генриха с Анной Клевской (6 января 1540 г.), казалось, стал его триумфом. Затем Генрих нанес удар внезапно и безжалостно, как обычно. Министру был объявлен импичмент, и он был осужден без суда. Он был казнен (28 июля), а от Анны Клевской избавились под предлогом заключения предварительного контракта с сыном герцога Лотарингии (9 июля). Гардинер, ищейка реакции, не был виноват в том, что Кранмер не разделил участь министра. Сразу после казни Кромвеля (30 июля) король жестоко продемонстрировал свою позицию. Трое священнослужителей лютеранских взглядов, Барнс, Гаррет и Джером, были сожжены в Смитфилде; а трое католиков были обезглавлены и подвергнуты пыткам за отрицание духовного превосходства короля.

Генри демонстративно избегал ответственности за руководство по доктрине, озаглавленное *"Воспитание христианина"*. Возможно, он считал ее слишком продвинутой для своего народа; во всяком случае, она была слишком продвинутой для теологии *из шести статей*; требовалось другое руководство, и оно было опубликовано в 1543 году (19 мая). Она называлась *"Необходимая доктрина и эрудиция для любого христианина"*; изложена его Величеством королем Англии.

По сути, это была редакция предыдущего руководства, и, возможно, ее авторство было смешанным. Считалось, что главу о вере написал Кранмер, и она была переработана Convocation. Король, который сам издал его с одобрительным предисловием, объявил его “истинным и совершенным учением для всех людей”. Она содержит изложение Символа веры, Десяти заповедей, Молитвы Господней и некоторых избранных отрывков из Священного Писания. Его главное отличие от предыдущего руководства состоит в том, что оно безошибочно излагает доктрины *Пресуществления, Призывания Святых и безбрачия духовенства*. Можно сказать, что это очень точно отражало теологию большинства англичан в 1543 году. Ибо король и народ были не так уж далеки друг от друга. Они оба придерживались средневековой теологии; и они оба ненавидели папство, и желали, чтобы духовенство находилось в должном подчинении. Существовало широко распространенное и безмолвное движение к евангелической реформации, всегда проявлявшееся тогда, когда этого меньше всего ожидали; но, вероятно, три четверти людей не ощущали этого во время правления Генриха. Понадобились сожжения Марии в Смитфилде и опасения испанского правителя, прежде чем закваска смогла размешать весь комок.

ГЛАВА II.

РЕФОРМАЦИЯ При ЭДУАРДЕ VI. [475]

Когда Генрих VIII. умер в 1547 году (28 января), ситуация в Англии была сложной для тех, кто пришел после него. Религиозная революция была наполовину завершена; социальная революция шла полным ходом, вызывая народное брожение; выселенные арендаторы и незарегистрированные монахи послужили сырьем для восстания; казна была пуста, королевство погрязло в долгах, а чеканка монет обесценилась. Королевская власть подрывала все остальные, а король был ребенком. Новая знать, обогатившаяся за счет церковных трофеев, не пользовалась наследственным уважением, а Совет, собравшийся вокруг короля, был раздираем соперничающими группировками. [476]

Генрих VIII. умер в пятницу, но его смерть скрывали до понедельника (31 января), когда Эдуард VI. был привезен своим дядей, графом Хартфордом, и представлен Совету. Там было составлено завещание покойного короля, условия которого делают почти невозможным поверить в то, что Генрих не планировал дальнейшего продвижения к Реформации. Он назначил Регентский совет, состоящий из шестнадцати человек, которые были названы поименно. Одиннадцать членов принадлежали к старому Совету, и среди них было пятеро, о которых было хорошо известно, что они стремились к продвижению, в то время как два наиболее решительных реакционера были опущены — епископ Гардинер и Тирлби. В завещании также поименно упоминались двенадцать человек, которые могли бы быть включены в состав Совета, если бы их услуги были сочтены необходимыми. Они были добавлены. Затем граф Хартфорд был избран лордом-протектором королевства и получил звание герцога Сомерсета. Последовала коронация (20 февраля), и от всех епископов потребовали принять новые поручения от имени молодого короля — таким образом, жестко соблюдалось церковное превосходство короля. Райотесли, лорд-канцлер Генриха, получивший титул графа Саутгемптона, был вынужден сложить с себя полномочия Большой печати, и с его уходом в отставку правительство оказалось полностью в руках людей, которые хотели, чтобы нация шла вперед по пути Реформ.

Не было недостатка ни в признаках их намерения, ни в свидетельствах того, что такое продвижение было бы приветствовано, по крайней мере, населением столицы. 10 февраля священник и церковные старосты сняли изображения со стен своей церкви и нарисовали вместо них тексты Священного Писания; красноречивый проповедник, доктор Барлоу, осудил присутствие изображений в церквях; изображения были сняты со стен церквей в Портсмуте; и так далее. В мае было объявлено, что состоится королевский визит в страну, и епископам запретили совершать свои обычные визиты.

В июле (31-го) Совет приступил к изменениям. Они издали серию *судебных предписаний* [477] духовенству, в котором им было приказано проповедовать против “узурпированной власти и юрисдикции римского епископа”; следить за тем, чтобы все изображения, которые были “оскорблены” в качестве объектов паломничества, были уничтожены; читать Евангелия и Послания на английском языке во время службы; и следить за тем, чтобы священнослужители не нарушали закон. Литании больше не читали и не пели на процессиях, а благоговейно произносили, преклонив колени. Затем они выпустили *двенадцать проповедей*, призванных предостеречь людей от “опрометчивых проповедей”. Такая серия была предложена еще в 1542 году, и предлагаемый проект был представлен Собранию Кранмером в том же году, но не был

санкционирован. Теперь они были выпущены с разрешения Совета. Три из них были составлены Кранмером. Эти проповеди содержат мало доктринального и ограничиваются призывами к благочестивой жизни. [478] Наряду с *Проповедями* Совет санкционировал выпуск перевода Удаллом *Парафразов* Эразма, которые они намеревались читать в церквях.

Королевское посещение, по-видимому, растянулось на ряд лет, начиная с 1547 г. Доктор Джеймс Гэрднер обнаружил и напечатал с комментариями отчет о посещении епископом Хупером епархии Глостера в 1551 году. Одной из целей визита было выяснить, насколько далеко можно ожидать проповеди от английского духовенства. Доктор Гайрднер резюмирует безграмотность, проявленную в отчете, следующим образом: — Было опрошено триста одиннадцать священнослужителей, и из них сто семьдесят один не смог повторить *Десять заповедей*, хотя, как ни странно, все, кроме тридцати четырех, могли назвать главу (Пример хх.), в которой они были найдены; десять не смогли повторить Молитву Господню; двадцать семь не смогли сказать, кто был ее автором; и тридцать не смогли сказать, где ее можно было найти. Отчет заслуживает изучения как описание состояния духовенства Англиканской церкви до Реформации. Этим священнослужителям Глостерской епархии было задано девять вопросов — по три в трех отдельных разделах: (1) Сколько существует заповедей? Где их можно найти? Повторите их. (2) Каковы положения христианской веры (Апостольский символ веры)? Повторите их.—Докажите это на основании Священного Писания. (3) Повторите Молитву Господню. Откуда вы знаете, что оно принадлежит Господу? Где его можно найти? Только пятьдесят из трехсот одиннадцати ответили на все эти простые вопросы, и из пятидесяти девятнадцать отмечены как ответившие *посредственнее*. Восемь священнослужителей не смогли ответить ни на один из вопросов; и хотя один знал, что число Заповедей равно десяти, он больше ничего не знал. Два священнослужителя, когда их спросили, почему Молитва Отче Наш так называется, ответили, что это потому, что Христос дал ее Своим ученикам, когда велел им бодрствовать и молиться; другой сказал, что он не знает, почему она называется Молитвой Отче Наш, но что он вполне готов поверить, что она принадлежит Господу, потому что так сказал Король; а другой ответил, что все, что он знает об этом, это то, что таково распространенное мнение. Двое священнослужителей сказали, что, хотя они не могут доказать статьи Символа веры из Священного Писания, они принимают их на основании авторитета Короля; и один сказал, что он не может сказать, что является авторитетом Священного Писания для Символа Веры, если только это не первая глава Книги Бытия, но что это не имеет значения, поскольку король гарантировал, что это правильно. [479]

Нет никаких оснований полагать, что духовенство этой епархии было хуже, чем в других частях Англии. Если этот отчет сравнить с отчетами нереформированного духовенства центральной Германии, приведенными в отчетах о посещениях, проведенных там между 1528 и 1535 годами, то положение вещей там, которое повергло Лютера в такое отчаяние и побудило его написать свой Небольшой Катехизис, было намного лучше, чем у духовенства Англии. Не более трех или, может быть, четырех человек из трехсот одиннадцати когда-либо проповедовали или могли проповедовать. Эти факты, извлеченные из официального отчета о посещении епископом авторитетных лиц, объясняют постоянные призывы пуритан при Елизавете к проповедническому служению.

Совет, очевидно, стремился к тому, чтобы вся служба велась на английском языке и чтобы проповедь всегда была частью публичного богослужения. Отчеты о посещении показали, что было бесполезно отдавать какой-либо общий приказ, но в качестве примера были приведены

службы, проводимые в Королевской часовне. Тем временем (1547) Томас Хопкинс был занят созданием метровой версии Псалмов, которую можно было исполнять как в частном порядке, так и в церквях, и вскоре они стали очень популярными. Как и соответствующие версии во Франции и Германии, это послужило распространению Реформации среди людей; и, как и следовало ожидать, архиепископ Лауд сделал все возможное, чтобы прекратить пение этих Псалмов в последующие дни.

Первый парламент Эдуарда VI. (С 4 ноября по 24 декабря 1547 г.) внес значительные изменения в законы Англии, касающиеся государственной измены, что привело к разрушению здания абсолютного правления, которое было так тщательно возведено Генрихом VIII. и его министр Томас Кромвель. Королевское превосходство в вопросах религии было сохранено; но *Акт о Шести статьях* был вычеркнут из Свода законов, а вместе с ним и все акты о ереси, которые были приняты со времен Ричарда II., и государственная измена была определена так же, как это было во времена Эдуарда III. Этот закон предоставил английскому народу непривычную свободу.

Собрание собралось в ноябре и декабре (1547 г.) и, среди прочего, единогласно согласилось с тем, что на Святой Вечере участники должны общаться обоими *видами*, и приняло резолюцию пятьюдесятью тремя голосами против двенадцати о том, что все каноны, запрещающие брак духовенства, должны быть признаны недействительными. Эти две резолюции были доведены до сведения парламента, в результате чего был принят Закон, предписывающий, что “отныне пресвятое Причастие будет обычно причащаться людям Англиканской и Ирландской церкви и других королевских владений обоими видами, то есть хлебом и вином, если только необходимость не потребует иного”. [480] Также был принят Закон, разрешающий браки духовенства, который прошел Палату общин, но не дошел до Палаты лордов вовремя для голосования и не стал законом до следующего года. Два других акта, касающихся состояния Англиканской церкви, были изданы этим парламентом. Согласно первому, епископы отныне должны были назначаться непосредственно королем, а их суды должны были собираться от имени короля. Согласно другому, собственность всех колледжей, часовен, гильдий и т.д., за некоторыми оговоренными исключениями, была объявлена принадлежащей короне. [481]

Причастие в обоих видах сделало необходимым новое богослужение Причастия, и в качестве предварительной меры Совет издал новую форму для празднования, которую Страйп называет *Книгой причастия*. [482] Он предписал, чтобы основные слова мессы по-прежнему произносились на латыни, но включил в церемонию семь молитв на английском. Совет также продолжил свою войну с суевериями. Они запретили подползать ко Кресту в Страстную пятницу, использовать пепел в Пепельную среду, ладони в Вербное воскресенье и свечи на Сретение; и они приказали убрать все изображения из церквей. Кранмер утверждал, что все эти меры были задуманы Генрихом VIII.

Следующим важным дополнением к прогрессу Реформации стала подготовка и введение Богослужбной книги [483]—*Правило общей молитвы и отправления таинств и других обрядов и церемоний после использования Церковью Англии* (1549), обычно называемое *Первым молитвенником короля Эдуарда VI*. Это было введено *Актом о единообразии*, [484], которая после рассказа о том, как в Англии долгое время существовали “различные формы общей молитвы” ... использование Сарума, Йорка, Бангора и Линкольна”, и это разнообразие использования вызвало множество неудобств, предписывает универсальное использование

этой одной формы и налагает штрафы на тех, кто использует любую другую. Происхождение книги несколько неясно. Не сохранилось никаких следов ни комиссии, назначенной для ее создания, ни какого-либо формально выбранного состава редакторов. Кранмер руководил этим, и ему помогали несколько священнослужителей, хотя где они встретились, неизвестно, то ли в Виндзоре, как записывает король в своем дневнике, то ли в аббатстве Чертси, как сказано в "Хронике Грей Фрайарз". Примерно в конце октября епископов попросили подписать его, и он был подвергнут некоторой доработке. Затем он был представлен на рассмотрение Палаты лордов и обсуждался там. Именно в ходе этой дискуссии Кранмер раскрыл, что он определенно отказался от теории пресуществления. Молитвенник, однако, был в высшей степени консервативен, и на него мог подписаться любой, кто верил в старую теорию. Раздача и принятие *Хлеба* называется *Причащением Тела Христова, Вина, Причащения Крови Христовой*; и практика Крестного знамения соблюдается в установленные моменты церемонии. Изучение его структуры и содержания показывает, что оно было в значительной степени заимствовано из староанглийского употребления *Sarum* и из новой Служебной книги, составленной кардиналом Киньоном и посвященной папе Павлу III. Ощущение необходимости новой Богослужебной книги было свойственно не только реформаторам, но и всем европейским христианам. Большим новшеством в этой Литургии было то, что все ее части были на английском языке, и что каждая часть службы могла быть прочитана и понята всеми верующими.

С публикацией этого *Первого молитвенника короля Эдуарда VI*. первый этап Реформации во время его правления подходит к концу. Все внесенные изменения были запланированы Генрихом VIII. сам Генрих VIII, если верить утверждениям Кранмера. Они не удовлетворили более продвинутых реформаторов, и сам Кранмер не считал их достаточными.

Изменения, внесенные в законы Англии — отмена "кровавого" *Закона о Шести статьях* и законов о государственной измене — побудили многих английских беженцев, уехавших в Германию и Швейцарию, вернуться на родину. Император Карл V. разгромил немецких протестантов в битве при Мюльберге в 1547 году (апрель), и Англия на несколько лет стала убежищем для континентальных протестантов, спасавшихся от требований и наказаний *Временного*. Все это дало мощный импульс движению Реформации в Англии. Мартин Буцер, вынужденный покинуть Страсбург, нашел убежище и преподавал в Кембридже, где некоторое время был региональным профессором богословия. Пауль Бюхляйн (обычно известный под латинизированным именем Фагиус), соотечественник Буцера и хорошо известный ученый-ивритолог, также поселился в Кембридже, где и умер (ноябрь 1549 г.). Питер Мученик Вермильи и Бернардино Очино, два выдающихся итальянских протестанта, приехали в Англию по приглашению самого Кранмера, и много лет спустя королева Елизавета призналась, что ее привлекла их теология. Питер Александр из Арля и поляк Джон Ласко также пользовались защитой и гостеприимством Англии. [485] Прием этих иностранных богословов и их назначение преподавателями в английских университетах не избежали протеста со стороны местных преподавателей теологии, которые были отклонены правительством.

Между первым и вторым этапами Реформации Англиканской церкви в это царствование произошли политические перемены, о которых необходимо упомянуть, но нет необходимости подробно останавливаться. Герцог Сомерсет навлек на себя гнев своих коллег и новой знати, нажившихся на продаже церковных земель, своим активным сочувствием безземельному крестьянству и своими предложениями принести им пользу. Он был отстранен от власти, и его

место занял беспринципный граф Уорик, который стал лордом-протектором и получил герцогство Нортумберленд. Новый губернатор Англии получил почти всеобщую похвалу от передовых реформаторов за то, как он продвигал Реформацию. В наши дни, когда благородный характер герцога Сомерсетского получил запоздалое признание, хорошо бы помнить, [486] что Джон Нокс, знающий толк в людях, никогда не присоединялся к восхвалению Нортумберленда и отдавал предпочтение своему предшественнику, хотя его продвижение по пути Реформации было медленнее и гораздо осторожнее.

В "Таймс" было много такого, что побуждало Нортумберленда и его Совет думать, что они могут поторопиться с реформационным движением.

Новое учение добилось больших успехов в Англии и охватывало все более культурные классы, что, естественно, привело к дискредитации старого богословия. Передовые английские реформаторы, которые нашли убежище за границей и которые теперь вернулись, — такие люди, как Ридли и Хупер, — не могли не оказать определенного влияния на своих соотечественников; почти все они прониклись теологией цвинглианского типа, и Буллингер был их доверенным советником. Казалось, что чувства населения менялись, поскольку толпы, вместо того чтобы возмущаться уничтожением изображений, скорее вдохновлялись чрезмерным иконоборческим рвением и пытались разрушить витражи и расправиться со священниками. Влияние Кранмера, всегда стоявшего на стороне реформ, имело гораздо больший вес в Совете, чем при Генрихе VIII. Он давно отказался от своей веры в пресуществление, он отказался от лютеранской доктрины единосущия, если он когда-либо придерживался ее, и теперь принял теорию реального, но духовного Присутствия в элементах причастия, которая не сильно отличалась от более умеренной цвинглианской точки зрения. Духовенство, многие из них, вносили изменения, которые выходили далеко за рамки Закона о Единообразии. Снятие ограничений на печатание Библии привело к публикации более двадцати изданий, большинство из которых снабжены аннотациями, объясняющими и подкрепляющими новую теологию авторитетом Священного Писания.

В этих обстоятельствах Собор применил Закон о единообразии односторонним образом — против сторонников романизма. Многие епископы—романисты были лишены своих кафедр, и их места заняли такие люди, как Ковердейл, Ридли, Поне и Скови - все передовые реформаторы. Самому Джону Ноксу, освобожденному из рабства на французских галерах благодаря вмешательству английского правительства и ставшему одним из королевских проповедников, предложили епископство Рочестера, от которого он отказался. Однако следует помнить, что лорд-протектор и его окружение, похоже, были в равной степени движимы желанием набить собственные карманы, чем рвением продвигать дело Реформации. Действительно, в то время в Англии появилось нечто вроде *тульчанских* епископов более позднего периода в Шотландии; знатные люди получили во владение епископские доходы и позволили новым епископам получать из них стипендию. [487]

Затем последовал второй пересмотр Молитвенника - *Свод общих молитв и отправления таинств и других обрядов и церемоний в церкви Англии* (1552). Обычно его называют *Вторым молитвенником короля Эдуарда Шестого*. [488] Еще в январе 1551 года Кранмер проводил конференции по этому вопросу с некоторыми епископами, а также с некоторыми иностранными богословами, проживавшими в то время в Англии; и более чем вероятно, что его намерением

было организовать такую литургию, которая привела бы богослужение Англиканской церкви в гармонию с богослужением континентальных реформаторов. Нет никаких доказательств того, что книга когда-либо была представлена в Convocation для доработки или что она была предметом обсуждения в парламенте, как это было в ее предшественнице. В авторитетном заявлении говорится:

“Превосходнейшее величество короля с согласия лордов и общин, собравшихся в нынешнем парламенте, и по его полномочиям добился добросовестного и благочестивого прочтения вышеупомянутого порядка общего богослужения, озаглавленного “Книга общих молитв”, ее разъяснения и доведения до совершенства, и вышеупомянутым полномочием присоединил его, разъясненный и усовершенствованный таким образом, к настоящему уставу”. [489]

Этот *Сборник общих молитв* заслуживает особого внимания, потому что, хотя были внесены некоторые важные изменения, он в значительной степени воспроизведен в Сборнике общих молитв, который в настоящее время используется в англиканской церкви. Основные различия между ним и *Первым молитвенником короля Эдуарда* проявляются по большей части в богослужении причастия и, очевидно, были введены для того, чтобы покончить со всеми мыслями об умиловительной мессе. Слово *алтарь* исключается, и вместо него используется *стол*: *служитель* и *священник* используются безразлично как эквивалентные термины.

“Служитель во время причащения и во все другие моменты своего служения не должен использовать ни Альбу, ни Облачение, ни Ризу; но, будучи архиепископом или епископом, он должен иметь или носить ризу; а будучи священником или дьяконом, он должен иметь и носить только стихарь”. Вместо того чтобы “смирненно стоять посреди алтаря”, он должен был встать “с северной стороны стола”; а стол для причастия было приказано убрать из восточного конца церкви и поставить в алтаре. Вместо пресного хлеба было приказано использовать обычный. В старой книге молитва “*Помилуй нас, Господи*” использовалась как обращение к Богу, присутствующему в элементах таинства; в новой она стала обычной молитвой о соблюдении заповедей. *Десять заповедей* были введены впервые. Некоторые рубрики— предписывающие служителю добавлять немного воды в вино, были опущены. Аналогичные изменения были внесены в службы крещения и конфирмации, а также в инструкции по рукоположению. Была сохранена одна рубрика, от которой более продвинутые реформаторы хотели избавиться. От причастников требовалось принимать элементы, стоя на коленях. Но трудности были устранены более поздней рубрикой:

“Однако, чтобы то же самое коленопреклонение не могло быть воспринято иначе, мы заявляем, что под этим не подразумевается, что совершается или должно совершаться какое-либо поклонение либо принимаемым там телесно хлебу или вину для таинств, либо какому-либо реальному или существенному присутствию там естественной плоти и крови Христа”.

Говорят, что это дополнение, по несколько неопределенным данным, было предложено Джоном Ноксом.

Однако наиболее важное изменение было внесено в слова, которые должны были быть обращены к сообщаемому в момент принятия причастия. В *Первом молитвеннике* были такие слова:

“Когда священник будет совершать причастие Тела Христова, он должен сказать каждому эти слова:

“Тело Господа нашего Иисуса Христа, отданное за тебя, сохрани тело твое и душу твою в жизнь вечную”.

И служитель, совершающий таинство Крови и дающий каждому выпить один раз и не более, должен сказать:

“Кровь Господа нашего Иисуса Христа, пролитая за тебя, сохрани тело твое и душу твою в жизнь вечную”.” [490]

Во *Втором молитвеннике* рубрика была изменена на:

“Тогда служитель, когда он доставит хлеб, скажет:

“Возьми и съешь это в память о том, что Христос умер за тебя, и питайся Им в своем сердце с верой и благодарением”.

И служитель, подающий чашу, скажет:

“Выпей это в память о том, что кровь Христа была пролита за тебя, и будь благодарен”.” [491]

Разница, представленная изменением этих слов, заключается в том, что *могло* быть доктриной пресуществления и сакраментальной теорией, явно более низкой, чем теория Лютера или Кальвина, и которая *могла* быть чистым цвинглианством.

Этот *Второй молитвенник короля Эдуарда* был введен в действие вторым *Актом о единообразии*, который впервые содержал санкции как против мирян, так и против священнослужителей — против “огромного количества людей в различных частях королевства, которые умышленно отказывались приходить в свои приходские церкви”. Сами наказания показывают, что многие жители отказались идти по пути реформ так быстро, как того хотел Совет. [492]

Вскоре после этого последовало новое вероучение, или изложение основных доктрин, принятых англиканской церковью. Это были *Сорок две статьи*, интересные тем, что они легли в основу более поздних елизаветинских *Тридцати девяти статей*. Они были навязаны Англиканской церкви довольно сомнительным образом. На титульном листе было четко указано, что они были согласованы епископами и благочестивыми богословами на последнем Собрании в Лондоне — утверждение, которое неверно. Они так и не были представлены Собранию, а были изданы только с разрешения короля и получили его подпись 12 июня (1553 г.), едва ли за месяц до его смерти.

Еще один документ, относящийся к правлению Эдуарда VI. необходимо упомянуть *Законную церковную реформу*, составленную Кранмером. Архиепископ начал в 1544 году собирать отрывки из старого Канонического права, которые, по его мнению, могли бы послужить регулированию правления и дисциплины Англиканской церкви. В помощь ему была назначена комиссия из тридцати двух человек, и из них был отобран комитет из восьми человек для “черновой обработки канонического права”. Когда выбор был сделан, в парламент был внесен законопроект о его легализации, но он не был принят; *иправовая реформа* так и не стала

авторитетной в Англии. Это было к лучшему, поскольку книга предусматривала смертную казнь за различные ереси, что сделало бы ее жестоким оружием в руках правительства-преследователя.

Во время правления Эдуарда VI. впервые проявились зачатки того пуританства, которое было столь заметным во времена Елизаветы. Двумя его главными представителями были епископы Хупер и Ридли. Хупер был ярым последователем Цвингли и считался лидером партии; чувства Ридли не сильно отличались. Хупер вступил в контакт с правительством, когда был назначен епископом Глостера. Затем он возразил против клятвы, требуемой от епископов при их хиротонии, и против епископских одежд, которые он назвал “облачениями Ааронова”. Подробности конкурса описаны сторонником Цвинглианства Макрониусом в письме Буллингеру в Цюрих [493] (28 августа 1550 г.):

“Король, как вы знаете, назначил его (Хупера) епископством Глостерским, которое, однако, он отказался принять, если не примет решение. будьте полностью избавлены от всех проявлений папистского суеверия. Здесь сразу возникает вопрос о форме присяги, которую епископы приказали принести во имя Бога, святых и Евангелий; какую нечестивую клятву Хупер категорически отказался принять. Итак, когда он предстал перед королем в присутствии Совета, Хупер многими аргументами убедил короля в том, что клятва должна быть принесена во имя одного Бога, который знает сердце. Это произошло 20 июля. Благочестивому королю это было настолько приятно, что он собственноручно стер пункт клятвы, который санкционировал принесение присяги любыми существами. Ничто не могло быть более благочестивым, чем этот поступок, или более достойным христианского короля. Когда это было сделано, осталась форма епископальной хиротонии, которая, как недавно предписали епископы в парламенте, лишь немногим отличается от папской. Поэтому Хупер получил письмо от короля архиепископу Кентерберийскому (Кранмеру), в котором говорилось, что он может быть посвящен без суеверий. Но он ничего этим не добился, поскольку архиепископ Кентерберийский направил его к епископу Лондонскому (Ридли), который отказался использовать какую-либо другую форму посвящения, кроме той, которая была одобрена парламентом. Таким образом, епископы взаимно стремятся к тому, чтобы ничто из их славы не исчезло. Через несколько дней, 30 июля, Хупер получил разрешение короля и Совета на посвящение епископом Лондона без каких-либо суеверий. Он ответил, что вскоре направит ответ либо Совету, либо Хуперу. Таким образом, в то время как Хупер ожидал ответа епископа, последний обратился в суд и оттолкнул мнение Совета от Хупера, легкомысленно отнесшись к использованию облачений и тому подобного в церкви и назвав их просто безразличными. Многие были настолько убеждены им, что едва ли стали бы слушать защиту Хупера, когда вскоре после этого он предстал перед судом. Поэтому он попросил их, чтобы, если они не хотят слышать, как он говорит, они, по крайней мере, сочли бы уместным услышать и прочитать его письменные извинения. Его просьба была удовлетворена, а потому он изложил королевским советникам в письменном виде свое мнение относительно прекращения использования облачений и тому подобных ребяческих штучек. И если Епископ не сможет удовлетворить короля другими причинами, победу одержит Хупер. Мы ежедневно ожидаем прекращения этого спора, который ведется только между отдельными людьми, либо путем переговоров, либо посредством писем, опасаясь возникновения каких-либо волнений среди невежд. Вы видите, в каком состоянии были бы дела Церкви, если бы они были предоставлены епископам, даже лучшим из них”.

В конце концов Хупер позволил себя уговорить и был посвящен обычным способом.

Передовые реформаторы в Англии, вероятно, были подстрекаемы требовать большей свободы, чем допускает закон, при виде свободы, которой пользуются люди, не являющиеся англичанами. Французские и немецкие протестанты приехали в Англию в поисках убежища, и их радушно приняли. Король разрешил им посещать церковь августинцев в Лондоне, чтобы они могли “иметь чистое служение Словом и таинствами в соответствии с апостольской формой”, и они пользовались своими привилегиями.

“Согласно патентам короля и Совета, мы полностью освобождены от юрисдикции епископов. К каждой церкви (я имею в виду немецкую и французскую) приставлены по два служителя Слова (среди которых и я, недостойный), суперинтендантом над которыми назначен преосвященный Иоанн а Ласко; только с помощью которого, под руководством Бога, мы, иностранцы, достигли нашего нынешнего состояния чистой религии. Некоторые епископы, и особенно епископ Лондонский, а также некоторые другие, выступают против нашего замысла; но я надеюсь, что их противодействие будет безрезультатным. Архиепископ Кентерберийский, особый покровитель иностранцев, был главной поддержкой и популяризатором нашей церкви, к великому удивлению некоторых”. [494]

Эти иностранцы, находившиеся вне контроля епископии и не подчинявшиеся *Актам единообразия*, пользовались свободами вероисповедания, которые не были предоставлены англичанам. Они были изгнаны из страны, когда Мария вступила на престол; но при Елизавете и Якове они пользовались теми же привилегиями, и, естественно, английские пуритане им завидовали, их принуждали епископы и преследовали Акты Единообразия.

В то время как Реформация продвигалась в Англии со скоростью, слишком большой для большинства народа, король демонстрировал слабость своей конституции. Он умер 6 июля 1553 года, и крах Реформации после его смерти показал шаткость фундамента, на котором она была построена.

ГЛАВА III.

РЕАКЦИЯ ПРИ МЭРИ. [495]

Одним из последних действий умирающего короля было составление завещания, регулирующего порядок наследования престола. Это, несомненно, предложил ему герцог Нортумберленд, но, будучи усыновленным, юноша цеплялся за это с упорством тюдоров. Он признал незаконнорожденными обеих своих сестер. Он также отстранил молодую королеву Шотландии, которая, в отличие от Марии и Елизаветы, была законной наследницей, будучи внучкой Маргарет, старшей сестры Генриха VIII, и выбрал леди Джейн Грей, представительницу (старшего ребенка старшего ребенка) Марии, младшей сестры Генриха VIII. И король, и его Совет, похоже, думали, что нация не подчинится римско-католику на троне; и Карл V. похоже, согласился с ними. Он считал шансы Марии на престолонаследие невелики.

Народ Англии, однако, сплотился вокруг Марии, как ближайшей по крови к своему старому монарху, который, несмотря на свое автократическое правление, никогда не терял связи со своим народом.

Новая королева, естественно, обратилась за советом к своему кузену Карлу V. Он поддержал дело ее матери и ее собственное; и в минувшие мрачные дни его посол Шапюи был ее неутраченным другом.

Это было всепоглощающее желание Марии вернуть английскую церковь и нацию к повиновению Риму - свести на нет работу ее отца, и особенно ее брата. Император рекомендовал проявлять осторожность; он посоветовал королеве быть терпеливой; следить за своей политикой и приспосабливать ее к проявлениям чувств своего народа; наказывать лидеров, которые стремились не допустить ее к трону, но относиться ко всем своим последователям с милосердием. Прежде всего, она должна была внимательно следить за отношением своей сестры Элизабет и реорганизовать финансы страны.

Мария освободила Гардинера из Тауэра и сделала своим доверенным министром. Его советы во всех вопросах, за исключением ее брака, совпадали с советами императора. Считалось, что восстановление римско-католической религии вызовет небольшие трудности, но могут возникнуть трудности с верховенством папы, и особенно с приемом папского легата. Многое зависело от папы. Если бы Его Святейшество не потребовал восстановления церковной собственности, отчужденной в течение последних двух царствований и теперь распределенной между более чем сорока тысячами владельцев, все могло бы пойти хорошо.

Однако не было недостатка в признаках того, что, хотя люди были почти единодушны в принятии Марии своей королевой, они не были едины в религии. Когда доктор Гилберт Борн, проповедуя на кресте Святого Павла (13 августа 1553 г.), восхвалял епископа Боннера, его прервали криками; в него бросили кинжал; его вытеснили с кафедры, и его жизни угрожала опасность. Беспорядки утихли только тогда, когда Брэдфорд, известный протестант, обратился к толпе. Лорд-мэр Лондона был уполномочен заявить народу, что в намерения королевы не входило подавлять совесть мужчин и что она намеревалась полагаться исключительно на убеждение, чтобы привести их к истинной вере.

Пять дней спустя (18 августа) Мария выпустила свое первое *Воззвание о религии*, в котором она посоветовала своим подданным “жить вместе в спокойствии и христианском милосердии, оставив эти новообретенные дьявольские термины ”папист”, ”еретик” и тому подобное”. Она заявила, что намерена поддерживать ту религию, которую всегда исповедовала; но она пообещала, “что не будет принуждать к этому никого из своих подданных *до тех пор, пока, по общему согласию, в ней не будет установлен дальнейший порядок*” - довольно значительная угроза. Прокламация запрещала нелегальную проповедь и печатание “любой книги, материала, баллады, рифмы, интерлюдии, процесса или трактата, а также воспроизведение любой интерлюдии, за исключением случаев, когда у них есть специальное разрешение Ее светлости на написание того же самого”, что ясно показывает, что с самого начала Мария не намеревалась, чтобы ее подданные читали какую-либо протестантскую литературу, если она могла этого избежать. [496]

Мария была коронована с большой церемонией 1 октября, а ее первое заседание парламента состоялось четыре дня спустя (с 5 октября по 6 декабря 1553 года). Он отменил решение бывшего парламента и объявил, что брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской был действительным и что Мария была законной наследницей престола; и это отменило все религиозное законодательство времен Эдуарда VI. Совет хотел, чтобы антипапские законы Генриха VIII были отменены. но парламент, особенно Палата общин, не были готовы к чему-либо столь радикальному. Англиканская церковь была юридически восстановлена в том виде, в каком она была после смерти Генриха, и Мария оказалась в аномальном положении верховного главы Церкви в Англии, в то время как сама она искренне верила в верховенство римского епископа. Титул и полномочия, которые он давал, были полезны для восстановления королевским указом средневековых ритуалов и богослужений, и таким образом месса была вновь введена в декабре. [497]

Тем временем обсуждался вопрос о замужестве королевы. Мария сама решила этот вопрос, торжественно пообещав испанскому послу (19 октября), что выйдет замуж за Филиппа Испанского; брачный договор был подписан 12 января 1554 года; официальная помолвка состоялась в марте, а свадьба была отпразднована 25 июля. [498] С самого начала это было очень непопулярно. Лондонские мальчишки забрасывали снежками слуг испанского посольства, присланных для ратификации брачного договора (1 января 1554 г.); сами послы были очень холодно приняты населением; и Марии пришлось издать прокламацию, предписывающую проявлять всю вежливость по отношению к принцу Испании и его свите, прибывающим в Англию, чтобы жениться на королеве. [499]

В сентябре (1553 г.) ярко выраженные протестантские епископы, оставшиеся в Англии, чтобы противостоять буре, Кранмер, Ридли, Ковердейл, Латимер, были изгнаны и заключены в тюрьму; протестантские беженцы из Франции и Германии и многие выдающиеся протестантские лидеры искали безопасности на Континенте; лишенные прав епископы-романисты Гардинер, Хит, Боннер, Дэй были восстановлены в должности; а достопочтенный епископ Танстолл, который выступал в качестве агента Вулси на знаменитом Вормсском сейме, был переведен на престол Дарема.

Различные восстания, одно или два второстепенных и более грозное под руководством сэра Томаса Уайатта, были подавлены. Леди Джейн Грей, лорд Гилфорд Дадли (12 февраля 1554 г.), сэр Томас Уайатт, лорд Саффолк и другие были казнены. Карл V. настоятельно рекомендовал казнить принцессу Елизавету, но его совету не последовали.

Англия все еще была отлученной от церкви страной, и оба - королева и король-консорт - стремились получить папский мир. Как только Мария сообщила ему о ее наследовании престола, папа Юлий II избрал кардинала Поула своим легатом в Англии (в начале августа 1553 года). Никто не мог быть более подходящим. Он был родственником королевского дома Англии, внуком герцога Кларенса, который был братом Эдуарда IV. Он настолько решительно не одобрял антипапскую политику Генриха VIII. что был вынужден жить в изгнании. Он был кардиналом и почти стал папой. Никто не мог быть более приемлемым для Марии. Он протестовал против развода ее матери и пострадал из-за этого; и он так же, как и она, стремился вернуть Англию в подчинение папе. Но нужно было устранить множество трудностей, прежде чем Поул смог приземлиться в Англии в качестве папского легата. Английский народ не любил легатов, и их восприимчивость нужно было смягчать. Если бы папа сделал

восстановление церковных земель условием возвращения Англии в подчинение папе, и если бы Мария настаивала на обеспечении этого послушания, вспыхнуло бы восстание, и она потеряла бы свою корону. Никто не знал всех этих трудностей лучше, чем император, и он приложил все усилия, чтобы преодолеть их. Курия была убеждена, что, поскольку отчуждение церковной собственности для выкупа заключенных входило в Каноническое право, Церковь могла бы отказаться от своих притязаний на земли английских аббатств, чтобы вернуть себе все королевство. У самого Поула были сомнения на этот счет. Он верил, что ему, возможно, будет позволено урезонить мирян-присваивателей и убедить их произвести реставрацию, и его энтузиазм по этому поводу вызвал много опасений в умах как Карла, так и Филиппа. Кардинал также не мог приземлиться в Англии до тех пор, пока его статус английского дворянина не был отменен парламентом. Однажды он уже был назначен легатом в Англию (7 февраля 1536 г.), чтобы поддержать возвращение Генриха VIII к повиновению папе; он писал против королевского превосходства. Ни лорды, ни палата общин не очень стремились принять его.

Наконец, более чем через тринадцать месяцев после его назначения, путь для его приезда в Англию был открыт. Он высадился в Дувре (20 ноября 1554 г.), направился в Грейвсенд, и там нашел ожидающий его Парламентский акт, отменяющий его достижение. Он был внесен в Палату лордов, принят Верхней палатой за два дня, трижды зачитан в Палате общин за один день и сразу после этого получил королевское одобрение (27 ноября 1554 г.). Танстолл, епископ Дарема, вручил ему патент, дающий ему право исполнять обязанности легата в Англии. Он сел на королевскую баржу с серебряным крестом на носу, поплыл вверх по Темзе при благоприятном течении, высадился в Уайтхолле и был встречен Марией и Филиппом. На следующий день обе палаты парламента были приглашены во Дворец, чтобы встретиться с ним, и он объяснил свое поручение. На следующий день в обеих палатах парламента был поставлен вопрос о том, должна ли нация вернуться к повиновению папе, и на него был дан утвердительный ответ. После чего лорды и палата общин присоединились к мольбе к королеве, “чтобы они могли получить отпущение грехов и быть принятыми в тело Святой Католической Церкви под руководством Папы, ее Верховного Главы”. Прошение было представлено 30-го числа, и в его формулировках королева умоляла легата простить королевство за его неповиновение и раскол. Затем, пока все собрание преклоняло колени, король и королева стояли на коленях вместе с остальными, легат произнес отпущение грехов и принял королевство “снова в единстве нашей Матери Святой Церкви”.

Теперь парламенту оставалось принять законы, которых требовали изменения. В одном всеобъемлющем статуте собрано все антипапское законодательство времен правления Генриха VIII. и Эдуарда VI. был отменен, и Англия, насколько позволяли законы, [500] такой, какой она была в правление Генриха VII. Два дня спустя (2 декабря 1554 г.), в первое воскресенье Адвента, Филипп и Мария вместе с легатом посетили богослужение в соборе Святого Павла, а после мессы прослушали красноречивую проповедь епископа Гардинера, в ходе которой он публично отрекся от учения, изложенного в его книге *De vera obedientia*. [501] Созыв получил специальное отпущение грехов от легата. Чтобы показать, насколько основательно Англия примирилась с Матерью-Церковью, парламент приступил к возрождению старых законов против ереси, которые первоначально были приняты для подавления Лоллардии, среди них печально известный *Закон об эретико комбурендо*, и Англия снова получила привилегию сжигать евангельских христиан, закрепленную за ней Актом парламента. [502]

В марте 1554 года королева издала серию *предписаний* всем епископам, инструктируя их по целому ряду вопросов, и все они были направлены на то, чтобы привести Церковь в то состояние, в котором она была до нововведений последнего правления. Епископы должны были приводить в исполнение все каноны и церковные законы, которые прямо не противоречили статутам королевства. Они не должны были вписывать ни в один из своих церковных документов фразу *regia auctoritate fulcitus*; они должны были следить за тем, чтобы ни один еретик не допускался ни на какие церковные должности; они должны были отстранить всех женатых священников и настаивать на том, чтобы каждый человек, давший обет безбрачия, был разлучен со своей женой, если он был женат; они должны были соблюдать все святые дни и церемонии, которые использовались в последние дни правления короля Генриха VIII.; все школьные учителя, подозреваемые в ереси, должны были быть отстранены от своих должностей. Эти *предписания* тщательно соблюдались в рамках Закона, отменившего церковное законодательство времен правления Эдуарда VI. [503] Епископ Лондона Боннер ранее опубликовал список вопросов, которые следует задать духовенству своей епархии, которые касались как мирян, так и духовенства, и которые шли намного дальше. Он спросил, есть ли женатые священнослужители или священнослужители, которые не разлучались со своими женами или наложницами? Придерживается ли кто-либо из духовенства доктрин, противоречащих католической вере? Был ли кто-либо из духовенства рукоположен нерегулярно или раскольнически? Служил ли кто-нибудь из них мессу или совершал таинства на английском языке после провозглашения королевы? Соблюдали ли они все святые дни и посты, предписанные Церковью? Ходил ли кто-нибудь из духовенства не в полном церковном облачении? Высказывался ли кто-нибудь в приходе в пользу церковного брака? Эти и многие другие мельчайшие вопросы были заданы с очевидным намерением восстановить средневековые церемонии и обычаи во всех деталях. [504] Его духовенство заверило епископа, что невозможно внести все изменения, которые он требовал, сразу, и Боннер был вынужден дать им время до ноября, чтобы привести в порядок свои приходы. Это посещение Лондона, очевидно, вызвало большое недовольство. В апреле (1554 г.) “на дешевой виселице была повешенадохлая кошка, одетая в одежду священника. У него была выбритая макушка, а в передних лапах он держал круглый лист бумаги, изображавший вафлю.... За поимку автора этого безобразия была предложена награда в двадцать марок, но она оказалась совершенно безрезультатной”. [505] Другие более серьезные инциденты показали тлеющее недовольство.

Возрождение в парламенте старых законов о борьбе с ересью можно рассматривать как время, четко обозначенное в первой декларации королевы по религиозным вопросам, когда убеждение должно было прекратиться и его место заняла сила. Банальности многих современных историков о гуманном и милосердном характере Марии, об отвращении Гардинера к пролитию крови, о великодушной попытке “доброго епископа” Боннера убедить своих жертв отречься, можно выбросить из головы. Факт остается фактом, что преследования, начавшиеся в 1555 году, были четко обозначены в 1553 году и продолжались со все возрастающей суровостью, пока смерть королевы не положила им конец.

Посещения сделали свое дело, и самые выдающиеся из реформированных епископов и богословов были схвачены и заключены в различные тюрьмы. “Тауэр, Флот, Маршалси, Королевская скамья, Ньюгейт и два Прилавка были полны ими”. [506] С ними обращались по-разному. “С заключенными Королевской скамьи обращались довольно справедливо, и иногда им оказывали благосклонность. При нем был прекрасный сад, где они могли иногда гулять”. У них также была свобода собираться для богослужения, как и у заключенных в Маршалси. Их

сторонники, избежавшие обыска, снабжали их едой, как это делали ранние христиане, их страдающие братья в первые века. Но в некоторых других тюрьмах исповедники не только содержались в отвратительных камерах, но и ужасно страдали от недостатка пищи. В конце составленного Страйпом списка двухсот восьмидесяти восьми человек, сожженных во время правления Марии, он многозначительно добавляет: “не считая тех, кто умер от голода в тюрьмах сондри”. [507] Некоторые из заключенных смогли составить (8 мая 1554 г.) и разослать для распространения исповедание своей веры, призванное показать, что они страдали просто за то, что придерживались и провозглашали то, что, по их мнению, было истиной Священного Писания. Они заявили, что они считают весь канонический книги Священного Писания Божий само слово, и что быть судьей во всех спорах веры; что Католическая Церковь являлась церковью, которые уверовали и последовали учения, о которых говорится в Писании, что они приняли учение Апостолов и решения первых четырех Вселенские Соборы и собор в Толедо, а также учение Афанасия, Irenæus, Тертуллиан, и Дамасу, что они считали, что оснований пришел по милости Божией, и что он получил не кто иной, а только через веру, и что вера является не мнение, а убеждение, нанесенный Святого Духа; они объявили, что внешнее служение Богу должно быть согласно Божьему Слову, и проведенного на языке, который люди могли понимать; они признались, что Богу только через Иисуса Христа будет молились, и потому не одобрял призыванием святых; они отреклись от чистилища и массы для умерших; они утверждали, что Крещение и вечера Господня были таинства, установленные Христом, должно было организовываться по данным Института Христос, и запретил обрезание, причастие, теория пресуществления, и поклонение хлеба. [508] Это было подписано Ферраром, Хупером, Ковердейлом (епископами), Роджерсом (первым мучеником), Брэдфордом, Филпотом, Кроумом, Сондерсом и другими. Джон Брэдфорд, целеустремленный, мягкий ученый, вероятно, был автором этого Признания.

Кардинал Поул в качестве папского легата отдал распоряжение (28 января 1555 г.) епископу Гардинеру и нескольким другим судить заключенных, задержанных за ересь. Затем последовало (4 февраля 1555 г.) сожжение Джона Роджерса, которому Тиндейл доверил свой перевод Священных Писаний и который был настоящим составителем Библии, известной как Евангелие от Матфея. Сцены его казни, возможно, предупредили власти о том, что преследование не будет убедительным. Толпы приветствовали его, когда он шел навстречу смерти, “как если бы он шел на свою свадьбу”, - сообщил французский посол. Его судьба вызвала сильное чувство сочувствия почти у всех классов общества, что было зловещим. Даже Симон Ренар, доверенный посланник Карла V. Взял на себя смелость предупредить Филиппа о том, что следует применять менее крайние меры. Но самое худшее в политике преследования заключается в том, что, однажды начавшись, почти невозможно отказаться от нее, не признав поражения. Епископа Хупера отправили в Глостер страдать в его кафедральном городе, Сондерса - в Ковентри, а доктора Тейлора сожгли на Олдем-Коммон в Саффолке. Несколько других мучеников постигла та же участь - их сожгли через несколько дней после этого.

Роберт Феррар, реформатский епископ Сент-Дэвидса, был отправлен в Кармартен для сожжения в главном городе своей епархии (30 марта 1555 года). Возможно, именно его смерть породила стихи на валлийском, призывающие жителей княжества встать на защиту своей религии против англичан, которые стремились ее уничтожить, и призывающие их искоренить поклонение изображениям и использование распятия. [509]

Епископы Ридли и Латимер, а также архиепископ Кранмер содержались в заключении в Оксфорде с апреля 1554 года; и теперь против них должно было быть возбуждено уголовное дело. Два епископа предстали перед Судом по поручению кардинала Поула, легата. Они были осуждены 1 октября 1555 года, а 16-го их сожгли в Оксфорде на нынешней Брод-стрит перед Баллиол-колледжем. Кранмер был свидетелем их смерти с вершины башни, в которой он был заключен.

В случае с архиепископом было сочтено необходимым для выполнения требований канонического права, чтобы он предстал перед судом самого папы Римского. Соответственно, ему сообщили, что его монархи "донесли" на него Папе Римскому и что Его Святейшество поручил кардиналу Дю Пюи, префекту инквизиции, действовать от его имени, и что Дю Пюи делегировал эту обязанность Джеймсу Бруксу, который сменил Хупера на посту епископа Глостерского, декану собора Святого Павла и архидьякону Кентерберийскому. Суд проходил в церкви Святой Марии. Обвинителей, Филиппа и Мэри, представляли доктора Мартин и Стори. Они от имени своих суверенов представили пространный обвинительный акт, в котором главными обвинениями были прелюбодеяние, лжесвидетельство и ересь. Первое означало, что, хотя он был священником, он был женат и даже женился во второй раз после того, как стал архиепископом; второе, что он поклялся в послушании папе и нарушил свою клятву; и третье, что он отрицал доктрину пресуществления. [510]

Кранмер отказался признать юрисдикцию своих судей, но ответил на выдвинутые против него обвинения своим обвинителям, потому что они представляли его суверенов. Он отрицал, что папа обладает какой-либо церковной властью в Англии, но подчинился королевскому верховенству. Поскольку Брукс не имел полномочий от папы Римского делать больше, чем просто заслушивать дело, никакого решения вынесено не было; было лишь намекнуто, что о ходе разбирательства будет сообщено в Рим. Кранмера препроводили обратно в тюрьму. Там он адресовал королеве сначала одно, а затем второе письмо. [511] Достойным и совершенно уважительным языком он выразил деградацию королевства, проявившуюся в том, что монархи обратились к "внешнему судье или к авторитету, исходящему от любого лица из этого королевства", чтобы рассудить между ними и одним из их собственных подданных. Кранмер в начале своей карьеры пришел к неизменному мнению, что папское превосходство было ответственно за злоупотребления и беспорядки в средневековой церкви, и что реформация была невозможна до тех пор, пока она сохранялась. Как и каждый мыслящий человек своего поколения, он отвергал всю структуру папских притязаний, созданную Римской курией в пятнадцатом веке, и считал, что это во всех отношениях несовместимо с лояльностью, которой каждый подданный обязан своему суверену и законам своей страны. Он твердо придерживался этого убеждения.

"Я знаю, что невежество, - сказал он, - может оправдать других людей; но тот, кто знает, насколько пагубны для Короны, законов и обычаев этого королевства сила и авторитет, которым повсюду бросает вызов Папа, и все же допускает то же самое, я никоим образом не вижу, как он может сохранять должную преданность, верность и истину Короне и грифу этого королевства".

В своем втором письме он взял более смелую ноту и заявил, что клятва, которую дала Мария соблюдать законы, свободы и обычаи королевства, несовместима с другой клятвой, которую она дала - повиноваться папе, защищать его личность и поддерживать его власть, честь, законы

и привилегии. Обвинение в лжесвидетельстве его нисколько не тронуло. Монархи — епископ Брукс, назначенный судить его, — каждая официальная власть в королевстве, столкнувшись с этим, должны были выбирать между присягой на верность стране или папству; он выбрал верность своему отечеству; другие, которые действовали иначе, предали его. Такова была его позиция. Слова, которые он адресовал королеве Марии — “Боюсь, что в вашей клятве есть противоречия”, — были его оправданием.

В Риме Кранмера признали виновным в неповиновении, и последовал приказ низложить его, унижить и наказать как еретика. Тем временем его чучело сожгли в Риме. Услышав приговор, он составил Обращение к Генеральному совету, следуя, по его словам, примеру Лютера. [512] Расправа была совершена по отношению к Боннеру и Тирлби и была выполнена первым со своей обычной жестокостью. После этого он был передан светским властям для казни. Затем начался тщательно подготовленный курс утонченных психических пыток, результатом которых стали “Отречения Томаса Кранмера”. [513] Ему был представлен ряд отречений, которые ему было приказано подписать его сувереном; и, как это ни странно сейчас, именно приказ суверена сделал для Кранмера почти невозможным отказаться подписать бумаги, которые ему выдавали одну за другой. Он был человеком, который чувствовал необходимость в высшей власти. Он намеренно отложил в сторону послание папы и столь же намеренно поставил на его место послание суверена; и теперь высшая власть, которую одобряла его совесть, повелевала ему подписать. Первые четыре не были настоящими отречениями; Кранмер мог подписать их со спокойной совестью; они состояли из общих положений, эффект от которых зависел от значения используемых терминов, и все знали значения, которые он придавал этим словам на протяжении всей своей общественной жизни. Но пятый и шестой запятнали его совесть и вызвали угрызения совести. Мэри, Поулу и Боннеру было недостаточно того, что они смогли уничтожить огнем тела английских реформаторов, они надеялись, действуя частично на совесть, а частично на слабость лидера английской реформации, показать никчемность всего движения. В конце концов, престарелый мученик искупил свою минутную слабость последним актом героизма. Он знал, что его отречение было опубликовано, и что любое дальнейшее заявление, вероятно, будет подавлено его недобросовестными противниками. Он решил одним-единственным действием опровергнуть их расчеты и запечатлеть свою искренность в памяти своих соотечественников. Его предсмертная речь была заглушена, как он и мог ожидать; но он решился на то, что невозможно было подавить. [514]

“В тот момент, когда его повели на костер, он вытащил из-за пазухи идентичный документ (отречение), собственноручно бросил его в огонь в присутствии толпы, прося прощения у Бога и людей за то, что согласился на такой поступок, который он извинил, сказав, что сделал это ради общественного блага, поскольку, если бы его жизнь, которую он стремился спасти, была ему пощажена, он мог бы когда-нибудь еще быть им полезен, моля их всех упорствовать в доктринах, в которые он верил, и полностью отрицая это”. Таинство и верховенство Церкви. И, наконец, вытянув вперед свою руку и правую кисть, он сказал: “Тот, кто согрешил, подписав это письмо, должен первым понести наказание”; и таким образом он бросил его в огонь и сжег сам”. [515]

Если мученическая смерть Ридли и Латимера зажгла факел, то смерть Кранмера раздула пожар, который в конце концов уничтожил романистическую реакцию и превратил Англию в

протестантскую нацию. Сама слабость престарелого Примата стала фоном, на котором еще яснее проявился его последний героизм. “Простой человек” сочувствовал ему еще больше. Он никогда не был очень сильным человеком в обычном смысле этих слов. Качества, которые формируют изысканного литургиста, требуют определенной религиозной чувствительности и сочувствия, которые редко присущи лидеру меньшинства, когда настоящее против него, а будущее перед ним. Его своеобразное мужество, позволившее ему встретиться лицом к лицу с Генрихом VIII. в своих самых свирепых настроениях он был больше похож на женщину, чем на мужчину, и особенно проявлял сочувствие к страдающим людям. Никто из министров Генриха не умолял сильнее и настойчивее за принцессу Марию, женщину, которая сожгла его, чем Кранмер; и он единственный из всех своих братьев осмелился умолять монарха за Кромвеля в момент его падения. [516]

За смертью Кранмера последовала долгая череда мученических смертей. Кардинал Поул стал архиепископом Кентерберийским, а в отсутствие Филиппа - главным советником королевы. Ему не удалось, как он ни пытался, остановить поджоги. Иногда он спасал заключенных от мстительного Боннера; в других случаях он, кажется, преследовал преследователей. Совесть Марии, так и не удовлетворившаяся конфискацией имущества, вынудила ее вернуть земли, все еще находившиеся во владении короны, и отказаться от “первых плодов” английских бенефиций — единственным результатом было пробудить страх у тысяч собственников и настроить их против папских притязаний. Она попыталась восстановить монашеские институты, но без особых результатов; возродить паломничества к святыням, которые были очень вынужденным делом и которые приходилось поддерживать, штрафуя родителей детей, которые не присоединялись к ним. Возвышение папы Павла IV. (Кардинала Караффы) на Римском престоле увеличило ее трудности. Новый понтифик, неаполитанец, ненавидел ее мужа-испанца и лично недолюбливал кардинала Поула, ее главного советника. Ее последние годы были полны неприятностей.

Мария умерла в 1558 году (17 ноября). “Несчастнейшая из королев, жен и просто женщин”, она родилась среди ликования нации, ее мать была принцессой из самого надменного дома в Европе. В девичестве она была избранницей императора — прелестное, обаятельное юное создание, как говорят все мужчины. На семнадцатом году жизни, в том возрасте, когда девушки наиболее чувствительны, на нее обрушился сокрушительный удар, разрушивший всю ее жизнь. Ее отец, парламент и Церковь ее страны называли ее незаконнорожденной; и, заклеянная таким образом, она была отправлена в уединение размышлять о своем позоре. Когда почти вся Англия приветствовала свою королеву на тридцать седьмом году жизни, она была уже пожилой женщиной с желтоватым лицом, резким голосом, и только ее темные яркие глаза говорили о том, какой красивой она когда-то была. Но нация, казалось, любила ее, которая так долго жаждала привязанности; она вышла замуж за мужчину по своему выбору; и она чувствовала себя инструментом, избранным Небесами для восстановления отлученного народа в Божьем мире. Ее муж, которого она боготворила, устал жить с ней через несколько лет. Ребенок, которого она страстно желала и в которого трогательно верила, так и не появился. [517] Церковь и Папа, ради которых она стольким пожертвовала, пренебрегли ее мольбами и, казалось, не обращали внимания на ее проблемы. Люди, которые приветствовали ее и которых она действительно любила, называли ее “Кровавая” Мэри — имя, которое, в конце концов, было настолько заслуженным, что останется им всегда. Каждое разочарование она воспринимала как предупреждение с Небес о том, что искупление преступлений Англии еще не совершено, и

костры преследований продолжают гореть, чтобы умиловить Бога латинизма шестнадцатого века.

ГЛАВА IV.

ПОСЕЛЕНИЕ ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ. [518]

Здоровье Марии Тюдор долгое время было слабым, и когда стало доподлинно известно, что она не оставит прямого наследника (то есть примерно с июня 1558 года), народ Англии молча пришел к выводу, что королевой должна стать Елизавета, иначе начнется гражданская война. По-видимому, также предполагалось, что она будет протестанткой и что ее главным советником будет Уильям Сесил, получивший образование в области государственного управления в качестве секретаря величайшего государственного деятеля Англии, лорда-протектора Сомерсета. Так оно и выпало.

Созданию таких ожиданий способствовало многое. Интеллектуальная жизнь молодой Англии постепенно становилась протестантской. Оба испанских посла заметили это с тревогой и доложили своему повелителю. [519] Это было особенно характерно для молодых леди из высших классов, которые становились студентками, изучавшими латынь, греческий и итальянский языки, и в то же время набожными протестантками с явной склонностью к тому, что впоследствии стало пуританством. Сама Элизабет в своем самом впечатлительном возрасте была ученицей епископа Хупера, который привык восхвалять ее ум. “В религиозных вопросах она с самого рождения была пропитана лютой ненавистью к нашей вере”, - сказал епископ Аквилы. [520] Простые люди демонстрировали свою ненависть к католицизму, и “к изображениям и религиозным деятелям относились неуважительно”. Было отмечено, что Елизавета “была очень предана народу и думала так же, как они”, и что “ее отношение к простым людям было гораздо более милосердным, чем к другим”. [521] Сожжения протестантских мучеников и особенно казнь Кранмера вызвали возмущение населения Лондона и южных графств против католицизма, и эти чувства распространились по всей стране. Все классы народа ненавидели полное подчинение английских интересов интересам Испании в период позднего правления, точно так же, как народ Шотландии в то же время уставал от французского господства при Марии Лотарингской, и Елизавета разделяла чувства своего народа. [522]

Однако в политических условиях того времени было так много такого, что заставило и Елизавету, и Сесила задуматься, прежде чем посвятить себя Реформации, что необходимо полагать, что религиозные убеждения оказали большое влияние на определение их действий. Англия не была той могущественной нацией в 1558-60 годах, какой она стала после двадцати лет правления великой королевы. Аграрные проблемы, которые беспокоили три правления Генриха VIII, Эдуарда и Марии, не прекратились. Чеканка монет все еще была в таком же упадке, как и в последние годы правления Генриха VIII. Торговля находилась в застое, и страна страдала от двухлетнего нашествия чумы. Война с Францией, в которую Англию втянула Испания, не просто лишила страну людей и денег, но и не принесла ничего, кроме потери территории и ущерба престижу. Не было особых надежд и на иностранную помощь. Романистическая реакция была в

полном разгаре по всей Европе, и положение континентальных протестантов было на самом низком уровне. Это было частью Като-Камбрезийского мирного договора (апрель 1559 г.), согласно которому Франция и Испания должны объединиться, чтобы сокрушить протестантизм всей Европы, и секретного договора между Филиппом II. и Екатериной Медичи в 1565 г. [523] показал, что такой план считался возможным осуществить в первые годы правления Елизаветы. Он никогда не был полностью заброшен до разгрома Армады в 1588 году. Максима Сесила, гласившая, что Реформация не может быть подавлена до тех пор, пока Англия не будет завоевана, имела своим следствием то, что завоевание Англии должно было быть главной целью римских монархов, которые были полны решимости вернуть Европу в повиновение Риму. Решимость встать на сторону протестантов усилила ненадежность положения Елизаветы в первые годы ее правления. Она была, по мнению папы римского и, вероятно, всех европейских держав, романистов и протестантов, незаконнорожденной; и ересь в сочетании с незаконнорожденностью была страшным оружием в руках Генриха II Французского, который намеревался поддержать притязания своей невестки, молодой королевы Шотландии, - несомненно, законной наследницы в глазах всех, кто верил, что Генрих VIII. был законно женат на Екатерине Арагонской. Испанский посол, граф де Ферия, попытался напугать Елизавету, напомнив ей, как в результате папского отлучения Наварра была захвачена королем Испании. [524] Его заявление своему хозяину о том, что при ее восшествии на престол две трети английского народа были романистами, [525] может быть подвергнуто сомнению (он допустил много просчетов), но несомненно, что Англия была кем угодно, только не объединенной протестантской нацией. И все же, кто знает, какие неприятности могут возникнуть у Филиппа в Нидерландах, и, возможно, лорды Конгрегации будут достаточно воодушевлены, чтобы пресечь замыслы Франции в отношении Англии через Шотландию. [526] В худшем случае Филипп Испанский не хотел бы видеть Англию полностью во власти Франции. Королева и Сесил решили рискнуть, и Англия должна была стать протестантской и бросить вызов папе, “от которого не нужно было ничего опасаться, кроме злой воли, проклятий и практических действий”.

Говорили, что Павел IV был готов благосклонно воспринять известие о наследовании престола Елизаветой, возможно, при условиях, гарантирующих ее законность; но, отчасти к его удивлению и, конечно, к его гневу, его даже официально не проинформировали о ее восшествии на престол, а послу молодой королевы в Риме сказали, что он ей там не нужен.

Однако изменения дома были внесены со всей возможной осторожностью. В первом воззвании Елизаветы “et cetera” скрывало любые претензии на звание Главы Церкви, [527] и ее самое раннее вмешательство в церковные дела заключалось в запрете всех спорных проповедей. [528] До тех пор должна была сохраняться официальная религия (романистическая). Не было сделано никакого официального заявления, предвещающего грядущие изменения.

Елизавете, однако, не нужно было полагаться на прокламации, чтобы указать своему народу путь, по которому она намеревалась идти. Она милостиво приняла Библию, подаренную ей при въезде в Лондон, прижала ее к груди и прижала к губам. Ее рука демонстративно отдернулась от поцелуя Боннера-преследователя. Великий юрист Годерик указал на способы, с помощью которых протестантские чувства могли бы найти выход законным образом:

“Тем временем Ее Величество и все ее подданные могут по разрешению закона использовать *английскую литанию* и избирательные права, использовавшиеся во времена короля Генриха, и, кроме того, Ее Величество в своем личном кабинете может служить

мессу без вознесения Обители в соответствии с древними канонами, а также может приглашать на каждую мессу нескольких причастников с министрами, которые будут использоваться в обоих видах”. [529]

Этому совету последовали, его усовершенствовали. “Религиозные дела идут своим чередом, - сообщает венецианский агент (17 декабря 1558 г.). - Но я слышал, что при дворе в присутствии королевы совершает богослужение священник, который произносит определенные молитвы с литаниями по-английски, на манер короля Эдуарда”. [530] Она пошла на мессу, но попросила епископа, совершавшего богослужение, не возносить Воинство для поклонения; и когда он отказался подчиниться, она и ее дамы выбежали из церкви сразу после прочтения Евангелия. [531] Парламент был открыт обычным образом с исполнения мессы, но королева не появлялась до ее окончания; затем ее процессии предшествовал хор, который пел гимны на английском языке. Когда аббат Вестминстерский встретил ее в церковной процессии с обычными свечами, потрескивающими в руках его духовенства, королева крикнула: “Уберите эти факелы, у нас и так достаточно света”. [532]

Она была коронована 15 января 1559 года; но с *всеми* ли обычными церемониями, сказать невозможно; скорее всего, она не общалась. [533] Епископы присягнули на верность обычным способом, но остерегались принимать какое-либо официальное участие в коронации столь явного еретика. Позже в тот же день доктор Кокс, который был наставником короля Эдуарда и был одним из вернувшихся беженцев, выступил с проповедью перед королевой. Уже 14 декабря (1558 г.) испанский посол смог сообщить, что королева “с каждым днем все более открыто выступает против религии (романизма)” и что “все сбежавшие еретики снова начинают стекаться из Германии”. [534]

Когда Созыв собрался, стало очевидно, что духовенство не будет помогать правительству в предлагаемых изменениях. Они высказывались за пресуществление и жертвоприношение Мессы, а также против королевского превосходства. Считалось, что реформация должна осуществляться исключительно гражданской властью; и было несколько трудно предсказать, на что согласится парламент.

То, что было сделано на самом деле, все еще остается предметом дискуссий, но представляется вероятным, что правительство представило по крайней мере три законопроекта. Первый был отозван; второй был сорван из-за того, что королева отказала в своем Королевском Согласии; третий привел к Акту Превосходства и Акту Единообразия. Наиболее вероятно, что первый и второй Законопроекты, которые не стали законом, включили *один* предлагаемый законодательный акт предложения правительства о верховенстве королевы и о единообразии общественного богослужения. [535] Первый был внесен в Палату общин 9 февраля (1559 г.), обсуждался там с 13 по 16 февраля, а затем отозван. “Новый” законопроект “о верховенстве, присоединенном к короне” был внесен в Палату общин 21 февраля, прошел третье чтение 25 февраля и был направлен лордам 27-го. [536]

Большинство в Палате общин составляли протестанты; [537] но епископы Марианской церкви имели большое влияние в Палате лордов, и именно там предложения правительства встретили сильную оппозицию. Доктор Джуэл описывает ситуацию в письме Питеру Мартиру (20 марта):

Епископы являются для нас большой помехой; ибо, будучи, как вы знаете, среди знати и ведущих людей в Верхней палате, и не имея никого на нашей стороне, кто мог бы

разоблачить их уловки и опровергнуть их ложь, они правят как единоличные монархи среди невежественных и слабых людей и легко превосходят нашу маленькую партию либо своей численностью, либо своей репутацией образованных. Королева, тем временем, хотя и открыто поддерживает наше дело, все же удивительно боится допускать какие-либо новшества”. [538]

Законопроект (законопроект № 2 — “новый” законопроект), который был принят Палатой общин 25-го числа, впервые был зачитан в Палате лордов 28-го числа, прошел второе чтение 13 марта и был передан Комитету, состоящему из герцога Норфолка, епископов Эксетера и Карлайла, а также лордов Винчестера, Уэстморленда, Шрусбери, Ратленда, Сассекса, Пембрука, Монтегю, Клинтон, Морли, Рича, Уиллоуби и Норта. Очевидно, они внесли в Законопроект такие изменения, что сделали бесполезной для правительства по крайней мере ту его часть, которая предусматривала радикальные изменения в общественном богослужении. Самый ясный отчет о том, что сделали лорды, содержится в письме человека, подписывающегося “Иль Шифаноя”, которое хранится в Государственном архиве в Мантуе. [539] Он говорит:

“Парламент, который должен был завершиться в прошлую субботу, был продлен до следующей среды Страстной недели, и, согласно сообщению, они вернутся через неделю после Пасхи (26 марта 1559 г.); этому сообщению я верю, поскольку из трех основных статей была принята только первая, а именно. передать верховенство англиканской церкви королеве ... несмотря на противодействие епископов и главных лордов и баронов этого королевства, графы Арундел и Дерби, которые являются очень добрыми христианами, отлучились из-за недоумения, притворившись, как думают некоторые, что избегают советоваться о таком разорении этого королевства.

Граф Пембрук, граф Шрусбери, виконт Монтегю и лорд Гастингс, как истинные воины Христовы, не пренебрегли своим долгом, оказав сопротивление палате общин, которую они вынудили внести изменения в *принятую Палатой общин книгу, запрещающую служить мессу или Причащаться (ne se communicassero), кроме как за столом, как это было при Эдуарде VI.*; в церкви также не разрешалось совершать богослужения; священникам также разрешалось вступать в брак, а христианская религия и таинства были полностью отменены; добавив, что к тому же существует множество экстраординарных наказаний для правонарушителей. Большинством голосов они решили, что вышеупомянутые вещи должны быть вычеркнуты из книги, и что Мессы, Таинства и остальные Божественные службы должны совершаться так же, как до сих пор.... Члены Нижней палаты, видя, что лорды приняли эту статью о верховенстве королевы над Церковью, но не так, как ее разработала Палата общин, — лорды отменили вышеупомянутые пункты и изменили некоторые другие, — разозлились и ни на что не согласились, но находятся в очень большом противоречии ”. [540]

Лорды, подстрекаемые марианскими епископами, сорвали план правительства по изменению религии.

Затем вмешалась королева. Она отказалась дать свое согласие на Законопроект под ловким предлогом, что у нее есть сомнения по поводу титула, которым ее предлагалось наградить, — *Верховный глава Церкви*. [541] Она знала, что и католикам, и кальвинистам это не нравилось, и ей ловко удалось заставить обе стороны думать, что она уступила аргументам, которые

приводила каждая из них. Испанский посол приписал все заслуги себе; и Сэндис был убежден, что Елизавету убедил мистер Левер, который “заронил в голову королевы сомнения в том, что она не примет титул Верховного главы”. [542]

Отказ от королевского согласия позволил правительству начать все заново. Они больше не пытались вместить все в один законопроект. Новый Акт о верховенстве, [543], в котором королева была объявлена “единственным верховным правителем этого королевства ” ... как и во всех духовных или церковных делах, так и во временных”, был внесен в Палату общин 10 апреля и был прочитан в третий раз 13-го. Внесенный в Палату лордов 14 апреля, он был зачитан во второй раз 17-го и окончательно принят 29 апреля. Если бы неприятный титул был опущен, все решительные полномочия, на которые претендовал Генрих VIII. были переданы Елизавете. Елизаветинский акт возродил не менее девяти актов Генриха VIII., [544] и среди них статут о докторатах гражданского права, [545] который содержал следующие предложения: “Его королевское величество является и всегда было, по Слову Божьему, Верховным Главой Англиканской Церкви на земле и обладает полной властью исправлять, наказывать и подавлять всевозможные ереси ... и осуществлять все другие виды юрисдикции, обычно называемые церковной юрисдикцией”; и его величество является “единственным и несомненным Верховным Главой Англиканской церкви, а также Ирландии, которому Священным Писанием полностью даны все полномочия для рассмотрения и определения всевозможных церковных дел”. Таким образом, сам титул Верховного главы Англиканской церкви был возрожден и дарован Елизавете этим парламентом в 1559 году. Можно даже сказать, что церковная юрисдикция, предоставленная Елизавете, была более обширной, чем та, которая была предоставлена ее отцу, поскольку *расколы* были добавлены к списку вопросов, подлежащих исправлению королевой, и она была уполномочена делегировать свои полномочия комиссарам — положение, которое позволяло ей осуществлять свое верховное правление так, чтобы это чувствовалось в каждом уголке страны. [546] Этот Акт о верховенстве возродил Акт короля Эдуарда VI, предписывающий, чтобы причастие совершалось в обоих “видах”, и объявил, что возрожденный Закон должен вступить в силу с последнего дня работы парламента. [547] В нем содержалась интересная оговорка о том, что не следует считать ересью ничего, что не было осуждено каноническим Писанием или первыми четырьмя Вселенскими Соборами “или любым из них”. [548]

Тот же парламент, после более короткой дискуссии (18 апреля по 28), принял закон единообразия которая прошла интересная форма. [549] Закон начался с объявления об этом после смерти короля Эдуарда VI. “оставался единый порядок общего богослужения и молитвы, а также отправления таинств, обрядов и церемоний в Англиканской церкви, который был изложен в одной Книге, озаглавленной *”Книга общей молитвы и отправления таинств и других обрядов и церемоний в Англиканской церкви”*”. Эта книга была санкционирована Актом парламента, принятым в пятый и шестой годы правления короля Эдуарда VI., и этот Закон был отменен Актом парламента в первый год правления королевы Марии “к великому упадку должной чести Бога и дискомфорту сторонников истины религии Христа”. Этот Акт королевы Марии был торжественно отменен, и Акт короля Эдуарда VI с некоторыми незначительными изменениями был восстановлен. Как следствие, “всем и отдельным служителям в любом соборе или приходской церкви” было приказано “произносить и использовать заутреню, вечерню, празднование Вечери Господней и совершение каждого из таинств, а также все их общие и открытые молитвы в таком порядке и форме, которые упомянуты в упомянутой Книге, утвержденной парламентом в упомянутые пятый и шестой годы правления короля Эдуарда VI., с

одним изменением или дополнением определенных уроков, которые будут использоваться каждое воскресенье в году, и форма Литании изменена и исправлена, и добавлено только два предложения при произнесении молитвы". причастие для причастников, и ни для кого другого". Это означало, что, хотя в стране могла быть самая полная свобода мысли и значительная свобода самовыражения, свободы публичного богослужения быть не должно. Все англичане, независимо от вероисповедания, должны были быть принуждены законом присоединиться к одному общему публичному богослужению в соответствии с предписанным ритуалом. В Акте парламента, который вынудил их к этому, не было никакой конкретной Книги Общих Молитв, приложенной к нему и включенной в него. Он просто заменил в Своде законов Акт короля Эдуарда VI., а вместе с ним Второй молитвенник короля Эдуарда, который со своими рубриками был "приложен и присоединен" к этому Закону [550]- некоторые указанные изменения в Книге были внесены в Елизаветинский акт.

История елизаветинского молитвенника, по общему признанию, малоизвестна. Если важный документ под названием "*Устройство*, [551], вероятно, подготовленный Сесилом, воплощал намерения правительства, об их процедуре можно догадаться с некоторой вероятностью. В нем тщательно перечисляются, в манере великого государственного деятеля елизаветинской эпохи, опасности, связанные с любым "изменением религии", и показано, как их можно встретить или предотвратить. С Францией и Шотландией можно обращаться дипломатично. Рим можно оставить без внимания — он далеко, и его противодействие не выйдет за рамки "злой воли и проклятий". Серьезные опасности были дома. Они пришли бы с двух сторон — от романистов, поддерживаемых большинством высшего духовенства; и от передовых реформаторов, которые насмехались бы над изменениями, которые единственно возможны в состоянии королевства, и назвали бы это "скрытым папизмом и мешаниной". Однако и то, и другое может быть преодолено разумной твердостью. Романисты могут быть привлечены к ответственности с помощью уголовных законов. Опасность от передовых реформаторов может быть достигнута при помощи тщательно проработанного молитвенник, *сделал так далеко, как можно по своему вкусу*, и применяются такие меры наказания, как бы минимизировать все возражения. Есть большая надежда, что такие наказания "коснутся лишь немногих". "И лучше бы они пострадали, чем Ее Высочество или Содружество пошатнулись или оказались в опасности". *Устройство* предполагало, что небольшой комитет из семи священнослужителей — все они известные реформаторы, и большинство из них беженцы — должен подготовить Книгу, "которая, будучи одобрена Ее Величеством", может быть представлена парламенту. Очевидно, считалось, что подготовка Книги займет некоторое время, поскольку было высказано предположение, что для их поддержания и комфорта следует предоставить еду, питье, дрова и уголь. Прямых свидетельств того, что предлагаемый комитет собирался или даже был назначен, нет; но были представлены доказательства того, что большинство названных богословов находились в Лондоне и могли встречаться и консультироваться в период, когда такая Книга, естественно, была бы подготовлена. [552] Все дело окутано тайной, и секретность, вероятно, была необходима в данных обстоятельствах. Никто точно не знал, что должно было произойти; но все ожидали каких-то изменений. "Существует общее ожидание, что все обряды и церемонии вскоре будут реформированы, - писал Ричард Хиллз Буллингеру в конце февраля (1559 г.), - нашими верующими гражданами и другими благочестивыми мужами в вышеупомянутом парламенте либо по образцу, который недавно использовался во времена короля Эдуарда Шестого, либо по образцу, изложенному протестантскими князьями Германии в вышеупомянутом Аугсбургском исповедании". [553]

Власти держались особняком, и посторонним не было известно ничего определенного. 16 февраля, когда обсуждался первый проект закона о верховенстве, Палате общин была представлена книга — *"Книга общей молитвы и совершения таинств"*. [554] Должно быть, он был отозван вместе с этим Законопроектом. Вторая попытка принятия Закона о верховенстве, вероятно, сопровождалась приложением к Законопроекту Молитвенника; и этому Молитвеннику яростно воспротивились в Палате лордов, которые вычеркнули все относящиеся к нему пункты. [555] Что это была за Книга Общей молитвы, точно неизвестно. Многие компетентные ученые-литургисты склонны полагать, что это было нечто более суровое, чем Эдвардианский молитвенник 1552 года, и что было предложено ввести в действие более суровые наказания, чем те, которые были введены Законом о единообразии, который в конце концов был принят. Характерные черты Книги они находят в известном письме Гостя (Geste) Сесилу. [556] Такие предположения являются всего лишь предположениями. Возможно, это был Эдвардианский молитвенник 1552 года.

Правительство медленно продвигалось вперед с предложенной ими "сменой религии", и протестантская партия была недовольна задержкой. Приближалась Пасха, и ее близость делала их еще более нетерпеливыми. Каноническое право требовало, чтобы все общались в день Пасхи, который в 1559 году приходился на 26 марта, и по давно установившемуся обычаю миряне Англии собирались за Господним столом в этот единственный день в году. Мужчины спрашивали, возможно ли, чтобы прошел целый год, прежде чем они смогут принять причастие по-протестантски. Палата общин была полна этих протестантских настроений. Реакционные процессы в Палате лордов побудили их к некоторому протесту. [557] В Нижнюю палату был внесен законопроект, объявляющий, что "ни один человек не должен быть наказан за то, что сейчас использует религию, использовавшуюся в *последнем* году правления короля Эдуарда". Оно было прочитано дважды и целиком за один день (15 марта), прочитано в третий раз и передано 18 марта. [558] По-видимому, этого не было до прихода Лордов, но на него действовали любопытным образом. В прокламации, датированной 22 марта, говорится, что королева "с согласия лордов и общин" на "нынешней последней сессии" возродила Закон короля Эдуарда VI, касающийся принятия Причастия в обоих "видах", и объясняет, что Закон не может быть готов к Пасхе. Далее говорится: "И поскольку время Пасхи так близко, и что большое количество людей, не только знати и мелкопоместных, но также и простых людей этого королевства, несомненно, будут убеждены в совести таким образом, что их никоим образом нельзя будет побудить к сообщению или принятию упомянутого святого Причастия иначе, как в обоих видах, согласно первому установлению и общему употреблению как Апостолов, так и Первоначальной Церкви ... ее Величество сочла необходимым по совету некоторых представителей ее знати и общин, недавно собравшихся в парламенте, " объявить, что статут Эдуарда вступил в силу, и всем без исключения предписывается соблюдать положения статута". [559] Более того, королева действовала в соответствии со своим заявлением. Хорошо информированная "Скифанойя", написавшая 28 марта, сообщает, что правительство "в течение этого промежутка" (то есть между 22 и 28 марта) приказало и напечатало прокламацию для всех, чтобы они причащались обоими "видами" (*sub utraque specie*). Далее он говорит, что в день Пасхи "Ее Величество появилась в часовне, где была отслужена месса на английском языке, *согласно обычаю ее брата, короля Эдуарда*, и причастие принималось в обоих "видах", стоя на коленях". На капеллане не было ничего, "кроме простого стихаря" (*la semplice cotta*). [560] Новость облетела Европу. Елизавета наконец-то безошибочно заявила, что она на стороне протестантов.

Пасха пришла и ушла, а религиозный вопрос так и не получил окончательного разрешения. Власти сочли, что необходимо что-то предпринять, чтобы противодействовать выступлениям сторонников романизма в Палате лордов. [561] И так, пока заседал парламент, была организована конференция между римско-католическими и протестантскими богословами. Похоже, это приветствовалось обеими сторонами. Граф Ферия, испанский посол, заявил, что он имеет к этому какое-то отношение. Он хотел, чтобы диспут велся на латыни, чтобы аргументы были изложены письменно и чтобы каждый участник спора подписал свой документ. Его решение было отклонено в том, что касалось языка. Власти имели в виду, что миряне должны услышать и понять. Обсуждались три вопроса: — Может ли “конкретная Церковь изменять обряды и церемонии; должны ли службы общественного богослужения проводиться на латыни; является ли месса умиловительной жертвой”. Конференция состоялась в Вестминстере 31 марта в присутствии Тайного совета, лордов и общин, а также “множества”. Обе стороны лелеяли большие надежды в ожидании, и когда богословы-романисты отступили по процедурным вопросам, их дело пострадало в народной оценке. Двое епископов были отправлены в Тауэр “за открытое неуважение к суду и неповиновение”, а другим, похоже, угрожали. [562]

Парламент вновь собрался после пасхальных каникул и принял Акт о верховенстве в его третьей форме и Акт о единообразии, которые, как уже было сказано, вновь ввели в действие пересмотренный молитвенник, то есть Вторую книгу короля Эдуарда VI. с четко определенными изменениями. Наиболее важными из этих изменений были добавлены два предложения к словам, которые будут использоваться исполняющим обязанности священника при совершении причастия. Эти пункты были в Первом молитвеннике Эдуарда VI.

Хотя во Втором молитвеннике короля Эдуарда исполняющему обязанности священника было приказано говорить, раздавая Хлеб:

“Возьми и съешь это в память о том, что Христос умер за тебя, и питайся Им в своем сердце верой с благодарением”,

и, подавая Чашку, сказать:

“Выпей это в память о том, что кровь Христа была пролита за тебя, и будь благодарен”.

в елизаветинской книге эти слова были изменены на:

“Тело Господа нашего Иисуса Христа, которое было отдано за тебя, сохрани тело твое и душу твою для жизни вечной. Возьми и съешь это в память о том, что Христос умер за тебя, и питайся Им в своем сердце верой с благодарением”.

“Кровь Господа нашего Иисуса Христа, пролитая за тебя, сохрани тело твое и душу твою в жизнь вечную. Выпей это в память о том, что Кровь Христа была пролита за тебя, и будь благодарен.”

Эти дополнения никоим образом не умаляли евангельского учения о Таинстве. Они скорее привели лежащую в основе мысль в большую гармонию с доктриной реформатских церквей. Но они привели к тому, что люди, придерживающиеся разных взглядов на природу обряда, смогли присоединиться к его общему использованию.

Когда Закон о единообразии был принят парламентом, передовые реформаторы, недовольные тем, что им казалось долгой задержкой, были довольны. Они, все до единого, верили, что Англиканская церковь была восстановлена в том виде, в каком она была в последний год правления Эдуарда VI.; и это была цель, к которой они стремились, цель, поставленная перед ними их другом и советником Генри Буллингером из Цюриха. [563] Их письма полны ликования. [564]

Тем не менее, в этом елизаветинском поселении были некоторые вещи, которые, если интерпретировать их так, как их интерпретировали некоторые церковные историки, очень затрудняют понимание довольства таких людей, как Гриндал, Джуэл и Сэндис. “О том, что было сделано в отношении *украшений*, - говорит профессор Мейтленд, - согласно закону, рубрикам Книги и *предписаниям*, которые королева незамедлительно издала, было бы невозможно говорить беспристрастно без пространных цитат из документов, значение которых стало в девятнадцатом веке темой длительных и безрезультатных споров”. [565] Все, что здесь можно попытаться, - это упомянуть основные документы, ставшие предметом более поздних споров, и показать, как они интерпретировались в жизни и поведении современников.

Закон о единообразии восстановил, с четким указанием некоторых незначительных различий, Молитвенник Эдуарда VI 1552 года и, следовательно, его рубрики. [566] В то же время в нем содержалась оговорка о том, что *украшения* были санкционированы парламентом на втором году правления Эдуарда VI. были “сохранены и использовались” “до тех пор, пока не будет принято дальнейшее распоряжение”.

Такие люди, как Гриндал и Джуэл, не сделали исключения из этого условия, что они, безусловно, сделали бы, если бы верили, что оно предписывает фактическое использование украшений, использовавшихся во второй год правления короля Эдуарда, во время публичных богослужений. Толкование, которое они дали этому условию, видно из письма Сэндиса Паркеру (впоследствии архиепископу Кентерберийскому), написанного через два дня после принятия Лордами Акта о единообразии. Он говорит:

В последней служебной книге было указано сохранить украшения, которые использовались в первый и второй годы правления короля Эдуарда, до тех пор, пока королеве не будет угодно распорядиться о них по-другому. Наш лоск к тексту заключается в том, что нас не будут принуждать использовать их, но что другие тем временем не должны передавать их, а пусть они останутся для королевы”. [567]

Сэндис и другие понимали это условие как означающее, что непокорные священнослужители, такие как староста Манчестера, который привез свои освященные облачения в Ирландию, не должны были красть украшения, и что церковные старосты или меценаты не должны были конфисковывать их для личного пользования. Они были собственностью королевы и должны были храниться до тех пор, пока не станет известно о воле ее Величества. Вся история посещений доказывает, что интерпретация Сэндисом этого положения совпадала с интерпретацией его составителей.

Когда Молитвенник был фактически напечатан, было обнаружено, что он содержит некоторые отличия от Эдвардинской книги 1552 года, помимо тех, которые упомянуты в Законе как единственные, которые должны быть допущены; и ранние издания не всегда имеют одинаковые изменения. Но одной важной вещью была рубрика, которая, исходя из того, что кажется

единственно возможной интерпретацией, предписывает использовать в общественном богослужении украшения (*т.е.* облачения), использовавшиеся во второй год правления короля Эдуарда. [568] Как эта рубрика попала в Молитвенник, сказать невозможно. Это, конечно, не было введено в действие королевой “с согласия лордов и общин”. У нас нет доказательств того, что оно было выдано Тайным советом. [569] Использование и обычаи Англиканской церкви в период елизаветинского правления были такими, как будто этой рубрики никогда не существовало. Этому прямо противоречит тридцатый судебный запрет, изданный в связи с королевским визитом в 1559 году. [570] Елизаветинские епископы не просто презрительно игнорировали его; они заставляли свое духовенство, если требовалось принуждение, действовать вопреки ему.

Современные источники в изобилии свидетельствуют о том, что в первые годы правления королевы Елизаветы английское духовенство в своих богослужениях едва ли когда-либо носило какую-либо церковную одежду, кроме стихаря; а иногда даже и этого не было. В *Врекламе* [571] от 1566 года, о котором почти во всех современных заметках говорится как о предписании того, что было предписано в судебных запретах 1559 года, была составлена с целью принуждения священнослужителей, которые имели привычку отказываться носить даже стихарь, и они предписывали только стихарь, а соре [572] в соборах. При Посещении, проведенном в соответствии с указаниями Судебных предписаний, была произведена чистка почти всех *украшений*, которые были не просто разрешены, но и предписаны в соответствии с положениями Закона о единообразии и Рубрикой 1559 года об обычном ритуальном толковании этих положений. Посетители действовали по единому плану, и то, что, как мы слышим, делалось в одном месте, можно считать обычной практикой. Испанский посол (июль или август 1559 г.) писал своему хозяину: “В настоящее время они с большой строгостью выполняют закон парламента о религии и назначили шестерых посетителей.... Они только что забрали кресты, изображения и алтари из собора Святого Павла и всех других лондонских церквей”. [573] Житель Лондона отметил в своем дневнике: “За время до Варфоломеевского прилива и после него в Смитфилде были сожжены все руды, Марии и Иоанны, а также многие другие церковные принадлежности: обе ризы, кресты, кадилницы, алтарная ткань, покрывала для руд, книги, хоругви, подпорки для баннеров, деревянные панели и многое другое имущество по всему Лондону”. [574] То, что происходило в Лондоне, происходило и в провинции. В Грэнтеме “облачения, ризы, альбы, туники и все другие подобные принадлежности были испорчены и открыто проданы с общего согласия всей корпорации, а деньги были потрачены на установку столов в церкви и изготовление приличного стола для причастия, а остатки разданы бедным”. [575]

Это правда, что мы находим жалобы со стороны таких людей, как Джуэл, на ритуальные практики, которые им не нравятся; но они почти в каждом случае относятся к богослужению в королевской часовне. Службы там были хорошо известны, и как друзья, так и враги Реформации, казалось, считали само собой разумеющимся, что то, что было модно в королевской часовне, вскоре распространится на все остальное королевство. [576] Историки обычно объясняют наличие крестов, облачений, светильников на алтаре желанием королевы примирить своих подданных-романистов или поддерживать отношения с великими римско-католическими державами Европы. Вполне вероятно, что у королевы была такая мысль в голове. Елизавета была бережливой дамой и любила убивать многих зайцев одним выстрелом. Но единственной постоянной мыслью проницательной королевы было хорошо держаться с

лютеранами и иметь возможность, когда им будет угрожать папское отлучение, укрыться под эгидой Аугсбургского мира.

Когда правительство добилось принятия Актов о Верховенстве и Единообразии, оно оказалось в состоянии разобраться с непокорным духовенством. Одиннадцать английских епископальных кафедр были вакантны при восшествии на престол Елизаветы, в том числе кафедра примаса; поскольку кардинал Поул умер через несколько часов после Марии, летом и осенью 1559 года шестнадцать епископов были призваны подписать Клятву Превосходства, в которой папская власть над Англиканской церковью была отменена, а королева объявлена Верховным правителем Церкви. Все епископы более или менее определенно отказались принести присягу; хотя трое поначалу сомневались. Их лишили присяги, и Английская церковь осталась практически без епископов. [577] Некоторые из лишенных епископов времен короля Эдуарда выжили, и они были восстановлены. Затем последовала дискуссия о порядке назначения новых сотрудников. Некоторые предпочли бы простое королевское назначение, как во времена Эдуарда; но в конце концов было решено, что назначение должно быть номинально в руках деканов и капитулов в соответствии со средневековыми правилами, при условии, однако, что сначала должно быть дано королевское разрешение на избрание и что должно быть выбрано лицо, указанное в “разрешении на избрание”. Затем вопрос о хиротонии вызвал некоторые трудности; но они были преодолены способами, которые были сочтены достаточными. Мэтью Паркер, после более чем одного отказа, был назначен и рукоположен архиепископом Кентерберийским. Для королевы были подготовлены списки духовных лиц, подходящих для продвижения по службе, [578] и другие кафедры постепенно заполнялись. Елизаветинский епископат, за исключением нескольких епископов Эдвардинской эпохи, был совершенно новым творением. Большое количество деканов и членов Кафедральных капитулов также отказались подписать Клятву Превосходства; они были лишены ее, и на их место были назначены другие, которые были в списках. Низшее духовенство оказалось гораздо более сговорчивым, и в конце концов только около двухсот человек были обделены. Все остальные приняли “изменение религии”; и это изменение произошло тихо и без беспорядков, которые сопровождали изменения, произведенные во времена Эдуарда, или массовых лишений, последовавших за изменениями, произведенными королевой Марией, — когда почти треть получавшего пособие духовенства Англиканской церкви была лишена своих пособий. Подобное пассивное согласие было замечено и во введении новой Книги общей молитвы, и в выполнении различных распоряжений об удалении изображений и т.д. Огромные алтари и распятия были убраны, а картины покрыты побелкой, и о каких-либо нарушениях не стоило и говорить.

Сравнительная легкость, с которой была произведена “смена религии”, несомненно, была в значительной степени обусловлена возросшими протестантскими настроениями в стране; но такт и терпимость тех, кто был назначен следить за проведением изменений, чего-то стоили; и, возможно, молчаливое согласие римских католиков было вызвано тем фактом, что у них не было великого лидера, что они не ожидали, что елизаветинское урегулирование продлится долго, и что они выжидали, что та или иная из двух романистических держав, Франции или Испании, вмешается в их защиту. Религиозная революция в Шотландии в 1560 году на время спасла елизаветинское поселение, и Филипп Испанский упускал свои возможности, пока объединенная Англия не разгромила его Армаду, которая опоздала на тридцать лет.

Это изменение было введено в действие Королевским визитом. Англия была разделена на шесть округов, и были составлены списки приезжих, в которые входили лорды-наместники графств, главные лица округов, а также некоторые юристы и священнослужители, известные своим влиянием на Реформацию. Им пришлось руководствоваться рядом судебных предписаний, в значительной степени, но не полностью, составленных по образцу предписаний Эдуарда VI, составленных и изданных королевским приказом. [579] С представителями духовенства обращались очень терпеливо, и были даны публичные и частные объяснения Акта Превосходства, которые облегчили им его принятие. Елизаветинских епископов также, очевидно, предупреждали о том, чтобы они нежно обращались с упрямыми приходскими священнослужителями; они были бы менее терпеливы с ними, если бы были предоставлены самим себе. Один, епископ Бест, епископ Карлайлский, писал Сесилу о своем духовенстве, что “священники - злые порождения Антихриста”, по большей части очень невежественные и упрямые; другой, Пилкингтон, епископ Даремский, описывая беспорядочное состояние своей епархии, заявил, что “подобно святому Павлу, ему приходится сражаться со зверями в Эфесе”; и третий, Скори, епископ Винчестерский, написал, что ему сильно мешали мировые судьи, которые были римскими католиками, и что когда некоторые священники, отказавшиеся принявшие присягу были изгнаны из Эксетера и других мест, их принимали и угощали на улицах при свете факелов. [580]

Второй парламент Елизаветы был гораздо более протестантским, чем первый, и настаивал на том, что присягу на верховенство должны приносить все члены Палаты общин, все юристы и все школьные учителя. Созыв 1563 года доказал, что духовенство желало пойти гораздо дальше по пути Реформации, чем считала желательным королева.

Они явно хотели иметь какой-то доктринальный стандарт, и архиепископ Паркер подготовил и представил на рассмотрение Созыва пересмотренное издание *Сорока двух статей*, которые определяли теологию Англиканской церкви в последний год правления короля Эдуарда VI. [581] Путь к выпуску какого-либо авторитетного изложения доктринальной позиции Елизаветинской церкви был подготовлен *Декларацией основных религиозных догматов*-серией из одиннадцати статей, подготовленных епископами и опубликованных в 1561 году (март), в которой решительно отвергаются романистические доктрины папства, частные мессы и умиловительная жертва на Святой Вечере. Испанский посол, который слышал о собраниях епископов с этой целью, вообразил, что они готовят статьи для представления Тридентскому собору от имени Англиканской церкви. [582] Проект архиепископа был пересмотрен Созывом и был “прилежно прочитан и просеян” самой королевой, прежде чем она дала свое согласие на авторитетную публикацию Статей.

Эти *тридцать девять статей* выражали доктрину реформатов или кальвинистов в отличие от евангелической или лютеранской формы протестантской доктрины, и различие заключалось главным образом во взглядах соответствующих конфессий двух Церквей на Присутствие Христа в Таинстве Святой Вечери. К этому времени (1562 г.) цвинглианство как доктринальная система, а не как церковная политика, исчезло; [583] и все три теории о Присутствии Христа в Таинстве имели отношение к Присутствию Тела Христова, а не просто к духовному Присутствию. Романистическая теория пресуществления была основана на средневековой концепции субстанции, существующей независимо от всех случайностей запаха, формы, цвета и т.д., И

провозглашала, что "субстанция" Хлеба и Вина была преобразована в "субстанцию" Тела и Крови Христа, в то время как случайности или качества остались прежними — изменение было чудесным образом произведено священником при освящении элементов причастия. Лютеранское объяснение также основывалось на средневековой теории — на теории повсеместности или естественной вездесущности "прославленного" Тела Христова. Тело Христово, в силу своей вездесущности, присутствовало повсюду: в стульях, столах, камнях, подбрасываемых в воздух (если использовать иллюстрации Лютера), и, следовательно, в Хлебе и Вине, как и везде. Это обычное присутствие стало действенным сакраментальным Присутствием благодаря Божьему обетованию. Кальвин отбросил обе средневековые теории и начал с вопроса, что подразумевалось под *субстанцией* и что под *присутствием*; он ответил, что субстанция чего-либо - это его сила (*vis*), а его присутствие - это непосредственное применение его силы. Таким образом, сущность распятого Тела Христова - это его сила, а Присутствие распятого Тела Христова - это непосредственное применение его силы; и гарантией применения силы является обещание Бога, полученное верующим причастником. Отбросив лютеранскую мысль о том, что субстанция Тела Христова - это нечто протяженное в пространстве, и приняв мысль о том, что главное в субстанции - это сила, Кальвин смог думать о субстанции Тела Христова способом, несколько сходным со средневековой концепцией "субстанции без случайностей", и смог показать, что Присутствие Тела Христа в таинстве может быть принято и понято без священнического чуда, которое он и все протестанты отвергали. Следовательно, случилось так, что Кальвин мог учить о Реальном Присутствии Тела Христа в Таинстве Вечери, не прибегая к средневековой доктрине "вездесущности", которая была основой лютеранской теории. Они оба (Кальвин и Лютер) настаивали на Присутствии Тела Христова; но один (Лютер) нуждался в теории "вездесущности", чтобы объяснить это Присутствие, в то время как другой (Кальвин) в ней не нуждался. Но поскольку оба отвергали священническое чудо, настаивая при этом на Присутствии Тела, две доктрины могли быть сформулированы почти одними и теми же словами, при условии, что все упоминания о "повсеместности" были опущены. Кальвин мог подписать и подписал Аугсбургское исповедание; но он не прочитал в нем того, что сделал бы лютеранин, - теории "повсеместности"; и кальвинистское изложение доктрины, при условии, что только "повсеместность" не отрицалась, могло быть принято лютеранином как не сильно отличающееся от его собственного. Епископ Джуэл снова и снова утверждает в своей переписке, что елизаветинские богословы не верили в теорию "повсеместности", [584] и многие из них, вероятно, хотели сказать это в своих религиозных уставах. Отсюда в первом проекте из тридцати девяти статей, представленных Собранию архиепископом Паркером, статья XXVIII. содержал решительное неприятие доктрины "повсеместности", которая, если бы ее сохранили, сделала бы Устав Англиканской церкви более антилютеранским, чем даже второе гельветическое исповедание. Этот пункт был вычеркнут при созыве, вероятно, потому, что его сочли излишне оскорбительным для немецких протестантов. [585] Королева, однако, не была удовлетворена тем, что сделали ее священнослужители, и ей приписываются два важных вмешательства в Статьи, поступившие от Convocation. Первым было добавление слов: *и авторитетность в спорах о файте*, в статье XX., которая касается авторитета, которым обладает Церковь. Вторым было полное запрещение на данный момент статьи XXIX., которая озаглавлена "О нечестивых, которые не вкушают Тело Христово во время Вечери Господней" и выражена в терминах, которые большинство лютеран не захотели бы использовать.

Поступок королевы, вероятно, был вызван политическими причинами. В международной политике для протестантской королевы, еще не прочно восседавшей на своем троне, было важно укрыться под щитом, который дало бы исповедание лютеранства. Немецкие лютеране добились юридического признания в Империи на сейме в Аугсбурге в 1555 году; голоса двух лютеранских выборщиков помогли возвести императора на трон; и папа не осмеливался отлучать от церкви лютеранских принцев, кроме как рискуя оскорбить императора и признать недействительными все его деяния. Ему довольно строго указали на это, когда он впервые пригрозил отлучить Елизавету от церкви, и королева знала все трудности положения папы. Достаточно прочесть отчет о долгой беседе с ней, переданный испанским послом своему хозяину (29 апреля 1559 г.), чтобы понять, какую пользу “мудрая королева с глазами, которые могли вспыхивать” [586] извлекла из ситуации. Посол не скрывал, что пригрозил ей папской буллой, объявляющей ее незаконнорожденной и еретичкой, и довел дело до конца, сославшись на случай с королем Наварры, у которого отнял королевство Фердинанд Испанский, действовавший как агент папы, и Елизавета сыграла с ним в своей обычной манере. Она вскользь заметила, “что хотела бы, чтобы Аугсбургское исповедание сохранялось в ее владениях, чему, “ говорит граф де Фериа, ” я был очень удивлен и придирался ко всему, к чему мог, приводя аргументы, которые, как я думал, могли бы отговорить ее от этого. Затем она сказала мне, что это будет не Аугсбургская исповедь, а что-то другое, похожее на нее, и что она очень мало отличается от нас, поскольку верит, что *Бог присутствует в Таинстве Евхаристии*, и не согласна только с тремя или четырьмя вещами в Мессе. После этого она сказала мне, что не желает спорить о религиозных вопросах”. [587] Ей не нужно было спорить; намек было достаточно для сбитого с толку посла.

Статья XXIX. была закрыта, и только *Тридцать восемь статей* были признаны публично. Папская булла об отлучении от церкви была отложена до 1570 года, когда ее публикация не могла навредить никому, кроме подданных Елизаветы-романистов, и опасный период благополучно миновал. Когда, наконец, это произошло, королева была предана анафеме не в терминах, которые могли быть применимы к лютеранам, а потому, что она лично признавала и соблюдала “нечестивые конституции и ужасные мистерии Кальвина” и повелела, чтобы их соблюдали ее подданные. [588] Затем, когда необходимость в политическом подавлении отпала, была введена статья XXIX. был опубликован, и *Тридцать девять статей* стали признанным доктринальным стандартом Англиканской церкви (1571).

Каковы были доктринальные убеждения самой королевы, никто не может сказать; и она сама давала самые противоположные описания, когда это соответствовало ее политике. Исчезновение и повторное появление крестов и свечей на алтаре королевской часовни было вызвано как желанием поддерживать связь с лютеранами, так и любым желанием примирить подданных королевы-романистов.

Перед созывом 1563 года стояли и другие важные вопросы. Его слушания показали, что среди нового елизаветинского духовенства было большое число тех, кто выступал за некоторые радикальные изменения в Молитвеннике и в Акте о единообразии. Многие из них познакомились с простотой швейцарского богослужения, полностью очищенного от того, что они называли “отбросами папизма”, и им понравилась эта простота; а другие завидовали

шотландцам, “которые, - писал Паркхерст Буллингеру (23 августа 1559 г.), - за несколько месяцев достигли большего прогресса в истинной религии, чем мы за многие годы”. [589]

Эти люди были недовольны многим в Молитвеннике, или, скорее, в его рубриках, и выдвинули предложения по упрощению богослужения, которые получили широкую поддержку. Считалось, что следует ликвидировать все органы; что церемония ”перекрестия” при крещении должна быть опущена; что все праздничные дни, кроме воскресенья, и “главные праздники Церкви” должны быть отменены; — это предложение было отклонено большинством в один голос в Нижней палате. Другое предложение, оставляющее за причастниками право принимать Святую Вечерю стоя, сидя или преклонив колени, как им заблагорассудится, было отклонено очень небольшим большинством голосов. Многие из самих епископов выступали за упрощение церковных обрядов, а пять деканов и двенадцать архидиаконов подали петицию против использования стихаря. Движение было настолько сильным, что Созыв, если бы его предоставили самому себе, вероятно, очистил бы Церковь в пуританском смысле этого слова. Но королева, как и все Тюдоры, любила величественный церемониал, и у нее были политические причины, национальные и международные, не позволявшие ей допускать каких-либо радикальных изменений. Она стремилась объединить свою нацию в единое целое, и ей нужно было привлечь к своей Церкви большую массу людей, которые были либо нейтральны, либо имели склонность к латинизму или, по крайней мере, к старому средневековому богослужению. Заседал Тридентский собор; папскому отлучению постоянно угрожали, и, как объяснялось выше, защита лютеран и сочувствие были полезны. Церемонии были сохранены, распятия и светильники на алтарях были выставлены напоказ в королевской часовне, чтобы продемонстрировать лютеранские симпатии королевы и Англиканской церкви. Епископы-реформаторы, испытывая многие внутренние угрызения совести, [590] пришлось уступить; и постепенно, как и надеялась королева, сильный консервативный инстинкт собрался вокруг Молитвенника и его рубрик. Созыв 1563 года стал свидетелем последней решительной попытки предложить какие-либо существенные изменения в общественном богослужении английского народа.

На том же Собрании много времени было потрачено на предложенную Дисциплинарную книгу или авторитетное изложение английского канонического права. Вполне вероятно, что его содержание можно найти в определенных “*Статьях для правительства и порядка в Церкви, которые, как утверждается, разрешены властями; но не разрешены*”, которые напечатаны с помощью Strype [591] из рукописи архиепископа Паркера. Для написания такой книги потребовались бы парламентские полномочия, а парламент 1563 года был слишком занят ослаблением защиты Испании и угрозой со стороны Франции и Шотландии. Брак королевы Шотландии с Дарнли придал дополнительный вес ее притязаниям на английский трон, и возникло опасение, что английские романисты могут восстать в поддержку законного наследника. Парламент почти в панике принял суровые законы против всех самоотводящихся и ужесточил наказания против всех, кто отказывался от присяги на верность или кто выступал в поддержку авторитета римского епископа. Дисциплина Церкви должна была регулироваться старым статутом Генриха VIII, в котором говорилось, что та часть средневекового канонического права, которая не расходилась со Священным Писанием и актами английского парламента, должна была составлять основу права для церковных судов. Это дало епископским чиновникам, председательствовавшим в церковных судах, полную свободу действий; и под их манипуляциями вскоре от канонического права почти ничего не осталось - фактически меньше, чем в церковных судах любых других протестантских церквей. Ибо эти чиновники были

юристами, обученными гражданскому праву, проникнутыми его принципами и предрасположенными применять их всякий раз, когда это было возможно.

Формулировка *Тридцати девяти статей* Устава 1563 года может быть воспринята как обозначение времени, когда была завершена “смена религии”. Результат, достигнутый в период исключительных штормов и напряжения, обладал качествами стойкости, и в настоящее время Англиканская церковь является такой, какой ее сделала королева. Именно Королевское превосходство обеспечило англиканам Высшей Церкви то положение, которое они занимают сегодня. Главными особенностями урегулирования религиозной ситуации были:

1. Полное отрицание в королевстве и англиканской церкви власти Римского епископа. Все духовенство и все, кто занимал должности при короне, должны были поклясться в этом отречении. Если они отказывались или, выражаясь языком того времени, брали самоотвод, они теряли свои должности и бенефиции; если они упорствовали в своем отказе, им грозила конфискация всего их личного имущества; если они отказывались принести присягу в третий раз, их могли объявить изменниками и подвергнуть ужасным наказаниям, которые эпоха налагала на это преступление. Но Елизавета, при всей своей суровости, никогда не была жестокой, и ни одна религиозная революция не совершалась с меньшим кровопролитием.

2. Суверен был назначен верховным правителем Англиканской церкви; и что этот титул отличался только по названию от того, который принял Генрих VIII. было разъяснено следующими способами:

(a) Созыв был лишен всякой независимой законодательной деятельности, а его полномочия по принятию церковных законов и постановлений были переданы под строгий королевский контроль. [592]

(b) Апелляции из всех церковных судов, которые сами фактически, если не номинально, находились под председательством гражданских юристов, могли подаваться королевским делегатам, которые могли быть мирянами; и эти делегаты были наделены очень широкими полномочиями и могли применять гражданские наказания способом, который не был разрешен старым средневековым церковным судам. Эти полномочия подняли серьезный конституционный вопрос в последующие царствования. Королевские делегаты превратились в Высший суд, который, возможно, был создан по образцу консисторий немецких князей и обладал примерно теми же полномочиями.

3. Единый ритуал общественного богослужения был предписан для всех англичан в Книге общих молитв с ее рубриками, введенной в действие Законом о единообразии. Свобода вероисповедания не допускалась. С любым священнослужителем, который отклонялся от этой предписанной формы богослужения, следовало обращаться как с преступником, как и со всеми теми, кто его подстрекал. Никто не мог, под страхом наказания, пытаться избежать этого публичного богослужения. Каждый подданный был обязан посещать церковь по воскресеньям и выждать молитвы и проповедь, в противном случае он должен был пожертвовать сумму в двенадцать пенсов бедным. Упрямые самоотводчики или нонконформисты могли быть отлучены от церкви, и все отлученные от церкви лица подлежали тюремному заключению.

4. Хотя было сказано, и в значительной степени это было правдой, что существует свобода мнений, все же упрямые еретики могли быть признаны виновными в совершении тяжкого преступления. С другой стороны, епископы имели мало полномочий, чтобы заставить еретиков предстать перед судом, и, если парламент или Созыв не распорядились иначе, в какой-либо опасности подвергались только самые дикие сектанты. [593]

Протестантская Англия год от года становилась сильнее. Обесценившиеся медные и латунные монеты постепенно заменялись настоящими золотыми и серебряными. [594] Было поощрено производство. Торговцы-авантюристы, нанимавшие корабли королевы, занимали все большую долю в мировой торговле с Елизаветой в качестве партнера. [595] Преследуемые гугеноты и фламандцы в большом количестве поселились в стране и принесли с собой свою бережливость и знания механических ремесел, чтобы обогатить страну, которую они усыновили; [596] и угнетенные протестанты Франции и Нидерландов узнали, что за морем есть земля, которой правит “мудрая молодая королева”, которая могла бы стать их городом-убежищем, и который был готов помочь им, если не открыто, то, по крайней мере, украдкой. Англия, ранее невооруженная, стала снабжаться “оружием, амуницией и артиллерией в большем количестве, чем любая другая страна”. Надежные деньги, расширяющаяся торговля, растущее богатство и растущее чувство безопасности были отличными союзниками протестантской религии.

Пока Мария Шотландская находилась в Холируде и могла снискать симпатию, если не преданность, английских католиков, трон Елизаветы никогда не был в полной безопасности; но опасность со стороны Шотландии сводилась к минимуму из-за ревности между Екатериной Медичи и ее невесткой, а шотландским протестантским лордам всегда можно было тайно помочь. Когда Филипп II Испанский, в своей медленной, нерешительной манере, из-за которой он всегда пропускал поворот событий, в конце концов решил помочь Марии сокрушить мятежников у себя дома и предъявить ей претензии на Англию, его вмешательство не имело никаких дальнейших последствий, кроме как предоставить Елизавете почетный предлог для оказания действенной помощи в конфликте, который сверг Марию с ее трона и полностью и надолго сделал Шотландию протестантской. [597]

КНИГА V.

АНАБАПТИЗМ И СОЦИИАНСТВО

ГЛАВА I.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНТИЦЕРКОВНЫХ ДВИЖЕНИЙ.

Восстание Лютера стало поводом для появления — можно сказать, вспышки — большого количества нерегулярных независимых взглядов на религию и теологию, которые спорадически проявлялись на протяжении всего Средневековья. Огромное различие между мыслителями и их интеллектуальными предками, которые были в состоянии войны со средневековой церковной жизнью и доктриной, состояло не в выражении чего-либо принципиально нового, а в том факте,

что Возрождение внесло глубокое презрение к интеллектуальной структуре церковных догм и что весь шестнадцатый век был проникнут чувством индивидуальности и гордостью за личное существование. Старые мысли были менее осторожны, чтобы приспособиться к признанным способам теологического изложения, они принимали более смелые формы выражения, имели более четкие очертания и проявлялись в более определенных утверждениях.

Часть этого мышления вообще вряд ли относится к церковной истории. Это никогда не становилось интеллектуальной основой института; это не волновало и не формировало жизни масс людей. Лидеры мысли оставались мыслителями-одиночками, окруженными небольшим количеством последователей. Но поскольку в сильном выражении человеческой мысли всегда есть что-то бессмертное, их мнения не умерли совсем, но оказали сильное влияние на все различные ветви христианской церкви в разные периоды и различными способами. Старые концепции, возможно, несколько замаскированные, но все же те же, вновь появляются в большинстве систем спекулятивного богословия. Поэтому это требует краткого замечания.

Однако большая часть этого интеллектуального всплеска не разделила ту же участь. Менно Саймонс, которому, без сомнения, помогал раздувающийся веер преследований, смог навести порядок в диких бродячих элементах анабаптизма и сформировать баптистскую церковь, которая имела такую почетную историю в Европе и Америке. Фаусто Соццини сделал то же самое для разнородной массы антитринитарного мышления и вывел из неразберихи упорядоченное единство институциональной жизни.

Эту огромную массу грубой независимой мысли можно грубо классифицировать как мистическую или, возможно, мистико-пантеистическую, анабаптистскую и антитринитаристскую; но разделение, насколько позволяют более ранние мыслители, очень искусственно. Эти группы постоянно пересекаются; многие из лидеров мысли могут быть отнесены к двум или ко всем трем из этих подразделений. Что характеризовало их всех, так это то, что у них было слабое чувство исторической преемственности, они не заботились о ней и поэтому полностью порвали с прошлым; что они отчаялись увидеть что-либо хорошее в исторической Церкви и верили, что с этим нужно покончить, поскольку исправить это было невозможно; и что все они обладали сильным чувством индивидуальности, полагая, что человеческая душа заключена в тюрьму, когда она принимает ограничения общего вероучения, института или формы служения, за исключением самых простых.

Пантеистический мистицизм не был чем-то новым в христианстве. По крайней мере, уже в шестом веке можно было обнаружить философские школы, которые интерпретировали такие доктрины, как Троица и Личность Христа, способами, которые привели к тому, что следует назвать пантеизмом; и если такие способы уничтожения христианских доктрин не имели непрерывной преемственности в христианской церкви, они появлялись всегда. Обычно они сопровождались теорией "внутреннего света", которая утверждала, что либо заменяет Священные Писания как Правило Веры, либо, по крайней мере, интерпретирует их. Священные Писания были шелухой, которую можно было отбросить, когда однажды было открыто ее ядро, обнаруженное "внутренним светом". Швенкфельды, Вайгельсы, Джордано Бруно шестнадцатого века, которые использовали то, что они называли "внутренним светом", примерно так же, как Тридентский собор использовал догматическую традицию, имели длинную родословную в средневековой церкви, и их появление во времена Реформации было лишь возрождением определенных этапов средневековой мысли. Но, как уже было сказано,

такие мыслители никогда не были способны, да, возможно, и не хотели, сформировать из своих последователей Церковь; и они в гораздо большей степени относятся к истории философии, чем к церковному повествованию. У них не было никакого представления о религии в реформационном смысле этого слова. Их представление о вере было чисто интеллектуальным — чем-то более или менее утонченным, основанным на метафизике.

Безусловно, наиболее многочисленные представители средневековых неконформистов шестнадцатого века были классифицированы современниками под общим названием анабаптистов или катбаптистов, потому что с 1526 года все они или большинство из них настаивали на *повторном* крещении как знаке принадлежности к братству верующих. Они были разбросаны по большей части Европы, от Швеции на севере до Венеции на юге, от Англии на западе до Польши на востоке. Нидерланды, Германия, южная, северо—западная и Рейнская области, Швейцария, Тироль, Моравия и Ливония были сценами кровавых преследований, которые они переносили с героическим постоянством. Их лидеры мелькают на страницах истории, мужественные, стойкие люди, для которых мир был ничем, чьи взоры были устремлены на вечный престол Божий и которые жили в спокойном сознании того, что через несколько часов их могут приковать к столбу или призвать выносить более ужасные и продолжительные пытки, - люди с самым разным типом характера, от мягкого и набожного молодого гуманиста Ханса Денка до Яна Маттиса, предшественника сурового Камизара и Члена Ковена. Никакое изложение доктрины не может включать верования, которых придерживаются все их бесчисленные группы. Некоторые придерживались отличительных доктрин средневековой Церкви (особые представления о священнической иерархии и о том, что Таинства всегда исключались); другие были лютеранами, кальвинистами или цвинглианцами; некоторые были унитариями и отрицали обычное учение о Личности Христа; [598] некоторых следует отнести к пантеистам. Все они придерживались той или иной доктрины о “внутреннем свете”; но в то время как одни очень вольно придерживались буквы Священного Писания, другие настаивали на самом буквальном прочтении и применении библейской фразеологии. Все они были едины в том, что истинные христиане должны жить отдельно от мира (*т.е.* от тех, кто не был перекрещен), в общинах, жизнь которых должна была строиться по образцу рассказов первых христиан, приведенных в Новом Завете, и что истинная Церковь не имела ничего общего с государством.

Достаточно любопытно, что лидерами третьей группы, антитринитариев, почти все были итальянцы.

Самым выдающимся человеком среди них, одинаково отличавшимся своей образованностью, чистой нравственной жизнью, ярко выраженной набожностью и спокойным мужеством, с которым он встречал любую опасность для распространения своих взглядов, был испанец Мигель Серведе (Сервет), [599] который был сожжен в Женеве в 1553 году. Он был очень самостоятельным человеком. Весь ход его мыслей отделял его от остальной антитринитарной группы, связанной с именами Соццини. Он достиг своего положения благодаря мистическому пантеизму — образу мыслей, которого можно было ожидать от испанца. У него было мало учеников или их вообще не было, и он не оказывал никакого постоянного влияния.

Все остальные антитринитарии первого ранга были образованными итальянцами, которых дух Возрождения побудил критиковать и реконструировать теологию так, как они ее находили. Все они были людьми, которые были вынуждены отвергнуть Римскую церковь из-за ее

развращенности и безнравственности и которые не имели представления о каком-либо другом универсальном христианском обществе. Люди чистой жизни, набожные на свой лад, они никогда не имели ни малейшего представления о том, что лежало в основе Реформации, о том, что такое настоящая религия. Им никогда не приходило в голову, что суть христианства - это Бог Благодати, явленный во Христе, доступный каждой верующей душе и непоколебимое доверие со стороны человека. Их интерес к религии был почти исключительно интеллектуальным. Реформаторы определяли Церковь как сообщество верующих и говорили, что отличительными чертами этого сообщества являются проповедь Слова и правильное использование таинств — средств, с помощью которых Бог являет Себя людям, а люди проявляют свою веру в Бога. Эти люди никогда не понимали этого; единственное представление, которое они, казалось, могли иметь о Церкви, было школой определенных и правильных мнений. Вынужденные бежать со своей родины, они, естественно, нашли убежище в Швейцарии или в Граубюндене. Почти трогательно видеть, как они совершенно не понимали людей, среди которых оказались. Реформация для них была критикой и реконструкцией теологии; они просто продвигали критику немного дальше, чем их новые соседи. Они никогда не осознавали реальной пропасти, возникшей между ними и приверженцами Реформации.

Все они были высокообразованными и культурными людьми — отдельными подразделениями из всех частей Италии. Камилло Ренато, провозгласивший себя анабаптистом, был сицилийцем. Джентили был родом из Калабрии; Грибальдо из Падуи; Бернардино Оккино, который в последние дни жизни присоединился к группе, и двое Соццини из Сиены. Альчиат был пьемонтцем. Бландрата (Biandrata), самый энергичный член группы, за исключением Фаусто Соццини, принадлежал к знатной семье в Салуццо, которая долгое время была известна защитой, которую она оказывала бедным людям, преследуемым Церковью. Они были врачами или юристами; один, Джентили, был школьным учителем.

Сильное чувство индивидуальности, которое, кажется, является неотъемлемым правом каждого итальянца, воспитанное жизнью в своих маленьких городах-республиках, было усилено эпохой Возрождения. Историческое прошлое Италии и ее политическое и социальное положение в шестнадцатом веке сделали невозможным, чтобы импульс к реформированию принял какую-либо иную форму, кроме индивидуальных действий. Сила и импульс, которые исходят от мысли о ближних, единоверцах, и которые были столь очевидны в реформационных движениях за Альпами и в иезуитской реакции, были совершенно отсутствуют у этих реформаторов в Италии. На этой земле Империя так и не восстановила свою власть, утраченную при великих папах Григории VII. и Иннокентии III. Римская церковь представлялась всем итальянцам как единственно возможная форма, при которой могло быть организовано широко распространенное христианское общество. Если люди отвергали это, оставалась только личная христианская жизнь. Церковь доминировала над массами, неподготовленными к какой-либо подобной концепции церковной реформы, которая повлияла на людей в Германии и Швейцарии. Только люди, получившие некоторое литературное образование, были восприимчивы к влияниям Реформации. Несокрушимая мощь церковных учреждений всегда мешала им публично объединиться в конгрегации, и они могли встречаться только для частного обмена конфиденциальными сведениями и в редких случаях. [600] Мы слышим о нескольких таких собраниях, которые неизменно принимали форму конференций, на которых члены обсуждали и передавали друг другу критические замечания средневекового богословия, которые были предложены им в уединенных размышлениях. Они гораздо больше походили на дискуссионные общества, чем на зарождение Церкви. Так, мы слышим об одном в Винченце,

[601] в 1546 году, где встретились около сорока друзей, среди которых был Лелио Соццини, где они обсудили такие доктрины, как Удовлетворение Христа, Троица и т.д., и выразили сомнения в их истинности. Было неизбежно, что такие люди не могли надеяться создать народное движение к Реформации в своей родной стране, а также что они были вынуждены искать безопасности за пределами Италии. Они бежали, один за другим, через Альпы. В Граубюндене и реформированной Швейцарии они обнаружили небольшие общины своих соотечественников, которые искали там убежища, и их присутствие всегда сопровождалось разногласиями и трудностями с местными протестантами.

Весь их образ жизни и мышления не был рассчитан на то, чтобы создать прочное христианское общение. Их богословские взгляды, которые не были результатом нового и живого христианского опыта, а были результатом интеллектуальной критики средневекового богословия, отличались малой стабильностью и не стремились к единству. Казнь Серведе и ревность, которую все реформатские кантоны Швейцарии проявляли к мнениям, хоть в чем-то схожим с мнениями ученого испанца, сделали жизнь в Швейцарии такой же небезопасной, какой она была в Италии. Они мигрировали в Польшу и Трансильванию, привлеченные свободомыслием, существующим в обеих землях.

Кроме того, Польша привлекала беженцев из Италии. Две страны долгое время поддерживали тесные отношения. Итальянские архитекторы спроектировали величественные здания в Кракау и других польских городах, и торговые связи между двумя странами были великолепными. Независимость и привилегии польской знати защищали ее от церковного вмешательства, и как кальвинизм, так и лютеранство нашли много приверженцев среди аристократии. Они, подобно римским патрициям первых веков, предоставляли безопасность своих залов своим единоверцам, и главы римской церкви были раздражены их бессилием предотвратить распространение мнений и обычаев, которые они считали еретическими. В Трансильвании отсутствие сильного центрального правительства допускало такую же свободу выражения любых религиозных убеждений.

Взгляды, которых придерживалась группа антитринитариев, ни в коем случае не совпадали. Они воспроизвели в Польше ту же смесь взглядов, которая, как мы находим, существовала в конце третьего века. Некоторые были сабеллианцами, другие адоптианцами, несколько человек были арианами. Возможно, большинство из них верили в чудесное рождение нашего Господа и, как следствие, считали, что Ему следует поклоняться; но значительное меньшинство под руководством Фрэнсиса Давидиса отвергло чудесное рождение и отказалось поклоняться Христу (*не-адорантес*). Какое-то время они, по-видимому, жили в определенной согласии с членами реформированных общин. Кризис разразился на польском сейме 1564 года, и антитринитарии были признаны тогда отдельной религиозной общиной, или *малой церковью*. Это была та область, в которой Фаусто Соццини проявлял свой командирский интеллект, свой организаторский гений и свою в высшей степени сильную волю. Он создал из этих противоречивых элементов Социнианскую церковь.

Анабаптистское и социнианское движения требуют, однако, более подробного описания.

ГЛАВА II.

АНАБАПТИЗМ. [602]

Старый монотонный способ описания анабаптизма почти полностью исчез при современном тщательном изучении источников. Больше невозможно разделить движение на четыре этапа, начиная с пророков Цвиккау и заканчивая катастрофой в Мюнстере, или объяснить его происхождение, назвав его радикальной стороной реформационного движения. [603] Внимательные исследователи признают, что это было очень сложное дело, корни которого уходили в предыдущие столетия, а среди его лидеров были выдающиеся гуманисты. Теперь известно, что она распространилась по Европе с большой скоростью и привлекла к себе гораздо большее число приверженцев, чем можно было себе представить.

Невозможно в рамках одной короткой главы изложить и раскритиковать различные теории происхождения движения, которые были предложены современными исследованиями. Все, что можно сделать, — это кратко изложить выводы, сделанные после достаточно широкого изучения источников, признавая в то же время, что необходимо получить больше информации, прежде чем история движения выйдет за пределы противоречивой стадии.

Делать резкие общие заявления о причинах или характере великих народных движений небезопасно и нелегко. Элементы, которые объединяются, чтобы вызвать их к жизни и поддерживать их существование, обычно столь же бесчисленны, как оттенки, которые сливаются в цвете горного склона. Анабаптизм был настолько сложным движением, что представляет особые трудности. Как уже было сказано, это имело отчетливое отношение к двум различным течениям средневековой жизни, одному социальному, а другому религиозному — восстаниям крестьян и ремесленников и смене *Братьев*.

Начиная с третьей четверти пятнадцатого века, социальные восстания происходили почти каждое десятилетие, и все они были более или менее пропитаны грубыми религиозными верованиями. Они были частью интеллектуальной и моральной атмосферы, которой постоянно дышал "простой человек", будь то в городе или сельской местности, и нельзя упускать из виду их власть над ним. Движение Реформации ускорило и усилило эти влияния просто потому, что оно привело все в движение. Следовательно, невозможно провести жесткую границу между некоторыми сторонами анабаптистского движения и социальным восстанием; и, следовательно, в концепции о том, что анабаптисты были революционерами времен Реформации, есть по крайней мере крупица истины.

С другой стороны, есть веские основания утверждать, что отчетливо религиозная сторона анабаптизма имела мало общего со вспышками анархии. Оно происходит по прямой линии от тех общин благочестивых христиан, которые, по свидетельству их врагов, вели тихую богобоязненную жизнь и верили во все пункты Апостольского символа веры, но были решительно антиклерикальными. Они жили незаметно и редко появляются в истории, за исключением случаев, когда хроника какого-нибудь города случайно упоминает об их существовании, или когда инквизитор отслеживает их и фиксирует их так называемые ереси. Их возражения против конституции и церемоний средневековой Церкви были в точности такими же, как у анабаптистов шестнадцатого века; и если мы не находим всеобщего неприятия крещения младенцев, есть признаки того, что некоторые не одобряли его. Они настаивали на том, что служба должна вестись на вульгарном языке; они возражали против всех церковных

праздников; против любого благословения зданий, крестов и свечей; они утверждали, что Христос не давал Своим апостолам риз; они насмехались над отлучениями, индульгенциями и разрешениями; они заявляли, что крещение младенцев не имеет возрождающей силы; и они остро следовали всем предписаниям христианского милосердия — лучше, по их словам, одевать бедных, чем тратить деньги на дорогие облачения или украшать стены церквей, в том числе и в церкви. и они содержали школы и больницы для прокаженных. Они встречались в домах друг у друга для публичного богослужения, которое принимало форму чтения и комментирования Священного Писания. [604]

Поскольку мы зависим от весьма случайных источников информации, неудивительно, что мы не можем проследить их *непрерывное* происхождение вплоть до периода Реформации; но мы находим в более ранних десятилетиях шестнадцатого века упоминания о существовании небольших молитвенных общин, которые обладают всеми характеристиками тех, которые зафиксированы в отчетах инквизиторов, относящихся к концу четырнадцатого или началу пятнадцатого веков. Они появились в Базеле в 1514 году, в Швейцарии в 1515 году, в Майнце в 1518 году и в Аугсбурге несколько раньше. [605] К 1524 году подобные “молитвенные круги” были зарегистрированы как существующие во Франции, Нидерландах, Италии, Саксонии, Франконии, Страсбурге и Богемии. Они использовали общий катехизис для обучения своей молодежи, который был напечатан на французском, немецком, чешском и, возможно, итальянском языках. В Германии Библией была немецкая вульгата — версия, сохранявшаяся среди анабаптистов долгое время после публикации книги Лютера. Они проявляли большое усердие в печатании и распространении благочестивой литературы *Друзей Бога* четырнадцатого и пятнадцатого веков. Многие из них проповедовали баптистские взгляды, хотя эти догматы не были общепринятыми, и их уже называли анабаптистами или катабаптистами — термин для порицания. Некоторые из их наиболее выдающихся лидеров были благочестивыми гуманистами, и их влияние, возможно, можно увидеть в усилиях, предпринятых *братьями* по печатанию и распространению “*Защитника мира*” Марсильо Падуанского.

Это тихое евангелическое движение приняло более определенную форму в 1524 году. До этой даты ассоциации благочестивых людей действовали подобно пиетистам семнадцатого или уэслианцам восемнадцатого века. Они объединились для взаимного назидания; они не отделяли себя демонстративно от коррумпированной или ленивой Церкви. Но в июне 1524 года делегаты, представляющие очень широкий круг “молитвенных собраний” или *Чтений*, встретились в Вальдсхуте, в доме Балтазара Хюбмайера, [606], взяв с собой Библии, чтобы посоветоваться, как организовать свою христианскую жизнь в соответствии с принципами, изложенными в Новом Завете. Не было сформировано никакой регулярной церковной организации. *Братья* решили отделиться от Папской церкви; они опубликовали Справочник по жизни христиан и составили изложение принципов, в которые они верили. Среди прочего, они протестовали против любой чудесной эффективности Таинств в целом и считали, что Крещение действительно только тогда, когда оно принимается с верой. Впоследствии это привело к принятию баптистских взглядов. Вторая конференция была проведена в Аугсбурге в 1526 году, что, вероятно, относится ко времени, когда крещение взрослых стало отличительной верой среди всех *братьев*. Эта конференция предложила создать Генеральный синод, который собрался в Аугсбурге в 1527 году (август) и включил в число своих членов делегатов из Мюнхена, Франконии, Ингольштадта, Верхней Австрии, Штирии и Швейцарии. Там они составили изложение доктринальной истины, которое очень просто и тесно соответствует тому, чему сейчас учат моравские братья. Их сборник гимнов [607] не содержит никаких следов ошибок в

доктрине, обычно приписываемых им. Его главная тема - любовь к Богу, пробуждающая нашу любовь к Богу и нашим ближним. Вместо крещения младенцев они провели церемонию посвящения детей Богу. Крещение рассматривалось как знак обращения и твердой решимости посвятить себя поклонению Богу и служению Ему. Оно совершалось путем *окропления*; получатель становился на колени, чтобы принять его в присутствии прихожан. Святая Вечеря совершалась в установленное время и всегда после одного или двух дней торжественных приготовлений. Их исполнителями были дьяконы, старейшины, учителя или пасторы. Они различали пасторов, которые были странствующими евангелистами, и тех, кто был прикреплен к отдельным конгрегациям. Только последние, которые были рукоположены путем возложения рук, имели право совершать Таинства. Все дьяконы, старейшины и пасторы, принадлежащие к общинам в пределах установленного округа, выбирали из своей среды делегатов, которые формировали свой церковный совет для округа, и этот совет избирал одного из пасторов в качестве епископа или суперинтенданта. Это был Суперинтендант, который рукоположил путем возложения рук. Все *братья* церковно управлялись серией Синодов, соответствующих Синодам пресвитерианских церквей. Эта организация позволила анабаптистам вынести ужасные преследования, которым они вскоре подверглись со стороны папской и лютеранской государственных церквей.

Главными руководителями были Бальтазар Хюбмайер и Ганс Денк. Хюбмайер был выдающимся ученым. В необычайно раннем возрасте он стал профессором богословия в Ингольштадте (1512); он был ректором знаменитой средней школы в этом городе (1515); и кафедральным проповедником в Регенсбурге (Ратисбон) (1516). В 1519 году, чувствуя, что больше не может добросовестно занимать такие должности, он удалился в маленький городок Вальдсхут. Ганс Денк был известным гуманистом, членом “круга Эразма” в Базеле и считался самым точным греческим ученым в ученом сообществе. Конрад Гребель, еще один известный лидер анабаптистов, также принадлежал к “кружку Эразма” и был членом одной из патрицианских семей Цюриха. Подобно Хюбмайеру и Денку, он бросил все, чтобы стать евангелистом, и провел свою жизнь в длительных проповеднических турах. Этих фактов достаточно, чтобы опровергнуть распространенное утверждение о том, что анабаптисты были невежественными фанатиками.

Возможно, Денк был наиболее широко известен и высоко почитаем. Летом 1523 года он был назначен ректором знаменитой Себальдской школы в Нюрнберге. В конце 1524 года он был обвинен в ереси, а вместе с ним Йорг Пенц, художник, любимый ученик Альберта Дюрера, и еще четверо. Денк был изгнан из города, и его имя стало хорошо известно. Этот судебный процесс и приговор стали поводом для начала его жизни странствующего евангелиста, которая привела, среди прочего, к конференциям 1526 и 1527 годов и вышеописанной организации. Денк глубоко испил из источника мистиков четырнадцатого и пятнадцатого веков, и его учение было окрашено многими их идеями. Он верил, что в человеке есть искра божественной природы, Внутреннее Слово, которое побуждает человека идти путями Божьими, и что человек всегда может оставаться верным внутреннему наставнику, которым был не кто иной, как Христос. Описания некоторых из его обращений, по-видимому, являются отголосками знаменитой проповеди Таулера о женихе и Невесте, поскольку он учил, что на страдания верующих следует смотреть как на дары любви Спасителя, и их нельзя ни оплакивать, ни отвергать. В причудливой *хронике* Себастьяна Фраука говорится, что баптистский поток быстро пронесся по всей стране; многие тысячи были крещены, и многие сердца потянулись к ним. “Ибо они не учили ничему, кроме любви, веры и распятия плоти, проявляя терпение и смирение

при многих страданиях, преломляя хлеб друг с другом в знак единства и любви, помогая друг другу с истинной услужливостью, одалживая, отдавая, учась иметь все общее, называя друг друга "братьями"». [608] Он добавляет, что их обвиняли во многих вещах, в которых они были невиновны, и с ними обращались очень тиранически.

Анабаптисты, как и ранние мистики, проявляли сильную индивидуальность; и это делает невозможным классифицировать их догматы в свод доктрин, который можно рассматривать как выражение системы интеллектуальных верований, лежащих в основе всего движения. У нас есть три свидетельства современников, которые показывают расхождение во мнениях между ними — два от враждебно настроенного и одно от сочувствующего историка. Буллингер [609] пытается классифицировать их различные подразделения и упоминает тринадцать различных сект внутри анабаптистского круга; но они явно перекрываются таким образом, что предполагают очень большое различие, которое невозможно четко свести в таблицу. Себастьян Франк [610] отмечает все разновидности взглядов, которые упоминает Буллингер, но воздерживается от какой-либо классификации. "Существуют, " говорит он, " и другие секты и мнения, которых я не знаю и не могу описать, но мне кажется, что нельзя найти двух таких, которые соглашались бы друг с другом по всем пунктам". Кесслер, [611], который рассказывает историю анабаптистов Санкт-Галлена, отмечает такое же большое разнообразие мнений.

Вполне возможно описать ведущие идеи, которым учили несколько известных людей и которые были одобрены их ближайшим кругом последователей, и таким образом с некоторой точностью определить популярность определенных руководящих принципов среди различных партий, но следует помнить, что ни один великий лидер не навязывал своего мнения всему анабаптистскому кругу, и что взгляды, которых придерживались в разное время выдающиеся люди, не всегда совпадали с чувствами, лежащими в основе всего движения.

Доктрины пассивного сопротивления придерживались почти все ранние анабаптисты, но она преподавалась и практиковалась таким большим разнообразием способов, что простое общее утверждение дает вводящее в заблуждение представление. Все ранние анабаптисты верили, что нехристиански отвечать злом на зло, и что они должны принимать обрушившиеся на них преследования, не пытаясь отомстить. Некоторые, как, например, молодой гуманист Ганс Денк, продвинули теорию так далеко, что поверили, что ни один настоящий христианин не может быть ни судьей, ни солдатом. Небольшая группа анабаптистов, которым один из графов Лихтенштейна предоставил убежище в Никольсбурге, прямо заявили своему покровителю, что они категорически не одобряют его угрозы австрийскому комиссару оказать вооруженное сопротивление, если он войдет на территорию Никольсбурга, чтобы захватить их. Короче говоря, то, что называется "пассивным сопротивлением", принимало самые разные формы, от обычной христианской максимы быть терпеливым в невзгодах до той, что прививается и практикуется современной сектой данкеров.

Последователи Мельхиора Хоффмана, называемые "мельхиоритами", придерживались апокалиптических или миллениаристских взглядов и ожидали в ближайшем будущем возвращения Христа, чтобы царствовать над Своими святыми; но нет оснований предполагать, что эта концепция была очень широко принята, тем более что ее можно назвать догматом анабаптизма в целом. Все анабаптисты проповедовали обязанность благотворительности и требования бедных к более богатым членам общины; но это общая христианская заповедь, которая не обязательно подразумевает коммунистические теории или практику. Все, что можно

определенно сказать обо всем анабаптистском кружке, это то, что они очень четко придерживались обязательств христианской любви. О так называемом коммунизме в Мюнстере будет рассказано позже.

Когда мы внимательно изучаем случайные записи современных свидетелей, наблюдавших за своими соседями-анабаптистами, мы приходим к общему выводу, что их главной мыслью было воспроизвести в своей собственной жизни то, что им казалось верованиями, обычаями и социальной практикой первобытных христиан. Переводы Библии и отдельных ее частей были достаточно распространены в Германии до правления Лютера. “Простой человек”, особенно городской ремесленник, много знал о Библии. Это была единственная книга, которую он читал, перечитывал и размышлял над ней. Загоревшись мыслями, возникшими в его голове в результате ее прочтения, простые люди почувствовали побуждение стать странствующими проповедниками. К ним пришел “зов”, и они сразу же откликнулись на то, что считали божественным голосом. Свидетель - Ханс Бер из Альтен-Эрлангена, бедный крестьянин. Однажды ночью он встал с постели и внезапно начал одеваться. “Куда ты идешь?” - спросила его бедная жена. “Я не знаю; Бог знает”, - ответил он. “Какое зло я причинил тебе? Останься и помоги мне растить моих маленьких детей”, “Дорогая жена, - ответил он, - не утруждай меня делами времени. Я должен уехать, чтобы узнать волю Господа”. [612] Такие мужчины бродили в грубой домотканой одежде, часто босиком, их головы были покрыты грубыми фетровыми шляпами. Они жаждали гостеприимства в домах и после ужина доставали свои отрывки из Библии, читали и разъясняли их, а затем рано утром исчезали. Нам рассказывают, как Ханс Хут пришел в дом Франца Штригеля в Вайере во Франконии, достал свою Библию, прочитал и разъяснил, объяснил необходимость крещения взрослых, убедил Штригеля, отца семейства, и еще восьмерых человек и крестил их там и тогда. В ту же ночь он ушел. Никто из крещеных больше не видел его; но небольшая община осталась — небольшая группа анабаптистов. [613]

Эти странствующие проповедники, “пророками”, как их можно назвать, если мы дадим им раннехристианское название, не были воспитаны в каком-либо общем наборе мнений. Каждый воспринимал первобытное учение и социальную жизнь такими, какими он, по-видимому, видел их отражение в Новом Завете; и не было двух концепций, которые были бы в точности одинаковыми. Обстоятельства и окружение породили бесконечное разнообразие мыслей о доктринах и обычаях, которые следовало принять и практиковать. И все же у них были традиционные способы толкования, переданные им из молитвенных кругов “Братьев”. Сравните то, что австрийский инквизитор говорит о “Братях” в тринадцатом веке, с тем, что Иоганн Кесслер рассказывает об анабаптистах Санкт-Галлена, и сходство будет поразительным, если говорить о внешнем облике. “Hæretici cognoscuntur за нравы и истину”, - говорит инквизитор. “Sunt enim in moribus compositi et modesti; superbiam in vestibus non habent, nec pretiosis, nec multum abjectis utuntur.... Doctores etiam ipsorum sunt sutores et textores. Divitias non multiplicant, sed necessariis sunt contenti. Casti etiam sunt.... Temperati etiam in cibo et potu. Ad tabernas non eunt, nec ad choreas, nec ad alias vanitates. Ab ira se cohibent; semper operantur, discunt vel docent, et ideo parum orant.... Cognoscuntur etiam in verbis præcisis et modestis. Cavent etiam a scurrilitate et detractatione, et verborum levitate, et mendacio, et juramento.” [614] Кесслер говорит нам, что походка и разговор этих анабаптистов были “во всем благочестивы, святы и непорочны”; что они воздерживались от ношения дорогой одежды, презирали роскошную еду и питье, одевались в грубую ткань, носили шляпы с опущенными

полями на головах. Франк рассказывает, что они отказались посещать винные лавки и “позолоченные” залы, где проводились танцы.

Поскольку они снова жили жизнью этих средневековых сектантов, они воспроизводили их мнения таким же спорадическим образом. Некоторые из них возражали против любой войны, даже в целях самообороны, как это делали некоторые из более ранних Лоллардов. Их Господь сказал Своим первым ученикам: “Идите своими путями; вот, Я посылаю вас, как агнцев среди волков”. Они отбросили от себя меч, которым крестьянин и ремесленник были тогда одинаково опоясаны, и ходили, как было приказано апостолам, с посохами в руках — *стойбищами* или *посохниками*, которые не желали иметь ничего общего с оружием волков. Другие, также как некоторые из Лоллардов, не хотели входить в “огромные каменные дома с большими стеклянными окнами, которые люди называли ‘церквями’”. Ранние христиане проповедовали и “преломляли хлеб” в домах; и они следовали их примеру; и в частных комнатах, на улицах, на рыночных площадях они провозглашали свое евангелие мира и довольства. Бесконечно малое число людей, которые учили чему-то вроде “свободной любви” и которые были отвергнуты остальными, воспроизводили причуды средневековых *Братьев и Сестер Свободного Духа*, которые доставили мейстеру Экхарту столько хлопот много веков назад в Рейнской области. Все более экстравагантные идеи и практики, которые появляются среди небольших групп этих анабаптистов шестнадцатого века, можно найти среди сектантов средневековья. Ибо все анабаптистское движение было средневековым по своей сути; и, подобно большинству средневековых религиозных пробуждений, породило бесконечное разнообразие мнений и практик. Общая для всех идея заключалась в том, что христиане шестнадцатого века были призваны воспроизводить в мыслях и жизни интеллектуальные верования и обычаи первобытных христиан. Просто невозможно дать какой-либо отчет о мнениях и практиках, которые были *повсеместно* распространены среди них. Даже наиболее распространенные обычаи - крещение взрослых и “преломление хлеба” - были приняты не во всех подразделениях анабаптистов.

Более того, они были достаточно современными, по крайней мере, на ранних стадиях движения, чтобы осознавать это (чего не было у мистиков) и выражать это. Все чувствовали и думали так же, как “простой человек” Ганс Мюллер из “Медикон”, когда предстал перед цюрихскими магистратами: “Не возлагайте бремя на мою совесть, ибо вера - это дар, дарованный даром Богом, а не общее достояние. Тайна Божья скрыта, подобно сокровищу в поле, которое никто не может найти, кроме того, кому Дух показывает его. Поэтому я умоляю вас, слуги Божьи, пусть моя вера останется свободной”. [615] И анабаптисты, единственные из всех религиозных партий в те напряженные времена, похоже, признали, что то, что они требовали для себя, они были обязаны предоставить другим. Большие различия во взглядах не препятствовали строжайшему братскому общению. Ганс Денк придерживался доктрины непротивления столь же основательной, как доктрина графа Толстого, и полностью осознавал практические последствия, к которым она вела. Но это не помешало пылкому и одаренному молодому гуманисту лояльно работать с Хюбмайером, который не разделял его крайних взглядов. Разногласия между лидерами проявлялись у их последователей, не разрушая чувства братства. Франк сообщает нам в своей *Хронике* [616], что некоторые, но очень немногие, считали, что ни один христианин не может войти в магистратуру, поскольку христиане не имеют ничего общего с мечом, а только с духовным отлучением, и что ни один христианин не должен сражаться и убивать. Остальные, по его словам, включая подавляющее большинство, верили,

что христиане могут стать магистратами и что в случае крайней необходимости, когда они ясно увидят Божье водительство, они смогут принять участие в сражениях в качестве солдат.

Мельхиор Хоффман, хотя и верил в воплощение, считал, что Иисус получил Свою плоть непосредственно от Бога и не был обязан Своим телом Деве Матери, через которую Он прошел, “как свет через оконное стекло”. Он также считал, что вся история мира, вплоть до последних дней, была раскрыта в Священном Писании и может быть открыта с помощью молитвы и медитации. Он был красноречивым и убедительным проповедником, и его взгляды были приняты многими; но было бы большой ошибкой предполагать, что анабаптисты как община разделяли их. Тем не менее, даже современники, которые были противниками, обычно приписывают крайние мнения немногих всему организму.

Следует отметить, что эта терпимость к различным мнениям внутри одного общества не распространялась на тех, кто оставался верен государственным Церквям, будь то католическая или реформатская. Анабаптисты не хотели иметь ничего общего с Государственной церковью; и это было главным моментом в их отделении от лютеран, цвинглианцев и кальвинистов. Возможно, это была *единственная* концепция, с которой все стороны были в абсолютном согласии. Настоящая Церковь, которая могла быть маленькой или великой, была для них объединением верующих людей; а великие церковные учреждения, в которые бессознательных младенцев принимали с помощью церемонии, называемой крещением, задолго до того, как они могли иметь веру или проявлять ее, представляли для них идею, подрывающую истинное христианство. У них не было желания преследовать людей, которые сильно отличались от них, но они и не хотели общаться с ними. Это принудительное “отделение”, как и все остальное, связанное с анабаптизмом, значительно отличалось по способу его практического осуществления. В некоторых из небольших секций это проявлялось в очень экстравагантных формах. Женам и мужьям анабаптистов, чьи партнеры принадлежали к Государственным Церквям, в некоторых небольших группах было рекомендовано отказаться от совместного проживания. Более чем вероятно, что некоторые записанные высказывания, на которых оппоненты основывают обвинения в поощрении сексуальных нарушений, — что для женщин лучше иметь нерегулярные связи с членами братства, чем сожительствовать с неверующими мужьями, — были просто экстравагантными способами выражения этого долга разлуки.

Верно также, что с течением времени и размножением сект крайних взглядов отлучение членов от церкви за их взгляды стало обычной практикой. Это было так же часто среди некоторых более мелких подразделений, как и среди современных плимутских братьев; но поводом было, как правило, расхождение во мнениях о том, как выражать и выполнять обязанность не отвечать злом на зло — было ли разрешено платить налоги или нет? было ли законно видеть, как их защитники без протеста применяют силу, чтобы помешать своим врагам напасть на них, и т.д.?

Прежние идеи непротивления, какую бы практическую форму они ни принимали, отступили перед непрерывными и ужасными преследованиями, которые приходилось терпеть анабаптистам. Впервые они были определенно осуждены Мельхиором Хоффманом и его последователями. Они верили в скорое установление на земле тысячелетнего царства Христа и заявили, что готовы бороться за него, когда оно наступит. Для них концепция была просто благочестивым мнением, и у них не было возможности претворить ее в жизнь. Однако анабаптисты, которые следовали учению Яна Маттиса и его ученика Яна Бокельсона, отвергали пассивное сопротивление как в теории, так и на практике.

Конечно, в некоторых, а возможно, и во всех великих религиозных пробуждениях есть много такого, за что критики могут ухватиться, чтобы их принизить; так было и с анабаптистским движением. Все, от научного склада ума до религиозной чувствительности, имеет недостатки своих качеств. Когда человеком овладевает новая духовная эмоция, которая, кажется, поднимает его над всем предыдущим жизненным опытом или мышлением, все вещи для него новы, и все кажется возможным. Его старая жизнь с ее ограничениями ушла. Он погрузился в море, у которого нет заточающих берегов. Его уносит мощный поток эмоций, и другие уносятся вместе с ним. Человеческая бездна вызывает к бездне, когда они обмениваются откровениями. Он и его собратья стали новыми созданиями; и это почти все, что они знают о себе. Такие переживания вполне согласуются со здоровьем ума и ясностью видения Бога и Божественных вещей — это обычно; но иногда они слишком сильны для несовершенного ума, который их воспринимает. Обращенные “возгордились”, как сказал святой Павел. Затем возникают болезненные состояния, искаженное зрение, иногда фактическое крушение умственных способностей, нередко острая религиозная мания. Лидеры великого религиозного пробуждения всегда должны считаться с таким развитием событий — святой Павел, Франциск Ассизский, Экхарт, Таулер, не говоря уже о современных примерах. Апостол обращался к болезненным душам с суровым сарказмом. Неужели какой-нибудь мужчина действительно думал, спросил он, что совершить кровосмешение, взять в жены вдову своего отца - это пример свободы, с которой Христос сделал их свободными?

В анабаптистском движении, как и в других религиозных движениях, была своя доля подобных случаев; они становились все более частыми по мере того, как несчастные люди сходили с ума от преследований; и эти исключительные случаи неизменно подробно описываются историками, враждебно относящимися к движению.

Анабаптисты в целом подвергались преследованиям, особенно со стороны католиков и лютеран, гораздо более суровым, чем выпало на долю любой из религиозных партий шестнадцатого века. Их обращение в Цюрихе можно рассматривать как пример того, как они вступили в контакт с гражданскими властями и как сурово с ними обошлись. [617]

Швейцарские анабаптисты ни в коем случае не были учениками Цвингли. Они придерживались своих отличительных принципов и были признанным сообществом задолго до того, как Цвингли приехал из Айнзидельна, и были прямыми потомками средневековых вальденсов. Они приветствовали Реформатора; некоторые из них были в компании, бросавшей вызов властям, употребляя мясо во время Великого поста в 1522 году; но вскоре выявилось фундаментальное различие. После Публичного диспута 1523 года, когда стало ясно, что Цюрих намерен принять Реформацию, депутация братьев предстала перед Советом, чтобы изложить свою идею о том, какой должна быть Реформированная Церковь. Их изложение принципов представляет собой изложение фундаментальных концепций, которые лежали в основе всего анабаптистского движения, и объясняет, почему они не могли присоединиться ни к лютеранской, ни к реформатской ветви Реформационной церкви. Они настаивали на том, что евангелическая церковь должна отличаться от Римской церкви, среди прочего, тем, что она должна состоять из членов, которые лично исповедовали веру в своего Спасителя и которые поклялись жить в послушании Иисусу Христу, своему *гауптману*. Это не могло быть похоже на Государственную церковь, будь то католическая или иная, к которой принадлежали люди без какого-либо

индивидуального исповедания веры. Они настаивали на том, что сформированная таким образом Церковь должна быть свободна от всякого гражданского контроля, чтобы самой решать, какие доктрины и церемонии богослужения основаны на Слове Божьем и согласуются с ним, и принимать это решение в соответствии с мнением большинства членов. Далее они просили, чтобы Церковь была свободна применять посредством братского увещания и, в качестве последнего средства, отлучения от церкви дисциплинарные меры к тем из своих членов, которые нарушили моральный закон. Они также заявили, что Церковь, которая таким образом отвергает государственный контроль, должна отказаться от государственной поддержки, и предложили секуляризировать десятину. По их словам, в Новом Завете ничего не говорится о процентах и ростовщичестве, десятине, прожиточном минимуме и пребендах.

Эти взгляды были совершенно противоположны идеям Цюрихского собора, который рассматривал Государственную церковь, реформированную от злоупотреблений романистов, но строго находящуюся под контролем государства и поддерживаемую десятиной, как это было со Средневековой церковью. Они отказались принять идеи анабаптистов, и это было началом антагонизма. Совет установил, что подавляющее большинство заявителей сомневались в крещении младенцев и были склонны к тому, что сейчас называется баптистскими взглядами; и они довели дело до кризиса, распорядившись провести Публичный диспут о крещении (17 января 1525 г.). Среди анабаптистов, которые, казалось, защищали свои принципы, были молодой гуманист Конрад Гребель, Феликс Манц и брат Йорг из Дома Якоба, женского монастыря недалеко от Кура, которого всегда называли “Блаурок” (Синий мундир). Им противостоял Цвингли, который настаивал на том, что крещение младенцев должно быть сохранено, поскольку оно заменяет обрезание. Совет решил, что утверждение Цвингли было правильным, и они приняли закон о том, что *все дети должны быть крещены*, и добавили, что все лица, которые отказались крестить своих детей после 1 февраля 1525 года, должны были быть арестованы. Анабаптисты не замедлили ответить на брошенный таким образом вызов. Они встретились, и после обсуждения и молитвы Блаурок попросил Конрада Гребеля крестить его по-настоящему по-христиански, “поскольку здесь не было рукоположенного человека”, и Гребель так и сделал. “Когда это было сделано, остальные умоляли Блаурока крестить их, что он и сделал; и в глубоком страхе перед Господом они отдали себя Богу”. Они решили проповедовать и крестить, потому что в этом они должны повиноваться Богу, а не людям. [618]

Когда Совет услышал, что началось крещение взрослых, они постановили, что все, кто был перекрещен после 8 февраля (1525 г.), должны быть оштрафованы на серебряную марку, и что тот, кто был крещен после издания их указа, должен быть изгнан. Они также заключили лидеров в тюрьму. Когда они обнаружили, что ни штрафы, ни угрозы, ни тюремное заключение, ни изгнание никак не повлияли на анабаптистов, Городской совет решил запугать их смертным приговором. Были выбраны двое: Манц и Блаурок. Последний не был гражданином, и смертный приговор был заменен публичным бичеванием и изгнанием из города; но Феликс Манц, горожанин, был приговорен к смерти через утопление (1527). Цвингли настаивал на том, что это судебное убийство было совершено не из-за крещения, а из-за мятежа!

То, что было сделано в Реформированной Швейцарии, было видно по всей римско-католической и лютеранской Германии. Справедливо будет сказать, что преследования были более жестокими в романистических округах; но единственным лютеранским принцем, который отказался разрешить смертную казнь за анабаптизм, был Филипп Гессенский. Впоследствии к нему присоединился курфюрст Саксонии.

В 1527 году (26 августа) эрцгерцог австрийский Фердинанд опубликовал императорский указ, угрожающий всем анабаптистам смертной казнью. Два месяца спустя две тысячи экземпляров этого воззвания были разосланы по провинциям Германской империи с призывом к властям искоренить этих несчастных людей. Правители Зальцбурга и Тироля немедленно подчинились приказу, и вскоре начались жестокие преследования. Умы населения были воспламенены гнусной клеветой. В Зальцбурге говорили, что анабаптисты планировали истребить всех священников и монахов в княжестве. Хорошо известная неприязнь братьев к войне была истолкована как обвинение в том, что при турецком вторжении они встанут на сторону врага против всех лояльных немцев. Некий Леопольд Дикий, написавший жестокую книгу против анабаптистов, потребовал, чтобы все мужчины были убиты, а женщины и дети погибли от голода; только так, по его словам, можно искоренить их ошибки.

Зальцбургский хронист, романист Килиан Лейб, подробно описывает преследование. Он рассказывает нам, что мужчины, женщины и юные девушки умирали от огня, обезглавливания и утопления не только безропотно, но и с торжественной радостью. Он подробно останавливается на случае “красивой молодой девушки” шестнадцати лет, чья нежная невинность вызвала всеобщее сострадание и которая наотрез отказалась отречься. Палач прижал ее руки к бокам, окунул головой вниз в корыто для лошадей, держал ее там, пока она не задохнулась, а затем унес ее тело, чтобы сжечь. Официальные списки показывают, что жертвы принадлежали ко всем слоям общества. Дворяне, изготовители поясов, кошельков, сапожники, городской клерк и бывшие священники.

Преследование в Тироле было суровым и основательным. Большое количество шахтеров округа были анабаптистами, и было решено искоренить так называемую ересь. Были опубликованы описания выдающихся анабаптистов, которые кочевали с места на место, призывая своих братьев к стойкости. “У человека по имени Майерхофер длинная каштановая борода, и он носит серую солдатскую шинель; его спутник, высокий и бледный, носит длинное черное пальто с отделкой; третий ниже ростом; четвертый, худой и румяный, известен как катлер”. Конрад Браун, заседатель Императорской палаты и очевидец преследований, писал: “Я видел собственными глазами, что ничто не могло вернуть анабаптистов к их заблуждениям или заставить их отречься. Самое тяжелое заточение, голод, огонь, вода, меч, всевозможные страшные казни не смогли поколебать их. Я видел, как молодые люди, мужчины, женщины, шли на костер с песнями, преисполненные радости; и я могу сказать, что за всю мою жизнь ничто так не трогало меня”. [619] В Тироле и Герце количество казней к 1531 году, по словам хрониста Кирхмайра, составило тысячу. Себастьян Франк считает, что в Энсхайме, на территории правительства Верхней Австрии, их число достигает шестисот. Семьдесят три мученика пострадали в Линце в течение шести недель. Преследования в Баварии были особенно суровыми; герцог Вильгельм приказал обезглавить тех, кто отрекался, а тех, кто отказывался, сжечь. Общая практика, провозглашенная законом Фердинандом Австрийским в 1529 году (23 апреля), заключалась в том, что смертной казни подлежали только проповедники, баптисты, отказавшиеся отречься от престола, и те, у кого случился рецидив после отречения. [620]

В этих кровавых преследованиях, которые бушевали почти по всей Европе, погибло большинство прежних лидеров анабаптистов; но большая часть их последователей не была ни запугана, ни расположена отречься от своего учения. Преследование не было неожиданным. Никто не был принят в анабаптистскую общину без предупреждения о вероятной участи, которая его ожидала. Крещение было обетом, что он будет постоянен до самой смерти;

“преломление хлеба” укрепило его веру; проповедь была полна призывов к терпению до конца. Все их богослужение было подготовкой к мученической смерти и ожиданием ее.

Напряжение христианской песни, казалось, усилилось вместе с пожарами гонений. Большинство гимнов анабаптистов относятся к тому времени, когда их страдания были самыми сильными. Некоторые из них - просто истории мученичества, как, например, Йорга Вагнера в Мюнхене или “Семи братьев в Германии”. Все они - отголоски стойкости, где ноты рыдания, доверия, предупреждения, осанны времен мученичества сливаются с грубыми героическими нотами. Они поют о Христе, который в эти последние дни проявил Себя, чтобы чистое слово Его Евангелия снова могло распространиться по земле, как это было во времена ранней Церкви. Они рассказывают о том, как заклятый враг душ стремится защитить себя от наступающего воинства Иисуса, устраивая кровавые гонения. Они произносят предупреждения против лжепророков, хищных волков в овечьей шкуре, которые осаждают все жизненные пути, ведущие к истинному стаду, которые изливают угрозы и проклятия на народ Божий и призывают правителей этого мира пытаться и убивать. Они изображают, как злой мир нападает на истинную Церковь, выкрикивает ложь против истинных последователей Иисуса и угрожает им сожжениями и всевозможными жестокими смертями. Они скорбят о том, что учеников Иисуса убивают, как овец, потерявших своего пастыря; что они блуждают в дикой местности, полной рвущих колючек; что у них есть свои дома, как у ночных птиц, среди утесов или в расщелинах скал; что они попадают в сети птицелова; что на них охотятся с гончими, как на зайцев. Другие, вдохновленные внутренней надеждой, которая неугасимо живет в сердце каждого христианина, рассказывают, как Христос-Жених ищет любви души, Своей невесты, и как Он завоевывает ее для Себя Своими любовными дарами испытаний и страданий, пока, наконец, не состоится брачный пир и душа полностью не соединится со своим Господом. Мысли и фразы древнееврейских пророков, Псалмопевца, гимны Апокалипсиса, которые питали страхи и надежды жаждущих, страдающих, доверчивых поколений христиан, вновь появляются в этих анабаптистских гимнах. Жизнь для них - непрерывная Священная Война, Продвижение Паломника по злему миру, полному ловушек, опасностей, искушений, пока, наконец, усталые ноги не ступят на Восхитительные горы, Река Смерти не будет пройдена, и открытые врата небесного Иерусалима примут путника, который выстоял до конца.

Эти бедные преследуемые люди, естественно, искали убежища в каком-нибудь городе, т.е. муниципалитете или округе, где крещение детей не применялось под страхом наказания и где повторное крещение взрослых не каралось тюремным заключением, пытками и смертью. Какое-то время они находили много таких приютов. Анабаптисты были по большей части хорошими работниками, терпеливыми и предусмотрительными возделывателями земли, готовыми платить все взносы, кроме военного налога, не соответствующего Писанию. Они были источником богатства для многих крупных землевладельцев, которые были готовы позволить им жить в мире. Моравия, Восточная Фрисландия и, среди муниципалитетов, Аугсбург, Вормс и Страсбург давали убежище до тех пор, пока медленное решительное давление высших властей империи не вынудило их действовать иначе. Все, чего желали анабаптисты, - это чтобы им позволили жить в мире, и мы не слышим о каких-либо серьезных беспорядках, вызванных их присутствием ни в одном из этих “городов-убежищ”.

Это подводит нас к тому, что было названо “Царством Божиим в Мюнстере”, и к поведению тамошних анабаптистов — коммунизму, полигамии и так далее, которые описаны во всех исторических источниках того времени.

Мюнстер был столицей большого и важного церковного княжества, носящего то же название. Епископ был князем Германской империи и правил своим княжеством со всеми правами светского князя. Духовенство занимало почти все важные посты в правительстве; оно взимало налоги с импорта и экспорта; богатые каноны кафедрального собора были зарезервированы для сыновей помещиков; горожане не имели доли в более богатых бенефициях и раздражались под властью своих духовных правителей. Граждане жили в состоянии почти постоянного недовольства, и их недовольство часто принимало форму гражданских восстаний. Они восстали в 1525 году, в 1527 году (в этом году имя богатого бюргера Бернардина Книппердоллинга впервые появляется как лидера своих сограждан) и в 1529 году, ужасном году голода и чумы. [621] Многие были склонны видеть в этих сообщениях предвосхищение последовавшей борьбы; но ничто в источниках не подтверждает такого вывода. Они были просто примерами недовольства непривилегированных классов, которое было достаточно распространенным явлением в Германии по крайней мере на протяжении столетия.

Город Мюнстер медленно переживал религиозную реформацию, но в 1529 году люди начали слушать проповеди малоизвестного молодого капеллана при церкви Святого Морица, построенной за городскими стенами. [622] Бернхард Ротманн был ученым, проникнутым гуманистической культурой, одаренным силой ясного рассуждения и природным красноречием. Вероятно, его рано привлекло учение Лютера; [623] но, хотя он подробно останавливался на оправдании верой, его проповеди были полны того сочувствия к угнетенным трудящимся массам общины, которое было постоянной чертой всего анабаптистского учения. Его проповеди были высоко оценены горожанами, особенно ремесленниками, которые выходили из ворот, чтобы послушать молодого капеллана Святого Маврикия. Разве он не был одним из них, сыном бедного кузнеца? Каноники собора, которые в отсутствие епископа осуществляли надзор за всеми церковными делами, были встревожены его популярностью. Возможность вмешаться представилась им, когда толпа, возбужденная, по их словам, обвинениями Ротмана в поклонении реликвиям и изображениям, осквернила алтари, разорвала картины и уничтожила украшения в Сен-Морисе накануне Страстной пятницы 1531 года. Влияние Ротманна на горожан могло позволить ему пренебречь канонами, тем более что принц-епископ Фридрих фон Вид не проявлял склонности приставать к капеллану, и его самого подозревали в симпатиях к евангелистам. Но он тихо покинул город и провел год в путешествиях. Он посетил Виттенберг, где познакомился с Лютером, Меланхтоном и Бугенхагеном; побывал в Марбурге, Шпейере и Страсбурге. В Страсбурге он долго общался с Капито и мистиком Швенкфельдом, которого часто причисляют к анабаптистам. Непреодолимый импульс, по-видимому, привел его обратно в Мюнстер, где он был радушно принят народом, а церковь Святого Морица отныне стала центром движения за религиозную реформацию; проповедника поддержали “золотые” ремесленники и большинство горожан, среди которых наиболее известным был Бернхард Книппердоллинг.

Энергичный протест каноников побудил епископа запретить Ротманну проповедовать в Сен-Морисе. Он продолжил свои выступления на церковном дворе Святого Ламберта (18 февраля 1532 г.), и через несколько дней ему передали во владение саму церковь. Собор Святого Ламберта был построен муниципалитетом и находился в собственности города. Ротманн был назначен городским советом евангелическим проповедником в город, и ему выделили один из городских “позолоченных” домов под дом священника.

Два месяца спустя епископ подал в отставку, и его сменил герцог Эрих Брауншвейг-Грубенхагенский, уже епископ Оснабрюк-Падерборнский. Новый епископ решил избавиться от Ротманна. Он обратился с заявлениями к Гессену, избирательной Саксонии и другим евангелическим силам и убедил их побудить более умеренных представителей реформаторской партии в Мюнстере отказаться от Ротмана; и, когда это было сделано, проповеднику было приказано покинуть город. “Гильдия ремесленников” отказалась отпустить своего проповедника, и под руководством Книппердоллинга [624] составили письмо властям, в котором заявили о своей решимости удержать его любым способом. Демократия Мюнстера и религиозное движение впервые открыто объединились против властей города.

Пока все происходило на этом перевале, епископ умер (13 мая 1532 года). Капитул избрал (1 июня) графа Франца фон Вальдека, уже владевшего Минденом, и несколько дней спустя (11 июня) сделал епископом Оснабрюка — плюралиста первого ранга. Партия реформаторов в Мюнстере ожидала худшего от своего нового правителя. Было проведено полное собрание “золотых” города, и подавляющим большинством прихожане поклялись защищать своего пастора и его Евангелие телом и имуществом, пока живы. Был избран комитет из тридцати шести бюргеров, который следил за ходом событий и советовался с гражданскими правителями и президентами “гильдий”. Ротманн опубликовал тезисы, объясняющие его учение и бросающие вызов возражающим в публичном диспуте. Были проведены общественные собрания; городскому совету было официально предложено передать все приходские церкви евангелическим проповедникам; что и было сделано — только собор остался для римско-католического богослужения.

Эти действия вызвали бесполезные протесты епископа. Дворяне по соседству пытались вмешаться, но безуспешно. В октябре (1532 г.) партия епископа в городе начала действовать. Они попытались конфисковать имущество наиболее видных недовольных граждан; поперек главных улиц были натянуты цепи, чтобы предотвратить сообщение между различными кварталами; была предпринята попытка изолировать сам город. Все это означало войну. “Гильдия”, всегда военная организация в средневековых городах, была вооружена. Отряд рыцарей, посланный для вторжения в город, отступил перед вооруженными горожанами. В то время как епископ стремился укрепить себя за счет союзов и соблазнить горожан переговорами, тысяча вооруженных горожан ночью двинулась маршем к маленькому городку Тельgte, где стояло лагерем большое количество церковной и светской знати, окружила его, захватила сторонников епископа и вернулась, чтобы удерживать их в качестве заложников. Этот акт послужил поводом для вмешательства Филиппа Гессенского. Была достигнута договоренность, согласно которой Мюнстер был объявлен евангелическим городом и зачислен в Шмалькальдскую лигу. История Мюнстера до этого времени (14 февраля 1533 г.) ничем не отличалась от истории многих городов, принявших Реформацию. Ротманн был лидером в Мюнстере, как Бренц в Халле, Альбер в Ройтлингене или Лахманн в Хайльбронне.

Обычно предполагается, что до этого времени Ротманн был лютеранином по своему учению, что он завоевал Мюнстер для великой лютеранской партии и что его будущие отклонения от евангелической теологии были вызваны его слабостью перед толпой анабаптистов, которые позже вторглись в город. Это кажется простым предположением. Он, безусловно, учил оправданию верой; но это не делало его лютеранином. Разделительная линия между различными классами противников римско-католического богословия в шестнадцатом веке была проведена в значении Таинств, и особенно Вечери Господней. Нет абсолютно никаких

свидетельств того, что Ротманн когда-либо был последователем Лютера в его теории Святой Вечери. Он навещал Лютера и Меланхтона во время своего годичного отсутствия в Мюнстере, но они никогда не были до конца уверены в нем. Он признался, что именно в Страсбурге, а не в Виттенберге он получил наибольшую помощь в своей будущей работе и получил ее от Капито, который не был лютеранином, и от Швенкфельда, который был мистиком-анабаптистом. Именно Страсбург, а не Виттенберг он назвал “короной всех христианских городов и церквей”! В своем исповедании веры он говорит, что Месса - это не жертва, а всего лишь знак истинной Жертвы; и что Месса и Вечеря Господня не имеют *никакого другого значения*, кроме как напоминать нам о смерти Христа и пробуждать в наших сердцах уверенность в дарованной даром благодати Божьей. Это не лютеранская доктрина, это даже не цвинглианская; она гораздо ближе к анабаптистской. Также совершенно ясно, что он придерживался доктрины “внутреннего света” в понимании многих анабаптистов. Можно с уверенностью сказать, что если Ротманн и не был анабаптистом с самого начала, то его ум был готов принять их доктрины почти сразу же, как только они были ему ясно представлены. Генрих Ролл, беглец из Юлиха, нашедший убежище в Мюнстере, убедил Ротманна в незаконности крещения младенцев. Как только это убеждение овладело им, он отказался крестить младенцев - потому что Ротманн всегда был прямолинеен. Его взгляды раздражали большое количество видных горожан, видным среди которых был Ван дер Вик, городской синдик. Эти люди, все лютеране, осаждали своего пастора увещеваниями и, в конце концов, привели его в городской совет. Ситуация достигла апогея в сентябре. 7-го (1533), когда Стэпрейд, помощник проповедника в церкви Святого Ламберта, отказался крестить детей двух членов городского совета-лютеран, которые были приведены в церковь с этой целью. Когда проповедники предстали перед Советом, им сообщили, что подобные вещи недопустимы. Стэпрейд, главный преступник и небургер, был изгнан, а Ротманну и другим священнослужителям, которые согласились с ним, пригрозили той же участью, если они будут упорствовать в отказе крестить младенцев. Они отказались повиноваться Совету; они были немедленно низложены, и их церкви были закрыты для них. Но масса горожан была привязана к Ротманну, и их отношение стало слишком угрожающим, чтобы магистраты могли сохранять свою бескомпромиссную позицию. Ротманну разрешили остаться, и ему разрешили проповедовать в церкви Святого Серватия. Лютеранские магистраты пригласили в город проповедников, чтобы они заняли другие места богослужения.

Магистраты, лидером среди которых был Ван дер Вик, решили провести публичный диспут по вопросу крещения. Они привезли в Мюнстер известного гуманиста Германа фон дем Буше, ныне профессора в Марбурге и выдающегося защитника лютеранской реформации, и рассчитывали на его известную образованность и красноречие, чтобы убедить своих сограждан в том, что взгляды Ротмана не соответствуют Писанию. Конференция должна была быть совершенно бесплатной. Были приглашены римско-католические богословы, которые приняли в ней участие. Ротманн, казалось, защищал свою позицию. Приглашения были подписаны не только магистратами, но и главами городских “гильдий”. [625] Ван дер Вик признался, что результат спора оказался не таким, как он ожидал. Что касается огромной массы людей, то у Ротманна, по-видимому, были наилучшие аргументы, и он стоял выше, чем когда-либо, в глазах граждан. Ротманн, вся карьера которого показывает, что оппозиция делала его все более и более продвинутым, теперь начал заикливаться на ошибках простых людей и долге богатых делать гораздо больше для своих более бедных братьев, чем они сами делали. Он учил наставлениями, а также примером. Он вел откровенно аскетическую жизнь, чтобы преуспевать в благотворительности. Его проповеди и его жизнь оказали необычайное влияние как на

богатых, так и на бедных. Кредиторы прощали должников, люди передавали денежные суммы в руки Ротманна для распределения. Насильственного коммунизма не было, но примеру первобытной церкви в Иерусалиме следовали, насколько это было возможно. Среди этих убежденных последователей Ротманна выделялась богатая дама, теща Бернарден Книппердоллинга.

Магистраты были всерьез встревожены таким положением вещей. Они знали, что до тех пор, пока они остаются лютеранским муниципалитетом, даже номинально, великие лютеранские князья, такие как Филипп Гессенский и курфюрст Саксонии, будут защищать их от своего епископа-романиста; но лютеране и румыны одинаково не любили анабаптистов и не доверяли им, и императорский эдикт, несомненно, рано или поздно будет приведен в исполнение против них. Проповедь Ротмана, которую они не могли контролировать, и власть, которую он осуществлял через “гильдию”, сделали для них невозможным утверждать, что Мюнстер был членом конфедерации лютеранских городов. С другой стороны, новость о том, что Мюнстер практически стал анабаптистским, распространилась далеко среди этих преследуемых людей, которые начали думать, что ему суждено стать заметным городом-убежищем, возможно, Сионом или Новым Иерусалимом, создание которого предсказал Мельхиор Хоффман. Они собрались со всех концов, чтобы укрыться под защитой его стен. Подавляющее большинство, естественно, прибыло из Нидерландов, где преследования были самыми ожесточенными. Почти все беженцы были *мельхиоритами* — людьми, которые искали скорейшего прекращения своих страданий в установлении царства Божьего на земле; и большинство из них были голландскими *мельхиоритами*, людьми, для которых свобода была традицией, готовыми бороться за нее, учениками Яна Маттиса, который научил их отказаться от доктрины пассивного сопротивления, которой придерживались все ранние анабаптисты. [626] Ротманн давно был знаком с книгами и трактатами Хоффмана и испытывал к ним большую симпатию. Он, так же как и магистраты, предвидел неприятности для себя и для города. Он дошел до того, что посоветовал друзьям, которые не разделяли его мнения, покинуть город; что касается его самого, то его очевидным долгом, по-видимому, было рискнуть всем ради бедных людей, которых Бог отдал в его руки.

В последние месяцы 1532 года Ротманн и лютеранский городской совет смотрели друг на друга с растущим взаимным подозрением. 8 декабря подмастерье кузнеца Иоганн Шредер начал проповедовать анабаптистские доктрины на кладбище церкви Святого Ламберта и вызвал на диспут лютеранского пастора Фабрициуса. Это было больше, чем городской совет мог вынести. Они запретили Ротманну проповедовать и заявили, что отзывают свою защиту — приговор о фактическом объявлении вне закона (11 декабря). Он спокойно сказал посланнику Совета, что он зависит от помощи высших сил, чем его хозяева, и публично проповедовал в церкви Святого Серватия. Шредер снова начал проповедовать и был задержан. “Гильдия” смитов восстала и, возглавляемая своими чиновниками, вынудила Совет освободить их товарища. Анабаптисты и Ротманн одержали заметную победу, о которой вскоре стало широко известно. Изгнанные анабаптистские пасторы вернулись в город.

После этого события развивались быстро. Бартоломеус Бекбиндер и Виллем де Койпер, посланные Яном Маттисом, появились в Мюнстере (5 января 1533 г.). Мы можем сделать вывод о том, каким было их послание, из того, что последовало дальше. Ротманн осудил Собор и его лютеранских проповедников. Следствием этого стали беспорядки, многие из участников которых были женщинами, среди которых выделялись монахини Убервассерского монастыря.

Было объявлено, что все верующие должны пройти повторное крещение и что необходимо составить список верующих. Документ содержал тысячу четыреста имен в течение восьми дней. Масса людей с энтузиазмом верила в близкое приближение Дня Господня.

Вскоре после этого (13 января 1533 г.) в город въехал Ян Бокельсон (Иоанн Лейденский). Он был любимым учеником и *альтер-эго* Яна Маттиса. Он привез с собой знаменитые Двадцать одну статью и призвал верующих объединиться в компактную организацию, пообещав выполнять их. Его приняли с энтузиазмом.

Совет, чувствуя свою беспомощность, обратился к епископу, который удовлетворился тем, что приказал им выполнить императорский наказ против анабаптистов. Он был так же возмущен против лютеран, как и против анабаптистов, и надеялся, что обе партии уничтожат друг друга. Внутри города анабаптисты сражались с объединенными евангелистами и романистами, и в двух случаях беспорядки сменялись перемириями, которые гарантировали полную свободу вероисповедания всем людям (28 января и 9 февраля). Затем совет прекратил борьбу. Главный бургомистр Тилбек принял крещение, и Ван дер Вик вместе со многими видными гражданами покинул город. Ван дер Вик попал в руки епископа, который варварски расправился с ним.

Был избран новый Совет, полностью анабаптистский, с Бернардином Книппердоллингом и Герхардом Киббенбройком, ведущим торговцем, бургомистрами (28 февраля). Началось полное правление анабаптистов. Эта дата также знаменует начало захвата города войсками епископа. Никогда не следует забывать, как это часто бывает, что в течение *всего* периода господства анабаптистов в Мюнстере город подвергался опасностям осады, и что военные соображения *должны были* в значительной степени приниматься во внимание. Также не следует забывать, что за время своего существования войска епископа хладнокровно убивали каждого анабаптиста, который попадался им под руку.

Сам Ян Маттис приехал в Мюнстер где-то в феврале, по настоянию Бокельсона, и горожане уже привыкли видеть длинную худощавую фигуру пророка с пронзительным взглядом и развевающейся черной бородой, проходящую взад и вперед по их улицам. Они научились, затаив дыхание, внимать его словам, когда его звучный голос повторял послание, которое Господь дал ему произнести, или описывал видения, которые были ниспосланы ему. Когда городом правил Совет анабаптистов, они были всего лишь рупором пророка. Его правление было кратким, но пока оно длилось, он отдавал приказ за приказом.

Отделение от мира было одной из идей, на которых он останавливался в своих выступлениях; и для него это означало, что ни один неверующий, ни один некрещеный не мог оставаться в стенах анабаптистского города. Прозвучал приказ, что все взрослые должны креститься или покинуть город. Едва ли стоит удивляться, что, учитывая большую вероятность попасть в руки солдат епископа, как только они выйдут за стены, подавляющее большинство тех, кто еще не получил печать нового причастия, подчинились церемонии. Их отвели на рыночную площадь, где они обнаружили “трех или более” проповедников-анабаптистов, каждый из которых держал перед собой большой сосуд, полный воды. Неофиты преклонили колени, получили обычное наставление, и им на головы трижды вылили чашу с водой во имя Отца, Сына и Святого Духа. Сделав это, они отправились в дом бургомистра и внесли свои имена в список. [627]

Также по приказу Маттиса было положено начало тому, что называется мюнстерским коммунизмом. Обязанность систематической и братской благотворительности с самого начала

была выдающейся среди анабаптистов. Подобно всем другим принципам, которые находят немедленный результат в действии, этот принцип братской любви нашел множество способов обрести реальную форму. В нескольких небольших группах братства это проявилось в форме коммунизма в том, что касалось еды и одежды. В некоторых общинах Моравии Братья вносили взносы в общий фонд, из которого обеспечивалось общее питание; и эти платежи были обязательными. Мы видели, как проповеди Ротмана вызвали необычайную вспышку благожелательности в Мюнстере перед пришествием пророков. Не похоже, что приказы Маттиса пошли дальше увещаний Ротманна. Мюнстер был осажденным городом. Когда началась осада, в нем находилось около тысячи семисот мужчин, от пяти до шести тысяч женщин, не считая тысяч детей. Большую часть из них составляли беженцы. Очевидно, что многие не могли прокормить себя сами, но были полностью зависимы от благотворительности своих соседей. Проповедники призвали верующих пожертвовать свои деньги и те запасы провизии, которые они могли бы выделить, чтобы прокормить пораженных нищетой. Таким образом, многие призывали принести все свое движимое имущество; другие отдавали часть; некоторые отказывались и подвергались публичному осуждению. Провизия, хранившаяся в монастырях или в частных домах, покинутых их владельцами, была изъята для общего блага. Когда осада длилась долго, и враг намеренно морил жителей голодом, добиваясь капитуляции, продовольственный коммунизм стал строже, как это бывает в любой осажденной крепости. Никогда не предпринималось никаких попыток установить полный коммунизм. То, что существовало сначала, было просто обильной христианской благотворительностью, навязанной общественным мнением, [628] а в последнее время реквизицией всего, что могло быть использовано для поддержки всего населения осажденного города.

Ян Маттис недолго пережил свой приезд в Мюнстер. Вечером 4 апреля, когда он сидел за ужином в доме друга, было замечено, что он провел долгие минуты в задумчивости. Наконец, было слышно, как он, тяжело вздохнув, воскликнул: “Возлюбленный Отец, да будет исполнена не моя воля, а Твоя”. Он тихо поднялся со своего места, пожал руки всем своим спутникам, торжественно поцеловал каждого; затем молча вышел из дома в сопровождении своей жены. На следующий день примерно с двадцатью товарищами он вышел через одни из городских ворот, яростно атаковал врага, был побежден численностью и получил смертельный удар. Религиозный энтузиаст и на редкость прямой и мужественный человек!

Его смерть сильно подавила защитников Мюнстера, но их сплотило убедительное красноречие Яна Бокельсона, любимого ученика покойного пророка. Именно под руководством Бокельсона — его звали Ян Лейденский — был упразднен городской совет Мюнстера; что двенадцать старейшин были избраны для управления народом; что сам Ян стал королем и имел свой двор; что были возрождены старые представления о чудесах и т.д. Единственным из многих действий этого в высшей степени талантливом и красноречивом молодом голландце, которое должно нас беспокоить, был институт полигамии, за который он, по-видимому, несет почти единоличную ответственность.

Полигамия - единственное темное пятно на анабаптистах Мюнстера, которое невозможно стереть. неестественно, но совершенно несправедливо, что факт его учреждения постоянно использовался для очернения характера всего движения. Это был прискорбный эпизод в истории анабаптизма в Мюнстере; он не имел никакого отношения к братьям за пределами города. Весь этот вопрос сопряжен с трудностями, которые при нашей нынешней информации не могут быть устранены. То, что люди, вся прошлая жизнь которых была примерами наиболее

правильного морального поведения, и которые находились под влиянием глубоких и искренних религиозных чувств, внезапно (ибо это было неожиданно) опровергли свое собственное предыдущее учение и догматы каждой отдельной секции анабаптизма, что они запятнали последние несколько месяцев героической и отчаянной обороны обреченного города институтом полигамии, является неразрешимой загадкой. [629]

Теперь наши знания об анабаптистском движении не зависят от трудов озлобленных противников или от таких грязных источников, как признания мучеников, вырванные у них под пытками. Стараниями археологов был раскопан длинный список сочинений лидеров восстания. Они дают нам достоверные сведения о мнениях и учениях почти каждой секты, классифицируемой под общим названием. Мы знаем, что они думали обо всех наиболее важных вопросах, которые были предметом споров в шестнадцатом веке, — о том, что они учили о Свободе воли, Первородном грехе, Оправдании, Троице, Личности Христа и так далее. У нас есть четкое представление о том, какую жизнь они вели — по-настоящему благочестивую, самоотверженную, христианскую походку и беседу. Их учение часто расходилось с католическими и лютеранскими вероучительными конфессиями, но они никогда не расходились с нравственной жизнью, к которой призваны все христиане. В их трудах редко упоминается брак; но когда они это делают, то всегда для того, чтобы засвидетельствовать универсальное и глубоко укоренившееся христианское чувство, что брак — это священный и нерушимый союз одного мужчины и одной женщины. Более того, до нас дошел один документ, который свидетельствует об учении анабаптистов в осажденном городе всего за несколько недель до провозглашения полигамии. Он озаглавлен *"Народы мира и жизнь драгоценного существа -монстра"*, [630] и должен был стать ответом на клевету, распространяемую их врагами. В нем содержится параграф о браке, который представляет собой четкое утверждение о том, что единственный христианский брак — это нерушимый союз одного мужчины с одной женщиной. [631]

Это правда, что анабаптистская мысль о “разлуке”, воплощенная самым экстремальным образом и приводящая к предельным логическим последствиям, нанесла удар по святости брачных уз. Все учили, что “верующий”, *то есть* тот или она, кто был перекрещен, должен держаться отдельно от “мира”, *то есть* тех, кто не подчинился перекрещиванию; а в более экстремистских сектах утверждалось, что это означает, что супруги не должны сожительствовать с “неверующими” партнерами. Этого придерживались и практиковали среди *мельхиоритов*, и в самой крайней форме это было изложено в Двадцати одном Правиле, присланном в Мюнстер Яном Маттисом через Бокельсона. Они содержали два предписания — одно для неженатых, которое призывало их вступать в брак только в Господе; другое для женатых, которое подразумевает, что брак, заключенный между мужем и женой до повторного крещения, должен быть повторен. Это означало, что браки, заключенные людьми, еще “в миру”, были недействительны, и, конечно, разрушали святость всех браков вне круга братьев. Но когда *мельхиорит* из Страсбурга Клаус Фрей, жена которого не была анабаптисткой, довел принцип до логических следствий и женился на анабаптистке, его “неверующая” жена была жива, он был немедленно отлучен от церкви.

Если объединить информацию, полученную из различных источников, то то, что произошло в Мюнстере, выглядит следующим образом. Где-то в июле (1534 г.) Джон Бокельсон созвал

проповедников во главе с Ротманом и двенадцатью старейшинами на встречу с ним в *Ратуше*. Там он изложил им свое предложение ввести многоженство и обсуждал этот вопрос с ними восемь дней подряд. Нам сказали, что Ротманн и проповедники решительно выступали против этой схемы. Аргументы, использованные пророком, — аргументы самого надуманного характера — также были записаны. Он остановился на необходимости принятия некоторых библейских выражений в их самом буквальном смысле и придания им самого широкого применения. Он особенно настаивал на заповеди Бога, *плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю*; он привел пример патриархов и другие примеры многоженства из Ветхого Завета; он дошел до того, что сказал, что когда святой Павел настаивал на том, что епископы должны быть мужьями одной жены, фраза подразумевала, что все, кто не был епископом, были вольны взять больше одной; он остановился на особых условиях, существующих среди населения города, — количестве мужчин—беженцев, либо неженатых, либо оставивших своих жен в тех местах, откуда они бежали. ; непропорционально большое количество женщин (более трех женщин на каждого мужчину) и трудности, создаваемые этим для того, чтобы помешать им повиноваться повелению Бога плодиться и размножаться; и он настаивал на том, что в их нынешнем состоянии повелению Бога можно повиноваться только посредством полигамии.

В конце концов он привлек проповедников и старейшин к своему мнению, и, несмотря на предоставленные им возможности для восстания, они остались непоколебимы в нем. В течение трех дней они проповедовали народу на Соборной площади о ее преимуществах; и именно Ротманн провозгласил народу декрет, запрещающий многоженство. Как удалось убедить проповедников отказаться от своей оппозиции? Какой из избитых аргументов, использованных пророком, убедил их? Если бы он провозгласил многоженство божественным повелением, полученным им как пророком, мы могли бы представить, что проповедники и люди, таково было возвышенное состояние их умов, восприняли это с благоговением; но пророк не объявил, что получил какое-либо подобное послание. Он полагался исключительно на свои аргументы. Они не убедили всех людей. Провозглашение полигамии вызвало бурные протесты со стороны местных жителей, которые во главе с “мастером-кузнецом” по имени Мелленбекке сочли, что они скорее передадут город силам епископа, чем будут жить в полигамном обществе, и восстание почти увенчалось успехом; но проповедники твердо стояли на своей поддержке пророка и его полигамии; и именно женщины сыграли главную роль в том, что восстание провалилось.

Если судить по использованию этого термина в книге Ротмана "*Реституция*, [632], которая защищает введение новых законов о браке, на проповедников, похоже, наибольшее впечатление произвел аргумент, в котором говорилось о состоянии города — большая часть мужчин, жены которых находились в городах, которые они покинули, чтобы укрыться в Мюнстере, и великое множество женщин. Вполне возможно, что именно этот экономический аргумент повлиял и на них, и на самого пророка. Такой точки зрения придерживаются такие писатели, как Каутский, Белфорт Бакс и Хит. Объяснение подтверждается тем фактом, что указ был чем-то большим, чем просто провозглашение полигамии. Он предусматривал, что все мужчины, достигшие брачного возраста, должны брать жен и что все женщины должны находиться под опекой мужа. Законы, направленные против сексуальных нарушений, были такими же строгими во время правления полигамии, как и до ее введения. Но против этого можно возразить, что город Мюнстер, несмотря на свои ненормальные условия, отличался исключительной чистотой жизни, и что полигамия не только не ухудшала моральное состояние, но и значительно ухудшала его.

Детмер, чье мнение всегда достойно уважения, считает, что Ян Лейденский страстно влюбился в молодую, красивую и интеллектуальную Дивару, вдову Яна Маттиса, и что, поскольку он не мог жениться на ней из-за полигамии, он убедил своих проповедников и старейшин согласиться на его предложения. Его чудесное магнетическое влияние пересилило их здравый смысл.

Что очевидно, так это то, что декрет о многоженстве был внезапно придуман и навязан народу. Если Ян Лейденский [633] не принимал участия в его провозглашении, он подал народу пример послушания. Он немедленно женился на Диваре, как только это было разрешено законом. Он использовал это постановление, чтобы укрепить свое положение. Другие его жены — всего у него было шестнадцать — были дочерьми или близкими родственницами лидеров Мюнстера. Есть свидетельства того, что его собственный характер быстро ухудшился в новых условиях жизни.

Осада Мюнстера продолжалась все эти месяцы. Солдаты епископа предприняли несколько попыток штурма и всегда были отброшены. Похоже, в последнее время они стали полагаться на силу голода. Страдания граждан в последующие недели были ужасны. Наконец Генрих Гресбек, дезертировав в лагерь осаждающих, предложил сдать город его врагам. Он показал им на планах и глиняных моделях, как пройти через оборону, и сам подготовил путь для проникновения солдат епископа. Анабаптисты собрались для последней отчаянной обороны на рыночной площади под руководством Бернардена Книппердоллинга и Бернарда Кречтинга, а рядом с ними был Ротманн. Когда численность отряда сократилась до трехсот человек, они капитулировали, получив обещание покинуть город под подписку о невыезде. Излишне говорить, что сделка не была выполнена. Считалось, что Ротманн погиб на рыночной площади. Город был отдан на разграбление, и вскоре улицы были усеяны мертвыми телами. Затем был учрежден суд для суда над заключенными-анабаптистами. Первой пострадавшей женщиной была прекрасная молодая Дивара. Она упорно отказывалась отречься от престола и встретила свою судьбу по-королевски. Ни одному мужчине, который был хоть сколько-нибудь замечен во время осады, не было позволено избежать смерти. Ян Бокельсон, Бернардин Книппердоллинг и Бернард Кречтинг были обречены на самые ужасные пытки, которые только могла изобрести дьявольская изобретательность средневековых палачей. Долгое время считалось, что Ротманн сбежал и что он уехал в Росток или Любек; несколько человек были арестованы по подозрению в том, что они были знаменитыми проповедниками Мюнстера — “невысокий смуглый мужчина с прямыми каштановыми волосами”, - так его описывали в любекских листовках.

Ужасная судьба Мюнстера не уничтожила неукротимых анабаптистов. Менно Саймонс (р. 1496 или 1505 в Витмарсуме, деревне недалеко от Франекера), “человек честный, мягкий, покладистый, терпеливый к обидам и настолько пылкий в своем благочестии, что своей собственной жизнью иллюстрировал заповеди, которые он давал другим”, провел двадцать пять кропотливых лет, посещая разрозненные анабаптистские общины и объединяя их в простую братскую ассоциацию. Он очистил их умы от апокалиптических фантазий, которым учили многие из их более поздних лидеров под влиянием преследований, привил старые идеи о непротивлении, о зле государственного контроля над Церковью, о необходимости личного обращения и о крещении взрослых как его знаке и печати. Благодаря его трудам возникли все современные баптистские церкви.

ГЛАВА III.

СОЦИНИАНСТВО. [634]

Отцами Социнианской церкви были двое Соццини, дядя и племянник, Лелио и Фаусто, оба уроженцы города Сиена.

Дядя, Лелио Соццини (р. 1525), был по профессии юристом. Он был человеком безупречной нравственной жизни, гуманистом по образованию, изучал классику, а также теологию. Он был полностью недоволен состоянием Римско-католической церкви и рано начал испытывать серьезные сомнения относительно некоторых из ее ведущих доктринальных положений. Он поделился своими взглядами с избранным кругом друзей. Несмотря на принятые им меры предосторожности, он попал под подозрение. Кардинал Караффа убедил папу Павла III. согласиться на реорганизацию инквизиции в 1542 году, и вскоре Италия стала очень небезопасным местом для любого подозреваемого. Лелио покинул Сиену в 1547 году и провел оставшуюся часть своей жизни в путешествиях по тем землям, которые приняли лютеранскую или реформатскую веру. Он познакомился со всеми ведущими протестантскими богословами, включая Меланхтона и Кальвина. Он поддерживал с ними обширную переписку, представляя свои личные богословские взгляды в форме вопросов, которые он хотел, чтобы они разрешили за него. Из писем Кальвина мы можем узнать, что великий богослов серьезно сомневался в моральной искренности своего итальянского корреспондента и неоднократно предупреждал его, что он теряет веру в спасительные факты сердечной религии.

Все это время Соццини, по-видимому, уже составил свое мнение по всем темам, затронутым в его переписке, и сообщал свои взгляды, под залог сохранения тайны, небольшим общинам итальянских беженцев, которые обосновались в Швейцарии. Вряд ли его можно винить за эту скрытность; веротерпимость, как показал печальный пример сожжения Серведе, не была признана христианским принципом среди церквей Реформации. Лелио умер в Цюрихе в 1562 году, так и не опубликовав свои взгляды, а его соседи и хозяева так и не узнали о его истинной теологической позиции.

Он завещал все свое имущество, включая книги и рукописи, своему племяннику Фаусто, который остался в Сиене. Этот племянник был основателем Социнианской церкви.

Фаусто Соццини (р. 1539) был, как и его дядя, человеком безупречной жизни, юристом, прилежным и прилежным студентом, увлекался теологией и обладал большой силой характера. Неизвестно, как рано он стал думать так же, как его дядя. В отчете утверждается, что после того, как он получил книги и бумаги своего дяди и уделил достаточно времени их изучению, он покинул Италию, посетил места, где Лелио собирал небольшие группы тайных сторонников, чтобы утвердить их в вере. Его дядя дважды посещал Польшу, и Фаусто побывал там в 1579 году. Он обнаружил, что тамошним антитринитариям нет необходимости скрывать свое мнение. Трансильванский принц Стефан Батори защищал их, и в городе Кракау у них были своя церковь, школа и типография. Но секту в целом раздирали внутренние разногласия. Фаусто направил всю свою энергию на преодоление этих разногласий.

До своего приезда в Польшу он опубликовал две книги, которые интересны тем, что показывают путь, которым Фауст пришел к своим теологическим выводам. Он начал не с доктрины Троицы или Личности Христа, а с доктрины Искупления — факта, который следует иметь в виду при рассмотрении всей социнианской теологической системы.

Он считал, что истинной причиной разногласий, приведших к разрушению секты, было то, что польские унитарии были в значительной степени анабаптистами. Они настаивали на том, что никто не может быть признанным членом общины, если он не был перекрещен. Они отказались зачислить самого Фауста Соццини и исключили его из Таинства Вечери, потому что он не пожелал принять повторное крещение. Они заявили, что ни один член их общины не может поступать в магистратуру, подавать иски в гражданский суд или платить военный налог. Они расходились во мнениях по многим незначительным пунктам доктрины и очень свободно использовали запрет друг против друга. Соццини понял, что он не может надеяться добиться какого-либо прогресса в своих попытках объединить унитариев, если ему не удастся избавиться от этой анабаптистской закваски. О его проблемах можно прочитать в его переписке и в некоторых из его небольших трактатов в первом томе *Братской библиотеки Полонорум*. [635] Несмотря на отпор, с которым он столкнулся, он посвятил всю свою энергию неблагодарной задаче продвижения союза, и в конце своих дней он с удовлетворением убедился, что трудился не напрасно. Незадолго до его смерти синод, состоявшийся в Кракау (1603), объявил, что повторное крещение не является необходимым для вступления в унитарную общину. Многие из меньших различий были устранены ранее. Литературная деятельность Соццини была огромной: из-под его неутомимого пера выходили книги и брошюры, все посвященные утверждению или объяснению социнианской теологии. Не будет преувеличением сказать, что внутренняя история унитарных общин Польши с 1579 года до его смерти в 1604 году содержится в его объемистой переписке. Объединенные унитарии Польши приняли название *Польских братьев*; и от этого общества то, что было известно как социнианское богословие, распространилось по Германии (особенно в Рейнской области), Швейцарии и Англии. Его принципы не были сформулированы в символе веры до 1642 года, когда был опубликован *Раковский катехизис*. Он никогда официально не объявлялся стандартом Унитариянской церкви, но его утверждения, по всеобщему мнению, отражают взгляды старших социнианцев.

Социнианство, в отличие от великого религиозного движения под руководством Лютера, имело свое отчетливое начало в критике доктрин, и об этом никогда не следует забывать, если мы хотим понять его истинный характер. Мы уже видели [636] что в сознании Лютера во время высшего кризиса в его духовной истории нет и следа каких-либо интеллектуальных трудностей, связанных с доктринами или изложением доктрин. Весь его ход, начиная с того времени, как он поступил в Эрфуртский монастырь, и заканчивая публикацией "Аугсбургского исповедания", показывает, что духовный бунт, душой и центром которого он был, возник из чего-то гораздо более глубокого, чем любая простая критика доктрин средневековой Церкви, и что результатом его стало нечто гораздо большее, чем реконструкция доктринальных концепций. Центральным моментом протестантской реформации было то, что она означала повторное открытие религии как *веры*, "как отношения между человеком и личностью, следовательно, более высокого, чем любой разум, живущего не по заповедям и надеждам, но по силе Божьей, и воспринимающего в Иисусе Христе Господа неба и земли как Отца". [637] Реформация началась с живого опыта верующего христианина, который она провозгласила единственным фундаментальным фактом христианства — чем-то, что никогда не могло быть доказано аргументами и никогда не могло быть опровергнуто спекуляциями.

Напротив, самое раннее представление, которое мы имеем о Лелио Соццини, - это его встреча с друзьями, чтобы обсудить и поставить под сомнение такие доктрины, как Удовлетворение Христа, Троицы и другие подобные им. [638] Социнианство до конца сохраняло тот характер, с которым оно возникло. От начала и до конца это была критика и попытка реконструкции доктрин.

Этого самого по себе достаточно, чтобы не принимать во внимание обычные описания, которые полемисты-романисты дают о социнианском движении и его связи с протестантской реформацией. Они и многие англикане, которые не питают симпатии к великому реформационному движению, привыкли говорить, что социнианская система доктрин является законным выводом из принципов Реформации и смело реализует рационалистические концепции, присущие всему протестантскому богословию. Они указывают на тот факт, что многие из ранних пресвитериан Англии и пуритан Америки предоставили большое количество новобранцев в ряды унитариев или социнианцев. Они утверждают, что центральным моментом социнианского богословия является отрицание Божественности нашего Господа, что, по их утверждению, является логическим результатом отказа принять римское учение о мессе и принцип церковной традиции.

Этот вопрос носит чисто исторический характер, и ответить на него можно только путем изучения источников социнианской теологии и прослеживания ее истоков. Результат такого исследования, по-видимому, показывает, что, хотя социнианство, несомненно, многим обязано гуманизму, духу критического исследования и острому чувству ценности личности, которые оно воспитывало, большинство его отличительных богословских концепций относятся к средневековью. Она опиралась на ведущие принципы шотландско-пелагианского богословия, которые были чрезвычайно популярны в пятнадцатом и начале шестнадцатого веков, и довела их до логических следствий. На самом деле, большинство теологических принципов социнианского богословия больше похожи на догматические принципы иезуитов, которые являются продолжением скотизма в наше время, чем на теологию Лютера или Кальвина. Конечно, следует помнить, что, отвергая авторитет Церкви, социнианцы сильно отделяются как от скотистов, так и от иезуитов. И все же корни социнианской теологии следует искать в шотландских доктринах о Боге и Искуплении, и эти две доктрины являются их отправной точкой, а не простым отрицанием Божественности Христа.

В трех наиболее важных концепциях социнианская мысль явно средневековая, причем средневековая в шотландском понимании.

Их представление о вере носит интеллектуальный характер. Это *консенсус*, а не *фидуция*. “В Священном Писании, - говорится в “Катехизисе Раков”, - наиболее совершенно *преподается* вера в то, что Бог существует и что Он воздает. Однако это, и ничто другое, и есть вера, которая должна быть направлена к Богу и Христу”. Впоследствии это описывается как способ, которым человек должен приспособливаться к известным заповедям и обетованиям Бога; и добавляется, что эта вера “и делает наше послушание более приемлемым и благоугодным Богу, и восполняет недостатки нашего послушания, при условии, что оно искреннее и ревностное, и приводит к тому, что мы оправдываемся Богом”. Это хорошая шотландская доктрина. Эти богословы привыкли заявлять, что все, что нужно христианину, - это иметь веру в Бога как воздающего (*т.е.* согласиться с истиной, что Бог действительно воздает), и что в отношении всех других доктрин Церкви достаточно имплицитной веры (*т.е.* подчинения учению Церкви). Конечно,

крайний индивидуализм социнианцев окрашивал их концепцию веры; они не могут принимать скрытую веру; их согласие с истиной всегда должно быть явным; то, с чем они соглашаются, должно подтверждаться их индивидуальным разумом. Они не могут согласиться с набором истин, которые преподносит им Церковь, и безоговорочно принимать их на основе принципа повиновения авторитету. Но здесь следует отметить, что социнианский тип веры - это всегда согласие с истинами, которые могут быть изложены в пропозициональной форме; они не имеют представления о той вере, которая, используя выражение Лютера, возлагается на Бога. Далее они заявляют, вполне в соответствии со скоттистским учением, что люди оправданы благодаря их *действительному* повиновению известным повелениям и обещаниям Бога. От евангельской позиции нет и следа. Соответствие шотландскому богословию сводится к мельчайшим деталям, если позволяет место.

Социнианская концепция *Священного Писания* соответствует их представлению о вере. Две мысли о Священном Писании и спасительной вере, как уже было сказано, [639] всегда соответствуют друг другу: в средневековом богословии они в первую очередь интеллектуальны и основаны на высказываниях; в реформаторском мышлении они, в первую очередь, экспериментальны и личностны. Социнианская концепция вступает в союз со средневековой и отвергает реформационный подход как к вере, так и к Писанию. Для социнианцев, как и для средневековых теологов, Священное Писание является божественным источником информации о доктринах и морали; они не имеют представления о Священном Писании как о средстве благодати, как о канале личного общения между Богом и доверяющими Ему людьми. Но здесь, как и везде, новый индивидуализм социнианцев вынуждает их устанавливать как авторитет, так и догматическое содержание Священного Писания иным способом, чем их средневековые предшественники. Они полностью отвергли авторитет Церкви и не могли использовать эту мысль для обоснования ни авторитета Священного Писания, ни правильного толкования его содержания. На место этого они поставили то, что называли *разумом*. “Использование правильного разума (*rectæ rationis*) велико в вещах, относящихся к спасению, поскольку без него невозможно ни с уверенностью постичь авторитет Священного Писания, ни понять те вещи, которые в нем содержатся, ни вывести одни вещи из других вещей, ни, наконец, вспомнить их, чтобы применить (*ad usum revocari*)”. *Священный литературный сертификат* соответственно устанавливается или пытается быть доказанным с помощью ряда внешних доказательств, которые апеллируют к обычным рассуждающим способностям человека. Реформаторской концепции Свидетельства Духа, существенной части ее учения о Священном Писании, нет места в социнианском богословии. Они пытаются установить авторитет Священного Писания без какого-либо обращения к вере; исповедания Реформации не признают никакой непогрешимости или божественного авторитета, которые постигаются иначе, чем верой. Доктрины Реформации и социнианства находятся на расстоянии многих миль друг от друга; но социнианство и средневековье близко подходят друг к другу. Несколько сложно понять, какие книги более древние социнианцы признают своим правилом веры. Они не принимали Канон средневековой церкви. У них не возникло трудностей с Новым Заветом; но ссылки на Ветхий Завет в раковском катехизисе очень незначительны: его авторитет для них гарантирован ссылками на него в Новом Завете.

Когда мы обращаемся к утверждениям социниана о *Боге* и к их утверждениям о *природе и значении Дела Христа*, мы находим самое ясное доказательство их средневекового происхождения. Шотландская теология просто воспроизводится и очищается от ее ограничений.

Фундаментальная концепция Бога лежала в основе всего шотландского богословия. Бог, утверждалось в нем, лучше всего может быть определен как *Dominium Absolutum*; человека, противопоставленного Богу, они описывали как индивидуальную свободную волю. Если Бога понимать просто как *Абсолютное Господство*, мы никогда не сможем утверждать, что Бог *должен* действовать каким-либо заданным образом; мы даже не можем сказать, что Он обязан действовать в соответствии с моральными соображениями. Он возвышается над всеми соображениями любого рода. Он не желает действовать каким-либо образом, потому что это правильно; а действие правильно, потому что Бог желает действовать таким образом. В каких-либо действиях или целях Бога не может быть ни метафизической, ни моральной необходимости. Эта шотландская идея о том, что Бог абсолютно произволен, выражена самым сильным языком в раков-ском катехизисе. “Природе Бога свойственно то, что Он имеет право и высшую власть предписывать все, что Он пожелает, относительно всех вещей и в отношении нас, даже в тех вопросах, к которым не имеет отношения никакая другая сила; например, Он может издавать законы и назначать награды и наказания по Своему собственному усмотрению, в соответствии с нашими мыслями, какими бы скрытыми они ни были в самых сокровенных уголках наших сердец”.

Если эту мысль о том, что Бог - это просто *Dominium Absolutum*, применить для объяснения природы и значения дела Христа, Искупления, то сразу же следует, что в этом не может быть реальной необходимости; ибо любая необходимость, метафизическая или моральная, унижает *Dominium Absolutum*, которым является Бог. Если в Искуплении есть заслуга, то это только потому, что Бог объявил, что Он намерен принять дело Христа как достойное похвалы и что поэтому Он освободит людей от бремени греха за то, что совершил Христос, Спаситель. Именно объявленное *принятие* Бога делает работу Христа достойной внимания. *Достойная* работы не имеет в своей природе ничего такого, что делало бы ее таковой. Быть достойным похвалы просто означает, что за описанной таким образом работой последует Божье действие в обмен на то, что она была выполнена, и это только потому, что Бог сделал это объявление. Бог мог бы освободить людей от вины и наказания, полагающихся за грех, и без дела Христа; Он мог бы назначить человека-посредника, если бы пожелал этого; Он мог бы простить и принять человека как праведного в Своих глазах вообще без какого-либо посредника. Он мог бы просто простить человека, и ничто не встало бы между Его актом прощения и человеческим грехом. В таком случае шотландские богословы утверждали, что может показаться, что дело Христа, называемое Искуплением, было совершенно излишним; оно действительно излишне с точки зрения разума; оно никогда не может быть оправдано рациональными основаниями. Но, согласно догматической традиции Церкви, подтвержденной кругом Таинств, Бог избрал этот способ избавления от греха и вины человека. Он объявил, что *примет* это дело Христа, Искупление, и поэтому шотландские теологи заявили, что в Искупление нужно верить и рассматривать его как божественно установленный путь спасения. Эразм высмеял длинные аргументы и гипотезы шотландских теологов, когда перечислил среди вопросов, которые их очень интересовали: “Мог ли Бог принять облик женщины, дьявола, осла, тыквы или камня? Как тыква могла проповедовать, творить чудеса, висеть на Кресте?” [640]

Очевидно, что эта идея *Абсолютного господства* - просто концепция крайнего индивидуализма, применяемая к Богу вместо того, чтобы использоваться для описания человека. Если мы рассматриваем это антропоморфно, то получается, что отношение Бога к

человеку - это отношение бесконечной Индивидуальной Воли, противопоставленной множеству конечных индивидуальных волей. Если принять такой взгляд на отношения между Богом и человеком, то Бога никогда нельзя рассматривать как Морального Правителя в моральном обществе, а только как частного человека, стоящего лицом к лицу с другими людьми; и отношения между Богом и человеком должны обсуждаться с точки зрения частного, а не публичного права. Когда неправомерные действия рассматриваются в рамках системы публичного права, правитель никогда не может рассматривать их как вред, нанесенный ему самому, который он может простить, потому что у него добрый характер; он должен рассматривать это как преступление против всего сообщества, общественным опекуном которого он является. С другой стороны, когда правонарушения рассматриваются в рамках системы частного права, они представляют собой просто зло, причиненное частному лицу, которое, как частное лицо, может простить то, что является всего лишь долгом перед самим собой. В таком случае правонарушитель может быть прощен без нарушения каких-либо общих моральных принципов.

Социнианцы, следуя средневековым шотландским теологам, неизменно применяли принципы частного права к отношениям между Богом и человеком. Бог, *Dominium Absolutum*, Высшая Произвольная Воля, никогда не рассматривался как Моральный Правитель в моральном содружестве, где подданные и правители ограничены одними и теми же моральными законами. Грехи - это просто частные долги, причитающиеся индивидуальными конечными волями Единой Бесконечной Воле. Исходя из таких предпосылок, шотландцы пришли к выводу, что в Искуплении не было необходимости; на этом они остановились; они не могли сказать, что такой вещи, как Искупление, не существует, поскольку догматическая традиция Церкви препятствовала им. Социнианцы выбросили за борт мысль о догматической традиции, которую следовало уважать, даже если она казалась иррациональной. Если Искупление не было необходимым, это означало для них, что его не существовало; они просто приводили богословские предпосылки средневековых богословов шотландско-пелагианского толка к их законным последствиям.

В этих трех важных концепциях — веры, Священного Писания, природы Бога, включая характер Его отношений к человеку, — социнианцы принадлежат к средневековой школе мысли и совершенно не разделяют общих принципов, вдохновлявших теологическое мышление Реформации.

Но социнианцы были не только средневековыми; они были многим обязаны эпохе Возрождения. Это очень заметно проявляется в том, как они воспринимали очень важную религиозную концепцию *Церкви*. Характерной чертой социнианского богословия является то, что отдельный верующий рассматривается без особой привязки, если таковая вообще имеется, к Церкви или общине спасенных. Это отличает социнианцев не только от средневековых христиан, но и от всех, кто принадлежал к великому протестантскому евангелическому движению.

Средневековая церковь всегда рассматривала себя и учила людей относиться к ней как к религиозной общине, которая логически и реально предшествовала отдельному верующему. Оно представлялось людям как великое общество, основанное на догматической традиции, обладающее Таинствами и управляемое официально священной кастой. Благочестивый мирянин Средневековья оказывался в нем так же, как он мог бы оказаться в одном из его

великих соборов. Догматическая традиция не слишком беспокоила его, как и светскость и неискренность, часто проявляемые ее официальными хранителями. То, что они требовали от него, было безоговорочной верой, которая на самом деле означала благопристойное внешнее послушание. После того, как это было сделано, он был сравнительно свободен в богослужении в том, что было для него большим молитвенным домом. Гимны, молитвы, многие проповеди средневековой Церкви заставляют нас почувствовать, что это Учреждение было для средневекового христианина видимым символом широкого замысла Божьего, который охватывал его личную жизнь и гарантировал покой, который он мог использовать, полагаясь на Божьи обетования. Свидетельства о средневековом благочестии постоянно показывают нам, что Церковь была превращена в надежное историческое братство верующих, в которое вступал человек и в котором он находил обнадеживающее чувство товарищества. Все остальное Он предоставил профессиональным стражам этого церковного здания. Вероятно, таковы невысказанные мысли тысяч набожных мужчин и женщин в римской и греческой общинах сегодня. Они ценят Церковь, потому что она представляет для них видимым и историческим образом общение со Христом и Его святыми, которое является результатом Его искупительной работы.

Эта мысль так же глубоко укоренилась в Реформации, как и в средневековом благочестии. Реформаторы чувствовали себя вынужденными протестовать против политической формы, которую приняла средневековая церковь. Они считали это отклонением от своего идеала. Они видели многочисленные злоупотребления, к которым привела эта деградация. Но они всегда рассматривали видимый христианский мир как религиозную общину, созданную делом Христа. У них всегда была перед глазами мысль о Церкви Христовой как о братстве, которое логично и реально *предшествует* отдельному верующему, обществу, в которое приводится верующий; и эта концепция находилась у них в тесной и взаимной связи с мыслью о том, что Иисус Своим делом Искупления примирил людей с Богом, основал Церковь на этом Своем труде и *внутри* нее открыл грешникам путь к Богу. Они протестовали против политической формы, которую приняла Церковь; они никогда не переставали цепляться за мысль о Видимой Католической церкви, которая основана на искупительном деле Христа и в которой человек находит путь спасения. Они описывали эту Церковь во всех своих символах веры и свидетельствах; они давали признаки, которые характеризовали ее и свидетельствовали о ее божественном происхождении; эта мысль была существенной частью их теологии.

Социнианцы никогда не испытывали необходимости в какой-либо подобной концепции. Иисус был для них всего лишь учителем высшей морали, подробно изложенной в заповедях и обетованиях Бога; они ожидали от Него того руководства и импульса к нравственному самообразованию, которое каждый человек может присвоить себе, не вступая сначала в общество, представляющее собой братство искупленных. Если бы они когда-либо чувствовали бремя греха так, как чувствовали его реформаторы, если бы они когда-либо стремились к такому общению со Христом, какое дает искреннее личное доверие, или даже к такому, которое приходит в смысле телесного контакта в Причастии, если бы они когда-либо испытывали страстное желание соприкоснуться со своим Господом *каким-то* образом *или* так *или* иначе, они никогда не смогли бы обойтись без этой концепции Католической Церкви того или иного рода. Казалось, они никогда не испытывали в этом необходимости. В раков-ском катехизисе были вынуждены сделать некоторые ссылки на царские и священнические должности Христа. Он столь многим обязан Новому Завету. Его небрежные фразы показывают, что наш Господь был для социнианцев просто Пророком, посланным Богом провозгласить высшую мораль. Его

высшей функцией было передавать знания людям и, возможно, учить их на собственном примере, как ими пользоваться. Они понятия не имели, что Иисус пришел, чтобы *сделать* что-то для Своего народа, и что то, что Он *сделал*, было гораздо более ценным, чем то, что Он сказал, каким бы ценным оно ни было. Они были довольны тем, что стали Его учениками, учениками учителя, посланного Богом, и стали членами Его школы, где Его мнения были известны и их можно было изучить. Они понятия не имели, что нуждаются в спасении в более глубоком смысле этого слова. Следовательно, они не нуждаются в концепции Церкви; в чем они действительно нуждались и что у них есть, так это в мысли о школе мнений, к которой они могли бы принадлежать. [641]

В этом отношении они были одинаково далеки от теологического мышления средневековья и Реформации. В большинстве других своих теологических концепций они унаследовали свои взгляды от средневекового богословия. Они практически не имели отношения к теологии Реформации или к тому, что она собой представляет, — к благочестию средневековой церкви.

КНИГА VI.

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ.

ГЛАВА I.

НЕОБХОДИМОСТЬ КАКОЙ-ЛИБО РЕФОРМАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННА. [642]

В конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков настоятельная необходимость реформирования Церкви была признана всеми мыслящими людьми повсюду в Западной Европе и громко выражалась почти всеми, кто находился вне круга влияния Римской курии. Государственные деятели и литераторы, знать и бюргеры, великие церковники, а также монахи и приходские священники — все оплакивали состояние организованной христианской жизни, и большинство из них признавали, что нереформированное папство было главной язвой Европы. Протест против положения с религией не ограничивался отдельными протестами; он нашел выражение в Генеральных штатах Франции, в Сейме Германии и в парламенте Англии.

Жалобы принимали самые разные формы. Одним из наиболее распространенных было то, что духовенство, особенно высшего ранга, занималось всем, кроме одного дела, которое принадлежало им лично, — исцеления душ. Они принимали неоправданное участие в управлении странами Европы и вытеснили дворян с их законных мест правления. Клерикальные суды постоянно вмешивались в жизнь бюргеров, а духовенство протестовало против того, что они не обязаны подчиняться обычным законам страны. Дерущийся священник мог ссылаться на “интересы духовенства”, но мирянин, ударивший священника, независимо от причины, подлежал страшному наказанию в виде отлучения от церкви. Их “право на убежище” было постоянным стимулом к совершению преступлений. [643] Они и их притязания угрожали спокойной жизни цивилизованных городов и штатов. Юристы-конституционисты, воспитанные гуманизмом на знании старых имперских правовых кодексов Феодосия и Юстиниана,

проследили происхождение этого зла от вмешательства канонического права в Гражданское, а того - от универсального и абсолютного господства папского абсолютизма. Желаемая Реформация предстала перед умами государственных деятелей как более или менее полное сокращение папского абсолютизма и контроля, осуществляемого папой и духовенством над внутренними делами государства, даже над его национальными церковными установлениями. Исторический факт, что слабо сформированные королевства Средневековья медленно трансформировались в современные государства, возможно, бессознательно послужил основой для этой идеи Реформации.

Та же мысль приняла другую, более чисто церковную форму. Папский абсолютизм часто приводил к тому, что итальянцы получали предпочтения по всей западной Европе и вытесняли местное духовенство в более важных и богатых бенефициях. Почему Церквями Испании, Англии или Франции должны управлять итальянские прелаты, будь то постоянные или нерезидентные? Повсеместно считалось, что римское правление означало недостаток духовности и было источником как религиозной, так и национальной деградации. Люди жаждали перемен, как духовенство, так и миряне; и мысль о Национальных Церквях, действительно независимых от Рима, хотя номинально все еще находящихся в подчинении Запада, занимала умы многих реформаторов. [644]

Раннесредневековая Церковь была суровым проповедником праведности, преподав варварам-захватчикам Европы уроки чистой жизни, честности, трезвости; она настаивала на том, что духовенство должно быть не только проповедниками, но и примером; Каноническое право изобиловало наказаниями, установленными для пресечения пороков священнослужителей. Но было печально известно, что высшее духовенство, в обязанности которого входило приводить законы в исполнение, само было худшими нарушителями. Как могли английские епископы обеспечивать соблюдение законов о борьбе с недержанием мочи, когда Вулси, архиепископ, кардинал и легат, сделал свою незаконнорожденную дочь аббатисой Солсберийской? Какая была надежда на строгую дисциплину, когда немалая часть годового дохода епископа поступала из денег, выплачиваемых для того, чтобы в условиях безопасности практиковать невоздержанность священнослужителей? Реформаторы требовали реформирования церковной морали, начиная с епископов и спускаясь по всем ступеням к монахам и монахиням. [645]

Гуманизм выдвинул еще одну концепцию реформ. Это требовало либо полного отказа от всего схоластического богословия и возвращения к чистой и незатейливой “христианской философии” Церкви первых шести веков, либо такого смягчения этой Схоластики, которое дало бы место для поощрения Нового Учения.

Наконец, несколько благочестивых душ с ясным видением Бога, которое дают чистота и простота сердца и разума, заявили, что Церковь утратила саму религию и что единственная необходимая реформация - это повторное открытие религии и благодатное просветление индивидуального сердца и совести. [646]

Первую концепцию реформации, которая искала лекарство от зла, когда все признавали превосходство светского правления над церковным, можно увидеть в реформации поместных Церквей Бранденбурга и Саксонии при Фридрихе Бранденбургском и Вильгельме Саксонском.

Архиепископ Кранмер считал, что единственный способ устранить зло, от которого стонала Церковь позднего Средневековья, - это подчинить церковные органы светской власти. Реформация Англиканской церкви при Генрихе VIII воплотила эту идею в жизнь, но повлекла за собой как номинальное, так и реальное разрушение политического единства средневековой Церкви. За его действиями внимательно наблюдали и восхищались многие немецкие князья-романисты, которые примерно в 1540 году предприняли не одну попытку создать Национальную церковь в Германии под светским руководством, оставаясь верными средневековой доктрине, иерархии и ритуалам. [647] Мысль о реформации такого рода была настолько знакома людям шестнадцатого века, что вероятность отделения Генриха VIII от Рима стала предметом обсуждения задолго до того, как она пришла в голову этому монарху. [648]

ГЛАВА II.

ИСПАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМАЦИИ. [649]

§ 1. *Религиозное положение Испании.*

Однако страной, где все эти различные концепции того, что подразумевалось под реформацией Церкви, были объединены в одну определенную схему реформы, которая была успешно проведена, была Испания. Именно к этой стране следует обратиться, чтобы увидеть, чего хотели добиться медиевисты, которые в то же время были реформаторами, и что они подразумевали под реформацией Церкви. Она включала в себя меры светского контроля, возрождение и обеспечение соблюдения всех канонических законов, созданных для очищения морали духовенства, взвешенное примирение с гуманизмом, неуклонную приверженность основным доктринам схоластического богословия, сохранение во всей их полноте иерархии, обрядов и обычаев средневековой Церкви и безжалостное подавление ереси. Испания представляет собой пример того, что было названо католической реформацией.

В Испании, как нигде больше в средневековой Европе, твердое соблюдение христианской религии и патриотизм воспринимались как одно и то же. Семисотлетняя война, которую христиане Испании вели с маврами, придала силу и упорство их религиозным чувствам, а их опыт христиан в ежедневной битве с врагом чужой расы и чуждой веры, предоставленных самим себе на своем полуострове, отрезанных от остальной Европы, заставил их еще теснее цепляться за ту видимую солидарность всех христианских народов, которая нашла выражение в средневековой концепции средневековой католической церкви. Испания дала начало великому миссионерскому монашескому ордену доминиканцев — лидерам интеллектуального крестового похода против проникающего влияния мусульманского пантеизма (аверроизма) - и великому репрессивному агентству инквизиции в ее самой суровой и дикой форме. Именно Испания должна была дать начало Контрреформации с ее самым преданным лидером Игнатием Лойолой и с ее сильнейшим отрядом борцов - Обществом Иисуса, которое он основал.

Едва ли нужно удивляться тому, что именно в Испании мы находим самые ранние систематические попытки спасти Церковь от слепоты и порочности ее правителей путем вмешательства светской власти для борьбы с ухудшающимся влиянием Римской курии на

поместную Церковь и восстановления дисциплины среди духовенства. Кортесы различных небольших королевств Испанского полуострова неоднократно вмешивались, чтобы ограничить чрезмерный рост клерикальных привилегий, настаивать на подчинении духовенства общему праву страны и предотвратить слишком большое преобладание клерикального влияния в светской администрации. Постановления их королей использовались раз за разом, чтобы противодействовать влиянию вредных папских булл и предотвратить вмешательство итальянских духовных лиц в дела Испанской церкви. В конце пятнадцатого века испанские епископы были доведены до состояния зависимости от короны; за любым осуществлением церковной власти тщательно следили; масштабы церковной юрисдикции были специально ограничены, и церковным судам было дано почувствовать свою зависимость от светских судов. Корона вырвала у папства право считать, что благочестие и религиозное рвение должны быть необходимыми качествами для продвижения по службе в духовенстве. Все это регулятивное рвение было предотвращено от того, чтобы быть просто попытками политиков контролировать конкурирующую власть с помощью определенных фундаментальных элементов национального религиозного характера, которые проявлялись как в правителях, так и в массе их подданных. В Испании, больше, чем в какой-либо другой стране, аскетизм и мистические восторги были признаны самым верным выражением подлинных религиозных чувств. Короли и простые люди в равной степени разделяли твердую веру в то, что настоящее подражание Христу означает следовать по стопам Мужа Скорби, который блуждал, не зная, где преклонить голову, и который был способен выносить то, что Ему было дано делать, и страдать благодаря постоянному и восторженному общению с Невидимым.

Церковному реформатору Испании предстояло поработать над всеми этими элементами, и они сравнительно облегчили его задачу.

§ 2. Реформация при Хименесе.

Объединение полуострова при Фердинанде и Изабелле предполагало основательную реорганизацию испанской церкви. Корона вымогала у папства чрезвычайные полномочия для обращения со светским духовенством и монастырями. Великая королева была полна решимости очистить Церковь своего королевства от всего, что она считала злом. Она призвала на свои советы трех известных церковников, которым полностью доверяла, — великого испанского кардинала Мендосу, своего духовника Эрнандо де Талаверу и Франческо Хименеса. Именно Хименес набросал план и осуществил реформацию.

Франческо Хименес де Сиснерос, как его называют, был францисканским монахом, преданным идеалам своего ордена. Он принадлежал к бедной семье и так или иначе привлек внимание кардинала Мендосы, по наущению которого королева назначила его своим отцом-исповедником (1492). Она настояла на том, чтобы он принял сан архиепископа Толедского (1495), и избрала его для осуществления своих планов по организации и очищению испанской церкви. После своего возведения на архиепископскую кафедру он подал пример того, что, по его мнению, было истинной клерикальной жизнью, самым буквальным образом следуя максимам святого Франциска о самоотречении, преданности и аскетической жизни. Он сделал их идеалом для испанского духовенства; они следовали туда, куда он вел.

Конкордат 1482 года предоставил испанской короне право "посещения" (подразумевающее право отстранять от должности) и назначения бенефициями. Хименес использовал эти полномочия в полной мере. Он лично "посещал" монастыри и получал подробные отчеты о

состоянии монастырей. Он восстановил во всех них строжайшую монашескую дисциплину. Светское духовенство было приведено в качестве доказательства. Светская власть была призвана смести с его пути всех противников реформ. Королева защитила его, когда колебания папской политики угрожали помешать его работе. В конце концов, Церковь в Испании получила преданное духовенство, чья личная жизнь была свободна от упреков, справедливо адресованных высшему духовенству других стран.

Хименес, очистив нравы испанского духовенства, затем взялся за преодоление их невежества и бескультурья. В каждом капитуле Кастилии и Арагона для ученых были выделены две пребенды: одна - для изучающего каноническое право, а другая - для опытного богослова. Специальное “посещение” духовенства удалило со своих мест всех совершенно невежественных людей. Были учреждены новые богословские школы. В дополнение к средневековым университетам Саламанки и Вальядолида, Хименес основал один в Алькале, другой в Севилье, третий в Толедо. Алкала и Вальядолид были главными теологическими школами, и там, в дополнение к более старым занятиям догматическим богословием и этикой, читались курсы лекций по библейской экзегезе. Преподаваемое богословие принадлежало Фоме Аквинскому, за исключением более поздних разработок схоластики при Джоне Дунсе Скотте и Уильяме Оккаме. Особое внимание уделялось августинским элементам в Фоме; и вскоре возникла школа теологов, получивших название Новых томистов, которые стали очень влиятельными и позже стали главными противниками учителей-иезуитов. Была также попытка использовать Новое Учение в интересах старого богословия. Хименес собрал в Алкале группу ученых, которые под его руководством подготовили знаменитый комплутенсийский полиглот.

Лидеры этого испанского движения сочувствовали трудам Эразма. Князья Церкви с удовольствием называли себя его друзьями. Они помешали испанским монахам напасть на него, даже когда он сильнее всего осуждал безумства монашеской жизни. Его уважали при дворе. Самые выдающиеся государственные деятели, окружавшие Карла, молодого принца Нидерландов, короля Испании, называли себя эразмианцами. Эразм, если верить тому, что он написал им, — что едва ли возможно, — заявил, что работа в Испании при Хименесе следовала наилучшему типу реформации в Церкви.

Но была и другая, ужасная сторона этого испанского очищения Церкви и духовенства. Инквизиция была реорганизована, и все мнения и обычаи, чуждые средневековой церкви, были безжалостно искоренены. Эти суровые репрессии были вполне реальной частью испанской идеи реформации.

Испанская политика обновления Церкви не была реформацией в смысле предоставления места чему-либо новому в религиозном опыте. Его единственной целью было оживление религиозной жизни в рамках, которые были установлены в Средние века. Иерархия должна была сохраниться, средневековые концепции священства и таинств; папа должен был оставаться признанным и почитаемым Главой Церкви; “священные церемонии, декреты, таинства и священные обычаи” [650] должны были остаться нетронутыми; догматическое богословие средневековой Церкви должно было остаться во всех существенных чертах неизменным как и раньше. Единственной новинкой, единственным признаком признания новых идей, витавших в воздухе, было то, что папское вмешательство в дела национальных Церквей было значительно ограничено, и это в то время, когда папство стало настолько полностью секуляризованным, что забыло о своих реальных обязанностях как духовной власти. Единственным признанием новой

эпохи с ее новыми образами мышления было предложение о том, чтобы светские власти европейских стран взяли на себя обязанности, которыми папство явно пренебрегало. Возможно, можно было бы добавить, что небольшое уважение, отдаваемое Новому Знанию, понимание необходимости точного текста оригинальных Священных Писаний, сдержанное одобрение знакомства мирян со Священным Писанием привнесли нечто от нового духа; но все это на самом деле не означало ничего, расходящегося с тем, с чем преданный приверженец средневековой Церкви мог бы с готовностью согласиться.

§ 3. Испанцы и Лютер.

Набожные испанцы смогли многое оценить в более ранних работах Лютера. Они могли бы посочувствовать его нападкам на Индульгенции, при условии, что они не слишком тщательно изучали принципы, подразумеваемые в *Тезисах*, — принципы, которые сам Лютер едва ли признавал до Лейпцигского диспута. Их сердца откликнулись на глубокую религиозную искренность и высокий моральный тон его ранних произведений. Они могли приветствовать его появление, даже если не могли полностью согласиться со всем, что он говорил, в надежде, что его высказывания послужат толчком к тому, *виду* реформации, которую они желали видеть. Реформация Испанской церкви при кардинале Хименесе позволяет нам понять как почти всеобщий прием, которым были встречены первые выступления Лютера, так и противодействие, с которым он впоследствии столкнулся со стороны многих своих прежних сторонников. Некоторый свет также проливается на это противостояние, когда мы вспоминаем, что сам император Карл полностью принимал принципы, лежащие в основе испанской реформации, и что они были привиты его юному разуму его уважаемым наставником, которого ему удалось усадить на кафедру святого Петра—Адрианом VI., чей недолгий понтификат был попыткой принудить к повиновению испанскую реформацию всего Запада.

Если можно принять заявления, сделанные Глапионом, духовником императора, доктору Брюку, саксонскому канцлеру, за несколько дней до появления Лютера в Вормсе, как правдивый отчет о настроениях и намерениях Карла V. Можно сказать, что была предпринята попытка выяснить, нельзя ли заставить самого Лютера действовать как средство навязывания испанской реформации всей немецкой Церкви. Глапион заявил, что говорит как от имени императора, так и от своего имени. Более ранние труды Лютера, по его словам, доставили ему большое удовольствие; он считал его "известным растением", способным приносить великолепные плоды для Церкви. Но книга о *вавилонском пленении* потрясла его; он не верил, что она принадлежала Лютеру; она была написана не в его обычном стиле; если ее написал Лютер, то, должно быть, потому, что он на мгновение возмутился папской буллой, а поскольку она была анонимной, ее можно было легко опровергнуть; или, если не опровергнуть, ее можно было объяснить и показать, что ее предложения могут быть истолкованы католиками. Если бы это было сделано, и если бы Лютер отозвал свои яростные высказывания против папы римского, не было бы причин, по которым нельзя было бы прийти к полюбовному соглашению. Папскую буллу можно было легко оспорить, ее можно было отозвать на том основании, что у Лютера никогда не было справедливого судебного разбирательства. Было бы ошибкой предполагать, что император не осознавал остро необходимость реформирования Церкви; его преданность Папе имела пределы; император считал, что заслужил бы гнев Божий, если бы не попытался исправить плачевное состояние Церкви Христа. Таково было заявление Глапиона. Вопрос в том, насколько он был искренен, и если да, то действительно ли он выражал то, что было на уме у императора. Фридрих Саксонский не верил ни в его искренность, ни в то, что он отражает

истинное мнение императора; и сам Лютер отказался от любых частных бесед с Глапионом. И все же почти наверняка Глапион действительно выразил то, во что искренне верили многие испанские священнослужители. У нас есть интересное подтверждение этого в беседе Конрада Пелликана с Франсиско де лос-Анхелесом, провинциалом испанских францисканцев в Базеле. Францисканец выражался почти в тех же выражениях, что и Глапион. [651]

Три силы встретились на сейме в Вормсе в 1521 году — немецкое движение за реформы, вдохновленное Лютером, испанская реформация, представленная Карлом V. И флегматичная инертность Римской курии, о которой говорил нунций Алеандр. Первое и второе могли бы объединиться только в том случае, если бы Лютер вернулся по своим следам и стоял там, где стоял до Лейпцигского диспута. Если бы он отказался, неизбежным результатом было бы то, что император и Курия объединились бы, чтобы сокрушить его, прежде чем готовиться померяться силами друг с другом. Две разные концепции реформы можно отличить друг от друга, сказав, что испанская концепция стремилась пробудить оцепеневшую и формалистическую средневековую Церковь к новой религиозной жизни, оставив неизменными ее характеристики священнического служения, внешнего видимого единства под руководством иерархии, кульминацией которой является папство, и свод доктрин, гарантированных решениями Вселенских соборов. Другой желал освободить человеческий дух от оков чисто церковной власти и восстановить жизнь Церкви через духовное священство всех верующих. Первые обращались за помощью к светской власти для очищения национальных Церквей и восстановления церковной дисциплины, но всегда под благопристойным видом подчинения римскому епископу и с очень реальной верой в верховенство и непогрешимость Генерального Собора. Последний был готов полностью отрицать власть римского епископа и увидеть, как Средневековая Церковь распадается на территориальные или Национальные церкви, каждая из которых, как утверждалось, была частью единой Видимой Католической церкви. Но поскольку отдельные тенденции могут быть представлены одним контрастом, можно сказать, что Карл многое простил бы Лютеру, если бы Реформатор был способен признать непогрешимость Всеобщего собора. Драматический взмах руки, которым Чарльз положил конец ссоре между официальным Эком и Лютером, когда последний настаивал на том, что Генеральные советы допустили ошибку, и что он может это доказать, положил конец мечте о том, что движение в Германии может быть использовано для содействия повсеместному распространению Испанской реформации. Если идеи реформирования испанских священнослужителей и государственных деятелей должны были возродить всю средневековую Церковь, нужно было найти какой-то другой способ заставить их принять.

§ 4. Папа Адриан VI. и испанская реформация.

Казалось, что такая возможность представилась, когда из-за соперничества могущественных кардиналов и постоянного давления Карла V. на Конклав папой был избран Адриан Утрехтский. Новый понтифик долгое время пользовался репутацией ученого и благочестивого человека. Его мужество проявилось в его бесстрашном осуждении господствующих злоупотреблений со стороны духовенства и в том, как он решал сложные вопросы средневекового богословия. Он не разделял ни идей новой курии о папской непогрешимости, ни неоднократных утверждений итальянских канонистов о том, что папа выше всех церковных законов. Он скорее полагал, что подобные идеи были ответственны за деградацию Церкви и что никакая поправка была невозможна до тех пор, пока не будет уничтожена вся система папских оговорок, изъятий и других способов, с помощью которых папство уклонялось от прямых заявлений Канонического

права. Общественное доверие к его набожности, честности и образованности было настолько велико, что Нидерланды доверили ему религиозное воспитание своего юного принца, и ни один из его наставников так не запечатлелся в сознании Карла.

Адриан был голландским хименесом. У него было такое же страстное желание реформации Церкви и те же идеи о том, как можно осуществить такую Реформацию. Он ценил аскетическую жизнь; он страстно желал видеть монашеские ордена и светское духовенство строжайшим образом дисциплинированными; он испытывал глубокое восхищение Фомой Аквинским, и особенно той стороной учения великого Схоласта, которая отражала идеи св. Августина. Он настолько точно воспроизвел в своих собственных устремлениях желания испанских реформаторов, что кардинал Карвахаль, который с присущим его нации серьезным энтузиазмом выполнял донкихотскую задачу по представлению испанской реформации властям в Риме, пожелал взять его туда в качестве незаменимого помощника. Он также полностью сочувствовал темной стороне испанской реформации. Во время своего пребывания в Испании он стал одним из руководителей инквизиции и был решительно против любого ослабления строгостей Святой канцелярии. С Адрианом на кафедре Святого Петра император и лидеры Испанской церкви могли надеяться увидеть реформацию своего типа, принятую для лечения болезней, от которых страдала Церковь.

У нового папы не было недостатка в сочувствующих в Италии, когда он приступил к своей задаче по очистке авгиевых конюшен, не пропуская через них поток революции. Кардинал Карвахаль приветствовал его речью, в которой выразил свои собственные идеи, если это не понравилось его коллегам, от имени которых он должен был выступать. Ему был представлен мемориал, составленный Эджидио, генералом августинских отшельников, который практически воплощал в себе реформы, которые новый папа хотел видеть завершенными. [652] Его программа была столь же обширной, сколь и тщательной. Большую часть этого можно сравнить с реформами, изложенными в *Обращении Лютера к знати немецкой нации*. Он не одобрял то, каким образом *пребнды* были изъяты из фондов национальных Церквей для увеличения доходов римских кардиналов. Ему не нравилась вся система папских *оговорок, оскорблений, [653] исключений, ожиданий*, которые находились под опекой папы Иоанна XXII. превратил Курию в великолепную машину для сбора денег со всех уголков Западной Европы. [654] Он не одобрял систему поощрения заявителей обходить епископальные суды своих стран и сразу передавать свои дела в папский суд. Но каждая из этих реформ лишила бы нас источника дохода. Это означало, что сотни голодающих итальянских гуманистов лишатся своих пенсий и что столько же авторов будут пасквили на Святого отца, который намеревался отнять хлеб у своих детей. Это означало, что сотни церковных юристов, вложивших свои сбережения в покупку мест в курии, окажутся доведенными до нищеты. Это означало, что доходы Князей Церкви сократятся неисчислимым образом. Адриан решил показать таким людям, как реагировать на грядущие изменения. Он привез с собой в Рим свою старую экономку-фламандку-крестьянку, довольствовался простыми блюдами, которые она готовила для него, и вел жизнь отшельника в уголке своего огромного дворца на Ватиканском холме; но в данном случае пример казался не лучше наставления. Простодушному голландскому ученому казалось так просто реформировать Церковь; все было предусмотрено Каноническим правом, правила которого нужно было только ввести в действие. Его испанский опыт убедил его в возможности выполнения этой задачи. Но в Риме он обнаружил систему канцелярских правил, которые нельзя было отменить сразу; не было удобной инквизиции, организованной настолько, чтобы

убрать с его пути всех несогласных; не было светской власти, всегда готовой поддержать реформирующегося церковника.

С чего ему было начать? Вся практика индульгенций, по-видимому, больше всего нуждалась в реформе. Злоупотребления ею вызвали бурю в Германии. Изгнать их означало бы показать, насколько он серьезен. Он хорошо знал предмет. Он писал об этом и, следовательно, изучил его со всех сторон. При правильном понимании Индульгенции были драгоценными вещами. Они показали, как милосердный Бог уполномочил Свою Церковь заявлять, что Он даром прощает грехи; и, кроме того, они провозгласили, как никакое другое церковное правило, братство всех верующих, в рамках которого более сильный мог помогать более слабому, а более святой - более грешному, и все могли исполнять закон Христа, неся бремя друг друга. Только следовало помнить, что для каждого прощения требуется сердце, искренне раскаивающееся, и от грязного налета денег необходимо избавиться. Но — у бедного Адриана всегда было “но” — ему было показано, что папский двор не сможет расплачиваться без денег, которые так легко поступали от продажи индульгенций. Он был сбит с толку с самого начала; проверки, по большей части совершенно неожиданные, сводили на нет все усилия. Он был похож на человека из ночного кошмара, оказавшегося в зарослях терновника, где никакой рубящий удар не мог освободить его, одежда разорвана, конечности кровоточат, пока, наконец, он не упал обессиленный, приветствуя смерть, которая освободила его от невыполнимой задачи. Адриан был выдающимся мучеником Испанской реформации. История подробно остановилась на его неудачах; они были слишком очевидны. Оно высмеяло его простодушие, когда он отправил Чирегати в Германию с признанием, что Курия была источником большинства зол, которые окружают Средневековую церковь, и в то же время потребовало смерти Лютера, который был первым, кто показал этот факт таким образом, чтобы все люди могли это увидеть. Это мало что говорит об успехе, который пришел в свое время. Кьерегати не смог преодолеть глубоко укоренившуюся евангелическую реформацию в Германии. Но его миссия и честное заявление о том, что Курия была средоточием зла в Церкви, датируются началом реакции, подлинной романистической партии со смутным представлением о средневековых реформах. Это должно быть принято за отправную точку Контрреформации в Германии. Пример Адриана также во многом воодушевил немногих духовно настроенных церковников в Италии, и его последствия можно увидеть в возрождении рвения к очищению Церкви, возникшего во время понтификата Павла III.

ГЛАВА III.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ КАТОЛИКИ И ИХ КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМАЦИИ. [655]

§ 1. *Религиозное состояние Италии.*

Италия - это страна, которая после Испании является наиболее важной для Контрреформации. Хотя мы можем проследить в Испании и Германии определенную солидарность религиозных движений, духовные условия Италии в первой половине XVI века были столь же разнообразны, как и ее политические условия. Невозможно говорить об итальянцах в целом. Италия была страной Возрождения, но это великое интеллектуальное движение никогда не пускало глубоких корней в народе, как это было в Германии, Франции или Англии.

Итальянское крестьянство было классом, отличным от бюргеров, как нигде больше. Их религией обычно было тонко завуалированное язычество, вера в вездесущность духов, хороших и плохих, которых нужно отблагодарить, умиловать, задобрить или принудить с помощью чар, оберегов, заклинаний и церемоний. Боги их языческих предков были заменены местными святыми, и им поклонялись того же рода. Сражаться за свою веру никогда не было у них такой традицией, как у испанцев; их не беспокоило какое-либо постоянное чувство греховности, как у северных народов; но они испытывали сильный страх перед сверхъестественным, и их вера в священника, который мог встать между ними и ужасами невидимого, была безграничной. Доброта коснулась их, как и всех людей. Но безнравственность их религиозных наставников их не смущала; плохой священник обладал такими же могущественными чарами, как и хороший. Единственным видом христианства, которое, казалось, могло произвести на них впечатление и удержать их, было христианство Франциска Ассизского. Он был высшим воплощением христианского духа для итальянских крестьян; впечатление, которое он произвел на жителей полуострова, было непреходящим; странствующий проповедник-возрожденец, живший так, как жил Франциск, всегда производил глубочайшее впечатление. Иоанн Капистрано во многом был обязан своим могуществом тому факту, что он всегда оставался крестьянином из Абруцци. На протяжении всего периода Возрождения к крестьянству и духовенству, служившим в деревенских часовнях, вышестоящие относились с презрением, переросшим в ненависть. Мы можем тщетно искать во всей литературе того времени мысль о том, что следовало предпринять какие-либо попытки привести их к более глубокой вере и более чистой жизни. Считалось, что все крестьянское население Италии было ниже уровня стремления к чему-то лучшему, чем то, что давала религиозная жизнь того времени. [656]

Города представляли совершенно иную картину. Существовала солидарность, объединявшая все гражданское население. Обычное разделение по рангам, обусловленное большим или меньшим богатством или социальным положением, существовало, но оно не препятствовало общепринятому образу мышления. Мы можем проследить те же мысли у ремесленников, мелких лавочников, богатых торговцев и городских патрициев. Ни одна страна не представляла такого разнообразия местных характеров, как Италия; но жители Венеции или Флоренции, Милана, Неаполя, какими бы разными они ни были, все находились на одном духовном уровне. Они много думали о религии; они принимали близко к сердцу моральную деградацию Церкви и духовенства; они страстно желали увидеть какое-то улучшение, хотя бы в пределах их собственного города. Они были достаточно проникательны, чтобы приписать зло влиянию Римской курии, и их вера в безнадежность реформирования злого Двора придает их мыслям уныние, которое встречается в большинстве Хроник. Внешняя сторона религии была неразрывно связана с их городской жизнью. Гражданские правители всегда имели какое-то отношение к церквям, монастырям и другим церковным учреждениям в своих стенах. У них не было большого интереса к доктрине; чего они хотели, так это реального улучшения нравственной жизни духовенства и народа. Когда итальянский город был благословлен добрым и благочестивым епископом, трогательно видеть, как все население сплотилось вокруг него.

Когда мы обращаемся к выдающимся людям итальянского полуострова, чьи мнения сохранились в их трудах или переписке, мы обнаруживаем, прежде всего, большое разнообразие религиозных взглядов, общей чертой которых является неприкрытая

враждебность к Церкви в том виде, в каком она была тогда создана. Институт был необходимым злом, очень важным фактором в политической игре, бесполезным для религиозной жизни. Это чувство существовало почти повсеместно, как среди тех, кто просто поддерживал благопристойное отношение к существующим церковным институтам, так и среди тех, кто действительно верил в христианство и признавал его власть над своим разумом и жизнью. Папская курия угнетала их; они не надеялись на ее реформацию, и все же было мало надежды на возрождение религии с ее общественным богослужением и “таинствами”, если она не будет реформирована. Чувство безнадежности очевидно повсюду; глубочайшие духовные стремления и переживания должны были храниться как священные тайны сердца, и о них не следовало говорить. И все же труд Савонаролы не полностью сгорел в огне, сожгшем мученика, и более раннее послание Лютера нашло отклик во многих итальянских сердцах.

§ 2. Итальянские римско-католические реформаторы.

Нет никаких свидетельств сколь-либо широкого признания всего учения Лютера, мало ценится мысль о том, что Церковь может быть задумана как общение Бога с человеком, зависящее от непостижимого замысла Бога и независимое от всякой видимой внешней организации, нет никакой идеи о том, что Видимая Католическая Церковь существует единой и неделимой во множестве форм, в которых люди объединяются, чтобы слушать Слово и проявлять свою веру. Католическая церковь всегда была для этих благочестивых итальянцев великим историческим и внешним институтом со своей иерархией и ее видимым главой в лице римского епископа. Реформа Церкви означала для них реформирование этого института. До тех пор, пока им было отказано в этом, они всегда могли молиться в храме своих собственных душ и наслаждаться беседой друзей-единомышленников. Так возникли кружки благочестивых итальянцев, которые встречались, чтобы подбадривать друг друга и планировать восстановление религии в Церкви. Гуманизмложил свой отпечаток на всех них, и их объединения были названы академиями в честь платоновских академий раннего Возрождения. Первое возникло еще до смерти Льва X. — общества благочестивых мирян и прелатов, которые собирались в маленькой церкви Санти Сильвестро и Доротеи в Трастевере в Риме. Сподвижников было более пятидесяти человек, и все они отличались своей любовью к Новому Знанию, строгой чистотой своей жизни и преданностью теологии св. Августина. Члены были рассеяны после разграбления Рима (1527), но это *Красноречие о Божественной Любви* породило множество родственных ассоциаций, в рамках которых первоначальные члены нашли близкое по духу общество.

Самая важная из них нашла пристанище в Венеции. Ее самыми видными членами были Гаспаро Контарини, выдающийся сенатор, которого впоследствии побудили стать кардиналом. С ним были кардинал Караффа, уже подумывавший о выборе другого пути, и Грегорио Кортеше, тогдашний настоятель Сан-Джорджо Маджоре. Дружья встретились в прекрасном саду монастыря. В этом кругу, где гуманисты и церковники встречались для обмена мнениями о реформировании Церкви, были представлены все оттенки мнений. Чтобы участвовать в таком общении, Реджинальд Поул охотно проводил свои дни вдали от родной Англии. Кардинал Фрегозо, архиепископ Салерно, собрал вокруг себя такую же компанию в Генуе; а Гиберти, епископ Вероны, собрал друзей-единомышленников, чтобы обсудить возможности

реформации. В Модене и Падуе также были свои христианские академии. Нельзя забывать и о влиянии знатных, культурных и набожных дам.

Рене, герцогиня Феррарская и дочь Людовика XII Французского, приняла Реформацию во всей ее полноте и подчинилась руководству Кальвина. Она переписывалась с великим французом и с Буллингером. Она укрывала преследуемых итальянских протестантов или благополучно переправляла их в Швейцарию. [657] Но она видела хорошее везде, где его можно было найти. Ее письма, проникнутые христианским милосердием, напоминают читателю письма ее родственницы Маргариты Наваррской. Она была полна сочувствия к кругу мужчин и женщин, которые стремились к возрождению Италии; и интересно отметить, что гораздо более одаренная Виттория Колонна опиралась на женщину, чье духовное понимание было глубже, и чье сердце очистилось благодаря испытаниям, через которые ее заставило пройти решение в религиозных вопросах.

Катерина Кибо, племянница папы Климента, принцесса Камеринская, Элеонора Гонзага, герцогиня Урбинская, Джулия Гонзага из Неаполя и Виттория Колонна из Витербо и Рима, образовали круг высокоинтеллектуальных и глубоко набожных женщин, которые своими письмами и общением вдохновляли мужчин, работавших на возрождение Церкви в Италии.

Сеть их переписки охватывала Италию от Венеции до Неаполя и от Генуи до Камерино, а письма, которыми обменивались Маргарита Наваррская и Виттория Колонна, распространили влияние ассоциации за пределы полуострова. Корреспонденты, мужчины и женщины, считали себя группой товарищей, поклявшихся друг другу работать сообща ради реформирования Церкви и общества. Нелегко описать их цели, ибо по большей части они довольствовались смутными устремлениями; и у каждого из них были свои любимые пристрастия и антипатии. Невозможно усомниться в их серьезности, но это были люди благородного спокойного склада. В нем не было ничего от испанской экзальтации Терезы, от немецкой пылкости Лютера, от французской страсти, едва прикрытой логической точностью Кальвина. Все они восхищались святым Франциском, но в некотором смысле из сочувствия к простым людям, поскольку смотрели на аскетизм с легким удивлением и не стремились к *этому* типу подражания Христу. Виттория Колонна действительно нашла монастырь в Витербо приятным местом для отдыха на несколько недель. Иногда у нее вырывался вздох о том, что, возможно, все монахини были Мэри, выбравшими лучшую роль, но это было только тогда, когда она уставала от извращений непостижимого мира. Их переписка наводит на мысль об академии раннего итальянского Возрождения, где теория Идей уступила место доктринам Оправдания, а Послания святого Павла заняли место Диалогов Платона. В их образе мыслей есть налет дилетантизма, а в общении - привкус Салона восемнадцатого века. Они жаждали выступить посредниками между противоборствующими сторонами в религиозной борьбе, которая сотрясала Европу за Альпами и могла вторгнуться в Италию; но они были непригодны для этой задачи. Истину *с помощью средств массовой информации* могут найти только люди, которые видят обе стороны противоречия ясным видением мысли, а не люди, которые не воспринимают ни то, ни другое отчетливо. Садолето, например, заявил, что он видит много достойного восхищения в немецкой реформации, но то, что он одобряет, - это только внешние аспекты гуманизма, а не те элементы, которые сделали движение религиозным возрождением. Ему не нравился Лютер, но он очень уважал Буцера и Меланхтона. Действительно, итальянского кардинала можно назвать Меланхтоном романизма. Меланхтон, укоренившийся в протестантизме, чувствовал себя вынужденным из-за своей интеллектуальной симпатии и смирения поверить, что в романизме

есть что-то хорошее, и попытаться найти его; Садолето, укоренившийся в романизме, был склонен к некоторому сочувствию протестантскому богословию. Однако ему катастрофически не хватало точности мышления. Одна доктрина имела тенденцию незаметно перетекать в другую, даже в свою противоположность, под воздействием его анализа. Человек, который мог защищать и восхвалять аурikuлярную исповедь, потому что это был пример христианского смирения, и поклонение святому, потому что это было свидетельством бессмертия души, рисковал прослыть ничтожеством у протестантов и предателем у католиков. Такова была его судьба.

Одновременно с этими ответвлениями от *Ораторского искусства Божественной любви* среди некоторых монашеских орденов Италии началось возрождение, которое имело отчетливую связь с некоторыми членами вышеупомянутых ассоциаций.

Наиболее важным по своему влиянию на религиозную жизнь народа был орден капуцинов. Оно зародилось у Маттео де Грассиса, человека, не обладавшего интеллектуальными способностями, но наделенного большим, чем обычно, упрямством итальянского крестьянина. Он был умбрийцем, как и сам Франциск. Он принадлежал к району, где традиции великого средневекового возрожденца передавались от родителей к детям на протяжении поколений, и один из них настаивал на том, что святой Франциск носил капюшон с заостренным козырьком, а не закругленный, как было модно тогда среди монахов. Он заявил, что святой Франциск явился ему в видении и сказал, что братья ордена должны подчиняться его правилам “до последней буквы, до последней буквы, до последней буквы”. Он, например, решил повиноваться. Он отбросил округлый капюшон и надел один с заостренным козырьком. Крестьяне отказались признать новинку и прогнали его камнями; его братья спорили с ним и били кулаками; но Маттео не снимал своего остроконечного капюшона. Форма была ничем, но повеления Основателя были всем; Маттео скорее умер бы, чем надел округлую вещь, которая никогда не была освящена святым Франциском. Принцесса Катерина Кибо сжалась над преследуемым человеком и предоставила ему убежище в своем маленьком княжестве Камерино, где он спокойно носил свою остроконечную *капузу*. Вскоре он снова погрузился в неизвестность, из которой на мгновение вынырнул. Но среди францисканцев зародилась новая жизнь. Многие были недовольны распушенностью ордена и жаждали монашеской реформации. На протяжении всего Средневековья лозунгом каждого монашеского возрождения было: “Назад к правилам Основателя”. Остроконечный капюшон был мелочью, но это был символ возвращения к жесткой дисциплине Франциска. Люди слышали, что Камерино был убежищем для францисканцев, недовольных распушенностью начальства ордена, и постепенно они стекались в маленькое княжество. Виттория Колонна долго скорбела об упадке подлинной монашеской жизни; она уговорила свою подругу принцессу Катерину умолять своего дядю папу Римского разрешить ношение остроконечного капюшона, и постепенно появилось на свет новое ответвление францисканцев, названное капуцинами, которые возродили традиции святого Франциска и стали проповедовать по деревням на манер его прежних последователей. Франциск говорил своим ученикам остерегаться книг при произнесении своих проповедей; он советовал им разговаривать с женщинами, когда они стирают на итальянский манер у ручья, с каменщиками, когда они рубят, с ремесленниками за их работой, выяснять, в чем заключались их религиозные трудности, что мешало им стать настоящими христианами в своей жизни, а затем обсуждать то, что они услышали. Эта старая францисканская проповедь была восстановлена капуцинами, и они сделали больше, чем кто-либо другой, чтобы вернуть народ Италии к дискредитированной Церкви. Их обвинили в ереси.

Какой “реформации” у францисканцев не было? Их называли лютеранами; и значительная часть евангельского учения Лютера бессознательно излагалась в их проповедях; но они всегда могли процитировать святого Франциска за то, что они говорили; и кто мог оспорить то, чему учил Франциск?

Это монашеское возрождение затронуло простолюдинов; другое обратилось к образованным классам. Еще в 1504 году была предпринята попытка реорганизовать великий бенедиктинский орден, и ряд бенедиктинских аббатств объединились в Конгрегацию, которая вскоре после своего учреждения получила название бенедиктинского Материнского монастыря Монте-Кассино. Грегорио Кортеше, один из членов *Оратории Божественной любви*, присоединился к движению и, будучи настоятелем бенедиктинского монастыря на острове Лерина на Ривьере, а затем в монастыре Сан-Джорджо Маджоре в Венеции, привел своих монахов показать, что их монастыри являются центрами обучения, посвященными служению Церкви. Больше всего он интересовался историческими исследованиями с целью сохранения исторических традиций Церкви, которые начинали сотрясаться от исторической критики, находившейся тогда в зачаточном состоянии.

Улучшение положения светского духовенства было более важным для Церкви в Италии, чем любые реформы монашеских орденов. Попытку сделать это предприняли два члена *Оратории Божественной Любви*, Джованни Пьетро Караффа и Газтано да Тьене. Их идея заключалась в том, что в каждой епархии должна быть небольшая группа мужчин, выполняющих работу светского духовенства, но связанных монашескими обетами. Их идея была заимствована из практики Августина жить по-монашески с некоторыми из его духовенства; и реализовалась в ордене театинцев. Название произошло от Теате (Кьети), небольшого престола, епископом которого был Караффа. Эти избранные священнослужители должны были быть для епископа тем же, чем его штат для генерала. Театинцы не должны были быть многочисленными, тем более включать в себя все светское духовенство епархии; но они должны были побуждать наставлениями и, прежде всего, примером, к истинно церковной жизни. Идея распространилась, и подобные ассоциации возникли по всей Италии. [658]

Такие препараты в Италии для Контрреформации. Нет никаких перспектив никаких попыток, чтобы привести церковь в порядок, а папа Климент VII. жил. Он израсходовал всю свою энергию на то, чтобы помешать созыву Генерального собора — меры, на которую Карл V все больше и больше настаивал как на единственное средство положить конец религиозным спорам в Германии.

Восшествие на престол Павла III (1534), казалось, положило начало новой эре, полной надежд, для сторонников реформ в центре Римской церкви. Новый папа назначил кардиналами Гаспаро Контарини, Караффу, Садолето и Поула. Булла, которая осталась неопубликованной, была зачитана в Консистории (январь 1536 г.), в которой излагалась возможность реформирования курии. Папа назначил комиссию из девяти членов для составления отчета о необходимых реформах, и комиссия повсюду рассматривалась как своего рода предварительный совет, орган людей, которые были назначены для расследования и составления таблицы программы необходимых реформ, которая должна была быть представлена Генеральному совету. Уполномоченными были Контарини, Караффа, Гиберти, Садолето, Поул, Фрегосо, все из которых были членами *Оратории Божественной любви*, Алеандр, который был нунцием на сейме Вормса, и Томазо Бадиа, магистр Священного Дворца. Они встретились и составили

доклад, который был представлен Папе Римскому в 1537 году и известен как *Consilium delectorum cardinalium et aliorum praelatorum de emendanda ecclesia*. Едва ли можно было представить себе более язвительное обвинение в адрес состояния Римской церкви, равно как и более настоятельное заявление о необходимости радикальной реформации. Сама его тщательность приводила в замешательство. В нем было раскрыто так много скандалов, связанных с папством, что было решено не предавать это огласке. Но это было напечатано как частный документ; копия так или иначе попала в Германию; там ее сразу же переиздали с комментариями, показывающими, как сама папская комиссия обосновала все немецкие требования о реформировании Церкви. В Риме сохранялась видимость реформаторской деятельности. Контарини, Караффа, Алеандр и Бадиа были назначены для расследования работы тех департаментов курии, которые имели наибольшее отношение к злоупотреблениям, подробно описанным в отчете Комиссии девяти, — *Канцелярии, Архива и пенитенциарного учреждения*, где выдавались и регистрировались оговорки, разрешения, исключения и т.д. Они представили свой отчет осенью 1537 года. Он был озаглавлен *Consilium quattuor delectorum a Paulo III. super reformatione sanctæ Romanæ Ecclesiæ*. Но Контарини, очевидно, чувствовал, что на папу нужно надавить. Когда была назначена Комиссия из Девяти человек, папа созвал Генеральный совет в Мантуе в мае 1537 года Буллой, опубликованной 29 мая 1536 года, а также опубликовал Буллу о Реформации в сентябре того же года. Собор так и не собрался — помешала война между Карлом V и Франциском I. Затем Собор был созван в Виченце, но снова отложен. Император не желал созывать Генеральный собор в Италии, а папа был полон решимости не созывать его в Германии. В этих обстоятельствах Контарини опубликовал свою *Эпистолу о верховном понтифике в журнале usu clavium* и свою *Книгу О верховном понтифике в Compositionibus*. [659]

Историки расходятся во мнениях относительно искренности папы Павла III. в вопросе реформы есть место для двух мнений. Его итальянская политика была Антигабсбургской, и немецкие князья-романисты, во всяком случае, мало верили в его искренность и всерьез подумывали о том, чтобы последовать примеру Генриха VIII. Кардинал Мороне, нунций в Германии, не скрывал трудностей, связанных с положением тамошней католической церкви, и постоянно настаивал на проведении существенных реформ в Италии и необходимости созыва Генерального собора. Возможно, эти энергичные послания побудили папу к возобновлению деятельности в Риме, а также к необходимости выработки определенной политики в отношении лютеран за Альпами. В апреле (1540 г.) были назначены комиссии для реформирования определенных учреждений в курии — Роты, канцелярии и пенитенциарного учреждения. Были проведены консультации о том, как справиться с положением дел в Германии. На данный момент идеи более либерально настроенных итальянских реформаторов были на подъеме. Карл решил выяснить, невозможно ли воссоединить распавшуюся Церковь в Германии. Должны были состояться конференции с участием ведущих лютеранских теологов. Папа решил отвергнуть совет Фабера, епископа Вены, и воздержаться от вынесения суждения по ряду лютеранских положений, направленных ему на осуждение. Кардиналу Контарини, чье присутствие настоятельно требовал император, было разрешено пересечь Альпы, чтобы на совещании с видными лютеранами посмотреть, можно ли прийти к каким-то общим условиям соглашения, которые послужили бы программой для представления Генеральному совету, который, по общему мнению, должен быть созван в ближайшее время.

§3. Кардиналы Контарини и Караффа.

Эта миссия Контарини в Германию датируется разделением двух различных подходов к борьбе с реформационным движением. Эти два метода были воплощены в двух людях, кардиналах Контарини и Караффе. Они оба принадлежали к *Ораторскому искусству Божественной Любви*; они оба ревностно стремились к реформированию Церкви в смысле возрождения ее моральной и духовной жизни; они оба жаждали увидеть, как трещина, ставшая очевидной, будет устранена и Церковь снова воссоединится. Они полностью расходились во взглядах на средства, которые необходимо было использовать для достижения желаемой цели. Различия проистекали из разных характеров и подготовки двух лидеров.

Гаспаро Контарини принадлежал к древнему патрицианскому роду Венеции и большую часть своей жизни провел на службе Республике. На него смотрели как на самого способного и честного государственного деятеля. Он глубоко испил из источника Нового Учения, и все же его вряд ли можно назвать гуманистом. Он был студентом в Падуе, там изучал схоластическое богословие и научился ценить его по достоинству. Он получил образование венецианского государственного деятеля и придерживался политических идей средневековой юриспруденции. Весь круг средневековой мысли окружил его и овладел им. Христианский мир был одним великим государством и воплощал в себе три великие империалистические идеи — мирового короля, Императора; мирового священника, Папу Римского; царство освященной науки, схоластическую философию под руководством теологии, Королеву наук. Он придерживался этих трех концепций с широким кругозором и либеральностью. При Императоре было место для сообщества христианских государств, при Папе Римском — для братства национальных Церквей, при Схоластике — для Нового Образования и того, что оно принесло для обогащения разума человечества.

Эразм высмеивал схоластику; друг Контарини Кортесе называл это многословием; Лютер утверждал, что это звучит пусто, потому что в центре его было смутное вечное Нечто языческой философии, а не Отец, открывший Свое сердце в Иисусе Христе; но Контарини видел величие внушительного здания, верил в его прочность и не сделал бы ничего, чтобы разрушить его. Но это не помешало ему глубоко сочувствовать доктрине Лютера об оправдании верой и верить, что для нее и других протестантских концепций можно найти место в кругу средневековой теологической мысли. Он мало сочувствовал энтузиазму, который некоторые из его друзей — например, кардинал Поул — выражали по отношению к Платону. Аристотель был для него великим мастером-строителем человеческого систематического мышления; но Аристотель, которого он признавал Мастером, был не мудрецом, раскрытым в греческом тексте или комментариях (хотя он изучал и то, и другое), а Аристотелем, который околдовал Фому Аквинского и Альберта Великого. Он был твердо убежден, что епископ Рима был Главой Церкви и как таковой имел свое место в политической системе христианского мира, из которой он не мог быть удален без серьезной опасности для всей существующей системы общества; но он смотрел на Папу как на конституционного монарха, обязанного лично соблюдать церковные законы, навязанные его властью христианскому миру. Он полагал, что Лютер признавал это в своих более ранних трудах, и в этом признании заключались возможности перестройки, которая снова объединила бы христианский мир. С другой стороны, *Institutio* Кальвина наполняло его смесью восхищения и страха. Он признавал, что это была самая талантливая

книга, созданная протестантским движением; но мысль о христианской демократии, которой она была пронизана, акцент, который она придавала прохождению божественного замысла через века, и то, как она учила предвидению божественной благодати, были концепциями, принятие которых, по его мнению, было бы опасно для политического управления человечеством.

Он с самодовольством размышлял о том, что никогда не стремился к церковному положению или власти. Папа убедил его позволить сделать себя кардиналом, потому что Святой Престол нуждался в его служении. Он сознавал со своего рода гордым смирением, что его обычно почитали выдающимся итальянцем своего поколения, что восторженные друзья говорили о его учености и добродетелях как о “скорее божественных, чем человеческих”. Он гораздо больше думал о своем положении венецианского сенатора и доверенного советника Республики, конституцию которой он считал воплощением лучших политических принципов того времени, чем о своем месте при римском дворе. “Я, со своей стороны, по правде говоря, не думаю, что Красная шляпа - это моя высшая честь”, - имел обыкновение говорить он. Таков был лидер либерально настроенных римских католиков Италии, которого папа попросил и император настоятельно умолял посетить Германию и положить конец расколу своими убеждениями.

Караффа Джованни Пикчино, близкий друг, соперник и вытеснитель Контарини, принадлежал к одному из старейших дворянских родов Неаполя. Его дом был тесно связан с Церковью, и более ста лет его члены были архиепископами Неаполя, а некоторые стали кардиналами. Мальчик был предназначен для Церкви. Ребенком он мечтал уйти в монастырь и однажды намеревался присоединиться к доминиканцам. Однако у его семьи были на него другие взгляды. В восемнадцатилетнем возрасте его отправили к папскому двору, и вскоре он был почти обременен знаками отличия и должностями. Он получил высокое образование в Неаполе и с головой погрузился в Новые Знания. При гуманистических дворах Александра VI. и Юлия II. он изучал греческий и иврит и, кроме того, стал опытным богословом. В 1504 году, во многом против своей воли, он был рукоположен в епископа небольшой епархии Кьети (Теате), расположенной в дикой местности Абруцци, почти к востоку от Рима, на склонах от самых высоких отрогов Апеннин до Адриатического моря. Он обнаружил, что его народ деморализован постоянной враждой, а священники хуже своих прихожан. Караффа, полный решимости привести свою неуправляемую епархию к порядку, начал с убеждения; и, обнаружив, что это мало что дает, принудил людей и духовенство к чему-то вроде благопристойности повторными духовными порицаниями и жестко применяемыми отлучениями от церкви. Его методы разоблачили этого человека. Его таланты были слишком высокого порядка, а влияние семьи слишком велико, чтобы позволить ему задерживаться в своей нецивилизованной епархии. Он был направлен в качестве нунция в Англию, а оттуда в Испанию. Его визит в последнюю страну произвел неизгладимое впечатление на его сильную натуру. Его искренние просьбы о независимости его родного Неаполя были презрительно отклонены молодым королем Карлом, и свирепый неаполитанец преследовал императора с неугасимой ненавистью. Но что было еще важнее, его пребывание в Испании прониклось в него идеями испанской реформации. Он был слишком итальянцем и слишком сильно верил в верховенство папы, чтобы принять мысль о светском вмешательстве в дела Церкви, но за этим исключением испанский метод обновления Церкви завладел его сердцем и душой. Зародыши фанатизма, до сих пор дремавшие в нем, пробудились к жизни и с тех пор никогда не дремали. Он сочувствовал проектам Адриана VI. и был влиятельным человеком во время его короткого понтификата. Во время правления Климента VII. он мало участвовал в общественных делах, но

во всех попытках вдохнуть новую жизнь в монашеские ордена ему помогали. Он с некоторым подозрением относился к попытке примирить немцев, и результаты переговоров Контарини с протестантами в Регенсбурге наполнили его тревогой.

Попытка Контарини воссоединить Церковь путем примирения запоздала на двадцать лет. Сомнительно, чтобы кто-либо в Германии, кроме императора, сильно верил в объединяющее влияние конференции. Мороне, который в течение многих лет представлял Ватикан при дворе Фердинанда Австрийского и который постоянно убеждал папу созвать Генеральный совет, еще со времен Хагенау опасался, что конференции принесут протестантам больше пользы, чем католикам. Сам Контарини сказал, что для преодоления немецкого движения необходимы были не конференции и не дискуссии о доктрине, а реформа морали. Курия рассматривала его миссию как опасный эксперимент. Они связали ему руки так крепко, как только могли, его письмом с инструкциями: он должен был сообщить императору, что ни один легат, даже сам папа римский, пока он не проконсультируется с другими нациями, не может изменить доктрины Церкви в интересах немцев; он должен был сделать все возможное, чтобы предотвратить созыв Национального совета Германии. Он слышал из Парижа, что французские романисты считали, что он собирается предать Церковь еретикам. Никто не поощрял его, кроме круга его ближайших друзей. Люди, с которыми ему предстояло работать, кардинал де Гранвель и доктор Экк, с подозрением относились к нему и к его прошлому. Тем не менее его естественный и подтвержденный оптимизм подтолкнул его к выполнению этой задачи.

Ситуация, рассматриваемая широко и с точки зрения современника, который сам познакомился с теологией и устройством средневековой Церкви, была не такой безнадежной, как нам должно показаться, учитывая последующую историю, призванную просветить нас. Огромная масса средневековых доктрин оставалась некодифицированной. Они не были кодифицированы до Тридентского собора. Крайние претензии сторонников папского абсолютизма — претензии, которые можно кратко выразить фразой: Вселенская церковь сконцентрирована в Римской церкви, а Римская Церковь представлена Папой Римским, — которые использовались для подавления лютеранского движения на его самых ранних стадиях, были недавнего происхождения. Куриализм можно было бы представить почти таким же противоположным средневековой теории Церкви, как и все, что выдвигал Лютер. *Через средства массовой информации* существовала реальность, если бы ее только можно было обнаружить и определить. Расхожие мнения людей, которые были искренне привязаны к средневековой концепции Церкви с ее претензиями на католицизм, с ее доктринами, обычаями, церемониями и иерархией, едва ли могли быть представлены лучше, чем в заявлении, которое, как говорят, было сделано Карлом V. своей сестре Марии, его губернатору в Нидерландах:

“Случилось так, что в день бдения святого Иоанна Крестителя император устроил пир в саду. Теперь, когда королева Мария спросила его, что он думает делать с народом и с представленным Исповеданием (Аугсбургским), он ответил: "Дорогая сестра, когда я был назначен главой Священной Римской империи, до меня дошла большая жалоба на то, что люди, исповедующие это учение, были более злыми, чем дьявол. Но епископ Севильи дал мне совет, чтобы я не думал действовать тиранически, а выяснил, не противоречит ли это учение догматам христианской веры (Апостольскому символу веры). Этот совет понравился мне, и поэтому я обнаружил, что люди не такие дьявольские, как представлялось; и предметом спора являются не Двенадцать статей, а вопрос, лежащий вне их, который я

поэтому передал ученым. Если бы их доктрина противоречила Двенадцати статьям, я был бы склонен применить острое меча". "" [660]

Двенадцать статей, как назывался Апостольский символ Веры, всегда занимали особое положение в Западной Церкви. Считалось, что они содержат всю *теологию откровения*. Великие схоласты самых противоположных партий (как Фома Аквинский, так и Иоанн Дунс Скот) имели обыкновение выводить из Апостольского символа веры четырнадцать положений, семь о Боге и семь о Воплощении, и заявлять, что они содержат сумму богооткровенного богословия; все остальное было естественным богословием, по поводу которого люди могли расходиться во мнениях, не считаясь при этом отказавшимися от основ христианской веры. Карлу V сначала внушили, вероятно, благодаря настойчивым повторениям Алеандра, что Лютер отрицал некоторую часть этого богооткровенного богословия; он пришел к выводу, что его неправильно информировали; следовательно, были возможны переговоры и корректировки.

Такие люди, как Карл V и Контарини, могли искренне верить, что в том, что касается доктрины, может быть достигнут компромисс.

§ 4. Конференция в Регенсбурге.

Сейм открылся в Регенсбурге в феврале 1541 года. Император объяснил свою позицию и намерения. Он заявил, что самая важная задача, стоящая перед ними, - попытаться устранить религиозное разделение, которое разделяло Германию на две противоборствующие партии. Единственной обязанностью на этот час было попытаться прийти к единогласному решению по религиозным вопросам, и для достижения этого он предложил назвать несколько миролюбивых людей, которые могли бы вместе обсудить обсуждаемые вопросы. Граф Фредерик Пфальцкий, брат курфюрста, и кардинал де Гранвель были назначены президентами: трое явных протестантов, двое явных романистов и один, чье мнение вызывало сомнения, были заседателями; Экк, Гроппер и Пфлюг должны были поддержать сторону романистов, Меланхтон, Буцер и Писториус были ораторами от имени протестантов. Пожалуй, единственное имя, против которого можно было возразить, было имя Экка; о нем невозможно было думать как о мирном человеке. Всем руководил легат Контарини.

В ходе предварительных конференций было достигнуто взаимопонимание по некоторым практическим вопросам, что способствовало сохранению видимости единодушия. Считалось, что брак может быть разрешен духовенству, а чаша - мирянам в Германии; что папа может почитаться как предстоятель Церкви при условии четкого понимания того, что его положение не дает ему права постоянного вмешательства в дела национальных Церквей; что иерархия может быть сохранена, если епископальная юрисдикция будет осуществляться совместно викарием, назначенным епископом, и ученым мирянином, назначенным светской властью.

Задачей конференции было обсудить более глубокие богословские разногласия, которые, как предполагалось, должны были разделить две партии. Итак, на первых заседаниях делегаты начали рассматривать те вопросы, которые были связаны с мыслью об Оправдании.

Было решено, что в первоначальном состоянии человека не было различия между таинствами благодати и таинствами природы. Это заявление включало в себя отрицание различия между *dona supernaturalia* и *dona naturalia*, которое так часто проводилось в схоластическом

богословии и лежало в основе значительной части его пелагианских тенденций. Римские теологи недвусмысленно признали, что человек утратил свою изначальную свободу воли в результате Грехопадения — уступка, прямо противоречащая будущей декларации Тридентского собора. [661] Согласованное утверждение о происхождении греха было дано почти словами Аугсбургского исповедания и согласуется с ними. Доктрина о стойкости первородного греха едва ли отличается от утверждения Лютера, которое было осуждено в Булле *Exurge Domine* папы Льва X. [662] В обсуждениях и выводах по поводу этой первой главы доктрины были полностью подтверждены выводы протестантского богословия.

С обоснованием было сложнее. Два определения, предложенные теологами-романистами и Меланхтоном, были последовательно отвергнуты, а одно, предложенное, по словам самого Контарини, было принято после некоторого обсуждения. Оно было изложено языком, который лютеранские богословы не привыкли использовать. В нем были воплощены фразы, которые Поул, Контарини и другие либеральные итальянские католики придумали сами. Протестанты Германии, однако, не увидели в этом ничего, что противоречило бы их заветным идеям об Оправдании, и они с радостью приняли это определение. Неоднократно повторяемое утверждение о том, что благодать является бесплатным даром Божиим и не заслужена нашими делами, выражало их глубочайшую мысль и полностью исключало похвальный характер церковных добрых дел. Они казались скорее довольными, чем чем-либо иным, тем, что их мысли могут быть выражены языком, предложенным теологами-романистами. [663] Похоже, что Эк, соглашаясь с определением, хотел избежать его подписания, но был вынужден Гранвеллом вписать в документ свое имя. [664]

Тот факт, что члены конференции-католики и протестанты смогли прийти к согласию по статье об оправдании, вызвал большую радость среди друзей Контарини в Италии. Кардинал Поул был убежден, что все препятствия на пути воссоединения были устранены, и были оправданы самые экстравагантные ожидания. [665] Протестантские члены конференции были полностью удовлетворены достигнутыми результатами.

Затем конференция перешла к вопросам, затрагивающим организацию Церкви и богослужение.

К некоторому своему удивлению, протестанты обнаружили, что их оппоненты готовы принять их общую теорию о том, что подразумевается под Церковью и каковы ее отличительные характеристики. Христианское общество было определено без какой-либо ссылки на Папу Римского как на его постоянного главу на земле. Это вызвало сильное несогласие со стороны Рима, когда там стало известно это определение. Разногласия возникли, когда обсуждалась власть Церкви, и поскольку не было никакой перспективы достичь соглашения, было решено на время опустить эту статью. [666]

Вопрос о таинстве Святой Вечери вызвал разногласия, которые считались почти непреодолимыми. Это было неизбежно. Ибо здесь одно фундаментальное расхождение между новозаветной евангельской верой и средневековой религией нашло практическое выражение. Ничто не могло примирить евангельскую мысль о духовном священстве всех верующих с верой в посредническое священство, которое могло давать и могло утаивать Бога. Доктрины могли быть сформулированы в терминах, скрывающих это фундаментальное различие; протестантам можно было бы согласиться с определением Оправдания только верой; но любая мысль о

священническом чуде в Таинстве Святой Вечери должна была быть отвергнута одной стороной и поддержана другой.

Поначалу все шло достаточно гладко; было признано, что особые способы совершения Таинств безразличны, но всякий раз, когда возникал вопрос о Пресуществлении, дело заходило в тупик. Возможно, для несколько поверхностного подхода Контарини ко всему вопросу, стоящему на кону между двумя сторонами, было характерно то, что он никогда не касался более глубокого вопроса. Он обосновал свою просьбу о Пресуществлении на том основании, что важный символ веры, с которым так долго соглашались, не должен подвергаться сомнению. [667] Протестанты провели закрытую конференцию, на которой всех присутствующих богословов попросили высказать свое мнение по очереди. Там выступил Кальвин, остановившись на мысли, что Пресуществление подразумевает обожание, которое никогда нельзя признавать. Его твердость породила единодушие. Меланхтон составил их общее мнение, которое было передано в письменном виде Гранвеллу, который в резких выражениях отказался принять его, и конференция подошла к концу. Более сложные практические темы жертвенного характера Мессы и частных Месс не обсуждались. [668]

Эту конференцию в Регенсбурге можно почти назвать разделением путей. До 1525 года движение под руководством Лютера имело вид Реформации всей Церкви в Германии. С 1525 года и до даты проведения этой конференции всегда существовало ожидание, что лютеране, образовавшие территориальные Церкви, все же могут быть включены в общую Реформацию всей Немецкой церкви. Иоахим II Бранденбургский лелеял эту идею еще долго после 1541 года; а Карл V все еще верил, что то, чего нельзя достичь путем взаимного компромисса, может быть достигнуто с помощью посреднической веры, навязанной всем властью императора. Но компромисс в Ратисбоне провалился, и больше не было никакой надежды на его успех.

Решающий характер Регенсбургской конференции был замечен в Италии почти сразу. Его провал привел к уничтожению партии итальянских романистов, которые надеялись положить конец религиозной розни путем компромисса. Когда Контарини вернулся в Италию, он обнаружил, что его влияние исчезло. Он был вознагражден правительством Болоньи, которое удалило его из центра событий. Вскоре после этого он умер (24 августа 1542 г.), не оставив никого, кто мог бы занять его место. Гиберти пережил его всего на шестнадцать месяцев. Караффа становился все более и более отчужденным от своих первых друзей. Остались Садолето, Поул и Мороне, все они были людьми умными, но лишенными качеств, которые позволяют мужчинам быть лидерами в трудные времена. Поул дожил до того, чтобы искупить свой либерализм, выступив против преследований в Англии, а Мороун стал защитником ультрамонтанства на закрытии Тридентского собора. Концепция католической реформации исчезла; ее место заняла идея Контрреформации.

ГЛАВА IV.

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА И ОБЩЕСТВО ИИСУСА. [669]

§ 1. В Манресе.

Маленькая горная провинция Гипускоа, расположенная на берегу Бискайского залива, граничащая с Францией, была тем районом Испании, где родился один из величайших ее сыновей, Иньиго де Рекальде де Лойола, основатель Общества Иисуса. Башня, которая была фамильной резиденцией, все еще стоит, грубая и без окон, как шотландская пограничная крепость, украшенная только одним украшением - камнем над дверным проемом, на котором вырезан герб семьи — два волка в поисках добычи. Гипускоа никогда не был завоеван маврами, и его знать, бедная в своих бесплодных высокогорьях, хвасталась, что в их жилах течет самая голубая готская кровь. Рекальды принадлежали к старейшей знати округа и обладали высоко ценимой привилегией права личного вызова на коронацию королей Леона. Их младших сыновей принимали при дворе в качестве пажей, а затем и солдат; а молодой Иньиго был пажом при дворе Фердинанда. Он был хорошо образован для испанского дворянина; умел читать и писать; сочинял баллады; и мог иллюстрировать рукописи миниатюрами. Большую часть своего свободного времени он тратил на чтение рыцарских романов, которые тогда были очень популярны. Став старше, он стал солдатом, как и его старшие братья.

В 1521 году, когда ему было двадцать восемь лет (р. 1493), он был самым молодым офицером, командовавшим гарнизоном Пампелуны, которому было приказано противостоять объединенным силам вторгшихся французских войск и нескольких восставших испанцев. Враг появился перед этим местом в таком подавляющем количестве, что все, кроме самого молодого офицера, пожелали сдаться без борьбы. Красноречие Иньиго убедило гарнизон предпринять отчаянную оборону. Среди солдат не было священника; испанцы, по своему обычаю, исповедали друг друга и были готовы умереть на своих постах. Пуля попала в молодого офицера, когда он стоял в проломе, подбадривая своих людей. Его падение принесло победу осаждающим.

Выдающаяся храбрость Иньиго завоевала уважение его врагов. Они вытащили его из кучи трупов, под которой он был похоронен, и доставили в старый фамильный замок. Там его раздробленная нога была вправлена так плохо, что сделала его непригодным для карьеры солдата. Он дважды ломал его и дважды восстанавливал. Длительная пытка была бесполезна; он должен был поверить, что больше никогда не будет сражаться верхом. От мечты принять мужское участие в завоеваниях, которые, по мнению всех испанцев того времени, ожидали их страну, пришлось отказаться. Его тело было бесполезным бревном.

Но Иньиго был дворянином из баскских провинций и обладал, как вскоре выяснилось, в высшей степени характерными чертами своей расы — одновременно молчаливостью и энтузиазмом, богатым воображением и суровым практицизмом. Он сам записал, что, как только он убедился, что никогда не сможет стать выдающимся солдатом, он спросил себя, не мог бы он стать знаменитым святым, как Доминик или Франциск, и что вопрос возник не из духовных побуждений, а просто из решимости снискать славу перед смертью. Когда он лежал прикованный к постели, много думая и еще больше мечтая, ему вдруг пришло в голову, что никто не может стать святым, если он не живет очень близко к Богу, и что его жизнь не была такой. Он сразу же решил, что изменится; он будет питаться травами, как святой отшельник; он

отправится в Иерусалим как набожный паломник. Он говорит нам, что этот обет был самым ранним сознательным движением его души к Богу. Вскоре его награда пришла в виде первого откровения. Пресвятая Дева с Младенцем Иисусом на руках явилась ему во сне. Он проснулся, вскочил с постели, подполз к маленькому окну своей комнаты в башенке и выглянул наружу. Земля была темной, смутное переплетение черных теней; небеса представляли собой огромный свод темно-синего цвета, усыпанный бесчисленными звездами. Это зрелище было притчей во языцех и вдохновляло. “Как скучна земля, - воскликнул он, - как великолепны небеса!” Он чувствовал, что должен *сделать* что-нибудь, чтобы приблизиться к Богу. Он должен быть один в каком-нибудь святом месте, чтобы поразмыслить обо всем со своей собственной душой. Слуги его брата взвалили искалеченное тело некогда блестящего солдата на осла, одна нога которого была обута в сапог, раненая нога все еще была обмотана бинтами, а ступня обута в большую мягкую туфлю, и Иньиго покинул старый замок, полный решимости вести жизнь отшельника на Монсеррате, священном холме Арагона.

Там, в церкви Монсерратской Богоматери, он решил посвятить себя служению ей со всеми церемониями, предписанными в этом шедевре средневекового рыцарства “Амадис Галльский”. Он возложил руки на ее алтарь и всю долгую ночь, стоя или преклонив колени, нес свою вахту, посвящая свое рыцарское служение Пресвятой Деве. На рассвете он облачился в платье отшельника, отдал свое рыцарское облачение первому встречному нищему и, оседлав осла, отправился в доминиканский монастырь Манреса, уже не Иньиго Рекальде де Лойола, а просто Игнатий.

В Манресе он практиковал строжайший аскетизм, надеясь сердцем и душой стать пригодным для святой жизни, которой он хотел жить. Затем началось время неожиданного, болезненного и затяжного духовного конфликта, мало чем отличающегося от того, что пережил Лютер в Эрфуртском монастыре. Кем он был и какой была его прошлая жизнь, чтобы он мог самонадеянно думать, что Бог когда-нибудь примет его и причислит к Своим святым? Он неустанно пользовался всеми средневековыми средствами благодати; он исчерпал ресурсы исповедальни; он консультировался с одним духовным наставником за другим, не испытывая никакого облегчения от сомнений, которые терзали его душу. Весь церковный механизм помогал ему так же мало, как и Лютеру: он не мог дать покоя совести. Он официально заявил, что единственная реальная помощь, которую он получил в течение этого длительного периода душевных мук, исходила от пожилой женщины. Признание, вместо того чтобы успокоить его, скорее погрузило его в море невыносимых сомнений. Чтобы сделать свое покаяние тщательным, познать себя таким, каким он был на самом деле, он написал свое признание, чтобы увидеть свои грехи, смотрящие на него с исписанной страницы. Он постился до тех пор, пока его жизнь не оказалась в опасности; он молился семь раз и трижды в день бичевал себя, но не находил покоя. Он рассказывает нам, что часто громко взывал к Богу, взывая, что Он Сам должен помочь ему, ибо ни одно существо не могло принести ему утешения. “Никакая задача не была бы для него непосильной, - восклицал он, - если бы он только мог увидеть Бога”. “Покажи мне, Господи, где я могу найти Тебя; я последую за Тобой, как собака, если только смогу узнать путь спасения”. Его страдания побудили его к самоубийству. Не раз, по его словам, он открывал окно с намерением броситься вниз головой и покончить с собой прямо здесь и сейчас; но страх перед своими грехами и их последствиями удерживал его. Он читал о святом, который дал обет

поститься до тех пор, пока не удостоится Блаженного Видения, поэтому он общался у алтаря и постился целую неделю; но все закончилось суетой и томлением духа.

Затем, с внезапной уверенностью откровения, он решил положиться на милость Бога, чье многострадальное сострадание простило бы его грехи. Это был кризис. Наконец наступил мир, и началась его новая духовная жизнь. Он больше не думал о своем прошлом; он больше не упоминал о прежних грехах в своих признаниях; уверенность в прощении зародила в нем новую жизнь; он мог начать все сначала. Невозможно читать его высказывания, не поражаясь сходству между духовным опытом Игнатия и тем, что Лютер называет Оправданием верой; слова, использованные двумя великими религиозными лидерами, были разными, но опыт прощения, полученного путем отдачи себя на милость Божью, был одним и тем же.

Эта новая духовная жизнь была, как и в случае с Лютером, наполнена безграничной радостью. Медитация и самоанализ, которые когда-то были источником страданий, стали источником всепоглощающей радости. Игнатиус чувствовал, что делает успехи. “Бог, - говорит он, - относился ко мне как учитель к ученому; я не сомневаюсь, что Он всегда был со мной”. Многие исторические критики, начиная с Ранке, были поражены сходством опыта, через который прошли Лютер и Игнатий. Сразу же проявился один большой контраст. Скромный и тихий немец, когда в нем пробуждалась новая жизнь, ненавязчиво брался за выполнение обычных задач, которые ставила перед ним повседневная жизнь; пылкий и амбициозный испанец сразу же пытался покорить все тайны, взять их штурмом, как если бы они были осажденной крепостью.

У него были свои видения, как и прежде, но они больше не были искушениями сатаны, источником сомнений и пыток. Он верил, что действительно может видеть телесными глазами божественные тайны, которые разум не может постичь. После продолжительной молитвы, когда все способности сосредоточились в одном продолжительном взгляде, он почувствовал уверенность, что может *увидеть*, как на самом деле происходит таинство Пресуществления. В высший момент он увидел, как Христос в виде белого луча вошел в освященный хлеб и превратил его в Божественную Жертву (Воинство). Он заявил, что в припадках экзальтации самые непостижимые тайны теологии, Воплощение Господа нашего, Святая Троица, личность сатаны, были переведены в видимые символы, которые делали их ясно понятыми. Эти видения так очаровали его, что он начал записывать их простым способом для собственного удовлетворения и назидания.

Во всем этом тот, кто изучает религиозную жизнь Испании XVI века, узнает мистическую набожность, которая была тогда характерна для жителей полуострова. Испанский характер, изучаем ли мы его в рыцарских романах, созданных этой страной, или в написании ее религиозных руководств, был пропитан энтузиазмом. Оно было страстным, экзальтированным, всецело проникнутым и одержимым эмоциями, которые в то время доминировали в нем. Ни в одной стране национальные и религиозные чувства не были так прочно слиты и объединены. Длительные войны с маврами и их успешное завершение в завоевании Гренады сделали религию и патриотизм одним и тем же. Священники неизменно сопровождали войска в походах и шли с ними в бой. Считалось, что святой Иаков из Компостеллы путешествовал по стране, чтобы постоянно оказывать помощь солдатам, которые нападали на мавров, призывая его имя. Победа была отмечена торжественной процессией в честь Бога и Пресвятой Девы, предавшей врага в руки верующих. Эта напряженность испанского характера, этот темперамент,

отличающийся скорее силой, чем умеренностью, легко породили суеверия и пламенную набожность, и то и другое послужило плодородной почвой для экстравагантных проявлений мистицизма, которые затронули все слои общества. Государственные деятели, подобные Хименесу, не меньше, чем простые люди, находились под влиянием увещаний или предсказаний *битэ* — женщин, посвятивших себя религиозной жизни, формально не уходя в монастырь, - и вследствие этого изменили свою политику. Повсеместно считалось, что такие преданные, мужчины и женщины, могут быть озарены божественным светом и достичь состояния близкого общения с Богом, если не реального единения с Ним, отдаваясь молитве, воздерживаясь от всех мирских мыслей и действий и практикуя самый строгий аскетизм. Считалось, что те, кто достиг этого состояния мистического единения, получали во сне, трансе и экстазе видения божественных тайн.

Главы испанской инквизиции с серьезной тревогой относились к этому мистицизму, столь характерному для полуострова. Мысль о том, что ревностные верующие могут каким-либо личным путем достичь прямого общения, даже единения с Богом, помимо обычного церковного механизма, подрезала корни средневековой покаянной системы, которая всегда предполагала, что требуется посредничество священника. Если Бога можно встретить в тишине души верующего, то зачем нужен священник, который, согласно средневековым представлениям, всегда должен стоять между кающимся и Богом и своим действием брать руку веры и вкладывать ее в руку божественного всемогущества? Появились и другие опасности. Мистик утверждал, что черпал свои знания о божественных вещах непосредственно из того же источника, что и Церковь, и его откровения имели тот же авторитет. Это правда, что большинство испанских мистиков, таких как святая Тереза, обладали достаточным смирением, чтобы подчинить себя церковному руководству, но так было не со всеми. Некоторые пророки и пророчицы объявили себя независимыми, и эти *иллюминаты*, как их называли, распространяли недовольство и ересь. Следовательно, отношение инквизиции к мистикам всех мастей было подозрительно-настороженным. Святая Тереза, святой Хуан де ла Крус, сам Игнатий - все они были объектами недоверия и не снискали одобрения церкви до тех пор, пока не прошли долгий ряд испытаний.

Необходимо настаивать на том факте, что Игнатий имел глубоко укоренившуюся связь с испанскими мистиками. Его видения, его методы, сами *Духовные упражнения* не могут быть поняты без их тесной связи с тем мистицизмом, который был характерен для религии его страны и его эпохи.

Однако Игнатиус не был обычным Мистиком. То, что Терезе или Осуне казалось целым или концом, для него было лишь частью или средством к чему-то лучшему. В то время как он принимал дарованные ему видения и радовался им, он практиковал глубочайший самоанализ. Он наблюдал и анализировал настроения и состояния ума, при которых видения приходили наиболее легко или наоборот, и записывал их все. Он отметил позы и жесты тела, которые помогали или препятствовали восприятию видений или полезной медитации над тем, что было открыто. Он увидел, что может воспроизвести или, по крайней мере, облегчить возвращение своих видений, тренируя и овладевая своим умом и телом, а также подвергая их духовной тренировке, которую можно сравнить с упражнениями, используемыми для обучения солдата военному искусству. Из этих видений, самоанализа, сравнений, экспериментов, пережитых в уединении в Манресе, путем длительного процесса постепенного роста и совершенствования

возникли знаменитые *Духовные упражнения*, которые можно назвать душой контрреформации, поскольку книга Лютера о *Свободе христианина* содержит суть протестантизма.

Игнатий провел в Манресе почти год. Он достиг своей цели — обрести мир с Богом. Оставалось выполнить свой обет паломничества. Он отказался от своего одеяния отшельника, а вместе с ним и от своих аскетических обрядов; но он считал своим долгом отказаться от всего имущества и жить абсолютно бедно. Он оставил все деньги, которые у него были, на лавке и отправился пешком в Барселону, зарабатывая на жизнь попрошайничеством. Там ему дали билет до Венеции, а оттуда он отплыл в Святую Землю. Его энтузиазм и, прежде всего, его план начать миссию среди турок встревожили главу францисканцев в Иерусалиме, который настоял на отправке его обратно в Италию. Он прибыл в Барселону с твердым намерением продолжить такие исследования, которые позволили бы ему изучить теологию. Он никогда не изучал латынь, ворота ко всем богословским знаниям, и тридцатилетний мужчина поступил в школу и сел на скамейку с мальчиками. Оттуда он отправился в Алькалу и Саламанку и посещал занятия в этих городах. Прежде чем покинуть Манресу, он начал рассказывать другим о своих видениях и убеждать их подчиниться его *Упражнениям* в духовной практике. Несколько дам в Барселоне стали его преданными ученицами. В Алькале и Саламанке он пытался обратить новообращенных в свою систему. Церковные власти округов, опасаясь, что это новый вид опасного мистицизма, схватили его, и он дважды был заключен в тюрьму епископальной инквизицией. Вероятно, ему пришлось бы плохо, если бы не заступничество некоторых выдающихся дам, которые были его ученицами. Его тюремное заключение в обоих случаях было коротким, но ему было запрещено проводить различие между смертными и простительными грехами (что важно, если он действовал как духовный наставник), пока он не изучит теологию в течение четырех лет.

§ 2. Игнатий в Париже.

Повинуясь воинскому приказу, Игнатий решил учиться в Париже. Он добрался до города в начале 1528 года, ведя осла, нагруженного его книгами и одеждой. Естественно, он поступил в колледж Монтегю, который под руководством своего директора Ноэля Беды был самым ортодоксальным в Париже; но с его хорошо известной решимостью увидеть все самому и судить обо всем, он вскоре после этого получил разрешение проживать в колледже Ste. Барбе, один из самых либеральных, в котором Джордж Бьюкенен был тогда регентом. [670]

Его пребывание в Париже не могло не произвести глубокого впечатления на испанца средних лет, охваченного рвением поддерживать в мельчайших деталях старую религию и уничтожать ересь и непослушание. Им владели две страсти, обе в высшей степени испанские. Он мог бы сказать вместе со Святой Терезой, что ему так больно видеть, как несчастные лютеране, чье крещение сделало их членами Церкви, теряют себя, что, будь у него несколько жизней, он охотно отдал бы их, чтобы избавить только одну из них от ужасных мук, которые их ожидали; но он также верил, что для Бога дело чести отомстить за Себя тем, кто презирал Его слово, и что всем верующим надлежит быть орудиями мести Всемогущего.

Его острая практическая натура хорошо понимала религиозную ситуацию в Париже (городе и университете) и подсказала дело его жизни. Он видел силу римско-католической демократии лицом к лицу с Реформацией и то, до какой мощи она могла бы вырасти, если бы только была

организована и подчинена более чем военной дисциплине. Игнатиус был в Париже в те годы, когда бушевали партийные чувства.

Франциск I по вкусу и воспитанию был человеком эпохи Возрождения. Ему нравилось, когда его называли и он воображал себя покровителем литераторов. Он был настолько предан, насколько позволяла ему его эгоистичная, чувственная натура, своей сестре Маргарите д'Ангулем, и ради нее поддерживал таких реформаторов, как Лефевр и “группа Мо”. Он затаил обиду на Сорбонну и парламент Парижа за их попытки сорвать Конкордат 1516 года; в то же время он признавал силу, которой обладали эти два грозных объединения. Он был антисорбонистом, который боялся Сорбонны (великого теологического факультета Парижского университета) и не мог не демонстрировать свой страх. Он давно мечтал основать *Коллеж де Франс*, свободную ассоциацию образованных преподавателей, людей, которые могли бы внедрить Новое обучение и составить противовес Сорбонне, которая доминировала в Университете. Проект принимал множество форм и в полной мере осуществился лишь спустя много лет после правления Франциска; но самого начала было достаточно, чтобы воодушевить реформаторов и довести до ярости сторонников Сорбонны. Теологическим факультетом университета в то время руководил Ноэль Беда, человек без особых интеллектуальных способностей, который ненавидел все, что, казалось, угрожало средневековью. Беда, благодаря своему упорному мужеству, своей непоколебимой решимости, своей глубокой убежденности в своей правоте, был способен вести безжалостную войну против Нового Учения и любых проявлений религиозной реформы. Ему удавалось неоднократно мешать королю и не раз нападать на него через Маргариту, свою сестру. Вся его позиция и деятельность сделали его предшественником Романистической лиги двумя поколениями позже, и, подобно членам Лиги, он основывал свою власть на организации романистического фанатизма среди населения Парижа и среди студентов Сорбонны. Все это Лойола видел своими глазами во время своего пребывания в Париже. Он слышал, как студенты Сорбонны распевали свою свирепую песню:

“Prions tons le Roi de gloire
Qu’il confonde ces chiens maudicts,
Afin qu’il n’en soit plus mémoire,
Non plus que de vielz os pourris.
Au feu, au feu! c’est leur repére
Fais-en justice! Dieu l’a permys”;

и дерзкий ответ:

“La Sorbonne, la bigotte,
La Sorbonne se taira!
Son grand hoste, l’Aristote,
De la bande s’ostera!
Et son escot, quoi qu’il coste,
Jamais ne la soûlera!
La Sorbonne, la bigotte,
La Sorbonne se taira!

La sainte Esriture toute
Purement se preschera,
Et toute doctrine sotte
Des hommes on oublîra!
La Sorbonne, la bigotte,
La Sorbonne se taira!” [671]

Среди этой бурлящей толпы враждующих студентов и учителей шел Игнациус, молчаливый, бдительный, наблюдающий за всем. Он мало интересовался теологическими спекуляциями, будучи истинным и типичным испанцем. Доктрины средневекового богословия были просто военными приказами для его дисциплинированного ума; вещами, которым следовало подчиняться, независимо от того, понимались они или нет. Ересь была мятежом в рядах. Он обладал удивительной природной способностью проникать в души других и развивал и усиливал ее благодаря своим привычкам ежедневного самоанализа и записи всего, хорошего или плохого, что проходило через его собственную душу. О нем рассказывают, что в компании он говорил мало, но спокойно подмечал то, что говорили другие, и что он обладал безграничным талантом наблюдать и запоминать детали. [672] Он стремился изучить условия жизни и мышления за пределами Парижа и Франции, совершал поездки в Нидерланды и Англию, мало говорил, много думал, больше наблюдал. Все это время он завоевывал доверие сокурсников и прилагал для этого бесконечные усилия, взвешивая и проверяя их характер и способности. С некоторыми он играл на бильярде, оплачивал расходы других на учебу в колледже и медленно, терпеливо отбирал молодых людей, которых считал достойными посвятить в свои планы возрождения христианского мира и быть его сообщниками в дисциплине, которую *Упражнения* дали его собственной душе. [673]

В конце концов он выбрал небольшую группу из девяти учеников — Питера Фабера, Диего Лайнеза, Фрэнсиса Ксавье, Алонсо Сальмерона, Николаса Боабдилы, Саймона Родригеса, Поля Броэ, Клода Джея и Жана Кодура. Кодюр рано умер. Фабер, избранный первым, был савояром, сыном бедного крестьянина, с несгибаемой волей и пылким духовным воображением горца. Никто в группе не был более предан своему лидеру. Фрэнсис Ксавье, как и сам Лойола, принадлежал к древней баскской семье; никого не было труднее завоевать, чем этого гордого молодого испанца. Лайнес и Сальмерон были кастильцами, которые учились вместе с Игнатием в Алькале. Лайнес всегда был вундеркиндом в области образования, “молодым человеком с умом древнего мудреца”. Его тоже было трудно завоевать, потому что его натура была не из тех, которые легко разжигаются; но однажды покоренный, он стал самым важным членом группы. Сальмерон, его первый компаньон, был таким же порывистым и пылким, в какой Лайнес был хладнокровным и логичным. Он был красноречивым проповедником компании. Боабдила, тоже испанец, был человеком неугомонной энергии, которому требовалась строжайшая дисциплина, чтобы поддерживать связь со своими братьями. Португалец Родригес и Джей из Женевы были молодыми людьми с вкрадчивыми манерами и были будущими дипломатами в этой маленькой компании. Бро, флегматичный нидерландец среди этих пылких южан, вызывал у всех них расположение своей милой чистотой души.

Таковы были люди, которых Игнатий собрал вместе на праздник Вознесения Марии в 1534 году в церкви Святой Марии Монмартрской, находившейся тогда за стенами Парижа. Там они поклялись, что, если не помешают непреодолимые трудности, они вместе отправятся в

Палестину, чтобы трудиться на благо человечества. Если бы это стало невозможно, они попросили бы Папу освободить их от обета и посвятить себя любой работе на благо душ, к которой их прикажет Его Святейшество. Не было основано никакого ордена; не давалось никаких обетов бедности и послушания; молодые люди были группой студентов, которые смотрели друг на друга как на братьев и которые обещали оставить семью и друзей и, “не имея лишних денег”, работать вместе для возрождения Церкви. Фабер, уже в сане священника, отслужил мессу; компания пообедала вместе в церкви Святого Дениса. Таково было тихое начало того, что превратилось в Общество Иисуса.

Компаньоны расстались на сезон, чтобы снова встретиться в Венеции.

§ 3. Духовные упражнения.

Все девять помощников подчинились духовному руководству Игнатия и прошли подготовку, содержащуюся в *Духовных упражнениях*. Вполне вероятно, что это руководство по военной муштре для души не было доведено до совершенства на момент встречи на Монмартре (1534 г.), поскольку мы знаем, что Лойола работал над ним с 1522 по 1548 год, когда оно было одобрено папой Павлом III.; но, возможно, на данном этапе неплохо дать некоторый отчет об этой замечательной книге, которой было суждено привести к таким важным результатам для Контрреформации. [674]

Мысль о том, что духовные чувства и способности могут быть усилены и стимулированы постоянным повторением предписанного курса молитвы и медитации, не была новой. Немецкие мистики четырнадцатого века, не говоря уже о других, подвергали своих новообращенных подобной дисциплине, и эта практика не была чем-то необычным среди доминиканцев. Наиболее вероятно, что книга такого рода, “*Упражнения для души*” Гарсии де Сиснероса, настоятеля монастыря Монсеррат (1500), была изучена Игнатием, когда он был в Манресе. Но это нисколько не умаляет поразительной и уникальной оригинальности *Духовных упражнений*, они уникальны по плану, содержанию и предполагаемому результату. [675] Они были результатом длительной духовной борьбы Лойолы и его хладнокровного самоанализа собственной души в течение этих месяцев сомнений и страданий. Их очевидное намерение состоит в том, чтобы провести душу через длинный ряд переживаний, которые Лойола перенес без посторонней помощи, и привести ее к миру, который он обрел.

Общепризнано, что Игнатий всегда имел перед собой концепцию военной муштры. Он хотел дисциплинировать душу, как сержант-строевик формирует тело. *Упражнения* не являются секретными правилами для одиноких верующих, стремящихся подняться к общению с Богом по лестнице медитации. Необходим был проводник, *Мастер Упражнений*, который сам овладел всеми тонкостями метода и который, кроме того, должен был обладать настолько глубокими знаниями, насколько это было возможно, о деталях духовной силы и слабости своего ученика. Получить это знание было тем легче, что ученик должен быть побежден более чем наполовину, прежде чем его пригласят пройти упражнение. Он должен был подчиниться одному из отцов церкви на исповеди; ему нужно было дать понять абсолютную необходимость отдаться упражнениям всем сердцем и душой; он должен был пообещать абсолютное подчинение приказам директора; он должен был путем частой исповеди открывать тайники своей души и описывать самые тривиальные мысли, которые мелькают в ней; прежде всего, он должен приступить к своей длительной работе в состоянии живейшего ожидания пользы, которую можно извлечь из его добросовестного выполнения предписанных упражнений. [676] *Мастеру*

Упражнений предоставляется большая, хотя и строго ограниченная свобода действий в деталях тренировок, на которых он настаивает.

Курс обучения длится более четырех недель [677] (двадцать пять дней). Она включает длительные и подробные размышления на четыре великие темы: грех и совесть; земное Царство Христа; Страсти Иисуса; и Любовь Божья во Славе Воскресшего Господа. [678] Все это время ученик должен жить в абсолютном одиночестве. Ни зрелищу, ни звуку из мира жизни и действий нельзя позволять проникать в него и беспокоить его. Его призывают очистить свой разум от всех мыслей, кроме медитации, которой он занят; приложить все свои силы, чтобы сделать свой самоанализ ярким и беспрепятственное общение с Божеством.

Истинная медитация, согласно Игнатию, должна включать четыре вещи: подготовительную молитву; *praeludia*, или способы настройки ума и чувств, чтобы методично и ярко представить перед душой ученика какую—либо прошлую историческую сцену или воплощение доктрины; *puncta*, или определенные главы каждой медитации, на которых должны быть сосредоточены мысли и на которых должны индивидуально упражняться память, интеллект и воля; *коллоквиумы*, или экстатические беседы с Богом, без которых не предполагается никакая медитация. быть завершенным, и в котором ученик, положив перед собой распятие, разговаривает с Богом и слышит Его голос, отвечающий ему.

Когда изучается прогресс души в долгом духовном путешествии, в которое ее ведут во время этих медитаций, едва ли можно не заметить грубый материализм, который окружает ее на каждом шагу. Ученик должен *видеть* в зеркале своего воображения безграничное пламя ада и души, заключенные в горящие тела; *слышать* вопли, завывания и богохульства; *чувствовать* запах *серы и невыносимое зловоние*; *ощущать солоноватый привкус слез* и чувствовать [679] Когда сцена в Гефсиманском саду становится предметом размышления, он должен представить в *камере-обскуре* своего воображения сад, большой или маленький, увидеть окружающие его стены, смотреть и смотреть, пока не различит, где находится Христос, где спят апостолы, ощутит капли пота, прикоснется к одежде нашего Господа. [680] Когда он думает о Рождестве, он должен вызвать в воображении фигуры Иосифа, Марии, Младенца и *служанки*, услышать их домашний семейный разговор, увидеть, как они занимаются своей обычной работой. [681] Тот же грубый материализм окутывает размышления о доктринальных тайнах. Размышления о Воплощении почти по-детски ограничены представлением Трех Лиц Троицы, созерцающих широкую поверхность земли и людей, спешащих к гибели, затем решением, что Второе - это нисхождение для спасения; и беседой ангела Гавриила с Девой. [682]

Второй характеристикой этой схемы медитации является чрезвычайно ограниченный охват ее сферы. Внимание приковано к нескольким сценам из жизни Господа нашего и Девы Марии. Никакие уроки из Ветхого Завета не допускаются. Все богословские спекуляции строго исключены. Цель состоит в том, чтобы произвести сильное и концентрированное впечатление, которое никогда не сможет изгладиться, пока длится жизнь. Душа попеременно разрывается от ужаса и успокаивается видением райских наслаждений. “Задуманный эффект состоял в том, чтобы вызвать яркий и разнообразный гипнотический сон продолжительностью в двадцать пять дней, от влияния которого человек никогда не должен полностью освободиться”. [683]

Однако выдающейся особенностью *Упражнений* и *Справочника* является демонстрируемое ими мельчайшее знание телесных состояний и сопутствующих состояний духовного экстаза, а также постоянное, чтобы не сказать недобросовестное, использование физических средств для создания духовного самозабвения. Они овладевают душой, манипулируя телом. Это не значит, что самоанализу, честному и тщательному признанию грехов и слабостей перед лицом искушения нет места в длительном курсе дисциплины. Это подкрепляется инструкциями, которые служат для того, чтобы сделать его подробным, интенсивным, почти научным. Ученику предписывается проверять себя дважды в день, днем и вечером, и разъяснять себе каждый грех и неудачу, которыми была отмечена его повседневная жизнь. Его учат день за днем заносить их все в журнал, который с арифметической точностью покажет ему и его духовнику его моральное состояние. Но во время своего собственного периода духовной борьбы и депрессии в Манресе Игнатий, несмотря на душевные муки, разрывавшие его душу, отмечал телесные проявления своих духовных состояний; и он следовал тому же пути самоанализа, радуясь более поздним видениям Бога и Его благодати. *Упражнения* и *Справочник* полны подробных указаний относительно физических условий, которые Игнатиус на собственном опыте счел наиболее подходящими для различных предметов медитации. Старому буддийскому приверженцу было дано указание ввести себя в духовный транс с помощью простого гипнотического процесса созерцания собственного пупка; указания Игнатия гораздо сложнее. Яркий свет дня, неопределенность сумерек, ночная тьма - все это вынуждено служить; над некоторыми предметами следует размышлять, стоя неподвижно, над другими - во время хождения взад и вперед по камере, когда сидишь, когда стоишь на коленях, когда растянулся ничком на полу; над некоторыми следует медитировать, пока тело ослаблено постом, над другими вскоре после еды; особые часы, утро, вечер, середина ночи, отмечены как наиболее благоприятные для различных медитаций, и они варьируются в зависимости от возраста и пола ученика. Игнатий признает бесконечное разнообразие, присущее человеку, и прямо говорит, что общие правила подходят не для каждого случая. Поэтому *Специалисту по физическим упражнениям* предписывается изучать различные особенности своих пациентов и варьировать свою дисциплину в соответствии с их психическим и физическим состоянием.

Главным образом благодаря такому использованию состояний тела, воздействующих на разум, Игнатий смог пообещать своим последователям, что экстазы, которые до сих пор были особой привилегией немногих избранных святых, станут их собственными. Реформация сделала мир демократическим, а Контрреформация пригласила толпу разделить восторги и видения Святой Екатерины или Святой Терезы.

Сочетание четкого признания того факта, что физическое состояние может во многом определять так называемые духовные настроения, с использованием его для создания или стимулирования этих настроений, не может не вызывать вопросов. Легко понять мистика, который, не зная о таинственных способах воздействия тела на душу, может радоваться экстазам и трансам, вызванным бессонными ночами и длительным курсом голодания. Нетрудно понять человека, который, получив урок, с презрением отбрасывает все это жонглирование душой через тело. Но трудно понять, как кому-либо, кто с фатальной ясностью воспринимал работу механизма, могло прийти в голову, что истинное благочестие может быть создано такими механическими способами. Верить вместе с некоторыми в то, что целью Игнатия было просто поработить человечество, покорить их души, как великий военачальник мог бы управлять их жизнями, одновременно невозможно и невыносимо. Никто не может прочесть переписку Лойолы, не увидев, что этот человек был набожным и искренне мыслящим христианином и что

он страстно желал произвести настоящую моральную реформу среди своих современников. Возможно, ключ к разгадке этой трудности дается, если вспомнить, что Игнатий никогда не думал, что восторги и ужасы, вызванные его курсом упражнений, были самоцелью, как это делали более ранние мистики. Они были всего лишь средством для того, что последовало за этим. Игнатий всем сердцем и душой верил, что сутью всякой истинной религии является самое слепое подчинение тому, что он называл “истинной Супругой Христа и нашей Святой Матерью, то есть православной, католической и иерархической Церковью”. Мы слышали, как он во время страданий в Манресе восклицал: “Покажи мне, о Господь, где я могу найти Тебя; я последую за Тобой, как собака, если только узнаю путь спасения!” Он выполнил свой обет до последней буквы. Он никогда не вдавался в значение слов нашего Господа: “Отныне я не называю вас слугами... но друзья”; он не имел ни малейшего представления о том, что святой Павел называет “разумным служением” (λογικὴ λατρεία). Единственное послушание, которое он знал, было беспричинной покорностью, послушанием собаки. Он считал, что его самый настоящий долг заключался в отказе от своего разума и воли перед церковным руководством в слепом повиновении Церкви. Иногда забывают, как далеко зашел в этом Игнатий. Дело не в том, что он возлагает на всех христиан обязанность поддерживать каждую часть средневекового вероучения, средневековых обычаев, институтов и суеверий; или что философия святого Фомы Бонавентурского, Мастера Приговоров и “других недавних теологов” должна считаться такой же авторитетной, как и Священное Писание; [684] но “если Церковь объявляет вещь, которая кажется нам белой, черной, мы должны немедленно сказать, что это черная”. [685] Это было для него предел всякого совершенства; и он не нашел лучшего инструмента для его производства, чем длительное гипнотического транса, в котором *упражнений* вызвало.

§ 4. Игнатий в Италии.

В начале 1537 года десять партнеров оказались вместе в Венеции. Война между этой Республикой и турками помешала им думать о том, чтобы отправиться в Палестину; и они остались, находя утешение в общении с людьми, которые жаждали нравственного возрождения Церкви. Контарини много сделал для них; Виттория Колонна с величайшим сочувствием относилась к их проектам; Караффа лишь холодно смотрел на них. Ум Игнатия был тогда полон планов по улучшению морального тона общества и Церкви — ежедневная молитва в деревенских церквях, азартные игры, запрещенные законом; налогожникам священников запрещалось одеваться так, как одеваются честные женщины, и т.д.; Все это было близко к сердцу Контарини и Виттории.

После краткого пребывания в Венеции Игнатиус, Лайнез и Фабер отправились в Рим, где к ним присоединились остальные на пасхальной неделе (1538). Ни один понтифик не был так доступен, как Павел III, и у всех троих была аудиенция, на которой они рассказали о своих миссионерских проектах. Но это путешествие по Италии, очевидно, натолкнуло Игнатия и его спутников на новые идеи. Паломничество в Палестину было окончательно прекращено, деньги, собранные на путешествие, были возвращены жертвователям, и компаньоны вступили во владение заброшенным монастырем близ Виченцы, чтобы обсудить свое будущее. Эту конференцию можно назвать вторым этапом в формировании Ордена. Все они согласились принять несколько простых правил жизни: они должны были зарабатывать на жизнь попрошайничеством; они должны были ходить по двое, и один должен был всегда временно исполнять обязанности слуги другого; они должны были селиться в государственных больницах,

чтобы быть готовыми ухаживать за больными; и они поклялись, что их главной работой будет проповедовать тем, кто не ходит в церковь, и учить молодежь.

Итальянские города быстро увидели в своей среде проповедников нового типа, перенявших привычки хорошо известных популярных *импровизаторов*. Они стояли на тротуарах на углах улиц; они размахивали шляпами; они громко окликали прохожих. Когда собралась небольшая толпа, они начали свои проповеди. Они не проповедовали теологию. Они говорили о простых повелениях Бога, изложенных в Десяти Заповедях, и настаивали на том, что за все грехи следует наказание здесь или в будущей жизни. Они излагали предписания Церкви. Они описывали муки ада и радости рая. Собравшиеся толпы могли лишь частично понимать причудливую смесь итальянского и испанского, которую они слышали. Но на протяжении всего средневековья итальянское население всегда легко поддавалось влиянию страстных религиозных призывов, и "компаньоны" вызвали нечто вроде оживления среди городских масс.

Именно этот опыт заставил Игнатия принять решение об основании *Общества Иисуса*. В Италии это была эпоха военных компаний, и разум Игнатия всегда реагировал на все, что касалось солдатской жизни, Другие Ордена могли носить имена своих основателей; он решил, что его личность должна быть поглощена личностью его Распятого Господа. Мысль о новом Порядке пришла в голову его девяти товарищам. Они оставили свои проповеди и разными путями отправились в Рим, каждый из них размышлял над Конституцией, которая должна была быть составлена и представлена папе.

Партнеры быстро согласовали основные положения своего Устава. Кардинал Контарини, неизменный друг Лойолы, официально представил их папе. На аудиенции Игнатий объяснил свои проекты, представил проект Конституции предлагаемого нового Порядка, показал, каким должно быть ополчение, поклявшееся вести вечную войну против всех врагов папства, и что одной из данных клятв было: "Что члены будут посвящать свои жизни постоянному служению Христу и папам, будут сражаться под знаменем Креста и будут служить Господу и Римскому понтифику как Божьему наместнику на земле, таким образом, что они будут обязаны немедленно и без колебаний выполнять или оправдывать все, что правящий Понтифик или его преемники могут предписывать их для пользы душ или для распространения веры и должны делать это во всех провинциях, куда бы он их ни послал, среди турок или любых других неверных, в самые отдаленные уголки Индии, а также в области еретиков, раскольников или неверующих любого рода". Павел III. был впечатлен поддержкой, которую предложенный Орден окажет папству в трудное для него время. Сообщается, что он сказал, что распознал Дух Божий в предложениях, представленных ему, и он знал, что партнеры были популярны по всей Италии и среди жителей Рима. Но все подобные схемы должны были быть переданы комиссии из трех кардиналов для отчета, прежде чем могла быть дана официальная санкция.

Затем у Лойолы начались неприятности. Проницательные политики, которые руководили советами Ватикана, с подозрением относились к этому движению. Им не очень нравился испанский мистицизм, организованный как боевая сила; им не нравились огромные полномочия, которые были переданы в руки генерала "Роты"; они считали, что Церковь пострадала от увеличения числа Орденов; прошло восемь месяцев, прежде чем все эти трудности были устранены. Игнатиус официально заявил, что это были самые тяжелые месяцы в его жизни.

Во время их продолжительной аудиенции Павел III. признал великолепную эрудицию Лайнца и Фабера. Он нанял их, а несколько позже и Сальмерона, преподавателями теологии в Римском университете, где они завоевали блестящие отзывы. Игнатий тем временем занимался совершенствованием своих *Упражнений*, объясняя их влиятельным людям и побуждая многих испытать их воздействие на свои собственные души. Контарини попросил и получил копию MS. Доктор Ортис, посол Карла V. в Риме, подчинился дисциплине и стал ее горячим сторонником. “Именно тогда, ” говорит Игнатий, “ я впервые завоевал расположение и уважение ученых и влиятельных людей”. Но оппозиция была сильной. Старые обвинения в ереси были возобновлены. Игнатий потребовал личной аудиенции у папы Римского, и его допустили к ней. Он описал эту встречу в одном из своих писем. [686] Он беседовал с Его Святейшеством более часа в его отдельной комнате; он объяснил взгляды и намерения себя и своих товарищей; он рассказал, как его несколько раз обвиняли в ереси в Испании и Париже, как он даже был заключен в тюрьму в Алькале и Саламанке, и что в каждом случае тщательное расследование подтверждало его невиновность; он сказал, что знает, что люди, желающие проповедовать, несут большую ответственность перед Богом и людьми и что они должны быть свободны от всякого налета ошибочной доктрины; и он умолял Папу тщательно изучить и испытать его. [687] 27 сентября 1540 г. была опубликована Булла *Regimini militantis ecclesiae* was published, and the *Company of Jesus* Студенческий отряд Монмартра, ассоциация проповедников-возрожденцев Виченцы, стали новым Орденом, священным ополчением, поклявшимся сражаться за папство против всех его противников везде и любой ценой. В Булле число членов Труппы было ограничено шестьюдесятью, неизвестно, в качестве уступки оппонентам или в соответствии с пожеланиями Игнатия. Возможно, это было вызвано последней причиной. Во времена его наибольшей популярности число полноправных членов никогда не было очень большим — не более одного процента от тех, кто носит это имя. [688] Ограничение, по каким бы мотивам оно ни было введено, было снято второй Буллой, *Injunctum nobis*, датированной 14 марта 1543 года.

§ 5. Общество Иисуса.

4 апреля 1541 года шесть из десяти первоначальных членов Ордена (четверо отсутствовали в Риме) встретились, чтобы избрать своего Генерала; трое из тех, кто находился на расстоянии, прислали свои голоса в письменной форме; Игнатий был выбран единогласно. Он отказался от этой чести и был вновь избран 7 апреля. Он уступил, и 22 апреля (1541 г.) принял обеты своих единомышленников в церкви *Сан-Паоло фуори-ле-мура*.

Новый Орден сразу же приобрел известность; многие стремились присоединиться к нему, и Игнациус оказался вынужден принять больше членов, чем ему хотелось. Он чувствовал, что чем больше увеличивается численность его Общества и чем шире сфера его деятельности, тем острее потребность в строгой системе законов для управления им. Все другие монашеские ордена имели свои правила, в которых излагались обязанности членов, образ их совместной жизни и выражались общие чувства, которые связывали их друг с другом. Общество Иисуса, которое с самого начала предполагалось поддерживать строгую военную дисциплину и члены которого должны были быть просто зависимыми единицами в огромной машине, управляемой человеком, избранным их Генералом, нуждалось в таких правилах даже больше, чем в каких-либо других. Поэтому Игнатий принялся за работу над Конституцией. Все, что мы знаем о первой Конституции, представленной десятью первоначальными членами во время аудиенции у папы Павла III, содержится в Булле об учреждении, и очевидно, что она была несколько расплывчатой. Однако он содержал четыре особенности, возможно, пять, если включить

четвертый обет особого послушания Папе Римскому, которые были новыми. Рота должна была стать боевым орденом, священным ополчением; она должна была работать на распространение веры, особенно путем воспитания молодежи; члены Роты не должны были носить никакой особой одежды, а власть, переданная в руки генерала, была намного большей, чем та, которая была разрешена главам любого другого монашеского ордена. В то же время на власть генерала были наложены конституционные ограничения, аналогичные таковым в других Орденах. Должен был быть созван совет, состоящий из большинства членов, с которым генералу было приказано консультироваться по всем важным вопросам; а в менее важных вопросах он был обязан прислушиваться к совету ближайших к нему братьев. Предлагаемые изменения, направленные на освобождение генерала от этих ограничений, были внесены в Буллы, *Licet debitum pastoralis officii* (18 октября 1549 г.) и *Exposcit pastoralis officii* (21 июля 1550 г.); но сами Буллы ясно дают понять, что Конституция даже тогда не приняла окончательной формы. Вполне вероятно, что законченная Конституция, составленная Игнатием, была передана Обществу только после его смерти.

То, как он подходил к работе, было характерно для этого человека, одновременно сурово практичного и безумно дальновидного. Сначала он занялся подготовкой к началу образовательной работы, которую Компания взяла на себя; он разделил членов своего Общества на различные классы; [689] а затем он обратился к Конституции. Он попросил четырех своих первоначальных компаньонов, Лайнеса, Сальмерона, Брозта и Джея, все из которых находились в Риме, тщательно проанализировать все обещания, которые были даны Папе, или то, что могло в них подразумеваться, и на основе этого материала составить проект Конституции. Он дал им только одно направление, которым они могли бы руководствоваться в своей работе: они должны были следить за тем, чтобы не было зафиксировано ничего такого, что могло бы означать, что изменение правил Компании в будущем было бы смертным грехом. Основная цель его Компании отличалась от целей всех других Заказов. Оно не должно было состоять из обществ людей, живших от мира сего ради спасения собственных душ, как это делали бенедиктинцы; оно не было создано просто как ассоциация проповедников, как доминиканцы; это было нечто большее, чем братство любви, как у францисканцев. Ей было суждено помогать ближним всеми возможными способами; а под ближними Игнатий подразумевал послушных детей католической иерархической Церкви. Это означало сражаться с врагами Божьего Наместника на земле любым доступным оружием. Правила других Орденов мало чем могли ему помочь. Он должен был все продумать сам. В течение этих месяцев и лет Игнатий вел дневник, в который он заносил, как в гроссбух, свое душевное настроение, мысли, которые в нем возникали, видения, которые он видел, и часы, в которые они приходили к нему. [690] Он мучительно обдумывал все возможные проблемы, связанные с устройством его Компании. Ему потребовался месяц размышлений, прежде чем он понял, как определить отношение Общества к собственности. Каждое решение приходило к нему в мгновение ока, как откровение, обычно за короткий час до мессы. Однажды, по его словам, это произошло “на улице, когда я возвращался от кардинала Карпи”. Именно таким образом Конституция росла под его руками, и он верил, что и она, и *Упражнения* были основаны на прямых откровениях от Бога.

Это была Конституция, которая была представлена Лайнесом ассамблее, которая избрала его преемником Лойолы (2 июля 1558 года). Новый генерал добавил свой собственный комментарий или *Директорию*, которая также была принята. Это получило папскую санкцию при Пии IV.

В этой Конституции Общество Иисуса было раскрыто как тщательно продуманная иерархия, восходящая от новичков к схоластам, Помощникам, Исповедующим Четыре Обета, с Генералом во главе, автократом, контролирующим каждую, даже мельчайшую, часть великой машины. Номинально он был связан Конституцией, но внутренним принципом этой сложной системы законов была очевидная неизменность типа, подкрепленная крайней небрежностью на практике. Наиболее устойчивые принципы Конституции были разъяснены в *Директории*, причем с помощью такого сложного лабиринта исключений, что это не оказалось препятствием для воли генерала. Он стоял, положив руку на рычаг, и мог делать все, что ему заблагорассудится, с огромной машиной, которая всеми своими частями реагировала на малейшее его прикосновение. Он обладал почти неограниченной властью “отказываться от формальностей, освобождать от обязательств, сокращать и удлинять периоды посвящения, задерживать или продвигать члена в его карьере”. Каждый член Общества был обязан подчиняться своим непосредственным начальникам, как если бы они стояли за него на месте Христа, и это в той мере, в какой он делал то, что считал неправильным, верил, что черное - это белое, если такова воля генерала. Генерал проживал в Риме, держа в своих руках все нити сложных дел Общества, получая подробные отчеты о тайной и личной истории каждого из его членов, общаясь по своему усмотрению как с высшими, так и с низшими из своих подчиненных.

Однако у генерала иезуитов, как и у венецианского дожа, руки были связаны неуловимо мощными, хотя и почти невидимыми оковами. Каждый час дня и ночи он находился под наблюдением пяти присягнувших шпионов, специально назначенных для того, чтобы помешать ему изменить типаж или пренебречь интересами Ордена. Первый из этих чиновников, по имени Администратор, который часто был также духовником генерала, призывал его к послушанию и напоминал ему, что он должен делать все во славу Божью. Послушание и слава Божья, по иезуитской фразеологии, означали поддержание Компании. Остальные четверо именовались Помощниками. В их ведении находились дела главных провинций: один надзирал за Индией, другой - за Португалией и Испанией, третий - за Францией и Германией, четвертый - за Италией и Сицилией. Вместе с Администратором Помощники назначались Генеральной конгрегацией (собранием Исповедующих Четыре Обета) и не могли быть смещены или заменены без ее санкции. В их обязанности входило регулировать повседневную жизнь генерала, контролировать его личные расходы в тех масштабах, которые они определяли, предписывать, что он должен есть и пить, назначать часы для сна, религиозных упражнений и ведения общественных дел.... Таким образом, Общество Иисуса было основано на системе взаимного и повсеместного шпионажа. Новичку при поступлении регистрировались все его поступки, привычки и личные качества. По мере продвижения по службе его окружали ревнивые собраты, которые считали своим долгом сообщать о малейшей его слабости вышестоящему начальству. За вышестоящими наблюдали друг за другом и подчиненные. Массы секретной информации хлынули в секретный кабинет генерала; и сам генерал ел, спал, молился, работал и двигался под пристальным взглядом десяти бдительных глаз”. [691]

Историки не замедлили указать на зло, которое это Общество принесло в мир, на его чисто политические цели, на мирскую суетность, которая заглушила его духовную жизнь, и на деградацию нравственности, которая имела столь большое отношение к подрыву этической жизни семнадцатого и восемнадцатого веков. Часто говорят, что хладнокровный Лайнез ответственен за большую часть зла, и что перемены могут быть связаны с его командованием. Кажется, что между мистиком из Манресы, проповедником возрождения из Виченцы,

подлинной домашней миссионерской работой в Риме и проницательной, безжалостной мирской политической работой Общества пролегла огромная пропасть. И все же почти все изменения можно проследить до одного корня - концепции, которой придерживался Игнатий о том, что подразумевалось под истинной религией. Для него это было от начала до конца неразумным, слепым повиновением диктату католической иерархической церкви. Именно это отравило те самые добродетели, которые придавали намерениям Лойолы силу, и с самого начала внесло бесчеловечный элемент.

Он отправился в путь с благородной мыслью, что будет трудиться на благо своих собратьев; но его представление о религии сузило его кругозор. Его представление о “ближнем” никогда не выходило за рамки мысли о том, кто полностью повиновался римскому понтифику — все остальные были настолько же вне сферы братства человечества, насколько последователи Магомета были для первых крестоносцев. Готфрид Бульонский был одновременно набожен и мягкосердечен, и все же, когда он, завоеватель, въезжал в Иерусалим по улице, заваленной трупами убитых мусульман, он увидел младенца, извивающегося на груди своей мертвой матери, и, наклонившись в седле, схватил его за лодыжку и ударил головой о стену. Для Игнатия, как и для Годфри, все вне католической и иерархической Церкви были не людьми, а волками.

Он был преисполнен героической концепции, что его Компания должна помогать своим братьям во всех сферах земной жизни, а политика вытесняла все другие соображения, ибо она включала сферы, в которых протекает вся человеческая жизнь. Таким образом, хотя он предпочитал для себя общество ученых и набожных людей, его острый баскский ум вскоре осознал их ограниченность, и историк-иезуит Орландино сообщает нам, что Игнатий отбирал членов своей Компании из людей, которые знали мир и занимали хорошее социальное положение. Он совершенно справедливо запрещал безумства аскетического благочестия, когда дисциплина *Упражнений* была достигнута; это повторялось только тогда, когда энергия ослабевала или появлялись симптомы неподчинения. Затем генерал заказал второе блюдо, как врач отправляет пациента лечиться на какой-нибудь водопой. Конституция предписывает, что новичков следует искать среди тех, кто обладает приятной внешностью, хорошей памятью, покладистым характером, быстрой наблюдательностью и свободен от всякой нескромной набожности. Общество, созданное для борьбы с Ренессансом, а также с протестантизмом, позаимствовало у своего врага идею общей культуры, тренирующей каждую часть ума и тела и превращающей обладателя в светского человека.

Никто не может читать письма Игнатиуса, не увидев тот запас врожденной нежности, который был в суровом испанском солдате. То, что это было не просто чувство, проявляется во многих отношениях, и ни в чем другом в большей степени, чем в его бесконечной жалости к толпам падших женщин в Риме и в его мудрых методах спасательной работы. Именно эта нежность привела его к величайшей ошибке. Он считал, что никто не может быть спасен, если не был доведен до состояния смиренного послушания иерархической Церкви; что такое послушание - единственная почва, на которой могут быть посажены и произрасти истинные добродетели. Более того, он верил, что способ, которым “обычного человека” можно полностью приучить к этому послушанию, лежит через исповедальню и дирекцию, и поэтому никого не следует пугать чрезмерной строгостью исповеди или доверия к своему директору. В своем стремлении обеспечить эти неоценимые блага как можно большему числу людей он снова и снова призывал членов своего Общества быть очень осторожными, приходя к выводу, что любой из их

кающихся был виновен в смертном грехе. Таково было почти невинное начало той иезуитской казуистики, которая в конце концов почти исключила возможность совершения смертного греха любым, кто заявлял о послушании, и послужила поводом для нечестивого описания отца Бони, знаменитого французского режиссера: “Бони должен совершить грешный мир по определению”.

Организованное таким образом общество почти сразу стало могущественным. Оно быстро развивалось в Италии. Лайнца отправили в Венецию, где он боролся с дремлющим протестантизмом там, в Брешии и в Валь-Теллине. Джей был отправлен в Феррару, чтобы противодействовать влиянию Рене Французской, ее герцогини. Сальмерон отправился в Неаполь и на Сицилию. Главные итальянские города приветствовали членов нового Ордена. Благородные и набожные дамы оказали свою помощь. Были открыты колледжи; школы, где образование было не просто бесплатным, но и превосходило то, что давалось обычно, вскоре были переполнены учениками. Центром и оплотом Компании оставался Рим.

Португалия была завоевана сразу. Ксавье и Родригес были отправлены туда. Они одержали победу над королем Иоанном, и он быстро стал их послушным учеником. Он передал в их руки свой новый университет в Коимбре, и преподаватели-гуманисты, в том числе Джордж Бьюкенен, были преследуемы и рассеяны, а на их место пришли профессора-иезуиты.

Завоевать Испанию было труднее. Эта земля была оплотом доминиканцев на протяжении поколений; и они не желали допускать никаких вторжений. Но новый Порядок вскоре завоевал популярность. Он был присущ здешней почве. Своими корнями он уходил в тот мистицизм, который пронизывал весь полуостров. Игнатий обратил в свою веру одного выдающегося новообращенного, Франциска Борджиа, герцога Кандии и вице-короля Каталонии. Он передал в их руки основанный им университет. Он вступил в Орден и стал третьим генералом. Его влияние уравнило подозрения Карла V., который недолго любил присягнувших ватикану рабов, и вскоре они прочно овладели народом.

Во Франции их продвижение было медленным. Университет и *парламент* Парижа выступили против них, а Сорбонна сделала торжественное заявление против их доктрины. Тем не менее, они смогли основать колледжи в Сент-Омере, Дуэ и Реймсе.

Игнатий с самого начала положил глаз на Германию. Он стремился бороться с ересью на земле, где она зародилась. Боабдилла, Фабер и Джей были немедленно отправлены туда. Боабдилла завоевал доверие Вильгельма, герцога Баварского; Джей втерся в доверие к Фердинанду Австрийскому, а Фабер выполнил самую важную работу из трех, завоевав для Общества Петруса Канисиуса. Он был сыном патриция из Нимвегена, обучался гуманистическим знаниям, испытывал внутреннюю симпатию к христианскому мистицизму Таулера, но при этом был непоколебим в своей приверженности теологии средневековой церкви. Вскоре Фабер осознал собственные недостатки в работе, которую предстояло выполнить в Германии. Его первое выступление состоялось на Религиозной конференции в Вормсе, где он оказался лицом к лицу с Кальвином и Меланктоном, и где его коллеги, Экк и Кохлей, несколько устыдились его. Восторженному савояру не хватало почти всего для того положения, в которое он по приказу своего генерала поставил себя. С тех пор он скитался по тем частям Германии, которые остались верны Риму, в поисках отдельных новообращенных к принципам Общества и, прежде всего, кого-нибудь, кто обладал талантами для той работы, которую Игнатий надеялся выполнить в этой стране. Несколько интересно отметить, что почти все немецкие католики,

которых он привлек в новый Орден, были людьми, имевшими склонность к мистикам четырнадцатого века — такими людьми, как Джерард Хаммонд, приор кельнского ордена картузианцев. Фабер поймал Канисиуса с помощью его Мистицизма. Он встретился с ним в Майнце, объяснил ему *Духовные упражнения*, побудил молодого человека пройти курс дисциплины, который они предписывали, и завоевал его для "Лойолы и компании". "Это тот человек, — писал Фабер Игнатию, - которого я искал, если только он человек, а не ангел Господень".

Игнатиус быстро оценил ценность новобранца. Он понял, что тот не из тех, кого можно долго удерживать в низших рядах Компании, и предоставил ему больше свободы действий, чем тот позволял своим старейшим товарищам. Фабер посылал ему печальные отчеты о состоянии дел в Германии. "Не неправильное толкование Священного Писания, " писал он, " не благовидные доводы, не лютеране с их проповедями и убеждениями привели к тому, что Римская церковь потеряла так много провинций и городов, а скандальная жизнь служителей религии". Он чувствовал свою беспомощность. Он был иностранцем, а немцы не любили чужаков. Он не мог говорить на их языке, и его латынь давала ему очень ограниченную аудиторию. Люди и священники смотрели на него как на шпиона, посланного сообщить в Рим об их слабостях. Когда он рассуждал об *Упражнениях* пытался побудить людей попробовать их, его обвинили в том, что он призывает к "новой религии". Когда он попытался создать студенческие ассоциации в связи с Компанией, было сказано, что он настаивал на создании "конвентиков" вне церковных постановлений. Но присоединение Канисиуса все изменило. Он был немцем, одним из них; его ортодоксальность не вызывала сомнений; он был выдающимся ученым, самым выдающимся из молодых магистров Кельнского университета, лидером среди его самых многообещающих студентов. Под его руководством студенческие объединения окрепли; по его примеру молодые люди предлагали себя для выполнения *Упражнений*. Лойола увидел, что приобрел могущественного помощника. Он страстно желал лично увидеть его в Риме, но был настолько убежден в его практической мудрости, что предоставил самому себе либо приехать в Италию, либо остаться в Германии. Канисий решил остаться. Дела в Кельне тогда находились в критическом состоянии. Архиепископ-курфюрст Герман фон Вид поддерживал Реформацию. У него были мысли о секуляризации своего электората, и если бы он преуспел в своем замысле, его примеру могли бы последовать другие церковные электораты, в результате чего следующий император был бы протестантом. Канисий организовал народ, духовенство, университетские власти против этого и преуспел в разрушении планов архиепископа. Когда его работа в Кельне была завершена, он отправился в Вену. Там он стал духовником и личным советником Фердинанда Австрийского, управлял делами Венской епархии во время долгого епископального междуцарствия, помог основать иезуитский колледж и еще один в Ингольштадте. Эти колледжи стали центрами иезуитского влияния в Германии и помогли распространить власть Общества. Но при всей этой деятельности вряд ли можно сказать, что Компания была очень влиятельной в этой стране до тех пор, пока не прошли годы после Тридентского собора.

Деятельность иезуитов в зарубежных миссиях часто описывалась, и во многом первые успехи Компании объяснялись восхищением, вызванным работой Фрэнсиса Ксавье и его товарищей. Это, несомненно, было правдой; но в древности наибольшее внимание и сочувствие привлекали успехи домашней миссии; и о них слишком часто не упоминали.

Ничто не было ближе сердцам набожных людей, отказавшихся принять Реформацию, чем состояние значительной части римско-католических священников во всех странах и порочность нравов как среди мирян, так и среди духовенства. Игнатий был глубоко затронут обоими скандалами и с самого начала решил сделать все возможное, чтобы их вылечить. Именно эта решимость и сопутствующие ей напряженные усилия завоевали Игнатию уважение и симпатию всех тех в Италии, кто мечтал о реформе нравственной жизни людей и духовенства, и поставили Общество Иисуса в один ряд с такими итальянскими реформаторами, как Контарини, Гиберти и Виттория Колонна. Его система колледжей и все использование им образования в целом могли привести только к одному результату — дать Римской церкви образованное духовенство. Это было демократическое продолжение работы Караффы и Гаэтано да Тьене. У Игнатия также были четкие взгляды на то, как произвести реформацию морали в Риме. Подобно Лютеру, он настаивал на том, что это должно начинаться в жизни отдельного человека и не может быть вызвано жестким законодательством; “это должно начинаться в человеке, распространяться на семью, а затем проникать в мегаполис”. Но тем временем можно было бы что-то сделать, чтобы залечить самые серьезные язвы общества. Как и Лютер, Игнатий остановился на трех — бесполезной детской жизни, эпидемии попрошайничества и том, что называется “социальным злом”; если его успехи в борьбе с этим злом были далеки от успехов Лютера, то более коррумпированное состояние Италии имело какое-то отношение к его неудаче.

Его первой мерой социальной реформы было собрать римских детей, либо сирот, либо брошенных родителями. Их бесплатно размещали, кормили и просто обучали, а также обучали различным механическим искусствам, которые могли позволить им зарабатывать на жизнь. За короткое время в двух промышленных школах Игнатиуса обучалось более двухсот мальчиков и девочек.

Как вылечить чуму нищих, поразившую все римско-католические страны, проклятие, за которое в значительной степени ответственно учение средневековой церкви, [692] проблема, изучаемая Игнатием с момента его краткого визита на родину в 1535 году. Там он попытался добиться от городского совета Азпейтии запрета на попрошайничество в черте города, и поддержать достойных и беспомощных бедняков за счет города. Он настаивал на той же политике в отношении высокопоставленных лиц Рима. Когда он потерпел неудачу в своих крупных и общественных планах, он попытался реализовать их с помощью благотворительных ассоциаций, связанных с его Обществом и поощряемых им.

Однако ничто так не возбуждало сочувствия Лойолы, как количество и положение падших женщин во всех крупных итальянских городах. Впервые он был поражен этим в Венеции, где заявил, что охотно отдал бы свою жизнь, чтобы хоть на день помешать одному из этих несчастных совершить грех. Масштабы зла в Риме ужаснули его. Он чувствовал, что это слишком велико для него, чтобы вмешиваться в это целое. Однако кое-что он мог попытаться, и сделал. В Риме, который кишел мужчинами, давшими обет безбрачия просто потому, что они имели какое-то отношение к Церкви, проституция часто скрывалась под покровом брака. Мужья жили греховной жизнью своих жен. Брошенные жены также пополняли ряды несчастных. Лойола предоставлял дома всем, кто мог пожелать оставить свою унижительную жизнь. Сначала их просто отдавали в семьи, которых Игнатий убедил принять их. Число спасенных росло так быстро, что потребовались специальные дома. Игнатий назвал их “Домами Марты”. Они ни в коем случае не были монастырями. Конечно, был надзор, но идея заключалась в том, чтобы

создать светлый дом, где эти женщины могли бы сами зарабатывать себе на жизнь или большую ее часть. План распространился на многие крупные итальянские города, и многие женщины были вовлечены в планы помощи своим погибшим сестрам.

Связи Лойолы с предоставлением выкупа за христианских пленников среди мусульман, его попытки дискредитировать дуэли, его учреждения по предоставлению займов бедным - на это можно только сослаться. Именно эти дела христианского милосердия, несомненно, вызвали немедленную симпатию к Компании, которая ожидала их в большинстве земель к югу от Альп.

Почти все ранние монашеские ордена отводили место женщинам в своей организации. Орден монахинь соответствовал Ордену монахов. Немногие основатели монашеских орденов были так многим обязаны женщинам, как Игнатий. Несколько дам из Барселоны были его первыми ученицами, первыми подверглись дисциплине *Упражнений*, тогда еще в несовершенной форме, и поддерживали его, когда он больше всего в этом нуждался, своей верой в него и его планы. [693] Одна из них, Изабелла Розер (Розель, Rosell), благородная матрона, жена Хуана Розера, услышала, как Игнатий произнес одну из своих первых проповедей, и была настолько впечатлена ею, что она и ее муж пригласили его погостить в их доме, что он и сделал. Она оплачивала все его расходы, пока он ходил в школу и колледж в Испании. Она и ее друзья посылали ему крупные суммы денег, когда он был в Париже. Игнациус никогда не смог бы осуществить свои планы, если бы не ее сочувствие и помощь. Несмотря на все это, Игнатиус рано пришел к выводу, что его Компания должна как можно меньше заниматься направлением женских душ (это отнимало так много времени, жаловался он); что женщины слишком эмоциональны, чтобы выносить всю дисциплину *Упражнений*; и что монахинь-иезуиток никогда не должно быть. Работа, которую, по его мнению, должна была выполнять его Компания, требовала такой постоянной и напряженной деятельности — иезуит должен стоять на земле только одной ногой, сказал он, другая должна быть поднята, готовая начать, куда бы его ни послали, — что женщины для этого непригодны. Таково было его твердое решение, и он должен был пострадать за это.

В 1539 году он написал Изабелле Розер, что надеется, что Бог забудет его, если он когда-нибудь забудет все, что она для него сделала; и вполне вероятно, что некоторые фразы (непреднамеренные со стороны автора) заставили леди, ныне вдову, поверить, что ей суждено сыграть роль Клары для этого Франциска. Во всяком случае (1543), она приехала в Рим в сопровождении двух друзей, привезя с собой крупную сумму денег, в которой остро нуждался Игнатий, чтобы построить свой дом в Риме для Исповедующих Четыре Обета. В свою очередь, они попросили Его уделить некоторое время, чтобы дать им совет в духовных вопросах. Игнатий так и сделал, но не с той подробностью и продолжительностью, как ожидалось. Он заявил, что руководство душами трех дам в течение трех дней стоило ему больше, чем надзор за всем его Обществом в течение месяца. Затем выяснилось, что Изабелла Розер хотела большего. Она была женщиной благородных дарований, не слабой сентиментальной энтузиасткой. Она широко и глубоко изучала теологию. Ее ученость и способности произвели впечатление на кардиналов, с которыми она встречалась и с которыми разговаривала. Она хотела, чтобы Игнатий создал орден монахинь-иезуитов, главой которого она должна была стать. Когда он отказался, произошла крупная ссора. Она потребовала вернуть деньги, которые дала; и когда в этом было отказано, она подала иск в римский суд. Она проиграла свое дело и в негодовании вернулась в Испанию. [694] Бедная Изабелла Розер — она не была отверженной и поэтому

менее интересной для целителя душ; но она нуждалась в утешении, как и другие люди. Она простила своего старого друга, и их переписка возобновилась. Она умерла за год до Игнатия.

Когда Общество Иисуса находилось на пике своего могущества в семнадцатом веке, была предпринята еще одна, не менее безуспешная попытка учредить орден монахинь-иезуитов.

Игнатий умер в возрасте шестидесяти пяти лет, через тридцать пять лет после своего обращения и через шестнадцать после того, как его Орден получил апостольское благословение. Его компания стала самой могущественной силой в возрожденной Римской церкви; она в значительной степени сформировала теологию Трента; и, казалось, она отвоевывала Германию. Она распространилась самым быстрым образом. Игнатий видел, как были основаны двенадцать провинций — Португалия, Кастилия, Арагон, Андалусия, Италия (Ломбардия и Тоскана), Неаполь, Сицилия, Германия, Фландрия, Франция, Бразилия и Ост-Индия.

ГЛАВА V.

ТРИДЕНТСКИЙ СОБОР. [695]

§ 1. Созыв Собора.

Генеральный совет, предмет многочисленных переговоров между императором и папой, был, наконец, назначен на встречу в Тренте в 1545 году. [696] Город был столицей небольшого епископального княжества, его светским правителем был граф Тирольский, наместник которого проживал в городе. Это было пограничное место, насчитывавшее около тысячи домов, включая четыре или пять прекрасных зданий и большой дворец принца-епископа. В нем было несколько церквей, одна из которых, Санта-Мария-Маджоре, была отведена для заседаний Собора. [697] Его жители были частично итальянцами и частично немцами — две национальности, жившие в разных кварталах и сохранившие свои отличительные обычаи и одежду. Это было маленькое помещение для такого собрания, и оно не могло обеспечить надлежащего размещения для толпы посетителей, которые всегда привлекались Общим советом.

Папские легаты вошли в штат Трент 13 марта (1545 г.). Проливные дожди омрачили впечатляющее зрелище. Они были встречены местным духовенством с энтузиазмом, анаселением - с абсолютным безразличием. Прошли месяцы, прежде чем Собор открылся. Когда прибыли папские легаты, присутствовало мало делегатов. Представители императора и Венеции прибыли рано; епископы прибывали разрозненными группами в апреле и мае и в последующие месяцы. Необходимая папская сводка поступила в город только 11 декабря, а Собор был официально открыт 13-го. Долгое неторопливое открытие было характерным для истории Собора. Его слушания длились восемнадцать лет: — при папе Павле III, 1545-1547, включая сессии с i по x.; при папе Юлии III, 1551-52, включая сессии с xi по XVI.; при папе Пии IV, 1562-1563, включая сессии XVII. к xxv. [698]

Папскими легатами были Джан Мария Джокки, кардинал дель Монте, тосканец, рано поступивший на службу в Римскую курию, глубокий юрист и холерик пятидесяти семи лет (*первый* президент); Марчелло Червини, кардинал Санта-Кроче; и кардинал Реджинальд Поул, англичанин. Эти трое представляли три тенденции, которые были очевидны в церковной Италии. Первая принадлежала к партии, которая поддерживала старую нереформированную курию и не желала никаких перемен. Червини представлял растущую часть Церкви, которая считала кардинала Караффу своим лидером. Они страстно стремились к реформированию жизни и характера, особенно среди духовенства; но отказывались делать какие-либо уступки протестантам в доктринах, церемониях или институтах. Они отличались от более реформаторствующих испанских и французских церковных лидеров своей неприязнью к светскому вмешательству и считали, что папы должны обладать большей, а не меньшей властью. Реджинальд Поул был одним из тех либеральных католиков, выдающимся лидером которых был кардинал Контарини. Его сделали легатом, вероятно, для того, чтобы примирить своих единомышленников. Он был человеком, которого любило большинство людей и которого никто не боялся — безобидным, податливым инструментом в руках такого дипломата, как Червини. Новое общество Иисуса было представлено Лайнцем и Сальмероном, которые пришли на Собор с достоинством папских богословов — титул, который придавал им особое положение и влияние.

Согласно договоренности, достигнутой между императором и папой римским, Булла о созыве Собора провозгласила, что он был созван с тремя целями: преодоление религиозного раскола; реформирование Церкви; и призыв объединенного христианского мира к крестовому походу против неверующих. По общему согласию работа Совета была ограничена первыми двумя задачами. Они были сформулированы в достаточно расплывчатых выражениях, чтобы охватить реальное разнообразие мнений о работе, которую должен был выполнять Совет.

Почти все считали, что вопросы реформирования Церкви и борьбы с религиозным бунтом неразрывно связаны; но при обсуждении метода лечения раскола сразу же проявились различия.

Многие благочестивые католики верили, что лютеранское движение было божественным наказанием за грехи Церкви и что оно исчезнет, если Церковь будет полностью реформирована в жизни и морали. Они разошлись во мнениях относительно агентства, которое будет задействовано для проведения реформы. Итальянская партия, следовавшая за кардиналом Караффой, утверждала, что вся полнота власти должна быть в руках папы; неитальянцы, особенно испанцы, считали тщетными попытки какой-либо подобной реформы, пока Курия, сама по себе очаг наибольшей коррупции, оставалась нереформированной, и утверждали, что светской власти следует предоставить больше полномочий для подавления церковных скандалов.

Император Карл V пришел к убеждению, что между лютеранами и римскими католиками нет непреодолимых различий в доктринах и что взаимные объяснения и реальное желание давать и брать в сочетании с устранением скандалов, о которых все одинаково сожалели, исцелят раскол. Он никогда не видел пропасти, которую лютеранский принцип духовного священства всех верующих создал между протестантами и средневековыми доктринами и церемониями.

[699] Он упорствовал в этой вере еще долго после того, как события в Тренте лишили его

надежды увидеть примирение, которого он ожидал, вызванное Советом, для созыва которого он так много сделал. Аугсбургский промежуточный период (1548) показывает, что, по его мнению, могло быть сделано. [700] Его плохо откомандировали в Трент. Единственным епископом, искренне поддержавшим его взгляды, был Мадруццо, принц-епископ Трента; его представитель Диего де Мендоса заболел вскоре после открытия Собора, а его заместитель Франсиско де Толедо прибыл в Трент только в марте 1546 года.

§ 2. Процедура в Совете.

Самый способный из трех легатов, Червини, имел перед собой определенный план действий. Он прекрасно понимал необходимость радикальных реформ в жизни и морали духовенства и очищения Римской курии; но, имея перед глазами воспоминания о Базеле и Констанции, он больше всего на свете боялся конфликта между Папой и Собором и верил, что такая ссора неминуема, если сам Собор возьмется реформировать Курию. Его идея заключалась в том, что Совет должен заняться полезной, даже необходимой задачей кодификации доктрин Церкви, чтобы все люди могли легко понять, что такое истинная католическая вера. Пока это будет делаться, самому папе будет предоставлена возможность реформировать Курию — задача, которая облегчится сознанием того, что за его спиной стоит сочувствующий ему Собор. Он едва скрывал свое мнение, что такая кодификация не должна была бы пойти на уступки протестантам, а скорее показала бы их безнадежный антагонизм к католической вере. Он не предлагал какого-либо общего осуждения того, что, по его мнению, было ошибками лютеран; но он хотел, чтобы отдельные пункты доктрины, поднятые лютеранами, — Оправдание, авторитет Священного Писания, Таинства — были тщательно изучены и получили авторитетное определение. Таким образом, еретиков учили ошибочности их поведения, не упоминая имен и без конкретного осуждения отдельных лиц. Он изложил Совету свой процедурный план.

Его предложения ни в коем случае не были повсеместно хорошо восприняты делегатами. Предложение оставить реформы на усмотрение папы вызвало множество выступлений испанских епископов, полных горьких упреков в адрес курии; и его концепция кодификации доктрин Церкви с общепризнанным намерением окончательно исключить лютеран отнюдь не понравилась многим.

18 января состоялись большие дебаты, которые показали легату, что, вероятно, большинство делегатов не одобряют предложенный им порядок действий. Мадруццо, красноречивый принц-епископ Трента и кардинал, произнес длинную речь, в которой утверждал, что Совету не следует опрометчиво принимать как должное непримиримость лютеран. Они должны откровенно признать, что испорченная мораль средневекового духовенства во многом способствовала недовольству и оправданию восстания. Поэтому пусть они предположат, что это зло, за которое несет ответственность Церковь, привело к расколу. Пусть они пригласят протестантов прийти к ним как к братьям. Пусть они покажут тем людям, которые, без сомнения, заблуждались в доктрине, что католическая церковь искренне стремилась исправить изобилующее зло в жизни и нравственности, и, благодаря этой братской связи между ними, пусть они мирно рассуждают о доктринальных различиях, которые теперь разделяют их. Красноречивый и широкомыслящий кардинал свел рекомендации в своей речи к одному предложению: “Cum corrupti mores ecclesiasticorum dederint occasionem Lutheranis confingendi falsa dogmata, sublata causa, facilius tolletur effectus; subdens optimum foreign, si protestantes

ipsos amicabiliter et brotherne literis invitaremus, ut ipsi quoque ad synodum venirent, et se etiam reformari paterentur”. [701] Нам сообщили, что эта речь вызвала большой энтузиазм среди делегатов и что легатам было трудно предотвратить всеобщее принятие этого предложения. Самое большее, они могли помешать прийти к какому-либо определенному выводу о процедуре в конце заседания. Червини увидел, что он не может добиться принятия своего пути. Он согласился с тем, что предложения по реформе и кодификации доктрины должны обсуждаться одновременно, его знание теологической природы подсказывало ему, что если он однажды привлечет столько богословов к доктринальным дискуссиям, то наверняка последуют две вещи: их рвение заставит их пренебречь всем остальным, а их полемические инстинкты унесут их за грань, когда примирение протестантов потребует от них прекращения. Так это и произошло. Собор оказался приверженным кодификации и определению католической доктрины. Было принято предложение епископа Фельтрского (Томаса Кампеджио) о том, что обсуждение доктрин и предложений по реформе должно обсуждаться двумя отдельными комиссиями, отчеты которых должны поочередно представляться Синоду. Легаты поддержали этот курс подавляющим большинством голосов, и протест Мадруццо остался безрезультатным.

Решение атаковать вопрос реформы было совершенно неприемлемо для папы. Он зашел так далеко, что попросил легатов отменить его, но это было невозможно, и ему пришлось довольствоваться заверениями Червини, что никакого реального вреда от этого не будет.

Когда этот важный вопрос был решен, Собор определился с деталями процедуры. Весь Синод был разделен на три отдела или Комиссии, каждой из которых была поручена определенная работа. Каждый вопрос должен был прежде всего быть подготовлен для раздела богословами и канонистами, а затем обсужден в специальной комиссии, которой он был поручен. В случае одобрения там, он должен был быть вынесен на обсуждение генеральной Конгрегации всего Синода. Если он выдержит такую проверку, то должен был быть обнародован на торжественном заседании Совета.

§ 3. Повторное изложение доктрин.

Прежде чем описывать доктринальную работу Собора, следует сказать, что работа, проделанная в Тренте, не заключалась в том, чтобы дать соборную санкцию всей массе средневековой доктринальной традиции. Произошел тщательный пересмотр доктринальных позиций, в ходе которого большая часть теологии, которая была актуальна в позднем Средневековье, была устно отвергнута, и это неприятие было наиболее очевидным в том шотландском богословии, которое было популярно до Реформации и которое подверглось наиболее резким нападкам со стороны Лютера. Шотландская теология с ее теологическим скептицизмом была в значительной степени отвергнута, по крайней мере, на словах — был ли изгнан ее дух - это другой вопрос, который предстоит обсудить позже. Великое множество влияний, неизвестных в позднее Средневековье, сознательно и бессознательно оказывали влияние на богословов, собравшихся в Тренте, и окрашивали их догматическую работу. Хотя общепризнанным намерением тамошних богословов было победить как гуманизм, так и Реформацию, они не могли избежать влияния обоих движений. Гуманизм побудил многих из них изучать ранних Отцов Церкви, и при этом они не могли избежать Августина. К нему их вели многие пути. Доминиканские богословы начали, совершенно независимо от Реформации, изучать великого богослова своего Ордена, и Фома вернул их к Августину. Реформация сделала

упор на доктрины греха, оправдания и предопределения и, следовательно, пробудила новый интерес к ним, а следовательно, и к Августину. Новый томизм, за которым стояло августинианство, был характерной чертой того времени и оказал сильнейшее влияние на теологов, собравшихся в Тренте. Это не могло не привести к тому, что их доктринальные результаты приняли форму, совершенно отличную от той теологии, которой Лютера обучал Джон Натин в Эрфуртском монастыре. Христианский мистицизм тоже пережил свое возрождение, особенно в Испании и Италии, а также среди некоторых реконструированных монашеских орденов. Если это и оказало небольшое влияние на доктрины, то способствовало формированию более духовной концепции Церкви. То, что было названо куриализмом, теорией всемогущества Папы Римского во всем, что связано с жизнью, практикой и верованиями Церкви, также было мощным фактором для некоторых собравшихся отцов Церкви. Но прежде всего на теологов, собравшихся в Тренте, повлияли идеи и факты лютеранской реформации. Это очевидно по порядку, в котором они обсуждали богословские вопросы, по предметам, которые они выбрали, и по тем, которые они опустили. Все это помогает нам понять, почему богословие Тридентского собора было чем-то особенным, чем-то отдельным и отличалось как от того, что можно неопределенно назвать средневековым богословием, так и от богословия современной Римской церкви. [702]

Собор на своей третьей сессии заложил основу своей доктринальной работы, подтвердив Никео-Константинопольский символ веры с добавлением пункта о *filioque* и многозначительно назвал его: *Symbolum fidei quo sancta ecclesia Romana utitur*. Сделав это, она была готова приступить к кодификации и определению доктрин.

18 апреля 1546 года Комиссия, занимавшаяся подготовкой предмета, отчиталась, и Собор приступил к обсуждению источников богословских знаний или Правил веры. Влияние Реформации ясно прослеживается не только в приоритете, придаваемом этому вопросу, но и в утверждении, что "чистота Евангелия" влияет на принятие решения. Оппозиция протестантизму была подчеркнута Собором, провозгласившим эти четыре вещи:

Он принял в качестве канонических все книги, содержащиеся в Александрийском каноне (Септуагинте), и, следовательно, Апокрифы Ветхого Завета, и сделал это, не обращая внимания на тот факт, что редактор Вульгаты (впоследствии признанный авторитетным), Иероним, был очень невысокого мнения об Апокрифах. Реформаторы в своем желании вернуться к самым ранним и чистым источникам высказались в пользу еврейского канона; Собор, вопреки Иерониму, принял общепринятую средневековую традицию.

Он заявил, что в дополнение к книгам Священного Писания он "с равным чувством благочестия и благоговения принимает традиции, касающиеся веры или морали, продиктованные либо устно Христом, либо Святым Духом и сохраняемые в непрерывной преемственности внутри Католической церкви". [703] Практический эффект этого заявления, чего-то совершенно нового, заключался в утверждении, что в Церкви существует безошибочно правильный способ толкования Священного Писания, и в предоставлении церковным властям (кем бы они ни были) средств отражения любых протестантских нападок, основанных только на Священном Писании. Собор старался не указывать, кто был хранителем этой догматической традиции, но в конце концов он легко прослеживаемыми шагами привел к заявлению папы Пия IX: *Io sono la tradizione* и поставил решение папы, выступающего *кафедры*, на один уровень со Словом Божьим.

В нем провозглашалось, что версия Вульгаты содержит авторитетный текст Священного Писания. Это также было ново и, более того, находилось в резком противоречии с лучшими обычаями средневековой Церкви. Оно отбросило как нечто худшее, чем бесполезность, всю науку эпохи Возрождения как внутри, так и за пределами Средневековой Церкви и, под предлогом освящения текста Священного Писания, низвело ее до состояния мумии, безжизненной и бесплодной. [704]

В нем утверждалось, что каждый верующий должен принять смысл Священного Писания, которому учит Церковь, что никто не должен выступать против единодушного согласия Отцов Церкви — и это без определения того, что такое Церковь или кто такие Отцы. [705] Вся тенденция этого решения заключалась в том, чтобы передать авторитетное изложение Священного Писания в руки папы, хотя в то время Собору не хватило смелости заявить об этом.

Не следует предполагать, что эти решения были приняты без продолжительного обсуждения. Некоторые члены Собора предпочли бы еврейский канон. Наччианти, епископ Кьоджи, протестовал против приравнивания традиций к Священному Писанию; [706] некоторые хотели провести различие между апостольскими традициями и другими; но окончательное решение Собора было поддержано подавляющим большинством. Однако наиболее серьезный конфликт мнений возник по поводу пункта, в котором говорилось, что версия Вульгаты является единственной авторитетной. Было сочтено, что такое решение повлекло за собой запрет на использование переводов Священного Писания на родной язык. Испанские епископы, несмотря на то, что переводы Священных Писаний на испанский когда-то были широко распространены и их использование поощрялось, хотели запретить любое чтение Библии на родном языке. Немцы протестовали. Дебаты становились все жарче. Мадруццо из Трента красноречиво заявил, что запрещение перевода Священных Писаний на немецкий стало бы общественным скандалом. Дети не будут учить "Отче наш" на языке, который они могли понять? Буллы Папы Павла II. цитируется против него. Он ответил, что папы заблуждались и склонны заблуждаться; но что апостол Павел не заблуждался и что он повелел читать Священные Писания всем, и что это невозможно сделать, пока они не будут переведены. Был предложен компромисс, согласно которому каждая страна должна сама решить, будут ли у нее переводы Священных Писаний или нет. Однако в конце концов Вульгата была провозглашена единственным подлинным Словом Божьим.

На пятой сессии (17 июня 1546 г.) и на шестой сессии (13 января 1547 г.) Собор атаковал темы первородного греха и оправдания. Реформация поставила перед Римской церковью задачу сказать, существует ли у нее вообще какая-либо *духовная* религия или это просто учреждение, претендующее на обладание тайной наукой спасения посредством церемоний, которые практически не требуют духовной жизни со стороны священников или получателей помощи. Этот вызов должен был быть принят не только из-за протестантов, но и потому, что набожные католики заявили, что это должно быть сделано. Ответ был дан в двух доктринах о Первородном грехе и Оправдании, как они были определены на Тридентском соборе. Они оба заслуживают гораздо более детального изучения, чем позволяет пространство.

Легаты сочли, что Собор в том виде, в каком он был составлен, может прийти к решениям, дающим место протестантской доктрине, и умоляли папу прислать им больше итальянских епископов, чьи голоса могли бы противостоять весу мнения северян (2 июня 1546 г.). Они были

чрезвычайно обеспокоены тем, каким образом Совет мог бы разобраться с этими двумя доктринами.

Первое, определение первородного греха, *кажется* решительно отвергающим то пелагианство или полупелагианство, которым была отмечена поздняя схоластика, которой Лютер обучался в Эрфуртском монастыре. По-видимому, она опирается на евангельские мысли Августина и выражает их. Но тщательное изучение показывает, что она полна двусмысленностей — намеренных лазеек, предусмотренных для сохранения полупелагианских способов мышления. Пространство не позволяет нам перечислять их все, но один пример можно выбрать из первой главы. Там говорится, что Адам утратил святость и праведность, *из которых он был создан*. Почему не *создан*? Фраза может означать созданный, и все Новые томисты на Соборе, несомненно, прочитали это именно так. Из-за Грехопадения человек утратил то, что Фома, следуя Августину, назвал прирожденной праведностью. Но фразу *in qua constitutus fuerat* можно легко истолковать как означающую, что то, что человек потерял, было дополнением к *доне сверхъестественным*, потеря которых никоим образом не повредила человеческой природе; и, если интерпретировать это таким образом, появляется место для пелагианства. [707] Опять же, хотя августиновская доктрина грехопадения, по-видимому, преподается, добавляется, что первородный грех *liberum arbitrium* является *минимальным вымиранием viribus licet attenuatum*, что является полупелагианским. [708] Все определение завершается заявлением о том, что оно не должно применяться к Пресвятой Деве, учение о которой было выражено в Конституциях папы Сикста IV. счастливой памяти. [709]

Изложение Доктрины оправдания является шедевром богословской ловкости и заслуживает гораздо большего внимания, чем ей можно уделить. Вся трактовка этого вопроса была причиной значительного беспокойства за пределами Собора. С одной стороны, император Карл V., который был сильно разочарован курсом, принятым Собором, и видел, что шансы примирить протестантов уменьшаются с каждым днем, пожелал отложить все обсуждения; в то время как папа, стремившийся сделать невозможным возвращение протестантов, желал, чтобы Собор определил эту важную доктрину таким образом, чтобы никто из реформированных не смог ее принять. Желания императора были быстро отклонены, но легатам было отнюдь не легко выполнить желания папы. В Римской церкви было много евангельского учения, с которым приходилось считаться. Существовало столько всего, что одно время в Ватикане даже предлагалось одобрить первую часть Аугсбургского исповедания, чтобы привлечь на свою сторону протестантов. Время для подобных предложений прошло; но Новый томизм был силой в Церкви и, возможно, самой сильной *теологической* силой на Тридентском соборе, и с ним приходилось считаться. Если к протестантской концепции Оправдания относиться просто как к доктрине, — а это не так, поскольку на самом деле это опыт более глубокий и широкий, чем может вместить любая словесная форма, — если ее сформулировать схоластически, то ее можно выразить в положениях, которые заметно не отличаются от доктрины оправдания в новотомистическом богословии. На конференции в Регенсбурге (Ратисбон) в 1541 году Контарини смог составить изложение доктрины, которое понравилось таким оппонентам, как Кальвин и Экк. [710] Харнак отметил, что реальное различие между двумя доктринами проявилось в том, что “только из-за доктрины оправдания протестанты боролись с *обычаями* Римской церкви как с еретическими, в то время как августиновские томисты не могли понять, почему невозможно объединить их”. [711] Но схожесть заявлений показывает, насколько трудно легатам было направить Собор к принятию декрета, который удовлетворил бы папу. Они смогли добиться этого главным образом благодаря ловкости иезуита Лайнца.

Дискуссия показала, насколько глубоко пролегло разделение. Некоторые теологи были готовы принять чисто лютеранскую точку зрения о том, что Оправдание возможно только по Вере. Они были в незначительном меньшинстве, и их шумно прервали. Один из них, Томас де Сан-Фелисио, епископ Ла-Кавы, неаполитанец, подрался с греческим епископом. Затем дискуссия сосредоточилась вокруг промежуточного взгляда на доктрину, которую Контарини отстаивал в своем *Трактате об оправдании* и которая, можно сказать, отражает позицию Новых томистов. Казалось, это вызвало одобрение большинства делегатов. Лидером партии был Джироламо Серипандо (1493-1553), с 1539 года генерал августинских отшельников, ордена, к которому принадлежал Лютер. [712] Он различал вменяемую и неотъемлемую праведность, различие, соответствующее различию между упреждающей и содействующей благодатью, и в некоторой степени мало чем отличающееся от различия между Оправданием и Освящением в более позднем протестантском богословии. В первом, вменной праведности Христа, заключалась единственная надежда человека; врожденная праведность основывалась на вменной и была бесполезна без нее. Ученость и искренность Серипандо бросались в глаза; его мольбы, казалось, вот-вот увлекут за собой Совет, когда вмешался Лайнез, чтобы спасти ситуацию для строго папской партии. Богослов-иезуит признал различие, проводимое между вменной и врожденной праведностью; он даже признал, что только первая эффективна в оправдании; но он утверждал, что на практике, по крайней мере, два вида праведности соприкасаются друг с другом, и что для практического богословия было бы опасно рассматривать их как совершенно разные. Его четкие правдоподобные рассуждения произвели большой эффект, и двусмысленность его обращения отражена в расплывчатости определений в указе.

Определение доктрины оправдания, принятое Собором, очень пространное. Оно содержит шестнадцать глав, за которыми следуют тридцать три канона. Естественно, она делится на три части — главы i.-ix., описывающие, что такое Оправдание; главы x.-xiii. увеличение оправдания; и главы xiv.—xvi. восстановление Оправдания, когда оно утрачено. Почти каждая глава содержит серьезные неясности.

Первый раздел - самый важный. Он начинается с утверждений, которые сами по себе являются евангельскими. Все люди попали под власть греха и не в состоянии освободиться ни силой своей природы, ни с помощью буквы закона Моисеева. [713] Наш Небесный Отец послал Своего Сына и поставил Его умиловителем через веру в Его кровь за наши грехи. [714] Затем говорится, что не все принимают преимущества смерти Христа, хотя Он умер за всех, а только те, кому передана заслуга Его страстей; и за этим утверждением следует довольно запутанное предложение, которое предполагает, но никого не обязывает следовать августиновской доктрине избрания. [715] Далее говорится, что Оправдание - это перевод из того состояния, в котором человек рождается, в состояние благодати через Иисуса Христа, нашего Спасителя; и добавляется, что этот перевод в Евангельском устройении не происходит отдельно от Крещения или желания креститься. [716] Несмотря на некоторые двусмысленности, эти первые четыре главы имеют вполне евангельский оттенок; но с пятой начинаются изменения. Хотя некоторые предложения, кажется, поддерживают ранее изложенные евангельские идеи, здесь явно есть место для пелагианской трудовой праведности. Например, говорится, что Оправдание осуществляется через *gratia praeveniens* или *призвание*, в котором взрослые призваны независимо от каких-либо их собственных заслуг; но затем добавляется, что цель этого призвания заключается в том, чтобы грешники могли быть *расположены*, по Божьей побуждающей и помогающей благодати, *обратиться* к своему собственному оправданию, свободно соглашаясь с Божьей благодатью и сотрудничая с Ней. [717] Это было предложение

Лайнеза. Говорят, что доброе расположение духа, в которое должны быть приведены грешники, состоит из нескольких вещей, первая из которых определяется верой как вера в то, что содержание божественного откровения истинно. В двух последовательных главах вера объявляется только началом Оправдания; и само Оправдание, в прямом противоречии с тем, что было сказано ранее, больше не является переводом из одного состояния в другое; оно становится фактическим и постепенным обращением грешника в праведника. Вряд ли есть необходимость вдаваться в дальнейшие определения. Достаточно сказать, что тридентские богословы, похоже, не имеют ни малейшего представления о том, что реформаторы подразумевали под верой, и, похоже, никогда не видели, что существует такая вещь, как религиозный опыт.

Второй и третий разделы декрета, касающиеся увеличения срока Оправдания и его возобновления в Таинстве Покаяния, были составлены еще более решительно в антиевангельском духе, хотя кое-где они демонстрируют уступки августинским настроениям в Церкви. В результате папа получил то, что хотел, - определение, которое делало примирение с протестантами невозможным. Новые томисты смогли включить в декрет достаточное количество августинского богословия, чтобы сделать возможным янсенизм в будущем; в то время как преобладающее пелагианство или полупелагианство предвещало его свержение иезуитским богословием.

В то время как эти богословские определения обсуждались и формулировались, Собор также занимался вопросами реформы. Они начали устанавливать правила проповедования и катехизации, и это незаметно привело их к вопросу об освобождении от епископского контроля. Папы в течение нескольких столетий пытались ослабить власть епископов, ставя *регулярное* духовенство или монахов вне контроля епископов, в пределах епархии которых находились их монастыри, и это исключение стало причиной многих церковных беспорядков. Обсуждение было долгим и возбужденным. Оно закончилось компромиссом.

Когда решение об оправдании было принято, Собор под руководством легатов приступил к обсуждению учения о таинствах с намерением еще более тщательно предотвратить любое доктринальное примирение с протестантами. Это действие вызвало протесты императора, чьи успехи в то время в Германии встревожили папу и заставили его стремиться к полному выводу Собора из Германии. Он разослал легатам приказ попытаться убедить членов Синода в Тренте проголосовать за перевод в Болонью, где влияние папы было бы сильнее и где было бы легче собрать в Синоде податливое итальянское большинство. Предлог был найден в появлении чумы в Тренте; и хотя сильное меньшинство, возглавляемое Мадруццо из Трента, выступило против этого плана, большинство (38 против 14) решило, что они должны покинуть Трент и обосноваться в итальянском городе. Испанские епископы, однако, оставались в Тренте в ожидании приказов императора.

Карл V испытал много разочарований от Совета, который он с таким трудом собрал, и это действие заставило его потерять всякое терпение. Он приказал испанским епископам не покидать Трент; сейм Аугсбурга отказался признать прелатов, отправившихся в Болонью, Генеральным советом. После долгих колебаний папа Павел III. счел себя вынужденным приостановить работу Собора в Болонье (17 сентября 1549 г.). На этом закончилась первая часть заседаний Совета.

§ 4. Второе заседание Совета.

Папа Павел III. умер 10 ноября 1549 года. На последовавшем конклаве кардинал дель Монте, старший легат Собора, был избран папой и принял титул Юлия III. (7 февраля 1550 г.). Вскоре он и император пришли к соглашению, что Совет должен вернуться в Трент. Соответственно, он вновь открылся там 1 мая 1551 года. Кардинал Марчелло Кресченцио был назначен единственным легатом, а два помощника, архиепископ Сипонто и епископ Вероны, получили титулы нунциев. Второе заседание Совета не сулило ничего хорошего. Папа согласился с тем, что необходимо что-то предпринять для примирения протестантов и что следует оставить открытым вопрос о том, не могут ли быть пересмотрены предыдущие решения Собора. Но перед собранием политика папы римского снова пошла вразрез с политикой императора, и протестанты перестали многого ожидать. Сами делегаты не проявляли особого рвения прибыть на место собрания. Совет был вынужден прервать заседание, и только 1 сентября он начал свою работу.

Предыдущие разбирательства показали, что надежды на примирительные меры было мало. Не было никаких попыток пересмотреть эти прежние решения, и Совет начал свою работу по кодификации доктрины и реформированию с того места, где он ее отбросил.

В последние месяцы после первого собрания обсуждался вопрос о Таинствах, и что касается второго собрания, то можно сказать, что вся его богословская работа была сосредоточена на этой теме.

Были предприняты незначительные усилия, чтобы примирить протестантов. Принятые решения обошли в презрительном молчании все протестантские разногласия. Связь Таинств со Словом и Обетованиями Божьими, а также с верой получателя не объясняется. Тринадцать Канонов, которые подводят итог учению о Таинствах в целом, и анафемы, которыми они завершаются, являются протестом Собора против всего протестантского движения.

Это не помешало Собору столкнуться с большими трудностями в своих определениях — трудностями, которые возникли из-за противостояния между более ранним и более евангелическим томистским богословием и более поздним скотизмом и номиналистическим богословием. Может показаться, что тридентские отцы отчаялись привести в соответствие множество схоластических теорий о природе Таинств в целом. Они не отважились сформулировать декрет, а довольствовались по большей части просто негативными определениями. Они заявляют, что существует семь Таинств, ни больше, ни меньше, и все они положительно установлены Христом. Они разрывают тесную связь между верой и Таинствами, приписывая им тайную и таинственную силу. Они практически отрицают всеобщее священство верующих (Can. 10). Возможно, самым важным Каноном является последний: “Если кто-либо скажет, что принятые и одобренные обряды Католической церкви, обычно используемые при торжественном отправлении Таинств, могут быть презираемы или без греха опущены по желанию служителей, или быть заменены любым пастором церковью на другие новые: да будет он предан анафеме” (Can. 13). Это позволяет нам увидеть, как, не выходя за словесные рамки определений томистского богословия, Собор предоставил простор для последующих отклонений от доктрины, подняв использование и обычаи Римской церкви до уровня догмы.

В своих определениях отдельных Таинств Собор мог опираться и сделал это на *Decretum pro Armenis* Флорентийского собора (1439), включенный в Буллу *Exultate Deo* папы Евгения IV.

Истинное содержание определения Крещения содержится в том Каноне (3), который провозглашает, что “Римская церковь, которая является матерью и владицей всех Церквей, придерживается истинного учения о таинстве Крещения”. Обычная практика подтверждения епископом, историческое свидетельство первоначального положения епископов как пасторов конгрегаций, возведено в ранг догмы. Декрет и каноны о Евхаристии представляют собой искусный набор предложений, составляющих мозаику различных схоластических теорий. Нам должна интересовать только одна деталь. Большинство присутствовавших богословов пожелали, чтобы отказ от чаши мирянам был возведен в догму, и фактически был подготовлен соответствующий указ. Но светские князья и широко распространенное общественное мнение заставили theologов колебаться, и вопрос был решен на позднем заседании (Сессия XXI, 16 июля 1562 г.) искусно двусмысленным образом. Было заявлено, что “с самого начала христианской религии использование обоих *видов* не было редкостью”, но было добавлено, что никому из мирян не было позволено требовать чашу *ex Dei praecepto* или верить, что Церковь не действовала в соответствии со справедливыми и весомыми причинами, когда ей было отказано, или что “весь Христос” не был принят “только ни под одним из видов”. Немногие заявления были сделаны с таким пренебрежением к истории, как этот указ с соответствующими канонами, когда утверждается, что та или иная практика средневековой церкви существовала с самого начала.

Постановление о покаянии является одним из наиболее тщательно продуманных и наименее двусмысленных. Это настоящая кодификация схоластической доктрины. Только с одной порцией требовалась ловкая манипуляция, и он ее получил. Безнравственная концепция *истощения* была устно отвергнута, а на самом деле сохранена. *Раскаяние*, которое является божественной скорбью, объявляется необходимым; а *истощение* объявляется лишь спасительной подготовкой. Но установленное таким образом реальное различие сразу же отменяется, когда *истощение* называют *несовершенным раскаянием*, проводя различие между *раскаянием* само по себе и более совершенным *раскаянием* — раскаянием, совершенным любовью; и появляется место для повторного введения аморальных концепций позднейших шотландских theologов. [718]

Когда внимательно читаешь богословские декреты и каноны Тридентского собора в свете прошлых схоластических споров и различных принципов, действующих в Римско-католической церкви шестнадцатого века, вряд ли возможно избежать вывода о том, что, хотя более древнее и более евангельское томистское богословие получило устное признание, настоящая победа осталась за партией шотландцев, которую теперь представляют иезуиты. С одной стороны, общая тенденция шотландского богословия заключалась в том, чтобы породить так называемый “богословский скептицизм” — состояние ума, которое было вынуждено интеллектуально расходиться с большинством великих доктрин средневековой Церкви и в то же время принимать их на основе внешнего авторитета Церкви — показать, что в догматике нет действительно постоянных принципов и что везде необходимо ссылаться на постоянный и внешний источник авторитета, которым не мог быть никто иной, как римский понтифик.

Куриалистическая позиция, согласно которой Вселенская Церковь была представлена Римской церковью и что Римская Церковь была как бы сконцентрирована в Папе Римском, не ограничивалась только сферой юрисдикции. У этого была своя теологическая сторона. Считалось, что Священное Писание должно толковаться в соответствии с традицией Церкви, и только папа мог определить, какой эта традиция была на самом деле. Следовательно, чем более

неопределенной была теология, чем меньше постоянных принципов она содержала, тем более необходимой становилась папская власть и тем более основательно религию можно было отождествлять со слепым неразумным подчинением Церкви, идентифицируемой как Папа. Такова была мысль Игнатия Лойолы; приучение разума к такому состоянию абсолютного подчинения было мотивом его *Духовных упражнений*, и теологи-иезуиты на Соборе, Лайнез и Сальмерон, очень много сделали для обеспечения практической победы, одержанной шотландским богословием, несмотря на то, что формулировки декретов исходили из богословия их противников.

Второе заседание Тридентского собора завершилось 28 апреля 1552 года. Аугсбургский мир (1555) показал, что протестанты приобрели отдельное правовое положение в Империи, и большинство людей считали, что работа Собора была потрачена впустую. Все было так, как будто его никогда и не существовало. Папа Павел III. умер 24 марта 1555 года, и Конклав избрал Червини, который принял титул Марцелла II. Новый папа пережил свое возвышение всего на три недели. Его сменил кардинал Караффа, Павел IV, и Контрреформация началась всерьез.

Павел IV, каким бы ненавистником он ни был к испанцам, был воплощением испанской идеи о том, какой должна быть реформация. Он верил, что реформаторская работа может быть проведена лучше самим папой, чем каким-либо другим Собором, и приступил к работе со свойственной ему тщательностью. Не должно было быть никакого вмешательства в доктрины, обычаи или институты средневековой церкви. Ересь и раскол должны были быть подавлены инквизицией, а распространению новых идей должно было помешать строгое изучение всех книг и уничтожение тех, которые содержали то, что папа считал вредным для умов или морали человечества. Но Церковь нуждалась в основательной реформе; жизнь духовенства, и особенно высшего духовенства, должна была быть изменена; и злоупотребления, которые проникли в администрацию, должны были быть исправлены.

В течение некоторого времени любая реальная реформация тормозилась влиянием его племянников, которые играли на ненависти старого понтифика к испанцам и легко убедили его, что его первейший долг - изгнать испанцев с итальянского полуострова. Но злые дела этих ближайших родственников постепенно достигли его ушей. На собрании инквизиции, состоявшемся в 1559 году, кардинал Пачеко сказал ему, что "реформа должна начаться с нас". Старик удалился в свои покои, провел тщательное расследование поведения своих племянников и в течение месяца лишил их всех должностей и денежного довольствия и изгнал из Рима. Избавленный от этого семейного замешательства, папа энергично проводил в жизнь свои планы реформации. Светское управление церковными государствами было тщательно очищено. Была назначена Конгрегация для изучения, классификации и исправления церковных злоупотреблений. Многие злоупотребления Курии были пресечены. Иезуиты учили его, хотя он и не испытывал большой любви к Ордену, что духовные услуги не должны продаваться за деньги. Он запретил брать плату за разрешение на брак. Он был строгим цензором морали высшего духовенства. За время его недолгого правления Рим стал респектабельным, если не добродетельным. Он восстановил некоторые привилегии епископов, которые были поглощены папством. Все это время его рвение к чистоте учения заставляло его призывать инквизицию и Индекс использовать свои ужасные силы. Он никого не щадил. Кардинал Мороне, один из немногих оставшихся в живых либеральных римско-католиков, был заключен в тюрьму, и подавление всех либеральных идей строго преследовалось. [719]

§ 5. Третье заседание Совета.

Павел IV. умер 18 августа 1559 года. Ему наследовал Джованни Медичи (26 декабря 1559 г.), человек совсем другого типа характера, принявший титул Пия IV. Новый папа по образованию был юристом, а не богословом, и человеком, искусным в дипломатии. Он понимал, как никто из его предшественников, трудности, с которыми столкнулась Римская церковь. Лютеранская церковь получила политическое признание в Германии. Скандинавия и Дания были безнадежно потеряны. Англия стала протестантской, и Шотландия почти наверняка последует примеру своего более могущественного соседа. Нидерланды не могли быть принуждены Филиппом и Алвой. Более половины немецкой Швейцарии высказались за Реформацию. Женева превратилась в протестантскую крепость, и мнения Кальвина были предметом спекуляций по всей Французской Швейцарии. Франция была безнадежно расколота. Богемия, Венгрия и Польша были отчуждены от Рима и вскоре могли вообще восстать. Папа был убежден, что Генеральный собор необходим для объединения сил, все еще находящихся на стороне Римско-католической церкви. Он видел, что напрасно ожидать, что это удастся сделать, не договорившись с римскими монархами. Это была эпоха автократии. Он призывал к союзу автократов для противостояния протестантской революции. Он пытался убедить императора (ныне Фердинанда), Франциска II Французского и Филиппа Испанского в том, что независимое правление епископов было одной из сторон феодализма, враждебного монархии, и что папа и короли должны работать вместе. Со временем его репрезентации возымели некоторый эффект.

Папская булла (29 ноября 1560 г.) созвала Собор в Тренте 6 апреля 1561 г.

Председательствовать были назначены пять легатов во главе с Эрколе ди Гонзага, кардиналом Мантуи. Они прибыли в Трент 16 апреля (1561 г.) и были приняты Людовико Мадруццо, который сменил своего дядю, кардинала, на епископстве. Делегаты прибывали медленно. Первая сессия (XVII^{-я}) состоялась только 18 января 1562 года и была неважной. Настоящая работа началась на второй сессии (XVIII^{-й}), состоявшейся 26 февраля (1562 г.).

Протестанты были приглашены присутствовать, но было хорошо известно, что они этого не сделают; ассамблея представляла Римско-католические державы, и только их. Его целью было не примирение протестантов, а организация романистической церкви. Однако у различных римско-католических держав были разные представления о том, что должно быть задействовано в такой реорганизации.

Император знал, что, с одной стороны, было много теплых протестантов, а с другой - много недовольных католиков. Он верил, что первое можно вернуть, а второе подтвердить некоторыми серьезными изменениями в церковных обычаях. Его план реформ, изложенный в инструкциях его послам, был очень обширным. Он включал разрешение раздавать чашу мирянам, женитьбу священников, смягчение предписанных постов, использование части церковных доходов для финансирования школ для бедных, пересмотр богослужебных книг в смысле очищения их от многих легенд, пение немецких гимнов на публичных богослужениях, публикацию хорошего и простого катехизиса для обучения молодежи, реформацию монастырей и сокращение полномочий римского понтифика в соответствии с идеями Констанцского собора. Эти реформы, на которых император настойчиво настаивал в письмах, получили поддержку почти всех немецких католиков.

Французские епископы во главе с кардиналом Лотарингским поддержали требования Германии. Они особенно заботились о том, чтобы даровать чашу мирянам, совершать Таинства

на французском языке, чтобы французские гимны были уместны в общественном богослужении, и чтобы служение мессы всегда сопровождалось наставлениями и проповедью. Они также настаивали на ограничении полномочий папы римского в соответствии с решениями Базельского собора.

Испанские епископы, с другой стороны, были категорически против любых изменений в церковной доктрине или обычаях. Они не желали, чтобы чашу отдавали мирянам; они питали отвращение к церковным бракам; они протестовали против идеи проведения служб или какой-либо их части на родном языке. Но они желали основательной реформы Курии, всей системы устроений; они хотели ограничения полномочий папы и восстановления епископам Церкви их древних привилегий.

Франция и Германия хотели, чтобы Собор считался новым Синодом; Испания и Папа имели в виду, что это будет просто продолжение предыдущих сессий в Тренте.

Эти трудности вполне могли бы обескуражить папу; но обходительный дипломат справился с ситуацией, полагаясь главным образом на свои собственные способности довести дело до успешного завершения. Он знал, что должен командовать Советом, и с этой целью было принято несколько резолюций, главным образом благодаря умелому командованию легатов. Было практически, если не формально, решено, что Синод должен быть просто продолжением того Собора, который начался в Тренте в 1545 году. Это сразу избавило от большого количества сложных доктринальных дискуссий и предусматривало, что все догмы должны обсуждаться в соответствии с принципами, изложенными на предыдущих сессиях. Было постановлено, что никакие доверенные лица не должны допускаться. Это позволяло папе поддерживать постоянное большинство итальянских епископов, которые превосходили по численности епископов всех других стран, вместе взятых. Хитроумной уловкой Совет был вынужден проголосовать за то, чтобы привилегией предлагать резолюции Совету обладали только папские легаты. Это делало невозможным вынесение на рассмотрение Собора какого-либо вопроса, по которому у папы были возражения.

Однако папа хорошо знал, что мало что значит, к каким выводам пришел Собор, если его решения будут отвергнуты римско-католическими державами. Поэтому, пока заседал Совет, он вел подробные переговоры с императором и королями Испании и Франции и согласовал с ними формулировки декретов, которые должны были быть приняты. Его тактика, которая никогда не менялась в течение всего периода работы Собора и которая в конце концов увенчалась успехом, была проста. Он любой ценой добился численного большинства в Синоде, готового голосовать по его указанию. Это было сделано путем систематических призывов итальянских епископов в Трент. Многие из более бедных получали субсидии через кардинала Симонетту, в обязанности которого входило следить за сохранением механического большинства и направлять его, как голосовать. Его легаты обладали исключительным правом предлагать резолюции; курьеры доставляли предложения, подготовленные различными конгрегациями, в Рим, и папа пересматривал их там, прежде чем они были представлены на голосование всему Собору; шпионы сообщали ему, каковы были возражения французских, испанских или немецких епископов, и папа старался оказать на них всевозможное влияние, чтобы склонить их к своему мнению; в случае неудачи он препятствовал представлению предложений на рассмотрение Собора, пока не проконсультировался и не заключил сделку с монархами через специальных агентов. Папские почтовые пакеты с предлагаемыми декретами или канонами

обходили европейские дворы, прежде чем были представлены Собору, и епископы высказывались и голосовали по тому, что уже было решено за их спинами и без их ведома.

Несмотря на все эти ловкие манипуляции, Совет, состоящий из стольких противоречивых элементов, работал не очень гладко. Папская дипломатия иногда усиливала беспорядки. Мужчин раздражала мысль о том, что они всего лишь марионетки и что вопросы, для обсуждения которых их собрали вместе, уже безвозвратно решены.

“Лучше бы вообще никогда сюда не приезжать, - сказал испанский епископ, - чем превратиться в простых зрителей”. Немногие церковные собрания видели более бурные сцены, чем те, что происходили во время этих более поздних заседаний Тридентского собора.

В конце концов, папская дипломатия одержала верх. Его примирительная манера помогла Пию преодолеть трудности, с которыми другой бы не справился. Никто не был более готов уступить в вещах, которые он не считал существенными, и то, что он обещал, он скрупулезно выполнял. Успех последнего заседания Совета был достигнут благодаря переговорам и искусному убеждению. Когда наступил критический момент, и казалось, что Совет вот-вот развалится на части, его агенты Мороне и Петер Канисиус, великий немецкий иезуит, перетянули Фердинанда на сторону папы. Подобная убедительная дипломатия обеспечила влияние кардинала Лотарингии. Даже Филиппу Испанскому пришлось увидеть, что испанские епископы требуют слишком многого.

Следует также помнить, что в то время как Пий IV. отказываясь мириться с какой-либо потерей папских прав или привилегий, он согласился и сделал все возможное, чтобы провести бесчисленные благотворные реформы; и что Тридентский собор не только реорганизовал, но и значительно очистил Римскую церковь. Почти все, что было хорошего в реформации, проведенной его предшественником Павлом IV. было включено в Тридентские правила.

Особый предмет спора между папой и подавляющим большинством неитальянских епископов касался отношений, в которых епископы католической церкви находились с епископом Рима, которого все признавали своим главой. Испанские, французские и немецкие епископы были категорически против той доктрины папского превосходства, которой усердно учили канонисты Римской курии по меньшей мере на протяжении двух столетий и которая называлась *куриализмом*. Куриализм учил, что папа был господином Церкви в том смысле, что все духовенство было его слугами, и что епископы, в частности, были простыми помощниками, которых он назначил с целью надзора действовать в качестве своих викариев. Какими бы юрисдикционными полномочиями они ни обладали, они исходили от него, и только от него. Противоположная концепция, на которой настаивали в Тренте северные и испанские епископы, которая поддерживалась на великих Соборах в Констанце и Базеле, заключалась в том, что каждый епископ получал свою власть непосредственно от Христа, и что папа, хотя он и был представителем единства Церкви и, следовательно, должен быть признан ее главой, был всего лишь *primus inter pares* подчинялся епископату в целом на Соборе. Этот вопрос постоянно всплывал почти во всех дискуссиях в Совете, которые касались реформы. Это началось еще на пятой сессии (17 июня 1546 г.) и продолжалось с перерывами; но на более поздних сессиях оно определенно бушевало.

Вопрос был поднят с практической стороны. Одним из постоянных злоупотреблений в средневековой церкви было отсутствие резиденции у епископов. Испанские и северные епископы страстно призвали Собор заявить, что проживание является необходимой вещью, и единогласно ответили, что так оно и есть. Их функцией был надзор за своими епархиями, и это могло быть сделано только тогда, когда они были постоянными жителями. Но как это было обеспечить? Принуждение епископов проживать в пределах своих епархий привело бы к опустошению Римского двора и сделало бы его намного беднее. Епископы из всех стран Европы были прикреплены к Римскому двору, и их стипендии, получаемые из стран, в которых находились их кафедры, расходовались в Риме и способствовали великолепию папского окружения. Реформаторы считали, что теоретический вопрос стоит за практическим, и настаивали на том, что надзор и, следовательно, резиденция епископов были *божественным законом*, а не просто *церковным законом* — чем-то предписанным Богом и, следовательно, не подлежащим изменению папой. За этим стояла мысль, впервые высказанная Киприаном, о том, что каждый епископ в пределах своей общины или епархии является наместником Христа и, в конечном счете, ответственен только перед Ним. Таким образом, старая соборная концепция, поддерживавшаяся в Констанце и в Базеле, столкнулась с курией в Тренте; и обе они были слишком могущественны, чтобы полностью уступить. Несмотря на свое итальянское большинство, папа не смог заручиться большинством голосов для прямого отрицания *теории божественного права de jure*. При окончательном голосовании шестьдесят шесть отцов церкви высказались за *божественную теорию de jure divino*, в то время как семьдесят один либо полностью отверг ее, либо проголосовал за передачу ее на решение папы римского. Папа не осмелился воспользоваться свободой принятия решений, предоставленной ему таким образом большинством в пять человек. Если бы он это сделал, то ему пришлось бы предстать перед европейскими римско-католическими судами Германии, Франции и Испании — все они поддерживали соборную точку зрения. Таким образом, теоретический вопрос остался нерешенным в Тренте, но папская дипломатия возобладала до такой степени, что создала перекос в пользу куриалистических идей, что поставило папу в более сильное положение по отношению к епископату, чем когда-либо занимал любой другой Генеральный совет.

Важность, придаваемая *Римской (т.е. Папской) Церкви* во всех решениях Собора, начиная с способа утверждения Константинопольского (Никейского) символа веры; [720] вставка фразы "*Его собственный наместник на земле*"; [721] предписание о том, что Патриархи, примасы, архиепископы, епископы и все другие, кто имеет право и обычай, должны присутствовать на провинциальном совете... *обещайте и заявляйте об истинном повиновении Суверенному Римскому Понтифику*; [722] 10-й пункт в "*Тридентской вере*": "Я признаю святую Католическую Апостольскую Римскую церковь матерью и владычицей всех Церквей; и я обещаю и клянусь в истинном повиновении епископу Рима, преемнику Святого Петра, Князя Апостолов, и наместник Иисуса Христа"; способ, которым Собор на своей последней сессии (4 декабря 1563 г.) полностью оставил в руках Папы утверждение своих указов и мер, которые должны быть использованы для их выполнения; и прежде всего его спокойное согласие с Буллой *Benedictus Deus* (24 января 1564 г.), в которой папа Пий IV. оставил изложение его постановлений при себе [723] — все свидетельствует о триумфе идей куриализма на Тридентском соборе. Римско-католическая церковь стала, в смысле, никогда ранее не признававшемся повсеместно, "Домом Папы римского".

Этот Собор, которого так настойчиво требовали, который так сильно затягивался, дважды распускался, сотрясаемый бурями в политическом мире, даже на своих более поздних сессиях

подвергавшийся многим опасностям, завершился к общему удовлетворению римско-католических народов. Когда прелаты встретились в последний раз 4 декабря 1563 года, древние противники обнялись, и в глазах многих стариков были видны следы слез.

Это сделало три вещи для Римско-католической церкви. Это обеспечило компактную систему доктрин, лишённую многих причуд схоластики и в то же время противоположную протестантскому учению. Романизм имел собственную интеллектуальную основу, на которую можно было опереться. Это перестроило иерархию на том, что можно назвать почти новым фундаментом, и сделало ее симметричной. Он изложил план реформации, который, если бы только его осуществили последующие понтифики, освободил бы Церковь от многих вопиющих пороков, придавших такую силу протестантскому движению. Оно настаивало на образовании духовенства — возможно, самой большой потребности Римской церкви в середине шестнадцатого века.

Всем этим во многом был обязан человеку, правившему в Риме. Папа Пий IV, происходивший из проникательного итальянского среднего класса, мало интересовавшийся теологией, никоим образом не отличавшийся набожностью, увидел, в чем нуждалась Церковь, и путем искусной дипломатии добился этого. Более сильный человек порвал бы нити, связывающие все партии воедино; у более ревностного не хватило бы безграничного терпения; глубоко набожный человек едва ли смог бы воспользоваться теми средствами, к которым он постоянно прибегал. Ему великолепно помогала новая компания Иисуса. Ни один богослов не имел такого большого влияния в Тренте, как Лайнез и Сальмерон; Совет вообще распался бы, если бы Канизий не помог Морону в его переговорах с императором.

Пий IV. не замедлил выполнить обещания, данные им суверенам и Совету. Требник и Молитвенник были пересмотрены по просьбе Фердинанда. Церковная музыка была очищена. Предпринимались усилия по созданию колледжей и теологических семинарий. Но для руководства битвой с растущим протестантизмом требовался более суровый понтифик. Его нашли у следующего, папы Пия V.

Влияние кардинала Борromeо, благочестивого племянника Пия IV, было сильным на Конклаве, и оно было использовано для избрания Микеле Гислиери, кардинала Алессандрии, принявшего имя Пий V. Новый понтифик поступил в доминиканский монастырь в четырнадцатилетнем возрасте и всей душой посвятил себя строжайшему образу жизни, предписанному его Орденом. Он обладал всем рвением к строгой ортодоксальности, которое было характерно для доминиканцев, аскетизмом, который никогда не щадил себя, и отвращением к безнравственности и неправильностям, которые слишком часто позорили жизнь священнослужителей. Он привез с собой в Ватикан монастырские привычки. Он никогда не пропускал предписанные Церковью службы, и в его набожности не было и следа лицемерия. Он был папой, возглавившим новый романизм с его лютой ненавистью к ереси, его решимостью реформировать нравственную жизнь и презрением к Ренессансу и всем его творениям. Король Испании Филипп II направил специальное поздравительное письмо кардиналу Борromeо, чтобы поблагодарить его за усилия на Конклаве.

Новый понтифик всей душой верил в репрессии. Он намеревался бороться с Реформацией с помощью инквизиции и Индекса; и эти два инструмента были беспощадно использованы.

ГЛАВА VI.

ИНКВИЗИЦИЯ И ИНДЕКС. [724]

§ 1. *Инквизиция в Испании.*

Идея, выраженная в термине "Инквизиция", заключается в наказании за духовные или церковные преступления физическими болями и штрафами. Это не было новой концепцией в христианской церкви. Она существовала со времен Константина. Что касается средневековой церкви, историки грубо различают епископальную, папскую и испанскую инквизиции. В полуварварской церкви раннего средневековья, в которой между светской и гражданской властью существовала любопытная политика взаимных уступок, между Церковью и государством было достигнуто кажущееся последовательным взаимопонимание, которое можно резюмировать, сказав, что долгом Церкви было указывать на еретиков, а долгом государства - наказывать их - Церковь была представлена епископами. Эта епископальная инквизиция принимала множество форм и никогда не была очень эффективным инструментом в подавлении ереси.

В 1203 году папа Иннокентий III, встревоженный распространением ересей по южной Франции и северной Италии, опубликовал Буллу, осуждающую безразличие епископов, назначив аббата Сито своим уполномоченным в вопросах ереси и наделив его полномочиями судить *инаказывать* за ересь. Это было началом инквизиции как отдельного института. Это был акт папской централизации и явное посягательство на епископальную юрисдикцию. Папская инквизиция, возникшая таким образом, пустила корни. Это не вытеснило старую епископальную инквизицию; они существовали бок о бок; но "Апостольский трибунал по пресечению ереси" был гораздо более эффективным оружием. Обычно им управляли доминиканский и францисканский ордена.

Испанская инквизиция достигла своего расцвета в последние десятилетия пятнадцатого века. Папы часто желали введения папской инквизиции в Испании, и монархи, ревниво относившиеся к папскому вмешательству, всегда отказывали им в разрешении. Папа Сикст IV. он дошел до того, что предоставил своему легату Николо Франко "все инквизиторские полномочия по судебному преследованию и наказанию лжехристиан, которые после крещения упорствовали в соблюдении еврейских обрядов", но Изабелла и Фердинанд не позволили ему воспользоваться ими. Но власть и богатство *конверсос*- евреев, номинально принявших христианство, — вызвали ненависть испанского народа к ним, и значительная часть духовенства требовала их свержения. Томас де Торквемада, духовник королевы, горячо настаивал на привлечении инквизиции к ответственности за своего королевского кающегося, и в конце концов монархи обратились к папе за Буллой, которая позволила бы им учредить в Испании инквизицию особого рода. Она должна была отличаться от обычной папской инквизиции тем, что должна была находиться строго под королевским контролем, что монархи должны были назначать инквизиторов и что штрафы и конфискации должны были поступать в королевскую казну. Булла была дарована (1 ноября 1478 г.), но монархи не решались воспользоваться правами, которые она предоставляла. После годичной задержки были назначены два королевских инквизитора (17 сентября 1480 г.), а первое *аутодафе*, на котором были сожжены шесть человек, состоялось 6 февраля 1481 года. В последующие годы в устав

Святой канцелярии были внесены различные изменения; но, наконец, она была организована советом под председательством генерального инквизитора Томаса де Торквемады. Он был человеком безжалостного рвения, суровым, безжалостным и деспотичным; и он наложил отпечаток своей натуры на учреждение, которым руководил. Святой Канцелярии было разрешено устанавливать свои собственные правила. Разрешение делало его практически независимым, в то время как все ресурсы государства были предоставлены в его распоряжение. Когда инквизитор приступал к исполнению своих функций, официальные лица приносили клятву помогать ему истреблять всех, кого он мог бы назвать еретиками, и соблюдать декреты *Ad abolendum*, *Excommunicamus*, *Ut officium Inquisitionis*, и *Ut Inquisitionis negotium*— папское законодательство XIII века, которое делало государство полностью подвластным Святой Канцелярии и лишало возможности занимать официальную должность любого подозреваемого в ереси или того, кто поддерживал инквизицию. еретики. Кроме того, все население было собрано, чтобы послушать проповедь инквизитора, после которой от всех потребовали поклясться на кресте и Евангелии помогать Святой Канцелярии и не препятствовать ей каким-либо образом и ни под каким предлогом. Методы работы и процедуры также были заимствованы у папской инквизиции. Инквизиторы были снабжены патентами. Они путешествовали из города в город в сопровождении стражников и государственных нотариусов. Их расходы покрывались за счет налогов, взимаемых с городов и округов, через которые они проезжали. Шпионы и осведомители, которым гарантировалась государственная защита, распространяли свою информацию. Суд был открыт, свидетели были допрошены, и обвиняемые были оправданы или признаны виновными. Приговор был вынесен; светский заседатель дал официальное согласие; и обвиняемый был передан гражданским властям для наказания. Когда Торквемада реорганизовал испанскую инквизицию, для ее процедуры был разработан ряд правил, которые обеспечивали секретность до такой степени, что лишали обвиняемых любых разумных средств защиты; которые разработали судебный метод таким образом, чтобы не оставлять лазеек даже для тех, кто выразил желание отречься; и которые умножали обвинения, по которым подозреваемых еретиков даже после смерти могли рассматривать как нераскаявшихся, а их имущество конфисковывать. Испанская инквизиция отличалась от папской своей тесной связью с гражданскими властями, своей ужасной секретностью, своей неумолимостью и отстранением епископов даже от номинального участия в ее работе. Организованный таким образом, он стал самым страшным проклятием для несчастной Испании. За первые сто тридцать девять лет своего существования страна обезлюдела до трех миллионов человек. Оно стало достаточно сильным, чтобы внушать благоговейный страх монархии, оскорблять епископат и бросать вызов папе. О количестве его жертв можно только догадываться. Льоренте подсчитал, что за восемнадцать лет президентства Торквемады было обвинено 114 000 человек, из которых 10 220 были сожжены заживо, а 97 000 были приговорены к пожизненному заключению или публичному покаянию. Это был ужасный инструмент, который безжалостно использовался для приведения испанского народа в соответствие с испанской реформацией и подавления растущего протестантизма в Нидерландах. Он был распространен на Корсику и Сардинию, но жители Неаполя и Сицилии успешно сопротивлялись его введению, когда это было предложено испанскими вице-королями.

§ 2. Инквизиция в Италии.

Кардинал Караффа (впоследствии папа Павел IV), непримиримый враг Реформации, видя успех испанской инквизиции в истреблении еретиков, побудил папу Павла III. согласиться на реорганизацию папской инквизиции в Италии по испанскому образцу в 1542 году. Курия была встревожена ходом Реформации в Италии. Они получили информацию о том, что в нескольких итальянских городах образовались небольшие протестантские общины и что ересь распространяется тревожными темпами. Караффа заявил, что “вся Италия была заражена лютеранской ересью, которая широко распространялась как среди государственных деятелей, так и среди духовенства”. Игнатий Лойола и иезуиты высоко оценили это предложение, и они были всемогущи с кардиналом Борромео, благочестивым и доверенным племянником папы римского. В 1542 году в Риме была основана Конгрегация Святой Канцелярии, и шесть кардиналов, среди них кардиналы Караффа и Толедо, были назначены генеральными инквизиторами, наделенными полномочиями по обе стороны Альп рассматривать все дела о ереси, задерживать и сажать в тюрьму подозреваемых лиц и назначать низшие трибуналы с такими же или более ограниченными полномочиями. Намерение состояло в том, чтобы привнести в эту реконструированную папскую инквизицию большинство черт, которые отличали основательность испанского института. Но ревность пап помешала Святой канцелярии осуществлять такие же независимые действия в Италии, как в Испании. Новый институт сразу же начал свою работу в Государствах Церкви и после некоторых переговоров был введен в большинстве итальянских княжеств. Венеция отказывалась, пока не было решено, что Святая канцелярия там должна строго подчиняться гражданским властям.

Несмотря на то, что Святая канцелярия была создана по образцу испанского института, в работе Италии никогда не проявлялась такая же убийственная активность; в этом не было такой необходимости. Итальянцы никогда не проявляли сурового постоянства в вере, которое характеризовало испанцев. Обычно считалось достаточным нанести удар по лидерам, чтобы вызвать рецидив среди их последователей. Тем не менее, в отчетах Управления и свидетельствах современников рассказывается о непрерывных судебных процессах и сожжениях в Риме и в других городах. В Венеции смерть от утопления была заменена сожжением. Жертвы были помещены на доску, поддерживаемую двумя гондолами; лодки разнесли на веслах, и несчастные мученики погибли в воде. Протестантские конгрегации, образовавшиеся в Болонье, Фазэнце, Ферраре, Лукке, Модене, Неаполе, Сиене, Венеции и Виченце, были разогнаны практически без кровопролития. Колония вальденсов, поселившаяся недалеко от города Козенца в северо-центральной части Калабрии, была сделана из более прочного материала. Ничто не могло побудить их к рецидиву, и они были истреблены мечом, сбрасыванием с вершин утесов, длительным заключением в смертоносных тюрьмах, на костре, в рудниках, на испанских галерах. Сто пожилых женщин были сначала замучены, а затем убиты в Монтальто. Выжившие женщины и дети были проданы в рабство. Такова была работа контрреформации в Италии и меры, которым она во многом обязана своим успехом.

§ 3. Указатель.

Лидеры контрреформации в Италии любят пап Павла IV. и Пий V. были настроены на гораздо большее, чем рассеяние протестантских общин и изгнание или мученическую смерть миссионеров евангельской мысли. Они решили уничтожить то, что, по их вполне справедливому мнению, было его семенем и рассадной грядкой — культивирование

независимого мышления и беспристрастной учености. Они хотели искоренить все следы Возрождения. В пятнадцатом и первой половине шестнадцатого веков Италия была “мастерской идей”, *officina scientiarum* для остальной Европы. Инквизиция в Италии, как и в Испании, атаковала Академии, учебные заведения, прежде всего библиотеки, в которых хранились знания прошлого, и типографии, которые изо дня в день распространяли идеи. Перед ними был пример Торквемады, который сжег шесть тысяч томов в Саламанке в 1490 году под предлогом того, что они обучали колдовству.

Приказ о сожжении еретических писаний не был чем-то новым. Это делалось постоянно на протяжении средневековья. Епископальная инквизиция, Университеты, папская инквизиция - все они пытались обнаружить и уничтожить труды, которые, по их мнению, были опасны для догм Церкви. После изобретения книгопечатания такой метод уничтожения идей был не так прост, но церковные власти старались изо всех сил. В качестве примера можно привести знаменитый эдикт архиепископа Майнцского от 1486 года, вызванный увеличением количества Библий, напечатанных на народном языке, и попыткой установить цензуру на книги. [725]

Папа Сикст IV в 1547 году приказал Кельнскому университету следить за тем, чтобы ни одна книга (*libri, tractatus aut scripturæ qualescunque*) не печаталась без предварительной лицензии, и уполномочил власти налагать штрафы на печатников, покупателей и читателей всех нелицензионных книг. Александр VI. отправил такой же приказ архиепископам Кельна, Майнца, Трира и Магдебурга (1501). В *Конституции* Льва X, одобренной Латеранским собором 1515 года, было объявлено, что в Риме не может быть напечатана ни одна книга, которая не была бы явно санкционирована *хозяином Дворца*, а в других странах - епископом епархии или инквизитором округа; и это было одобрено Тридентским собором. [726] После своей реорганизации в 1543 году папская инквизиция в Риме предприняла эту цензурную работу.

За пределами церковных государств запрет на книги и требование церковной вольности могли быть осуществлены только при сотрудничестве светских властей; и они, естественно, требовали некоторого единообразия в осужденных книгах. Это привело к составлению списков запрещенных книг — как в Лувене (1546 и 1550), в Кельне (1549), так и в Сорбонне, которая руководила инквизицией на севере Франции (1544 и 1551). Папа Павел IV. составил первый папский индекс в 1559 году. Он был очень радикальным, и сама его строгость помешала его успеху. [727] Именно этот *Index Librorum Prohibitorum* который обсуждался Комиссией, назначенной при Тридентском соборе. [728]

Комиссия разработала свод из десяти правил, которым необходимо следовать при составлении списка запрещенных книг, и предоставила фактическое составление Индекса Папе Римскому. Этот новый Указатель (Тридентский указатель) был опубликован папой Пием IV в 1564 году. Его преемник, Пий V., назначил специальную комиссию кардиналов для рассмотрения вопроса о запрещенных книгах. Она называлась Конгрегацией Индекса и, хотя отличалась от инквизиции, работала вместе с ней. Ее работа была выполнена очень тщательно. Итальянская ученость была убита на полуострове. Ученость Испании и Португалии также была уничтожена. Ученым пришлось искать убежища к северу от Альп и Пиренеев. Работа по введению сухого закона проводилась так тщательно, даже римско-католические авторы сталкивались с таким количеством трудностей, что Палеарио назвал всю систему “кинжалом, извлеченным из ножен, чтобы убить всех литераторов”; Пол Сарпи назвал это “величайшим секретом, который когда-

либо был открыт для применения религии с целью превращения людей в идиотов”; а Латини, защитник папства, объявил это “опасностью, угрожающей самому существованию книг”.

Правила составления Указателя, разработанные комиссией Тридентского собора, представляют собой любопытное чтение. Труды известных реформаторов, Цвингли, Лютера и особенно Кальвина, были абсолютно запрещены. Вульгата должна была стать единственной авторизованной версией Священного Писания и единственной, которую можно было цитировать как богодухновенный текст. Ученые могли, по специальному разрешению своего церковного начальства, обладать другой версией, но они никогда не должны были цитировать ее как авторитетную. Версии на народном языке никогда не цитировались. Библейские словари, Созвучия, книги по спорному богословию должны были пройти строжайшую проверку цензорами перед публикацией. Цензорам было приказано с особой тщательностью изучить не только текст, но и все резюме, примечания, указатели, предисловия и посвящения, выискивая любые еретические фразы или предложения, которые у неосторожного человека могло возникнуть искушение счесть еретическими, любую критику любых церковных действий, любую сатиру на духовенство или религиозные обряды. Все подобные отрывки подлежали удалению.

К северу от Альп Индекс оказал незначительное влияние. Она была бессильна в странах, где прочно утвердился Реформация; а во Франции, папской Германии и северной Италии группа дерзких кольпортеров разносила запрещенные трактаты, Библии и религиозную литературу по всем землям.

Огромные силы подавления, изложенные в тридентских правилах, не могли избежать нанесения бесконечного вреда мысли и учености, даже если они были переданы в руки квалифицированных и исполненных благих намерений людей. Но цензоры не были ни способными, ни высокомерными. Ученые отказались от этой отвратительной задачи. Комментарии к Отцам Церкви читали люди, которые плохо знали латынь, еще меньше греческий и совсем не знали иврит. Их уличали в вымогательстве денег у несчастных авторов, в шантаже книготорговцев, в подслушивании перешептываний ревнивых соперников.

Ученость была настолько эффективно уничтожена в Италии, что, когда папы в конце шестнадцатого века попытались возродить церковную ученость и собрать в Риме группу людей, способных защищать папство своими перами, этим ученым приходилось работать в условиях огромных ограничений. Бароний написал свои *"Анналы"*, а Латини редактировал *"Отцов церкви на латыни"*, оба они не знали греческого и оба подвергались преследованиям цензуры.

Некоторые из наиболее выдающихся лидеров контрреформации видели опасности, которые таились в этой системе чистого подавления. Великий немецкий иезуит Канисиус, который сделал больше, чем кто-либо другой, для поддержания и возрождения Римско-католической церкви в Германии, указывал, что разрушение бессильно привести к постоянному благу. У людей должны быть книги, и Церковь должна снабжать их. Он довольно успешно добивался этой цели.

§ 4. Общество Иисуса и Контрреформация.

Ни Инквизиция, ни Индекс не объясняют Контрреформацию. Репрессии могли уничтожить реформаторов в южной Европе; но вера, энтузиазм, бескорыстный и самоотверженный труд

были необходимы, чтобы позволить Римской церкви перейти в наступление. В значительной степени они были предоставлены преданными последователями Игнатия Лойолы.

Римский католицизм достиг своего упадка во время понтификата Пия IV. Оно повсюду занимало оборонительную позицию, видя, как одна цитадель за другой переходят в руки победоносного протестантизма. Его преемник Пий V. был первым боевым папой нового Римского католицизма. За его плечами была реорганизация, произведенная Тридентским собором; римско-католическое возрождение средневекового благочестия, выдающимися представителями которого были Карло Борромео, Филипп Нери и Фрэнсис де Салес; инквизиция и Конгрегация Индекса; и, прежде всего, Общество Иисуса. Романизм под его руководством смело перешел в наступление.

В 1564 году казалось, что вся Германия может стать протестантской. Государства, которые все еще признавали папство, были переполнены протестантскими общинами. Бавария, Рейнские провинции, само Австрийское герцогство были, по свидетельствам современников, более чем наполовину протестантскими. Почти все учебные заведения были протестантскими. Романистические университеты Вены и Ингольштадта практически опустели от студентов. Под умелым и полным энтузиазма руководством Петра Канисиуса иезуиты в основном сыграли важную роль в изменении этого положения вещей. Они вошли в Баварию и Австрию. Они появились там как вестники и дарители образования и завладели подрастающим поколением. Они открыли свои школы во всех основных населенных пунктах. Они были хорошими учителями; они выпускали школьные учебники современного типа; катехизис, написанный самим Канисиусом, использовался во всех их школах (он перенес в латинизм лютеранскую систему катехизирования); они не взимали никакой платы; вскоре в их руках было обучение детей римско-католической церкви. Изумленные жители городов и сельских округов начали видеть паломничества мальчиков и девочек, проводимые наподобие современных занятий в воскресных школах под руководством добрых отцов, с целью посещения знаменитых церквей, святынь, святых крестов, чудотворных источников и т.д. Родителей побудили навестить учителей; визиты привели к исповеди, а исповедь - в дирекцию. Затем следовала дисциплина *Духовных упражнений*, обычно сокращенная в соответствии со способностями кающихся. Целые районы были отведены обратно в исповедальню — родители следовали за детьми.

Высшим образованием не пренебрегали. Иезуитские колледжи, основанные в Вене и Ингольштадте, наполнили пришедшие в упадок университеты студентами и дали им новую жизнь. Были сформированы студенческие ассоциации по образцу той, что была основана Канисиусом в Кельне, и они были связаны с Обществом Иисуса. Паломничества студентов направлялись к знаменитым святыням; талантливые молодые люди подчиняли свои души руководству отцов-иезуитов и погружались в гипнотический транс, вызываемый курсом *Духовных упражнений*. Целое поколение пылких душ было подготовлено к активному служению Римской церкви и поклялось бороться с протестантизмом до самой смерти.

У Компании была другая, не менее важная сфера деятельности. Аугсбургский мирный договор оставил управление религией города или княжества в руках правящей светской власти. Эта максима "*Cujus regio ejus religio*" отдавала религиозные убеждения населения многих районов во власть одного человека. Многие романистские князья не хотели подвергаться преследованиям, а тем более видеть, как их княжества обезлюдели в результате изгнания. Некоторые из них дали гарантии свободы совести и ограничили права на отправление культа для своих протестантских

подданных. Иезуиты поставили перед собой задачу изменить это положение вещей. Они могли бы быть очаровательными исповедницами и еще более восхитительными наставниками послушных сыновей и дочерей папства. Их пригласили позаботиться о душах многих принцев и особенно принцесс Германии. Они пытались очаровывать, командовать и, наконец, угрожать своим кающимся. Терпимость к протестантам они считали непростительным грехом. Во многих случаях им удавалось побудить римских правителей отказаться от защиты, которую они до сих пор предоставляли своим протестантским подданным, которые, если они были тверды в своей вере, были вынуждены покинуть свои дома и искать убежища в протестантском округе.

Таким образом, открыто и незаметно волна романистской реакции прокатилась на север по Германии, и папству отвоевывался район за районом. Можно сказать, что этот первый период Контрреформации закончился в шестнадцатом веке; второй, который включал Тридцатилетнюю войну, лежит за пределами наших возможностей.

Жестокая борьба во Франции, кульминацией которой стала резня Святого Варфоломея, не принадлежала Новому Римскому католицизму и лежала за пределами того, что можно назвать собственно Контрреформацией. Сила этого нового агрессивного движения впервые проявилась при создании Священной лиги, целью которой было помешать Генриху Наваррскому взойти на трон Франции. Лига была во Франции символом этой Контрреформации. Иезуиты никогда не достигали преобладающего влияния в этой стране до времен Марии Медичи; но они были беспокойными и безжалостными организаторами Священной лиги. Отцы-иезуиты Оже, Анри Сомье и, прежде всего, Клод Матье, которого называли *Курьером Лиги*, энергично работали от его имени. Компания выпустила из своих типографий брошюры, в которых утверждалось неотъемлемое право народа управлять страной и, следовательно, выбирать своих правителей. Они учили, что, хотя Бог отдал духовную власть в руки одного человека, Папы Римского, Он даровал светскую власть многим. Короли, утверждали они, правят не по какому-либо божественному праву наследования, а по воле народа и папы Римского. Следовательно, вся романистическая Франция имела право свергнуть короля Наваррского и поставить на его место кардинала Бурбонского, его дядю.

Аргументы, которые они выдвигали перед английским народом, основывались на совершенно иных, даже противоречивых принципах. Там они превозносили наследственное и законное наследование. Елизавета была незаконнорожденной, а Мария Шотландская имела божественные права на английский трон. Нет необходимости рассказывать об усилиях, предпринятых лидерами Контрреформации, чтобы вернуть Англию папству — колледж в Дуэ, английский колледж в Риме, оба были созданы для подготовки миссионеров к службе против королевы-еретички; миссия иезуитов, Парсонса и Кэмпбелла. Изучающий историю не может не отметить одну вещь, а именно, что отплытие испанской армады знаменует собой прилив первого периода Контрреформации. После крушения великого флота первая волна реакции, похоже, исчерпала себя. Лига потерпела неудачу во Франции, и Генрих IV. закрепил права своих протестантских подданных Нантским эдиктом. Голландцы вышли победителями из своей долгой освободительной войны. Даже в Германии разгром армады грубо датируется концом импульса романистской реакции. Немецкие протестанты снова перешли в наступление, и энергичный и агрессивный кальвинизм искупил застойный характер лютеранской реформации.

Мистер Саймондс в своих блестящих очерках сил, действующих для создания романистической реакции, считает, что роль иезуитов в контрреформации скорее

преувеличена, чем недостаточно признана. “Без церковной реформы, зародившейся на Тридентском соборе; без золота и меча Испании; без кольев и тюрем инквизиции; без борьбы против мысли, проводимой Конгрегацией Индекса, — одни только иезуиты не смогли бы мастерски управлять католическим возрождением”. [729] Возможно, это правда; но к чему бы все это привело, если бы не деятельность Общества Иисуса? Они были немногим лучше механизма, которому энтузиазм и неукротимая работа, порожденные энтузиазмом, придали душу. Суровое, безжалостное, дикое подавление может сделать многое. Оно может создать пустыню и назвать это миром, но оно не может возродиться обновленной жизнью. Кроткое благочестие Карло Борромео, сладостная томная нежность Франсиса де Салье, возрожденный средневековый мистицизм, заметный в романистической реакции, не обладали ни религиозной глубиной, ни выдержкой, необходимыми для того времени. Игнатий вдохнул в свою Компанию испанский дух, одновременно безумно дальновидный и чрезвычайно практичный, и они распространили его по всей Церкви Контрреформации — возвышенную преданность, упорство, которое не могли сломить никакие неудачи, и неугасимую религиозную надежду. Они управляли им, как душа управляет телом.

Это было время испанского господства. Испания захватила Новый Свет и надеялась подчинить Старый. Ее солдаты были лучшими в Европе. Они не мечтали ни о чем, кроме завоеваний. Иезуиты принесли в Церковь испанский дух. Другие могли строить планы, желать и удивляться. Они работали. Они пожинали урожай, который тяжелый и неустанный труд собирает на каждом поле. Не зря Адриан и другие папские государственные деятели окрестили Лютера еще одним Магометом; это слово зажгло в груди каждого испанца память о многовековой войне с мусульманами и ее победоносном завершении. Если золото и меч Испании были на службе Контрреформации, то именно испанский дух, воплощенный в Обществе Иисуса, оживил эти сухие кости.

Мы должны помнить, что в первый период романистской реакции мы имеем дело с иезуитами шестнадцатого века, и должны выбросить из головы историю Ордена за два последующих столетия. Его худшая сторона едва проявилась. Его теория вероятности, с помощью которой режиссеры были обучены превращать все смертные грехи, даже убийство, прелюбодеяние и воровство, в простительные преступления, а казуистика стала методом полного руководства душами, относилась к более позднему периоду. Только в семнадцатом веке прощение грехов было низведено ими до уровня в высшей степени утонченного искусства. Их бесстыдное пренебрежение религией и моралью, когда, казалось, этого требовали политические интересы Церкви и Общества, произошло также позже. Подавленные романисты шестнадцатого века увидели группу людей, которых не пугали никакие трудности, которые посвящали себя обучению мальчиков и девочек и прививали им религиозные принципы; которые убеждали мальчиков и юношей посещать ежедневную мессу, прибегать к ежемесячной исповеди, изучать догматы своей веры; которые возвели послушание, которое, как их учили, было обязанностью земного главы Церкви, в возвышенный религиозный принцип.

Всем этим латинизм Контрреформации был обязан тем трем неизвестным мужчинам, которые пробрались в Рим через Порто-дель-Пополо на Пасху 1538 года, чтобы умолять папу Павла III. чтобы позволить им и их товарищам вступить в новый Орден для защиты веры.

Это правда, что люди никогда не смогут избавиться от своей личной ответственности в духовных вопросах, но множество людей всегда будут пытаться переложить это бремя на других. Во всех

таких душах живет, движется и имеет свое бытие дух Контрреформации, и они поддерживаются, сознательно или бессознательно, тем принципом слепого повиновения, которому учили ее проповедники. Нам достаточно помнить, что никакое ослабленное чувство личной ответственности и никакие суеверия не могут полностью заглушить совесть, ищущую своего Бога, или помешать тому устремленному вверх взгляду на Отца Небесного, который несет с собой живую веру.

Напечатано компанией Morrison & Gibb Limited
в Эдинбурге .

СНОСКИ:

[1] Свирепый старый понтифик Павел IV заявил в Булле (15 февраля 1559 г.), что сам факт ереси среди князей лишает их всей законной власти; но он никого не назвал. Когда в 1563 году его преемник предложил отлучить Елизавету Английскую от Церкви просто как протестантку, император Фердинанд резко обрушился на него с критикой; и королева была окончательно отлучена от церкви в 1570 году как участница “ужасных тайн кальвинизма”, и как таковая вне рамок Аугсбургского мира.

[2] В *Атласе Кирхгенгешихте* Хойсси и МулERTA (Тюбинген, 1905) предпринята попытка наглядно представить присутствие немецких протестантов за пределами территорий лютеранских князей; Карта х. *Схема немецкой реформации и Генреформации*.

[3] Самый полный отчет об этих немецких реформатских конфессиях можно найти в *книге* Мюллера *"Основы реформатской церкви"* — *Эмденский катехизис* (1554), стр. 1 и 666; *Гейдельбергский катехизис* (1563), стр. 1, 682; *Исповедь Нассау Дилленбургского синода* (1578), liii, 720; *Бременский консенсус* (1595), liv, 739; *Книга Стаффорта* (1559) для Бадена, liv, 797; *Исповедь Генерального синода Касселя*, lv и 817, и *Гессенский катехизис* (1607), 822; и *Бентхеймское исповедание* (1613), 833. Все эти немецкие реформатские конфессии последовали за Меланктоном в его попытках объединить доктринальные позиции кальвинистов и лютеран.

Безусловно, самым знаменитым и единственным, сохранившим свое место в качестве доктринального символа вплоть до наших дней, является *Гейдельбергский катехизис*. Он был составлен по предложению курфюрста Фридриха Благочестивого двумя теологами, Каспаром Олевианом и Захариасом Урсином, которые смогли в действительно замечательной степени выразить мысли немецких протестантов, которые не могли принять жесткое и непреклонное лютеранство противников Меланхтона. Она быстро нашла поддержку во многих частях Германии, хотя ее самые сильные сторонники принадлежали к Рейнским провинциям. Он использовался как средство обучения и как доктринальный символ в большинстве немецких реформатских церквей наряду с их собственными символическими книгами. Его использование распространилось на Голландию и за ее пределы. В Шотландии появились два отдельных

перевода. Более раннее содержится в *Сборнике исповеданий веры (Данлопа)*... государственной власти Шотландской церкви под названием "*Катехизис христианской религии*", составленный Захарием Урсинусом, одобренный Фредериком III. Курфюрстом Палатинским, Реформатской церковью в Пфальце и другими реформатскими церквями в Германии; и преподается в их школах и церквях: проверено и одобрено без каких-либо изменений Синодом Дорта и назначено для преподавания в реформатских церквях и школах Нидерландов: переведено и напечатано в 1591 году государственными властями для использования в Шотландии, с аргументами и использованием нескольких содержащихся в них доктрин, Иеремиасом Бастингуусом; иногда печатается вместе с Книгой общего порядка и Сборником псалмов.

[4] Сравнить том i. pt. i. 42 и далее.

[5] Наиболее полное собрание этих реформированных вероучений приведено в книге Мюллера "*Основы церковной реформы*" (Лейпциг, 1903). Наиболее важными являются следующие (цифры в скобках обозначают страницы в Müller):—

Швейцария.— *Тезисы Цвингли* 1523 г. (xvi, 1); *Первое гельветическое исповедание* 1536 г. (xxvi, 101); *Женевское исповедание* 1536 г. (xxvi, 111); *Женевский катехизис* 1545 г. [(xxviii, 117) переведен в *Исповеди Данлопа* и др., ii, 139].

Англия.— *Эдвардин Сорок две статьи* 1553 г., *Тридцать восемь статей* 1563 г., *Тридцать девять статей* 1571 г. (xlii, 505); *Ламбетские статьи* 1595 г. (xliv, 525); *Ирландские статьи* 1615 г. (xliv, 526).

Шотландия.— *Шотландское исповедание* 1560 г., *Национальный пакт* 1581 г. [(xxxv, 249), *Признания Данлопа* и др., ii. стр. 21 и 103].

Франция.— *Галликанская исповедь* 1559 года (xxxii, 221).

Нидерланды.— *Бельгийская исповедь* 1561 года (xxxiv, 233); *Нидерландская исповедь* 1566 года (xxxv, 935); *Фризская исповедь* 1528 года (xxi, 930).

Венгрия.— *Венгерское исповедание* 1562 года (xxviii, 376).

Богемия.— *Богемское исповедание* 1609 года (xxxix, 453).

[6] Было высказано предположение, что церковная юрисдикция, выросшая из елизаветинского религиозного устройства Англии, позаимствовала немало черт у лютеранских судов консистории.

[7] Уильям Фарель, преданный цвинглианец, был назван властями Фрайбурга "лютеранским проповедником" (Эрминьярд, *Корреспонденция*, ii. 205н.), а его учение и его коллеги были осуждены как "лютеранская ересь". Это было популярное мнение. Образованные французы-реформаторы, такие как Лефевр, отличались разборчивостью: они не испытывали особой симпатии к Лютеру и восхищались Цвингли (*там же*. i. 209н.).

[8] Питер Чуди в письме Беату Ренану из Парижа (17 мая 1519 г.) пишет: "Реликвия, равная по величине цензуре, ничего сверхъестественного, как опера М. Лютери, а также всеобщая эрудиция, очевидная в локтевом суставе, этимология как минимум разумная". правдоподобие"

(Эрминьяр, *Переписка преобразователей французского языка*, 2-е изд., i. 46). В ноябре 1520 года Глареан написал Цвингли, что Париж был взволнован Лейпцигским диспутом; и Булеус показывает двадцать копий брошюры, озаглавленной *Disputatio inter egregios viros et doctores Joa. Eckium et M. Lutherum*, прибыл в Париж 20 января 1520 г. (там же. 62, 63н.).

[9] A. Rilliet, *Les Origines de la Confédération Suisse: Histoire et Légende* (Geneva, 1869); J. Dierauer, *Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft* (Gotha, 1890).

[10] Sources: O. Myconius, "Vita Huldrici Zwinglii" (in Neander's *Vitæ Quatuor Reformatorum*, Berlin, 1841); H. Bullinger, *Reformationsgeschichte* (Frauenfeld, 1838-40); Johann Salat, *Chronik der schweizerischen Reformation von deren Anfängen bis 1534* (vol. i. of *Archiv für schweizerische Reformationsgeschichte*, Solothurn, 1868); Kessler, *Sabbata* (ed. by Egli, St. Gall, 1902); Strickler, *Actensammlung zur schweizerischen Reformationsgeschichte in den Jahren 1521-32* (Zurich, 1877-84); Egli, *Actensammlung zur Geschichte der Züricher Reformation, 1519-33* (Zurich, 1879); W. Gisi, *Actenstücke zur Schweizergeschichte der Jahre 1521-22* (vol. xv. of *Archiv für die schweizer. Geschichte*), pp. 285-318; Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française* (Geneva, 166-93); Stähelin *Briefe aus der Reformationszeit* (Basel, 1887).

Later Books: Stähelin, *Huldreich Zwingli: sein Leben und Wirken nach den Quellen dargestellt*, 2 vols. (Basel, 1895-97); Mörikofer, *Ulrich Zwingli nach den urkundlichen Quellen*, 2 vols. (Лейпциг, 1867-69); С. М. Джексон, *Халдрейх Цвингли, 1484-1531* (Нью-Йорк, 1901); Кембриджская современная история, II. х. (Кембридж, 1903); Ручат, *История преобразования Швейцарии*, под ред. Вуллимина, 7 томов. (Париж, 1835-38).

[11] Иоахим де Ватт, уроженец Санкт-Галлена (р. 1484, 30 декабря), был выдающимся ученым. Он последовательно стал врачом, членом городского совета и бургомистром в своем родном городе и многое сделал для утверждения Реформации; он был хорошо известным писателем и написал несколько теологических трудов.

[12] Генрих Лорити был самым выдающимся из всех швейцарских гуманистов. Он последовательно учился в Берне, Вене и Кельне и удостоился бесплодной чести быть назначенным придворным поэтом императора Максимилиана. В Базеле, где он впервые поселился, он содержал школу-интернат для мальчиков, желавших изучать классику, а в 1517 году перевел себя и около двадцати юных швейцарцев, своих учеников, в Париж. Ему было приятно думать, что он построил свою школу по образцу Римской республики, сам был консулом, имел Сенат, претора и собрания комиций. Он оставался близким другом Цвингли.

[13] Иоганн Хейгерлин (Фабер) оставался убежденным романистом. Он стал генеральным викарием Констанцкого епископа и как таковой был антагонистом Цвингли. Он закончил свои дни епископом Вены. Он много писал против Лютера и был известен как "молот лютеран". Наряду с Эком и Кохлеусом он был выдающимся борцом за дело романизма в Германии.

[14] Подробнее о папской пенсии Цвингли см. С. М. Джексон, *Халдрейх Цвингли*, стр. 114.

[15] Cf. Schaff, *Creeds of the Evangelical Protestant Churches* (London, 1877), p. 197; Niemeyer, *Collectio Confessionum in ecclesiis reformatis, publicatarum* (Leipzig, 1840), p. 3; Müller, *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche: Zwinglis Theses von 1523*, Art. 49, p. 5.

[16] Müller, *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche* (Leipzig, 1903), pp. xviii and 7.

Инструкция представляет собой объемный документ.

[17] Буквальные переводы этих гимнов даны в книге профессора Маколи Джексона "Халдрейх Цвингли, реформатор немецкой Швейцарии" (Нью-Йорк и Лондон, 1903), стр. 133, 134.

[18] Stähelin, *Briefe aus der Reformationszeit*, pp. 15-19.

[19] Уильям Фарел родился в 1489 году в деревне недалеко от Гэпа в гористом юго-восточном углу Дофине, на границе Прованса. Он принадлежал к знатной семье и был набожен с самых ранних лет. Он описывает паломничество, которое совершил в детстве, в своей книге *Использование креста Иисуса Христом* (стр. 223 f.). На протяжении всей своей полной приключений жизни он сохранял редкую прямоthu характера, горячую преданность и негодование по поводу всякого рода несправедливых поступков. Он убедил своих родителей разрешить ему поехать в Париж для получения образования и прибыл в столицу около 1509 года. Вероятно, он провел там двенадцать лет, частично в качестве студента, частично в качестве профессора в колледже Ле-Муан. Там он стал другом и преданным учеником Жака Лефевра д'Эпля, и эта дружба благополучно помогла ему пережить несколько религиозных кризисов в его жизни. Он последовал за Лефевром в Мо и был там одним из знаменитой "группы". Когда преследования и робость или щепетильность епископа привели к рассеянию этих проповедников, Фарель вернулся в Дофине и попытался проповедовать Евангелие в Гэпе. Ему не разрешили *оставаться на месте, где нет места мойне и престолу*, и епископ и народ изгнали его из округа. Затем он попытался проповедовать в Гиенне, где также потерпел неудачу. Решив, что во Франции для него нет свободного места, он отправился в Базель. Там он попросил университет разрешить ему провести публичный диспут по определенным статьям, которые он им отправил. Власти отказали. Затем он обратился в городской совет, который разрешил обсуждение. Тринадцать статей или *тезисов*, защищенных Фарелем, приведены в "Эрминьяре", *"Переписке реформаторов по оплате французского языка"* (i. 194, 195). Он собрал небольшую церковь французских беженцев в Базеле (*эклезиола* из его переписки), но был слишком пылким и порывистым пионером, чтобы спокойно оставаться среди них. К концу июля 1524 года он проповедовал в Монбельяре, в нескольких милях к югу от Бельфора, и последовавшие за этим беспорядки заставили Эколампадия умолять его умерить свое мужество благоразумием (Эрминьяр, *Переписка* и др., i. 255). Оттуда он отправился в Страсбург (апрель 1525 г.), в Берн, попытался проповедовать в Невшателе и, наконец, (середина ноября 1526 г.) открыл школу в Эгле, отдаленной провинции Берна, надеясь получить возможность продолжить свою евангелизационную работу. Вскоре его обнаружили, и были предприняты попытки помешать его проповеди; но власти Берна настояли на том, чтобы к нему не приставали. В начале 1527 года он активно участвовал в большом диспуте в Берне. В том же году он был назначен пастором в Эгле и получил во владение дом священника и стипендию; но такая работа была для него слишком рутинной. Он совершал длительные проповеднические поездки; мы находим его в Лозанне, Мора, Орбе и других местах, всегда под защитой властей Берна. Он начал свою работу в Женеве в 1532 году.

[20] Бертольд Галлер родился в Альдингене (1492); учился в Ротвейле и Пфорцхайме, где познакомился с Меланктоном. Он стал бакалавром теологии Кельнского университета; некоторое время преподавал в Ротвейле, а затем в Берне (1513-1518). Он был избран народным священником в тамошней большой церкви в 1521 году. Его отзывчивый характер и

великолепное красноречие сделали его влиятельным человеком в городе; но его обескураживало так много и так сильно, что он часто был на грани отъезда. Цвингли призвал его остаться и проявлять настойчивость.

[21] Себастьян Мейер был священником из Эльзаса, который с 1518 года проповедовал в Берне против злоупотреблений Римской церкви. Печально известное поведение доминиканцев в Берне (1507-1509) и поступок Самсона, продавца Индульгенций, в 1518 году сделали бернцев готовыми выслушивать нападки на Рим.

[22] Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française* (2nd ed.), ii. 55.

[23] Там же. ii. 94, 95.

[24] Там же. ii. 61, 74, 89, 94, 96.

[25] Ручат, *История преобразования Швейцарии*, i. 368.

[26] The invitation began: “Nous l’Advoyer, le petit et le grand Conseil de la cité de Berne, à tous et à chascun, spirituelz et séculiers, prélatz, abbés, prévostz, doyens, chanoynes, curés, sacrestains, vicaires prescheurs de la Parolle de Dieu, et à tous prebstres, séculiers ou réguliers, et à tous Noz advoyers, chastellains, prévostz, lieutenans, et tous autres officiers et à tous Noz chers, féaulx et aymés subjectz, et à tous manans et habitans de Nostre domaine et ségnorie aux quelz les presentes lètres viendront,—Salut, grâce et bénivolance!

“Sçavoir faisons, combien que Nous ayons fait beaucoup d’ordonnance et mandemens publiques, pour la dissension de nostre commune foy Chrestienne, à ce meuz et espoirans, que cela profiteroit à la paix et concorde Chrestienne, comme chose très utile,” etc.; Herminjard, ii. 54.

[27] Ср. *шотландское исповедание* 1560 г., ст. хix.: “Молодая Кирка куилк всегда прислушивается к голосу своего Супруга и пастора и повинуется ему”.

[28] Тезисы на немецком языке в оригинале напечатаны Мюллером, *Bekenntnisschriften der reformierten Kirche* (Лейпциг, 1903), стр. xviii, 30; и на французском Эрминьяром в *Переписке реформаторов французского языка* (2-е изд.), ii. 59, 60.

[29] Себастьян Вагнер родился в Шаффхаузене в 1476 году. Он учился в Париже у Ласкариса, преподавал теологию во францисканском монастыре в Цюрихе, затем в Констанце. Он принял Реформацию и, вернувшись в свой родной город, стал ее реформатором.

[30] Эрминьяр, *Переписка реформаторов* и т.д. ii. 95 н.

[31] Эрминьяр, *Переписка реформаторов* и т.д. ii. 55.

[32] Там же. ii. 99 н.

[33] Там же. ii. 98 н.

[34] Николас де Ватвиль, родившийся в 1492 году, был каноником Святого Винсента в Берне, апостольским протонотарием, приором Монпревейра и проректором Лозанны. Он посетил Рим в 1517 году и там получил аббатство Монтерон; а в следующем году он был назначен папским камергером при папе Льве х. 1 декабря он отказался от всех своих бенефиций и вскоре после

этого женился на Кларе Мэй, монахине, покинувшей Кенигсфельдский монастырь. Он всегда был большим поклонником Уильяма Фарела и часто вмешивался, чтобы защитить пылкого реформатора от последствий его собственной опрометчивости. Его младший брат, Ж. Ж. де Ватвиль, стал советником или президентом Берна и был заметной фигурой в истории Реформации в Швейцарии. Семья де Ватвиллей до сих пор представлена среди жителей Берна.

[35] Еще 15 июня 1523 года Бернский собор издал постановление для проповедников на всей их территории, которое предписывало им публично и без притворства проповедовать Святое Евангелие и учение о Боге и не говорить ничего, что они не могли бы подтвердить истинным и Священным Писанием; полностью оставить в покое все другие доктрины и дискуссии, противоречащие Евангелию, и, в частности, отличительные доктрины Лютера. Позже (21 мая 1526 г.) на конференции, проведенной между членами Совета Берна, депутатами от бернских коммун и делегатами от семи римско-католических кантонов, было решено не допускать никаких нововведений в вопросах религии. Это соглашение просуществовало недолго, и бернцы вернулись к своему постановлению от июня 1523 года. По-видимому, это было практически истолковано как означающее, что проповедники могли нападать на власть папы Римского, доктрины Чистилища и Призывания Святых, но что они не должны были ничего говорить против нынешнего учения о таинствах. Ср. Постановления Бернского совета, процитированные в Эрминьяре, *Переписке реформаторов по оплате французского языка*, (Женева, 1878), i. 434 п., ii. 23 п., также 20.

[36] Эрминьяр, *Переписка* и т.д., ii. 123, 138, 199, 225 и т.д. In Sept. 1530, Bern wrote to the Bishop of Basel, who had imprisoned Henri Pourcellet, one of Farel's preachers: "Nous ne pouvons d'ailleurs pas tolérer que ceux qui partagent notre foi chrétienne soient traités d'une telle manière," p. 277.

[37] Sources: E. F. K. Müller, *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche* (Leipzig, 1903), pp. 1-100; Hospinian, *Historia Sacramentaria*, 2 vols. (Женева, 1681).

Later Books: Ebrard, *Das Dogma vom heiligen Abendmahl und seine Geschichte* (Frankfurt a M. 1845-46), vol. ii.; Schweizer, *Die protestantischen Centraldogmen in ihrer Entwicklung innerhalb der reformierten Kirche* (Zurich, 1854-56); Hundeshagen, *Die Konflikte des Zwinglianismus, Lutherthums, und Calvinismus in den Bernischen Landkirchen 1522-1558, nach meist ungedruckten Quellen dargestellt* (Bern, 1842); compare also vol. i. 352 ff.

[38] Müller, *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche*, p. 30.

[39] Ср. том i. 352 и далее.

[40] Лейбниц, *Сочинения Лейбница*, 2-е изд. (Париж, 1803) с. 106.

[41] Müller, *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche*, p. 159.

[42] Sources: *Mémoires et documents publiés par la Société d'histoire et d'archæologie de Genève* (especially vols. ii. v. ix. xv. xx.); Froment, *Les Actes et gestes merveilleux de la cité de Genève* (ed. of 1854 by G. Revillod); La Sœur Jeanne de Jussie, *Le Levain du Calvinisme* (ed. of 1865); G. Farel, *Lettres certaines d'aucuns grandz troubles et tumultes advenuz à Genève, avec la disputation faicte l'an 1534* (Basel, 1588); *Registres du Conseil de Genève* (known to me only through the extracts given by Herminjard, Doumergue, and others); Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française*, 9 vols. (Женева и др., тома i. ii. во 2-м издании, 1878, тома iii.-ix. 1870-97);

Кальвин, *Opera omnia*, тома II. xxix.-lxxxvii. из Реформаторского корпуса (Брауншвейг и Берлин, 1869-97); Бонне, *Французская литература Жана Кальвина* (Париж, 1854); Беза, *Жизнеописание Кальвина* (том xlix Реформаторского корпуса); Рилье, *Главный катехизис Кальвина* (Париж, 1878).

Later Works: Doumergue, *Jean Calvin, les hommes et les choses de son temps* (only three vols. published, Lausanne, 1899, 1902, 1905); Bungener, *Jean Calvin, sa vie, son œuvre et ses écrits* (Paris, 1862-63); Kampschulte, *Johann Calvin, seine Kirche und seine Stadt in Genf* (Leipzig, 1869-99); A. Roget, *Histoire du peuple de Genève depuis la Reforme jusqu' à l'escalade* (Geneva, 1870-83); Dunant, *Les relations politiques de Genève avec Berne et les Suisses de 1536-64* (Geneva, 1894); Ruchat, *Histoire de la Réformation de la Suisse*, ed. by Vulliemin (Paris and Lausanne, 1835-38).

[43] Ruchat, *Histoire de la Réformation de la Suisse* (Paris, 1835-38), iii. 138.

[44] Мы читаем о том, что книги Лютера читали в Женеве еще в мае 1521 года, и что их эффект заключался в том, что некоторым людям стало наплевать на угрозы папы; в 1522 году Корнелий Агриппа в письме Капитану (17 июня) и Галлер в письме Цвингли (8 июля) говорят о Фрэнсисе Ламберте (*вире пробусе и др.*). *старательный служитель словесности*), который проповедовал в Женеве, Лозанне, Фрейбурге и Берне; а в 1527 году Хоффен, секретарь Бернского собора, в письме Цвингли (15 января) считает, что Женеву можно завоевать для Реформации, — он заметил, что людей больше не очень интересуют индульгенции или месса (Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. i. 101-3, 318 н., ii. 9 ф., 10 н.; ср. 6).

[45] Ж. А. Готье, *История Женевы* (Женева, 1896), ii. 349. The nun, Sœur Jeanne de Jussie, in her *Levain du Calvinisme* (p. 46), says “Au mois de Juin, dimanche matin, le 9, certain nombre de mauvais garçons plantèrent grands placards en impression par toutes les portes des églises de Genève, esquels estoient contenus les principaux poincts de la secte perverse luthérienne”; and another contemporary chronicler says that the placards promised a “grand pardon général de Jesus Christ” (Herminjard, *Correspondance*, etc. ii. 422 н.).

[46] В их письме говорилось, что, согласно сообщениям, “никто не назначал никаких официальных указаний по новому закону, в отличие от проведения аукциона епископальным собранием, и не имеет права на свободу и промульгирование, и не имеет права на добровольность D. Friburgensium” (*Там же*. ii. 421 н.).

[47] *Там же*. ii. 424.

[48] Эрминьяр, *Переписка*, ii. 425 н.

[49] Ср. стр. 39, н.

[50] Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. ii. 22 ф. Фарель произнес свою первую проповедь в Эгле в пятницу, 30 ноября 1526г.

[51] *Там же*. ii. 14, 15.

[52] *Там же*. ii. 15 н.

[53] *Там же*. ii. 31 н.

[54] Фарел, похоже, попросил своих новообращенных принять крещение; они были крещены в присутствии прихожан при торжественном и публичном исповедании своей веры.—*Там же*. 48 н.

[55] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. ii. 105 л.

[56] *Там же*. ii. 130, 131.

[57] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. ii. 131 л.

[58] *Там же*. ii. 137.

[59] М. Эрминьяр приводит список их имен — Клод де Глантини, Александр ле Бель, Томас -, Анри Пурселле, Жан Боссе, Антуан Фроман, Антуан Маркур, Эймер Бейнон, Пьер Марму, Хьюг Тюртаз и, возможно, Жан Холар, Пьер Симонин или Симонье, Клод Биготье, Жан де Бели, Жан Фатон.

[60] Ср. письмо Фарела Фортунату Андронику в Эрминьяре, *Переписка* и т. Д. ii. 307.

[61] Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. ii. 270 н.

[62] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. ii. 365 н., 390.

[63] *Там же*. ii. 347, 372.

[64] *Там же*. ii. 362 н.

[65] The ordinance was entitled, *Ordnung wic sich pfarrer und prediger zu Statt und Land Bern, in leer und leben, halten sollen, mit wyterem bericht von Christo, und den Sacramenten, beschlossen im Synodo daselbst versamlet am 9 tag Januarij—Anno 1532*. Доктринальные решения Синода можно найти в Müller, *Bekenntnisschriften der reformierten Kirche* (Лейпциг, 1903), стр. 31 и далее.

[66] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. ii. 364.

[67] Фроман женился (1529) на Марии Дентьер, которая была настоятельницей монастыря в Турне и была изгнана за свои евангелические взгляды. Она была ученой дамой, подругой королевы Наваррской, которая иногда проповедовала, по словам монахини Жанны де Юсси, и обратила в свою веру многих. Она написала пикантное послание королеве Наварры, разоблачая интриги, которые вынудили Кальвина, Фареля и Корау покинуть Женеву. Часть этого очень редкого *Послания* напечатана Эрминьяром, *Корреспонденция* и т. Д., стр. 295 и далее.

[68] Фроман, *Деяния и поступки мервейля из города Женевы* (изд. 1854 г. Г. Ревиллод), стр. 9 и 12-15.

[69] Власти Фрайбурга в письме в Женеву фактически называли этого доминиканского монаха “лютеранским проповедником”; ср. их письмо, приведенное в Herminjard, *Переписка*, iii. 15 ф.

[70] *Там же*. iii. 38, f.

[71] Текст указа приведен в Herminjard, iii. 41 н.

[72] Жанна де Юсси, *Левен из кальвинизма*, стр. 53; Фроман, *Действия и жесты* др. 48-51.

[73] О деле Верли см. Письмо евангелистов Женевы Бернскому совету, приведенное в Эрминьярде, *Корреспонденция* и др., а также примечания редактора (iii. 46 и далее).

[74] После поражения его партии совместными усилиями Фрайбурга и Берна епископ покинул Женеву 1 августа 1527 г.; он вернулся туда 1 июля 1533 г., но снова уехал после двухнедельного пребывания (14 июля 1533 г.), по его словам, испытывая отвращение к акту иконоборчества.

[75] Священники Женевы были известны своей беспокойной жизнью. Мы читали по меньшей мере о пяти беспорядках, которые они возглавили. Каноны были хуже. Пьер Верли предпринял попытку убийства Фареля 3 октября 1532 года (Жанна де Жюсси, *Le Levain du Calvinisme*, стр. 50); он принимал активное участие в беспорядках, вызванных плакатами в 1532 году.

[76] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. iii. 38.

[77] *Le Levain du Calvinisme*, стр. 74, 75, 247 (где Кануса зовут Александром де Молендино). Фроман, который был вынужден покинуть Женеву, вернулся в город вместе с Александром Канусом сразу после отъезда епископа 14 июля 1533 года.

[78] Фербити позволил себе использовать сильные выражения. Даже романистический хронист, монахиня Жанна де Жюсси, записывает, что Фербити “задел за живое лютеранских собак”, и говорит, что “все те, кто принадлежал к этой проклятой секте, были распущенными, обжорами, похотливыми, амбициозными, убийцами и бандитами, которые не любили ничего, кроме чувственности, и жили как скоты, не почитая ни Бога, ни своих начальников” (*Le Levain du Calvinisme*, стр. 79).

[79] *Caffard* не нужно понимать как *лицемер*: оно обычно использовалось для обозначения нищенствующего монаха.

[80] Письмо приведено в “Эрминьяре”, “*Переписке*” и т. Д. iii. 119 f.

[81] Хроника МИСС Мишель Розет является источником заявления о приказе сжечь переводы Священного Писания.

[82] Furbiti был выпущен в апреле 1536 года по просьбе французского короля Франциска I. Его обменяли на Антуана Сонье, швейцарского евангелиста, находящегося в тюрьме во Франции. Такие обмены не были редкостью между протестантскими кантонами и Францией. Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. iii. 396 f.

Полный отчет о переговорах между Фарелем и Фурбити приведен в *Письмах о некоторых событиях, связанных с великими неприятностями и смутами в Женеве, о спорном факте в 1534 году* и др. (Базель, 1588). Брошюра очень редкая.

[83] К дому Бодишона примыкал, разделенный одним зданием, большой особняк, занимаемый сеньором де Торансом, ярким сторонником Реформации. Он был савойцем, изгнанным из своей страны из-за своих религиозных принципов. Он получил гражданство в Берне. Бернцы накануне своего посольства, которое прибыло в Женеву 4 января, купили этот дом и поселили в нем г-на де Торанса, намереваясь сделать его местом, где евангелисты могли бы встречаться в безопасности под защитой Берна. Вероятно, что во время особой опасности евангелисты

собирались там для публичного богослужения. Когда совет Фрайбурга возразил против проповеди Фареля, Совет Женевы ответил, что службы проводились в доме депутатов Берна. Ср. Эрминьяр, *Корреспонденция* и т. Д. ix. 459, f., 489 f.; Жанна де Жюсси, *Le Levain du Calvinisme*, стр. 91, 106, 107 (где бедная монахиня описывает различные церемонии реформированного культа со всем ядом и грубостью латинизма шестнадцатого века); Баум, *Процесс Бодишона по обвинению в мезонине в Лионе, 1534 г.* (Женева, 1873), стр. 110, 111; Думерг, *Жан Кальвин*, ii. 126 ф., iii. 196-98.

[84] Яд был подсыпан в шпинатный суп, и популярной историей было то, что Фарель сбежал, потому что ему не понравилась еда; что Фроман сел за стол, чтобы взять свою порцию, когда ему сообщили, что его жена и дети прибыли в Женеву — он сразу встал из-за стола, чтобы пойти им навстречу, и оставил суп нетронутым. Бедняга Вире был единственным, кто получил свою долю, и сразу после этого ему стало очень плохо. Признание заключенного, недавно эксгумированное из женевских архивов, рассказывает другую историю. Женщина сказала, что она нафаршировала ядом маленькую косточку и положила ее в миску Вире; но побоялась сделать то же самое с миской Фареля, потому что его суп был слишком прозрачным. Ср. Выдержки, процитированные в книге Думерга "*Жан Кальвин*" и т. Д. ii. 133, 134 п.

[85] Тезисы приведены в Ruchat, *История преобразования Швейцарии*, iii. 357.

[86] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. iii. 294, 295 п.

[87] *Le Levain du Calvinisme*, стр. 118.

[88] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. iii. 294 п.

[89] Froment, *Actes et Gestes*, etc. pp. 144-146: "Nous avons les dieux des Prebsters, en voullés vous? et les iectoynт apres cielx" (p. 145).

[90] Протокол приведен в Эрминьярде, *Переписке* и т. Д. iii. 424; и в письме двух Советов, написанном для сведения Советов Берна, на стр. 332.

[91] Фромант, *Действия и жесты* др. стр. 142-144.

[92] Наиболее полное современное изложение этих вопросов можно найти в "*Un opuscule inédit de Farel*"; "*Резюме актов судебного разбирательства 1535 года*", опубликованном в 22-м томе. of the *Mémoires et Documents publiées par la Société d'Histoire et Archæologie de Genève*. Она была перепечатана отдельно.

[93] Слова, использованные представителем светского духовенства, среди которых были каноники собора, были такими: "*sua non esse sustinere talia, cum nec sint sufficientes nec sciant.*"

[94] Протокол заседания Совета цитируется у Думерга, *Жана Кальвина* и др. ii. 147, 148.

[95] Для описания этих отношений см. Дюрант, *Политические отношения Женевы, Берна и Самоубийств, 1536 - 1564 гг.* (1894).

[96] The devout Romanist, Soeur Jeanne de Jussie, testifies, with mediæval frankness, to the dissolute lives of the Romish clergy: "*Il est bien vray que les Prelats et gens d'Église pour ce temps ne gardoient pas bien leurs vœus et estat, mais gaudissoient dissolument des biens de l'Église tenant femmes en lubricité et adultère, et quasi tout le peuple estoit infect de cest abominable et detestable péché: dont*

est à scavoir que les péchéz du monde abondoient en toutes sortes de gens, qui incitoient l'ire de Dieu à y mettre sa punition divine" (*Le Levain du Calvinisme*, p. 35; cf. minutes of the Council of Geneva at p. 241). Даже женевские монахи, за исключением монахинь Святой Клары, к которым принадлежала Жанна де Жюсси, были печально известны своим поведением; ср. Эрминьяр, *Переписка* и т. Д., ст. 349 н.

[97] Ср. письмо Вильдермута к Совету двухсот в Берне, в котором говорится, что Фарель находится в тюрьме в Пайерне: "Если бы со мной было двадцать бернцев, и с Божьей помощью мы бы не допустили того, что произошло" (Эрминьярд, *Переписка* и т. Д. ii. 344) .

[98] Думерг, *Жан Кальвин* др. i. 42.

[99] Думерг, *Жан Кальвин* др. i. 35.

[100] Кордье, Кордериус, Cordery было хорошо известно в шотландских приходских школах столетие назад, где его упражнения использовались почти на каждом уроке латыни. Он стал новообращенным реформатской веры и делал все возможное для распространения евангельских доктрин с помощью предложений, которые должны были быть переведены на латынь. Он последовал за своим великим учеником в Женеву и умер там на восемьдесят восьмом году жизни.

[101] Думерг, *Жан Кальвин* др. i. 126.

[102] *Реформаторский корпус*, xlix. стр. 121.

[103] Этим выводом я обязан моему брату, профессору Линдси из Сент-Эндрюса; он добавляет, что Плавта во времена юности Кальвина во Франции активно изучали.

[104] Ср. его письмо Фрэнсису Даниэлю, где он говорит о публикации Комментария; говорит, что он издал его за свой счет; что некоторые из парижских лекторов, чтобы помочь его продаже, сделали из него книгу, по которой они читали лекции, и надеется, что *публико этиам боно форте сессурум сит* (Эрминьяр, *Соответствие* и т.д. ii. 417).

[105] В письме Фрэнсису Даниэлю, датированном 27 октября 1553 года, Кальвин называет Жерара "нашим другом"; а в другом, написанном примерно в конце того же месяца, он описывает с мельчайшими подробностями, невозможными для любого, кто не входил во внутренний круг, комедию, разыгранную студентами колледжа Наварры, которая была сатирой, направленной против Маргарита, королева Наваррская, и Жерар Руссель, и дело о связи Парижского университета со стихотворением королевы, озаглавленным "*Мир печали*"; ср. Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. iii. 103-11.

[106] Lang, *Die Bekehrung Johannes Calvins* (1897); Doumergue, *Jean Calvin*, etc. i. 344, ff.; Müller, "Calvins Bekehrung" (*Nachrichten der Gött. Gel.* for 1905, pp. 206 ff.); Wernle, "Noch einmal die Bekehrung Calvins" (*Zeitschrift für Kirchengeschichte*, xxvii. 84 и далее. (1906)).

[107] Историю этого Дискурса, написанного Кальвином и произнесенного Копом, см. Э. Думерг, *Жан Кальвин; "Люди и выбор времени"* (Лозанна, 1899), i. 331 и далее; А. Ланг, "*Бекехрунг Дж. Кальвина*" (Лейпциг, 1897), стр. 46. и далее. Сведения о попытках арестовать Николя Копу и Кальвина см. в письме Франциска I. к парламенту Парижа в Эрминьяре, *Корреспонденция*, и т. д. iii. 114-118, и примечаниях редактора, также стр. 418.

[108] “Magister Gulielmus Farellus proponit sicuti sit necessaria illa lectura quam initiavit *ille Gallus* in Sancto Petro. Supplicat advideri de illo retinendo et sibi alimentando. Главное, что следует посоветовать, так это рекламировать саму суть” (Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. iv. 87 п.).

[109] О диспуте в Лозанне см. Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. iv. 86 f. (Письмо Кальвина Ф. Даниэлю, 13 октября 1536 г.); *Реформаторский корпус*, xxxvii. стр. 876 f.; Ручат, *История религии. Реформа Швейцарии*, том iv.; Думерг, *Жан Кальвин*, ii. 214 f.

[110] Десять тезисов опубликованы в *Corpus Reformatorum*, xxxvii. 701.

[111] Их звали Жан Мимар, регент школы в Веве; Жак Дроги, викарий Моржа; Жан Мишо, декан Веве; Жан Берийи, викарий Превессена; и доминиканский монах де Монбусон.

[112] *Реформаторский корпус*, xxxvii. 879-81.

[113] Куда бы Фарел ни приходил, он учреждал так называемую “конгрегацию”: раз в неделю в церкви слушателей приглашали задавать вопросы, на которые проповедник отвечал. Эти “конгрегации” были учреждением по всей Романской Швейцарии. Этот обычай преобладал в Женеве, когда туда приехал Кальвин, и был продолжен.

[114] Бонне, *Французские письма Кальвина*, ii. 574.

[115] “Il seroyt bien à désirer que la communication de la Sainte Cène de Jésusrist fust tous les dimenches pour le moins en usage, quant l’Église est assemblée en multitude” (*Corpus Reformatorum*, xxxviii. i. 7); cf. the first edition of the *Institutio* (1536): “Singulis, ad minimum, hebdomadibus proponenda erat christianorum cœtui mensa Domini.”

[116] Calvin says: “C’est une chose bien expédiente à l’édification de l’esglise, de chanter aulcungs pseumes en forme d’oraysons publicqs.” Переводы Псалмов Клемента Маро, которые впоследствии использовались в Женевской церкви, были опубликованы только в 1541 году, и псалмы, возможно, были религиозными песнопениями, такими, какие использовались в Реформатской церкви Невшателя с 1533 года; но следует помнить, что переводы Псалмов Давида существовали во Франции до Маро; ср. Эрминьяр, *Переписка*, iv. 163 н.

[117] “Et comment ne souhaiterions-nous pas voir notre siècle ramené à l’image de cette église primitive, puisqu’alors Christ recevait un plus pur hommage, et que l’éclat de son nom était plus au loin répandu?... Puisse cette extension de la foi, puisse cette pureté du culte, aujourd’hui que reparaît la lumière de l’Évangile, nous être aussi accordées par celui qui est béni au-dessus de toutes choses! Aujourd’hui, je le répète, que reparaît la lumière de l’Évangile, qui se répand enfin de nouveau dans le monde, et y éclaire de ses divins rayons un grand nombre d’esprits; de telle sorte que, sans parler de bien d’autres avantages, depuis le temps de Constantine, où l’Église primitive peu à peu dégénérée perdit tout a fait son caractere, il n’y a eu dans aucune autre époque plus de connaissance des langues.... —Lefèvre d’Étaples, *aux Lecteurs chrétiens de Meaux* (Herminjard, *Correspondance*, etc. i. 93).

[118] Преобладающей идеей было то, что евангельские пасторы были слугами общины и, следовательно, Советов, которые ее представляли. Ж. Ж. Ватвиль, знаменитый адвокат или президент Берна, решительный и щедрый сторонник Реформации, имел обыкновение говорить: “Ничто не мешает мне уволить слугу, когда он мне не нравится; почему бы городу не отправить своего пастор уйдет, если ему захочется?” (Эрминьяр, *Переписка*, vii. 354 н.).

[119] Эрминьяр, *Переписка* т.д. ix. 116.

[120] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. viii. 280, 281, ix. 117, vi. 183; Ruchat, *Histoire de la Réformation de la Suisse*, ii. 520, f.; Farel, *Summaire*, edition of 1867, pp. 78 ff.

[121] Мэтт. xviii. 15-17.

[122] Действия жителей четырех приходов, образовавших округ Фьез, иллюстрируют состояние ума, которому нам нелегко сочувствовать, и это показывает, что простые люди шестнадцатого века думали о полномочиях Советов, которые управляли их городами-республиками. Район принадлежал Женеве и находился под властью совета этого города. Жителям было разрешено сохранить католическую религию. Тем не менее, они были отлучены от церкви своим епископом за то, что преданно держались за Женеву. Они были честными римскими католиками; им была невыносима мысль о жизни под отлучением от церкви, и они жаждали отпущения грехов; епископ не давал этого; поэтому *люди обратились к Женевскому совету с просьбой отпустить им грехи*, что Совет и сделал, составив протокол, который гласит: “(4 апреля 1535 г.) О том, что такое запрос предложения о шастелене Тьеца, о том, что он, де Фьез, сомневается в том, что он будет представлен в суде по делу о прощении грехов (16 апреля), а причина, по которой в письмах об общении не может быть никаких исключений, в том, что человек добровольно желает избежать воспоминания об отпущении грехов.... Est esté résolu que l’on escrive une patente aux vicaires du dict mandement (district), que nous les tenons pour absols.” Этого было достаточно. Люди весело шли на пасхальные службы (Эрминьяр, *Корреспонденция* и т. Д. iv. 26 н.).

[123] Ср. письмо Бернского собора Совету Лозанны: “(июль 1541 г.): Заинтересованные стороны против словесного служения, похоти за жизнь гражданскую, вакханалии, ебриетаты, коммиссионные, contemptum Evangelii, rhythmos impudicos и т.д. , столица Лозанны, сын криминальных авторитетов. On leur remontre leur négligence à châtier les vices. Il leur est ordonné de punir, dans le terme d’un mois, les bacchantes et aussi celui qui a menacé le prédicant et l’a interpellé dans la rue. Il est également ordonné aux ambassadeurs qui seront envoyés pour les appels, de faire de sévères remontrances devant le Conseil et les Bourgeois, et de les menacer en les exhortant à s’amender” (Herminjard, *Correspondance*, vii. 145).

[124] This first Catechism has been republished and edited under the title, *Le Catéchisme français de Calvin, publié en 1537, réimprimé pour la première fois d’après un exemplaire nouvellement retrouvé et suivi de plus ancienne Confession de foi de l’Église de Genève, avec deux notices, l’une historique, l’autre bibliographique*, par Albert Rilliet et Théophile Dufour, 1878. Любопытная библиографическая история книги приведена в Doumergue, *Жан Кальвин*, ii. стр. 230; и более подробно в предисловии к переизданию.

[125] Müller, *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche*, p. 111.

[126] Этот вопрос тщательно обсуждается Рилье в его *Французском катехизисе Кальвина*, а также Думергом, *Жаном Кальвином* т. Д. ii. 237-39.

[127] Письмо из Берна (датированное 28 ноября) было зачитано непокорным, которые уступили и приняли Признание 4 января 1538 года (Эрминьяр, *Переписка*, iv. 340 н.).

[128] *Действия и поступки мервейе*, стр. 215, ф.

[129] Эрминьяр, *Переписка* и т. Д. iv. 403, 404, 407; Думерг, *Жан Кальвин* т. Д. ii. 278.

[130] Эрминьяр, *Переписка* т.д., iv. 413.

[131] 8 апреля сообщалось, что Корау сказал в проповеди, что Женева - царство пьяниц и что городом правят пьяницы (по всем данным, правдивая констатация факта, но вряд ли подходящая для проповеди), и в результате предстал перед Советом.

[132] Эрминьяр, *Переписка* т.д. iv. 413-16, 420-22.

[133] Кальвин говорит, что он хотел, чтобы этот вопрос регулярно выносился на суд народа и обсуждался: "*Concio etiam a nobis habeatur de ceremoniarum libertate, deinde ad conformitatem populum adhortemur, propositis ejus rationibus. Demum liberum ecclesiae judicium permittatur.*" Ср. меморандум, представленный Цюрихскому синоду Кальвином и Фарелем, *там же*. v. 3; *Реформаторский корпус*, xxxviii. ii. 191.

[134] Эрминьяр, *Переписка* т.д. iv. 423, 425, 426, 427, v. 3, 24.

[135] Стоит отметить, что в то время как три письма из Берна были представлены Совету Двухсот, решения Лозаннского синода были представлены на Генеральном совете. Хотел ли Совет придать своему решению видимость церковного авторитета?

[136] Бонне, *Французская литература Кальвина*, ii. 575, 576.

[137] "A ceste cause, vous instantement, très-acertes et en fraternele affection prions, admonestons et requérons que ... la rigueur que tenés aux dits Farel et Calvin admodérer, pour l'amour de nous et pour éviter scandale, contemplant que ce qu'avons à vous et à eulx escript pour la conformité des cérémonies de l'Eglise, est procédé de bonne affection et par mode de requeste, et non pas pour vous, ne eulx, contraindre à ces choses, que sont indifferentes en l'Eglise, comme le pain de la Cène et aultres" (Herminjard, *Correspondance*, etc. iv. 428).

[138] Для письма Берна в Женеву и ответа Женевы, ср. Эрминьяр, *Переписка* т. Д. iv. 427-430.

[139] *там же*. Ив. 165 Н.

[140] Мемуары, представленные Цюрихскому синоду, были напечатаны Эрминьяром, *Корреспонденция*, т. 3-6, и в *Corpus Reformatorum*, xxxviii. ii. 190-192. В заключении содержится просьба к Берну изгнать со своей территории непристойные песни и уловки, чтобы жители Женевы не могли ссылаться на их пример в качестве оправдания.

[141] "Wir habent ouch durch Etlich unsere vorordneten uffs ernstlichest mit ihnen reden lassen sich etlicher ungeschigter scherpfte zemaassen und sich by disem unerbuwenem volck Cristenlicher sennffmütigkeit zu beflyssen" (*Corpus Reformatorum*, xxxviii. ii. 193).

[142] В протоколе Бернского собора говорится: "Женевцы отказались принять Кальвина и Фареля. Если моим господам понадобятся проповедники, они будут помнить о них" (Эрминьяр, *Переписка*, ст. 20 н.).

[143] Эрминьяр, *Переписка* и т. Д., v. 139; *Реформаторский корпус*, xxxviii. ii. 181.

[144] Думерг, *Жан Кальвин* и др. ii 681 и далее.

[145] *Реестры Совета*, xxxiv. f., 483, 485, 490 (цитируется в Doumergue, *Жан Кальвин*, ii. 700).

[146] Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française* (Geneva, 1866-93), vi. 365.

[147] *Реформаторский корпус*, xxxix. (xi.) 114.

[148] *Там же*. стр. 54.

[149] *Там же*. стр. 170.

[150] Эрминьяр, *Переписка* т.д. vii. 77.

[151] *Реестры Совета*, xxxv. f., 324 (цитируется в Doumergue, *Жан Кальвин* др. ii. 710).

[152] О замечательном влиянии Кальвина на французскую реформацию и ее причинах см. Ниже, стр. 153 и далее.

[153] *Статьи* 1537 года в *Реформаторском корпусе*, xxxviii. i. (x. i.) 5-14; *Постановления* 1541 года; *там же*. стр. 15-30; *Постановления* 1561 года; *там же*. стр. 91-124; *Учреждение*, IV . cc. i.-xii.

[154] *Реформаторский корпус*, xxxviii. i. 121, 122.

[155] *Кембриджская современная история*, ii. 375.

[156] На одной стороне камня начертано:

Le xxvii Octobre MDLIII
Mourut sur le bucher à Champel
Michel Servet
de Villeneuve d'Aragon, né le xxix Septembre MDXI.

а с другой:

Fils respectueux et reconnaissants de Calvin notre grand réformateur, mais condamnant une erreur qui fut celle de son siècle et fermement attachés à la liberté de conscience selon les vrais principes de la Reformation et de l'Évangile, nous avons élevé ce monument expiatoire. Le xxvii Octobre MCMIII.

[157] Подобно Жаку Бернару, францисканскому монаху, который был одним из пасторов в Женеве после изгнания Кальвина и Фареля, который “cum esset inter Evangelii exordia, враждебно настроенный, пожертвовал Христом aliquando in uxoris forma contemplatus est”.

[158] *Реформаторский корпус*, xxxviii. i. (x. i.) 17-20, 45-48, 55-58, 93-99, 116-118.

[159] *Реформаторский корпус*, xxxviii. i. (x. i.) 65-90.

[160] *Mémoires d'un protestant condamné aux galères de France pour cause de religion, écrits par lui-même* (1757, repub. 1865), pp. 404-407.

[161] Sources: Théodore de Bèze (Beza), *Histoire Ecclésiastique des églises réformées au Royaume de France* (ed. by G. Baum and E. Cunitz, Paris, 1883-89); J. Crespin, *Histoire des martyrs persécutés et mis à mort pour la vérité* (ed. by Benoist, Toulouse, 1885-87); Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française*, 9 vols. (Женева, 1878-91); *Письма, Реформаторский корпус*, тома. XXXVIII. ii.-XLVIII. (Брансуик, 1872 и др.); Бонне, *Письма Жана Кальвина*, 2 тома. (Париж, 1854).

Более поздние книги: Э. Думерг, *Жан Кальвин*, 3 тома. (опубликовано в Лозанне, 1899-1905); Х. М. Бэрд, *История восстания гугенотов* (Лондон, 1880) и Теодор Беза (Нью-Йорк, 1899); Лависс, *История Франции*, т. i. стр. 339 и далее; ii. 183 и далее; VI. i. ii.; Гамильтон, "Париж при королях Валуа" (англ. *История. Обзор*, 1886, стр. 260-70).

[162] Маргарита родилась в Ангулеме 11 апреля 1492 года; вышла замуж за слабого герцога Алансонского в 1509 году; овдовела в 1525 году; вышла замуж за Анри д'Альбре, короля Наварры, в 1527 году; умерла в 1549 году. Ее единственным ребенком была Жанна д'Альбре, героическая мать Генриха Наваррского, который стал Генрихом IV французским. Когда она была герцогиней Алансонской, ее двор в Бурже был центром гуманистов и реформаторов Франции; когда она стала королевой Наварры, ее замок в Нераке стал убежищем для всех преследуемых протестантов. The literature about Marguerite is very extensive: it is perhaps sufficient to mention—Génin, *Lettres de Marguerite d'Angoulême, reine de Navarre* (published by the *Société de l'Histoire de France*, 1841-42); *Les idées religieuses de Marguerite de Navarre, d'après son œuvre poétique*; A. Lefranc, *Les dernières poésies de Marguerite de Navarre* (Paris, 1896); Becker, "Marguerite de Navarre, duchesse d'Alençon et Guillaume Briçonnet, évêque de Meaux, d'après leur correspondance manuscrite, 1521-24" (in the *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme française*, xlix. Париж, 1890); Дарместетер, *Маргарита Ангулемская, королева Наварры* (Лондон, 1886); Лависс, *История Франции*, v. i.; Эрминьяр, *Переписка* и др., том i., который содержит шестнадцать писем, написанных ею, и двенадцать адресованных ей.

[163] Louise de Savoie, *Journal*, 1476-1522 (in Michaud et Poujoulat, *Collection*, etc. v.).

[164] Лефранк, "Маргарита Наваррская и платонизм Возрождения" (тома. lviii. lix. *Bibliothèque de l'École des Chartes*, 1897-98).

[165] Эрминьяр, *Переписка* т.д. i. 67.

[166] *Гептамерон*, Предисловие.

[167] Там же., Новая версия xxxiii.

[168] Брисонне принадлежал к знатной семье. Он родился в 1470 году, предназначался для Церкви, был архидиаконом Реймса, епископом Лодева в 1504 году, в 1507 году получил богатое аббатство Сен-Жермен-де-Пре в Париже и стал епископом Мо в 1516 году. Он сразу же начал реформировать свою епархию; заставил своих кюре проживать в их приходах; разделил епархию на тридцать два округа и послал в каждый из них по проповеднику на часть года.

[169] Ср. К. Х. Граф, "Jacobus Faber Stapulensis", в "*Журнале исторической теологии*" за 1852 год, 1-86; Думерг, *Жан Кальвин*, i. 79-112; Эрминьяр, *Переписка*, i. 3 н.

[170] Эрминьяр, *Переписка*, i. 78, 84, 85 н.

[171] Похоже, что общеизвестно, что Лефевр путешествовал по Германии в поисках рукописей некоторых ранних авторов-мистиков и что он опубликовал в 1513 году первое печатное издание "*Liber Quoscivias*" Хильдегарды Бингенской (Пельтцер, *Deutsche Mystik und deutsche Kunst* (Страсбург, 1899), стр. 35)., под заглавием *Liber trium virorum et trium spiritualium virginum* (Париж, 1513).

[172] Эрминьяр, *Переписка*, i. 37 п., 47, 48 п., 63 и п., 64 и т.д.

[173] *Журнал парижской буржуазии о наследии Франсуа I. 1515-1536* (Париж, 1854), стр. 104.

[174] Эрминьяр, *Переписка*, i. 153 и далее.

[175] *Журнал Буржуаи* др. стр. 169.

[176] Эрминьяр, *Переписка*, i. 84, 105; ср. 85 н.

[177] На грабежи этих банд разбойников часто ссылаются в *Журнале Парижской буржуазии*, стр. 119, 159, 166, 176, 185, 201, 249, 257, 402, 196.

[178] Ср. *Журнал Буржуаи* др. стр. 276.

[179] *Journal d'un Bourgeois*, etc.: "Fut sonné par deux trompettes et crié au Palays sur la pierre de marbre, que s'il y avoit personne qui sceut enseigner celui ou ceulx qui avoient fisché les dictz placars, en révélant en certitude, il leur seroit donné cent escus par la cour" (p. 442).

[180] Там же. стр. 442-444. Дофин, герцоги Орлеанский и Ангулемский и молодой немец, принц Вандомский, пронесли четыре дубинки, поддерживая "un beau ciel" над Войском.

[181] *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme français* for 1858, pp. 166 ff.

[182] Х. М. Бауэр, *Четырнадцать из Мо* (Лондон, 1894).

[183] Ср. выше, стр. 92 и далее. То, что ниже говорится о влиянии Кальвина на Реформацию во Франции, было в значительной степени заимствовано у М. Анри Лемонье, *История Франции* др. (Париж, 1903-4), Т. i, с. 381-383, ii, с. 183-187 и т. Д.; Только француз может описать это и его самого с сочувствием.

[184] Венецианский посол при французском дворе в письме дожу в 1561 году говорит: "Ваше Светлость, вряд ли поверите влиянию и огромной власти, которыми обладает в этом королевстве главный министр Женева по имени Кальвин, француз и уроженец Пикардии. Это человек необычайного авторитета, который своим образом жизни, своими доктринами и своими трудами возвышается над всеми остальными" (*Календарь государственных документов, Венецианский, 1558-80*, стр. 323).

[185] Кэлвин не испытывал недостатка в воображении. Освященное воображение никогда не совершало более грандиозного полета, чем в мысли о том, что *Божий Замысел* медленно движется сквозь Века, стремясь к искуплению и установлению Царства, что является главной идеей в *христианском учреждении*. Именно де Без (Beza), а не Кальвин, был отцом доктрины предопределения семнадцатого века — концепции, которая отличалась от концепции Кальвина так же сильно, как скелет отличается от человеческого инстинкта жизни и действия.

[186] Henri Lemonnier, *Histoire de France*, etc. (Париж, 1903) T. i. 383.

[187] “Кэлвин будущий великий писатель. Je dirais même que ce fut le plus grand écrivain du 16e siècle si j’estimais plus que je ne fais le style proprement dit.... Encore est-il qu’il me faut bien reconnaître que le style de Calvin est de tous les styles du 16e siècle celui qui a le plus de style.... Reste qu’il parle l’admirable prose, si claire, limpide et facile, du 15e siècle, avec ce quelque chose de plus ferme, de plus nourri et de plus viril que l’étude des classiques donne à ceux qui ne poussent pas jusqu’à l’imitation servile et à l’admiration des menus jolis détails. Reste qu’il parle la langue du 15e siècle avec quelques qualités déjà du 17e. C’est précisément ce qu’il a fait, et il est un des bons, sinon des sublimes, fondateurs de la prose française” (Emile Faguet, *Scizième Siècle: Études Littéraires*, pp. 188-89, Paris, 1898).

[188] *Кембриджская современная история*, ii. 366.

[189] *Французский катехизис*, стр. 132. *Опера*, v. 319.

[190] Этот термин был заимствован из указов “претендуге реформации религии ладит”, без соответствующих прилагательных.

[191] Анри Лемонье, *История Франции* др. (Париж, 1903) T. ii. 187.

[192] Sources in addition to those mentioned on p. 136: *Lettres inédites de Diane de Poitiers, publiées avec une introduction et des notes par G. Guiffrey* (Paris, 1866); *Mémoires de Gaspard de Saulx-Tavannes, 1530-73* (published in the *Collection of Michaud and Poujoulat*, viii.); *Mémoires de François de Guise* (in the same collection, vi.); *Lettres de Catherine de Médicis and Papiers d’État du Cardinal de Granvelle* (in the *Collection des Documents inédits de l’Histoire de France*); *Lettres d’Antoine de Bourbon et de Jeanne d’Albret* (in the publications of the *Société de l’Histoire de France*); *Les Œuvres complètes de Pierre de Bourdeille, Seigneur de Brantôme* (edit. Л. Лаланн для Общества истории Франции, важного для личности и морали того времени); К. Вайс, “Горячая палата”, этюд о свободе совести во Франции, “Су Франсуа I. и Анри II”. 1540-50 (Париж, 1889). Лейярд, *Депеши Микеле Суриано и Маркантонио Барбаро, венецианских послов при Французском дворе* (Лимингтон, 1891, изд. Лондонским обществом гугенотов). Teulet, *Relations politique de la France et de l’Espagne avec l’Écosse* (Paris, 1862); and *Papiers d’État relatifs a l’Histoire de l’Écosse* (*Bannatyne Club*, Paris, 1851); *Correspondance du Cardinal de Granvelle* (Brussels, 1877-96); *Calendar of State Papers, Venetian, 1558-80* (London, 1890, etc.)

Более поздние книги в дополнение к тем, что упомянуты на стр. 136: А. де Рубле, *Трактат Като-Камбрезиса* (Париж, 1889); А. Уайтхед, *Гаспар Колиньи, адмирал Франции* (Лондон, 1905); *Исторический и литературный бюллетень истории французского протестантизма* под редакцией Вайса - кладезь информации по всем вопросам, связанным с Реформацией во Франции. А. де Рубле, *Антуан де Бурбон и др. Жанна д’Альбре* (Париж, 1881-82) и *Коллегия де Пуасси* (Париж, 1889); Ф. Декрю, *Анна де Монморанси* (Париж, 1885-89).

[193] *Парламенты* были высшими судебными инстанциями Франции. Безусловно, самым важным был *парламент* Парижа, юрисдикция которого распространялась на Пикардию, Шампань, Иль-де-Франс, Орлеан, Мэн, Турень, Анжу, Пуату, Аюни, Берри, Бурбонне, Овернь и Ла Марш - почти половину Франции. Другие *парламенты* во времена Генриха II. это были районы Нормандии, Бретани, Бургундии, Дофине, Прованса, Лангедока, Гиенны, а до 1559 года - Шамбери и Турина. *Парламенты* часто упоминаются под названиями городов, в которых они

встречались; так, *парламент* Нормандии называется *парламентом* Руана; в Провансе - *парламентом* Экса; в Лангедоке - *парламентом* Тулузы.

[194] Вайс, "Пламенная палата", этюд о свободе совести во Франции, "Су Франсуа I. и Анри II", 1540-50 (Париж, 1889), очень ценен благодаря содержащемуся в нем собранию документов. История мучеников Креспена и др., проверенная по официальным документам, которые теперь доступны, была признана почти неизменно правильной и без преувеличения. Weiss, "Une Semaine de la Chambre ardente" (1-8 Oct. 1549), in the *Bulletin historique et littéraire de la société de l'histoire du protestantisme français* for 1899; and *Des cinq escoliers sortis de Lausanne brulez a Lyon* (Geneva, 1878).

[195] *Institutio Christianæ Religionis*, IV. iii. iv.

[196] Athanase Coquerel fils, *Précis de l'histoire de l'église réformée de Paris* (Paris, 1862)—valuable for the numerous official documents in the appendix.

[197] Antoine de Chandieu, *Histoire des persécutions et martyrs de l'Église de Paris, depuis l'an 1537* (Lyons, 1563).

[198] *Œuvres complètes de Pierre de Bourdeille, Seigneur de Brantôme*, edited by L. Lalanne for the *Société de l'Histoire de France* (11 vols., Paris, 1864-82), ix. 161-62.

[199] Более вероятно, что были представлены только двенадцать церквей — Париж, Сен-Ло, Руан, Дьепп, Анже, Орлеан, Тур, Пуатье, Сент, Маренн, Шательро и Сен-Жан-д'Анжели. Х. Дитерлен, *Генеральный синод Парижа, 1559 г.* (Монтобан, 1873): это было опубликовано в качестве дипломной работы для теологического факультета (протестантского) Монтобана.

[200] Исповедание можно найти в Шаффе, *Вероучения евангелическо-протестантских церквей* (Лондон, 1877), стр. 356 и далее; Мюллер, *Свод законов реформаторской церкви* (1903), стр. 221; различные тексты обсуждаются на стр. xxxiii.

[201] Консистории иногда снисходили до деталей. В более спокойные дни после Нантского эдикта пастор и консистория Монтобана считали, что прическа мадам де Морней была обычным делом: мадам горячо спорила с ними; ср. *Воспоминания мадам дю Плесси-Морней* (*Общество истории Франции*, Париж, 1868-69), i. 270-310.

[202] *Бюллетень Исторического общества. du protestantisme français*, 1854, p. 24.

[203] Hauser, "La Réforme et les classes populaires en France au XVIe siècle" in the *Revue d'hist. mod. и современник* я. (1899-1900).

[204] Лучшая книга о Рене - "Родоканчи, Рене де Франс, герцогиня Феррарская" (1896).

[205] О братьях Шатиллу см. Уайтхед, *Гаспар де Колиньи, адмирал Франции* (Лондон, 1905).

[206] Исполнение Псалмов в версии Клемента Маро не было явно протестантским. Первое издание перевода, включающее тридцать Псалмов, появилось в Париже в 1541 году и в Женеве в 1542 году. Женевское издание имело приложение, озаглавленное "Наставление администратора о таинствах, совершаемых в кутуме древней Церкви и комме по наблюдению за Женовой", и, несомненно, было протестантской книгой; но парижское издание вместо этого содержало рифмованные версии Молитвы Господней, апостольского символа

веры и приветствия ангела Богородице. Эта книга была большой любимицей Франциска I. Говорят, что он спел несколько псалмов на смертном одре. Он был очень популярен при дворе Генриха II, где у придворных вошло в моду выбирать любимый псалом, который король разрешал им называть “своим собственным”. Henri’s “own” was Ps. xlii., *Comme un cerf altéré brame après l’eau courante*. Он был великим охотником. У Екатерины Медичи был псалом VI. Однако пение псалмов в Пре-о-Клерк было расценено как демонстрация против Суда, и д'Андело был заключен в тюрьму за его настойчивое посещение.

[207] Семья Гизов, сыгравшая такую важную роль во французской истории со времен правления Генриха II. после падения Лиги она стала французской в лице Клода, пятого сына Рене, герцога Лотарингии, который унаследовал земли своего отца, расположенные во Франции. Франциск I осыпал его почестями и землями. Семья всегда была предана папству и пользовалась их преданностью. Брат Клода, Жан, стал кардиналом, когда ему было двадцать лет, и сам накопил огромное количество благодеяний. Они перешли к его племянникам, Карлу, который был сначала кардиналом Гиза, а затем кардиналом Лотарингии, и Людовику, который был кардиналом Гиза. Накопленные пособия, которыми пользовался Карл, составили более 300 000 ливров. Гизы не зря служили Римской церкви.

[208] Улица Марэ-Сен-Жермен называлась *маленькая Женева*, потому что предполагалось, что она в основном населена протестантами. Он был выбран из-за его удаленности от центра Парижа и потому, что частично находился под юрисдикцией аббатства Сен-Жермен-де—Пре и Университета - двух корпораций, чрезмерно ревниво относящихся к нарушениям их прав полицией. Ср. Атаназ Коккерель Филь, “История одной улицы Парижа”, в *Бюллетене исторического и литературного общества французского протестантизма* за 1866 год, стр. 185, 208.

[209] *Воспоминания принца де Конде* (Гаага, 1743); Герцог д'Омаль, *История принцев де Конде, xvi^e и xvii^e годы*, i. 57 (Париж, 1863-64; англ. пер., Лондон, 1872); Армстронг, *Французские религиозные войны* (Лондон, 1892).

[210] *Гугенот Шансонье XVIe века* (Париж, 1871), стр. 204, 245.

[211] Бюшо, *Катрин де Медичи* (Париж, 1899); Эдит Сихель, *Екатерина Медичи и французская реформация* (Лондон, 1905).

[212] Дети Екатерины были — Франциск II, 1544-60; Елизавета (замужем за Филиппом II Испанским в 1559 году), 1545-68; Клод (ум. Карлу III), герцог Лотарингии (1558), 1547-75; Луи, герцог Орлеанский, 1548-50; Карл IX, 1550-74; Анри III. (первый герцог Орлеанский, затем герцог Анжуйский), 1551-89; Франциск (герцог Алансонский, затем герцог Анжуйский), 1554-84; Маргарита (замужем за Генрихом IV.), 1552-1615; и близнецы, умершие в год своего рождения, Виктория и Жанна, р. 1556.

[213] Некоторые говорят, что Екатерина либо изобрела, либо ввела в моду современное дамское боковое седло; в средние века дамы ездили верхом, или на заднем сиденье, или сидели боком верхом, поставив ноги на доску, которая была подвешена к передней и задней части седла.

[214] G. Picot, *Histoire des États Généraux*, ii. (Париж, 1872).

[215] Жанна д'Альбре решительно протестовала; ср. *Письма д'Антуана де Бурбона и Жанны д'Альбре*, стр. 233 f.

[216] For the Colloquy of Poissy, cf. Ruble, "Le Colloque de Poissy" (in *Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile de France*), vol. xvi., (Paris, 1889); Kliptfel, *Le Colloque de Poissy* (Paris and Metz, 1867).

[217] Lavissee, "Le Massacre, fait à Vassy" in *Grandes Scènes historiques du xvie siècle* (Paris, 1886).

[218] *Письма Антуана де Бурбона и Жанны д'Альбре* (Париж, 1877), стр. 305 и далее. (Письмо Екатерине Медичи); стр. 322 и далее (письма протестантам за пределами Ла-Рошели). В своем письме Екатерине Жанна требует для протестантов свободы вероисповедания и всех прав и привилегий простых граждан: если они не будут предоставлены, начнется война.

[219] Для попытки убийства Колиньи, ср. Whitehead, *Gaspard de Coligny, Admiral of France* (London, 1905), pp. 258, ff.; *Bulletin de l'histoire du Protestantisme Français*, xxxvi. 105; *Bulletin de la Société de l'histoire de Paris*, etc. xiv. 38.

[220] На Варфоломеевскую резню, ср. Боннардо, *Реестры освобождения Бюро города Парижа (1568-1572)*, vii. (Paris, 1893); *Mémoires de Madame du Plessis-Mornay*, publ. by the Société de l'histoire de la France (1868); *Mémoires et Correspondance de Du Plessis-Mornay* (1824), ii.; Bordier, *Saint Barthélemy et la critique moderne*; Whitehead, *Gaspard de Coligny, Admiral of France* (London, 1905), pp. 253, ff.; Froude, *History of England* (London, 1887), ix.-x.; Mariéjol, *Histoire de France*, etc., VI. i. 114, ff.

[221] Существование этой медали было беззастенчиво опровергнуто некоторыми римско-католическими полемистами. Это описано и изображено в "*Нумизматах понтификума*" иезуита Бонани (Рим, 1689), i. 336. Во Франции были отчеканены две памятные медали, и на реверсе одной из них Карл IX. изображен в виде Геркулеса с дубиной в одной руке и факелом в другой, убивающего семиглавую Гидру. Они фигурируют в *Бюллетене Французского общества истории протестантизма* за 1855 год, стр. 139, 140.

[222] La Ferrière, *Catherine de Médicis et les Politiques* (Paris, 1894).

[223] Пьер де л'Эстуаль, *Журнал Анри III.* (Париж, 1875-84); Мишле, *История Франции*, тома xi и xii; Джексон, *Последний из Валуа* (Лондон, 1888).

[224] *Dialogue d'entre le Maheustre et le Manant; contenant les raisons de leurs débats et questions en ces présens troubles au royaume de France 1594*; this rare pamphlet is printed in the *Satyre Menippée, de la vertu du Catholicon d'Espagne*, Ratisbon (Amsterdam), 1709, iii. 367 ff. *Mémoires de la Ligue, contenant les événemens les plus remarquables depuis 1576 jusqu' à la paix accordée entre le roi de France et le roi d'Espagne en 1598* (Amsterdam, 1758); Pierre de l'Estoile, *Journal de Henri III.* (Paris 1875-84), and *Journal du règne de Henri IV.* (The Hague, 1741); Robiquet, *Paris et la Ligue* (Paris, 1886); Victor de Chalamert, *Histoire de la Ligue* (Paris, 1854); Maury, "La Commune de Paris de 1588" (in *Rev. des Deux Mondes*, Sept. 1, 1871).

[225] Сцены в День баррикад описаны в современной статье, напечатанной в *Сатире Мениппея* (изд. 1709), iii. 39 и далее.

[226] Браун, "Убийство Гизов, описанное венецианским послом" (*англ. История. Обзор*, x. 304).

[227] *История происхождения революции во Франции* (Париж, 1904), VI. i. 298, ф., X. Мариежоль.

[228] They argued: “Je vous demande, voudriez-vous bailler une fille pudique, honneste, belle, vertueuse et modeste, à un homme desbauché, et abandonné à tous vices, sous ombre qu’il vous diroit qu’il s’amenderoit, et qu’il n’y retournoit estant marié, que vous luy osteriez vostre fille? Je crois que tout bon pere de famille ne se mettroit en ce hazard, ou feroit un tour d’homme sans cervelle. Or c’est l’Eglise Catholique, Apostolique et Romaine qui est une pucelle, belle et honneste en cette France qui n’a jamais eu pour Roy un hérétique, mais tons bons Catholiques et assidez à Jesus-Christ son espoux. Voudriez-vous done bailler cette Eglise que les François ont tant fidèlement servie et honorée sous leur Rois Catholiques, aujourd’huy la prostituer entre les mains d’un hérétique, relaps et excommunié?”—“Dialogue d’entre le Maheustre et le Manant” (*Satyre Menippée*, iii. 387.)

[229] Источники: *Список писем Генриха IV.* (*Collection de Documents inédits*, Paris, 1843-72), 8 vols.; Alberi, *Relazioni degli Ambasciatori Veneti* (Florence, 1860, etc.); Charles, Duc de Mayenne, *Correspondance*, 2 vols. (Париж, 1860); Сэр Х. Аптон, *Переписка (Роксбург Клуб, Лондон, 1847)*; Дю Плесси-Морней, *Воспоминания*, 4 тома. (Amsterdam, 1624-52); Madame Du Plessis-Mornay, *Mémoires sur la Vie de Du Plessis-Mornay* (Paris, 1868-69, Soc. *Hucm. de France*); Maréchal de Bassompierre, *Journal de marie 1579-1640*, 4 vols. (Париж, 1870-77, Соч. *История. de France*); *Satyre Menippée*, 3 vols. (Ratisbon (Amsterdam), 1709); Bénéoit, *Histoire de l’édit de Nantes*.

Более поздние книги: Бэрд, *Гугеноты и Генрих Наваррский* (Лондон, 1887); Джексон, *Первый из бурбонов*, 2 тома. (London, 1890); Lavissee, *Histoire de France*, VI. i. ii. (Paris, 1904-5).

[230] Источники: Брандт, *История реформации и других церковных сделок в Нидерландах и около них* (английский перевод в 4 томах. fol., Лондон, 1720: оригинал на голландском был опубликован в 1671 году); Бригер, *Алеандр и Лютер* (Гота, 1894); Калкофф, *Послание нунция Алеандра* (Галле, 1897); Пуле Пиот, *Переписка кардинала Гранвеля*, 12 томов. (Brussels, 1878-97); Weiss, *Papiers d’État du Cardinal Granvelle*, 9 vols. (Paris, 1841-52); Gachard, *Correspondance de Philippe II. sur les affaires des Pays Bas*, 5 vols. (Brussels, 1848-79); *Correspondance de Marguerite d’Autriche avec Philippe II.*, 1554-68 (Brussels, 1867-87); *Correspondance de Guillaume le Taciturne, Prince d’Orange*, 6 vols. (Брюссель, 1847-57); ван Принстерер, *Архив корреспонденции в Доме Оранжевых в Нассау*, в двух сериях, 9 и 5 томах. (Utrecht, 1841-61); Renon de France, *Histoire des troubles des Pays-Bas*, 3 vols. (Brussels, 1886-92); *Mémoires anonymes sur les troubles des Pays-Bas*, 1565-80 (in the *Collection, dcs Mémoires sur l’histoire de Belgique*).

Более поздние книги: Армстронг, *Чарльз V.* (Лондон, 1902); Мотли, *Возвышение Голландской республики* (Лондон, 1865); Патнэм, *Уильям Молчаливый* (Нью-Йорк, 1895); Харрисон, *Уильям Молчаливый* (Лондон, 1897); *Кембриджская современная история*, III. vi. vii. (Кембридж, 1904).

[231] Брандт, *История реформации* и т. Д. i. 49; ср. *Журнал парижской буржуазии*, стр. 185.

[232] Собрание их любовных песен, джоупарти, пастурелей и фаблю можно найти в "Бельгийских труверах" Шелера (Брюссель, 1876).

[233] *Переписка Филиппа II. sur les affaires des Pays-Bas*, i. 321, 327, 379; *Correspondance de Guillaume le Taciturne*, ii. 161, 168.

[234] Van der Meersch, *Recherches sur la vie et les travaux des imprimeurs belges et hollandais*, pp. 142-144; cf. Walther, *Die deutsche Bibelübersetzungen des Mittelalters*, p. 652.

[235] Алеандр в письме кардиналу Медичи (8 сентября 1520 г.) приписывает распространение лютеранства в Нидерландах учению Эразма и приора августинцев в Антверпене.—Бригер, *Алеандр и Лютер, 1521; Die vervollständigten Aleander-Depeschen* (Гота, 1884), стр. 249.

[236] Калкофф, "Смерть нунция Алеандра" (Галле, 1897), стр. 20.

[237] Brieger, *Aleander und Luther; Die vervollständigten Aleander-Depeschen*, pp. 249, 252, 262.

[238] Обращение Графея к канцлеру суда Брабанта полностью напечатано в "Истории реформации" Брандта ... в Нидерландах (Лондон, 1720), i. 42.

[239] Wackernagel, *Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit bis an zu Anfang des xvii. Jahrhunderts*, iii. 3.

[240] Брандт, *История реформации в Нидерландах* (Лондон, 1720), стр. 51.

[241] Историю борьбы с анабаптистами Нидерландов подробно описывает С. Блаупо тен Кейт в "Путешествиях по Доопсгезиндену во Фрисландии" (Леуварден, 1839); *Путешествиях по Доопсгезиндену в Гронинген* (Обериссель, 1842); *История создания Доопсгезиндена в Голландии в Гелдерланде* (Амстердам, 1847). Краткое изложение истории анабаптистов приведено в книге Хита "Анабаптизм" (Лондон, 1895), которая намного точнее обычных отчетов.

[242] Ср. *Письма и бумаги, иностранные и внутренние, времен правления Генриха VIII.*, IV. iii. 2685 (Хэлкету Таллеру).

[243] Ср. ниже, стр. 432 f.

[244] Ср. i. 96 и далее.

[245] Несколько упоминаний об анабаптистах Нидерландов можно найти в *письмах и бумагах, иностранных и отечественных, времен правления Генриха VIII.* Хакетт в письме Кромвелю говорит, что "эта новая секта 'повторного крещения' затронула многие места", vii. стр. 136. Он рассказывает о кораблях с эмигрантами (стр. 165, 166) и говорит, что им так сочувствовали, что было трудно набрать солдат для борьбы с ними; что регент послал 10 000 дукатов, чтобы помочь епископу Мюнстера сокрушить их (стр. 167); и ходили дикие слухи, что Генрих VIII. отправил деньги анабаптистам Мюнстера в отместку за отказ папы Римского ему в разводе (стр. 185).

[246] Королевская академия Бельгии опубликовала (Брюссель, 1877-96) *Переписку кардинала де Гранвеля* в 12 томах, а в *Собрании документов по истории Франции* есть *Документы государственного деятеля кардинала де Гранвеля* в 9 томах, отредактированные К. Вайсса (Париж, 1841-52). Эти тома раскрывают внутреннюю историю восстания в Нидерландах. Документы, которые относятся к восстанию в *Государственных документах*, начинаются со стр. 588 тома v. Они показывают, как с самого начала Филипп II призывал к искоренению ереси как к наиболее важной работе, которую должно выполнить его правительство; ср. *Государственные документы*, ст. 591.

[247] “Филипп стал лейтмотивом своего правления по случаю своего первого публичного выступления в качестве короля, председательствовав на одном из самых великолепных аутодафе, которое когда-либо видели в Испании (Вальядолид, 18 октября 1559 г.) ”. кембриджская современная история, iii. 482. Это своеобразный комментарий к латинизму шестнадцатого века, согласно которому сожжение большого числа собратьев называлось “актом веры”.

[248] *Папье-маше кардинала Гранвеля*, v. стр. 558, 591.

[249] Гашар, *Переписка Гийома Молчаливого* (Письма регента Филиппу II.), i. 382-86.

[250] Гашар, *Переписка Гийома Молчаливого* и др. ii. 42f., 106-110, 170.

[251] Он написал Филиппу об их бесчинствах еще 29 декабря 1555 г., Гашар, *Корреспонденция Гийома Молчаливого*, i. 282, и о вызванном этим раздражении нидерландцев (*там же*. i. 291).

[252] В письме регенту (16 марта 1566 г.) Вильгельм заявил, что главными направлениями политики Филиппа, которые он наиболее решительно не одобрял, были: *вступление в консилиум Трента, поддержка инквизиторов в управлении и экзекутор без всякого сокрытия, плакаты . Соответствие* и т.д. ii. 129.

[253] Брандт, *История реформации* т. Д. i. 150.

[254] Брандт, *История реформации* др. i. 160.

[255] Гашар, *Переписка Гийома ле Тацитурна*, ii. 434 и далее.

[256] За едой они пели:

*“Par ce pain, par ce sel, et par cette besace,
Jamais les Gueux ne changeront pour chose que l’on fasse.”*

Вильгельм Оранский писал регенту, что в Антверпене его встретили толпы, кричавшие *Да здравствуют люди* (*Переписка*, ii. 136 и др.).

[257] *"История реформации" Брандта ... в Нидерландах* (Лондон, 1720), i. 172.

[258] Гашар, *Переписка Гийома ле Тацитурна*, ii. 136 и далее.

[259] Брандт, *История реформации* и т. Д. i. 191.

[260] Об этом и более ранних беспорядках в Антверпене см. *Переписку Филиппа II.* и др. i. 321, 327, 379.

[261] Брандт, *История реформации* др. i. 261, 266. В последнее время казни сопровождались еще большей чудовищной жестокостью. “Поскольку было замечено, с каким постоянством и готовностью многие люди шли к костру, и как они открывали рты, чтобы свободно исповедовать свою веру, и что деревянные шарики или кляпы имели обыкновение выскальзывать, была изобретена ужасная машина, чтобы воспрепятствовать этому на будущее: они приготовили два

маленьких утюга, между которыми был зажат язык, который, будучи опаленным на кончике раскаленным железом, разбухал до такой степени, что становился неподвижным и неспособным быть вытянутым обратно; закрепленный таким образом, язык извивался от боли при ожоге, а затем разжигался. и издавать глухой звук” (i. 275).

[262] Гашар, *Переписка Гийома ле Тацитурна*, iii. 17.

[263] Ср. Письма Уильяма, *переписки* т.д. iii. 47-73.

[264] Грун ван Принстерер, *Архив корреспонденции эдит де ла Оранж-Нассау* (Утрехт, 1841-61).

[265] Небольшое княжество Оранж-Шалон располагалось на юге Франции на реке Рона, его юго-западный угол находился примерно в десяти милях к северу от города Авиньон. Генрих Нассауский, дядя нашего Вильгельма Оранского, женился на Клод, сестре Филиберта, последнего представителя мужского пола Дома Оранж-Шалон; и Филиберт завещал свое княжество своему племяннику Рене, сыну Генриха и Клод. Княжество не представляло большой ценности по сравнению с другими владениями Дома Нассау, но поскольку оно не находилось под властью сюзерена, его владелец занял одно из первых мест среди суверенных принцев Европы.

[266] Патнэм, *Уильям Молчаливый, принц Оранский, умеренный человек шестнадцатого века*, 2 тома., Нью-Йорк, 1895.

[267] Гашар, *Корреспонденция Гийома ле Тацитурна, принца Оранжа*, ii. 110.

[268] Говорят, что сдержанность Уильяма, услышавшего эту новость, которая так сильно его взволновала, принесла ему прозвище “Молчаливый” (*le taciturne*): более вероятно, что субрикет был дан ему кардиналом де Гранвелем.

[269] Морис сменил своего отца на посту штатгальтера и стал принцем Оранским в 1618 году после смерти своего старшего брата Филиппа Уильяма, который был похищен из Лувена и воспитан Филиппом II как католик. Уильям был женат четыре раза:

а. В 1550 году - Анне Эгмонтской, единственному ребенку Максимилиана Бюренского. Ее сына звали Филипп Уильям; она умерла в марте 1558 года.

родился В 1561 году у Анны, дочери курфюрста Морица Саксонского и внучки Филиппа Гессенского. У нее рано развились симптомы зарождающегося безумия, которое достигло апогея, когда она бросила своего мужа в 1567 году и уехала вести сомнительную жизнь в Кельне. Она сошла с ума, и ее семья схватила ее и держала в заключении до тех пор, пока она не умерла в 1573 году. Она была матерью Мориса.

ок. В 1571 году Шарлотта де Бурбон, дочь герцога де Монпансье. Она была монахиней, приняла реформатскую веру и бежала в Германию. Брак был на редкость счастливым. Она едва оправилась от родов, когда Уильям был чуть не убит Хорегуи, и потрясение в сочетании с ее непрерывным трудом по уходу за мужем оказалось слишком сильным для нее; она умерла в 1582 году (5 мая).

ум. В 1583 году Луизе де Колиньи, дочери знаменитого адмирала Колиньи. Она потеряла обоих родителей во время Варфоломеевской резни. Она была замечательной и обаятельной женщиной, любимой своими пасынками и обожаемой приемной страной; она пережила своего мужа на сорок лет.

[270] Линдси, *Церковь и служение в первые века*, 2-е изд. (Лондон, 1903), стр. 198, 204ф., 259, 330 н., 339.

[271] Мюллер, *Свод законов реформаторской церкви* (Лейпциг, 1903), стр. 233; Шафф, *Символы веры евангелических протестантских церквей*, 383.

[272] Там же. стр. 682.

[273] Источники:—*Календарь государственных документов, касающихся Шотландии и королевы Марии Шотландской, 1547-1603* (Эдинбург, 1898 и др.); *Календарь государственных документов Елизаветы Иностранной* (Лондон, 1863 и др.); *Акты парламента Шотландии*, ii. (1814); *Реестр Большой печати Шотландии* (Эдинбург, 1886); *Реестр Тайного совета Шотландии*, i. (Эдинбург, 1877); *Лабанофф, Письма об истории Марии Стюарт* (Париж, 1839) и *письма, инструкции и воспоминания Марии Стюарт* (Лондон, 1844); *Поллен, Переговоры Папы с Марией, королевой Шотландии* (Шотландское историческое общество, Эдинбург, 1901); *Теуле, Документы о государстве. ... relatifs à l'histoire de l'Écosse* (Баннатинский клуб, 1851) и *Политические отношения Франции и Великой Испании против Экоса* (Париж, 1862); *Лесли, История Шотландии* (Шотландское текстологическое общество, Эдинбург, 1888); *Джон Нокс, Сочинения* (под редакцией Д. Лэйнга, Эдинбург, 1846-55); *Книга Вселенского Курка* (Баннатинский клуб, Эдинбург, 1839); *Гуде и Годли Баллатис* (под редакцией Митчелла для Шотландского текстологического общества, Эдинбург, 1897); (Данлоп), *Сборник исповеданий веры* и т. Д. ii. (Эдинбург, 1722); *Калдервуд, История церкви Шотландии* (Общество Вудроу, Эдинбург, 1842-49); *Роу, История церкви Шотландии* (Общество Вудроу, Эдинбург, 1842); *Споттисвуд, История церкви и государства Шотландии. Шотландия* (Общество Споттисвуда, Эдинбург, 1851); *Скотт, Fasti Ecclesiae Scoticanæ* (Эдинбург, 1866-71); *Сэр Дэвид Линдсей, Поэтические произведения* (под редакцией Дэвида Лэйнга, Эдинбург, 1879); *Книга общего порядка Церкви Шотландии* (под редакцией Спротта и Лейшмана, Эдинбург, 1868); *Rotuli Scotiae; Письма Кальвина* (Реформаторский корпус, xxxviii. -xlvi.).

Более поздние книги: *Д. Хэй Флеминг, "Мария Королева Шотландская от рождения до бегства в Англию"* (Лондон, 1897), *"Шотландская реформация"* (Эдинбург, 1904) и *"История шотландских заветов"* (Эдинбург, 1904); *П. Хьюм Браун, "Джон Нокс"* (Лондон, 1895) и *"Джордж Бьюкенен"* (Эдинбург, 1890); *Маккри, "Жизнь Нокса"* (Эдинбург, 1840); *Граб, Церковная история Шотландии* (Эдинбург, 1861); *Каннингем, Церковная история Шотландии* (Эдинбург, 1882); *Лоример, Жизнь Патрика Гамильтона* (Эдинбург, 1857), *Джон Нокс и Англиканская церковь* (Лондон, 1875).

[274] Ср. *Кембриджская современная история* (Кембридж, 1903), ii. 551-58.

[275] *Ротули Шотландия*, я. 808, 815, 816, 822, 825, 828, 829, 849, 851, 859, 877, 881, 886, 891, 896, ii. 8, 20, 45, 100.

[276] Уинтун, *Орыгиналовый хроникил*, ix. с. xxvi. 2773, 2774.

[277] Для подборки этих ссылок см. *The Scottish Historical Review* за апрель 1904 г., стр. 266 и далее. Редакция Уиклифа *Нового Завета* Пурви была переведена Мердоком Нисбетом на шотландский язык. Оно публикуется Шотландским текстологическим обществом, *Новый Завет на шотландском языке*, i. 1901, ii. 1903. Перевод был сделан около 1520 года.

[278] Роу, *История Кирка Шотландского с 1558 по август 1637 года* (Эдинбург, 1842), стр. 6.

[279] *Act. Parl. Шотландец*. ii. 295.

[280] Хэй Флеминг, *Шотландская реформация*, стр. 12.

[281] *Act. Parl. Шотландец*. ii. 341.

[282] Так говорит сам Лютер; ср. письмо Ланге от 13 апреля 1519 г.; Де Ветте, доктору Мартину Лютерсу Брифе, Сендшрайбену и др. (Berlin, 1825-28) i. 255; and Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de langue française* (Geneva and Paris, 1866-97), i. 47, 48.

[283] Эти тезисы были переведены с латыни на местный язык Джоном Фертом и опубликованы под названием "Места Патрика". Они напечатаны в "Деяниях и памятниках" Фокса и Нокса в его "Истории реформации в Шотландии"; Произведения Джона Нокса собраны и отредактированы Дэвидом Лэйнгом (Эдинбург, 1846-64), i. 19, и далее. Имя Патрика Гамильтона, ср. Лоример, *Патрик Гамильтон, первый проповедник и мученик Шотландской реформации* (Эдинбург, 1857).

[284] Бьюкенен, *Повторная шотландская история*, xiv. (стр. 277 в издании Раддимана).

[285] *Act. Parl. Шотландец*. ii. 371, ii. 443.

[286] Произведения Джона Нокса, собранные и отредактированные Дэвидом Лэйнгом (Эдинбург, 1846-64), i. 218.

[287] *Работы Джона Нокса* и др. i. 125-45.

[288] *Труды Джона Нокса* и т. Д. i. 192.

[289] Доктор Хэй Флеминг разрешил спорный вопрос о дате рождения Нокса в своей статье в *Bookman* за сентябрь 1905 г., стр. 193; ср. *Athenæum*, 5 ноября и 3 декабря 1904 г.

[290] *Работы Джона Нокса* и др. i. 349.

[291] Колдервуд, *История церкви Шотландии* (Эдинбург, 1843-49), i. 280-81.

[292] Лоример, *Джон Нокс и Англиканская церковь* (Лондон, 1875), стр. 98 и далее. Рубрику можно найти в "Двух литургиях" вместе с другими документами, составленными Авторитетными источниками в правление короля Эдуарда Шестого (Кембридж, 1842), стр. 283. Этот том является одним из изданий Общества Паркера.

[293] Вопросы можно найти в томах "Оригинальные письма", опубликованных Обществом Паркера (Кембридж, 1847), стр. 745; и в "Работах Джона Нокса" и т. Д. iii. 221.

[294] От Кальвина к Ноксу (23 апреля 1561 г.); от Кальвина к Гудману (23 апреля 1561 г.); *Произведения Джона Нокса* и др. vi. 124, 125; ср. Опера Кальвини (Амстердам, 1667), ix. *Epistolæ et Responsa*, p. 150.

[295] *Труды Джона Нокса* и др., i. 251; Д. Хэй Флеминг, *История шотландских заветов в общих чертах* (Эдинбург, 1904), стр. 6.

[296] *Труды Джона Нокса* и др., i. 273.

[297] На "Заветы Шотландской церкви", ср. Д. Хэй Флеминг, *История шотландских заветов в общих чертах* (Эдинбург, 1904).

[298] Сесил в письме Трокмортону в Париж (9 июля 1559 г.) говорит, что в Шотландии "они поставляют приходским церквям алтари и получают служение Англиканской церкви в соответствии с книгой короля Эдуарда" (*Календарь государственных документов, Елизавет, за рубежом, 1558-59*, стр. 367).

[299] *Труды Джона Нокса* и др., i. 275.

[300] *Труды Джона Нокса* и др., i. 300.

[301] Там же. и т.д. i. 301-12.

[302] Там же. и т.д. i. 313.

[303] Соответствие можно найти в *Работах Джона Нокса* и др. i. 267, далее., iv. 251 далее.

[304] *Работы Джона Нокса* и др. iv. 349.

[305] *Календарь государственных документов, зарубежная серия, о правлении Елизаветы, 1559-60*, стр. 73, 77; 1558-59, стр. 306, 310.

[306] *Труды Джона Нокса* и др., т. 5.

[307] Это краткое изложение взято из замечательной маленькой книги доктора Хэя Флеминга "Шотландская реформация" (Эдинбург, 1904), стр. 44.

[308] *Работы Джона Нокса* и др. i. 319.

[309] *Календарь государственных документов, зарубежная серия, правления Елизаветы Петровны, 1558-59*, стр. 245, 259; 1559-60, стр. 182. Вся переписка доктора Мундта интересна и показывает, что после Като-Камбрезийского мирного договора постоянно происходили инциденты, свидетельствующие о том, что романисты вновь обрели надежду подавить все протестантское движение.

[310] Там же. 1559-60. стр. 68: "Все добрые люди надеются, что Англия, предупрежденная об опасностях, исходящих от других, с помощью притворства и искусства позаботится о том, чтобы близкая к ней нация, чьи цели совпадают с ее собственными, не была сначала покинута, а затем разгромлена" (*Доктор Мундт Сесилу*, 29 октября 1559 г.).

[311] *Календарь государственных бумаг, зарубежная серия, правления Елизаветы Петровны, 1559-60*, стр. 84.

[312] Там же. 1558-59, стр. 365, *Сесилу Крофту*, 8 июля 1559 г.

[313] Там же. 1559-60, стр. 79.

[314] Там же. стр. 352.

[315] Ср. его трогательное письмо с предложением уйти в отставку. Там же. стр. 186 н.

[316] Герцог де Шательро (граф Арран) был следующим по наследству после Марии и ее отпрысков; ср. любопытную заметку о нем и его деяниях, там же. стр. 24 н. Что касается Договора, см. *Календарь государственных документов, касающихся Шотландии и Марии, королевы Шотландской*, i. 403, и *Труды Джона Нокса* и т. Д. ii. 45 и далее.

[317] *Календарь государственных документов, зарубежная серия, правления Елизаветы*, 1560-61, стр. 172-78.

[318] *Работы Джона Нокса* др. vi. 309, 313, 314.

[319] “Вопросы религии следует обходить молчанием” (*Календарь государственных документов* др., стр. 178).

[320] *Работы Джона Нокса* др. i. 344.

[321] *Ibid.*.

[322] Там же. ii. 61.

[323] Ср. *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 456-62.

[324] *Работы Джона Нокса* др. ii. 88.

[325] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 461.

[326] Споттисвуд, *История церкви Шотландии* (Эдинбург, 1847), i. 325.

[327] *Работы Джона Нокса* др. ii. 89.

[328] Там же. ii. 95; *Сборник исповеданий веры Данлопа* др. (Эдинбург, 1722) ii. 17, 18.

[329] *Act. Parl. Шотландец*. ii. 526-35.

[330] Лесли, *Де Ребус Жестис Скоторум* (Клуб Баннатаян, Эдинбург), стр. 537.

[331] *Календарь государственных документов, касающихся Шотландии и Марии, королевы Шотландской*, i. 472, в письме Рэндольфа Сесилу от 25 августа.

[332] *Работы Джона Нокса* др. ii. 128.

[333] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 471, 472.

[334] Шотландское исповедание можно найти в *Собрании исповеданий веры, катехизисов, справочников, дисциплинарных книг и т.д. Государственной власти Шотландской церкви* (Эдинбург, 1722), ii. 13, ff., где шотландская и латинская версии напечатаны параллельными столбцами; в *"Символах веры евангелических протестантских церквей" Шаффа* (Лондон, 1877), стр. 437 и далее; и только латинская версия у Нимейера, *Сборник исповеданий в Ecclesiis Reformatis publicatarum* (Лейпциг, 1840), стр. 340, и далее. Для описания его характеристик см. Митчелл, *Шотландская реформация* (Лекция Бэрда за 1899 год, Эдинбург, 1900), стр. 99, и далее.

[335] Как Эдвард Ирвинг, ср. *Собрание сочинений* (Лондон, 1864), i. 601, и далее.

[336] (Данлопс) *Сборник признаний* и др. стр. 15-18.

[337] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 477, 478.

[338] *Работы Джона Нокса* и др. ii. 121.

[339] *Календарь государственных документов* и т. Д. i. 465, *Мейтленд Сесилу* (18 августа).

[340] *Там же*. i. 467, *Рэндольфу Сесилу* (19 августа).

[341] *Там же*. i. 479, *Мейтленду Сесилу* (13 сентября).

[342] Для описания *Первой книги дисциплины*, ср. Митчелл, *Шотландская реформация* и др. стр. 144 и далее. Сам документ можно найти в *Сборнике признаний Данлопа* и т. Д. ii. 515 и далее.

[343] На *Книгу общего порядка*, ср. *"Шотландскую реформацию"* Митчелла, стр. 133, и далее. Саму книгу можно найти в *Сборнике признаний* (Данлопа), ii. 383, и далее. Она была опубликована с ученым предисловием и примечаниями Спротта и Лейшмана (Эдинбург, 1868).

[344] Bonar's *Catechisms of the Scottish Reformation* (London, 1866); (Dunlop's) *Collection of Confessions* и т. Д. ii. 139-382. и т. Д.

[345] *Работы Джона Нокса* и др. vi. 95.

[346] *Ibid.* vi. 78, *Анна Локк* (2 сентября 1559 г.).

[347] *Труды Джона Нокса*, vi. 88, *Нокса Грегори Рейлтону* (23 октября 1559 г.).

[348] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 507, 536.

[349] Хэй Флеминг, *Мария Королева Шотландская* (Лондон, 1897), стр. 23, 24 и 210, 211.

[350] *Там же*. стр. 25, 212.

[351] Mariéjol, *Histoire de France depuis les Origines jusqu' à la Revolution*, vi. i. 18 (Paris, 1904).

[352] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 543.

[353]

“Das Leben geliebt und die Krone geküsst,
Und den Frauen das Herz gegeben,
Und zuletzt einen Kuss auf das blut’ge Gerüst—
Das ist ein Stuartleben.”

[354] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 551.

[355] *Там же*. i. 547.

[356] Именно такое впечатление производят на меня его письма. Ср. *Календарь др.*, стр. 565-609.

[357] “Если в ней нет гордого ума, лукавого остроумия и ожесточенного сердца, чтобы обрести Бога и Его истину, мой суд подведет меня” (*Труды Джона Нокса* т. Д. ii. 286).

[358] *Труды Джона Нокса* и т. Д. vi. 132, *Письмо Нокса Сесилу* (7 октября 1561 г.).

[359] *Календарь государственных документов, относящихся к Шотландии и Марии, королеве Шотландской*, i. 565.

[360] Краткое изложение доказательств см. Хэй Флеминг, *Мария, королева Шотландии*, стр. 267-68.

[361] Краткое изложение доказательств см. Хэй Флеминг, *Мария, королева Шотландии*, стр. 51-53, 263.

[362] *Работы Джона Нокса* др. ii. 388.

[363] Отчеты о пяти интервью можно найти в *Работах Джона Нокса* и т. Д. ii. 281 и далее., 331 и далее., 371 и далее., 387 и далее., 403 и далее.

[364] Источники: Леммер, *Памятник ватиканской истории церковным священникам 16 иллюстраций* (Фрайбург, 1861); *Письма и документы, иностранные и отечественные, о правлении Генриха VIII.* (19 томов., Лондон, 1860-1903); *Календарь венецианских государственных бумаг, 1520-26, 1527-33, 1534-54, 1555-56, 1557-58, 1558-80*; *Календарь государственных документов Испании* (Лондон, 1886); Фернивалл, *Баллады из рукописей* (Общество балладистов, Лондон, 1868-72); Джи и Харди, *Документы, иллюстрирующие историю английской церкви* (Лондон, 1896); Эразмус, *Opera Omnia*, изд. Ле Клерк (Лейден, 1703-6); Николс, *Послания Эразма от самых ранних писем до его пятидесяти первого года жизни, расположенные в порядке времени* (Лондон, 1901-4); Покок, *Записи реформации* (Оксфорд, 1870); Тейнер, *Монумента Гибернации и исторической иллюстрации* (Рим, 1864); Уилкинс, *Консилиум*; *Хроника лондонских серых монахов*, (Камденское общество, Лондон, 1846); Холинshed, *Хроники* (Лондон, 1809); *Лондонская хроника времен Генриха VII. и Генрих VIII.* (*Camden Miscellany*, том iv., Лондон, 1859); Райт, *Подавление монастырей* (Camden Society, Лондон, 1843); Фокс, *Акты и памятники* (Лондон, 1846); Эхсес, *Документальная книга о Генрихе VIII. фон Ингленд, 1527-34* (Падерборн, 1893); *Цюрихские письма*, 2 тома. (Общество

Паркера, Кембридж, 1846-47); *Труды архиепископа Кранмера*, 2 тома. (Общество Паркера, Кембридж, 1844-46).

Более поздние книги: Диксон, *История Англиканской церкви* (Лондон, 1878 и др.); Фронда, *История Англии* (Лондон, 1856-70; ни в коем случае не заменена, как многие хотели бы заставить нас поверить); Брюер, *Правление Генриха VIII*. (Лондон, 1884); Гэрднер, *Английская церковь в шестнадцатом веке* (Лондон, 1902); Поллард, *Генрих VIII*. (Лондон, 1905), Томас Кранмер (Серия "Герои реформации", Нью-Йорк и Лондон, 1904); Стаббс, *Семнадцать лекций по изучению средневековой и современной истории*, Лекции XI. и XII. (Оксфорд, 1900); *Кембриджская современная история*, II. xiii.

[365] *Письма и документы, иностранные и отечественные, времен правления Генриха VIII*. i. стр. 295. Примерно в тот день по всей Европе резко выросли цены на древесину, и это, как утверждается, стало одной из причин, по которой беднейшие слои населения Германии были вынуждены отказаться от прежнего почти повсеместного использования паровой бани. В пятнадцатом веке мастера давали своим работникам не *Тринкельт*, а *барсучий корж*. Николс, *Послания Эразма*, i. 40.

[366] *Письма и документы* т.д. i. стр. 373.

[367] Там же. II. i. 777: У оксфордского книготорговца (1520) Джона Дорна в запасе было два экземпляра книг [*Оксфордское историческое общество, Коллекция* (Оксфорд, 1885), стр. 155].

[368] *Письма и документы*, i. стр. 373.

[369] Джейкобс, *Лютеранское движение в Англии*, стр. 3.

[370] Бейл, *Избранные произведения*, стр. 171.

[371] *Erasmi Colloquia* (Amsterdam, 1662), *Peregrinatio Religionis ergo* p. 376; *Viclerita quispiam, opinor*.

[372] *Письма и документы* т.д., стр. 140.

[373] Там же. vi. стр. 144.

[374] Там же. II. ii. с. 1319.

[375] *Томас Кранмер и английская реформация* (Нью-Йорк и Лондон, 1904), стр. 91.

[376] *Национальный биографический словарь*, арт. "Уиклиф", lxiii, 218.

[377] *Письма и документы* т.д. II. i. стр. 1.

[378] Там же. и др. I. стр. 961, II. i. стр. 350, 354, 355.

[379] Там же. I. стр. 379.

[380] Там же. III. стр. 215.

[381] *Письма и бумаги* т.д. III. стр. 467.

[382] *Оксфордское историческое общество, Коллекция* (Оксфорд, 1885), стр. 164.

[383] *Письма и бумаги* и т.д. III, стр. 284.

[384] *Там же.* и т.д. III. i. стр. 293.

[385] *Там же.* III. стр. 449.

[386] *Письма и бумаги* и т.д. III. i. стр. 485.

[387] *Там же.* IV., Предисловие, стр. 170: “Некоторые придерживаются мнения, что ему (Святому Престолу) не следует оставаться в Риме, иначе французский король назначит патриарха в своем королевстве и откажет в повиновении упомянутому престолу, а король Англии и все другие христианские князья поступят так же”.

[388] *Испанский календарь*, i. 267.

[389] *Покок записи Реформации*, я. 1; *Письма и бумаги* и т. д. Ив. раздел III. стр. 2576.

[390] *Календарь государственных документов Испании*, ii. 8.

[391] *Там же.*, Предисловие, xiii.

[392] *Письма и документы* и т.д. IV. iii. стр. 2579. Генеральный совет выступил против такого разрешения; *там же.* IV. iii. стр. 2365.

[393] *Календарь венецианских государственных документов, 1527-33*, стр. 300.

[394] *Письма и бумаги* и т.д. IV. ii. стр. 1369; *Календарь государственных бумаг Испании*, III. ii. 482, 109.

[395] *Там же.* и т. Д. IV. ii. стр. 2113; *Леммер, Монуменга Ватикана*, стр. 29.

[396] *Там же.* и т.д. IV. iii. стр. 2261.

[397] Для дела Марии Тюдор, ср. *Письма и бумаги* и т. Д. IV. iii. стр. 2619, ср. IV. i. стр. 325; и для дела Маргарет Тюдор, вдовы Якова IV., ср. IV. ii. стр. 1826.

[398] *Письма и документы* и т.д. IV. iii. стр. 2987, 3023, 3189.

[399] *Календарь государственных документов Испании*, ii. 379.

[400] *Письма и документы* и т.д. IV. iii. стр. 2047, 2055.

[401] Два устава *Премунира* (1353, 1393) можно найти у Джи и Харди, *Документы, иллюстрирующие историю английской церкви* (Лондон, 1896), стр. 103, 122. Они запрещают подданным подавать иски, рассматриваемые в королевских судах, в суды за пределами королевства, а второй статут прямо ссылается на папские суды.

[402] Париж и Орлеан, *письма и бумаги* и т. Д. IV. iii. стр. 2845; Бурж и Болонья, *там же.* IV. iii. р. 2895; *Padua, ibid.* IV. iii. стр. 2921, 2923 (говорят, что лютеране в городе решительно выступали против короля); Павия, *там же.* IV. iii. с. 2988; Феррара, *там же.* IV. iii. 2990.

[403] Список вопросов, которые должны быть вынесены на рассмотрение этого парламента, приведен в *письмах и документах* и т.д. IV. iii. стр. 2689 и далее.

[404] Там же. IV. iii. стр. 2929, 2991.

[405] *Ibid.*.

[406] *Письма и документы* т.д., т. 71.

[407] *Ibid.*.....".

[408] Ср. Джи и Харди, *Документы, иллюстрирующие историю Английской церкви*, стр. 176. Шапюи заявляет, что "Церковники будут иметь меньшее значение, чем сапожники, которые имеют право собирать и издавать свои собственные уставы" (*Письма и бумаги* т. Д., ст. 467; ср. VI. 121).

[409] Там же. стр. 178; положение о приостановлении действия находится на стр. 184. *Письма и бумаги* др., стр. 343, 413.

[410] *Ibid.*..... [

[411] Там же. и др., стр. 415.

[412] Джи и Харди, *Документы* т.д. стр. 195; важный пункт находится на стр. 198.

[413] *Письма и документы* т.д. VI. стр. 145, 148; ср. 218.

[414] Там же. и т.д. VI. стр. 35.

[415] Там же. VI. стр. 153.

[416] *Письма и документы* т.д. VI. стр. 145, 148; ср. 218.

[417] Там же. и т.д. VI. стр. 35.

[418] Там же. VI. стр. 231.

[419] Там же. VI. стр. 246.

[420] Там же.. VI. стр. 413.

[421] Джи и Харди, *Документы, иллюстрирующие историю Английской церкви*, стр. 201.

[422] Там же. стр. 209.

[423] Там же. стр. 232, 244.

[424] Там же. стр. 243.

[425] Там же. стр. 247.

[426] Джи и Харди, *Документы* т.д. стр. 251.

[427] Там же. стр. 256.

[428] *Письма и документы* т.д. XI. стр. 445.

[429] Там же. XI. стр. 30, 445.

[430] Два набора судебных предписаний напечатаны в *Документах Джи и Харди, иллюстрирующих историю Английской церкви*, стр. 269, 275.

[431] Список участников приведен в *письмах и документах* т.д. XII. ii. стр. 163.

[432] *Письма и документы*, XII. ii. стр. 165 (Фокс из Херефорда к Буцеру).

[433] *Там же.* и т. Д. XII. ii. стр. 122.

[434] *Там же.* XII. ii. стр. 118, 122, 162.

[435] *Там же.* XII. ii. стр. 228.

[436] *Там же.* XII. ii. стр. 228.

[437] *Там же.* XII. ii. 252, 296.

[438] *Там же.* XII. ii. стр. 384.

[439] "*Разные сочинения и письма*" Кранмера (*Общество Паркера, Кембридж, 1846*), стр. 83-114, содержит исправления "Института христианина" ("Книга епископов") Генриха VIII с комментариями архиепископа Кранмера.....

[440] Еще в январе 1533 года мы находим, что он писал: "Давайте агитировать за использование Священных Писаний на родном языке и за обучение в университетах.... Я сам никогда не изменял ни слова из Слова Божьего и не стал бы изменять против своей совести" (*Письма и бумаги* т. Д., VI, стр. 184).

[441] Ср. Ответ Тиндейла на анимационные версии сэра Томаса Мора, *Сочинения* (Дневное издание), стр. 118.

[442] Ср. превосходную и резкую заметку Полларда, *Кранмер и английская реформация* (Нью-Йорк и Лондон, 1904), стр. 110; Гэрднер, *Английская церковь в шестнадцатом веке, после восшествия на престол Генриха VIII. к смерти Марии* (Лондон, 1902), стр. 190-91.

[443] *Письма и документы* т.д. XII. ii. 174.

[444] *Национальный биографический словарь*, арт. "Роджерс".

[445] О превосходстве версии Тиндейла свидетельствует тот факт, что многие из его интерпретаций были приняты в Переработанной версии.

[446] Диксон, *История Англиканской церкви* (Лондон, 1878 и др.), ii. 77.

[447] *Письма и бумаги* т.д. IX. с. 69.

[448] *Там же.* IX. 119.

[449] *Там же.* X. с. 234; ср. De Wette, *Dr. Martin Luthers Briefe*, etc. iv. p. 668.

[450] *Там же.* IX. с. 72; ср. с. 70.

[451] *Там же.* IX. с. 208.

[452] Там же. IX. стр. 74, 75, 166, 311.

[453] *Письма и бумаги* т.д. IX. стр. 344-48.

[454] Там же. X. с. 38.

[455] Эти статьи были напечатаны с хорошим историческим введением профессором Менцем из Йены, *Die Wittenberger Artikel von 1536* (Лейпциг, 1905).

[456] *Письма и бумаги* т.д. X. стр. 98; ср. 58, 97, 108.

[457] Там же. IX. с. 346.

[458] Там же. X. с. 15.

[459] Акт напечатан в издании Gee and Hardy, *Документы* т.д. стр. 257.

[460] *Письма и документы* т.д. XIII. ii. стр. 36, 78, 147, 155. В *письмах и бумагах* т. Д. XIV. i., стр. 153, есть *официальный* отчет об английской реформации при Генрихе VIII, в котором есть следующее (стр. 155): “Касаясь изображений, установленных в церквях, как книг для неученых, хотя они и не являются необходимыми, а скорее дают повод евреям, туркам и сарацинам думать, что мы идолопоклонники, король терпимо относится к ним, за исключением тех, в отношении которых совершалось идолопоклонство.... Богоматерь Вустерская, когда с нее сняли одежды, оказалась подобием епископа, похожим на великана, почти десяти футов в длину... кресты в Бокселеге и других местах, которые двигали глазами и губами, когда определенные клавиши и струны сгибались или натягивались в потайных местах, — изображения такого рода царь приказал аннулировать и использовать другие, как было удобно, по примеру царя Езекии, который уничтожил медного змея. Было обнаружено, что так называемые святилища, рощицы и реликварии были подделаны, поскольку кровь Христа была всего лишь кусочком красного шелка, заключенного в толстое хрустальное стекло, а в другом месте масло, окрашенное *кровью дракона*, а вместо молока Богоматери - кусочек мела или лазури. Пояс Богоматери, обереги Моисея и Аарона и т.д., а также Святого Креста больше, чем могут вместить три повозки, поэтому король приказал убрать и сжечь оскорбительные предметы, а сомнительные честно спрятать из страха идолопоклонства”.

[461] Там же. XIII. i. 283-84, *Николас Партридж Буллинджеру* (12 апреля).

[462] Акт о роспуске *Больших монастырей* напечатан в Gee and Hardy, *Документы* т. Д. стр. 281.

[463] Там же. XIII. ii. с. 49.

[464] *Письма и документы* т.д. XIII. ii. с. 459. “In oppido Calistrensi”, вероятно, означает “в Колдстриме”; Битона сделали кардиналом, чтобы он был готов к публикации.

[465] *Письма и документы* т.д. XI. стр. 305.

[466] Там же. XI. pp. 238, 272, 355, 356, 477, 504, 507.

[467] Там же. XI. 238.

[468] Там же. XI. 477.

[469] *Письма и документы* т.д. XIV. i. стр. 344.

[470] *Там же*. XIV. i. стр. 191, 192, 537.

[471] *Там же*. XIV. i. стр. 489.

[472] *Письма и документы* т.д. XIV. i. стр. 475.

[473] *Джи и Харди, Документы* т.д. стр. 303.

[474] *Письма и документы* т.д. XIV. i. стр. 349, 438.

[475] Источники в дополнение к тем, которые приведены на стр. 313: *Календарь государственных документов, серия "Отечественные документы", эпохи правления Эдуарда VI, Марии и Елизаветы* (этот календарь по большей части является просто указателем к документам, которые необходимо прочитать в архиве); *Политическая переписка Сельве: Комиссия архивов. Politiques*, (Париж, 1888); *Литературные останки Эдуарда VI*. (Роксбург Клуб, Лондон, 1857); *Повествования о реформации* (Общество Кэмдена, Лондон, 1860); *Райотсли, Хроника* (Общество Кэмдена, Лондон, 1875); *Вайс, Документы кардинала де Гранвеля (Собрание документов в изданиях, Париж, 1841-52)*; *Фернивалл, Баллады из рукописей* (Общество баллад, Лондон, 1868); *Четыре прошения Палаты общин, и Томас Старки, Англия при Генрихе VIII*. (Общество раннего английского текста, 1871); *Strype, Церковные мемориалы и жизнь Кранмера* (Оксфордское издание, 26 томов. 1820 и др.); *Литургии Эдуарда VI*. (Общество Паркера, Кембридж, 1844); *"Анналы Стоу"* (Лондон, 1631).

Более поздние книги в дополнение к тем, что приведены на стр. 313: *Поллард, Англия при протекторе Сомерсете* (Лондон, 1900); *Бернет, История реформации* (Оксфордское издание, 1865); *Диксон, История Англиканской церкви* (Лондон, 1893); *Гаске и Бишоп, Эдуард VI. и Книга общей молитвы* (Лондон, 1890). *Кембриджская современная история*, ii. xiv.

[476] *Поллард, Кембриджская современная история*, ii. 474.

[477] Эти *Предписания и Справочные материалы*, которые их интерпретируют, напечатаны шрифтом Strype, в *Церковных памятниках* т.д. (Оксфорд, 1822) II. i. стр. 74-83.

[478] *Кранмер, Разные сочинения и письма* (Общество Паркера, Кембридж, 1846), стр. 128.

[479] *Английское историческое обозрение* за 1904 год (январь), стр. 98 и далее.

[480] Этот закон, озаглавленный *"Закон против клеветников и для получения в обоих видах"*, напечатан в *"Джи Энд Харди"*, *"Документы"* и т. Д. стр. 322.

[481] *Джи и Харди, Документы* т.д. стр. 328.

[482] *Церковные памятники* и т.д. II. i. стр. 133. Оно напечатано в *"Двух литургиях"* вместе с другими документами, составленными *Властями в правление короля Эдуарда Шестого* (Общество Паркера, Кембридж, 1844), стр. 1.

[483] Книга напечатана в *"Двух литургиях"* Общества Паркера, стр. 9 и далее.

[484] *Джи и Харди, Документы* и т.д. стр. 358 и далее.

[485] Мистер Поллард (*Кембриджская современная история*, ii. стр. 478, 479) считает, что влияние этих иностранных богословов на английскую реформацию было переоценено; и он, вероятно, прав в том, что касается изменений в богослужении и обычаях. Его идея состоит в том, что английские реформаторы последовали примеру Виклифа, сознательно или бессознательно, а не примеру континентальных богословов; но если рассмотреть основную мысль всего богословия Реформации, можно усомниться в том, что Виклиф мог предложить то, что общего у английских богословов было с их континентальными современниками. “Уиклиф, при всем его стремлении к Реформации, был, по сути, средневековым мыслителем”. Богословский вопрос, который отделял каждого средневекового реформатора от мыслителей Реформации, заключался в следующем: каким образом люди должны были воспользоваться благами, полученными в результате искупительной работы Христа? Универсальным средневековым ответом было подражание Христу; в то время как универсальным ответом Реформации было доверие к Божьим обетованиям (ибо именно это подразумевается под Оправданием верой). В своем ответе на этот тестовый вопрос английские богословы едины с реформаторами на Континенте, а не с Виклифом.

[486] Поллард, *Англия при протекторе Сомерсете* (Лондон, 1900).

[487] “Тульчан - это телячья шкура, набитая соломой, чтобы корова давала молоко. Епископ послужил для того, чтобы епископик предоставил товары милорду, который доставил их ему”. *Апологетическое повествование Скотта о состоянии и управлении Киркой Шотландии со времен Реформации* (Общество Вудроу, Эдинбург, 1846), стр. 25.

[488] Книга напечатана в *Двух Литургиях вместе с другими Документами* т.д. (Общество Паркера), стр. 187.

[489] Джи и Харди, *Документы* т.д. стр. 371.

[490] Сравните *две Литургии* т.д. (Общество Паркера) стр. 283.

[491] *Там же*. стр. 92, 279.

[492] Джи и Харди, *Документы* т.д. стр. 269.

[493] *Оригинальные письма, относящиеся к английской реформации* (Общество Паркера, Кембридж, 1847), ii. 566.

[494] *Оригинальными буквами* и т.д. (Общество Паркера) ii. 568, *Макрониус Буллингеру* (28 августа 1550 г.).

[495] Источники в дополнение к тем, что приведены на стр. 351: *Epistolæ Reginaldi Poli*, S. R. E. *Cardinalis*, 5 томов. (Бриксен, 1744-57); *Хроника королевы Джейн и двух лет правления королевы Марии*, и особенно восстания сэра Томаса Уайта, написанная обитателем Лондонского Тауэра (Камденское общество, Лондон, 1850); Гарнетт, *Восшествие на престол королевы Марии*; современное повествование Антонио Гуарасаи др. (Лондон, 1892).

Более поздние книги: Стоун, *История Марии I, королевы Англии* (Лондон, 1901); Ранке, *Римская история* (Берлин, 1854); Юм, *Визит Филиппа II (1554)* (*Английское историческое обозрение*, 1892); Лидам, *Повествование о преследовании английских беженцев в Германии при королеве Марии* (*Труды Королевского исторического общества*, 1896); Визенер, *Юность королевы*

Елизаветы, 1533-58 (Английский перевод, Лондон, 1879); Циммерман, *"Кардинальный полюс жизни и невода Схрифтен"* (Регенсбург, 1893).

[496] Джи и Харди, *Документы* т.д. стр. 373.

[497] Акт парламента напечатан в издании Gee and Hardy, *Документы* т.д. стр. 377.

[498] Браки Филиппа отличались той особенностью, что его вторая жена (Мария) была обручена с его отцом, а его третья жена была обручена с его сыном.

[499] Страйп, Мемориалы правления королевы Марии, III. ii. 215.

[500] Джи и Харди, *Документы* т.д. стр. 385.

[501] Во времена Генриха VIII епископ Гардинер опубликовал книгу под этим названием, в которой папская юрисдикция в Англии решительно отвергалась. Кто-то, вероятно Бейл, когда Гардинер помогал королеве восстановить это превосходство, перевел книгу на английский и напечатал внизу титульного листа: "Двоемыслящий человек непостоянен во всех своих поступках".

[502] Джи и Харди, *Документы* и т.д., стр. 384, Акт об административном правонарушении можно найти на стр. 133.

[503] Там же. стр. 380.

[504] Исследовательские статьи Боннера печатаются в издании Strype's *"Исторические памятники, церковные и гражданские"* и т.д. III. ii. с. 217.

[505] Книга Гэрднера *"Английская церковь в шестнадцатом веке"* и др. (Лондон, 1902) с. 339.

[506] Страйп, *Мемориалы, Церковные и гражданские* и т.д. III. i. 221, 223.

[507] Там же. III. ii. 556.

[508] Тип, *Памятники, церковные и гражданские* и т.д. III, i. 222, III. ii, 224.

[509] *Календарь государственных бумаг, домашняя серия, правления Елизаветы, 1601-3; с дополнениями, 1547-65* (Лондон, 1870), стр. 483.

[510] Отчет о суде над Кранмером приведен в Foxe, *Acts and Monuments* (Лондон, 1851), iii. 656 и далее. Процесс описан в *"Различных трудах и письмах"* Кранмера (Общество Паркера), стр. 541 и далее.

[511] Cranmer's *Works*, ii. 447 и далее.

[512] *Сочинения*, ii. стр. 445-56.

[513] *Разные записи* т.д. (Общество Паркера) стр. 563.

[514] Поллард, *Кранмер*, стр. 367-81.

[515] *Календарь государственных документов и рукописей. существующий в архивах и коллекциях Венеции, 1555-56*, стр. 386.

[516] Поллард, *Кранмер*, стр. 328.

[517] Среди государственных бумаг есть несколько более трогательных документов, чем те, которые занесены в каталог таким образом:

“Король Филипп и королева Мария кардиналу Поулу уведомляют, что королева родила принца”.

“Паспорт, подписанный королем и королевой для сэра Генри Сиднея, позволяющий ему отправиться к королю Римлян и королю Богемии, чтобы объявить королеве о счастливом рождении принца”.

Есть несколько таких готовых уведомлений о родах, которые так и не состоялись. *Календарь государственных бумаг, домашняя серия, правления Эдуарда VI., Марии, Елизаветы, 1547-80* (Лондон, 1856), стр. 67.

[518] Источники: *Календарь государственных документов Елизаветы, иностранный* (Лондон, 1863 и др.); *Календарь государственных документов, касающихся Шотландии и Марии, королевы Шотландской* (Эдинбург, 1898 и др.); *Календарь государственных документов, Хэтфилдская рукопись*. (Лондон, 1883); *Календарь государственных бумаг, Венецианский, 1558-80* (Лондон, 1890); *Календарь государственных бумаг, испанский, 1558-67* (Лондон, 1892); Вайс, *Документы кардинала Гранвеля*, тома iv-vi (Париж, 1843-46); *Римская булла*, для двух булл — одной от 1559 г. (i. 840) и той, что низлагает Елизавету (ii. 324); *А Сборник оригинальных писем епископов Тайному совету, 1564 г.* (том ix. из Камденского сборника, Лондон, 1893); *Письма Кальвина* (тома. xxxviii.-xlvi. из Реформаторского корпуса); *Цюрихские письма* (две серии) (Общество Паркера, Кембридж, 1853); *Литургии и случайные формы молитв, изложенные в правление королевы Елизаветы* (Общество Паркера, Кембридж, 1847); Дайсен, *Воззвание королевы Елизаветы* (1618).

Более поздние книги: Крейтон, *Королева Елизавета* (Лондон, 1896); Юм, *Ухаживания королевы Елизаветы* (Лондон, 1896); и великий лорд Берли (Лондон, 1898); Филипсон, *Борьба с религиозной революцией* (Брюссель, 1884); Рублев, *История Като-Камбрезиса* (Париж, 1889); Джи, *Елизаветинское духовенство* (Оксфорд, 1898); и *Елизаветинский молитвенник и украшения* (Лондон, 1902); Томлинсон, *Молитвенник, статьи и проповеди* (Лондон, 1897); Хардвик, *История религиозных уставов* (Кембридж, 1859); Лоример, *Джон Нокс и церковь Англии* (Лондон, 1875); Нил, *История пуритан* (Лондон, 1754); Паркер, *Рубрика украшений* (Оксфорд, 1881); Шоу, *Елизаветинское пресвитерианство* (Английское историческое обозрение, iii. 655); Кембриджская современная история, ii. 550 и далее; Фрер, *История Английской церкви в правление Елизаветы и Джеймса 1558-1625* (Лондон, 1904).

[519] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в Архиве Симанкаса* (Лондон, 1892), i. стр. 7.

[520] Там же. стр. 89. В том же письме епископ обвиняет инструкции “итальянских монахов-еретиков”, то есть Петра мученика Вермильи и Очино; ср. стр. 81.

[521] Там же. стр. 1, 4, 5 и т.д.

[522] Там же. стр. 3, 77.

[523] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел* т.д. Введение, стр. 1.

[524] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел* т.д. стр. 62.

[525] *Там же.* стр. 39, 67; ср. 83.

[526] Ср. *Устройство в Елизаветинском молитвеннике Джи*, стр. 197.

[527] *Strype, Анналы реформации и установления религии* т.д. (Оксфорд, 1824) I. ii. 389.

[528] *Джи и Харди, Документы* т.д. стр. 416.

[529] "Различные точки зрения Годерика на религию, противоречащие Римской церкви" напечатано доктором Джи в приложении к его Елизаветинскому молитвеннику и украшениям (Лондон, 1902), стр. 202 и далее; цитируемое предложение приведено на стр. 205; документ также находится в "Истории Англиканской церкви" Диксона, ст. 28.

[530] *Венецианские государственные документы, 1558-80*, 1.

[531] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса*, i. 17, 25.

[532] *Календарь государственных документов, домашняя серия, правления Эдуарда VI, Марии и Елизаветы* (Лондон, 1856), i. 123.

[533] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса*, i. 25.

[534] *Там же.* стр. 7, 12.

[535] *Английское историческое обозрение* за июль 1903 г., стр. 517, и далее; *Дублинское обозрение*, январь 1903 г.; *The Church Intelligencer*, сентябрь 1903 г., стр. 134, и далее.

[536] Ср. Томлинсон, "Елизаветинский молитвенник: хронологическая таблица его введения в действие", в *Церковном вестнике* за октябрь 1906 г., стр. 233.

[537] *Dublin Review*, Jan. 1903, p. 48 n: "Ad quem eundem locum (House of Commons) isti convenerunt (ut communis fertur opinio) ad numerum ducentorum virorum, et non decem catholici inter illos sunt reperti."

[538] *Цюрихские письма*, i. 10 (Общество Паркера, Кембридж, 1842); ср. *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся в основном в архивах Симанкаса, 1558-67*, стр. 33: "Завтра он (Законопроект) поступит в Верхнюю палату, где епископы и некоторые другие готовы рассмотреть". лучше умри, чем согласись на это".

[539] Для "Il Schifanoia" и его достоверности, ср. *Календарь государственных бумаг, Венецианский, 1558-80*, Предисловие viii.

[540] *Там же.* стр. 52.

[541] Канон Диксон (*История Англиканской церкви*, ст. 67) заявляет, что фразы "Верховный глава" в законопроекте не было. Он упустил из виду тот факт, что Хит в своей речи против этого

цитирует фактические слова, использованные в предлагаемом Акте: “Я обещал предложить вашей чести рассмотреть, в чем заключается это превосходство, которое мы на основании этого Акта предоставляем Королевскому Высочеству, и в чем оно заключается, будь то в духовном правлении или в мирском. Если в духовном смысле, как это действительно важно в словах Закона, указано: *Верховный глава Англиканской церкви, непосредственный и следующий перед Богом*, тогда было бы рассмотрено, имеет ли этот Дом полномочия предоставлять их, а Ее Высочество получать то же самое” (Strype, *Annals*, I. i. 405).

[542] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса, 1558-80*, стр. 37, 44, 50, 55, 66; *Переписка Паркера*, стр. 66; *цюрихские письма*, i. 33.

[543] Акт напечатан в “Джи энд Харди”, “Документах” и т. Д., стр. 442.

[544] Деяния Генриха VIII. которые были возрождены, были: -24 Курицы. VIII. с. 12—*Ограничение апелляций*, принятое в 1533 году; 23 Куриц. VIII. с. 20—*Условное ограничение Аннаты*; 25 Курица. VIII. с. 19—*Подчинение духовенства и ограничение апелляций 1534 г.*; 25 Насед. VIII. с. 20—*Закон о церковных назначениях; Абсолютный запрет на аннаты, выборы епископов и Закон о рассылке писем от 1534 г.*; 25 Куриц. VIII. с. 21—*Закон, запрещающий папские распоряжения и выплату пенсов Петру от 1534 года*; 26 Декабря. VIII. с. 14—*Закон епископов-суффражисток от 1534 г.*; и 28 Неп. VIII. с. 16—*Действовать для освобождения тех, кто получил мнимые Разрешения от Римского престола*. Все эти акты, за исключением последнего, напечатаны в “Джи Энд Харди, Документы” и т. Д. стр. 178-232, 253-56.

[545] Там же. стр. 445.

[546] Там же. стр. 447.

[547] Там же. стр. 446.

[548] Там же. стр. 455.

[549] Акт опубликован в “Джи Энд Харди”, “Документах” и т. Д. стр. 458 и далее.

[550] Джи и Харди, *Документы* и т.д. стр. 371.

[551] *Устройство* напечатано в Strype, *Annals* и т. Д. I. ii. 392, а также в книге Джи “*Молитвенник Елизаветинской эпохи и украшения*” (Лондон, 1902), стр. 195.

[552] *Молитвенник и украшения елизаветинской эпохи Джи*, pp. 76 f.,

[553] *Цюрихские письма*, ii. 17.

[554] *Журнал Палаты общин*, i. 54: “Законопроект о порядке службы и служителях в Церкви” (15 февраля); *Книга общих молитв и совершения таинств* (16 февраля).

[555] *Календарь государственных документов, Венецианский, 1558-80*, стр. 45: “книга, принятая Палатой общин”; ср. Выше, стр. 392; ср. также речь епископа Скотта при чтении законопроекта, который был выхолощен лордами, в *Анналах Страйпа*, I. ii. 408.

[556] Доктор Джи отвергает идею о том, что письмо гостя имело какое-либо отношение к Книге, одобренной Палатой общин и отвергнутой лордами; ср. его *Елизаветинский молитвенник и*

украшения, стр. 32 и далее; и за критику доктора Джи, Томлинсона, *Елизаветинский молитвенник и украшения*; Обзор, стр. 12. Письмо гостя напечатано доктором Джи в его *Елизаветинском молитвеннике* и т. Д., стр. 152, и более точно мистером Томлинсоном в его трактате "Почему был отвергнут первый молитвенник Эдуарда VI?"

[557] "Il Schifanoia" сообщает о гневе Сообщества: Они "рассердились и ни на что не согласились бы, но находятся в очень большом противоречии" (*Календарь государственных документов, Венецианский, 1558-80*, стр. 52); ср. стр. 392.

[558] *Журнал Палаты общин*, i. 57.

[559] Профессор Мейтленд (*Английское историческое обозрение*, июль 1903 г., стр. 527 н.) и отец Дж. Х. Поллен (*Дублинское обозрение*, январь 1903 г.) считают, что это воззвание от 22 марта никогда не издавалось; но "Il Schifanoia" вряд ли может относиться к какому-либо другому.

[560] "В день Пасхи Ее Величество появилась в часовне, где была отслужена месса на английском языке, в соответствии с тем, что использовал ее брат, король Эдуард, и причастие было принято в обоих "видах", стоя на коленях, *facendoli il sacerdote la credenza del corpo et sangue prima*"; на нем не было ничего, кроме простого стихаря (*la semplice cotta*), сняв облачение (*li paramenti*), в котором он служил мессу; и, таким образом, за Ее Величеством последовали многие лорды как из Совета, так и другие. С того дня все вернулось в свое прежнее состояние, хотя, если Всемогущий не прострет Свою руку, ожидается рецидив. Эти проклятые проповедники, приехавшие из Германии, не преминули проповедовать по-своему, как публично, так и в частном порядке, причем так мудро, что они убедили некоторых негодяев силой войти в церковь Сент-Мэри-ле-Боу, что в центре Чипсайда, и силой вторгнуться в святыню Пресвятого Причастия, разбив дарохранительницу и бросив на землю самое драгоценное освященное тело Иисуса Христа. Они также разрушили алтарь и изображения вместе с покрывалом (*palio*) и церковным полотном (*tovalie*), разбив все на тысячу кусочков. Это произошло в ту самую ночь, которая является третьей после Пасхи.... Многие причастились обычным образом, и в церквях все продолжается как обычно" (*Календарь государственных документов, Венецианский, 1558-80*, стр. 57).

[561] Речи аббата Фекенхема и епископа Скотта, перепечатанные в *Елизаветинском молитвеннике Джи* и др. стр. 228 и далее, представляют аргументы, использованные в Палате лордов. Речь Скотта была произнесена при третьем чтении Акта о единообразии, спустя месяц после Вестминстерской конференции, и речь Фекенхема могла быть произнесена в то же время; тем не менее они демонстрируют аргументы романистов.

[562] *Календарь писем и государственных бумаг, относящихся к английским делам, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса, 1558-67*, стр. 45, 46-48; *Цюрихские письма*, i. 13 и далее; *Анналы Страйпа* и др. I. i. 128-40, I. ii. 466; *Календарь государственных бумаг, Венецианский, 1558-80*, стр. 64, 65.

[563] "Реформация короля Эдуарда удовлетворяет благочестивых": Буллингер Утенховиусу (*Цюрихские письма*, 2-я серия, стр. 17 н.; *Strype, Анналы*, I. i. 259).

[564] 20 мая Кокс Вейднеру: “Таким образом, искренняя религия Христа установлена среди нас во всех частях королевства точно таким же образом, как это было ранее провозглашено при нашем Эдуарде блаженной памяти” (*Цюрихские письма*, i. 28).

21 мая, Паркхерст Буллингеру: “Книга общих молитв, изданная во времена короля Эдуарда, теперь снова широко используется по всей Англии и будет распространена повсюду, несмотря на борьбу и противодействие псевдопреподавателей” (*Цюрихские письма*, i. 29).

22 мая, Джуэл Буллингеру: “Религия снова поставлена на ту же основу, на которой она стояла во времена короля Эдуарда; я не сомневаюсь, что ваши собственные письма и письма вашей республики внесли большой вклад в это событие” (*Цюрихские письма*, i. 33).

23 мая, Гриндал Конраду Хьюберту: “Но теперь, наконец, по благословению Божьему, во время отсрочки работы парламента было опубликовано воззвание о полном изгнании папы и его юрисдикции и восстановлении религии в той форме, которая была у нас во времена Эдуарда VI”. (*Цюрихские письма*, ii. 19).

Доктор Джи, похоже, ставит важный исторический вопрос, когда говорит, что эти письма, должно быть, были написаны до того, как авторы узнали, что Молитвенник был фактически изменен более чем в трех пунктах, упомянутых в Акте о единообразии. Гриндал, снова пишущий Хьюберту 14 июля, когда он, должно быть, все знал, говорит: “Состояние нашей Церкви (возвращаясь к этому предмету) практически такое же, как и тогда, когда я писал вам в последний раз, за исключением того, что то, что до сих пор было урегулировано прокламациями и законами в отношении реформирования церквей, теперь ежедневно осуществляется в жизнь”. Ср. *Елизаветинский молитвенник Джи* и т. Д. стр. 104 н., О фактических различиях между Эдвардианской книгой 1552 года и другими. Елизаветинская книга 1559 года.

[565] *Кембриджская современная история*, ii, 570.

[566] Раздел, объясняющий коленопреклонение при причастии, имел полномочия не парламента, а только Тайного совета, и не был включен.

Раздел 1552 года, касающийся *украшений*, который имел полномочия парламента и был вновь введен в действие Законом о единообразии 1559 года, гласил: “И здесь следует отметить, что священник во время причастия и во все остальное время своего служения не должен использовать *ни альбу, ни облачение, ни ризу*; но, будучи архиепископом или епископом, он должен иметь и носить *роше*; и, будучи священником или дьяконом, он должен иметь и носить только *стихарь*.”

Это настоящая рубрика *украшений* елизаветинского поселения, и, по-видимому, она использовалась Англиканской церковью с 1559 по 1566 год, за исключением того, что *наличники* использовались время от времени.

Оговорка в Акте о единообразии (1559 г.) гласила: “Такие украшения Церкви и ее служителей должны быть сохранены и использоваться так, как это было в этой Англиканской церкви по решению парламента *навтором* году правления короля Эдуарда VI., пока властью Величества королевы не будет принят иной порядок по совету ее уполномоченных, назначенных и уполномоченных Большой Печатью Англии по церковным делам, или митрополии этого королевства”.

Украшения, использовавшиеся во второй год правления Эдуарда VI. указаны в рубриках первого молитвенника короля Эдуарда (1549):

“В день и во время, назначенные для совершения Святого Причастия, священник, который будет совершать святое служение, должен надеть на него одежду, предназначенную для этого служения, то есть простую белую альбу с облачением или ризой. И там, где будет много Священников или Дьяконов, там столько должно быть готовых помогать Священнику в служении, сколько потребуется; и на них также должны быть одежды, предназначенные для их служения, то есть Альбесы с туниками ”. В конце есть еще одна рубрика: “По средам и пятницам английская литания должна произноситься или исполняться во всех местах в такой форме, которая установлена Указаниями Королевского Величества; или как это определено или должно быть иным образом определено Его Высочеством. И хотя некому общаться со Священником, все же в эти дни (после окончания Ектении) священник должен надеть на себя простой Альбе или стихарь с ризой и произнести у Алтаря все, что должно быть произнесено при праздновании Вечери Господней, до окончания жертвоприношения ”.

[567] Паркера, стр. 65.

[568] Заголовок гласит: “И здесь следует отметить, что священник во время причастия и во все остальное время своего служения должен использовать в церкви такие украшения, которые использовались по решению парламента на втором году правления короля Эдуарда VI., согласно Акту парламента, приведенному в начале этой книги”.

[569] Доктор Джи (*Елизаветинские украшения* др., стр. 131) считает, что не может быть разумных сомнений в том, что рубрика была зарегистрирована с разрешения Тайного совета. “Тайный совет, безусловно, ввел Черную рубрику в 1552 году, о чем свидетельствуют их опубликованные Акты, но все записи Тайного совета с 13 мая 1559 года по 28 мая 1562 года исчезли”. Приведенный прецедент вряд ли можно назвать параллельным случаем. Черная рубрика была объяснением; рубрика 1559 года почти противоречит Закону, восстанавливающему Молитвенник 1552 года. Если я осмелюсь высказать свое мнение, мне кажется наиболее вероятным, что рубрика была добавлена самой королевой и что она вставила ее для того, чтобы иметь возможность “подстраховаться”. Слишком часто забывают, что опасность, омрачавшая первые годы правления Елизаветы, заключалась в издании папской буллы, объявляющей ее еретичкой и незаконнорожденным и приглашающей Генриха II Французского осуществить ее казнь. Император никогда бы не допустил такой Буллы, если бы Елизавета могла привести разумный предлог, что она и ее королевство придерживаются лютеранского типа протестантизма. Отлучение от церкви, объявленное в таком случае, лишило бы силы его собственную позицию, которой он был обязан голосам лютеранских выборщиков. В середине шестнадцатого века разница между различными разделами христианства всегда оценивалась в популярном по различиям в общественном богослужении, и особенно в праздновании Вечери Господней. По всей Германии протестант отличался от католика тем фактом, что он принимал причастие в обоих “видах”. Елизавета определенно встала на сторону протестантов со дня Пасхи 1559 года, и более или менее витиеватый ритуал никогда не смог бы объяснить значение этого факта. По мнению большинства, большая разница между лютеранами и кальвинистами заключалась в том, что первые сохранили, а вторые отказались от большей части старого церемониала. Лютер прямо говорит: “Пусть лассен умрет посланием, алтарем, светлой ночью” (*Даниил, Церковный литургический кодекс, лютеранский*, стр. 105); и

кресты, облачения, светильники и алтарь появляются в обычной лютеранской манере всякий раз, когда королева желает поставить себя и свою землю под щит Аугсбургского мира. Эта рубрика была удивительно хорошей картой для разыгрывания в дипломатической игре.

[570] *XXXth предписание из 1559*: “деталь, Ее Величество, желая, чтобы епархии и духовенство этой области есть также во внешнем благоговение, как иначе расценить для достоинства своего министерства, и думая, что нужно было им известно людям во всех местах и собраниях, *как в церкви, так и без*, и тем самым получить честь и оценки за счет специальных посланников и служителей Всемогущего Бога, завещание и команды, которые все архиепископы и епископы, и все другое, что можно назвать или допущенных к проповеди и служение таинств, или, что будет допущен к работе в любой профессии церковного, или в какое-либо общество обучения в одном из университетов или в других местах, должны использовать и носить такую, казалось бы, привычки, одежду, и таких квадратных крышек, как чаще всего и упорядоченного получил в последний год царствования короля Эдуарда VI.; не подразумевая тем самым приписывать святость или специальные достоинства указанных одежды, но, как Святой апостол Павел writeth: ‘*Омниа децентрации Эт секундум фиант ordinem*’ (1 Кор. XIV. кап.)”.СР. Джи Елизаветинской молитва Бук и украшения (Лондон, 1902); Томлинсон, молитвенные книги, статьи и проповеди (Лондон, 1897); Паркер, украшения рубрика (Оксфорд, 1881).

[571] *Реклама* напечатана в издательстве Gee and Hardy; *Документы* и т.д., стр. 467; *Судебные предписания*, стр. 417.

[572] *справляется* были использованы в соборах и иногда в коллегиальной церкви в период между 1559 и 1566 года, когда он был желаете добавить некоторые великолепии на службу; но он должен помнить, что *справиться* было не жертвенное одеяние. Первоначально это была шапка раннего средневековья — средневековая шинель. В больших церквях было холодно, священнослужители, естественно, надевали шинели во время богослужений, и домашняя одежда приобретала все большее великолепие. Это никогда не имело доктринального значения, подобного *ризе* или *casula*.

[573] *Календарь государственных документов, испанский, 1558-67*, стр. 89.

[574] *Machyn's Diary* (Общество Кэмдена, Лондон, 1844), стр. 108.,

[575] *Церковная мебель* Павлина, стр. 87.

[576] *Календарь государственных документов, испанский, 1558-67*, стр. 105: “Распятая и облачения, которые были публично сожжены месяц назад, теперь снова установлены в королевской часовне, поскольку вскоре они будут по всему королевству, если, не дай Бог, на следующей неделе не произойдет еще одного изменения. Они делают это из чистого страха умиротворить католиков; но поскольку вынужденные услуги не являются признаком привязанности, они часто приносят больше вреда, чем пользы”. Ср. *Цюрихские письма*, i. 63 и др.

[577] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса*, i. стр. 76, 79.

[578] *Календарь государственных документов, серия "Отечественные", Эдуард VI., Мария, Елизавета*, i. 130.

[579] *Предписания* напечатаны в издании "Джи энд Харди", "Документы" и т. Д., стр. 417.

[580] *Календарь государственных документов, домашняя серия, Правления Эдуарда VI, Марии и Елизаветы*, i. стр. 180, 183, 187.

[581] Историю этих статей см. в Хардвике, "История религиозных догматов", к которой добавлен ряд документов с 1536 по 1615 год нашей эры др. (Кембридж, 1859).

[582] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса*, i. 190.

[583] *Консенсус Тугурина* (1549) датирует исчезновение.

[584] *Цюрихские письма, 1558-79, Первая серия* (Общество Паркера, Кембридж, 1842), стр. 123, 127, 135, 100, 139. Епископ Джуэл в письме Питеру Мученику (стр. 100) говорит: "Что касается вопросов доктрины, мы очень быстро все уладили и ни на йоту не отличаемся от вашей доктрины" (7 февраля 1562 г.); а епископ Хорн в письме Буллингеру (13 декабря 1563 г., т.е. после изменений королевы) говорит: "У нас по всей Англии такая же церковная доктрина, как и у вас" (там же. стр. 135).

[585] The deleted clause was: "*Christus in cœlum ascendens, corpori suo immortalitatem dedit, naturam non abstulit, humanæ enim naturæ veritatem (juxta Scripturas), perpetuo retinet, quam uno et definito loco esse, et non in multa, vel omnia simul loca diffundi oportet. Quum igitur Christus in cœlum sublatus, ibi usque ad finem seculi permansurus, atque inde, non aliunde (ut loquitur Augustinus) venturus sit, ad judicandum vivos et mortos, non debet quisquam fidelium, et carnis eius, et sanguinis, realem et corporealem (ut loquuntur) presentiam in Eucharistia vel credere, vel profiteri.*"

[586] "Король - это крайний мудрец и человек ужасный". *Календарь государственных бумаг, домашняя серия, правления Елизаветы Петровны, 1595-97*, стр. xxi.

[587] *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса*, i. 61, 62.

[588] *Календарь государственных бумаг, Венецианский, 1558-80*, стр. 449.

[589] *Цюрихские письма* и др., Первая серия, стр. 91.

[590] *Цюрихские письма* и др., Первая серия, стр. 74; ср. 55, 63, 64, 66, 68, 100, 129, 135. Епископ Джуэл назвал церковную одежду "реликвией амореев" (стр. 52) и пожелал избавиться от стихаря (стр. 100); а "маленький серебряный крестик" в часовне королевы был для него дурным предзнаменованием (стр. 55); ср. Strype, *Annals* др. I. i. 260.

[591] *Анналы* т. Д. I. ii. 562.

[592] *Рекламные объявления* архиепископа Паркера, выпущенные и приведенные в исполнение по указанию примаса, на которые королевская санкция неоднократно отклонялась, можно рассматривать как исключение. Об этих правилах, призванных контролировать Церковь в вестиарианском споре, см. Джи и Харди, *Документы* и т. Д., стр. 467; а по поводу спорного вопроса об их авторитете - Мур, *История реформации*, стр. 266.

[593] Мейтленд, *Кембриджская современная история*, ii. 569 и далее.

[594] *Календарь государственных бумаг, домашняя серия, Правления Эдуарда VI, Марии и Елизаветы, 1547-80*, стр. 159.

[595] *Календарь государственных газет, отечественных серий* т.д. стр. 247.

[596] Там же. стр. 177; *Календарь писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившийся главным образом в архивах Симанкаса*, i. 77, 118, 119.

[597] Историю Фрэнсиса Яксли, агента Марии, о его отношениях с Филиппом II., о субсидии Филиппа Шотландии в размере 20 000 крон, о ее потере в результате кораблекрушения и о том, как герцог Нортумберлендский, католик и преданный сторонник Марии, заявил, что эти деньги являются сокровищем, можно проследить в *Календаре писем и государственных бумаг, касающихся английских дел, сохранившихся в основном в архивах Симанкаса*, стр. lix, 499, 506, 516, 523, 546, 557; и как папа римский также оказывал денежную помощь, стр. 559.

[598] For example, the *Nikolsburger Articles* say: “Cristus sei in der erbsunden entphangen; Cristus sei nit Got sunder ein prophet, dem das gesprech oder wort Gottes bevollen worden” (Cornelius, *Geschichte des Münsterischen Aufruhrs*, ii. 279, 280).

[599] Серведе родился в 1511 году в небольшом городке Тудела, который тогда принадлежал Арагону. Он происходил из старинной семьи юристов и изначально был предназначен для профессии юриста. Его семья была родом из городка Вилланова, что, вероятно, объясняет тот факт, что Серведе иногда носил это имя. Он состоял в переписке с Эколампадием (Хойсгеном) в 1530 году; и из писем первого Серведе и о нем очевидно, что молодой испанец тогда был полностью убежден в своих антитринитаристских взглядах. Ни одно издательство в Базеле не захотело печатать его книгу, и он отправился в Страсбург. Когда стало известно о его первой теологической книге, светские власти, как правило, запрещали ее продажу. Его великая книга, содержащая все его богословские размышления, была опубликована в 1553 году без указания места или автора. Its full title is: *Christianismi Restitutio, Totius ecclesiae apostolicæ ad sua limina vocatio, in integrum restituta cognitione Dei, fidei Christi, justificationis nostræ, regenerationis baptisimi et cœnæ domini manducationis, Restituto denique nobis regno cœlesti, Babylonis impiæ captivitate soluta, et Antichristo cum suis penitus destructo*. Он вступил в переписку с Кальвином, предложил приехать в Женеву, чтобы объяснить свою позицию; но Реформатор ясно дал понять, что у него нет времени уделять ему это. Отчет о его суде, осуждении и сожжении в Женеве можно найти в *Corpus Reformatorum*, xxxvi. 720 и далее. The sentence is found on p. 825: “Icy est este parle du proces de Michiel Servet prisonnier et veu le sommaire dycelluy, le raport de ceux esquelz lon a consulte et considere les grands erreurs et blaffemes—est este arreste Il soit condampne a estre mene en Champel et la estre brusle tout vyfz et soit exequente a demain et ses livres brusles.” Этот суд и казнь - единственное черное пятно на характере Кэлвина. В то время он ни в коей мере не был всемогущим в Женеве; но он полностью одобрил то, что было сделано, и выразил мнение, что если Сервед приедет в Женеву, он не покинет ее живым. “Nam si venerit modo valeat mea auctoritas, virum exire nunquam patiar” (*Corpus Ref.* xi. 283).

[600] Ритшль, *Критическая история христианского учения об оправдании и примирении* (англ. пер., изд. 1872), стр. 295.

[601] “Circa annum 1546 instituerat (Lælius Socinus) cum sociis suis iisdem Italis, quorum numerus quadragenarium excedebat, in Veneta ditione (apud Vincentiam) collegia colloquiaque de religione, in quibus potissimum dogmata vulgaria de Trinitate ac Christi Satisfactione hisque similia in dubium

revocabant” (*Bibl. Antit.* p. 19—I have taken the quotation from Fock, *Der Socinianismus nach seiner Stellung in der Gesamtentwicklung des christlichen Geistes*, etc., Kiel, 1847, i. 132).

[602] Sources: *Magna Bibliotheca Veterum Patrum* (Coloniæ Agrippinæ, 1618), xiii. 299-307; Sebastian Franck, *Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbibel* (Augsburg, 1565), pt. iii.; Hans Denck, *Von der waren Lieb*, etc. (1527—republished by the *Menonitische Verlagsbuchhandlung*, Elkhart, Indiana, U.S.A.); Bouterwek, *Zur Literatur und Geschichte der Wiedertäufer* (Bonn, 1864—gives extracts from the rarer Anabaptist writings such as the works of Hübmaier); *Ausbund etlicher schöner christlicher geseng*, etc. (1583); Liliencron, “Zur Liederdichtung der Wiedertäufer” (in the *Abhandlungen der könig. Бэўр. Akad. der Wissenschaften Philosophische Klasse*, 1878); von Zezschwitz, *Die Katechismen der Waldenser und Bömischen Bruder* (Erlangen, 1863); Beck, *Geschichts-Bücher der Wiedertäufer in Österreich-Ungarn, 1526 bis 1785* (Vienna, 1883), printed in the *Fontes Rer. Abcmp. Diplom. et Acta*, xliii.; Kessler, *Sabbata*, ed. by Egli and Schoch (St. Gall, 1902); Bullinger, *Der Wiedertäufere Ursprung, Secten*, etc. (Zurich, 1560); Egli, *Actensammlung zur Geschichte der Züricher Reformation* (Zurich, 1879), *Die Züricher Wiedertäufer* (Zurich, 1878); Leopold Dickius, *Adversus impios Anabaptistarum errores* (1533); Cornelius, *Berichte der Augenzeugen über das Münsterische Wiedertäufereich*, forming the 2nd vol. of the *Geschichtsquellen des Bisthums Münster* (Münster, 1853) and the Beilage in his *Geschichte des Münsterischen Aufruhrs* (Leipzig, 1855); Detmer’s edition of Kerssenbroch, *Anabaptistici furoris Monasterium inclitam Westphaliæ metropolim evertentis historica, narratio*, forming vols. v. and vi. of the *Geschichtsquellen des Bisthums Münster* (Münster, 1899, 1900); *Chroniken der deutschen Städte, Nürnberg Chronik*, vols. i. and iv.

Later Books: Keller, *Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs zu Münster* (Münster, 1880), *Ein Apostel der Wiedertäufer*; Hans Denck (Leipzig, 1882), and *Die Reformation und die älteren Reformparteien* (Leipzig, 1885—Keller is apt to make inferences beyond his facts); Heath, *Anabaptism, from its rise at Zwickau to its fall at Münster, 1521-1536* (London, 1895); Belfort Bax, *Rise and Fall of the Anabaptists* (London, 1903); Rörich, “Die Gottesfreunde und die Winkeler am Oberrhein” (in *Zeitschrift für hist. Theol.* i. 118 ff., 1840); *Zur Geschichte der strassburgischen Wiedertäufer* (*Zeitschrift für hist. Theol.* xxx. 1860); S. B. ten Cate, *Geschiedenis der doopgezinden in Groningen*, etc., 2 vols. (Leeuwarden, 1843); *Geschiedenis der doopgezinden in Friesland* (Leeuwarden, 1839); *Geschiedenis der doopgezinden in Holland en Guelderland*, 2 vols. (Амстердам, 1847); Тилеман ван Браг, *Главный редактор журнала Martclaars Spiegel der doopgesinde* (Амстердам, 1685); Э. Б. Андерхилл, *Мартиролог Церквей Христа, обычно называемых баптистскими* (перевод Ван Брагта); Х. С. Буррадж, *История анабаптистов в Швейцарии* (основана на исследованиях Эгли, Филадельфия, 1881); Ньюман, *История антипедобаптизма* (Филадельфия, 1897); Детмер, “Книга о религии и социальном единстве” в Мюнстерской библиотеке 16-ти летия: i. Иоганн фон Лейден (Мюнстер, 1903), ii. Bernhard Rothmann (1904), iii. Что такое Ауффассунг, фон—дер-Эхе и прочный фундамент для Виельвейберов в “Мюнстерском обозрении природы” (1904); Хит, *Современное обозрение*, lix. 389 (“Анабаптисты и их английские потомки”), lxii. 880 (“Креститель Ганс Денк”), lxvii. 578 (Ранний анабаптизм, что это значило и чем мы ему обязаны), lxx. 247 (“Жизнь в общине - очерк моравского анабаптизма”), 541 (“Архетиппродвижения пилигрима”), lxxii. 105 (“Архетип Священной войны”).

[603] Разницу в трактовке можно сразу увидеть, сравнив статьи об анабаптизме во втором (1877) и третьем (1896) изданиях “Реальной энциклопедии протестантского богословия и церкви” Херцога. Некоторые выдающиеся историки, однако, все еще цепляются за старые идеи; например, Эдвард Армстронг, *Император Карл V* (Лондон, 1902), который оправдывает

обращение, примененное его героем к анабаптистам — поджаривание их до смерти на медленном огне, — говоря, что “всякий раз, когда они на мгновение одерживали верх, они применяли практические методы современного анархизма или нигилизма к провозглашаемым принципам коммунизма” (ii. 342). Никто из тех, кто изучал первоисточники, не смог бы написать такое предложение.

[604] *Magna Bibliotheca Veterum Patrum* (Колония Агриппины, 1618), xiii. 299, 300, 307 (Сумма Raiverus Sacchonus). Cp. i. 152.

[605] Это даты, в которые городские хроники случайно указывают на существование таких сообществ, а не даты их возникновения.

[606] Веддер, *Бальтазар Хюбмайер* (Нью-Йорк, 1905).

[607] Лилиенкрон, “Об основных принципах ведения бизнеса”, в *Трудах Кенигля. Бэйр. Akad. der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*, 1877.

[608] *Хроника* (Аугсбургское издание, 1565), стр. 164.

[609] *Der Wiedertäufer Ursprung, Furgang, Secien*, etc. (Цюрих, 1560).

[610] *Хроника* (3 очка, Страсбург, 1531).

[611] *Суббота* (под ред. Эгли и Шоха, Сент-Галл, 1902).

[612] C. A. Cornelius, *Geschichte des Münsterischen Aufruhrs* (Leipzig, 1855), ii. 49.

[613] Там же. ii. 49.

[614] *Magna Bibliotheca Veterum Patrum* (Колония Агриппины, 1618), Райнери Соччони, Сумма, с. vii.

[615] Egli, *Die Züricher Wiedertäufer* (Zurich, 1878), p. 96.

[616] Фолиант 158^b Аугсбургского издания 1565 года.

[617] Швейцарские анабаптисты были выбраны потому, что у нас есть очень полные современные документальные свидетельства по их делу. Cf. Egli, *Actensammlung zur Geschicht der Züricher Reformation* (Zurich, 1879); *Die Züricher Wiedertäufer* (Zurich, 1878); *Die St. Gallen Wiedertäufer* (Zurich).

Документальные свидетельства, приведенные в работах Эгли, были сжаты и обобщены Х. С. Беррейджем в “*Истории анабаптистов в Швейцарии*” (Филадельфия, 1881).

[618] The scene is described in Beck, *Die Geschichts-Bücher der Wiedertäufer in Österreich-Ungarn von 1526 bis 1785* (Vienna, 1883).

[619] Историю преследований в Тироле можно найти у Й. Лосерта, “*Анабаптизм в Тироле*”; и у Кирхмайра, “*Денквюрдигкейтен сейнер Цайт*”, 1519-53, часть i. в “*Фонтес Перум Австриякарум*”, часть i. 417-534.

[620] Cornelius, *Geschichte des Münsterischen Aufruhrs* (Leipzig, 1855), ii. 58.

[621] Болезнь была известна как английская чума или потливость. Это так описано Геккером (*Эпидемии средних веков*, стр. 181): “Это была сильная воспалительная лихорадка, которая после непродолжительного окоченения лишала сил, как после удара; и на фоне болезненной тяжести в желудке, головной боли и летаргического оцепенения все тело покрылось зловонным потом. Все это происходило в течение нескольких часов, и кризис всегда заканчивался в течение дня и ночи. Внутренний жар, от которого страдал пациент, был невыносимым, но каждый хладагент нес смерть”.

[622] Ротманн родился в Штадтлоне и получил там начатки образования в деревенской школе; родственник отправил его в гимназию в Мюнстере; затем он учился в Майнце, где получил степень магистра; около 1525 года его назначили капелланом в церкви Святого Морица в Мюнстере.

[623] Об этом свидетельствует его исповедание веры, опубликованное на латыни и немецком в 1532 году. Я знаю это только из краткого изложения в Детмере (*Бернхард Ротманн*, Мюнстер, 1904, стр. 41 ф.). Детмер говорит, что ему известна только одна печатная копия, которая находится в университетской библиотеке в Мюнстере.

[624] Бернард Книппердоллинг или Книппердоллинк (встречаются обе формы) был богатым торговцем тканями, способным и горячим оратором, человеком твердых убеждений, который рано встал на сторону народа и стал доверенным лидером демократической партии Мюнстера.

[625] Подробности этого спора были опубликованы Детмером в *Журнале Commenius-Gesellschaft* (Берлин, 1900), ix. 273 и далее.

[626] Ср. выше, ii. 235 и далее.

[627] *Meister Heinrich Gresbeck's Bericht von der Wiedertaufe in Münster*, p. 20 (edited by Cornelius for *Die Geschichtsquellen des Bisthums Münster*, vol. ii., Münster, 1853).

[628] Cf. *Die Münsterische Apologie*, printed by Cornelius in his *Berichte der Augenzeugen über das münsterische Wiedertäufereich*, p. 457 (*Geschichtsquellen des Bisthums Münster*, vol. ii.).

[629] Безусловно, лучшая и наиболее беспристрастная дискуссия об институте полигамии в Мюнстере, основанная на самом широком изучении современных документальных свидетельств, — это дискуссия доктора Детмера, автора книги *"Ауффассунг фон дер Эхе и прочное руководство Вьельвейберами" в Мюнстерском университете. der Täuferherrschaft* (Мюнстер, 1904). It forms the third of his *Bilder aus den religiösen und sozialen Unruhen in Münster während des 16. Jahrhunderts*.

[630] The tract is to be found in Cornelius, *Berichte der Augenzeugen über das münsterische Wiedertäufereich*, which forms the second volume of *Die Geschichtsquellen des Bisthums Münster* (pp. 445 ff.).

[631] “Die ehe, sagen wir und halten mit der Schrift, das sie ist eins mans und weips vorgaderong und vorpflichtong in dem Herrn ... Got hot den menchen von anfanck geschaffen, ein man und weip hat Er sie geschaffen, di peide in den heiligen estant (ehestat) voreiniget, dos di peide zwo sellen und ein fleische solen sein. Und mage also kein mensche scheiden selche voreinigong” (pp. 457, 458).

[632] "*Реституция*", написанная Ротманом и Клопри совместно с Яном Лейденским и старейшинами, опубликована в журнале "Бутервек", "*Литература и история Видертяйфера*"; брак и полигамия рассматриваются в разделах 14-16.

[633] Ян Бокельсон, обычно называемый Яном ван Лейденом, был незаконнорожденным сыном деревенского судьи и родился недалеко от Лейдена в 1510 году. После недолгого обучения в деревенской школе он поступил подмастерьем к портному, а в часы досуга усердно занимался самообразованием. Он путешествовал больше, чем обычно путешествуют ремесленники за год своих странствий, посетив Англию, а также большую часть Фландрии. По возвращении домой он женился на вдове капитана корабля и начал торговое дело. Он был видным членом литературной "гильдии" своего города и имел местную известность как поэт и актер. Его обращение через Яна Маттиса изменило всю его жизнь; нет ни малейших оснований предполагать, что он не был искренним приверженцем анабаптистских доктрин, которым учил Маттис. Его описывают как поразительно красивого, с прекрасным звучным голосом. Он обладал недюжинными организаторскими способностями. Вся его недолгая жизнь показывает, что он очень незаурядный человек. Ему едва исполнилось двадцать пять, когда епископ Мюнстера замучил его до смерти после взятия города.

[634] Источники: *Библиотека Братства Полонорума* (Амстердам, 1656) i. ii. *Раковский катехизис* (Лондон, 1818).

Later Books: Fock, *Der Socinianismus nach seiner Stellung in der Gesamtentwicklung des christlichen Geistes, nach seinem historischen Verlauf und nach seinem Lehrbegriff dargestellt* (Kiel, 1847); A. Ritschl, *Jahrbücher f. deutsche Theologie*, xiii. 268 и далее, 283 и далее; *Критическая история христианского учения об оправдании и примирении* (Эдинбург, 1872); Дильтей, *Архив Ф. Гешихте д. Philos.* vi.; Гарнак, *История догмы*, vii. 118 и далее (Лондон, 1899).

[635] Стр. 397 и далее.

[636] Ср. i. 426 и далее.

[637] Харнак, *История догмы*, vii. 167.

[638] См. стр. 427.

[639] См. i. 461.

[640] Эразм, *Opera Omnia*, iv. 465.

[641] Очень полный анализ содержания раковского катехизиса дан в "*Истории догмы*" Гарнака, vii. 137 и далее, также в "Фоке", "*Социнианстве*" и т. Д. ii. А. Ритчль показал, что унитаризм социнианцев является просто законный вывод из их теории о природе Бога и работе Христа в его двух эссе в *Jahrbücher f. deutsche Theol.* xiii, 268 и далее, 283 и далее.

[642] Sources: Laemmer, *Monumenta Vaticana historiam ecclesiasticam seculi 16 illustrantia* (Freiburg i. B. 1861); Weiss, *Papiers d'État du Cardinal Perronet de Granvelle* (in the *Collection des documents inédits de l'Histoire de France*, 1835-49); Fiedler, *Relationen Venetianischer Botschaften über Deutschland und Oesterreich im 16ten Jahrhundert* (in the *Fontes Rerum Austriacarum, Diplomatica et Acta*, xxx., Vienna, 1870); Friedenb., *Nuntiaturberichte aus Deutschland, 1533-39* (Gotha, 1892-93); *Carteggio di Vittoria Colonna* (Rome, 1889).

Later Books: Maurenbrecher, *Geschichte der katholischen Reformation* (Nördlingen, 1880—only one volume published, which ends with 1534); also Karl V. und die deutschen Protestanten (Düsseldorf, 1865); Ranke, *Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert*; Gothein, *Ignatius von Loyola und die Gegenreformation* (Halle, 1895); Philipppson, *La Contre-Revolution religieuse du 16e siècle* (Brussels, 1884); Ward, *The Counter-Reformation* (London, 1889); Dupin, *Histoire de l'Église du 16e siècle* (Paris, 1701-13); Jerrold, *Vittoria Colonna* (London, 1906).

[643] Ср. *отношение ... об острове Англия ... около 1500 года* (Камденское общество, Лондон, 1847), стр. 34-36, 86-89.

[644] См. i. 36.

[645] Против этого протестовали в течение полутора столетий не только отдельные моралисты, но и такие известные собрания, как английский парламент; ср. *Списки членов парламента*, ii. 313-14; *Пункт*: “почему коммуна от имени парламента управляет виноградником, снабжает и помогает коммуне исправлять положение прелата и ординариев в Англии, а не денежных средств джентльменов в Англии и других странах”. ради искупления нашей повседневной греховности и всего остального, ради того, чтобы не допустить расправы над нашими наложницами; ради других грехов и правонарушений, которые могут вызвать подозрение, денежный поток в графстве пейн, а не законное право: Человек выбрал причину, содержание и прекращение нашей греховности, явное разрушение и плохой пример для всей Коммуны; человек выбрал не продолжать из-за ничтожества, а использовать в корыстных целях. Рентабельность инвестиций и за их пределами. *Que pleise a nostre Seigneur le Roi ent ordeiner que touz tiels redemptions soient de tut ousteiz; et que si nul viegne encontre ceste Ordeinance, que le prenour encourge la somme del double issint pris devers la Roi et cely que le paie eit mesme la peyne.*”

[646] Ср. i. 166, 213.

[647] Ср. том i. 140, 141, 378; том ii.

[648] *Письма и документы, иностранные и отечественные, времен правления Генриха VIII.*, iv, Предисловие, стр. 485. Ср. Браун, *Fasciculus rerum expectandarum et fugiendarum* (1690), стр. 19, 20, к речи английского епископа в Риме (ноябрь . 27-е, 1425), говоря, что, если курия быстро не возьмется за Реформаторскую работу, светские власти должны вмешаться.

[649] Леа, *Главы из религиозной истории Испании* (Филадельфия, 1890); Прескотт, *Фердинанд и Изабелла* (Лондон, 1887); В. де ла Фуэнте, *Эклезиастическая история Испании* (Мадрид, 1873 и др.); Менендези Палайо, *"Неортодоксальные испанцы"* (Мадрид, 1880); Хефеле, *"Кардинал Хименес"* (Лондон, 1860); Поль Руссело, *"Загадки Испании"* (Париж, 1867).

[650] Ср. доклад, прочитанный Карлом V. в поместьях Германии в Вормс—Вреде, *Немецкий Рейхстагсактен унтер-кайзер Карл V.* (Гота, 1896) ii. 595.

[651] “Является Цезарией единокровной, законной супругой Вормасии, наследницей Испанцев за то, что они устроили беспорядки. *Is in profesto vigiliæ natalicii dominici superveniens eques, cum ministris, biduo manens integro et tribus noctibus, mihi multum loquebatur de causa Lutherana,*

quæ magna ex parte arridebat viro bono et docto, præter librum *de captivitate Babel*, quem legerat Wormatiæ cum mœrore et displicentia, quem ego nondum videram.” Riggenbach, *Das Chronikon des Konrad Pellikan*, p. 77 (Basel, 1877).

[652] Речь Карвахаля и мемуары Эгидио приведены в Höfler, “Analecten z. Geschich. Deutschlands und Italiens” (*Abhandlungen der Münch. Akad.* IV. iii. 57-89).

[653] An *indult*лучше всего можно объяснить примером: согласно Собору в Бурже (1438), выбор французских епископов был оставлен исключительно в руках капитулов Соборов; но папа Евгений IV. разрешенный Карлом VII. право назначать в несколько определенных епископств; такое папское разрешение называлось *индальгенцией*.

[654] Ср. том i. 12 f.

[655] Источники: Контарини, *Опера* (Париж, 1571); *Переписка Контарини*, под ред. Л. Пастора (1880); Кортеше, “*Эпистолярный фамильный сборник*” (Венеция, 1573); Гиберти, *Опера* (Верона, 1740); Садолето, *Epistolarum libri sexdecim* (Лион, 1560); Поул, *Epistolæ, et aliorum ad ipsum* (Брешиа, 1744-57), *Картеджо ди Виттория Колонна* (Турин, 1889); Верджеро, *Краткий курс лекций* (отредактирован для Библиотеки литературных произведений Верциуса, Штутгарт, 1875).

Более поздние книги: Якоб Буркхардт, *Цивилизация периода Возрождения* (англ. пер., Лондон, 1892); Саймондс, *Возрождение в Италии. Католическая реакция* (Лондон, 1886); Канту, “*Гли Эретици д’Италия*” (Турин, 1865-67); Браун, *кардинал Гаспаро Контарини* (1903); Дитрих, *Гаспаро Контарини* (Браунсберг, 1883); Дюруи, *кардинал Карло Каруффа* (Париж, 1882); Готейн, *Игнатий Лойола и Гейенреформация*, стр. 77-207 (Галле, 1895); в. Ремон, *Виттория Колонна* (Фрайбург i. B. 1881).

[656] Средневековые песни говорят нам, что эта ненависть к крестьянству намного старше эпохи Возрождения:

“Si quis scire vult naturam,
Maledictam et obscuram
Rusticorum genituram
Infelicem et non puram
Denotent sequentia,” etc.

Кармина Меди Эри (Флоренция, 1883), стр. 34; песня относится к тринадцатому веку.

[657] Эрминьяр, *Переписка* и т.д. viii. 161.

[658] Название вышло за рамки первоначального основания. Иезуитов иногда называли *театинами* как в Испании, так и во Франции.

[659] Их можно найти в *Большой Понтификской библиотеке* (Рим, 1790), стр. 178 и далее. Содержание второго письма сжато во фразе, которая встречается ближе к концу: “in legibus voluntas non debet regula esse” (стр. 183). В первом письме папа призывает положить конец скандалам, вызванным продажей разрешений: “Dispensator non potest vendere id quod non suum est sed Domini. Neque etiam potest transgredi in dispensatione mandatum Domini.... Expresse

Christus in Evangelio præcipit: Gratis accepistis, Gratis date” (р. 79). Оно завершается настоящим призывом: “Святой отец ингрессус эс виам Кристи, дерзновенный век.... Dens onnipotens dirigit gressus tuos, et tuorum omnium. Familiæ tuæ Protector crit, et super omnia bona sua constituet te, ut ipse in Evangelio pollicetur servo fideli, quem constituit super familiam suam. Dominus diu nobis servet Sanctitatem tuam incolumem.”

[660] Каверая, Иоганн Агрикола (1881), стр. 100.

[661] В регенсбургской статье говорилось: *Создание свободы для hominis lapsum est amissa*; в тридентском указе говорилось: *Si quis liberum hominis arbitrium post Adæ peccatum amissum et extinctum esse dixerit, anathema sit* (Дензингер, *Enchiridion Symbolorum et Definitionum* и др., 9-е изд., стр. 192).

[662] В регенсбургской статье говорится: *И после крещения негре остается материальный грехи т.д. вторая ересь Лютера, осужденная в Булле, такова: In puero post baptismum negare remanens peccatum, est Paulum et Christum simul conculcare* (там же. стр. 176).

[663] Кэлвин, присутствовавший на конференции, подводит итоги к настоящему моменту в письме Фарелю следующим образом: *Основные положения первоначального, не требующего сложностей судебного разбирательства: последствия судебного разбирательства в свободном арбитраже, вопрос о сложном решении Августина в будущем: nihil in utroque nobis desecum. De justificatione aciores fuerunt contentiones. Tandem conscripta est formula, quam adhibitis certis correctionibus utrinque receperunt. Miraberis, scio, adversarios tantum concessisse, quum legeris exemplar, ita ut postrema manu correctum fuit, quod literis inclusum reperies. Retinuerunt enim nostri doctrinæ veræ summam: ut nihil illic comprehensum sit, quod non exstet in scriptis nostris: scio, desiderabis clariorem explicationem, et in ca re me tibi assentientem habebis. Verum, si reputes quibuscum hominibus negotium nobis sit, agnosces multum esse effectum* (*Corpus Reformatorum*, xxxix. 215). Кальвин с самого начала относился к Контарини с некоторым подозрением: *Противник сангвинического подвига без купюры; добивайтесь всего через доверие, исходя из использования переговоров для защиты оружия* (*ibid.* xxxix. 176).

[664] В посвящении четвертой части сочинений Меланхтона Иоахиму II Бранденбургскому редактор Пенсер говорит: *Гранвеллус ... Eccium, cum descriptæ formulæ testimonium chirographi addendum esset, tergiversantem et astute renuentem facere id coegit*. Эка с его большим грубым телом, громким хриплым голосом, задиристыми привычками и неискренностью не любили все; *ista a bestia, геобелтер Эка*, так его прозвал Пиркхаймер из Нюрнберга.

[665] *Epistolarum Reginaldi Poli, S. R. E. Cardinalis* (Brixiae, 1744-57), iii. 25-30.

[666] Кальвин говорит: *Смысл есть истина в церкви: в определении, соответствующем смыслу: в потесте диссидента, совершающего преступление. Quum nullo modo possent conciliari, visum est articulum illum omittere*.

[667] *Nunquam Legatum assensurum, ut conspicua fidei decreta tot sæculis culta in dubium adducerentur*.

[668] Материалы конференции полностью приведены в *Acta Ratisbonensia*. Безусловно, наиболее краткий отчет можно найти в письме Кальвина к Фарелю от 11 мая 1541 года. He says of the discussion about the sacraments: *In sacramentis rixati sunt nonnihil: sed quum nostri suas illis*

cæremonias, ut res medias, permetterent, usque ad cænam progressi sunt. Illic fuit insuperabilis scopulus. Repudiata transubstantiatio, repositio, circumgestatio, et reliqui superstitiosi cultus. Hæc adversariis nequaquam tolerabilia. Collega meus (Bucer), qui totus ardet studio concordiæ, fremere et indignari, quod intempestive fuissent motæ eiusmodi quæstiones, Philippus (Melanchthon) in adversam partem magis tendere, ut rebus exulceratis omnem pacificationis spem præcideret. Nostri habita consultatione, nos convocarunt. Jussi sumus omnes ordine dicere sententias: fuit una omnium vox, transubstantiationem rem esse fictitiam, repositionem superstitiosam, idololatricam esse adorationem, vel saltem periculosam, quum fiat sine verbo Dei. Me quoque exponere latine oportuit quid sentirem. Tametsi neminem ex aliis intellexeram (because they spoke in German), libere tamen sine timore offensionis, illam localem præsentiam damnari: adorationem asserui mihi esse intolerabilem. Crede mihi, in eiusmodi actionibus opus est fortibus animis, qui alios confirment.... Scriptum deinde a Philippo compositum, quod ubi Granvellano oblatum est, asperis verbis repudiavit, quod illi tres delecti ad nos retulissent. Hæc quum fiant in ipso limine, cogita quantum adhuc supersit difficultatis, in missa privata, sacrificio, in communicatione calicis. Quid si ad apertam præsentiae confessionem veniretur? quanti tumultus effervercent? (Corpus Reformatorum, xxxix. 215, 216)

[669] Sources: *Monumenta historica Societatis Jesu, nunc primum edita a Patribus ejusdem Societatis* (Madrid, 1894, etc.); *Cartas de San Ignacio de Loyola, fundador de la Compañía de Jesús* (Madrid, 1874, etc.); G. P. Maffei, *De vita et moribus Ignatii Loyolæ, qui Societatem Jesu fundavit* (Cologne, 1585); Ribadeneyra, *Vida del P. Ignacio de Loyola* (Madrid, 1594); Orlandino, *Historia Societatis Jesu, pars prima sive Ignatius*, etc. (Rome, 1615); Braunsberger, *Petri Canisii Epistolæ et Acta* (Freiburg i. B. 1896); *Decreta, etc., Societatis Jesu* (Avignon, 1827); *Constitutiones Societatis Jesu* (Rome, 1558).

Later Books: Huber, *Der Jesuit-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte characterisirt* (Berlin, 1873); Gothein, *Ignatius von Loyola und die Gegenreformation* (Halle, 1895); Symonds, *Renaissance in Italy, The Catholic Reaction* (London, 1886); Cretinau-Joly, *Histoire religieuse politique et littéraire de la Compagnie de Jésus* (Paris, 1845-46); Maurice Martel, *Ignace de Loyola, Essai de psychologie religieuse* (Paris).

[670] “Резиденция Игнатия Лойолы в колледже Св. С Барбе связан случай, который одновременно иллюстрирует его собственный дух и нравы того времени. Он приехал в Париж с целью учебы, но не смог устоять перед искушением обратиться в свою великую миссию. Среди этих обращенных был испанец по имени Амадор, многообещающий студент факультета философии в Санкт-Петербурге. Barbe. Этот Амадор Лойола превратился из прилежного студента в такого же необузданного мечтателя, как и он сам, к сильному возмущению Университета и особенно своих соотечественников. Примерно в то же время Лойола попросил разрешения посещать Ste. Барбе в качестве студента философии. Его приняли с четким условием, что он не должен покушаться на совесть своих товарищей. Лойола сдержал свое слово в том, что касалось Амадора, но он не смог устоять перед искушением поделиться своими видениями с другими. Регент трижды предупреждал его о последствиях и, наконец, подал жалобу Директору школы (Жаку де Гувеа). Гувеа был в ярости и отдал приказ, чтобы на следующий день Лойола был подвергнут самому позорному наказанию, какое только могла вынести Коллегия. Этот забег перчаток, известный как *la salle*, проводился следующим образом. После обеда, когда собрались все ученые, учителя, каждый со своей ферулой в руке, выстроились в два ряда. Затем преступника, раздетого до пояса, заставили пройти между ними, получив от каждого удар по плечу. Это было позорное наказание, которому Лойола, которому

тогда шел сороковой год, как член Коллегии, был вынужден подвергнуться. Весть о том, что его ждет, достигла его ушей, и в частной беседе он ухитрился отвести гнев Гувеа.... Это было в 1529 году, в год вступления Бьюкенена в Ste, Barbe” (П. Хьюм Браун, *Джордж Бьюкенен, гуманист и реформатор*, Эдинбург, 1890, стр. 62 f.).

[671] *Bulletin de la Société de l'Histoire de Protestantisme Français*, xii. 129.

[672] Один из первых биографов Лойолы, Рибаденейра, подробно рассказывает о том рвении, с которым Игнатий приветствовал малейшие подробности жизни своих учеников в Индии, и о том, как однажды он сказал: “Я бы, конечно, хотел знать, если бы это было возможно, сколько блох кусало их каждую ночь”.

[673] Лойола давно отказался от обета бедности; его верные последователи, круг дам Барселоны, присылали ему деньги, и он получал суммы от испанских купцов во Франции и Нидерландах.

[674] *Духовные упражнения С. П. Игнатия Лойолы, Fundatoris Ordinis Societatis Jesu*, и их незаменимый спутник, *Directorium in Exercitia Spiritualia B. P. N. Ignatii*, можно найти в томе iv. из *Insti. Сок. Jesu*. Здесь использованы издания *Упражнений*, изданные в Антверпене в 1676 году, и *Справочника*, изданного в Риме в 1615 году.

[675] Тщательное изучение *Упражнений*, *Справочника*, переписки Лойолы и его высказываний, записанных ранними и современными биографами, убедило меня, что книга была в основном составлена на основе многочисленных заметок, которые Лойола делал о своем собственном внутреннем опыте в Манресе, и что единственной книгой, которую он использовал при ее составлении, было “*Подражание Христу*” Фомы Кемпийского — книги, которая, как полагал Игнатий, была написана Джерсоном. В остальном мы знаем, как высоко Игнатий ценил *De Imitatione*. Когда он посещал аббатство Монте-Кассино, он брал с собой столько экземпляров, сколько было монахов в монастыре; это был единственный том, который он держал на маленьком столике у своей кровати; и это была единственная книга, которую неопиту разрешалось читать в течение первой недели *Упражнений*: “si tamen instructori videbitur, posset in prima hebdomada legere librum Gersonis de Imitatione Christi” (*Справочник*, iii. 2).

[676] См. *Каталог*, i. ii. v.

[677] Объясняется, что под “неделей” подразумевается не промежуток времени, семь дней, а отдельный предмет медитации. Учения могут быть закончены в течение семи-восьми дней; возможно, их придется продлить более чем на двадцать пять. Первая медитация - основа всего, и ее, возможно, придется повторять снова и снова, пока душа не будет достаточно изранена (*Справочник*, xi. l).

[678] “Первичное рассмотрение греха, полное признание познания, ненависть к долге и удовлетворительное удобство. Secunda proponit vitam Christi ad excitandum in nobis desiderium ac studium eam imitandi. Quam imitationem ut melius perficiamus, proponitur etiam modus eligendi vel vitæ statum, qui sit maxime ex voluntate Dei; vel si jam eligi non possit, dantur quædam monita ad eum in quo quisque sit, reformandum. Tertia continet Passionem Christi, qua miseratio, dolor, confusio generatur, et illud imitationis desiderium una cum Dei amore vehementius inflammatur. Quarta demum est de Resurrectione Christi, ejusque gloriosis apparitionibus, et de beneficiis, et similibus, quæ pertinent ad Dei amorem in nobis excitandum” (*Directory*, xi. 2).

[679] “Punctum primum est, spectare per imaginationem vasta inferorum incendia, et animas igneis quibusdam corporibus, velut ergastulis inclusas. Secundum, audire imaginarie, planctus, ejulatus, vociferationes, atque blasphemias in Christum et Sanctos ejus illinc erumpentes. Tertium, imaginario etiam olfactu fumum, sulphur, et sentinae cujusdam seu faecis atque putredinis graveolentiam persentire. Quartum, gustare similiter res amarissimas, ut lachrymas, rancorem, conscientiaeque vermem. Quintum, tangere quodammodo ignes illos, quorum tactu animae ipsae amburuntur” (*Exercitia Spiritualia, Quintum Exercitium* (pp. 105, 106 in Antwerp edition of 1676)).

[680] Упражнения, *Tertia Hebdomada*, ii. *Contemplatio* (p. 157).

[681] *Exercitia, Tertia Hebdomada*, ii. *Созерцание*, стр. 125, 126.

[682] Там же. стр. 121.

[683] Дж. А. Саймондс, *Возрождение в Италии, католическая реакция*, i. 289.

[684] Эти и другие заявления подобного рода можно найти в последней главе “Духовных упражнений”, озаглавленной “Правила аликвотного служения вместе с ортодоксальной Церковью вере в разум”.

[685] Там же. “Si quid, quod oculis nostris apparet album, nigrum illa (ecclesia catholica) esse definierit, debemus itidem, quod nigrum sit, pronuntiare” (*Regula*, 13, p. 267).

[686] *Cartas de San Ignacio de Loyola, fundador de la Compañía de Jesús* (Madrid, 1874, etc.), No. 14.

[687] Игнатий любил вспоминать эти обвинения и оправдательные приговоры. В знаменитом письме королю Португалии он сказал, что его восемь раз обвиняли в ереси и столько же раз оправдывали, и что эти обвинения действительно возникли не из-за каких-либо связей, которые он когда-либо имел с раскольниками, лютеранами или *Алюмбрадос* (еретические мистики), а из-за изумления, вызванного тем фактом, что он, необразованный человек, осмеливается говорить о божественных вещах (*Карта де Сан-Игнасио др.*, № 52).

[688] На момент смерти Игнатия (1556) “исповедующих Четыре обета”, которые были Обществом в самом строгом смысле этого слова и которые единственные имели какую-либо долю в его управлении, насчитывалось всего тридцать пять человек.

[689] Общество стало состоять из (1) *новичков*, которые были тщательно отобраны (а) для священства, или (b) для светской работы, или (с), чье особое призвание еще не было определено — *индифферентов*; (2) *схоласты*, которые прошли двухлетнее послушничество и которым предстояло провести пять лет в учебе, затем пять лет в качестве учителей младших классов; (3) *помощники*, духовные или светские — одни принимали участие во всей миссионерской работе Общества, проповедуя или обучая, другие выполняли соответствующие мирские обязанности; (4) *исповедующие Четыре Обета*, которые были элитой Общества и которые одни участвовали в его управлении. Главы колледжей и резиденций были взяты из третьего класса.

[690] Этот дневник был использован Игилио Ноларчи в его *Сборнике жизнеописаний С. Игнацио ди Лойола* (Венеция, 2-е изд., 1687), стр. 197-211.

[691] Симондс, *Возрождение в Италии, католическая реакция* (Лондон, 1886), i. 293, 294.

[692] См. том i, стр. 142.

[693] Многие письма Лойолы адресованы этим дамам: *Кармас*, i. стр. 1, 4, 23, Инес Паскуаль; стр. 16, 63, 112, 279, Изабелле Розер; стр. 34, 44, 177, Терезе Режаделла де Сент-Клара, монахине.

[694] Ср. *Кармас*, i. стр. 291, 470, 471.

[695] Sources: *The Canons and Decrees of the Council of Trent* (London, 1851); Theiner, *Acta genuina Concilii Tridentini* (1875); Dollinger, *Ungedruckte Berichte und Tagebücher zur Geschichte des Concils von Trient* (Nördlingen, 1876); Grisar, *Iacobi Lainez Disputationes Tridentinae* (Innsbruck, 1886); Le Plat, *Monumentorum ad historiam Concilii Tridentini potissimum illustrandum spectantium amplissima collectio* (Louvain, 1781-87), Paleotto, *Acta Concilii Tridentini, 1562-63*; Planck, *Anecdota ad Historiam concilii Tridentini pertinentia* (Göttingen, 1791-1818); Sickel, "Das Reformations-Libell Ferdinands I." (in *Archiv für österreichische Geschichte*, xiv., Vienna, 1871), *Catechismus Romanus* (Paris, 1635); Denzinger, *Enchiridion* (Würzburg, 1900).

Later Books: Maurenbrecher, "Tridentiner Concil, Vorspiel und Einleitung" (in the *Historisches Taschenbuch*, sechste Folge, 1886, pp. 147-256), "Begründung der katholischen Glaubenslehre" (in the *Hist. Tasch.* 1888, pp. 305-28), and "Die Lehre von der Erbsünde und der Rechtfertigung" (in the *Hist. Tasch.* 1890, стр. 237-330); Гарнак, *История догмы*, vii. (London, 1899); Loofs, *Leitfaden zum studium der Dogmengeschichte* (Halle, 1893); R. C. Jenkins, *Pre-Tridentine Doctrine* (London, 1891); Froude, *Lectures on the Council of Trent* (London, 1896); Sickel, *Zur Geschichte des Concils von Trient* (Vienna, 1872), and *Die Geschäfts-ordnung des Concils von Trient* (Vienna, 1871); Milledonne, *Journal de Concile de Trente* (Paris, 1870); Braunsberger *Entstehung und erste Entwicklung der Katechismen des Petrus Canisius* (Freiburg i. B. 1893); Dejob, *De l'influence du Concile de Trente* (Paris, 1884); Paolo Sarpi, *History of the Council of Trent* (London, 1619); *Lettere di Fra Paolo Sarpi* (Florence, 1863).

[696] Отчет об этих переговорах и о фальстарте, сделанном 1 ноября 1542 г., см. У.

Моренбрехер, "Тридентский консилиум, борьба за будущее", *Historisches Taschenbuch*, Sechste Folge, 1886, стр. 147-256; также *Кембриджская современная история*, ii. 660 и далее. Кажется вполне очевидным, что страх перед тем, что немцы могут созвать Национальный собор, и возможность того, что в результате этого может возникнуть Национальная немецкая церковь, независимая от Рима, на принципах, установленных Генрихом VIII. Англии, был мотивом, который в конце концов вынудил папу Павла III. принять решение о созыве Генерального собора; ср. i. стр. 378, 379.

[697] В церкви теперь есть изображение на северной стене хора группы богословов, которые были членами Собора.

[698] Совет заседал в Тренте с 13 декабря 1545 г. по 11 марта 1547 г. (сессии i.-viii.); в Болонье с 21 апреля по 2 июня 1547 г. (сессии ix.-x.); в Тренте с 1 мая 1551 г. по 28 апреля 1552 г. (сессии xi.-xvi.); и в Тренте с 18 января 1562 г. по 3 декабря 1563 г. (сессии xvii.-xxv.).

[699] Для него было достаточно того, что протестанты придерживались Двенадцати статей (*Апостольского символа веры*); ср. i. 264 п.; и ii. 517, 518.

[700] См. i. 390.

[701] (Автор) *Acta genuina ss. æcumenici concilii Tridentini*, p. 40.

[702] Лоуфс в своей книге *"Изучение догматики"* (Halle, 1893) заявляет, что следующие тенденции внутри Римско-католической церкви шестнадцатого века должны быть приняты во внимание как влияющие на решения, принятые на Тридентском соборе: Реорганизация Испанской церкви в строгом средневековом духе со стороны Короны при Изабелле и Фердинанде; возрождение томистского богословия, особенно в Доминиканском ордене; поощрение мистического благочестия, особенно в новых и реконструированных Орденах; облагораживание богословия гуманизмом и его прямое и косвенное влияние, возвращающее богословов к Августину; усиление папства в связи с ростом куриализма; и, наконец, церковные интересы светских суверенов, обычно выступающих против этого куриализма. Он заявляет, что недавно основанный орден иезуитов служил местом встречи для первой, третьей, четвертой и пятой из этих тенденций (стр. 333-34).

[703] "Nec non traditiones ipsas, tum ad fidem, tum ad mores pertinentes, tanquam vel oretenus a Christo, vel a Spiritu Sancto dictatas, et continua successione in Ecclesia catholica conservatas, *pari pietatis affectu ac reverentia suscipit et veneratur.*" Ссылки на решения Трента взяты из Дензингера, *Энциклопедический словарь символов и определений в вопросах веры и морали на соборной конференции и итоговом собрании Понтификов в Эммануэле* (Вюрцбург, 1900), стр. 179.

[704] "Statuit et declarat, ut hæc ipsa vetus et vulgata editio, quæ longo tot sæculorum usu in ipsa Ecclesia probata est, in publicis lectionibus, disputationibus, prædicationibus pro authentica habeatur; et ut nemo illam rejicere quovis prætextu audeat vel præsumat" (Denzinger, *Enchiridion*, etc. p. 179).

[705] "Nemo ... contra cum sensum, quem tenuit et tenet sancta mater Ecclesia, cujus est judicare de vero sensu et interpretatione Scripturarum Sanctarum, autetiam contra unanimem consensum Patrum, ipsam Scripturam Sacram interpretari audeat" (*ibid.* p. 180).

[706] "Non possum pati synodum pari pietatis affectu suscipere traditiones et libros sanctos: hoc enim, ut vere dicam quod seutio, *impium est.*"

[707] "Si quis non confitetur, primum hominem Adam, cum mandatum Dei in paradiso fuisset transgressus, statim sanctificationem et justitiam, in qua constitutus fuerat, amisisse.... Анафема сидит" (Дензингер, *Энчиридиони др.*, стр. 180).

[708] "Tametsi in eis liberum arbitrium minime extinctum esset, viribus licet attenuatum et inclinatum"; в первом абзаце постановления об оправдании (*там же*. стр. 182).

[709] "Declarat tamen hæc ipsa sancta Synodus, non esse suæ intentionis comprehendere in hoc decreto, ubi de peccato originali agitur, beatam et immaculatam Virginem Mariam, Dei genitricem; sed observandas constitutiones felicis recordationis Sixti Papæ IV. sub pœnis in eis constitutionibus contentis, quas innovat" (*ibid.* p. 182).

[710] См. выше, стр. 520, 521.

[711] *История догмы* (перевод на английский), vii. 57.

[712] Серипандо был возведен в сан кардинала в 1561 году папой Пием IV., который также направил его на Тридентский собор в том же году в качестве одного из своих легатов.

[713] “Cum omnes homines in prævaricatione Adæ innocentiam perdi facti immundi ... ut non modo gentes per vim naturæ, sed ne Judæi quidem per ipsam etiam litteram legis Moysi, inde liberari aut surgere possent” (Denzinger, *Enchiridion*, etc. 182).

[714] “Hunc proposuit Deus placitiatorem *для верующих* в сангвиническом ипсиусе о грешных ноздрях” (Дензингер, *Энхиридиони* др., стр. 183).

[715] “Ita nisi in Christo renascerentur, nunquam justificarentur, cum ea renascentia per meritum passionis ejus gratia, qua justī fiunt, illis tribuatur; pro hoc beneficio Apostolus gratias nos semper agere hortatur Patri, qui dignos nos fecit in partem sortis sanctorum in lumine, et eripuit de potestate tenebrarum, transtulitque in regnum Filii dilectionis suæ, in quo habemus redemptionem et remissionem peccatorum” (*ibid.* 183).

[716] “Перевод с английского статуса на русский язык ... in statum gratiæ et adoptionis filiorum Dei per ... Jesum Christum, salvatorem nostrum; quæ quidem translatio post Evangelium promulgatum sine lavacro regenerationis, aut ejus voto, fieri non potest” (*ibid.* p. 183).

[717] “Ut, qui per peccata a Deo aversi erant, per ejus excitantem atque adjuvantem gratiam ad convertendum se ad suam ipsorum justificationem eidem gratiæ libere assentiendo et co-operando, disponantur ...”

[718] Ср. i. 222 f.

[719] Он причислил кардинала Поула к еретикам; Виттория Колонна попала под подозрение, потому что она была “духовной и ученицей кардинала Поли, херетики”; а монахини Святой Екатерины в Витербо были отмечены как “подозреваемые” из-за их близости с Витторией (*Carteggio di Vittoria Colonna*, стр. 433 и далее; Турин, 1889).

[720] “Символ веры в святую Римскую вселенскую церковь”.

[721] “По милости Божьей и предусмотрительной заботе *Его собственного наместника на земле*”. Заседание vi. о реформе, глава 1.

[722] Сессия xxv. реформы, с. 2.

[723] “Мы апостольской властью запрещаем всем людям ... что они осмеливаются без нашего разрешения публиковать в какой бы то ни было форме какие-либо комментарии, глоссы, аннотации, схолии или какие бы то ни было толкования, касающиеся постановлений указанного Собора; или разрешать что-либо в связи с этим под каким бы то ни было предлогом.... Но если кому - либо покажется, что что - либо в нем было выражено и предписано неясно ... и если он нуждается в толковании или решении, пусть поднимется на место, избранное Господом, а именно на Апостольский престол, владычицу всех верующих, власть которой также благоговейно признал Священный Синод”.

[724] Льоренте, *Историческая критика инквизиции Испании* (Париж, 1818); Леа, *История инквизиции средневековья* (Лондон, 1888); Ройш, *Сводный словарь Бюхера* (Бонн, 1885); Леа, *Испанская инквизиция* (Лондон, 1906); Саймондс, *Возрождение в Италии, католическая реакция* (Лондон, 1886).

[725] Это можно найти у Гудена, *Дипломатический кодекс*, iv. 469.

[726] “Также желает применить меры пресечения ... на печатников ... которые печатают без разрешения церковного начальства упомянутые книги Священного Писания, а также аннотации и пояснения к ним всех лиц безразлично ... (этот Синод) предписывает и постановляет, что отныне Священное Писание, и особенно вышеупомянутое старое издание и издание вульгаты, должны печататься как можно более правильным образом; и что никому не должно быть законно печатать или допускать к печати *какие бы то ни было книги по священным вопросам* без указания имени автора; ни продавать их в будущем, ни даже хранить их у себя, *если они не будут сначала рассмотрены и одобрены ординарием*; под страхом анафемы и штрафа, налагаемых канонам последнего Латеранского собора ” (Сессия iv.)

[727] Оригинальный указатель папы Павла IV. содержал список не менее чем из шестидесяти одного *печатника* и запрещал чтение *любой книги, напечатанной ими*. Впоследствии он отозвал этот пункт. Но его Указатель содержит длинный список авторов, *все произведения* которых запрещены. It is, with one distinguished exception, a mere list of names; but it contains: “Desiderius Erasmus Roterodamus cum universis commentariis, annotationibus, scholiis, dialogis, epistolis, censuris, versionibus, libris et scriptis suis, etiam si nil penitus contra religionem vel de religione contineant.”

[728] Сессия xviii.— Постановление о выборе книг; Сессия xxv. — Постановление об Указателе книг, Катехизисе, Требнике и Молитвеннике.

[729] Симондс, *Возрождение в Италии: католическая реакция*, i. 301.

Примечания переписчика:

Page	Originally	Changed to
vii	Lemonier	Lemonnier
xii	Freibourg	Freiburg
43	Ausburger	Augsburger
49	Landammann	Landamann
72	Vallingin	Villingen
85	Antoina	Antonia
116 n.	gestes marveilleux	Gestes merveilleux
148	auto-da fés	auto-da-fés
162	cas communs	cas communes
181	d’Hopital	de l’Hôpital
234 n.	Geschiedeniss der Doopgezinden	Geschiedenis der Doopsgezinden
237	Daventer	Deventer
238	Daventer	Deventer
254 n.	Philip	Philippe
254	St. Omer’s	St. Omer

261	[inserted second footnote anchor]	
293	Prag	Prague
312	hopless	hopeless
358	Büchlin	Büchlein
438	Lichtenstein	Liechtenstein
445	St. Galler	St. Gallen
n.		
447	Ostreich-Ungern	Österreich-Ungarn
462	striken	stricken
484	Marrenbrecher	Maurenbrecher
n.		
564	Taschensbuch	Taschenbuch
576	Denzigner	Denzinger
n.		
581	Crescenzio	Crescentio
614	Ausberger	Augsburger
614	Bekantones	Bekentones
617	Chatelet	Châtelet
618	Dilemburg	Dillenburg
n.		
619	Eidgenots	Eidguenots
620	Vallingen	Villingen
624	Meersberg	Meersburg
625	l'Ame	l'âme
626	Gräbunden	Graubünden
628	Heidelburg	Heidelberg
629	Giorlamo	Girolamo
640	Meyer, Johann	Maier, Johann (and moved respecting Index alphabetical order)
631	Willebrock	Willebroek